

ЛЕНИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

32

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА РКП(б)
и II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
СССР

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

Издание четвертое

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1950

В. И. ЛЕНИН

ТОМ

32

Декабрь 1920—август 1921

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тридцать второй том содержит произведения, написанные В. И. Лениным с 30 декабря 1920 года по 14 августа 1921 года.

Эти произведения показывают партийную и государственную деятельность Ленина, его руководство большевистской партией и Советским государством в период перехода от политики военного коммунизма к новой экономической политике.

В томе помещены статьи и речи Ленина: «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого», «Кризис партии», доклад и заключительное слово о роли и задачах профессиональных союзов на II Всероссийском съезде горнорабочих, брошюра «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина», «Речь на IV Всероссийском съезде рабочих швейной промышленности» и другие. В этих произведениях Ленин обосновывает формы и методы работы партии в массах в новых условиях, условиях перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства, определяет роль и задачи профсоюзов в деле социалистического строительства как школы коммунизма. Ведя непримиримую борьбу против «рабочей оппозиции», «демократических централистов» и «левых коммунистов», старавшихся разложить партию, подорвать диктатуру пролетариата и руководящую роль партии в Советах и профсоюзах, Ленин главный удар направляет против троцкистов, как основной силы антипартийных группировок.

Значительную часть тома составляют доклады, речи, проекты резолюций Ленина на X съезде РКП(б). К ним

относятся: отчет и заключительное слово по отчету о политической деятельности ЦК РКП(б), речь о профессиональных союзах, доклад и заключительное слово по докладу о замене разверстки натуральным налогом, «Первоначальный проект резолюции X съезда РКП о единстве партии», «Первоначальный проект резолюции X съезда РКП о синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии», доклад и заключительное слово по докладу об единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне и др. Эти работы характеризуют борьбу Ленина за единство партии, за упрочение союза рабочего класса с крестьянством на новой экономической основе, за укрепление диктатуры пролетариата.

В том входит известная брошюра Ленина «О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия)». В этой брошюре Ленин дал всестороннее обоснование новой экономической политики, как особой политики пролетарского государства, обеспечивающей возможность построения фундамента социалистической экономики, как пути успешного строительства социализма. Этому же вопросу посвящен и ряд других произведений, напечатанных в томе. В числе этих произведений: «Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии», доклад и заключительное слово по докладу о продовольственном налоге на X Всероссийской конференции РКП(б), речи, записанные на грампластинках, и др.

Большое место в томе занимают работы, показывающие руководство Ленина делом планирования и организации народного хозяйства страны. К ним относятся: «Об едином хозяйственном плане», проект наказа Совета Труда и Оборона местным советским учреждениям, «Речь об экономических органах на местах на заседании ВЦИК», «Речь на III Всероссийском продовольственном совещании» и др.

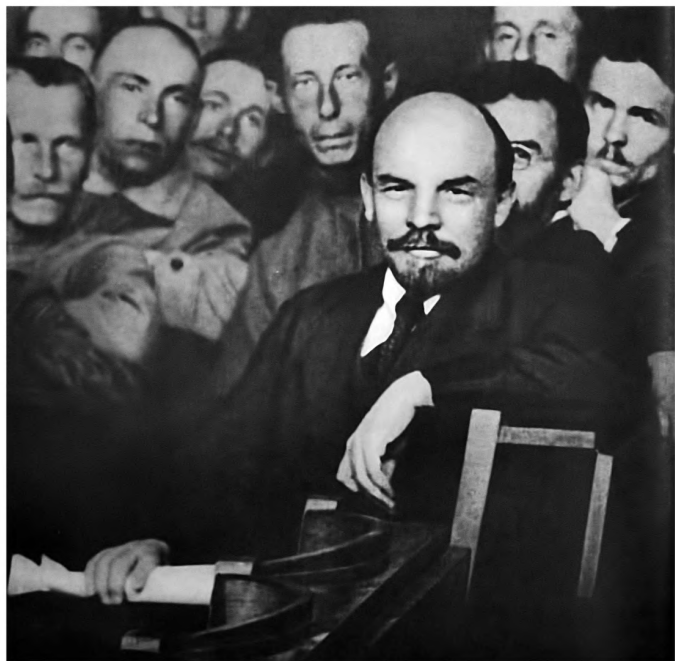
Ряд речей и документов, вошедших в том, раскрывают деятельность Ленина по укреплению государственного аппарата, по обучению и привлечению широких масс трудящихся к управлению государством. К числу этих документов относятся: «Директивы ЦК коммунистам — работникам Наркомпроса», «О работе Наркомпроса», «Речь на

Московской широкой конференции металлистов», «Речь на заседании пленума Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов», «Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих», «Общегородскому совещанию петроградских беспартийных рабочих» и др.

В том входят тезисы, доклады и речи Ленина на III конгрессе Коммунистического Интернационала: тезисы доклада о тактике РКП на III конгрессе Коммунистического Интернационала, речь по итальянскому вопросу, речь в защиту тактики Коммунистического Интернационала, доклад о тактике РКП(б). В этих документах Ленин определяет задачи коммунистических партий и методы их работы по завоеванию трудящихся масс.

В том включены 9 новых документов, не входивших ранее в Сочинения В. И. Ленина: «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян», «Первоначальный проект резолюции об улучшении положения рабочих и нуждающихся крестьян», речь и предложение по топливному вопросу на X съезде РКП(б), доклад о концессиях на заседании коммунистической фракции ВЦСПС, «Записка И. В. Сталину и другим членам Политбюро», «Завкому и всем рабочим 1-го Государственного автомобильного завода». Впервые полностью публикуется «Проект резолюции по вопросам новой экономической политики». Все эти произведения посвящены вопросам восстановления и развития народного хозяйства страны и улучшения положения широких трудящихся масс.

Впервые публикуется в Сочинениях постановление Совета Народных Комиссаров «Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И. П. Павлова и его сотрудников». Это постановление показывает заботу Коммунистической партии и Советского правительства о развитии советской передовой науки.

О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗАХ, О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ И ОБ ОШИБКАХ ТРОЦКОГО¹

РЕЧЬ НА СОЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ДЕЛЕГАТОВ VIII СЪЕЗДА СОВЕТОВ,
ЧЛЕНОВ ВЦСПС и МГСПС — ЧЛЕНОВ РКП(б)
30 ДЕКАБРЯ 1920 г.

Товарищи, я должен, прежде всего, извиниться, что я нарушаю порядок, ибо для участия в прениях, конечно, следовало слушать доклад, содоклад и прения. К сожалению, я чувствую себя настолько нездоровым, что не в состоянии выполнить этого. Но я имел возможность вчера прочитать основные печатные документы и приготовить свои замечания. Естественно, что нарушение порядка, о котором я говорил, влечет за собой для вас неудобства: я буду, возможно, повторяться, не зная того, что говорили другие, не отвечая на то, на что следовало бы отвечать. Но иначе я поступить не мог.

Основным моим материалом является брошюра т. Троцкого «О роли и задачах профсоюзов». Сличая эту брошюру с теми тезисами, которые были им предложены в Центральном Комитете, вчитываясь в нее, я удивляюсь, какое количество теоретических ошибок и вопиющих неправильностей сконцентрировано в ней. Как можно было, переходя к большой партийной дискуссии по этому вопросу, вместо того, чтобы дать вещь наиболее обдуманную, изготовить вещь столь неудачную? Я намечу вкратце те основные пункты, в которых, по-моему, коренные теоретические неверности содержатся.

Профсоюзы являются не только исторически необходимыми, но исторически неизбежной организацией индустриального пролетариата, охватывающей его, при условиях диктатуры пролетариата, почти поголовно. Это самое основное соображение, а его постоянно забывает, из него не исходит, его не оценивает т. Троцкий. Ведь поставленная им тема: «Роль и задачи профсоюзов», необъятно широкая тема.

Из сказанного уже вытекает, что во всем осуществлении диктатуры пролетариата роль профсоюзов крайне существенна. Но какова эта роль? Переходя к обсуждению этого вопроса, одного из наиболее основных теоретических вопросов, я прихожу к выводу, что мы имеем тут роль чрезвычайно своеобразную. С одной стороны, поголовно охватывая, включая в ряды организации индустриальных рабочих, профсоюзы являются организацией правящего, господствующего, правительствующего класса, того класса, который осуществляет диктатуру, того класса, который осуществляет государственное принуждение. Но это не есть организация государственная, это не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничания, школа коммунизма. Это совсем необычного типа школа, ибо мы имеем дело не с преподавателями и учениками, а мы имеем дело с некоторым чрезвычайно своеобразным сочетанием того, что осталось от капитализма и что не могло не остаться, и того, что выдвигают из своей среды революционно-передовые отряды, так сказать, революционный авангард пролетариата. И вот, говорить о роли профсоюзов, не учитывая этих истин, значит неизбежно придти к ряду неправомерностей.

Профсоюзы, по месту их в системе диктатуры пролетариата, стоят, если можно так выразиться, между партией и государственной властью. При переходе к социализму неизбежна диктатура пролетариата, но поголовной организацией промышленных рабочих не осуществляется эта диктатура. Почему? Мы можем об этом прочесть в тезисах II конгресса Коминтерна о роли политической партии вообще. Здесь я не буду на этом останавливаться. Получается такая вещь, что партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата. И, не имея такого фундамента, как профсоюзы, нельзя осуществлять диктатуру, нельзя выполнять государственные функции. Осуществлять же их приходится через ряд особых учреждений опять-таки нового какого-то типа, именно: через советский аппарат. В чем своеобразность этого положения в отношении практических выводов? В том, что профсоюзы создают *связь* авангарда с массами, профсоюзы повседневной работой

убеждают массы, массы того класса, который один только в состоянии перевести нас от капитализма к коммунизму. Это с одной стороны. С другой стороны, профсоюзы — «резервуар» государственной власти. Вот что такое профсоюзы в период переходный от капитализма к коммунизму. Вообще нельзя осуществить этот переход, не имея главенства того класса, который один только воспитан капитализмом для крупного производства и один только оторван от интересов мелкого собственника. Но диктатуру пролетариата через его поголовную организацию осуществить нельзя. Ибо не только у нас, в одной из самых отсталых капиталистических стран, но и во всех других капиталистических странах пролетариат все еще так раздроблен, так припущен, так подкуплен кое-где (именно империализмом в отдельных странах), что поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить непосредственно не может. Диктатуру может осуществлять только тот авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса. Таким образом получается как бы ряд зубчатых колес. И таков механизм самой основы диктатуры пролетариата, самой сущности перехода от капитализма к коммунизму. Уже отсюда видно, что когда в первом тезисе т. Троцкий говорит, указывая на «идейную сумятицу», о кризисе специально и именно профсоюзов, то тут в основном есть нечто принципиально неверное. Если говорить о кризисе, то можно говорить о нем лишь после анализа политического момента. «Идейная сумятица» получается именно у Троцкого, потому что он как раз в основном вопросе о роли профсоюзов, с точки зрения переходной от капитализма к коммунизму, упустил из виду, не учел того, что здесь имеется сложная система нескольких зубчатых колес и не может быть простой системы, ибо нельзя осуществлять диктатуры пролетариата через поголовно организованный пролетариат. Нельзя осуществлять диктатуры без нескольких «приводов» от авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся. В России эта масса крестьянская, в других странах такой массы нет, но даже в самых передовых странах есть масса непролетарская или не чисто пролетарская. Уже отсюда идейная путаница действительно выходит. Троцкий только напрасно в ней обвиняет других.

Когда я беру вопрос о производственной роли профсоюзов, я вижу ту коренную неправильность у Троцкого, что он все время говорит об этом «в принципе», об «общем принципе». У него во всех тезисах речь идет с точки зрения «общего принципа». Постановка уже в этом коренным образом неправильна. Не говорю уже о том, что IX съезд партии о производственной роли профсоюзов говорил достаточно и предостаточно². Не говорю о том, что сам Троцкий цитирует в своих собственных тезисах вполне ясные заявления Лозовского и Томского, которые должны у него фигурировать, как говорят по-немецки, как «мальчик для битья», или как предмет, на котором можно упражнять свою полемику. Принципиальных разногласий не оказывается, и неудачно выбраны для этого Томский и Лозовский, которые написали вещи, цитируемые самим Троцким. Ничего серьезного в области принципиальных разногласий тут мы не найдем, как бы усердно их ни искали. Вообще гигантская ошибка, принципиальная ошибка, состоит в том, что т. Троцкий тащит партию и Советскую власть назад, ставя «принципиально» вопрос теперь. Мы перешли, слава богу, от принципов к практической, деловой работе. В Смольном мы калякали о принципах и, несомненно, больше, чем следовало. Теперь, после трех лет, по всем пунктам производственного вопроса, по целому ряду составных элементов этого вопроса есть декреты, — такая печальная штука эти декреты, — которые подписываются, а потом нами самими забываются и нами самими не исполняются. А потом выдумываются рассуждения о принципах, выдумываются принципиальные разногласия. Я приведу потом указания на декрет, который относится к вопросу о производственной роли профсоюзов³, декрет, который все забыли, в том числе и я, в чем должен покаяться.

Действительные расхождения, которые имеются, касаются вовсе не вопросов об общих принципах, если не считать те, которые я перечислил. Перечисленные же мной мои «разногласия» с т. Троцким я должен был указать, ибо, взяв широкую тему: «Роль и задачи профсоюзов», т. Троцкий, по моему убеждению, впал в ряд ошибок, связанных с самой сутью вопроса о диктатуре пролетариата. Но если это оставить в стороне, то спрашивается, из-за чего же действительно у нас дружная работа не полу-

чается, которая нам так нужна? Из-за расхождения по вопросу о методах *подхода* к массе, овладения массой, *связи* с массой. В этом вся суть. И в этом как раз своеобразие профсоюзов, как учреждения, при капитализме созданного, при переходе от капитализма к коммунизму неизбежного, в дальнейшем будущем стоящего под знаком вопроса. Это — далекое будущее, когда профсоюзы встанут под знак вопроса; внуки наши о нем поговорят. А сейчас дело в том, как к массе подойти, овладеть ею, с нею связаться, как сложные приводы работы (работы по осуществлению диктатуры пролетариата) наладить. Заметьте, когда я говорю о сложных приводах работы, я не имею мысли о советском аппарате. Что там еще будет по части сложности приводов, это — особь статья. Я говорю пока только абстрактно и принципиально об отношении между классами в капиталистическом обществе; там есть пролетариат, есть непролетарские трудящиеся массы, есть мелкая буржуазия и есть буржуазия. С этой уже точки зрения, хотя бы даже не было бюрократам в аппарате Советской власти, уже получается чрезвычайная сложность приводов в силу того, что создано капитализмом. И об этом прежде всего думать надо, если ставить вопрос о том, в чем трудность «задачи» профсоюзов. Действительное расхождение, повторяю, совсем не в том, в чем видит его т. Троцкий, а в вопросе о том, как овладеть массой, в вопросе о подходе к ней, о связи с ней. Я должен сказать, что если бы мы нашу собственную практику, наш опыт, хотя бы в маленьких размерах, изучали детально, подробно, то мы сотни лишних «разногласий» и принципиальных ошибок, которыми эта брошюра т. Троцкого полна, избежали бы. Например, целые тезисы в этой брошюре посвящены полемике с «советским тред-юнионизмом». Не было печали, изобрели новое пугало! И кто же это? Тов. Рязанов. Я т. Рязанова знаю лет двадцать с хвостиком. Вы его знаете меньше моего сроком, но не меньше делом. Вы прекрасно знаете, что к его сильным сторонам, которые у него есть, не принадлежит оценка лозунгов. И мы будем в тезисах изображать, как «советский тред-юнионизм», то, что иногда сказал не совсем впад т. Рязанов! Ну, неужели это серьезно? Если так, тогда у нас будет «советский тред-юнионизм», «советское антизаключение мира» и я не знаю, что еще. Нет ни одного пункта,

по которому нельзя сочинить советского «изма». (Рязанов: «советский антибрестизм».) Да, совершенно верно; «советский антибрестизм».

А между тем, совершая эту несерьезность, т. Троцкий тут же делает со своей стороны ошибку. У него выходит, что защита материальных и духовных интересов рабочего класса не есть роль профсоюзов в рабочем государстве. Это ошибка. Тов. Троцкий говорит о «рабочем государстве». Позвольте, это абстракция. Когда мы в 1917 году писали о рабочем государстве, то было понятно; но теперь, когда нам говорят: «Зачем защищать, от кого защищать рабочий класс, так как буржуазии нет, так как государство рабочее», то тут делают явную ошибку. Не совсем рабочее, в том-то и штука. Тут и заключается одна из основных ошибок т. Троцкого. Сейчас мы от общих принципов перешли к деловому обсуждению и к декретам, а нас от приступа к практическому и деловому тянут назад. Так нельзя. У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское — это во-первых. А из этого очень многое вытекает (Бухарин: Какое? Рабоче-крестьянское?). И хотя т. Бухарин сзади кричит: «Какое? Рабоче-крестьянское?», но на это я отвечать ему не стану. А кто желает, пусть припомнит только что закончившийся съезд Советов⁴, и в этом уже будет ответ.

Но мало этого. Из нашей партийной программы видно — документ, который автору «Азбуки коммунизма» известен очень хорошо — из этой уже программы видно, что государство у нас рабочее с бюрократическим извращением. И мы этот печальный, — как бы это сказать? — ярлык, что ли, должны были на него навесить. Вот вам реальность перехода. Что же, при такого рода практически сложившемся государстве профсоюзам нечего защищать, можно обойтись без них для защиты материальных и духовных интересов пролетариата, поголовно организованного? — Это совершенно неверное теоретически рассуждение. Это переносит нас в область абстракции или идеала, которого мы через 15—20 лет достигнем, но я и в этом не уверен, что достигнем в такой именно срок. Перед нами же действительность, которую мы хорошо знаем, если только мы не опьяняем себя, не увлекаемся интеллигентскими разговорами, или абстрактными рассуждениями, или тем, что иногда кажется «теорией», а на деле является ошиб-

кой, неверным учетом особенностей перехода. Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства. И та и другая защита осуществляется через своеобразное сплетение наших государственных мер и нашего соглашения, «сращивания» с нашими профсоюзами.

Я об этом сращивании должен буду еще говорить. Но одно уже это слово показывает, что здесь сочинить себе врага в лице «советского тред-юнионизма» значит сделать ошибку. Ибо понятие «сращивание» означает, что есть налицо *разные* вещи, которые *надо* еще сращивать; в понятие «сращивания» входит то, что надо уметь использовать мероприятия государственной власти для защиты материальных и духовных интересов поголовно объединенного пролетариата *от* этой государственной власти. А когда мы вместо сращивания получим *сращение* и *слияние*, тогда мы соберемся на съезд, на котором будет деловое обсуждение практического опыта, а не принципиальных «разногласий» или абстрактно-теоретических рассуждений. Попытка найти принципиальные разногласия с т. Томским и т. Лозовским, которые фигурируют у т. Троцкого, как профессионалистские «бюрократы» — о том, на чьей стороне в этом споре есть бюрократические тенденции, я буду говорить дальше, — тоже неудачна. Мы прекрасно знаем, что если у т. Рязанова бывает иногда маленькая слабость сочинять непременно лозунг и почти что принципиальный, то т. Томский ко многим своим грехам этого греха не прибавляет. Поэтому, мне кажется, тут с т. Томским открыть принципиальный бой (как делает т. Троцкий) — это выше всякой меры. Этому я прямо-таки удивляюсь. Было время, когда мы по части разногласий фракционных, теоретических и всяких иных все много грешили, — по кое-что, конечно, и полезного сделали — и как будто бы мы с тех пор выросли. И пора перейти от выдумывания и преувеличивания принципиальных разногласий к деловой работе. Я никогда не слышал, чтобы в Томском преобладал теоретик, чтобы Томский претендовал на звание теоретика; может быть, это его недостаток, это другой вопрос. Но, что Томский, сработавшийся с профессиональным

движением, должен отражать, сознательно или бессознательно — это другой вопрос, я не говорю, что он делает это всегда сознательно, — что он в своем положении должен отражать этот сложный переход, и если у массы что-то болит и она сама не знает, что болит, и он не знает, что болит (а плодисменты, смех), если он при этом вопит, то я утверждаю, что это заслуга, а не недостаток. Я совершенно уверен, что частичных теоретических ошибок у Томского найдется много. И мы все, если сядем за стол и будем обдуманно писать резолюцию или тезисы, мы все поправим, а может быть и поправлять не станем, ибо производственная работа интереснее, чем исправление мельчайших теоретических разногласий.

Теперь я перехожу к «производственной демократии»; это, так сказать, для Бухарина. Мы прекрасно знаем, что у каждого человека бывают маленькие слабости, и у большого человека бывают маленькие слабости, в том числе и у Бухарина. Если словечко с выкрутасом, то тут он уже не может не быть за. О производственной демократии он на пленуме Центрального Комитета 7 декабря писал резолюцию почти что со сладострастием. И, чем больше я в эту «производственную демократию» вдумываюсь, тем яснее я вижу теоретическую фальшь, вижу непродуманность. Ничего кроме наши тут нет. И на этом примере еще раз, по крайней мере в партийном собрании, надо сказать: «Тов. Н. И. Бухарин, поменьше словесных выкрутасов, — польза будет для вас, для теории, для республики». (А плодисменты.) Производство нужно всегда. Демократия есть одна из категорий области только политической. Против того, чтобы употребить это слово в речи, статье, возразить нельзя. Статья берет и ярко выражает одно соотношение, и довольно. Но, когда вы превращаете это в тезис, когда из этого хотите делать лозунг, объединяющий «согласных» и несогласных, когда говорится, как у Троцкого, что партии надо будет «выбирать между двумя тенденциями», это совсем звучит странно. Я особо буду говорить о том, надо ли будет партии «выбирать», и чья вина, что поставили партию в положение, когда надо «выбирать». Поскольку уже это так вышло, постольку мы должны сказать: «Во всяком случае выберите поменьше таких теоретически неверных, ничего в себе кроме путаницы не заключающих лозунгов, как

«производственная демократия». И Троцкий и Бухарин ясно теоретически оба не продумали этого термина и запутались. «Производственная демократия» наводит на мысли, которые вовсе не стоят в кругу тех идей, которые их увлекли. Им хотелось подчеркнуть, больше внимания сосредоточить на производстве. Подчеркивать в статье, в речи, это одно, но когда превращают в тезисы и когда партия должна выбирать, я говорю: выбирайте против этого, ибо это путаница. Производство нужно всегда, демократия не всегда. Производственная демократия порождает ряд мыслей, в корне фальшивых. Сапог не износили, когда единоличие проповедывали. Нельзя вносить кашу, создавая опасность, что люди запутаются: когда демократия, когда единоличие, когда диктатура. Ни в коем случае не надо отречься и от диктатуры, — я слышу, что сзади Бухарин рычит: «Совершенно верно». (Смех. Аплодисменты.)

Дальше. С сентября говорим мы о переходе от ударности к уравнительности, говорим это в резолюции общепартийной конференции, утвержденной Центральным Комитетом⁵. Вопрос трудный. Ибо так или иначе сочетать приходится уравнительность и ударность, а эти понятия исключают друг друга. Но мы все-таки марксизму немножко учились, учились как и когда можно и должно соединять противоположности, а главное: в нашей революции за три с половиной года мы практически неоднократно соединяли противоположности.

Очевидно, что надо подходить к вопросу очень осторожно и обдуманно. Мы ведь еще на этих печальных пленумах ЦК*, на которых получились семерки и восьмерки и знаменитая «буферная группа» т. Бухарина⁷, мы там об этих принципиальных вопросах говорили и там уже установили, что от ударности к уравнительности переход нелегкий. И вот, чтобы исполнить это постановление сентябрьской конференции, мы должны немного поработать. Ведь можно сочетать эти противоположные понятия так, что получится какофония, а можно и так, что получится симфония. Ударность это есть предпочтение одного

* Имеются в виду ноябрьские и декабрьские пленумы ЦК 1920 г. См. тексты принятых ими резолюций в «Правде» № 255 от 13 — XI — 1920 г. и № 281 от 14 — XII — 1920 г., а равно изложение в «Известиях ЦК РКП»⁶ № 26 от 20 — XII — 1920 г.

производства из всех необходимых производств во имя его наибольшей насущности. В чем же предпочтение? Насколько велико может быть предпочтение? Это трудный вопрос, и я должен сказать, что для решения его одной исполнительности мало, тут мало и человека героического, у которого, быть может, много прекрасных качеств, но который хорош на своем месте; тут надо уметь подойти к очень своеобразному вопросу. И вот, если ставить вопрос об ударности и уравнительности, то надо первым делом вдумчиво к нему отнестись, а этого как раз и не заметно в работе т. Троцкого; чем дольше он свои первоначальные тезисы переделывает, тем больше у него неверных положений. Вот что мы читаем в его последних тезисах:

...«В области *потребления*, т. е. условий личного существования трудящихся, необходимо вести линию уравнительности. В области *производства* принцип ударности еще надолго останется для нас решающим»... (тезис 41, стр. 31 в брошюре Троцкого).

Это совершенная путаница теоретически. Это совершенно неверно. Ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления ничто. Если меня так будут предпочитать, что я буду получать восьмушку хлеба, то благодарю покорно за такое предпочтение. Предпочтение в ударности есть предпочтение и в потреблении. Без этого ударность — мечтание, облачко, а мы, все-таки, материалисты. И рабочие — материалисты; если говоришь ударность, тогда дай п хлеба, и одежды, и мяса. Только так мы понимали и понимаем, когда сотни раз обсуждали эти вопросы, по конкретным поводам, в Совете Обороны^а, когда один тянет себе сапоги, говорит: «У меня ударность», а другой говорит: «Мне сапоги, иначе не выдержат твои ударные рабочие и твоя ударность пропадет».

И мы получаем, что в отношении уравнительности и ударности в тезисах вопрос в корне ставится неверно. А кроме того, получается отход назад от того, что практически проверено и завоевано. Так нельзя, и ничего доброго на таком пути быть не может.

Дальше: вопрос о «срачивании». Самое правильное было бы в настоящее время относительно «срачивания» помолчать. Слово серебро, а молчание золото. Почему? Потому, что срачиванием мы занялись уже практически; у нас нет ни одного крупного губсовнархоза, крупного отдела ВСНХ и Наркомпути и т. д., где бы не было *прак-*

тически сращивания. Но вполне ли хороши результаты? Вот тут-то и заковыка. Изучи *практический опыт* того, как произведено сращивание, и что этим достигнуто. Декретов, которыми в том или другом учреждении введено сращивание, так много, что их не перечесть. А *практически* изучить, что из этого вышло, что дало вот такое-то сращивание такой-то отрасли промышленности, когда такой-то член губпрофсоюза занимал такую-то должность в губсовнархозе, к чему это привело, сколько месяцев он осуществлял это сращивание и т. д., — *деловито* изучить наш собственный *практический опыт* мы еще не сумели. Мы сумели сочинить принципиальное разногласие о сращивании и при этом сделать ошибку, на это мы мастера, а изучить наш собственный опыт и проверить его — на это нас нет. И когда у нас будут съезды Советов, на которых кроме секций об изучении сельскохозяйственных районов с точки зрения того или иного применения закона об улучшении земледелия, будут секции по изучению сращивания, по изучению итогов сращивания в мукомольной промышленности Саратовской губ., в металлической — Петрограда, в угольной промышленности — Донбасса и т. д., когда эти секции, собравши кучу материалов, заявят: «Мы изучили то-то и то-то», тогда я скажу: «Да, мы стали делом заниматься, мы из детского возраста выросли!». А если после того, как мы три года употребили на сращивание, нам преподносят «тезисы», в которых сочиняют принципиальные разногласия о сращивании, то что может быть печальнее и ошибочнее этого? Мы на путь сращивания вступили, и я не сомневаюсь, что вступили правильно, но еще не изучили, как следует, итогов нашего опыта. Поэтому единственная умная тактика по вопросу о сращивании — это: помолчи.

Нужно изучить *практический опыт*. Я подписывал декреты и постановления, в которых содержатся указания на сращивания *практические*, а практика в сто раз важнее всякой теории. Поэтому, когда говорят: «Давайте поговорим о «сращивании»», я отвечаю: «Давайте изучим то, что мы сделали». Что мы сделали много ошибок, в этом нет сомнения. Точно так же может быть, что большая часть наших декретов подлежит изменению. Я о этом согласен, и ни малейшей влюбленности в декреты у меня не существует. Но тогда дайте *практические предложения*:

переделать то-то и то-то. Вот это будет деловая постановка. Вот это не будет непроизводительная работа. Вот это не приведет к бюрократическому прожектерству. Когда я беру в брошюре Троцкого отдел VI: «Практические выводы», то как раз этим грехом практические выводы и грешат. Ибо там говорится, что в состав ВЦСПС и президиума ВСНХ должно входить от одной трети до половины общих обоим учреждениям членов, а в коллегии от половины до двух третей и т. д. Почему? Просто так себе, «наглаз». Конечно, в наших декретах неоднократно подобные соотношения устанавливаются именно «наглаз», но почему в декретах это неизбежно? Я не защитник всех декретов и не хочу изображать декреты лучшими, чем они есть на самом деле. Там сплошь да рядом такие условные величины, как половина, одна треть общих членов и т. п., взяты наглаз. Когда декрет говорит такую вещь, это значит: вы попробуйте так сделать, а мы потом взвесим итог вашего «пробования». Мы потом разберем, что именно вышло. Когда мы разберем, мы будем двигаться вперед. Срачивание мы делаем и будем все лучше делать, ибо мы становимся все практичнее и деловитее.

Но я, кажется, начал заниматься «производственной пропагандой»? Ничего не поделаешь! При разговорах о производственной роли профессиональных союзов необходимо этого вопроса коснуться.

И я перехожу к этому вопросу о производственной пропаганде. Опять-таки это — деловой вопрос, и его мы ставим деловым образом. Есть государственные учреждения для ведения производственной пропаганды, которые уже созданы⁹. Плохи они или хороши, я не знаю; надо их испытывать; и вовсе не требуется писать об этом вопросе «тезисы».

Если говорить в целом о производственной роли профсоюзов, то по вопросу о демократии ничего, кроме обычного демократизма, не надо. Ухищрения вроде «производственной демократии» неверны и из них ничего не выйдет. Это — первое. Второе — производственная пропаганда. Учреждения уже созданы. Тезисы Троцкого говорят о производственной пропаганде. Напрасно, потому что «тезисы» тут уже устаревшая вещь. Хорошо или плохо учреждение, пока не знаем. Испытаем на деле, тогда и скажем. Давайте изучать и опрашивать. Положим, устраиваются на съезде 10 секций по десяти человек: «Ты занимался производ-

ственной пропагандой? Как и что вышло?». Изучив это, наградим того, кто особенно преуспел, отбросим неудачный опыт. У нас есть уже практический опыт, слабый, маленький, но есть, и от него нас тащат назад, к «принципиальным тезисам». Это скорее есть «реакционное» движение, чем «тред-юнионизм».

Дальше, в-третьих, премии. Вот производственная роль и задача профсоюзов: производство премий *натурой*. Это начато. Дело двинуто. Пятьсот тысяч пудов хлеба на это дано; и сто семьдесят тысяч уже израсходовано. Хорошо ли, правильно ли израсходовано, не знаю. В Совнаркоме было указано: не хорошо раздают, вместо премии получается прибавка к заработной плате; это указывали и профессионалисты и наркомтрудовцы. Мы назначили комиссию изучить дело, но еще не изучили. Сто семьдесят тысяч пудов хлеба дано, но надо давать так, чтобы наградить того, кто проявил героизм, исполнительность, талант и преданность хозяйственника, словом, те качества, которые Троцкий воспеваает. Но дело теперь не в том, чтобы в тезисах воспевать, а в том, чтобы хлеба и мяса дать. Не лучше ли отнять, скажем, мясо у такой-то категории рабочих и дать его в виде премии другим, «ударным» рабочим? От такой ударности мы не отказываемся. Эта ударность нужна. Будем тщательно изучать практический опыт нашего применения ударности.

Затем, в-четвертых, дисциплинарные суды. Производственная роль профсоюзов, «производственная демократия», не во гнев будет сказано т. Бухарину, это сплошные пустяки, если у нас нет дисциплинарных судов. А у вас в тезисах этого нет. Таким образом, и принципиально, и теоретически, и практически один вывод — про тезисы Троцкого и позицию Бухарина: унеси ты мое горе!

И я еще более к этому выводу прихожу, когда говорю себе: вы ставите вопрос не по-марксистски. Мало того, что в тезисах ряд теоретических ошибок. Подход к оценке «роли и задач профсоюзов» потому не марксистский, что нельзя подходить к столь широкой теме, не вдумавшись в особенности текущего момента с его политической стороны. Ведь недаром же мы с т. Бухариным писали в резолюции IX съезда РКП о профсоюзах, что политика есть самое концентрированное выражение экономики.

Анализируя текущий политический момент, мы могли бы сказать, что переживаем переходный период в переходном периоде. Вся диктатура пролетариата есть переходный период, но теперь мы имеем, так сказать, целую кучу новых переходных периодов. Демобилизация армии, конец войны, возможность гораздо более длительной мирной передышки, чем прежде, более прочного перехода с военного фронта на трудовой фронт. От одного этого, только от этого уже изменяется отношение класса пролетариата к классу крестьянства. Как изменяется? К этому надо внимательно присмотреться, а из ваших тезисов этого не выходит. Пока мы не присмотрелись, до тех пор надо уметь выжидать. Народ переустал, целый ряд запасов, которые надо было употребить на некоторые ударные производства, уже употреблены, отношение пролетариата к крестьянству изменяется. Усталость от войны — колоссальная, потребности увеличились, а производство не увеличилось или недостаточно увеличилось. С другой стороны, я указывал уже в своем докладе на VIII съезде Советов на то обстоятельство, что мы тогда правильно и успешно применяли принуждение, когда умели сначала подвести под него базу убеждения. Я должен сказать, что это важнейшее соображение Троцкий и Бухарин абсолютно не учли.

Подвели ли мы достаточно широкую и солидную базу убеждения под все новые производственные задачи? Нет, мы только едва-едва это начали. Масс мы еще не втянули. А могут ли массы сразу перейти к этим новым заданиям? Не могут, потому что вопрос о том, скажем, надо ли сбросить Врангеля-помещика, надо ли жалеть жертв ради этого, такой вопрос не требует уже особой пропаганды. А вопрос о производственной роли профессиональных союзов, если иметь в виду не «принципиальный» вопрос, не рассуждения о «советском тред-юнионизме» и тому подобные пустяки, если иметь в виду деловую сторону вопроса, то мы только еще вопрос начали разрабатывать, мы учреждение для производственной пропаганды только еще создали; у нас еще нет опыта. Премии натурой мы ввели, но опыта у нас еще нет. Дисциплинарные суды мы создали, но итогов еще не знаем. А с политической точки зрения подготовка именно масс есть самое важное. Подготовлен ли вопрос, изучен ли, обдуман ли, взвешен ли с этой сто-

роны? Далеко нет. И в этом коренная, глубочайшая и опасная политическая ошибка, потому что тут больше, чем в каком угодно вопросе, надо действовать по правилу: «семь раз примерь, один отрежь», а тут принялись резать, ни разу не примерив. Говорят, что «партия должна выбирать между двумя тенденциями», но не примерили еще ни разу, да выдумали фальшивый лозунг «производственной демократии».

Надо понять значение этого лозунга в особенности в такой политической момент, когда бюрократизм предстал массам в наглядном для них виде и когда мы в порядке дня поставили вопрос о нем. Тов. Троцкий говорит в тезисах, что по вопросу о рабочей демократии съезду остается «только единодушно зафиксировать». Это неверно. Недостаточно зафиксировать; зафиксировать, значит закрепить то, что вполне взвешено и измерено, а между тем вопрос о производственной демократии далеко еще не взвешен до конца, не испытан, не проверен. Подумайте, какое истолкование может получиться у масс, когда дают лозунг «производственной демократии».

«Мы, середняки, массовики, говорим, что надо обновить, надо исправить, надо повыгнать бюрократов, а ты зубы заговариваешь, займись-де производством, прояви демократию в успехах производства, но я хочу заняться производством не с таким бюрократическим составом правлений, главков и проч., а с другим». Вы не дали массам поговорить, усвоить, обдумать, вы не дали партии приобрести новый опыт, и уже торопитесь, перебарщиваете, создаете формулы, которые теоретически фальшивы. А во сколько раз еще усилят эту ошибку слишком усердные исполнители? Политический руководитель отвечает не только за то, как он руководит, но и за то, что делают руководимые им. Этого он иногда не знает, этого он часто не хочет, но ответственность ложится на него.

Я перейду теперь к ноябрьскому (9 ноября) и декабрьскому (7 декабря) пленумам Центрального Комитета, которые все эти ошибки выразили уже не как логические расчленения, послышки, теоретические рассуждения, а в действии. Получилась в Центральном Комитете каша и кутерьма; это в первый раз в истории нашей партии во время революции, и это опасно. Гвоздем было то, что получилось раздвоение, получилась «буферная» группа

Бухарина, Преображенского и Серебрякова, которая больше всех навредила и напутала.

Припомним историю Главполитпути¹⁰ и Цектрана¹¹. В резолюции IX съезда РКП в апреле 1920 года говорилось, что создается Главполитпуть, учреждение «временное», причем «в возможно короткий срок» необходимо перейти к нормальному положению¹². В сентябре вы читаете: «Переходи к нормальному положению»*. В ноябре (9 ноября) собирается пленум, и Троцкий приносит свои тезисы, свои рассуждения о тред-юнионизме. Как бы ни были хороши отдельные фразы у него насчет производственной пропаганды, надо было сказать, что все это совершенно не туда, не к делу, это шаг назад, нельзя этим сейчас в ЦК заниматься. Бухарин говорит: «это очень хорошо». Может быть и очень хорошо, но это не ответ на вопрос. После отчаянных дебатов принимается резолюция 10 против 4, в которой говорится в вежливой и товарищеской форме, что Цектран сам «уже поставил на очередь» «усиление и развитие методов пролетарской демократии внутри союза». Говорится, что Цектран должен «принять деятельное участие в общей работе ВЦСПС, входя в его состав на одинаковых с другими союзными объединениями правах»¹⁴.

В чем основная мысль такого решения ЦК? Она ясна: «Товарищи из Цектрана! выполняйте не формально только, а по существу, решения съезда и ЦК, чтобы своей работой помогать всем союзам, чтобы не было ни следа бюрократизма, предпочтения, чванства, будто мы-де лучше вас, богаче вас, больше получаем помощи».

После этого мы переходим к деловой работе. Создается комиссия, состав ее напечатан. Из комиссии Троцкий уходит, срывает ее, не желает работать. Почему? Мотив один. У Лутовинова бывает игра в оппозицию. Правда, у Осинского тоже. Это неприятная игра, по совести скажу. Но разве это довод? Осинский семенную кампанию вел великолепно. С ним работать надо было, несмотря на его «оппозиционную кампанию», и такой прием, как срыв

* См. «Известия ЦК РКП». № 26, стр. 2, резолюция сентябрьского пленума ЦК, п. 3: «ЦК полагает далее, что тяжелое положение транспортных союзов, вызвавшее к жизни Главполитпуть и Политвод¹³, временные рычаги для поддержки и налаживания работы, в настоящее время значительно улучшилось. Поэтому теперь можно и должно начать работу по выключению этих организаций в союз в качестве союзных органов, приспособляющихся и растворяющихся в союзном аппарате».

комиссии, является бюрократическим, несоветским, несоциалистическим, неправильным, политически вредным. В момент, когда надо отделить здоровое от нездорового в «оппозиции», такой прием втройне неправилен и политически вреден. Когда Осипский ведет «оппозиционную кампанию», — я говорю ему: «кампания вредная», а когда он ведет семенную кампанию, пальчики оближешь. Что Лутовинов делает ошибку в своей «оппозиционной кампании», я никогда отрицать не стану, как и Ищенко и Шляпников, но из-за этого срывать комиссию нельзя.

Между тем, что означала эта комиссия? Она означала переход от интеллигентских разговоров о пустых разногласиях к деловой работе. О производственной пропаганде, о премиях, о дисциплинарных судах, — вот о чем надо было говорить и над чем комиссии надо было работать. Тут т. Бухарин, глава «буферной группы», с Преображенским и Серебряковым, видя опасное раздвоение в ЦК, принялся создавать буфер, такой буфер, что я затрудняюсь подыскать парламентское выражение для описания этого буфера. Если бы я умел рисовать карикатуры так, как умеет рисовать т. Бухарин, то я бы т. Бухарина нарисовал таким образом: человек с ведром керосина, который подливает этот керосин в огонь, и подписал бы: «буферный керосин». Т. Бухарин хотел что-то создать; нет сомнения, что у него желание было самое искреннее и «буферное». Но буфера не вышло, а вышло то, что он не учел политического момента и, кроме этого, делал теоретические ошибки.

Надо ли было выносить все такие споры на широкую дискуссию? Заниматься этим безделием? Занимать нужные для нас недели перед партийным съездом? В это время мы могли бы разработать и изучить вопрос о премиях, о дисциплинарных судах, о сращивании. Вот эти вопросы мы разрешали бы деловито в ценкистской комиссии. Если т. Бухарин хотел создать буфер и не хотел оказаться в положении человека, про которого говорится: «шел в комнату, попал в другую», то ему надо было бы сказать и настоять, чтобы т. Троцкий остался в комиссии. Вот если бы он это сказал и сделал, тогда мы вышли бы на деловой путь. тогда бы мы в этой комиссии разобрались бы, каково на деле единоличие, какова демократия, каковы назначенцы и т. д.

Дальше. В декабре месяце (пленум 7 декабря) надлежало был уже взрыв с водниками, который привел к усилению

конфликта, и в результате в Центральном Комитете собралось уже 8 голосов против наших 7. Т. Бухарин второпях написал «теоретическую» часть резолюции декабрьского пленума, стараясь «примирить» и пустить в ход «буфер», но, разумеется, после срыва комиссии ничего выйти из этого не могло.

Надо помнить, что политический руководитель отвечает не только за свою политику, но и за то, что делают руководимые им.

В чем же была ошибка Главполитпутя и Цектрама? Во все не в том, что они применяли принуждение. В этом, напротив, была их заслуга. Их ошибка была в том, что они не сумели во-время и без конфликтов перейти, согласно требованию IX съезда РКП, к нормальной союзной работе, не сумели приспособиться как следовало к профсоюзам, не сумели помочь им, встав в равноправное отношение к ним. Есть ценный военный опыт: героизм, исполнительность и проч. Есть худое в опыте худших элементов из военных: бюрократизм, чванство. Тезисы Троцкого, вопреки его сознанию и воле, оказались поддерживающими не лучшее, а худшее в военном опыте. Надо помнить, что политический руководитель отвечает не только за свою политику, но и за то, что делают руководимые им.

Последнее, что я хотел вам сказать и за что я вчера должен был себя обругать дураком, это то, что я проглядел тезисы т. Рудзутака. Рудзутак имеет тот недостаток, что не умеет говорить громко, внушительно, красиво. Не заметишь, пропустишь мимо. Вчера, не имея возможности посетить собрания, я просматривал свои материалы и нашел в них печатный листок, изданный к V Всероссийской конференции профсоюзов, состоявшейся 2-го — 6-го ноября 1920 года¹⁵. Этот листок озаглавлен: «Производственные задачи профсоюзов». Я вам прочту весь этот листок, он невелик:

К V ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПРОФСОЮЗОВ

Производственные задачи профсоюзов (тезисы доклада т. Рудзутака)

1. Непосредственно после Октябрьской революции профессиональные союзы оказались почти единственными органами, которые наряду с проведением рабочего контроля могли и должны были взять на себя работу по организации и управлению производством. Государственный аппарат управления народным хозяйством в пер-

вый период существования Советской власти не был еще налажен, а саботаж владельцев предприятий и высшего технического персонала остро ставил перед рабочим классом задачи сохранения промышленности и восстановления нормального функционирования всего хозяйственного аппарата страны.

2. В последующий период работы ВСНХ, когда значительная часть этой работы свелась к ликвидации частных предприятий и к организации государственного управления ими, *профессиональные союзы вели эту работу наряду и совместно с государственными органами* экономического управления.

Слабость государственных органов не только объясняла, но и оправдывала подобный *параллелизм*; исторически он был оправдан фактом установления полного контакта между профсоюзами и органами экономического управления.

3. Управление государственных экономических органов, постепенное овладение ими аппаратом производства и управления, согласования отдельных частей этого аппарата, — все это *перенесло центр тяжести работы по управлению промышленностью* и выработки производственной программы в эти органы. В связи с этим, работа профсоюзов в области организации производства свелась к *участию в формировании коллегий главков, центров и заводоуправлений*.

4. В настоящий момент мы снова подошли вплотную к вопросу об установлении теснейшей связи между хозяйственными органами Советской республики и профсоюзами, когда необходимо во что бы то ни стало целесообразно использовать каждую трудовую единицу, вовлечь в сознательное участие в процессе производства всю массу производителей в целом; когда государственный аппарат экономического управления, постепенно возрастая и усложняясь, превратился в несоразмерную, громадную по сравнению с самым производством бюрократическую машину, неизбежно толкает профсоюзы к непосредственному участию в организации производства не только персональным представительством в экономических органах, но как организацию в целом.

5. Если ВСНХ подходит к установлению общей производственной программы, исходя из *наличия материальных элементов производства* (сырья, топлива, состояния машин и т. п.), профессиональные союзы должны подходить к этому вопросу с точки зрения *организации труда* для производственных задач и целесообразного его использования. Поэтому общая *производственная программа по частям и в целом должна быть составлена при обязательном участии профсоюзов*, чтобы наиболее целесообразно сочетать использование материальных ресурсов производства и труда.

6. Введение действительной трудовой дисциплины, успешная борьба с трудовым дезертирством и т. д. мыслимы лишь при *сознательном участии* всей массы участников производства в осуществлении этих задач. Этого не достигают *бюрократические методы и приказы сверху*, а необходимо, чтобы каждый участник производства понял необходимость и целесообразность выполняемых им производственных задач; чтобы каждый участник производства участвовал не только в выполнении заданий сверху, но и сознательно принимал участие в исправлении всех недочетов, технических и организационных, в области производства.

Задачи профсоюзов в этой области огромны. Они должны научить своих членов в каждом цехе, на каждой фабрике отметить и учесть все недочеты в использовании рабочей силы, вытекающие из неправильного использования технических средств или неудовлетворительности административной работы. Сумма опыта отдельных предприятий и производства должна быть использована для решительной борьбы с волокитой, разгильдяйством и бюрократизмом.

7. Чтобы особо подчеркнуть важность этих производственных задач, организационно они должны быть поставлены на определенное место в текущей определенной работе. Организуемые при профсоюзах, согласно постановления III Всероссийского съезда, *экономические отделы*, развертывая свою работу, должны постепенно освещать и определять характер всей союзной работы. Так, например, в современных общественных условиях, когда все производство направлено к удовлетворению нужд самих трудящихся, *тариф и премирование должны находиться в теснейшей связи и зависимости от степени выполнения производственного плана*. Натуральное премирование и частичная натурализация заработной платы должны постепенно превратиться в систему снабжения рабочих в зависимости от высоты производительности труда.

8. Такая постановка работы профсоюзов, с одной стороны, должна покончить с существованием *параллельных органов (политотделов и т. п.)*, и с другой — восстановить тесную связь масс с органами экономического управления.

9. После III съезда союзам не удалось осуществить в значительной мере своей программы в деле своего участия в строительстве народного хозяйства, с одной стороны, *благодаря военным условиям*, с другой — вследствие своей *организационной слабости* и оторванности от руководящей и практической работы хозяйственных органов.

10. В связи с этим профсоюзы должны поставить себе следующие ближайшие практические задачи: а) самое активное участие в решении вопросов производства и управления; б) непосредственное участие совместно с соответствующими хозяйственными органами в организации компетентных органов управления; в) тщательный учет и влияние на производство различных типов управления; г) обязательное участие в выработке и в установлении хозяйственных планов и производственных программ; д) *организация труда* в соответствии с ударностью хозяйственных задач; е) развитие широкой организации производственной агитации и пропаганды.

11. Экономические отделы при *союзах* и союзных организациях необходимо действительно превратить в быстро действующие мощные рычаги планомерного участия союзов в организации производства.

12. В деле планомерности материального обеспечения рабочих союзам необходимо перенести свое влияние на распределительные органы Компрода, как местные, так и центральный, осуществляя практическое и деловое участие и контроль во всех распределительных органах, с обращением особого внимания на деятельность центральных и губернских комиссий по рабочему снабжению.

13. Так как, так называемая, «ударность», благодаря узковедомственным стремлениям отдельных главков, центров и т. д., успела приобрести самый беспорядочный характер, союзам надо стать

всюду и везде на защиту действительного проведения ударности в хозяйстве и пересмотра существующей системы определения ударности в соответствии с важностью производства и наличия материальных ресурсов страны.

14. Особенное внимание необходимо сосредоточить на, так называемой, образцовой группе предприятий, превращая их в действительно образцовые посредством создания компетентного управления, дисциплины труда и работы союзной организации.

15. В деле организации труда, помимо приведения тарифных мероприятий в стройную систему, всестороннего пересмотра нормы выработки, союзам надо твердо взять в руки все дело борьбы с отдельными *видами трудового дезертизма* (прогулами, опозданиями и т. д.). Дисциплинарные суды, на которые не было обращено должного внимания до сих пор, должны быть превращены в действительно средство борьбы с нарушением пролетарской трудовой дисциплины.

16. Выполнение перечисленных задач, так же, как и выработка практического плана производственной пропаганды и ряда мер по улучшению экономического положения рабочих, должно быть возложено на экономические отделы. Поэтому является необходимым поручить экономическому отделу ВЦСПС в ближайшее время созвать специальное *Всероссийское совещание экономических отделов* по практическим вопросам хозяйственного строительства в связи с работой государственных экономических органов.

Я надеюсь, что теперь вы увидите, почему мне пришлось себя обругать. Вот это — платформа, она во сто раз лучше и того, что написал т. Троцкий, много раз обдумав, и того, что написал т. Бухарин (резолуцию пленума 7 декабря), совершенно не обдумав. Нам всем, цекистам, не работавшим многие годы в профдвижении, надо бы поучиться у т. Рудзутака, и т. Троцкому и т. Бухарину следовало бы поучиться у него. Эту платформу профсоюзы приняли.

Дисциплинарные суды мы все забыли, а «производственная демократия» без премий натурой, без дисциплинарных судов — одна болтовня.

Тезисы Рудзутака я сравниваю с тезисами Троцкого, внесенными им в Центральный Комитет. В конце 5-го тезиса я читаю:

...«необходимо теперь же приступить к реорганизации союзов, т. е. прежде всего к подбору руководящего персонала под этим именно углом зрения»...

Вот вам настоящий бюрократизм! Троцкий и Крестинский будут подбирать «руководящий персонал» профсоюзов!

Еще раз: вот вам пояснение ошибки Цектрана. Не в том его ошибка, что он применял нажим; в этом его заслуга.

Ошибка в том, что он не сумел подойти к общим задачам всех профсоюзов, не сумел перейти сам и помочь всем союзам перейти к более правильному, быстрому и успешному применению товарищеских дисциплинарных судов. Когда я прочитал в тезисах т. Рудзутака о дисциплинарных судах, я подумал: наверное, есть уже декрет об этом. И оказалось, что декрет есть. «Положение о рабочих дисциплинарных товарищеских судах» издано 14 ноября 1919 года (Собрание узаконений № 537).

В этих судах важнейшая роль за профсоюзами. Хороши ли эти суды, насколько успешно они действуют и всегда ли действуют, я не знаю. Если бы мы свой собственный практический опыт изучали, это было бы в миллион раз полезнее всего того, что писали гг. Троцкий и Бухарин.

Я кончаю. Подытоживая все, что имеется по этому вопросу, я должен сказать, что вынесение этих разногласий на широкую партийную дискуссию и на партийный съезд есть величайшая ошибка. Политически это ошибка. В комиссии и только в комиссии мы бы имели деловое обсуждение и двигались бы вперед, а сейчас мы идем назад, и несколько недель пойдем назад к абстрактным теоретическим положениям вместо делового подхода к задаче. Что касается меня, то мне это надоело смертельно, и я с величайшим удовольствием от этого удалился бы независимо от болезни, я готов бы спастись куда угодно.

Итог: в тезисах Троцкого и Бухарина есть целый ряд теоретических ошибок. Ряд принципиальных неверностей. Политически весь подход к делу есть сплошная бестактность. «Тезисы» т. Троцкого — политически вредная вещь. Его политика, в сумме, есть политика бюрократического дергания профсоюзов. И наш партийный съезд, я уверен, эту политику осудит и отвергнет. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

Напечатано в 1921 г.
отдельной брошюрой

Печатается по тексту брошюры,
сверенному со стенограммой,
исправленной В. И. Лениным

КРИЗИС ПАРТИИ

Предсъездовская дискуссия развернулась уже достаточно широко. Из маленьких расхождений и разногласий выросли большие, как всегда бывает, если на маленькой ошибке настаивать и сопротивляться изо всех сил ее исправлению, или если за маленькую ошибку одного или немногих уцепятся люди, делающие большую ошибку.

Так всегда растут разногласия и расколы. Так и мы «доросли» от маленьких разногласий до синдикализма, означающего полный разрыв с коммунизмом и неминуемый раскол партии, если партия не окажется достаточно здоровой и сильной, чтобы вылечиться от болезни быстро и радикально.

Надо иметь мужество смотреть прямо в лицо горькой истине. Партия больна. Партию треплет лихорадка. Весь вопрос в том, захватила ли болезнь только «лихорадящие верхи», да и то может быть исключительно московские, или болезнью охвачен весь организм. И в последнем случае, способен ли этот организм в несколько недель (до партсъезда и на партсъезде) излечиться полностью и сделать повторение болезни невозможным, или болезнь станет затяжной и опасной.

Что надо делать, чтобы достигнуть быстрейшего и вернейшего излечения? Надо, чтобы *все* члены партии с полным хладнокровием и величайшей тщательностью принялись *изучать* 1) сущность разногласий и 2) развитие партийной борьбы. Необходимо и то, и другое, ибо сущность разногласий разворачивается, разъясняется, конкретизируется (а сплошь да рядом и видоизменяется) в *ходе* борьбы, которая, проходя разные этапы, показывает нам

всегда на каждом этапе *не* одинаковый состав и число борющихся, *не* одинаковые позиции в борьбе и т. д. Надо изучать то и другое, обязательно требуя точнейших документов, напечатанных, доступных проверке со всех сторон. Кто верит на слово, тот безнадежный идиот, на которого машут рукой. Если *нет* документов, нужен допрос свидетелей *обеих* или нескольких сторон и обязательно «допрос с пристрастием» и допрос при свидетелях.

Попробую набросать конспект моего понимания как сущности разногласий, так и смепы этапов борьбы.

1-й этап. V Всероссийская конференция профсоюзов, 2—6 ноября. Завязка борьбы. Единственные «борцы» из цекистов Троцкий и Томский. Троцкий бросил «крылатое словечко» о «перетряхивании» профсоюзов. Томский резко спорил. Большинство цекистов присматривается. Их громадной ошибкой (и моей в первую голову) было то, что мы «проглядели» тезисы Рудзутака о «производственных задачах профсоюзов», принятые V конференцией. Это — *самый* важный документ во *всем* споре.

2-й этап. Пленум ЦК 9-го ноября. Троцкий вносит «черновой набросок тезисов»: «Профсоюзы и их дальнейшая роль», где проводится политика «перетряхивания», *прикрытая* или приукрашенная рассуждениями о «тягчайшем кризисе» профсоюзов и о новых задачах и методах. Томский, усиленно поддержанный Лениным, считает центром тяжести споров именно «перетряхиванье», в связи с неправильностями и преувеличениями бюрократизма у Цектрапа. При этом в споре некоторые, явно преувеличенные и потому ошибочные, «выпады» допускает Ленин, в силу чего является необходимость в «буферной группе», которая и возникает в составе 10 цекистов (куда входят и Бухарин и Зиновьев, не входят ни Троцкий, ни Ленин). «Буфер» постановляет «не выносить на широкое обсуждение разногласий» и, *отменяя доклад Ленина* (у профсоюзов), назначает докладчиком Зиновьева, предписывая ему «сделать деловой, не полемический доклад».

Тезисы Троцкого отклонены. Приняты тезисы Ленина. В окончательной форме резолюция проходит 10-ю голосами против 4-х (Троцкий, Андреев, Крестинский, Рыков). И в этой резолюции защищаются «здоровые формы милитаризации труда», осуждается «вырождение централизма и милитаризованных форм работы в бюрократизм, само-

дурство, казенщину» и т. д. Цектрану указано «принять более деятельное участие в общей работе ВЦСПС, входя в его состав на одинаковых с другими союзными объединениями правах».

ЦК выбирает профессионалистскую комиссию, включая в нее т. Троцкого. Троцкий отказывается работать в ней, и *только* этим шагом вносится преувеличение первоначальной ошибки т. Троцкого, ведущее в дальнейшем к фракционности. Без этого шага ошибка т. Троцкого (предложение неправильных тезисов) — самая небольшая, такая, которую случилось делать всем цеккистам без всякого изъятия.

3-й этап. Конфликт водников с Цектраном в декабре. Пленум ЦК 7 декабря. Главными «борцами» оказываются уже не Троцкий и Ленин, а Троцкий и Зиновьев. Зиновьев, как председатель профкомиссии, разбирает спор водников с Цектраном в декабре. Пленум ЦК 7 декабря. Зиновьев вносит практическое предложение немедленно изменить состав Цектрана. Большинство ЦК высказывается против этого. Рыков переходит на сторону Зиновьева. Принимается резолюция Бухарина, которая в практической части высказывается на три четверти за водников, а во введении, отвергая «перестройку сверху» профсоюзов (параграф 3), одобряет пресловутую «производственную демократию» (параграф 5). Наша группа цеккистов остается в меньшинстве, будучи против резолюции Бухарина главным образом потому, что считает «буфер» бумажным, ибо неучастие Троцкого в профкомиссии фактически означает продолжение борьбы и вынесение ее за пределы ЦК. Мы вносим предложение назначить партийный съезд на 6 февраля 1921 г. Принято. Отсрочка на 6-е марта проведена позже, по требованию далеких окраин.

4-й этап. VIII съезд Советов. Выступление Троцкого 25 декабря с «брошюрой-платформой»: «Роль и задачи профсоюзов». С точки зрения формального демократизма, Троцкий имел безусловное право выступить с платформой, ибо ЦК 24 декабря разрешил свободу дискуссии. С точки зрения революционной целесообразности, это было уже громадным преувеличением ошибки, созданием фракции на ошибочной платформе. Брошюра цитирует из резолюции ЦК от 7 декабря только то, что относится к «производственной демократии», и не цитирует того, что сказано

против «перестройки сверху». Буфер, созданный Бухариным 7 декабря, при поддержке Троцкого, разбит Троцким 25 декабря. Все содержание брошюры, от начала до конца, насквозь пропитано духом «перетряхиванья». «Новых» же «задач и методов», которые должны были приукрасить или прикрыть или оправдать «перетряхиванье», брошюре не удалось указать, если не считать интеллигентских выкрутасов («производственная атмосфера», «производственная демократия»), теоретически неверных, а в своей деловой части всецело входящих в понятие, в задачи, в рамки производственной пропаганды.

5-й этап. Дискуссия перед тысячами ответственных партработников всей России, на фракции РКП VIII съезда Советов, 30 декабря. Споры разворачиваются во-всю. Зиновьев и Ленин, с одной стороны, Троцкий и Бухарин, с другой. Бухарин хочет «буферить», но говорит только против Ленина и Зиновьева, ни слова против Троцкого. Бухарин читает кусочек своих тезисов (опубликованных 16 января), но только тот кусочек, где о разрыве с коммунизмом и переходе к синдикализму нет и речи. Шляпников оглашает (от имени «рабочей оппозиции») синдикалистскую платформу¹⁶, которую уже заранее разбил в пух и прах т. Троцкий (тезис 16 в его платформе) и которую (отчасти, вероятно, именно по этой причине) никто не берет всерьез.

Гвоздем всей дискуссии 30 декабря я лично считаю оглашение тезисов Рудзутака. В самом деле: ни т. Бухарин, ни т. Троцкий не только не могли ни слова возразить против них, но даже сочинили легенду, будто «лучшую половину» этих тезисов выработали *цектранисты*, Гольцман, Андреев, Любимов. И Троцкий очень весело и мило острил поэтому над неудачной «дипломатией» Ленина, который хотел-де «снять, сорвать» дискуссию, искал «громоотвод» и «случайно ухватился рукой не за громоотвод, а за Цектран».

Легенда опровергнута тогда же, 30 декабря, Рудзутком, который указал, что Любимова «в природе ВЦСПС» не существует, что Гольцман голосовал в президиуме ВЦСПС против тезисов Рудзутака, что разрабатывала их комиссия из Андреева, Цыперовича и Рудзутака.

Но допустим на минуту, что легенда гг. Бухарина и Троцкого есть факт. Ничто не побивает их до такой степени в пух и прах, как подобное допущение. Ибо, если «цектранисты» свои «новые» идеи внесли в резолюцию

Рудзутака, если Рудзутак их принял, все профсоюзы эту резолюцию приняли (2—6 ноября!), если Бухарин и Троцкий возразить против нее ничего не могут, то что же отсюда вытекает?

Отсюда вытекает, что все разногласия у Троцкого выдуманные, *никаких* «новых задач и методов» ни у него, ни у «цектранистов» нет, все деловое и существенное профсоюзами сказано, принято, *решено*, и притом *еще до постановки вопроса в Цека*.

Если надо кого хорошенько обругать и «перетряхнуть», то уже скорее не ВЦСПС, а ЦК РКП за то, что он тезисы Рудзутака «проглядел», и из-за этой своей ошибки дал разрастись самой пустопорожней дискуссии. *Прикрыть* ошибку цектранистов (вовсе не чрезмерную, в сущности, а самую обычную, состоящую в некотором преувеличении бюрократизма) нечем. И не прикрывать ее надо, не украшать, не оправдывать, а исправить. Только и всего.

Суть тезисов Рудзутака я выразил 30 декабря в четырех пунктах: 1) обычный демократизм (без всяких преувеличений, без всякого отказа от прав ЦК «назначать» и т. п., но и без упрямой защиты требующих исправления ошибок и крайностей некоторых «назначенцев»); 2) производственная пропаганда (сюда входит все, что есть дельного в неуклюжих, смешных, теоретически неверных «формулах», вроде «производственная демократия», «производственная атмосфера» и т. п.). У нас создано *советское учреждение*: Всеросбюро производственной пропаганды. Надо его всемерно поддерживать, а не портить пропзводственной работы *производством... худых тезисов*. Только и всего; 3) натурпремии и 4) дисциплинарные товарищеские суды. Без пп. 3 и 4 все разговоры о «производственной роли и задачах» и т. п. — пустая интеллигентская болтовня, а в «брошюре-платформе» Троцкого эти оба пункта как раз и забыты. А у Рудзутака они есть.

Говоря о дискуссии 30 декабря, я должен исправить еще одну свою ошибку. Я сказал: «У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское». Т. Бухарин сразу же воскликнул: «какое?». А я в ответ ему сослался на только что закончившийся VIII съезд Советов. Читая теперь отчет о дискуссии, я вижу, что я был неправ, а т. Бухарин прав. Мне надо было сказать: «Рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее

государство, во-1-х, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население; и, во-2-х, рабочее государство с бюрократическим извращением». Читатель, который захочет прочесть всю мою речь, увидит, что от этой поправки ни ход моей аргументации, ни мои выводы не изменяются.

6-ой этап. Выступление питерской организации с «обращением к партии» против платформы Троцкого и контрвыступление Московского комитета («Правда» от 13 января).

Переход от борьбы фракций, образуемых сверху, к вмешательству организаций снизу. Большой шаг вперед к оздоровлению. Курьезно, что МК заметил «опасную» сторону выступления с платформой *питерской организации*, не желая заметить *опасной стороны* создания фракции тов. Троцким 25 декабря!!! Шутники называют подобную слепоту (на один глаз) «буферной»...

7-ой этап. Профкомиссия кончает свою работу и выпускает платформу (брошюра под заглавием: «Проект постановления X съезда РКП по вопросу о роли и задачах профсоюзов»¹⁷ от 14 января, подписанную 9 чекистами: Зиновьевым, Сталиным, Томским, Рудзутаком, Калининым, Каменевым, Петровским, Артемом, Лениным и членом профкомиссии Лозовским; тт. Шляпников и Лутовинов «сбежали» видимо в «раб. оппозицию»). В «Правде» она напечатана, с присоединением подписей Шмидта, Цыперовича и Милютина, 18 января.

В «Правде» от 16 января появляются платформы: бухаринская (подпись: «По поручению группы товарищей Бухарин, Ларин, Преображенский, Серебряков, Сокольников, Яковлева») и сапроновская (подпись: «Группа товарищей, стоящих на платформе демократического централизма», Бубнов, Богуславский, Каменский, Максимовский, Осинский, Рафаил, Сапронов)¹⁸. На расширенном собрании МК 17 января выступают представители и этих платформ и «игнатовцы» (тезисы напечатаны в «Правде» от 19 января, за подписью: Игнатов, Орехов, Корзинов, Куранова, Буровцев, Маслов)*.

* Между прочим, партия должна требовать, чтобы «платформы» выдвигались за подписями подписями всех ответственных за каждую платформу товарищей. Этому требованию удовлетворяют «игнатовцы» и «сапроновцы», но не удовлетворяют ни «троцкисты», ни «бухарины», ни «шляпниковцы», ссылающиеся на неназванных товарищей, ответственных будто бы за данную платформу.

Мы видим здесь, с одной стороны, рост сплочения (ибо платформа 9 пекистов вполне согласна с решением V Всероссийской конференции профсоюзов); с другой, разброд и распад. При этом верхом распада *идейного* являются тезисы Бухарина и Ко. Здесь осуществлен «поворот» из тех, про которые марксисты в давние времена острили: «поворот не столько исторический, сколько истерический». В тезисе 17 читаем: ...«в настоящее время необходимо сделать эти кандидатуры *обязательными*» (именно: кандидатуры профсоюзов в соответствующие «главки и центры»).

Это — полный разрыв с коммунизмом и переход на позицию синдикализма. Это, по сути дела, повторение шляпниковского лозунга «осоюзить государство»; это — передача аппарата ВСНХ, по частям, в руки соответственных профсоюзов. Сказать: «я выставляю *обязательные* кандидатуры» и сказать: «я назначаю» — одно и то же.

Коммунизм говорит: авангард пролетариата, коммунистическая партия, руководит беспартийной массой рабочих, просвещая, подготавливая, обучая, воспитывая эту массу («школа» коммунизма), сначала рабочих, а затем и крестьян, для того, чтобы она могла придти и пришла бы к сосредоточению в своих руках управления всем народным хозяйством.

Синдикализм передает массе беспартийных рабочих, разбитых по производствам, управление отраслями промышленности («главки и центры»), уничтожая тем самым необходимость в партии, не ведя длительной работы ни по воспитанию масс, ни по сосредоточению *на деле* управления в *их* руках *всем народным хозяйством*.

Программа РКП говорит: ...«Профсоюзы *должны придти*» (значит, не пришли и даже еще не приходят) «к фактическому сосредоточению в своих руках» (в *своих*, т. е. в руках профсоюзов, т. е. в руках *масс*, объединенных поголовно; всякий видит, как далеки еще мы даже от первого приближения к такому *фактическому* сосредоточению)... сосредоточению чего? «всего управления всем народным хозяйством как единым хозяйственным целым» (значит, не отраслями промышленности и не промышленностью, а промышленностью *плюс* земледелие и т. д. Близки ли мы к тому, чтобы фактически сосредоточить в руках профсоюзов управление земледелием?). И следующие

фразы программы РКП говорят о «связи» между «центральной государственной управленцией» и «широкими массами трудящихся», об «участии профсоюзов в ведении хозяйства»¹⁹.

Если профсоюзы, т. е. на $\frac{9}{10}$ беспартийные рабочие, назначают («обязательные кандидатуры») управление промышленностью, тогда к чему партия? И логически, и теоретически, и практически то, до чего договорился Бухарин, означает раскол партии, вернее: разрыв синдикалистов с партией.

До сих пор «главным» в борьбе был Троцкий. Теперь Бухарин далеко «обогнал» и совершенно «затмил» его, создал совершенно новое соотношение в борьбе, ибо договорился до ошибки, во сто раз более крупной, чем все ошибки Троцкого, взятые вместе.

Как мог Бухарин договориться до этого разрыва с коммунизмом? Мы знаем всю мягкость тов. Бухарина, одно из свойств, за которое его так любят и не могут не любить. Мы знаем, что его не раз звали в шутку: «мягкий воск». Оказывается, на этом «мягком воске» может писать что угодно любой «беспринципный» человек, любой «демагог». Эти, взятые в кавычки, резкие выражения употребил и имел право употребить тов. Каменев на дискуссии 17-го января. Но ни Каменеву, ни кому другому не придет, конечно, в голову *объяснять* происшедшее беспринципной *демагогией*, сводить все к ней.

Напротив. Есть объективная логика фракционной борьбы, которая даже лучших людей, если они настаивают на занятой ими неправильной позиции, неизбежно приводит к положению, ничем фактически не отличающемуся от беспринципной демагогии. Этому учит вся история фракционных войн (пример: объединение «впередовцев» и меньшевиков против большевиков). Именно поэтому надо изучать не только абстрактную сущность разногласий, но и конкретное развертывание и видоизменение их в развитии разных этапов борьбы. Дискуссия 17 января выразила итог этого развития²⁰. Нельзя уже защищать ни «перетряхивания», ни «новых производственных задач» (ибо все дельное и деловое вошло в тезисы Рудзутака). Остается либо найти в себе, употребляя выражение Лассалья, «физическую силу ума» (и характера), чтобы признать ошибку, исправить ее и перевернуть дан-

ную страничку истории РКП, либо... либо хвататься за оставшихся союзников, наковы бы они ни были, «не замечая» никаких принципов. Остались сторонники «демократии» *до бесчувствия*. И Бухарин скатывается к ним, скатывается к синдикализму.

В то время, как мы понемногу вбираем в себя то, что было здорового в «демократической» «рабочей оппозиции», Бухарину приходится хвататься за *нездоровое*. Тов. Бумажный, видный цектранист или троцкист, выражает 17 января готовность принять синдикалистские предложения Бухарина. «Сапроновцы» дошли до того, что в одном и том же тезисе (№ 3) рассуждают о «глубоком кризисе» и «бюрократическом омертвлении» профсоюзов, предлагая в то же время, как «абсолютно» необходимое, «расширение прав профсоюзов в производстве»... вероятно, по случаю их «бюрократического омертвления»? Разве можно взять всерьез такую группу? Они слышали речи о производственной роли профсоюзов и, чтобы крикнуть громче других, лягнули: «расширение прав» по случаю «бюрократического омертвления». Достаточно прочесть первые строки их «практических» предложений: «президиум ВСНХ выдвигается пленумом ВЦСПС и утверждается окончательно ВЦИК», чтобы не читать дальше ничего. А их «принципиальная» демократическая позиция? Слушайте: (тез. 2)... «Они (Зиновьев и Троцкий) на деле выражают два течения одной и той же группы *бывших милитаризаторов хозяйства*»!

Если взять это всерьез, это — худший меньшевизм и эсеровщина. Но Сапронова, Осинского и К⁰ нельзя брать всерьез, когда эти — по-моему, высокоценные — работники перед каждым партсъездом («каждый раз на эфтом самом месте») впадают в какой-то лыхорадочный пароксизм, стараются крикнуть обязательно громче всех (фракция «громче всех крикунов») и торжественно садятся в калошу. «Игнатовцы» тянутся за «сапроновцами». Блокироваться разным группам (особенно перед съездом), конечно, дозволительно (и гоняться за голосами тоже). Но надо это делать в пределах коммунизма (а не синдикализма) и делать так, чтобы не вызывать смеха. Кто больше? Кто больше обещает «прав» беспартийным, соединяйтесь по случаю партсъезда РКП!..

До сих пор нашей платформой было: не надо защищать крайностей бюрократизма, надо исправлять. Борьба

с бюрократизмом — долгий и тяжелый труд. Исправление крайностей возможно и необходимо тотчас. Авторитет военработников и назначенцев подрывает не тот, кто указывает на вредные крайности и проводит исправление их, а тот, кто сопротивляется такому исправлению. Именно таковы были крайности некоторых центранистов, которые будут, однако, (п были) ценными, полезными работниками. Не надо дергать профсоюзы и изобретать разногласий с ними, когда все новое, дельное и деловое по вопросу о производственных задачах профсоюзов признано ими и решено ими же. Давайте усиленно и дружно работать практически на этой почве.

Теперь к нашей платформе прибавилось: надо бороться с идейным разбродом и с теми *нездоровыми* элементами оппозиции, которые договариваются до отречения от всякой «милитаризации хозяйства», до отречения не только от «метода назначенства», который практиковался до сих пор преимущественно, но и от всякого «назначенства», т. е. в конце концов от руководящей роли *партии* по отношению к массе беспартийных. Надо бороться с синдикалистским уклоном, который погубит партию, если не вылететь от него окончательно.

Болезнью нашей партии, несомненно, постараются воспользоваться и капиталисты Антанты для нового нашего шествия, и эсеры для устройства заговоров и восстаний. Нам это не странно, ибо мы сплотимся все, как один, не боясь признать болезни, но сознавая, что она требует от всех большей дисциплины, большей выдержки, большей твердости на всяком посту. Партия не ослабнет, а окрепнет к мартовскому X съезду РКП и после него.

19 января 1921 г.

«Правда» № 13, 21 января 1921 г.
Подпись: В. И. Ленин

Печатается по тексту
газеты «Правда», сверенному
с текстом брошюры: В. Ленин,
«Кризис партии», 1921

II ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД ГОРНОРАБОЧИХ ²¹

1

ДОКЛАД

О РОЛИ И ЗАДАЧАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ НА ЗАСЕДАНИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ СЪЕЗДА 23 ЯНВАРЯ

Болезненный характер, который получил вопрос о роли и задачах профессиональных союзов, объясняется тем, что он слишком рано вылился в форму фракционной борьбы. К этому вопросу, широчайшему, безбрежному вопросу, нельзя подходить так, наспех, как у нас подошли, и в этом больше всего, — в подходе наспех, в слишком большой торопливости, — я и обвиняю тов. Троцкого. Входить в ЦК с тезисами, недостаточно подготовленными, случалось каждому из нас и будет случаться, потому что вся работа ведется у нас до последней степени наспех. Ошибка небольшая, торопиться случалось каждому из нас. Эта ошибка, сама по себе обычная, от которой вы не вылезаете, потому что объективные условия обстановки слишком трудные. Но тем осторожнее нужно относиться к вопросам фракционного характера, к вопросам, которые являются спорными. Потому что тут даже человеку не очень горячему, что я про своего оппонента сказать не могу, слишком легко в эту ошибку впасть. И вот, чтобы показать наглядно и сразу перейти к существу дела, я сейчас вам прочту из тезисов Троцкого основные.

Вот, в своей брошюре, в тезисе 12, в конце, т. Троцкий пишет:

«Мы наблюдаем тот факт, что, по мере того, как задачи хозяйства выдвигаются на передний план, многие профессионалисты все резче и непримиримее выступают против перспективы «срачивания» и вытекающих из нее практических выводов. В числе этих профессионалистов мы находим гг. Томского и Лозовского.

Мало того. Отбиваясь от новых задач и методов, многие профессионалисты развивают в своей среде дух корпоративной

замкнутости, неприязни к новым работникам, привлекаемым в данную область хозяйства, и таким образом фактически поддерживают пережитки цеховщины среди профессионально-организованных рабочих».

Я таких мест из брошюры Троцкого мог бы привести много. Я спрашиваю, с точки зрения фракционного выступления: разве человек столь авторитетный, вождь такой крупный, разве ему пристало так выступать против товарищей по партии? Я уверен, что 99%, кроме только переразвившихся товарищей, скажет, что так выступать нельзя.

Если бы гг. Томский и Лозовский были повинны, или могли бы быть заподозрены, что они повинны, например, в том, что сразу отказались подписать Брестский мир, или сразу отказались вести войну, — я понимаю такое выступление. Революционная целесообразность выше формального демократизма. Но в такой момент подходить с такой опрометчивостью — есть коренная ошибка. Нельзя так. В этом пункте сказано, что многие профессионалисты развивают в своей среде дух неприязни и замкнутости. Что это такое? Какой это разговор и на каком языке? Можно ли так подходить? Если я раньше говорил, что, может быть, мне удастся «сбуферить» и не выступать на дискуссии потому, что вредно с Троцким драться, так как это вредно для нас, вредно для партии, вредно для республики, после этой брошюры я сказал, что выступать необходимо.

Троцкий пишет, что «многие профессионалисты развивают дух неприязни к новым работникам» — как же это так? Если, действительно, многие профессионалисты развивают в своей среде «дух неприязни к новым работникам», то надо указать тех, кто развивает этот дух неприязни. А если это не указано, то это есть перетряхивание, это есть бюрократический подход к делу. Если там даже есть дух неприязни к новым работникам, то нельзя говорить так. Троцкий обвиняет Лозовского и Томского в бюрократизме. А я бы сказал наоборот. Тут и читать дальше нельзя потому, что подход все испортил, он влил в мед ложку дегтя, и, сколько бы он ни лил меду, все уже испорчено.

Кто же виноват, что многие профессионалисты развивают дух неприязни к новым работникам? Конечно, буферщик или цектранщик скажет — профессионалисты.

А по существу здесь наметено, как метель сейчас метет, насочинено, наплетено. Но в этом, товарищи, надо разобраться и взять суть. А суть в том, что ряд нетактичных действий вызывает в массе дух неприязни. Мой оппонент утверждает, что были люди, которые развивали дух неприязни. Это показывает, что вопрос в корне неверен. Надо же разобраться. В ноябре собралась Всероссийская конференция, и на ней бросается это словечко «перетряхивание». Троцкий сделал ошибку, что так сказал. Тут политически ясно, что такой подход вызовет раскол и свалит диктатуру пролетариата.

Надо понимать, что профессиональные союзы не такое ведомство, как наркоматы, а что это весь объединенный пролетариат, что это ведомство особое и нельзя к нему подходить так. И когда встал вопрос о неправильном подходе, грозящем расколом, я сказал: «Тут о широких дискуссиях пока не болтайте, идите в комиссию и там осторожно выясняйте дело». А товарищи говорят: «Нет, как можно, это нарушение демократизма». Тов. Бухарин даже договорился до того, что стал говорить о «священном лозунге рабочей демократии». Это буквально его слова. Я прочитал это и... чуть не перекрестился. (Смех.) Я утверждаю, что всегда ошибка начинается с маленького и становится большой. Всегда разногласия начинаются с маленького. Всякому случалось получить ранку, но если эта ранка начинает загнивать, то может получиться смертельная болезнь. И эта штука есть именно загнивание ранки. В ноябре говорят о перетряхивании, а в декабре — уже большая ошибка.

Декабрьский пленум ЦК был против нас. На пленуме ЦК в декабре большинство присоединилось к Троцкому и была проведена резолюция Троцкого и Бухарина, которую вы, конечно, читали. Но даже несочувствующие нам члены ЦК должны были признать, что больше правы водники, чем Цектран. Вот факт. И когда я спрашиваю, в чем была вина Цектрана, следует ответить, что не в том, что вы произвели нажим, в этом ваша заслуга, а в том, что вы допустили крайность бюрократизма.

Но если вы эту крайность поняли, то надо ее поправить и не спорить против поправки. Вот и все. Борьба с бюрократизмом требует десятилетий. Это труднейшая борьба,

и всякий, кто будет говорить вам, что мы освободимся сразу от бюрократизма, если примем платформы антибюрократические, будет просто шарлатаном, охочим до хороших слов. Крайности бюрократизма надо исправлять сейчас. Надо ловить эти крайности бюрократизма и исправлять их, не называя дурное хорошим и черное — белым. Рабочие и крестьяне понимают, что им самим еще надо научиться управлять, но они прекрасно понимают, что есть и крайности бюрократизма, а если ты не хочешь их исправлять, ты виноват сугубо. Ты должен во-время исправлять, как указывали водники, а не тогда, когда на них указывали другие.

И превосходным работникам случалось ошибаться. В Цектрানে великолепные работники, и мы будем их назначать, и будем поправлять крайности бюрократизма, которые они допустили. Тов. Троцкий говорит, что тт. Томский и Лозовский — профессионалисты — виноваты в том, что развивают в своей среде дух неприязни к новым работникам. Но ведь это чудовищно. Надо быть почти больным или такой горячкой, который меры не знает, чтобы говорить так.

Из этой торопливости вытекает то, что спорят, идут с платформами, пишут, что виноваты, и выходит, что в корне все испорчено.

Вы знаете, когда люди поссорятся, то что будет через два дня, — они родственников до десятого колена вспомнят и будут рассказывать. Спрашиваем: «Ты из-за чего поссорился?» — «Да вот у него тетка, а у него дедушка». — «Нет, не сейчас, а вот тогда, из-за чего поссорился?» Оказывается, что это за два дня наплели столько разногласий.

В Цектрানে допущен ряд преувеличений и вредных преувеличений, допущен ненужный бюрократизм. Преувеличение допускается везде. Есть ведомства, в которых только в одной Москве тридцать тысяч служащих. Это не фунт изюму. Вылечи эту штуку, проберись через эту стену. Надо не бояться, не думать, что кто-то кого-то обидел, что кого-то стравили. Если поднять фракционную борьбу и сказать — виноват Томский, который развивал в массах дух неприязни к цектраанистам, то это будет полное извращение дела, это в корне портит всю работу, в корне портит все отношение к профессиональным сою-

зам. А профессиональные союзы — поголовный пролетариат. Если на этом настаивать и эту штуку по платформам голосовать, то это ведет к падению Советской власти.

Если партия раскалывается с профессиональными союзами, тогда партия виновата, и это наверняка гибель Советской власти. У нас нет другой опоры кроме миллионов пролетариев, которые несознательны, сплошь и рядом темны, неразвиты, неграмотны, но которые, как пролетарии, пдут за своей партией. Они двадцать лет считали, что эта партия своя. А дальше идет класс не наш, который, может быть, за нас будет, если мы будем умны и в своем классе поведем правильную политику. Мы дошли до величайшего момента в своей революции, мы подняли массы пролетариев, мы подняли массы бедноты в деревне к сознательной поддержке нас. Ни одна революция этого не делала. Нет класса, который может нас скинуть: за нас большинство пролетариев и бедноты деревни. Никто не может нас погубить кроме наших собственных ошибок. В этом «если» вся штука. Если мы вызовем раскол, в котором мы виноваты, все полетит по той причине, что профессиональные союзы не только ведомство, а источник, из которого берется вся наша власть. Это тот класс, который экономикой капитализма создал экономическим объединителем, который миллионы разбросанных, распыленных крестьян объединяет своей промышленностью. И поэтому один пролетарий сильнее, чем двести крестьян.

И вот почему весь этот подход Троцкого неверен. Я бы мог взять любой тезис и разобрать, тогда нужно было бы не один час, а десять часов, и все сбежали бы, потому что было бы скучно. В каждом тезисе вы найдете тот же самый подход, в корне неверный: «многие профессионалисты развивают дух неприязни». В массе профессиональных союзов развился дух неприязни к нам по вине ошибок, по вине бюрократизма, который паверху допущен, в том числе и мною, потому что я назначал Главполиттусть. Как быть? Поправить? Крайности Цектрана надо поправить, понявши, что партия твердая и рабочая на своих ногах, со своей головой. Мы не отрекаемся ни от назначенства, ни от диктатуры. Рабочий, прошедший двадцатилетнюю школу в России, на это не пойдет. Если мы поддержим

эту ошибку, тогда мы полетели наверняка, а здесь содержится ошибка, и в этом корень дела.

Троцкий говорит, что Лозовский и Томский отбиваются от новых задач. Если это доказать, дело меняется. В чем новые задачи?

Тут нам говорят: «производственная атмосфера», «производственная демократия», «производственная роль». Я уже с самого начала, на дискуссии 30 декабря, говорил, что это словесность, которой рабочий не понимает, что все это входит в задачу производственной пропаганды²². Мы не отказываемся от диктатуры, от единоначалия, они остаются, я их буду поддерживать, но только не защищать глупость и крайность. «Производственная атмосфера» смешное слово, над которым рабочие будут смеяться. Говори проще и яснее, — это все есть производственная пропаганда. Но для этого создано особое учреждение.

О поднятии производственной роли союзов я отвечал 30 декабря, я отвечал в печати, что есть резолюция т. Рудзутака, которая на конференции 5 ноября принята. Тт. Троцкий и Бухарин говорили, что эту резолюцию писал Цектран. Хотя этот факт опровергнут, но я скажу, если они писали, то кто же отбивается? Профессиональные союзы приняли, Цектран писал. Ну и хорошо, после этого детям не надо ссориться и поднимать фракционное разногласие. Есть у тов. Троцкого новые задачи? Нет. А что есть нового, то хуже. В том-то и дело. Тов. Троцкий ведет войну, чтобы добиться у партии осуждения тех, кто отбивается от новых задач, и самыми великими грешниками названы Томский и Лозовский.

У Рудзутака сказано все яснее и проще, не сказано ни «производственная атмосфера», ни «производственная демократия». Там написано ясно, что каждый член союза должен сознательно относиться к тому, что абсолютно необходимо поднятие производительности в стране. Это написано простым, понятным языком. Все сказано лучше, чем у Троцкого, полнее сказано, потому что прибавлены натурпремия и дисциплинарные суды. Без этого все разговоры, что мы поднимем транспорт, дадим улучшение, — это словесность. Давайте устраивать комиссии, давайте устраивать дисциплинарные суды. В Цектране на этом пути сделана крайность. Мы предлагаем говорить, что крайности есть крайности, и защищать их новыми

задачами напрасно, их надо исправить. От принуждения мы не отказываемся. Ни один здравомыслящий рабочий не дойдет до того, чтобы можно было обойтись сейчас без принуждения или что можно сейчас распустить союзы или им отдать все производство. Это тов. Шляпников мог так ляпнуть.

Во всей речи тов. Шляпникова есть одно место превосходное, где он сказал, что у нас, в Сормове, был опыт, п на 30% уменьшились прогулы. Говорят, что это правда, но я человек недоверчивый, стою за то, чтобы послать комиссию обследовать, сравнить Нижний с Петроградом. Это можно сделать не на собрании, а в деловой комиссии. Троцкий говорит, что хотят противодействовать сращиванию. Это совершеннейшие пустяки. Тов. Троцкий говорит, что надо вперед идти; если хорошая машина, то нужно вперед, а если машина съехала в сторону, то надо назад. И это полезно для партии, потому что надо изучать опыт.

Производства нет, а производством худых тезисов занялись. Такая работа требует изучения и опыта. Вы, профессионалисты, вы, горнорабочие, своим делом заняты. Позвольте, если вы этим делом занялись, то допросите, потребуйте цифр, проверьте двадцать раз, по одному слову не верьте, и тогда скажите, что вышло. Если вышло хорошо, двигайтесь вперед, если плохо — двигайтесь назад. Это работа, а не говорение. Вот это надо было сделать на партийных собраниях.

На VIII съезде Советов я сказал, чтобы у нас было поменьше политики. Сказав это, я думал, что у нас не будет политических ошибок, а мы через три года после советской революции говорим о синдикализме, — это позор. Если бы мне сказали полгода тому назад, что я буду писать о синдикализме, то я бы лучше написал о Донбассе. А теперь нас отвлекают и тащат партию назад. Из маленькой ошибки вырастает большая ошибка. Теперь я перейду к тов. Шляпникову. Тов. Троцкий в 16 пункте своих тезисов правильно определяет ошибку Шляпникова.

Бухарин, по случаю своей буферности, уцепился за Шляпникова, но лучше было бы, если бы он уцепился за соломинку. Он обещает обязательные кандидатуры союзам. Значит, профессиональный союз назначает. Это

то же самое, что говорит Шляпников. С синдикализмом боролись марксисты во всем свете. Больше двадцати лет мы боремся в партии, мы доказали делом, а не словом, рабочим, что партия — штука особая, что она требует людей сознательных, готовых к самопожертвованию, что она делает ошибки, но их исправляет, что она руководит и подбирает людей, которые знали бы, какой путь еще нам предстоит, через какие препятствия мы должны еще пройти. Она не обманывает рабочих. Она не дает обещаний, которых выполнить нельзя. И, если вы перескочите через профессиональные союзы, вы всю нашу работу, сделанную за три года, бросаете насмарку, ставите все под вопрос. Тов. Бухарин, с которым я говорил об этой ошибке, говорит: «Вы, тов. Ленин, придираетесь».

Я понимаю обязательные кандидатуры, что их будут выставлять под руководством ЦК партии. А какие же мы тогда права даем? Никакого блока тогда не осуществишь. Рабочие и крестьяне — два разных класса. Когда электричество распространится по всей земле, повсюду, если через двадцать лет мы сделаем это, то это будет неслыханно быстро. Этого нельзя сделать быстро. Но вот тогда давайте говорить о том, чтобы передать права профессиональным союзам, а до тех пор это обман рабочих. Диктатура пролетариата самая прочная на свете, потому, что доверие здесь завоевано делами, и потому, что партия строго смотрела за тем, чтобы не дать расплыться.

А что это значит?

Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки, что у нас миллионы рабочих профессионально организованных переживают то, что мы говорили, что профессиональные союзы есть школа коммунизма и управления. Когда они пробудут в школе эти годы, они научатся, но это идет медленно. Мы даже неграмотность не ликвидировали. Мы знаем, как рабочие, связанные с крестьянами, поддаются на непролетарские лозунги. Кто управлял из рабочих? Несколько тысяч на всю Россию, и только. Если мы скажем, что не партия проводит кандидатуры и управляет, а профессиональные союзы сами, то это будет звучать очень демократично, на этом, может быть, можно поймать голоса, но не долго. Это губит диктатуру пролетариата.

Прочтите решение II конгресса Коминтерна. Его постановления и решения обошли весь мир. Недавно съезд социалистов во Франции показал, что мы в этой стране, полной самого большого шовинизма, завоевали большинство, партию раскололи, гнилых вождей выкинули вон и сделали это против синдикалистов. И они все приняли нашу теорию, все лучшие рабочие, все лучшие вожди. Даже синдикалисты во всем мире, революционные синдикалисты, приходят к нам. Я сам видел американских синдикалистов, которые побывали у нас и говорят теперь: «А в самом деле, без партии управлять пролетариатом нельзя». Вы это знаете фактически. И бросаться в объятия синдикализма, говорить об обязательных кандидатурах во «всероссийские съезды производителей» совершенно неуместно пролетариату. Это опасно, это подрывает руководящую роль партии. Сейчас в стране только ничтожный процент организованных рабочих. И большинство крестьян пойдет за партией потому, что политика партии правильна, потому, что в самое трудное время Брестского мира партия умела идти на временные жертвы и отступления, и вышло правильно. Как же все это бросить? Разве все это случайно? Это завоевание того, чем десятилетиями занималась партия. Большевикам, которые прошли двадцатилетнюю партийную школу, все верят на слово.

Чтобы управлять, надо иметь армию закаленных революционеров-коммунистов, она есть, она называется партией. Весь синдикалистский вздор, обязательные кандидатуры производителей — все это нужно бросить в корзину для ненужной бумаги. Если на этот путь идти, это на деле означает — партию по боку, на деле диктатуры пролетариата в России не может быть. Вот та точка зрения, которую я считал своим партийным долгом вам изложить, которая, на мой взгляд, в виде практических положений изложена в платформе, называющейся «Проект постановления X съезда РКП», подписанной Лениным, Зиновьевым, Томским, Рудзутаком, Калининным, Каменевым, Лозовским, Петровским, Сергеевым и Сталиным. Из них не член ЦК Лозовский потому вошел, что он работал в профессиональной комиссии, из которой, к сожалению, ушли Шляпников и Лутовинов. Рабочие рассудят, хорошо ли сделал Шляпников, что он ушел. Если он

нехорошо сделал, его за это осудят. Я уверен, что все сознательные рабочие примут эту платформу, и теперешние расхождения в нашей партии останутся лихорадкой верхов, а рабочие их поправят, останутся на своем посту, дисциплину партии отстоят и во что бы то ни стало дружной, практической, деловой, осторожной работой производство повысят и полную победу нам дадут. (Продолжительные аплодисменты.)

*Напечатано 25 января 1921 г.
в «Бюллетене 2-го Всероссийского
съезда горнорабочих» № 1*

Печатается по тексту «Бюллетеня»

2

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ
О РОЛИ И ЗАДАЧАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ
НА ЗАСЕДАНИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ СЪЕЗДА
24 ЯНВАРЯ

Я как раз, товарищи, хотел начать свою речь по поводу того, кто кого запугивает, и по поводу тов. Шляпникова, который очень пугнул нас. Здесь все говорили, что Ленин синдикализмом запугивает. Говорить, что Ленин хочет запугать, это значит ставить себя в смешное положение, ибо мысль о синдикализме, как о запугивании, это мысль смешная. Я полагаю, что прежде всего нам надо начать с наших программ, прочесть программу коммунистической партии и посмотреть, что она говорит. Тов. Троцкий и Шляпников поминают одно и то же место коммунистической программы, и это место стоит как раз в п. 5 программы. Я вам сейчас его прочту полностью:

«5. Организационный аппарат обобщественной промышленности должен опираться в первую голову на профессиональные союзы. Они должны все больше освобождаться от цеховой узости и превращаться в крупные производственные объединения, охватывающие большинство, а постепенно и всех поголовно, трудящихся данной отрасли производства».

Это приводил в своей речи тов. Шляпников. Но ведь если цифры были верны, то управляющих организациями было 60%, и эти 60% состояли из рабочих. Дальше. Если ссылаться на программу, то надо уже ссылаться на нее как следует, надо помнить, что члены партии знают ее полностью, а не читать один кусочек и этим ограничиваться, как это делают Троцкий и Шляпников. Товарищи, исторически доказано, что рабочие не могут объединяться иначе, как по производствам. Поэтому во всем мире все пришли к идее о производственных союзах. Конечно, это пока. Говорят о необходимости освободиться от цеховой узости.

Что же, освободились ли от нее хотя бы на одну десятую долю? Всякий желающий быть искренним скажет, что, конечно, нет, не освободились. Зачем же это забывать?

Кто же говорит союзам: «Вы еще не освободились от цеховой узости, но должны освободиться»? Говорит РКП в своей программе. Читайте эту программу. От этого отходить, значит отходить от программы к синдикализму. Как ни кивали, что Ленин хочет кого-то запугать, а все-таки программа есть. Прочитывать первую часть и забывать о второй, значит отойти. В какую сторону? — в синдикалистскую. Я читаю дальше:

«Будучи уже, согласно законов Советской республики и установленной практики, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью, профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым».

На это все ссылаются. Что тут сказано? Совершенно бесспорная вещь: «должны прийти». Не сказано, что сейчас приходят. Нет того преувеличения, которое достаточно сделать, чтобы получилась чепуха. Тут сказано: «прийти». К чему? К управлению и фактическому сосредоточению. Когда вы к этому должны будете прийти? Для этого нужно — воспитание. Воспитать так, чтобы поголовно управлять умели все и знали, как это делать. Можете сейчас вы, говоря по совести, сказать, что профсоюзы на должностях управляющих всегда, в любом числе, могут выставить пригодных управляющих? Ведь на управляющие должности нужно не шесть миллионов, а, может быть, шестьдесят тысяч, ну, сто тысяч. Могут они выдвинуть? Всякий скажет, если он не будет увлекаться погоней за формулами и за тезисами и за теми, кто громче всех кричит, он скажет, нет, не могут, этого еще нет. Партии предстоят годы воспитательной работы, начиная от ликвидации безграмотности и кончая всей суммой работ партии в профсоюзах. Работы в профсоюзах масса, чтобы к этому должным путем идти. Так и сказано: «должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством». Не сказано отраслями промышленности, как у того же Троцкого в его тезисах. В одном из первых тезисов цитируется точно. А в другом говорится — организация промышленности. Извините, так

цитировать не полагается. Если вы пишете тезисы, если вы хотите сослаться на программу, прочитайте до конца. И всякий, кто этот 5 параграф от начала до конца прочтет, чуточку подумает, десять минут на это уделит, увидит, что Шляпников ушел от программы в сторону, а Троцкий скакнул. Дочитайте этот 5 параграф до конца:

«Обеспечивая, таким образом, неразрывную связь между центральным государственным управлением народным хозяйством и широкими массами трудящихся, профессиональные союзы должны в самых широких размерах вовлекать последние в непосредственную работу по ведению хозяйства. Участие профессиональных союзов в ведении хозяйства и привлечение ими к этому широких масс является, вместе с тем, и главным средством борьбы с бюрократизацией экономического аппарата Советской власти и дает возможность поставить действительно народный контроль над результатами производства».

Посмотрите, сначала вы должны придти к тому, чтобы фактически сосредоточить. А сейчас что вы обеспечиваете? — Связь между центральным государственным управлением — раз. Это — машина. Вы не научили нас ее преодолевать. Итак, связь обеспечить между центральным государственным управлением — раз, народным хозяйством — два и массой — три. Мы обеспечили эту связь? Что — союзы могут управлять? Ведь хохотать будут те, кто перешел тридцатилетний возраст и имеет какой-нибудь житейский опыт советского строительства. Читайте:

«Участие профессиональных союзов в ведении хозяйства и привлечение ими к этому широких масс является, вместе с тем, и главным средством борьбы с бюрократизацией экономического аппарата Советской власти и дает возможность поставить действительно народный контроль над результатами производства».

Первое — обеспечить связь между центральными государственными аппаратами. Мы этой болезни не прикрываем, а в программе указали — обеспечьте связь с массами, а, во-вторых, участие профсоюзов в ведении хозяйства. Тут нет широковежательных слов. Когда вы это сделаете так, что уменьшите прогулы не на 30, а хотя бы на 3%, то мы скажем: великолепно, полезное и ценное дело. «Участие профессиональных союзов в ведении хозяйства и привлечение ими к этому широких масс». Вот что сказано в программе сегодняшнего дня. Ни одного слова обещания, ничего широковежательного, ничего похожего на то,

что вы сами выбираете — программа не сказала. Она демагогией не занимается и говорит, что есть темные, неразвитые массы, есть профсоюзы, которые настолько сильны, что все крестьянство за собой ведут, и сами идут под руководством партии, которая двадцать лет школена в борьбе с царизмом. Ни одна страна не пережила столько, сколько Россия. Вот вся механика, почему мы держимся. Почему это считают чудом? Потому, что в крестьянской стране только профсоюзы могут объединить экономически миллионы разрозненных хозяйств, если сама шестимиллионная масса верит своей партии, идет за своей партией так, как шла до сих пор. Вот та механика, которой мы держимся. Это политический вопрос, как эта механика работает. Почему меньшинство в громадной крестьянской стране может управлять и почему мы спокойны? После трехлетнего опыта нас никто в мире ни из внешних сил, ни из внутренних сломить не может; если мы не сделаем сверхъестественной глупости, доводящей до расколов, мы сохраним наше положение, иначе мы полетим к чорту на рога. Поэтому, когда тов. Шляпников в своей платформе говорит и пишет:

«Всероссийский съезд производителей выбирает управление народным хозяйством».

Я вам говорю: прочитайте целиком параграф 5-й, который я вам прочитал из нашей программы, и вы увидите, что ни Ленин и никто не пугает.

Шляпников сказал, заканчивая свою речь: «Покончим с бюрократизмом государства и бюрократизмом народного хозяйства». Я утверждаю, что это есть демагогия. Бюрократизм мы ставим в порядок дня, начиная с июля месяца прошлого года. В июле прошлого года, после IX съезда РКП, и Преображенский ставит вопрос, — нет ли у нас крайности бюрократизма. Смотри в оба. В августе Центральный Комитет утверждает письмо Зиновьева — борись с бюрократизмом. В сентябре партийная конференция собралась и утвердила это. Значит не Ленин придумал новый путь, как отмечает Троцкий, а партия сказала: «Возникла новая болячка, смотри в оба». В июле Преображенский ставит этот вопрос, в августе письмо Зиновьева, в сентябре — партийная конференция, в декабре — на съезде Советов — громадный доклад о бюрократизме. Значит появилась болячка. Мы в программе написали в 1919 году,

что у нас бюрократизм есть. Кто вам предлагает покончить с бюрократизмом — тот демагог. Если перед вами выходят и говорят — «покончим с бюрократизмом», то это есть демагогия. Это чепуха. С бюрократизмом мы будем бороться долгие годы, и, кто думает иначе, тот шарлатанствует и демагогствует, потому что, для того, чтобы побороть бюрократизм, нужны сотни мер, нужна поголовная грамотность, поголовная культурность, поголовное участие в Рабоче-крестьянской инспекции²³. Шляпников был народным комиссаром труда, был народным комиссаром торговли и промышленности. Что же, он покончил с бюрократизмом? Киселев был в Главтекстиле. Что же, он покончил с бюрократизмом?

Еще раз скажу, что, когда наши съезды все будут делиться на секции и подбирать факты сращивания у мукомолов и у донбассцев, тогда мы — взрослые. А если мы написали целый ряд негодных платформ, это доказывает, что мы не хозяева. Я повторяю, что нас никто не сломит, ни внешняя, ни внутренняя сила, если мы не доведем до раскола. Я говорю, что Цектран не только палка, но преувеличение это довело до раскола. Преувеличение бюрократизма бывает у всех, и ЦК это знает и за это отвечает. И в этом отношении ошибка т. Троцкого в том, что у него все тезисы написаны в обратном духе. Все они написаны в духе перетряхивания и все они довели союз до раскола. И дело не в том, чтобы поставить т. Троцкому единицу, мы не школьники, и ставить нам баллов не нужно, а нужно сказать, что тезисы т. Троцкого во всем своем содержании неверны и поэтому их нужно отклонить.

Напечатано 26 января 1921 г.
в «Бюллетене 2-го Всероссийского
съезда горнорабочих» № 2

Печатается по тексту «Бюллетеня»

ОБ УСЛОВИЯХ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ НАУЧНУЮ РАБОТУ АКАДЕМИКА И. П. ПАВЛОВА И ЕГО СОТРУДНИКОВ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Принимая во внимание совершенно исключительные научные заслуги академика И. П. Павлова, имеющие огромное значение для трудящихся всего мира, Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Образовать на основании представления Петросовета специальную комиссию с широкими полномочиями в следующем составе: тов. М. Горького, заведующего высшими учебными заведениями Петрограда тов. Кристи и члена коллегии отдела управления Петросовета тов. Каплуна, которой поручить в кратчайший срок создать наиболее благоприятные условия для обеспечения научной работы академика Павлова и его сотрудников.

2. Поручить Государственному издательству в лучшей типографии республики отпечатать роскошным изданием заготовленный академиком Павловым научный труд, сводящий результаты его научных работ за последние 20 лет, причем оставить за академиком И. П. Павловым право собственности на это сочинение как в России, так и за границей.

3. Поручить комиссии по рабочему снабжению предоставить академику Павлову и его жене специальный паек, равный по калорийности двум академическим пайкам.

4. Поручить Петросовету обеспечить профессора Павлова и его жену пожизненным пользованием занимаемой ими квартирой и обставить ее и лабораторию академика Павлова максимальными удобствами.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

Москва, Кремль

24-го января 1921 года

ЕЩЕ РАЗ О ПРОФСОЮЗАХ, О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ И ОБ ОШИБКАХ ТРОЦКОГО И БУХАРИНА ²⁴

Партийная дискуссия и фракционная борьба предсъездовского характера, т. е. перед выборами и в связи с предстоящими выборами на X съезд РКП, разгорелись. За первым фракционным выступлением, именно за выступлением тов. Троцкого от имени «целого ряда ответственных работников» с «брошюрой-платформой» («Роль и задачи профсоюзов», предисловие помечено 25 декабря 1920) последовало резкое (читатель увидит из дальнейшего, что оно было заслуженно резким) выступление петроградской организации РКП («Обращение к партии», опубликованное 6 января 1921 г. в «Петроградской Правде» ²⁵ и затем 13 января 1921 г. в ЦО партии, в московской «Правде»). Затем против петроградской организации выступил Московский комитет (того же числа в «Правде»). Далее, появился изданный бюро фракции РКП ВЦСПС стенографический отчет о дискуссии 30 декабря 1920 г. на громадном и весьма ответственном партсобрании, именно фракции РКП VIII съезда Советов. Этот стенографический отчет озаглавлен: «О роли профессиональных союзов в производстве» (предисловие помечено 6 января 1921 г.). Конечно, это далеко еще не весь дискуссионный материал. А партийные собрания, обсуждающие спорные вопросы, идут едва ли уже не повсюду. Мне пришлось выступить 30 декабря 1920 г. при условиях, «нарушающих порядок», как я выразился, именно: при таких условиях, когда я не мог участвовать в прениях, не мог слушать ни предыдущих, ни последующих ораторов. Попробую теперь восстановить нарушенный порядок, высказаться более «упорядоченно».

ПАРТИЙНАЯ ОПАСНОСТЬ ФРАКЦИОННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Является ли брошюра т. Троцкого: «Роль и задачи профсоюзов» фракционным выступлением? Есть ли в такого рода выступлениях, независимо от его содержания, нечто партийно опасное? Замалчивать этот вопрос особенно любят (кроме, разумеется, т. Троцкого) члены МК, видящие фракционность питерцев, и т. Бухарин, который, однако, выступая 30 декабря 1920 г. от имени «буферной фракции», счел себя вынужденным заявить:

...«когда поезд имеет некоторый уклон к тому, чтобы потерпеть крушение, то буфера являются уже не такой плохой вещью» (стр. 45 отчета о дискуссии 30 декабря 1920 г.).

Итак, некоторый уклон к крушению есть. Что же, мыслимы также сознательные члены партии, которые беззаботны насчет вопроса, где именно, в чем именно, как именно начался этот уклон?

Брошюра Троцкого открывается заявлением, что «она является плодом коллективной работы»; что принимал участие в ее составлении «целый ряд ответственных работников, особенно профессионалистов (члены президиума ВЦСПС, ЦК металлистов, Цектрана и др.)»; что это «брошюра-платформа». А в конце тезиса № 4 читаем, что «предстоящему партийному съезду придется *выбирать* (курсив Троцкого) между двумя тенденциями в области профессионального движения».

Если это не есть образование фракции одним членом Цека, если это не есть «некоторый уклон к крушению», то пусть попробует объяснить партии т. Бухарин или любой из его единомышленников, какой же иной смысл имеют русские слова: «фракционность» и «уклон к крушению» партии?? Можно ли себе представить более чудовищное ослепление, чем это ослепление людей, желающих «буферить» и *закрывающих глаза на такой*. «уклон к крушению»??

Подумайте только: после двух пленумов Цека (9 ноября и 7 декабря), посвященных неслыханно подробно, долгому, горячему обсуждению первоначальной наброска тезисов тов. Троцкого и всей защищаемой им политики партии в профсоюзах, один член Цека остается *одним из 19*, который подбирает себе группу вне Цека и с «коллективным»

«трудом» этой группы выступает, как с «платформой», предлагая партсъезду «выбирать между двумя тенденциями»!! Я не говорю уже о том, что это провозглашение т. Троцким именно двух и только двух тенденций 25 декабря 1920 г., хотя Бухарин уже 9 ноября выступил как «буферщик», наглядно разоблачает истинную роль группы Бухарина, как пособника худшей и вреднейшей фракционности. Это мимоходом. Но я спрашиваю любого члена партии: подобный натиск и налет на «выбор» между двумя тенденциями в области профдвижения не поражает ли своей головокружительностью? Не приходится ли только развести руками, если после трех лет пролетарской диктатуры в партии мог найтись хоть один член ее, способный *таким образом* «налететь» на вопрос о двух тенденциях в области профдвижения?

Мало того. Посмотрите на фракционные выпады, которыми уснащена эта брошюра. В 1-ом же тезисе читаем грозный «замах» на «некоторых работников профдвижения», отбрасываемых «вспять на тред-юнионистские позиции, принципиально давно ликвидированные партией» (очевидно, только один член Цека из 19 представляет партию). В тезисе 8 велеречиво осуждается «профессионалистский консерватизм в руководящем слое профработников» (заметьте, это истинно-бюрократическое устремление внимания на «руководящий слой»!). В тезисе 11-ом в начале удивительно тактичный, доказательный, деловой... как бы это повежливее выразиться?.. «намек» на то, что «большинство профессионалистов» «формально, *т. е. на словах* признают» резолюции IX съезда РКП.

Вот перед нами какие авторитетные судьи того, что *большинство* (!! профессионалистов признают партрешения *на словах!*

В тезисе 12-ом:

...«многие профессионалисты все резче и непримиримее выступают против перспективы сращивания... В числе этих профессионалистов мы находим тт. Томского и Лозовского. Мало того. Отбиваясь от новых задач и методов, многие профессионалисты развивают в своей среде дух корпоративной замкнутости, неприязни к новым работникам, привлекаемым в данную область хозяйства, и таким образом фактически поддерживают цеховщины среди профессионально-организованных рабочих».

Пусть читатель внимательно перечитает эти рассуждения и хорошенечко вдумается в них. Богатство «перлов»

тут поразительное. Во-1-х, оцените это выступление с точки зрения его фракционности! Представьте себе, что бы сказал и как бы выступил Троцкий, если бы Томский опубликовал платформу, обвиняя Троцкого и «многих» воен работников в развитии духа бюрократизма, поддержке пережитков дикости и т. п.? Какова «роль» Бухарина, Преображенского, Серебрякова и др., которые не видят — ну, прямо-таки не замечают, совсем не замечают — резкости и фракционности здесь, не видят, во сколько раз это фракционнее, чем выступление питерцев?

Во-2-х. Вникните в этот подход к делу: многие профессионалисты «развивают в своей среде дух»... Подход насквозь бюрократический. Все дело, видите ли, в том, какой «дух» развивают «в своей среде» Томский и Лозовский, а вовсе не в уровне развития и условиях жизни массы, миллионов.

Во-3-х. Нечаянно т. Троцкий выразил здесь *суть* всего спора, столь тщательно обходимую и затушевываемую как им, так и «буферными» Бухариным и К^о.

В том ли суть всего спора и источник борьбы, что многие профессионалисты отбиваются от новых задач и методов, развивая в своей среде дух неприязни к новым работникам?

Или в том, что массы профессионально-организованных рабочих законно протестуют и неизбежно выражают готовность отшвырнуть прочь тех из новых работников, которые не хотят исправить ненужных и вредных крайностей бюрократизма?

В том ли суть спора, что кто-то не хочет понять «новых задач и методов»?

Или в том, что кто-то словесностью насчет новых задач и методов неудачно прикрывает защиту некоторых ненужных и вредных крайностей бюрократизма?

Пусть читатель запомнит эту *суть* всего спора.

ФОРМАЛЬНЫЙ ДЕМОКРАТИЗМ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ

«Рабочая демократия не знает фетишей» — пишет т. Троцкий в своих тезисах, которые являются «плодом коллективной работы». «Она знает только революционную целесообразность» (тез. 23).

С этими тезисами т. Троцкого вышла неприятная история. То, что в них есть верного, не только не ново, но и обращается *против* Троцкого. А то, что в них ново, сплошь неверно.

Я выписал верные положения т. Троцкого. Они обращаются против него не только по тому вопросу (о Главполитпути), который в тезисе 23 затронут, но и по другим вопросам.

Формально-демократически Троцкий *имел право* выступить с фракционной платформой хотя бы и против всего Цека. Это бесспорно. Бесспорно и то, что это формальное право Цека подтвердил своим решением от 24 декабря 1920 г. о свободе дискуссии. Это формальное право буферный Бухарин признает за Троцким, но не признает за питерской организацией — вероятно, потому, что Бухарин договорился 30 декабря 1920 г. до «священного лозунга рабочей демократии» (стр. 45 стенографического отчета)...

Ну, а революционная целесообразность?

Найдется ли хоть один серьезный человек, не ослепленный фракционным самолюбием «цектрановской» или «буферной» фракции, который бы, в здравом уме и твердой памяти, нашел *революционно-целесообразным такое* выступление по вопросам профдвижения *такого* авторитетного вождя, как Троцкий??

Можно ли отрицать, что даже если бы «новые задачи и методы» были указываемы Троцким столь же высоко правильно, сколь они на деле указаны им сплошь неправильно (о чем ниже), то одним подобным подходом к делу Троцкий приносил бы вред и себе, и партии, и профдвижению, и воспитанию миллионов членов профсоюзов, и республике??

Добрый Бухарин и его группа потому называют себя, вероятно, «буферными», что они твердо решили *не думать* о том, какие обязанности это звание налагает.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ РАСКОЛОВ В ПРОФДВИЖЕНИИ

Всякий знает, что большие разногласия вырастают иногда из самых маленьких — ничтожных даже вначале — расхождений. Всякий знает, что ничтожная ранка или даже царапинка, которых каждому приходилось получать

в своей жизни десяткам, способна превратиться в опаснейшую, а то и, безусловно, смертельную болезнь, *если* ранка начала загнивать, *если* возникает заражение крови. Так бывает во всяких, даже чисто личных, конфликтах. Так бывает и в политике.

Любое, даже ничтожное, расхождение может стать политически опасным, если является возможность того, что оно разрастется в раскол, и притом такого именно рода раскол, который способен поколебать и разрушить все политическое здание, привести — говоря сравнением тов. Бухарина — к крушению поезда.

Ясно, что в такой стране, которая переживает диктатуру пролетариата, раскол среди пролетариата или между пролетарской партией и массой пролетариата является уже не только опасным, но и опаснейшим, особенно если в этой стране пролетариат составляет небольшое меньшинство населения. А расколы в профдвижении (которое, как я старался изо всех сил подчеркнуть в своей речи 30 декабря 1920 г., есть движение почти поголовно организованного в профсоюзы пролетариата) означают расколы именно в массе пролетариата.

Вот почему, когда «сыр-бор загорелся» на V Всеросс. конференции профсоюзов 2—6 ноября 1920 г. (а он загорелся именно на ней), когда тотчас после этой конференции... нет, я ошибаюсь, *во время* этой конференции в Политбюро явился неслыханно возбужденный т. Томский и, при полной поддержке уравновешеннейшего тов. Рудзутака, стал рассказывать о том, как т. Троцкий говорил на этой конференции о «перетряхивании» профсоюзов и как он, Томский, с этим полемизировал, — когда это произошло, я сразу и бесповоротно решил для себя, что суть спора именно в политике (т. е. в политике партии по отношению к профсоюзам) и что в корне неправ в этом споре т. Троцкий со своей политикой «перетряхивания» против т. Томского. Ибо политика «перетряхивания», *даже если бы она частично оправдывалась* «новыми задачами и методами» (тезис 12 у Троцкого), есть политика в данный момент и в данной обстановке совершенно недопустимая, как грозящая расколом.

Тов. Троцкому теперь кажется, что приписыванье ему политики «перетряхиванья сверху» «представляет собой чистейшую карикатуру» (Л. Троцкий: «Ответ петроград-

ским товарищам» в «Правде» № 9 от 15 января 1921 г.). Но словечко «перетряхиванье» является настоящим «крылатым словечком» не только в том смысле, что, будучи сказано тов. Троцким на V Всеросс. конференции профсоюзов, оно «облетело» уже, так сказать, и партию и профсоюзы. Нет. Оно остается, к сожалению, верным и по сей час в гораздо более глубоком смысле. Именно: оно одно выражает, в кратчайшей форме, *весь дух, всю тенденцию брошюры-платформы «Роль и задачи профсоюзов»*. От начала до конца, вся эта брошюра-платформа тов. Троцкого насквозь пропитана именно духом политики «перетряхиванья сверху». Достаточно вспомнить обвинение тов. Томского или «многих профессионалистов» в том, что они «развивают в своей среде дух неприязни к новым работникам»!

Но если на V Всероссийской конференции профсоюзов (2—6 ноября 1920 г.) только еще начиналась создаваться атмосфера, угрожающая расколами, то в начале декабря 1920 г. раскол Цектрана стал фактом.

Это событие есть основное, главное, коренное для оценки политической сути наших споров; и напрасно думают гг. Троцкий и Бухарин, что замалчиванье тут чему-нибудь поможет. Замалчивание не «буферит», а разжигает в данном случае, ибо вопрос не только поставлен на очередь дня жизнью, но и подчеркнут т. Троцким в его брошюре-платформе. Ибо именно эта брошюра многократно в приведенных мною местах, особенно в тезисе 12-ом, ставит вопрос: в том ли суть, что «многие профессионалисты развивают в своей среде дух неприязни к новым работникам», или в том, что «неприязнь» *масс* законна ввиду некоторых ненужных и вредных крайностей бюрократизма, например, в Цектране?

Т. Зиновьев в первой же своей речи 30 декабря 1920 г. вполне основательно и поставил этот вопрос прямоком, говоря, что до раскола довели «неумеренные сторонники тов. Троцкого». Может быть, за это т. Бухарин обругал речь т. Зиновьева «водолейством»? Но в несправедливости этого упрека убедится теперь всякий член партии, который прочтет стенографический отчет о дискуссии 30 декабря 1920 г. и увидит, что точные факты цитирует и на точные факты опирается именно т. Зиновьев, а преобладает интеллигентская «словесность» без всяких фактов именно у Троцкого и Бухарина.

Когда т. Зиновьев сказал: «Центран стоит на глиняных ногах, он уже раскололся на три части», то тов. Сосновский перебил его возгласом:

«А вы это поощряли» (Стенографический отчет, стр. 15).

Вот это обвинение серьезное. Если бы оно было доказано, то, конечно, виновным в *поощрении раскола* хотя бы одного из профсоюзов не было бы места ни в Цека, ни в партии РКП, ни в профсоюзах нашей республики. К счастью, серьезное обвинение выдвинуто в несерьезной форме товарищем, не раз уже, к сожалению, показывавшим примеры своих несерьезных полемических «увлечений». Тов. Сосновский даже превосходные статьи свои, скажем, из области производственной пропаганды, умел иногда снабжать такой «ложкой дегтя», которая далеко перевешивала все плюсы самой производственной пропаганды. Бывают такие счастливые натуры (как, напр., Бухарин), которые даже при наибольшем ожесточении борьбы меньше всего способны заражать ядом свои нападки; бывают такие, не очень счастливые натуры, которые чересчур часто заражают свои нападки ядом. Тов. Сосновскому полезно было бы за собой, по этой части, присматривать и даже друзей своих попросить, чтобы они за ним присматривали.

Но — могут сказать — обвинение все же выставлено. Пусть в несерьезной, неудачной, явно «фракционной» форме. Но лучше неудачно сказать правду, чем умолчать о ней, если дело серьезное.

Дело, несомненно, серьезное, ибо здесь, повторяю, больше, чем думают, *звездь* всего спора. И мы имеем, к счастью, достаточно убедительные и достаточно объективные данные, чтобы дать ответ на поднятый т. Сосновским вопрос *по существу*.

Во-1-х, на той же странице стенографического отчета мы читаем заявление т. Зиновьева, который не только ответил т. Сосновскому: «Неверно!», но и привел точные ссылки на решающие факты. Т. Зиновьев указал, что т. Троцкий пытался выдвигать (добавлю от себя: явно находясь во фракционном увлечении) далеко не такое обвинение, какое выдвинул т. Сосновский, а обвинение т. Зиновьева в том, что он, Зиновьев, своим *выступлением на сентябрьской Всероссийской конференции РКП* содействовал расколу или вызвал раскол. (Обвинение, в скобках

замечу, несостоятельное уже потому, что сентябрьское выступление Зиновьева по существу одобрено и Центральным Комитетом и партией и ни разу никем формально не опротестовано.)

И т. Зиновьев ответил, что т. Рудзутак на заседании Цека с протоколами в руках доказал, что «этот вопрос (вопрос о некоторых ненужных и вредных крайностях бюрократизма в Цектране) рассматривался и в Сибири, и на Волге, и на Севере, и на Юге *задолго до* каких бы то ни было моих (т. е. Зиновьева) выступлений и *задолго до* Всероссийской конференции».

Это совершенно ясно, точное, фактическое заявление. Его сделал т. Зиновьев в первой своей речи перед тысячами ответственных членов РКП, причем ни т. Троцкий, *дважды* говоривший *после* этой речи Зиновьева, ни т. Бухарин, говоривший *тоже после* этой речи Зиновьева, не опровергли фактических указаний Зиновьева.

Во-2-х. Еще более точным и официальным опровержением обвинения т. Сосновского является помещенная в том же стенографическом отчете *резолюция пленума ЦК РКП по вопросу о конфликте между коммунистами водниками и коммунистической фракцией совещания Цектрана*, принятая 7 декабря 1920 г. Та часть этой резолюции, которая посвящена Цектрану, гласит:

«В связи с конфликтом между Цектраном и водниками ЦК постановил: 1) Создать в объединенном Цектране секцию водников. 2) Созвать в феврале съезд железнодорожников и водников, на котором провести нормальные выборы в новый Цектран. 3) До этого оставить функционировать старый состав Цектрана. 4) Немедленно упразднить Главполитвод и Главполитпуть с передачей всех их сил и средств профессиональной организации на началах нормального демократизма».

Читатель видит отсюда, что не только нет и речи об осуждении водников, а, напротив, во всем существенном признана *их работа*. Между тем за эту резолюцию *не* голосовал *ни один* (кроме Каменева) из тех цеккистов, которые подписали общую платформу 14 января 1921 г. («О роли и задачах профсоюзов»). Проект постановления X съезда РКП, внесенный в ЦК группой членов ЦК и членов профессиональной комиссии. Не членом ЦК, но членом профкомиссии подписан Лозовский, остальные: Томский, Калинин, Рудзутак, Зиновьев, Сталин, Ленин, Каменев, Петровский, Артем Сергеев).

Эта резолюция проведена *против* названных цекистов, т. е. против нашей группы. Ибо мы бы голосовали против временного оставления старого Цектрана. И неизбежность победы нашей группы принудила Троцкого голосовать за резолюцию Бухарина, ибо иначе прошло бы наше решение. Т. Рыков, бывший в ноябре *за* Троцкого, участвовал в декабре в работах профкомиссии по разбору конфликта водников с Цектраном и убедился в правоте водников.

Итог: декабрьское (7 декабря) большинство Цека состояло из тт. Троцкого, Бухарина, Преображенского, Серебрякова и т. д., т. е. таких цекистов, которых в пристрастности *против* Цектрана не заподозрит никто. И это большинство, по сути его решения, осудило не водников, а Цектран, отказавшись только немедленно сместить его. Значит, несостоятельность обвинения Сосновского доказана.

Чтобы не оставлять места неясности, надо коснуться еще одного пункта. В чем же состояли «некоторые ненужные и вредные крайности бюрократизма», о которых я не раз упоминал? Не было ли и нет ли голословности или преувеличения в *этом* обвинении?

Опять-таки: ответ дан т. Зиновьевым в первой же его речи 30 декабря 1920 г., и ответ такой, который не оставляет ничего желать по точности. Т. Зиновьев привел выписку из напечатанного приказа тов. Зофа по водному транспорту (от 3 мая 1920 г.) с заявлением: «отпадает комитетчина». Тов. Зиновьев правильно назвал это коренной ошибкой. Вот это и есть образец ненужной и вредной крайности бюрократизма и «назначенства». При этом т. Зиновьев сразу оговорился, что есть «гораздо менее испытанные и менее опытные товарищи» — назначенцы, чем т. Зоф. Я слышал в Цека оценку Зофа, как ценнейшего работника, и мои наблюдения в Совобороне вполне подтверждают эту оценку. Никто не думает ни подрывать авторитет таких товарищей, ни делать их «козлами отпущения» (как заподозрил т. Троцкий в своем докладе, стр. 25, не имея на то ни тени оснований). Авторитет «назначенцев» подрывает не тот, кто исправляет ошибки их, а тот, кто вздумал бы защищать их даже тогда, когда они делают ошибки.

Мы видим таким образом, что опасность расколов в профдвижении была не выдуманная, а реальная. Мы видим

также наглядно, в чем именно была непреувеличенная сущность разногласий: в борьбе за то, чтобы некоторые ненужные и вредные крайности бюрократизма и назначества не защищались, не оправдывались, а исправлялись. Только и всего.

О ПРИНЦИПИАЛЬНЫХ РАЗНОГЛАСИЯХ

Но если есть коренные и глубокие принципиальные разногласия, — могут сказать нам, — разве они не оправдывают даже самых резких и фракционных выступлений? Если надо сказать новое и непонятое, не оправдывает ли это иногда даже раскола?

Конечно, оправдывает, если разногласия действительно крайне глубоки и если исправления неправильного направления политики партии или рабочего класса нельзя достигнуть иначе.

Но в том-то и беда, что таких разногласий нет. Т. Троцкий старался их указать, но не мог. И если *до* появления его брошюры (25 декабря) можно — и должно — было говорить условно или примирительно («нельзя подходить так к вопросу даже при условии, что есть несознанные новые задачи, есть разногласия»), то *после* этой брошюры пришлось сказать: в том, что есть у него нового, т. Троцкий не прав по существу.

Всего яснее это видно из сравнения тезисов т. Троцкого с тезисами Рудзутака, которые были приняты V Всеросс. конференцией профсоюзов (2—6 ноября). Я привел их в речи 30 декабря и в «Правде» 21 января. Эти тезисы и вернее и полнее тезисов Троцкого. То, чем отличаются тезисы Троцкого от тезисов Рудзутака, неверно у Троцкого.

Возьмем для начала пресловутую «производственную демократию», которую тов. Бухарин поспешил вставить в резолюцию ЦК от 7 декабря. Конечно, смешно было бы придираться к этому неуклюжему и интеллигентски-искусственному («выкрутасы») термину, если бы он был употреблен в речи или в статье. Но ведь как раз Троцкий и Бухарин поставили себя в такое смешное положение, что они *настаивают в тезисах* именно на этом термине, отличающем их «платформы» от принятых профсоюзами тезисов Рудзутака!

Этот термин теоретически неверен. Всякая демократия, как вообще всякая политическая надстройка (неизбежная, пока не завершено уничтожение классов, пока не создано бесклассовое общество), служит, в конечном счете, производству и определяется, в конечном счете, производственными отношениями данного общества. Поэтому выделение «производственной демократии» из всякой другой демократии ничего не говорит. Это — путаница и пустышка. Это во-первых.

Во-вторых. Посмотрите на разъяснение этого термина самим Бухариным в написанной им резолюции пленума ЦК от 7 декабря. «Поэтому — писал там Бухарин — методы рабочей демократии должны быть методами производственной демократии. Это значит» — заметьте: «это значит»! Бухарин обращение к массам начинает с такого мудреного термина, что его надо *особо объяснять*: помоему, с точки зрения демократизма, это *недемократично*; для масс надо писать без таких новых терминов, кои требуют особого объяснения; с точки зрения «производственной», это вредно, ибо заставляет тратить время попусту на объяснение ненужного термина — «это значит, что все выборы, выставление кандидатов, их поддержка и т. д. должны проходить под углом зрения не только политической выдержанности, но и хозяйственных способностей, административного стажа, организаторских качеств и проверенной на деле заботы о материальных и духовных интересах трудящихся масс».

Рассуждение явно натянутое и неверное. Демократия не означает только «выборы, выставление кандидатов, их поддержку и т. д.». Это с одной стороны. А с другой, не все выборы должны проходить под углом зрения политической выдержанности и хозяйственных способностей. Надо также, вопреки Троцкому, в миллионной организации иметь известный процент ходатаев, бюрократов (без хороших бюрократов не обойтись много лет). Но мы не говорим о «ходатайственной» или «бюрократической» демократии.

В-третьих. Неправильно смотреть только на выбираемых, только на организаторов, администраторов и пр.: Это все же меньшинство выдающихся людей. Надо смотреть на рядовых, на массу. У Рудзутака это выражено не только проще, понятнее, но и теоретически правильное (тезис 6-ой):

...«необходимо, чтобы каждый участник производства понял необходимость и целесообразность выполняемых им производственных задач; чтобы каждый участник производства участвовал не только в выполнении заданий сверху, но и сознательно принимал участие в исправлении всех недочетов, технических и организационных, в области производства».

В-четвертых. «Производственная демократия» есть термин, порождающий возможность кривотолков. Его можно понять в смысле отрицания диктатуры и единоначалия. Его можно истолковать в смысле отсрочки обычной демократии или отговорки от нее. Оба толкования эти вредны, а, чтобы избежать их, не обойтись без особых и длинных комментариев.

Простое изложение тех же мыслей у Рудзутака и правильнее и избегает всех этих неудобств. И Троцкий в своей статье «Производственная демократия» в «Правде», 11 января, не только не опровергает того, что эти неправильности и неудобства есть (он обходит весь этот вопрос, не сравнивает своих тезисов с рудзутаковскими), а, напротив, косвенно подтверждает неудобство и неправильность своего термина, именно тем, что приводит в параллель ему: «военную демократию». К счастью, мы никогда, помнится, фракционных споров из-за подобного термина не поднимали.

Еще более неудачен такой термин Троцкого, как «производственная атмосфера». Зиновьев справедливо посмеялся над ним. Троцкий очень рассердился и возражал: «Атмосфера военная у нас была... Теперь должна создаваться в рабочей массе, в толще ее, не только на поверхности производственная атмосфера, т. е. такое же напряжение, деловой интерес, внимание к производству, какие были к фронтам»... Вот в том-то и дело, что «рабочей массе, толще ее» надо говорить так, как говорится в тезисах Рудзутака, а не с употреблением слов вроде: «производственная атмосфера», которые вызовут недоумение или улыбку. По существу, употребляя выражение «производственная атмосфера», т. Троцкий выражает ту же мысль, которую выражает понятие производственной пропаганды. Но именно для рабочей массы, для толщи ее надо вести производственную пропаганду так, чтобы подобных выражений избегать. Это выражение годится в виде образца того, как не следует вести производственной пропаганды в массах.

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА. ДИАЛЕКТИКА И ЭКЛЕКТИЦИЗМ

Странно, что приходится ставить вновь столь элементарный, азбучный вопрос. К сожалению, Троцкий и Бухарин заставляют делать это. Они оба упрекают меня в том, что я «подменяю» вопрос, или что я подхожу «политически», а они подходят «хозяйственно». Бухарин даже вставил это в свои тезисы и пытался «подняться выше» обоих спорящих: я-де соединяю и то и другое.

Теоретическая неверность вопиющая. Политика есть концентрированное выражение экономики — повторил я в своей речи, ибо раньше уже слышал этот ни с чем не сравнимый, в устах марксиста совсем недопустимый, упрек за мой «политический» подход. Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе, значит забывать азбуку марксизма.

Может быть, моя политическая оценка неверна? Скажите и докажите это. Но говорить (или хотя бы даже косвенно допускать мысль), что политический подход равноценен «хозяйственному», что можно брать «то и то», это значит забывать азбуку марксизма.

Другими словами. Политический подход, это значит: если подойти к профсоюзам неправильно, это погубит Советскую власть, диктатуру пролетариата. (Раскол партии с профсоюзами при условии, что партия неправа, наверняка, свалил бы Советскую власть в такой крестьянской стране, как Россия.) Можно (и должно) проверять это соображение по существу, т. е. разбирать, вникать, решать, правлен или неправилен данный подход. Говорить же: я «ценю» политический ваш подход, «но» это только политический, нам же нужен «и хозяйственный», это все равно, что сказать: я «ценю» ваше соображение о том, что, делая такой-то шаг, вы ломаете себе шею, но взвесьте также и то, что быть сытым и одетым лучше, чем голодным и раздетым.

Бухарин теоретически скатился к *эклектике*, проповедуя соединение политического и хозяйственного подхода.

Троцкий и Бухарин изображают дело так, что вот-де мы заботимся о росте производства, а вы только о формальной демократии. Это изображение неверное, ибо вопрос стоит (и, по-марксистски, *может* стоять) *лишь* так: без

правильного политического подхода к делу данный класс не удержит своего господства, а следовательно, не сможет решить и своей производственной задачи.

Конкретнее. Зиновьев говорит: «Вы делаете политическую ошибку, доводя до расколов в профсоюзах. О росте же производства я говорил и писал еще в январе 1920 г., приводя в пример постройку бани». Троцкий отвечает: «Эка штука, подумаешь (стр. 29), брошюру написать с примером о бане, а вот у вас «ни слова», «ни единого слова» (22 стр.) о том, что должны делать профсоюзы».

Неверно. Пример с баней стоит, извините за каламбур, десяти «производственных атмосфер» с придачей нескольких «производственных демократий». Пример с баней говорит ясно, просто, именно для массы, именно для «толщи», что должны делать профсоюзы, а «производственные атмосферы» и «демократии» есть сор, засоряющий глаза рабочих масс, *затрудняющий* их понимание.

Меня т. Троцкий тоже упрекал, что «Ленин не сказал ни слова» (стр. 66) о том, «какую роль играют и должны играть те рычаги, которые называются аппаратом профсоюзов».

Извините, тов. Троцкий: прочитав полностью тезисы Рудзутака и присоединившись к ним, я сказал об этом *больше, полнее, вернее, проще, яснее, чем все ваши тезисы и весь ваш доклад или содоклад и заключительное слово.* Ибо, повторяю, натурпремии и дисциплинарные товарищеские суды во сто раз больше значат для овладения хозяйством, для управления промышленностью, для повышения производственной роли профсоюзов, чем совершенно абстрактные (и потому пустые) слова о «производственной демократии», о «сращивании» и т. п.

Под предлогом выдвигания «производственной» точки зрения (Троцкий) или преодоления односторонности политического подхода и соединения этого подхода с хозяйственным (Бухарин), нам дали:

1) забвение марксизма, выразившееся в теоретически неверном, эклектическом определении отношения политики к экономике;

2) защиту или прикрытие той политической ошибки, которая выражена в политике перетряхивающа, которая проникает собой насквозь *всю* брошюру-платформу Троцкого. А эта ошибка, если ее не сознать и не исправить, *ведет* к падению диктатуры пролетариата;

3) шаг назад в области вопросов чисто-производственных, хозяйственных, вопросов о том, как увеличить производство; именно шаг назад от *деловых* тезисов Рудзутака, ставящих конкретные, практические, жизненные, живые задачи (развивайте производственную пропаганду, учитесь хорошенько распределять натурпремии и правильнее употреблять принуждение в виде товарищеских дисциплинарных судов), к абстрактным, отвлеченным, «опустошенным», теоретически неверным, по-интеллигентски формулированным общим *тезисам*, с *забвением* наиболее делового и практичного.

Вот каково, на самом деле, соотношение между Зиновьевым и мной, с одной стороны, Троцким и Бухариным, с другой, по вопросу о политике и экономике.

Я не мог поэтому без улыбки читать то возражение мне, которое огласил 30 декабря тов. Троцкий: «тов. Ленин в своем заключительном слове на VIII съезде Советов по докладу о нашем положении говорил, что нам нужно поменьше политики, побольше хозяйственности, а по вопросу о профсоюзах он на первый план выдвигал политическую сторону дела» (стр. 65). Тов. Троцкому эти слова показались «чрезвычайно меткими». На деле они выражают самую отчаянную путаницу понятий, «идейную сумятицу» поистине безбрежную. Конечно, я всегда выражал, выражаю и буду выражать пожелание, чтобы мы занимались меньше политикой, больше хозяйством. Но нетрудно понять, что для выполнения этих пожеланий надо, чтобы не было политических опасностей и *политических ошибок*. Политические ошибки, которые сделаны тов. Троцким и углублены, усугублены тов. Бухариным, *отвлекают* нашу партию от хозяйственных задач, от «производственной» работы, *заставляют нас, к сожалению, терять время* на исправление этих ошибок, на то, чтобы спорить с синдикалистским уклоном (ведущим к падению диктатуры пролетариата), спорить против неправильного подхода к профдвижению (подхода, ведущего к падению Советской власти), спорить об общих «тезисах» вместо делового, практического, «хозяйственного» спора о том, кто лучше и успешнее давал натурпремии, организовывал суды, осуществлял сращивание на основе тезисов Рудзутака, принятых 2—6 ноября V Всероссийской конференцией профсоюзов: саратов-

ские мукомолы, углекопы в Донбассе, металлисты в Питере и т. д.

Возьмите вопрос о пользе «широкой дискуссии». Здесь мы увидим тоже, как политические ошибки отвлекают от хозяйственных задач. Я был против так наз. «широкой» дискуссии и ошибкой, политической ошибкой тов. Троцкого считал и считаю срыв им профкомиссии, в которой должна бы была пойти деловая дискуссия. Я считаю политической ошибкой буферной группы с Бухариным во главе, что они не поняли задач буфера (подменили и здесь диалектику эклектицизмом); они именно с точки зрения «буфера» должны были с бешеной энергией выступить против широкой дискуссии за перенесение дискуссии в профкомиссию. Посмотрите, что вышло.

30 декабря Бухарин договорился до того, что «мы провозгласили новый священный лозунг рабочей демократии, которая заключается в том, чтобы все вопросы обсуждать не в узких коллегиях, не в маленьких собраниях, не в какой-нибудь своей корпорации, а выносить все вопросы на широкие собрания. И вот, я утверждаю, что, вынося вопрос о роли профсоюзов на такое громадное собрание, как сегодняшнее, мы тем самым делаем шаг не назад, а вперед» (стр. 45). И этот человек обвинял Зиновьева в водолействе и в преувеличении демократии! Сплошное водолейство и «ляпанье», полное непонимание того, что формальный демократизм должен быть подчинен революционной целесообразности!

Ничуть не лучше у Троцкого. Он выступает с обвинением: «Ленин хочет во что бы то ни стало дискуссией по существу вопроса сваять, сорвать» (стр. 65). Он заявляет: «Почему я в комиссию не входил, об этом я в ЦК сказал ясно: до тех пор, пока не будет разрешено мне, наравне со всеми другими товарищами, эти вопросы в полном объеме поставить в партийной печати, до тех пор не жду никакой пользы от келейного рассмотрения этих вопросов, а стало быть и от работы в комиссии» (стр. 69).

Итог? Не прошло и месяца с тех пор, как Троцкий 25 декабря начал «широкую дискуссию», и едва ли найдется 1 из 100 ответственных партработников, который бы не чувствовал оскомины от этой дискуссии, не сознавал ее бесполезности (если не хуже). Ибо Троцкий отнял время у партии спором о словах, о плохих тезисах, обругавши

«келейным» рассмотрением как раз *деловое*, хозяйственное рассмотрение в комиссии, которая ставила бы своей задачей изучение и проверку практического опыта, для того, чтобы, учась из этого опыта, *идти вперед* в настоящей «производственной» работе, *а не назад*, от живого дела к мертвой схоластике всяких «производственных атмосфер».

Возьмите пресловутое «сращивание». Я советовал 30 декабря о всем помолчать, ибо мы *не изучили* нашего собственного практического опыта, а без этого условия споры о сращивании неизбежно вырождаются в водолейство, в пустое отвлечение сил партии *от* хозяйственной работы. Я назвал бюрократическим прожектерством тезисы Троцкого по этому пункту с предложениями вводить в состав совнархозов от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ и от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ представителей профсоюзов.

За это на меня очень рассердился Бухарин, который, как я вижу из стр. 49 отчета, обстоятельно и подробно доказывал мне, «что когда люди собираются и говорят о чем-нибудь, они не должны изображать из себя глухонемых» (буквально так и напечатано на указанной странице!). Рассердился и Троцкий, который воскликнул:

«Я прошу каждого из вас записать у себя в книжке, что тов. Ленин назвал это бюрократизмом такого-то числа, а я осмеливаюсь предсказывать, что это будет через несколько месяцев принято и к сведению, и к руководству, чтобы в ВЦСПС и ВСНХ, в Цека металлистов и в отделе металла и т. д. имелось бы общих работников от трети до половины...» (стр. 68).

Прочитав это, я попросил тов. Милютину (заместитель председателя Высшего совета народного хозяйства) прислать мне имеющиеся *печатные* отчеты по вопросу о сращивании. Думаю про себя: начну-ка я хоть помаленечку *изучать наш практический опыт*, ибо нестерпимо скучно заниматься «общепартийным говорением» (выражение Бухарина, стр. 47, которое, пожалуй, станет «крылатым словечком» не менее, чем знаменитое «перетряхивание») — впустую, без материала, без фактов, высасывая из пальца разногласия, дефиниции, «производственные демократии».

Тов. Милютин прислал мне несколько книг, в том числе «Отчет ВСНХ VIII Всероссийскому съезду Советов» (М., 1920; предисловие помечено 19 декабря 1920). На стр. 14-ой приведена здесь таблица, показывающая степень участия рабочих в управляющих органах. Привожу

эту табличку (охватывающую только часть Губсовнархозов и предприятий):

Управляющий аппарат:	Общее число	Ра- бочих	И з н и х				Служ. и др.	% %
			% %	Спе- цов	% %	% %		
Президиум ВСНХ и Губ- совнархозов	187	107	57,2	22	11,8	58	31,0	
Коллегии Главных управ- лений, отделов, цен- тров и главков	140	72	51,4	81	22,2	37	26,4	
Коллегиальные и едино- личные фабр.-зав. управ- ления	1143	726	63,5	398	34,8	19	1,7	
<i>Итого</i>	<i>1470</i>	<i>905</i>	<i>61,6</i>	<i>451</i>	<i>30,7</i>	<i>114</i>	<i>7,7</i>	

Итак, уже теперь участие рабочих, в среднем, составляет 61,6%, т. е. ближе к $\frac{2}{3}$, чем к половине! Бюрократически-прожектёрский характер того, что написал об этом в тезисах тов. Троцкий, *уже доказан*. Говорить, спорить, писать платформы «от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ » или « $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ », все это — самое пустопорожнее «общепартийное говорение», отвлечение сил, средств, внимания, времени от *производственной* работы, одно политиканство без серьезного содержания. А вот в комиссии, где нашлись бы люди с опытом, где не согласились бы писать тезисов, не изучив фактов, можно бы с пользой для дела заняться проверкой опыта, — скажем, опросом десятка-другого (из тысячи «общих работников»), сличением их впечатлений и выводов с объективными данными статистики, попыткой добиться деловых, практических указаний для будущего: надо ли, при таких-то итогах опыта, сейчас же двигаться вперед в том же направлении или несколько изменить и как именно изменить направление, приемы, подход, или, в интересах дела, остановиться, проверить опыт еще и еще раз, переделать, может быть, кое-что и т. д. и т. п.

Настоящий «хозяйственник», товарищи (позвольте уж и мне немного заняться «производственной пропагандой»!), знает, что капиталисты и организаторы трестов даже в самых передовых странах по многу лет, иногда по десять лет и больше, занимались изучением и проверкой своего (и чужого) практического опыта, исправляя, переделывая начатое, возвращаясь назад, исправляя много раз, чтобы добиться вполне подходящей к данному делу

системы управления, подбора высших и низших администраторов и т. д. Так было при капитализме, который во всем цивилизованном мире опирался в своей хозяйственной работе на *опыт и привычки веков*. А мы строим на новой почве, требующей самой долгой, упорной и терпеливой работы перевоспитания привычек, которые капитализм оставил нам в наследство и переделка коих возможна лишь очень постепенная. Подходить к этому вопросу так, как подходит Троцкий, в корне неправильно. «Есть ли — восклицал он в речи 30 декабря — есть ли у наших рабочих, у работников партии и профсоюзов производственное воспитание? да или нет? Я отвечаю: нет» (стр. 29). Подходить так к подобному вопросу смешно. Как будто бы вы спрашивали: есть ли в данной дивизии достаточное количество валенок? да или нет?

Мы и через десять лет наверняка должны будем сказать, что у всех работников партии и профсоюзов достаточного производственного воспитания нет. Как не будет через 10 лет достаточного военного воспитания у всех работников партии, профсоюзов, военного ведомства. Но *начало* производственного воспитания у нас создано тем, что около тысячи рабочих, членов и делегатов профсоюзов, участвуют в управлении и управляют предприятиями, главками и выше. Основной принцип «производственного воспитания», воспитания *нас самих*, старых нелегалыщиков и профессиональных журналистов, состоит в том, чтобы мы сами брались и других учили братья за внимательнейшее и подробнейшее изучение нашего собственного практического опыта, по правилу: «семь раз примерь, один отрежь». Настойчивая, медленная, осторожная, деловая, деловитая проверка того, что сделала эта тысяча, еще более осторожное и деловитое исправление их работы и продвижение вперед лишь после вполне доказанной пользы данного приема, данной системы управления, данной пропорция, данного подбора лиц и т. д. Вот основное, коренное, безусловное правило «производственного воспитания», и как раз это правило нарушает тов. Троцкий всеми своими тезисами, всем своим подходом к вопросу. Как раз все тезисы, вся брошюра-платформа тов. Троцкого таковы, что своими ошибками они отвлекли внимание и силы партии от деловой «производственной» работы на пустые, бессодержательные словопрения.

ДИАЛЕКТИКА И ЭКЛЕКТИЦИЗМ. «ШКОЛА» И «АППАРАТ»

К числу многочисленных ценнейших качеств тов. Бухарина принадлежит его теоретическая способность и интерес к тому, чтобы доискиваться теоретических корней во всяком вопросе. Это очень ценное качество, ибо нельзя вполне уяснить себе никакой ошибки, в том числе и политической, если не доискаться теоретических корней ошибки у того, кто ее делает, исходя из определенных, сознательно принимаемых им, положений.

Сообразно этому своему стремлению теоретически углубить вопрос, т. Бухарин, начиная с дискуссии 30 декабря, если не раньше, переводит спор именно в указанную область.

«Я считаю абсолютно необходимым» — говорил т. Бухарин 30 декабря — «в этом состоит теоретическая сущность того, что здесь называется «буферной фракцией» или ее идеологией, — и мне представляется совершенно бесспорным, что нельзя отбросить ни этот политический, ни этот хозяйственный момент... (стр. 47).

Теоретическая сущность той ошибки, которую здесь делает т. Бухарин, состоит в том, что он диалектическое соотношение между политикой и экономикой (которому учит нас марксизм), подменяет эклектицизмом. «И то, и другое», «с одной стороны, с другой стороны» — вот теоретическая позиция Бухарина. Это и есть эклектицизм. Диалектика требует всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдергивания кусочка одного, кусочка другого. На примере политики и экономики я уже это показал.

На примере «буфера» это так же несомненно. Буфер полезен и нужен, если партийный поезд идет под уклон к крушению. Бесспорно. Бухарин поставил «буферную» задачу эклектически, беря кусочек у Зиновьева, кусочек у Троцкого. Бухарин должен был бы, как «буферист», самостоятельно определить, где, когда, в чем делает ошибку тот или другой, те или другие, ошибку теоретическую или ошибку политической бестактности или ошибку фракционности в выступлении или ошибку преувеличения и т. п., и *всей силой* обрушиваться на *каждую* такую ошибку. Бухарин не понял этой своей задачи «буфера». Одно из наглядных доказательств тому:

Фракция коммунистов Петроградского бюро Цектрана (ЦК союза железнодорожников и водников) — организация, сочувствующая Троцкому и прямо заявляющая, что по ее мнению, «в основном вопросе, о производственной роли профсоюзов, позиции гг. Троцкого и Бухарина представляют собой разновидности одной и той же точки зрения», — издала в Петрограде брошюрой содоклад т. Бухарина в Петрограде 3 января 1921 (Н. Бухарин: «О задачах профессиональных союзов». П., 1921). В этом содокладе читаем:

«Первоначально т. Троцкий формулировал так, что нужно сменить руководящий состав профсоюзов, нужно подобрать соответствующих товарищей и проч., а еще раньше он стоял даже на точке зрения «перетряхивания», от чего он отказался сейчас, и поэтому совершенно нелепо выставление «перетряхивания» в качестве аргумента против т. Троцкого» (стр. 5).

Я не буду останавливаться на многочисленных фактических неточностях этого изложения. (Словечко «перетряхиванье» употреблено Троцким на V Всероссийской конференции профсоюзов, 2—6 ноября. О «подборе руководящего персонала» Троцкий говорил в § 5 своих тезисов, внесенных им в Цека 8 ноября и изданных, между прочим, кем-то из сторонников Троцкого, в виде печатного листка. Вся брошюра Троцкого: «Роль и задачи профессиональных союзов», 25 декабря, насквозь проникнута тем же образом мыслей, тем же духом, что указано мной уже раньше. Где и в чем выразился «отказ», совершенно неизвестно.) Моя тема сейчас иная. Если «буфер» эклектичен, он опускает одни ошибки, упоминает другие; молчит об ошибках 30 декабря 1920 в Москве, перед тысячами работников РКП всей России; говорит об ошибках в Питере 3 января 1921. Если «буфер» диалектичен, он всей своей силой нападает на каждую ошибку, которую он усматривает у обеих сторон или у всех сторон. Вот этого-то Бухарин и не делает. Он брошюру Троцкого даже и не пытается разобрать с точки зрения политики перетряхиванья. Он просто о ней молчит. Неудивительно, что такое выполнение буфером его роли вызывает у всех смех.

Далее. В той же петроградской речи Бухарина на стр. 7-ой читаем:

«Ошибка тов. Троцкого состоит в том, что он недостаточно защищает момент школы коммунизма».

На дискуссии 30 декабря Бухарин рассуждает так:

«Т. Зиновьев говорил, что профсоюзы — школа коммунизма, а Троцкий говорил, что это — административно-технический аппарат управления производством. Я не вижу никаких логических оснований, которые бы доказывали, что верно не первое и не второе: верны оба эти положения и соединение этих обоих положений» (стр. 48).

Та же мысль в 6-ом тезисе Бухарина и его «группы» или «фракции»: ... «с одной стороны, они (профсоюзы) — школа коммунизма, ... с другой стороны, они — и притом в возрастающей степени — составная часть хозяйственного аппарата и аппарата государственной власти вообще»... («Правда», 16 января).

Вот тут-то и заключается основная теоретическая ошибка тов. Бухарина, подмен диалектики марксизма эклектицизмом (особенно распространенным у авторов разных «модных» и реакционных философских систем).

Т. Бухарин говорит о «логических» основаниях. Все его рассуждение показывает, что он — может быть, бессознательно — стоит здесь на точке зрения логики формальной или схоластической, а не логики диалектической или марксистской. Чтобы пояснить это, начну с простейшего примера, взятого самим тов. Бухариным. На дискуссии 30 декабря он говорил:

«Товарищи, на многих из вас споры, которые здесь происходят, производят впечатление, примерно, такого характера: приходят два человека и спрашивают друг у друга, что такое стакан, который стоит на кафедре. Один говорит: «это стеклянный цилиндр, и да будет предан анафеме всякий, кто говорит, что это не так». Второй говорит: «стакан, это — инструмент для питья, и да будет предан анафеме тот, кто говорит, что это не так» (стр. 46).

Этим примером Бухарин хотел, как видит читатель, популярно объяснить мне вред односторонности. Я принимаю это пояснение с благодарностью и, чтобы доказать делом мою благодарность, я отвечаю популярным объяснением того, что такое эклектицизм в отличие от диалектики.

Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и «опосредствований» со всем остальным миром. Стакан есть тяжелый предмет, который может быть инструментом

для бросания. Стакан может служить как пресс-папье, как помещение для пойманной бабочки, стакан может иметь пенность, как предмет с художественной резьбой или рисунком, совершенно независимо от того, годен ли он для питья, сделан ли он из стекла, является ли форма его цилиндрической или не совсем, и так далее и тому подобное.

Далее. Если мне нужен стакан сейчас, как инструмент для питья, то мне совершенно не важно знать, вполне ли цилиндрическая его форма и действительно ли он сделан из стекла, но зато важно, чтобы в дне не было трещины, чтобы нельзя было поранить себе губы, употребляя этот стакан, и т. п. Если же мне нужен стакан не для питья, а для такого употребления, для которого годен всякий стеклянный цилиндр, тогда для меня годится и стакан с трещиной в дне или даже вовсе без дна и т. д.

Логика формальная, которой ограничиваются в школах (и должны ограничиваться — с поправками — для низших классов школы), берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим. Если при этом берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно (и стеклянный цилиндр и инструмент для питья), то мы получаем эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета и только.

Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении. По отношению к стакану это не сразу ясно, но и стакан не остается неизменным, а в особенности меняется назначение стакана, употребление его, *связь* его с окружающим миром. В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», как

любил говорить, вслед за Гегелем, покойный Плеханов. (В скобках уместным мне кажется заметить для молодых членов партии, что *нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма*.)

Я, разумеется, не исчерпал понятия диалектической логики. Но пока довольно и этого. Можно перейти от стакана к профсоюзам и к платформе Троцкого.

«С одной стороны, школа, с другой, аппарат» — говорит Бухарин и пишет в своих тезисах. У Троцкого ошибка в том, что он «недостаточно защищает момент школы»... у Зиновьева — недостаток насчет «момента» аппарата.

Почему это рассуждение Бухарина есть мертвый и бессодержательный эклектицизм? Потому, что у Бухарина нет и тени попытки самостоятельно, с своей точки зрения, проанализировать как всю историю данного спора (марксизм, *то есть* диалектическая логика, требует этого безусловно), так и весь подход к вопросу, всю постановку — или, если хотите, все направление постановки — вопроса в данное время, при данных конкретных обстоятельствах. Ни тени попытки у Бухарина сделать это! Он подходит без малейшего конкретного изучения, с голыми абстракциями и берет кусочек у Зиновьева, кусочек у Троцкого. Это есть эклектицизм.

Чтобы еще нагляднее пояснить это, возьму пример. Я ровно ничего не знаю о повстанцах и революционерах Южного Китая (кроме 2—3 статей Сун Ят-сена и нескольких книг и газетных статей, которые я читал много лет тому назад). Раз там идут восстания, вероятно, есть и споры между китайцем № 1, который говорит, что восстание есть продукт обостреннейшей и захватившей всю нацию классовой борьбы, и китайцем № 2, который говорит, что восстание есть искусство. Тезисы, подобные тезисам Бухарина, я могу написать, ничего больше не зная: «с одной

* Кстати, нельзя не пожелать, во-1-х, чтобы выходящее теперь в свет издание сочинений Плеханова выделило все статьи по философии в особый том или особые томы с подробнейшим указателем и проч. Ибо это должно войти в серию обязательных учебников коммунизма. Во-2-х, рабочему государству, по-моему, следует требовать от профессоров философии, чтобы они знали вложенные марксистской философии Плехановым и умели передать учащимся это знание. Но это все уже есть отступление от «пропаганды» к «администрированию».

стороны... с другой стороны». Один недостаточно учел «момент» искусства, другой — «момент обострения» и т. д. Это будет мертвый и бессодержательный эклектицизм, ибо нет *конкретного* изучения *данного* спора, *данного* вопроса, *данного* подхода к нему и т. д.

Профсоюзы, с одной стороны, школа; с другой — аппарат; с третьей — организация трудящихся; с четвертой — организация почти только промышленных рабочих; с пятой — организация по производствам* и т. д. и т. д. Никакого обоснования, никакого самостоятельного анализа у Бухарина нет и тени, чтобы доказать, почему надо взять первые две «стороны» вопроса или предмета, а не третью, четвертую, пятую и т. д. Поэтому и тезисы бухаринской группы — сплошь эклектическая пустышка. Бухарин в корне неверно, эклектически, ставит весь вопрос о соотношении «школы» и «аппарата».

Чтобы поставить этот вопрос правильно, надо от пустых абстракций перейти к конкретному, т. е. данному спору. Берите этот спор, как хотите, так ли, как он возник на V Всероссийской конференции профсоюзов, или так, как его поставил и *направил* сам Троцкий своей брошюрой-платформой 25 декабря, — вы увидите, что *весь* подход Троцкого, *все* направление у него неверно. Он не понял того, что надо и можно подойти к профсоюзам, как к школе, и тогда, когда ставишь тему о «советском тред-юнионизме», и тогда, когда говоришь о производственной пропаганде вообще, и тогда, когда *так* ставишь вопрос, как Троцкий, о «сращивании», об участии профсоюзов в управлении производством. И в этом последнем вопросе, так, как он поставлен во всей брошюре-платформе Троцкого, *неправильность* состоит в непонимании того, что профсоюзы являются *школой административно-технического управления производством*. Не «с одной стороны, школа, с другой нечто иное», а *со всех сторон*, при данном споре, при данной постановке вопроса Троцким, *профсоюзы суть школа*, школа объединения, школа солидарности, школа защиты своих интересов, школа хозяйни-

* Между прочим, у Троцкого и тут есть ошибка. Он думает, что производственный союз это значит союз, имеющий овладеть производством. Это неверно. Производственный союз значит организующий рабочих по производствам, что неизбежно при данном (и в России и во всем мире) уровне техники и культуры.

чанья, школа управления. Вместо того, чтобы понять и исправить эту коренную ошибку тов. Троцкого, тов. Бухарин дал смешную поправочку: «с одной стороны, с другой стороны».

Еще конкретнее приблизимся к вопросу. Погляди́м, что такое теперешние профсоюзы, как «аппарат» управления производством. Мы видели: по неполным данным, около 900 рабочих, членов и делегатов профсоюза, управляют производством. Увеличьте это число, если хотите, хотя бы даже в десять, хотя бы даже в сто раз, допустим даже, для уступки вам и для разъяснения вашей коренной ошибки, такую невероятную быстроту «движения вперед» в ближайшее время, — все же таки мы получаем ничтожную долю непосредственно *управляющих* по сравнению с 6-тимиллионной общей массой членов профсоюзов. И отсюда еще яснее видно, что устремлять все внимание на «руководящий слой», как делает Троцкий, говорить о производственной роли профсоюзов и об управлении производством, не учитывая, что $98\frac{1}{2}\%$ *учатся* (6 000 000 — 90 000 = 5 910 000 = $98\frac{1}{2}\%$ от суммы) и *долго должны учиться*, значит делать коренную ошибку. Не школа и управление, а *школа управления*.

Споря против Зиновьева 30 декабря и обвиняя его, совершенно голословно и неправильно, в отрицании «назначенства», т. е. права и обязанности Цека назначать, т. Троцкий нечаянно обмолвился крайне характерным противопоставлением:

...«Зиновьев — скавал он — слишком пропагандистски подходит к каждому практическому деловому вопросу, забывая, что тут не только материал для агитации, но и вопрос, который надо решить административно» (стр. 27).

Я сейчас разъясню подробно, каков *мог бы* быть администраторский подход к данному вопросу. Но в том-то как раз и состоит коренная ошибка тов. Троцкого, что он *к тем вопросам*, которые им самим в его брошюре-платформе поставлены, подошел (вернее, подлетел), как *администратор*, тогда как к *этим* вопросам можно и должно было ему подойти *исключительно как пропагандисту*.

В самом деле. Что есть хорошего у Троцкого? Не в его тезисах, а в его *речах* — особенно, когда он забывает о своей неудачной полемике с «консервативным» якобы

крылом профессионалистов — несомненно хорошим и полезным является *производственная пропаганда*. При деловой «хозяйственной» работе в профкомиссии, при выступлениях, ораторских и литераторских, как участник и работник Всероссийского бюро производственной пропаганды, тов. Троцкий несомненно принес бы (и несомненно принесет) немалую пользу делу. Ошибкой являются «тезисы-платформа». Красной нитью проходит через них подход администратора к «кризису» в профорганизации, к «двум тенденциям» в профсоюзах, к истолкованию программы РКП, к «советскому тред-юнионизму», к «производственному воспитанию», к «сращиванию». Я перебрал сейчас все главные темы «платформы» Троцкого, и именно к таким темам правильный подход в данное время, с тем материалом, который у Троцкого есть, может быть исключительно пропагандистский.

Государство, это область принуждения. Сумасшествием было бы отречься от принуждения, особенно в эпоху диктатуры пролетариата. «Администрирование» и администраторский подход к делу здесь обязательны. Партия; это непосредственно правящий авангард пролетариата, это — руководитель. Исключение из партии, а не принуждение, вот специфическое средство воздействия, средство очищения и закала авангарда. Профсоюзы — резервуар государственной власти, школа коммунизма, школа хозяйничанья. В этой области специфическое и главное есть не управление, а «связь» «между центральным» (и местным, конечно, тоже) «государственным управлением, народным хозяйством и широкими массами трудящихся» (как говорит наша программа партии, § 5 экономической части, посвященный профсоюзам).

Красной нитью через всю брошюру-платформу Троцкого проходит неправильность всей постановки этого вопроса, непонимание такого соотношения.

Представьте себе, что это самое пресловутое «сращивание» в связи с остальными темами своей платформы Троцкий разработал бы, с другой стороны подхода ко всему вопросу. Представьте себе, что его брошюра посвящена была бы всецело задаче обследовать детально, скажем, 90 из 900 случаев «сращивания», случаев совмещения должностей в ВСНХ по управлению промышленностью и должностей по выборам от профсоюзов, совмещения

членами профсоюзов и постоянных работников профдвижения. Представьте себе, что эти 90 случаев анализированы были бы наряду с данными выборочного статистического обследования, наряду с докладами и отчетами ревизоров и инструкторов Рабкрина и соответствующих наркоматов, т. е. анализированы по данным администрирующих учреждений, анализированы с точки зрения итогов и результатов работы, успехов производства и т. п. Такой подход к делу был бы правильным администраторским подходом, и он вполне оправдывал бы линию «перетряхивания», т. е. устремление внимания на того, кого сместить, кого переместить, кого назначить, какие требования «руководящему слою» сейчас же предъявить. Если Бухарин сказал в своей изданной центристами питерской речи 3 января, что Троцкий раньше стоял на точке зрения «перетряхивания», а сейчас от нее отказался, то Бухарин и здесь впадает в смехотворную практически, совершенно недопустимую для марксиста теоретически, эклектику. Бухарин берет вопрос абстрактно, не умея (или не желая) подойти конкретно. Пока мы, Цека партии и вся партия, будем администрировать, т. е. управлять государством, мы никогда не откажемся и не можем отказаться от «перетряхиванья», т. е. смещения, перемещения, назначения, увольнения и пр. Но в брошюре-платформе Троцкого совсем не тот материал взят, совсем не «практический деловой вопрос» поставлен. Не о «практическом деловом вопросе» спорили Зиновьев и Троцкий, спорим мы с Бухариным, спорит вся партия, а о вопросе о *тенденциях* в области профдвижения» (тезис 4, конец, у Троцкого).

Это вопрос, по сути своей, политический. Исправление ошибки Троцкого эклектическими поправочками и дополнениями, как хочет Бухарин, полный самых гуманных, разумеется, чувств и намерений, по самой сути дела — данного, конкретного «дела» — невозможно.

Здесь решение может быть одно и только одно.

Правильно решить политический вопрос о «тенденциях в области профдвижения», о соотношении классов, о соотношении политики и экономики, о специфических ролях государства, партии, профсоюзов, — «школы» и аппарата и т. п. Это раз.

Второе: на основе правильного политического решения провести — вернее: проводить — длительную, систематическую, настойчивую, терпеливую, разностороннюю, повторную производственную пропаганду, проводить ее в государственном масштабе, от имени и под руководством государственного учреждения.

Третье: «практические деловые вопросы» не смешивать с теми спорами о тенденциях, которые (споры) составляют законное достояние «общепартийного говорения» и широких дискуссий, а ставить их по-деловому, в деловых комиссиях, с допросом свидетелей, с изучением докладов, отчетов, статистики, и на основании всего этого — только на основании всего этого, только в таких условиях — только по решению соответствующего советского или партийного органа или обоих таких органов «перетряхивать».

А у Троцкого и Бухарина вышла мешанина из политических ошибок в подходе, разрыва передаточной связи, приводных ремней в середине, подлета или налета на «администривание» впустую, на холостом ходе. «Теоретический» источник ошибки, — раз Бухарин поставил своим «стаканом» вопрос о теоретическом источнике, — ясен. Теоретическая — в данном случае гносеологическая — ошибка Бухарина состоит в подмене диалектики эклектикой. Эклектически ставя вопрос, Бухарин запутался совершенно и договорился до синдикализма. У Троцкого ошибка: односторонность, увлечение, преувеличение, упрямство. У Троцкого платформа состоит из того, что стакан есть инструмент для питья, тогда как у данного стакана дна не оказалось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мне остается еще только коснуться вкратце некоторых пунктов, умолчание о которых могло бы подать повод к недоразумениям.

В тезисе 6-ом своей «платформы» т. Троцкий воспроизвел § 5-ый экономической части программы РКП, говорящий о профсоюзах. Через две странички, в тезисе 8-ом, т. Троцкий заявил:

...«Утратив старую основу своего существования, классовую экономическую борьбу, союзы»... — (это неверно,

это торопливое преувеличение: союзы утратили такую основу, как *классовую* экономическую борьбу, но далеко не утратили и долгие годы еще, к сожалению, не смогут утратить такую основу, как *неклассовую* «экономическую борьбу» в смысле борьбы с бюрократическими извращениями советского аппарата, в смысле охраны материальных и духовных интересов массы трудящихся путями и средствами, недоступными для этого аппарата, и т. п.)... — «союзы, в силу ряда условий, не успели собрать в своих рядах необходимые силы и выработать необходимые методы для того, чтобы оказаться способными разрешить новую задачу, поставленную перед ними пролетарской революцией и формулированную нашей программой: *организовать производство*» (курсив Троцкого, стр. 9, тезис 8-ой).

Это опять-таки торопливое преувеличение, которое содержит в себе зародыш большой неверности. Программа не дает такой формулировки и не ставит союзам такой задачи, как «организовать производство». Проследим шаг за шагом за каждой мыслью, за каждым положением нашей партийной программы в том самом порядке, в котором эти положения стоят в тексте программы:

(1) «Организационный» (не всякий) «аппарат общественной промышленности должен опираться в первую голову» (а не исключительно) «на профессиональные союзы». (2) «Они должны все больше освобождаться от цеховой узости» (как освобождаться? под руководством партии и в ходе воспитательного и всякого иного воздействия пролетариата на непролетарскую трудящуюся массу) «и превращаться в крупные производственные объединения, охватывающие большинство, а постепенно и всех поголовно трудящихся данной отрасли производства»...

Это — первая часть того отдела, который посвящен в партпрограмме профсоюзам. Как видите, эта часть ставит сразу очень «строгие» и очень длительной работы требующие «условия» для дальнейшего. А дальше идет вот что:

...«Будучи уже, согласно законов Советской республики и установившейся практики, участниками»... (слово, как видите, очень осторожное: только участниками) ...«всех местных и центральных органов управления промышленностью, профессиональные союзы должны придти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления

всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым»... (заметьте: должны придти к фактическому сосредоточению управления не отраслями промышленности и не промышленностью, а всем народным хозяйством и притом как единым хозяйственным целым: это условие, как экономическое условие, действительно выполненным можно считать не раньше, чем тогда, когда за мелкими производителями и в промышленности и в земледелии осталась меньшая, чем половина, доля в населении и в народном хозяйстве) ... «Обеспечивая таким образом»... (именно «таким образом», который реализует постепенно все указанные раньше условия)... «неразрывную связь между центральным государственным управлением, народным хозяйством и широкими массами трудящихся, профессиональные союзы должны в самых широких размерах вовлекать последние»... (т. е. массы, т. е. большинство населения) ... «в непосредственную работу по ведению хозяйства. Участие профессиональных союзов в ведении хозяйства и привлечение ими к этому широких масс является, вместе с тем, и главным средством борьбы с бюрократизацией экономического аппарата Советской власти и дает возможность поставить действительно народный контроль над результатами производства».

Итак, в последней фразе опять очень осторожное слово: «участие в ведении хозяйства»; опять указание на привлечение широких масс, как главное (но не единственное) средство борьбы с бюрократизмом; и в заключение сугубо-осторожное указание: «*дает возможность*» поставить «*народный*», т. е. рабоче-крестьянский, отнюдь не только пролетарский, «*контроль*».

Резюмировать все это таким образом, что наша парт-программа «формулировала» задачу профсоюзов «организовать производство», явно неправильно. И если на этой неправильности настаивать, заносить ее в тезисы-платформы, то ничего иного, кроме антикоммунистического, синдикалистского уклона, отсюда получить нельзя.

Кстати. Т. Троцкий пишет в своих тезисах, что «мы за последний период не приблизились к поставленной в программе цели, а удалились от нее» (стр. 7, тезис 6-ой). Это голословно и, я думаю, неверно. Нельзя доказывать это, как делал Троцкий в дискуссиях, ссылкой на признаки такого факта «самими» профсоюзами. Для партии

это не окончательная инстанция. И вообще доказать это можно только серьезнейшим объективным изучением большого количества фактов. Это во-первых. А, во-вторых, если бы даже это было доказано, то оставался бы еще открытым вопрос: отчего удалились? Оттого, что «многие профессионалисты» «отбиваются от новых задач и методов», как думает Троцкий, или оттого, что «мы» «не успели собрать в своих рядах необходимые силы и выработать необходимые методы для того, чтобы пресечь и исправить некоторые ненужные и вредные крайности бюрократизма.

В связи с этим уместно будет коснуться того упрека, который сделал нам т. Бухарин 30 декабря (а Троцкий повторил вчера, 24 января, на дискуссии нашей в коммунистической фракции II съезда горнорабочих), именно упрека в «отречении от той линии, которую намечал IX парт. съезд» (стр. 46 отчета о дискуссии 30 декабря). Дескать, Ленин на IX съезде защищал милитаризацию труда и издевался над ссылками на демократию, а теперь «отрекся» от этого. В заключительном слове 30 декабря т. Троцкий снабдил этот упрек особым, так сказать, перцем: «Ленин учитывает тот факт, что в профсоюзах происходит... группировка оппозиционно настроенных товарищей» (стр. 65); Ленин подходит «под углом зрения дипломатическим» (стр. 69); «лабиринты внутри партийных группировок» (стр. 70) и т. п. Такое изложение дела тов. Троцким, конечно, очень лестно для т. Троцкого и хуже, чем не лестно, для меня. Но взглянем на факты:

На той же дискуссии 30 декабря Троцкий и Крестинский устанавливают факт, что «т. Преображенский в июле еще (1920) внес в ЦК вопрос о том, что мы должны перейти на новые рельсы в отношении внутренней жизни наших рабочих организаций» (стр. 25). В августе т. Зиновьев пишет проект письма, и ЦК утверждает *письмо ЦК* о борьбе с бюрократизмом и расширении демократизма. В сентябре вопрос ставится на партийной конференции, и решение ее утверждает ЦК. В декабре вопрос о борьбе с бюрократизмом поставлен на VIII съезд Советов. Значит, весь ЦК, вся партия и вся рабоче-крестьянская республика признали необходимость поставить на очередь дня вопрос о бюрократизме и борьбе с ним. Вытекает

ли отсюда «отречение» от IX съезда РКП? Нет. Никакого отречения тут нет. Неоспоримы решения насчет милитаризации труда и т. д., и нет мне ни малейшей надобности брать назад мои насмешки над ссылками на демократизм со стороны тех, кто эти решения оспаривал. Вытекает отсюда только то, что в рабочих организациях мы будем расширять демократизм, отнюдь не делая из него фетиша; — что делу борьбы с бюрократизмом мы будем уделять сугубое внимание; — что мы будем особенно тщательно исправлять всякие ненужные и вредные крайности бюрократизма, кто бы на них ни указывал.

Еще одно последнее замечание по небольшому вопросу об ударности и уравнительности. На дискуссии 30 декабря я сказал, что формулировка тезиса 41-го у т. Троцкого по этому пункту теоретически неверна, ибо у него вышло, что в потреблении уравнительность, а в производстве ударность. Ударность есть предпочтение, отвечал я, а предпочтение без потребления ничто. Т. Троцкий упрекает меня за это и за «величайшую забывчивость» и за «терроризирование» (стр. 67 и 68) — удивляюсь еще, что нет упрека в лавировании, дипломатии и т. п. Он, Троцкий, делал уступки в пользу моей уравнительной линии, а я же на Троцкого нападаю.

На самом деле перед читателем, который интересуется делами партии, есть точные партийные документы: ноябрьская резолюция пленума ЦК, п. 4 и тезисы-платформа Троцкого, тезис 41-ый. Как бы я ни был «забывчив», как бы ни была хороша память тов. Троцкого, остается факт, что тезис 41-ый содержит в себе теоретическую неверность, которой нет в резолюции ЦК 9 ноября. Эта резолюция гласит: «Признавая необходимость сохранить принцип ударности в проведении хозяйственного плана, ЦК, в полной солидарности с решением последней (т. е. сентябрьской) Всероссийской конференции, находит необходимым постепенный, но неуклонный переход к уравнительности в положении различных групп рабочих и соответствующих профсоюзов, все время усиливая общесоюзную организацию». Ясно, что это направлено против Цектрана, и точного смысла этой резолюции перетолковать никак нельзя. Ударность не отменяется. Предпочтение ударному (в проведении хозяйственного плана) предприятию, проф-

союзу, тресту, ведомству остается, но вместе с тем «уравнительная линия», которую отстаивал не «тов. Ленин», а утвердила партконференция и ЦК, т. е. вся партия, — требует ясно: *переходи* к уравнительности, постепенно, но неуклонно. Что Цектран этой ноябрьской резолюции ЦК не исполнил, видно из декабрьского (Троцким и Бухариным проведенного) решения Цека, где читаем еще раз напоминание о «началах нормального демократизма». Теоретическая неверность в тезисе 41-ом та, что там говорится: в области потребления — уравнительность, в области производства — ударность. Это абсурд экономический, ибо это разрыв потребления с производством. Ни о чем подобном я не говорил и говорить не мог. Не нужен завод — закрыть его. Закрыть все, не абсолютно нужные, заводы. Из абсолютно нужных — предпочтение ударному. Скажем, предпочтение транспорту. Бесспорно. Но чтобы это предпочтение не было чрезмерным, и ввиду того, что у Цектрана оно было чрезмерным, директива партии (а не Ленина): *переходи постепенно*, но неуклонно, к уравнительности. Если Троцкий после ноябрьского пленума, давшего точное решение и теоретически правильное, выступает с фракционной брошюрой о «двух тенденциях» и в тезисе 41-ом предлагает свою формулировку, которая экономически неверна, то пусть пеняет на себя.

Сегодня, 25 января, ровно месяц прошел со дня фракционного выступления тов. Троцкого. Что партия была отвлечена этим нецелесообразным по форме и неправильным по существу выступлением от деловой, практической, хозяйственной, производственной работы, отвлечена ради исправления политических и теоретических ошибок, это видно уже теперь с очень большой ясностью. Но старая поговорка недаром говорит: «нет худа без добра».

Про внутренние разногласия в Цека говорили, по слухам, чудовищные вещи. Около оппозиции ютились (и ютятся, несомненно) меньшевики и эсеры, которые раздувают слухи, придают неслыханно злобные формулировки, сочиняют небылицы с целью всячески опорочить, придать грязное истолкование, обострить конфликты, испортить работу партии. Это — политический прием буржуазии, в

том числе мелкобуржуазных демократов, меньшевиков и эсеров, которые кипят бешеной злобой на большевиков и не могут не кипеть по причинам слишком понятным. Всякий сознательный член партии знаком с этим политическим приемом буржуазии и знает ему цену.

Разногласия внутри Цека заставили обратиться к партии. Дискуссия показала наглядно сущность и меру этих разногласий. Слухам и клевете положен конец. Партия учится и закаляется в борьбе с новой (в том смысле, что после Октябрьского переворота мы о ней забыли) болезнью, фракционностью. По сути дела, это — старая болезнь, рецидивы которой, вероятно, неизбежны в течение нескольких лет, но излечение от которой может и должно теперь идти быстрее и легче.

Партия учится не преувеличивать разногласий. Здесь уместно повторить правильные замечания тов. Троцкого по адресу тов. Томского: «В самой острой полемике с т. Томским я всегда говорил, что мне абсолютно ясно, что руководителями нашими в профсоюзах могут быть только люди с опытом, с авторитетом, которые есть у т. Томского. Это я говорил во фракции V конференции профсоюзов, это говорил на-днях и в театре Зимина. Идеальная борьба в партии не значит взаимное отметание, а значит взаимное воздействие» (стр. 34 отчета о дискуссии 30 декабря). Само собою разумеется, что партия применит это правильное рассуждение и к тов. Троцкому.

Синдикалистский уклон обнаружился во время дискуссии особенно у тов. Шляпникова и его группы, так называемой «рабочей оппозиции». Так как это очевидный уклон в сторону от партии, в сторону от коммунзема, то с этим уклоном придется особо посчитаться, о нем придется особо беседовать, на пропаганду и разъяснения ошибочности этих взглядов и опасности такой ошибки придется обратить особое внимание. Т. Бухарин, договорившийся до синдикалистской фразы «обязательные кандидатуры» (профсоюзов в органы управления), защищается сегодня в «Правде» очень неудачно, явно неправильно. Он видите ли в других пунктах говорит о роли партии! Еще бы! Иначе это был бы уход из партии. Иначе это не было бы только *ошибкой*, требующей исправления и допускающей легкое исправление. Если говорить об «обязательных кандидатурах» и тут же не прибавлять, что они обяза-

тельны *не* для партии, то это есть синдикалистский уклон; это непримиримо с коммунизмом, непримиримо с партийной программой РКП. Если добавлять: «обязательные *не* для партии», то получится обман беспартийных рабочих призраком какого-то увеличения их прав, тогда как на деле ни малейшего изменения против того, что есть теперь, не будет. Чем дальше будет т. Бухарин защищать явно неверное теоретически и обманное политически свое уклонение от коммунизма, тем печальнее будут плоды упрямства. Но защитить незащитимое не удастся. Партия не против всякого расширения прав беспартийных рабочих, но небольшого размышления достаточно, чтобы понять, каким путем при этом можно, каким нельзя идти.

На дискуссии коммунистической фракции II Всероссийского съезда горнорабочих платформа Шляпникова, несмотря на то, что ее защищал особо авторитетный в этом союзе тов. Киселев, потерпела поражение: за нашу платформу было 137 голосов, за шляпниковскую — 62, за Троцкого — 8. Синдикалистский уклон должен быть излечен и будет излечен.

За один месяц и Питер, и Москва, и ряд провинциальных городов уже показали, что партия откликнулась на дискуссии и подавляющим большинством отвергла ошибочную линию т. Троцкого. Если на «верхах» и в «периферии», в комитетах, в учреждениях, несомненно, были колебания, то масса рядовых членов партии, рабочая партийная масса в большинстве именно подавляющем высказывалась против этой ошибочной линии.

Тов. Каменев сообщил мне, что на дискуссии в Замоскворецком районе города Москвы, 23 января, тов. Троцкий заявил, что свою платформу снимает и объединяется на новой платформе с группой Бухарина. К сожалению, я ни 23 января, ни 24 января не слышал об этом ни единого словечка от тов. Троцкого, выступавшего против меня на коммунистической фракции съезда горнорабочих. Изменились ли опять намерения и платформы тов. Троцкого или дело объясняется как-нибудь иначе, я не знаю. Но во всяком случае заявление тов. Троцкого 23 января показывает, что партия, не успев даже мобилизовать все свои силы, успев выразить взгляды только Питера, Москвы и меньшинства провинциальных центров, все же выправила

сразу, твердо, решительно, быстро, непреклонно ошибку тов. Троцкого.

Враги партии торжествовали напрасно. Они не смогли и не смогут использовать неизбежных иногда разногласий внутри партии во вред ей и во вред диктатуре пролетариата в России.

25 января 1921 г.

*Напечатано в январе 1921 г.
отдельной брошюрой в издании
Отдела печати Московского
Совета Р., К. и К. Д.*

*Печатается по тексту брошюры,
сверенному с рукописью*

РЕЧЬ НА МОСКОВСКОЙ ШИРОКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МЕТАЛЛИСТОВ 4 ФЕВРАЛЯ 1921 г.²⁶

Я извиняюсь, что не могу участвовать в работе конференции, а только изложу свой взгляд.

Из слов говоривших товарищей я узнал, что вас очень интересует посевная кампания. Очень многие думают, что в политике Советской власти в отношении к крестьянам есть какая-то хитрость. Политика, которую мы ведем в этой области, такова, что мы всегда открыто излагаем ее перед глазами всей массы. Коренной вопрос Советской власти в том, что после наших побед мы еще не имеем побед в других странах. Если внимательно прочесть нашу Конституцию, вы увидите, что мы не обещаем турусы на колесах, а говорим о необходимости диктатуры, ибо против нас стоит весь буржуазный мир.

Нам говорят: крестьяне не находятся в равных условиях с рабочими, вы здесь хитрите. Но эту же хитрость мы открыто объявляем.

Кто сколько-нибудь спокойно подумал о соотношении сил с буржуазией, тот знает, что буржуазия сильнее нас, а между тем в течение трех лет она не может нас раздавить. Это не чудо, в него мы не верим. Дело просто в том, что они не могут объединиться и спорят из-за дележа добычи. Большая часть угнетенных земель — это колонии, меньшая часть живет трудом этих колоний, как на вулкане.

Они сильнее нас, но и у них растет движение. Военная сила у капиталистов сильнее нашей, но они сорвались, и мы говорим: самое тяжелое позади, но враг еще сделает свои попытки. Ни один из европейцев, посетивших нашу страну, не говорит, что они обошлись бы без оборванных

в «хвостов», что и Англия после шестилетней войны была бы в таком же положении.

Надо направить все усилия к тому, чтобы наладить отношения рабочих и крестьян. Крестьяне — это другой класс; социализм будет тогда, когда не будет классов, когда все орудия производства будут в руках трудящихся. У нас еще остались классы, уничтожение их потребует долгих, долгих лет, и кто это обещает сделать скоро — шарлатан. Крестьянин живет отдельно, и сидит он, как хозяин, поодиночке, и хлеб у него: этим он может закабалить всех. Нас подкарауливает вооруженный враг, и, чтобы он вас не свалил, надо наладить правильные взаимоотношения рабочих и крестьян.

Если взять рабочих и крестьян, то увидим, что крестьян больше. Буржуазия говорит, что у нее демократия, и рабочие и крестьяне пользуются одинаковыми правами. Пока крестьяне идут за буржуазией и пока рабочие одни, они всегда будут разбиты. Если мы это забудем, то мы будем побиты капиталом. Мы не обещаем равенства, его у нас нет. Его не может быть, пока один имеет хлеба вдоволь, а у другого нет ничего.

Капиталисты правильно учли, что нельзя разделить фабрику, но можно разделить землю. У нас диктатура пролетариата, это слово пугает крестьян, но это единственное средство объединить крестьян и заставить идти их под руководством рабочих. Мы думаем, что это правильное решение, рабочий класс объединит крестьян. Только тогда будет открыта дорога дальше, только тогда мы сможем подвинуться к уничтожению классов.

Какую политику ведут капиталисты в Америке? Они бесплатно раздают землю, и крестьяне идут за ними, а они успокаивают их словами о равенстве²⁷. Либо идти за этим обманом, либо понять его и объединиться с рабочими и прогнать капиталистов.

Вот наша политика, и вы ее найдете в нашей Конституции. Мне здесь сказали: пересмотреть посевную кампанию. Я знаю, что положение крестьян этой весной очень тяжелое. Для рабочих самое тяжелое — позади. Мы не обещали никому равенства: хочешь быть с рабочими — иди с нами, перейди к социалистам, не хочешь — иди к белым. Мы не обещали легкую власть: но она вывела нас из-под власти помещиков и капиталистов. Рабочие

эти три года голодали и холодали и получили остановленные фабрики. Но они получили власть. Даже крестьяне хлебородных мест поняли разницу власти рабочих и Деникина, и они сделали свой выбор. Если мы победили Деникина, то не чудом, а потому, что даже богатые крестьяне увидели, что на деле вышло из Учредительного собрания; и крестьянин стал соображать и проверять на опыте.

Крестьяне поняли, что чем больше белые захватывали землю, то тем больше их призывали в армию, а как только их набралось там много, они сбросили Деникина.

Мы не обещаем молочных рек, а там, обещая равенство, — дают помещика. Вот почему мы победили.

Нам говорят: пересмотреть посевную кампанию. Я говорю: никто так не страдал, как рабочий. Крестьянин за это время получил землю и мог забирать хлеб. Крестьяне попали в эту зиму в безвыходное положение, и их недовольство понятно.

Давайте пересмотрим отношения рабочих к крестьянам. Мы говорили, что рабочие принесли неслыханные жертвы, теперь пришел год, когда в самом тяжелом положении очутились крестьяне, и мы знаем это положение. Мы не против пересмотра этих отношений. В чем основная задача посевной кампании? — в том, чтобы засеять всю площадь земли, иначе нам — гибель неминуемая. Вы знаете, сколько у них взяли хлеба в этом году? Около трехсот миллионов, а иначе, что бы сделал рабочий класс? И так он жил, голодая! Мы знаем, что положение крестьян трудное, но иного пути исправить это положение — нет. Сейчас мы в 13 губерниях совершенно приостанавливаем разверстку. Прошлый год мы дали на семена восемь миллионов пудов и получили обратно с урожая шесть миллионов, а теперь дали приблизительно пятнадцать миллионов. Отменить посевную кампанию, значит выброситься с пятого этажа. Мы не можем обещать крестьянам сразу вытащить их из пужды, для этого надо на фабриках производить в сто раз больше.

Если бы рабочих не поддержали даже этим скудным пайком, мы бы остановили всю промышленность.

Правда, рабочие в течение трех лет ничего не получали. Но найти сразу целебное средство нельзя, его нет.

Рабочий класс за три года обессилел, а для крестьян настала самая тяжелая весна. Но вы помогите нам провести посевную кампанию, засеять все поля, тогда мы сможем выйти из затруднения.

В Венгрии крестьяне не помогли венгерским рабочим и попали под власть помещиков.

Вот какой перед вами выбор. Как выйти из этого затруднительного положения? — Все силы — на помощь посевной кампании, указывать все ошибки и вносить поправки, иначе мы не выйдем из затруднения.

*Впервые полностью напечатано
в 1927 г.*

*Печатается по машинописной копии
протокольной записи*

РЕЧЬ НА IV ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РАБОЧИХ ШВЕЙНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ 6 ФЕВРАЛЯ 1921 г.²⁸

Товарищи, я очень рад, что могу приветствовать съезд от имени ЦК нашей партии и от Совета Народных Комиссаров. И еще более рад, что после немалых трудов, небольшая часть которых пала вчера и на нашу партию, и после больших трудов, которые пали на вас всех, нам удалось все-таки тот конфликт, те столкновения и трения, которые у вас были, кончить благополучным примирением и вчерашним вашим единогласным решением. Я уверен, товарищи, что это небольшое столкновение и успешное разрешение его будет теперь нам залогом того, что в дальнейшей работе вы, и как члены союза и как члены партии, сумеете решить все те немалые трудности и задачи, которые перед нами еще стоят.

Товарищи, если говорить о положении нашей республики вообще, о положении Советской власти и внешнем и внутреннем, то, конечно, самые большие трудности стояли перед нами с точки зрения внешнего положения нашей республики. Самые большие трудности всей пролетарской революции в России заключались в том, что, в силу хода империалистической войны и в силу предыдущего развития первой революции в 1905 году, нам пришлось взять на себя почин социалистической революции, и этот почин возложил на нас и нашу страну неслыханные и невиданные трудности. Вы все, конечно, знаете, — в вашей отрасли промышленности, я думаю, это вам, пожалуй, еще виднее, чем рабочим других отраслей промышленности, — вы все знаете, насколько капитал представляет из себя силу международную, насколько связаны между собой крупнейшие капиталистические

фабрики, предприятия, магазины по всему миру, и отсюда, конечно, очевидно, что капитал по самой сущности дела победить в одной стране до конца нельзя. Это — сила международная, и, чтобы победить его до конца, нужны и совместные действия рабочих тоже в международном масштабе. И мы всегда, с тех пор, когда боролись против буржуазно-республиканских правительств в России в 1917 году, с тех пор, когда осуществили власть Советов с конца 1917 года, мы всегда и неоднократно указывали рабочим, что коренная, главная задача и основное условие нашей победы есть распространение революции, по крайней мере, на несколько наиболее передовых стран. И главные трудности, стоявшие перед нами в течение четырех лет, состояли в том, что западноевропейским капиталистам удалось кончить войну, оттянувши революцию.

Мы в России наблюдали все особенно наглядно, что во время империалистической войны положение буржуазии было наиболее шатко; мы, затем, слышали, что во всех других странах как раз конец войны означал больше всего политический кризис в этих государствах, когда народ был вооружен, и как раз в этот момент пролетариат мог бы решить дело против капиталистов одним ударом. По целому ряду причин это не удалось западноевропейским рабочим, и вот уже четвертый год нам приходится отстаивать свое положение в одиночку.

Трудности, которые легли в силу этого на плечи Советской Российской республики, были необъятны, потому что военные силы капиталистов мира, которые все, что возможно было для них сделать, сделали для поддержки наших помещиков, и, конечно, их военная сила во много и много раз превосходит нашу. И если мы теперь, после трех с лишним лет, выходим, сломивши все их военные нашествия и препятствия, то мы вправе сказать без всякого преувеличения, хорошо зная те неслыханные трудности, тяжести, лишения и бедствия, которые на рабочий класс России за это время свалились, мы вправе все же сказать, что главные трудности уже позади. Если всемирной буржуазии не удалось в течение трех лет при ее громадном военном перевесе сломить слабую и отсталую страну, то только потому, что эта страна перешла к диктатуре пролетариата, только потому, что этой стране было

обеспечено сочувствие трудящихся масс во всем мире, можно сказать, во всякой стране без исключения. Если капиталистам всего мира не удалась эта задача, которая была для них нетрудна, ибо военный перевес на их стороне был гигантский, то мы можем сказать, что, с точки зрения международной, в этом самом опасном пункте всей советской революции, повторяю, главнейшая трудность позади нас.

Конечно, опасность еще не миновала, сейчас все еще тянутся переговоры об окончательном мире, сейчас как раз по некоторым признакам наступает довольно трудный момент этих переговоров, ибо в особенности французские империалисты продолжают еще втягивать Польшу в новую войну и распространяют всячески облыжные сведения о том, что Советская Россия мира не хочет.

На самом деле, мы все сделали, чтобы доказать наше желание мира: мы подписали предварительные условия несколько месяцев тому назад, условия такого содержания, что уступчивость наша удивила всех. Мы от этих условий не отступаем ни в чем, но ни в каком случае только не можем согласиться, чтобы под видом раздела имущества, принадлежавшего при царизме и польскому и русскому народу, находившемуся тогда под гнетом царизма, мы могли бы допустить, чтобы раздел имущества превратился в новую дань на нас. Этого допустить мы никак не можем. Справедливый раздел того имущества, которое надо признать общим, и частью железнодорожного имущества, и возвращение польскому народу всех тех культурных ценностей, которые для него имеют особенно большое значение и которые во время царизма были ограблены и увезены в Россию, это возвращение мы считаем бесспорным. Мы всегда ожидали, что будут трудные вопросы при улаживании этого дела; но если под давлением французских империалистов поляки захотят создать конфликт и сорвать мир во что бы то ни стало, то мы тут поделать ничего не можем. Для того, чтобы примириться, нужно добровольное согласие двух сторон, а не одной только стороны. Все равно, будь это очень большой конфликт внутри отдельного союза или очень большой конфликт и столкновение между двумя государствами. Если поляки поддадутся еще раз натиску французских империалистов, то дело мира, повторяю еще раз,

может быть сорвано. Вы все, конечно, знаете, какие еще новые трудности свалятся на нас, если удастся французским империалистам этот мир сорвать, а мы хорошо знаем из целого ряда сведений и источников, что такие попытки делаются и громадные усилия в этом отношении употребляются, что миллионы и миллионы снова и снова бросаются иностранными капиталистами теперь еще на то, чтобы организовать к весне новое нашествие на Советскую Россию. Пережив с лишком три года, мы теперь имеем уже опыт относительно того, как эти нашествия организуются. Мы знаем, что без помощи соседнего государства организовать сколько-нибудь значительный поход иностранным капиталистам не из чего, так что некоторое количество миллионов, которое они бросают разным группам, во главе которых стоит Савинков, или группе эсеров, которые издают в Праге свою газету и выступают иногда от имени Учредительного собрания, — мы знаем, что эти несколько миллионов будут брошены напрасно, и ничего, кроме пачкания бумаги типографской краской в разных пражских типографиях, не получится.

Но остались такие государства, как Румыния, которая не пробовала воевать с Россией, и такие, как Польша, где есть господствующая военная клика авантюристов и господствующий эксплуатирующий класс. Мы знаем, что против нас они больших сил собрать не могут, и в то же время мы знаем, что нам всего дороже сохранение мира и полная возможность посвятить все силы восстановлению хозяйства, и мы должны быть чрезвычайно и чрезвычайно осторожны. Мы вправе сказать себе, что главные трудности международной политики позади нас, но мы были бы слишком легкомысленны, если бы закрыли глаза на возможность еще новых попыток. Конечно, когда у нас ликвидирован полностью врангелевский фронт, когда Румыния в момент, выгодный для нее, не решилась на войну, теперь становится менее вероятным, что она на войну решится, но не надо забывать, что правящий класс в Румынии и Польше находится в положении, близком к тому, которое можно назвать совершенно отчаянным. Обе страны оптом и в розницу проданы заграничным капиталистам. В долгу, как в шелку, и расплачиваться по долгам им нечем. Банкротство неминуемо. Революционное движение рабочих и крестьян все растет и растет.

Не раз бывало, что в подобном положении буржуазное правительство бросалось, очертя голову, в самые безумные и безрассудные авантюры, объяснить которые нечем, кроме как отчаянием и безвыходностью их положения. Вот почему приходится и сейчас считаться с возможностью новых попыток военного нашествия.

Главное, что дает нам уверенность в том, что не только эти попытки будут разбиты, но что положение капиталистических держав, вообще говоря, во всем мире неустойчиво — это рост экономического кризиса во всех странах и рост коммунистического рабочего движения. Революция в Европе пошла не так, как наша революция. Как я уже указал, концом войны, когда вооруженные силы были в руках рабочих и крестьян, в западноевропейских государствах не удалось воспользоваться для быстрой и наиболее безболезненной революции, но империалистическая война так пошатнула положение этих государств, что кризис не только не завершился там до сих пор, но, напротив, как раз к предстоящей весне везде без исключения, в самых богатых передовых странах, экономический кризис все усиливается и усиливается. Капитал — зло международное, но именно потому, что это зло международное, все страны оказались уже так связаны между собой, что гибель одних потянет за собой в пропасть все остальные.

Богатые страны нажились, конечно, их капиталисты нажились за время войны, но в силу полного разорения не только России, но такой страны, как Германия, в силу придавленности, в силу обесценения денег, в громадном большинстве европейских стран, несмотря на все, торговые отношения подорваны, нарушены; богатейшие страны задыхаются, не имея возможности продавать продукты своей промышленности, так как деньги обесценены, безработица во всех странах растет неслыханно, растет невиданный экономический кризис во всем мире.

В то же время рабочий класс, который был подкуплен своей буржуазией, дававшей изрядное количество своих прибылей верхушечным представителям рабочего класса, чтобы отманить его от революции, рабочий класс, за три с половиной года войны против Советской России, во всех странах встряхивается от своего ослепления, и коммунистическое движение не только в партиях, но и в профессиональных союзах во всем мире идет устойчиво, прочно

и глубоко, хотя не так быстро, как мы бы желали. В особенности боятся правящие классы всего мира изменений, которые происходят в профессиональном движении. Партии, которая могла бы руководить революционным пролетариатом, как это было в русской революции, когда партия из нелегальной в несколько месяцев или в несколько недель превратилась в обладающую всенародными силами, такой партии, за которой идут миллионы, в Европе не видели десятки лет и не боятся. Но профессиональные союзы всякий капиталист видит и знает, что они объединяют миллионы, что без профессиональных союзов, если капиталисты не держат их в своих руках через вождей, которые называются социалистами, а ведут политику капиталистов, что без профессиональных союзов вся машина капитализма рухнет. Они это знают, чувствуют и осязают. Например, в Германии, может быть, самое характерное то, что особое бешенство всей буржуазной печати, всей печати социал-предателей, которые заседают во II Интернационале и называют себя социалистами, а на самом деле служат верой и правдой капиталистам, там особое бешенство вызвала не столько поездка Зиновьева, сколько поездка в Германию русских профессионалистов, потому что никто не разложил до такой степени германские профессиональные союзы, как русские рабочие профессионалисты, когда совершили очень небольшую, на первый раз, поездку по Германии; и эта дикая злоба всех буржуазных германских газет, всех капиталистов, ненавидящих коммунистов, показывает, до какой степени положение их неустойчиво и непрочно. В международном масштабе разгорелась во всем мире борьба за влияние на профессиональные союзы, которые объединяют в настоящее время во всех цивилизованных государствах миллионы рабочих, и от них зависит вся эта внутренняя, невидная, с первого взгляда, работа; решается неминуемо судьба капиталистических государств в связи с растущим экономическим кризисом.

Попытка германской монархической партии произвести переворот разбилась о сопротивление немецких профессиональных союзов рабочих, когда рабочие, шедшие до сих пор за Шейдеманом, за убийцами Либкнехта и Люксембург, все восстали и сломали военные силы. Это же самое в Англии и в значительной степени в Америке

происходит сейчас тем быстрее, чем быстрее растет экономический кризис. Вот почему именно международное положение внушает нам больше всего не только надежды, но и уверенности в том, что внутреннее положение капиталистических держав подрывает их силы окончательно и что наше международное положение, которое вчера было трудное и сегодня, несмотря на громадные успехи, остается трудным, что оно будет для нас, несомненно, улучшаться, и мы будем в состоянии все силы посвятить на решение наших внутренних задач. Я не буду говорить об этих задачах много, потому что всем вам, знакомым с производством, конечно, эти задачи строительства гораздо ближе и понятнее, чем мне, и распространяться было бы излишним.

Я слышал сейчас замечание, которое в конце своей речи сделал предыдущий оратор, и могу только полностью присоединиться к нему, что устремление внимания на те практические задачи производства, хозяйственного строительства, которые перед нами стоят, требуется сейчас от каждого члена больше всего. Профессиональные союзы объединяют сейчас промышленных рабочих почти поголовно, они объединяют тот класс, на плечи которого за три года выпало больше всего тяжести. Рабочий класс осуществляет в России диктатуру, он представляет правящий класс в стране, в которой рабочих меньшинство, но именно потому, что управляет рабочий класс, потому, что рабочий тягости капиталистической эксплуатации пережил и вынес на себе, именно поэтому сочувствие и поддержка всей трудящейся массы крестьянства, всех тех, кто не живет чужим трудом, рабочему классу обеспечена. Поэтому именно и произошло то, чего не может понять не только буржуазия, но и социалисты, оставшиеся врагами III Интернационала, что им кажется хитростью нашего правительства, они не понимают; каким образом рабочий класс мог в течение трех лет с таким трудом бороться и их преодолеть. Но именно потому, что в истории первый раз произошел такой случай, что трудящиеся стали у власти, что класс наиболее эксплуатируемый взял в свои руки власть, именно потому большинство из крестьян не может не поддерживать рабочего класса, видя его право и не сочувствуя буржуазии. Это слово они называют позорным; мне пришлось слышать от крестьянина, который жаловался

на теперешние порядки, явным образом не сочувствующего политике Советской власти в области продовольствия и целого ряда других вопросов, который был обижен, что со стороны деревенской бедноты про него говорят «буржуй». Я, говорит, не могу помириться с тем, что такое позорное слово применяют ко мне; и то обстоятельство, что это слово крестьяне, — даже более крупные середняки, если они сами работали и знают, что значит заработать хлеб своим трудом, и если видели эксплуатацию помещика и капиталиста, а это все видели, — не могут это слово не признавать позорным, это слово означает все: на нем основава наша пропаганда, агитация, государственное воздействие рабочего класса. И именно эта поддержка крестьянских масс, несмотря на противодействие зажиточной и спекулянтской массы, обеспечена рабочему классу. Именно поэтому профессиональные союзы выступают у нас не только как союзы трудящихся, не только как строители нашего хозяйства, — в этом их главная задача, — но они выступают как силы государственные, которые строят новое государство без помещиков и капиталистов и которые, хотя в меньшинстве, построить новое коммунистическое общество могут и построят потому, что поддержка всех десятков миллионов, которые жили своим трудом, нам обеспечена. Вот почему я, приветствуя ваш съезд, выражаю уверенность, что мы свои задачи, несмотря на все стоящие пред нами трудности, закончим успешно. (Продолжительные аплодисменты.)

*Впервые напечатано в 1922 г. в книге:
«Четвертый Всероссийский съезд ра-
бочих швейной промышленности
(1—6 февраля 1921 г.) (Стенографи-
ческий отчет)». Петроград*

Печатается по тексту книги

ДИРЕКТИВЫ ЦК КОММУНИСТАМ—РАБОТНИКАМ НАРКОМПРОСА

1. Стоя безусловно на позиции, определенной программой РКП в отношении политехнического образования (см. особенно §§ 1 и 8 в отделе программы, посвященном народному просвещению), партия должна рассматривать понижение возрастной нормы для общего и политехнического образования с 17 до 15 лет исключительно как временную практическую необходимость, вызванную нищетой и разорением страны под гнетом войн, навязанных нам Агнтантой.

· Осуществление «связи» профессионального образования, для лиц от 15 лет, с «общими политехническими знаниями» (§ 8 в указанном отделе программы РКП) обязательно, по мере малейшей к тому возможности, безусловно и повсеместно.

2. Основным недостатком Наркомпроса является недостаток деловитости и практичности, недостаточные учет и проверка практического опыта, отсутствие систематичности в использовании указаний этого опыта, преобладание общих рассуждений и абстрактных лозунгов. Главное внимание наркома и коллегии должно быть устремлено на борьбу с этими недостатками.

3. Неправильно поставлено в Наркомпросе вообще, в Главпрофобре в частности, дело с привлечением к работе в центре спецов, т. е. педагогов с теоретической и длительной практической подготовкой и лиц, имеющих такую подготовку в области профессионально-технического (в том числе и агрономического) образования.

Необходимо немедленно организовать учет таких работников, изучение их стажа, проверку результатов их работы и систематическое привлечение их на ответственные посты в местной и особенно центральной работе. Ни одна

серьезная мера не должна проводиться без заключения таких спецов и постоянного участия их.

Разумеется, привлечение спецов должно быть осуществляемо при 2-х неизменных условиях: во-1-х, спецы не коммунисты должны работать под контролем коммунистов. Во-2-х, содержание обучения, поскольку речь идет об общеобразовательных предметах, в особенности же о философии, общественных науках и коммунистическом воспитании, должно определяться только коммунистами.

4. Должны быть разработаны и утверждены коллегией и наркомом программы учебных заведений основных типов, а затем курсов, лекций, чтений, собеседований, практических занятий.

5. Отделу единой трудовой школы и затем в особенности Главпрофобру надо обратить усиленное внимание на более широкое и систематическое привлечение всех подходящих технических и агрономических сил к профессионально-техническому и политехническому образованию в связи с использованием каждого сколько-нибудь сносно поставленного фабрично-заводского и сельскохозяйственного предприятия (совхоза, с.-х. опытной станции, хорошего хозяйства и т. п., электрических станций и т. д.).

Формы и порядок использования хозяйственных предприятий и заведений для политехнического образования должны устанавливаться по соглашению с соответствующими хозяйственными органами так, чтобы это не нарушало нормального хода производства.

6. Должны быть выработаны практичные, самые краткие, но ясные и точные формы отчетности, чтобы можно было учитывать и проверять размеры и итоги работы. В этом отношении постановка дела в Наркомпросе крайне неудовлетворительна.

7. Крайне неудовлетворительно также поставлено распределение газет, брошюр, журналов и книг по библиотекам и читальням, как при школах, так и не при школах. Отсюда проистекает то, что газету и книгу захватывает тонкий слой советских служащих, и непомерно мало доходит до рабочих и до крестьян. Необходима коренная реорганизация всего этого дела.

О РАБОТЕ НАРКОМПРОСА

В № 25 «Правды», от 5 февраля, напечатаны «Директивы ЦК РКП коммунистам — работникам Наркомпроса (в связи с реорганизацией комиссариата)».

К сожалению, в первом пункте оказалась трижды повторенная искажающая смысл опечатка: вместо «политехнического» образования напечатано: политического!!

Мне бы хотелось обратить внимание товарищей на эти директивы и вызвать обмен мнений по некоторым особенно важным пунктам.

В декабре 1920 г. состоялось партийное совещание по вопросам народного образования. Участвовало 13¼ делегата с решающим и 29 с совещательным голосом. Совещались пять дней. Отчет об этом совещании дает «Приложение к бюллетеню VIII съезда Советов, посвященное партийному совещанию по вопросам народного образования» (издание ВЦИК, 10 января 1921). Из резолюций совещания, из отчета о нем, из всех помещенных в названном «Приложении к бюллетеню» статей — кроме вводной статьи тов. Луначарского и статьи т. Гринько — видна неправильная постановка вопроса о политехническом образовании, виден тот недостаток, на борьбу с которым директивы ЦК обращают «главное внимание» наркома и коллегии, именно: «увлечение» общими рассуждениями и абстрактными лозунгами.

Вопрос о политехническом образовании решен, в основном, нашей программой партии, §§ 1 и 8 в отделе программы, посвященном народному просвещению. На эти пункты программы директива ЦК и указывает. § 1 говорит о *политехническом образовании до 17 лет*, § 8 — о «широком

развитии профессионального образования для лиц от 17-летнего возраста, *в связи с общими политехническими знаниями*».

Таким образом вопрос поставлен программой партии вполне ясно. Рассуждения о том, *«политехническое или монотехническое образование»* (именно эти взятые в кавычки и подчеркнутые мною слова, во всей их чудовищной нелепости, мы встречаем на стр. 4-й названного «Приложения к бюллетеню!») — эти рассуждения в корне неверны, для коммуниста прямо недопустимы, показывают и незнание программы и пустейшее «увлечение» абстрактными лозунгами. Если мы вынуждены временно понизить возраст (перехода от общего политехнического к профессионально-политехническому образованию) с 17-ти лет до 15, то *«партия должна рассматривать»* это понижение возрастной нормы «исключительно» (пункт 1-й директив ЦК) как практическую необходимость, как временную меру, вызванную *«нищетой и разорением страны»*.

Общие рассуждения с потугами «обосновать» подобное понижение представляют из себя сплошной вздор. Довольно игры в общие рассуждения и якобы теоретизирование! Весь центр тяжести работы должен быть перенесен в дело «учета и проверки *практического опыта*», в дело «*систематического использования указаний* этого опыта».

Как ни мало у нас толковых, знающих, опытных в педагогической *практике* людей, они все же, несомненно, есть. Мы страдаем от неумения их найти, поставить их на надлежащее руководящее место, от неумения *изучать* вместе с ними практический опыт советского строительства. Этого как раз и не видно на партийном совещании декабря 1920 года, а если этого не видно на совещании 163 — ста шестидесяти трех! — деятелей по народному образованию, то становится совершенно несомненным, что есть известный общий, коренной недостаток в постановке дела, недостаток, вызвавший необходимость в особой директиве ЦК партии.

В комиссариате просвещения есть два — и только два — товарища с заданиями исключительного свойства. Это — варком, т. Луначарский, осуществляющий общее руководство, и заместитель, т. Покровский, осуществляющий руководство, во-первых, как заместитель наркома, во-вторых, как обязательный советник (и руководитель) по во-

просам научным, по вопросам марксизма вообще. Вся партия, хорошо знающая и т. Луначарского и т. Покровского, не сомневается, конечно, в том, что они оба являются, в указанных отношениях, своего рода «спецами» в Наркомпросе. Для всех остальных работников такой «специальности» быть не может. «Специальностью» всех остальных работников должно быть умение наладить дело привлечения к работе спецов-педагогов, осуществить правильную постановку их работы, использовать указания практического опыта систематически. Об этом директивы ЦК говорят и в § 2-м, и в § 3-м, и в § 5-м.

На совещании партработников должны были быть выслушаны спецы, педагоги, лет десять работавшие практически и могущие сказать нам всем, что сделано и делается в такой-то области, например, в области профессионального образования, и каким образом советское строительство с этим справляется, что достигнуто хорошего, каковы образчики этого хорошего (такие образчики, наверное, есть, хотя бы и в самом небольшом числе), каковы конкретные указания на главные недочеты и способы устранения этих недочетов.

На совещании партработников *нет* этого учета *практического* опыта, нет отзывов педагогов, применявших этот опыт так-то и так-то, а есть неудачные потуги на «общие рассуждения» и на оценку «абстрактных лозунгов». Надо, чтобы вся партия, все работники Наркомпроса этот недостаток сознали и чтобы мы общими силами взялись за его устранение. Надо, чтобы местные работники обменялись своим опытом в этом отношении и помогли партии выдвинуть образцовые губернии или уезды, или районы, или учебные заведения, или образцовых педагогов, которые добились хороших результатов в сравнительно узком, местном или специальном масштабе. Опираясь на эти, уже проверенные практикой, достижения, мы должны двигать дело вперед, расширяя — после надлежащей проверки — местный опыт до размеров всероссийского, передвигая талантливых или просто способных педагогов на посты более ответственные, с кругом деятельности более широким и т. д.

Успех работы коммуниста, действующего в области (и в учреждениях) народного просвещения, должен измеряться в первую голову тем, как поставлено это дело

привлечения спецов, умение найти их, умение использовать их, умение осуществить сотрудничество спеца-педагога и коммуниста-руководителя, умение проверить, что именно и насколько *осуществляется в жизни*, умение двигаться вперед — пусть даже архимедленно, в архискрошных размерах, но только на *деловой* почве, на почве *практического* опыта. Если же у нас будет и впредь в Наркомпросе обилие претендентов на «коммунистическое руководство» и пустота в практической области, недостаток или отсутствие спецов-практиков, неумение их выдвинуть, их выслушать, их опыт учесть, — тогда дело не пойдет. Руководитель-коммунист тем и только тем должен доказать свое право на руководство, что он *находит* себе *многих*, все больше и больше, помощников из педагогов-практиков, что он *умеет* им помочь работать, их выдвинуть, их опыт показать и учесть.

В этом смысле безусловный лозунг наш должен быть: *поменьше* «руководства», побольше практического дела, то есть поменьше общих рассуждений, побольше фактов и проверенных фактов, показывающих, в чем, при каких условиях, насколько идем мы вперед или стоим на месте или отступаем назад. Коммунист-руководитель, исправивший программы преподавания педагогов-практиков, составивший удачный учебник, добившийся хотя бы ничтожного, но *практически-осуществляющегося* улучшения в содержании работы, в условиях работы *десяти, сотни, тысячи* педагогов-спецов, — вот это настоящий руководитель. А коммунист, *рассуждающий* о «руководстве» и *неумеющий* приспособить к практическому делу спецов, неумеющий добиться их успеха на практике, неумеющий использовать практического опыта сотен и сотен учителей, такой коммунист никуда не годится.

Достаточно пробежать очень хорошо составленную книжечку: «Народный комиссариат по просвещению. 1917 — октябрь — 1920. Краткий отчет», — чтобы видеть, как вся работа Наркомпроса страдает больше всего от указанного недостатка. Тов. Луначарский сознает это, говоря в предисловии (стр. 5) о «несомненной непрактичности». Но потребуются еще не мало упорной работы над тем, чтобы это сознали все коммунисты в Наркомпросе и чтобы они добились действительного претворения сознанных истин в жизнь. Названная книжечка показы-

вает, что фактов мы знаем мало, непомерно мало; собирать их не умеем; не знаем меры того количества вопросов, которые надо ставить и на которые можно (при нашем уровне культуры, при наших нравах, при наших средствах сообщения) ждать ответа; не умеем собирать указания практического опыта и обобщать их; занимаемся пустыми «общими рассуждениями и абстрактными лозунгами», а использовать дельных преподавателей вообще, дельных инженеров и агрономов для технического образования особенно, использовать заводы, совхозы, сносно поставленные хозяйства и электрические станции для политехнического образования не умеем.

Несмотря на эти недостатки, Советская республика идет вперед в деле народного просвещения, это несомненно. «Снизу», т. е. из той массы трудящихся, которую капитализм отстранял — и путем открытым, путем насилия, и средствами лицемерия и обмана — отстранял от образования, идет могучий подъем к свету и знанию. Мы вправе гордиться тем, что помогаем этому подъему и служим ему. Но закрывать глаза на недостатки нашей работы, на то, что мы еще не научились правильной постановке государственно-просветительного аппарата, было бы прямо преступлением.

Возьмем еще вопрос о распределении газет и книг, вопрос, которому посвящен последний, 7-й, пункт директив ЦК.

3 ноября 1920 издан декрет СНК «о централизации библиотечного дела» (ст. 439 Собр. узак., 1920, № 87), о создании единой библиотечной сети РСФСР.

Вот некоторые фактические данные, которые мне удалось получить по этому вопросу от т. Малкина, из «Центропечати», и т. Модестова, из библиотечной секции МОНО (Моск. отдела нар. образования). По 38 губерниям, по 305 уездам, количество библиотек в центральной Советской России (без Сибири, без Сев. Кавказа) было следующее:

Библиотеки центральные.....	342
» районные городск.	521
» волостные.....	4 474
» передвижные	1 661
Избы-читальни	14 739
Прочие («сельские, детские, справочные, разных учреждений, разных организаций»).....	12 203
Всего.....	23 940

Т. Модестов полагает, на основании своего опыта, что около $\frac{3}{4}$ этих библиотек существуют на деле, остальные только на бумаге. По Московской губ. данные «Центропечати» дают 1223 библиотеки, по данным т. Модестова — 1018; в том числе 204 по городу и 814 по губернии, не считая библиотек профсоюзов (вероятно, около 16) и военных (около 125).

Насколько можно судить из сравнения погубернских данных, надежность этих цифр не очень велика — как бы не оказалась она на деле меньше, чем в 75%! В Вятской губ., напр., 1703 избы-читальни, в Владимирской — 37, в Петроградской — 98, в Иваново-Вознесенской — 75, и т. п. «Прочих» библиотек в Петроградской губ. 36, в Воронежской — 378, в Уфимской — 525, в Псковской — 31, и т. д.

Повидимому, эти данные указывают именно на то, что подъем к знанию массы рабочих и крестьян громадный, стремление к образованию и к созданию библиотек могучее, «пародное» в настоящем смысле слова. Но уметь организовать, упорядочить, оформить это стремление народа, дать этому стремлению правильное удовлетворение у нас далеко, далеко еще нет. Над созданием действительно *единой* библиотечной *сети* придется еще очень и очень много и упорно поработать.

Как распределяем мы газеты и книги? По данным «Центропечати», за 1920 год распространено газет 401 миллион экземпляров, книг — 14 милл. (за 11 месяцев). Вот данные о распределении 3-х газет (12. I. 1921), это распределение установлено секцией период. печати ЦУРК²⁹ (цифры означают *тысячи* экземпляров):

	«Известия»	«Правда»	«Беднота»
Агентства «Центропечати».....	191	139	183
Военбюро для литэкспедивов	50	40	85
Ж.-д. орган., ж.-д. отдел. Центроп., агитпункты.....	30	25	16
Учреждения и организации гор. Москвы.....	65	35	8
Военном города Москвы.....	8	7	6
Компл. для пасс. поездов.....	1	1	1
Расклейка и комплекты.....	5	3	1
<i>Всего</i>	350	250	300

Поразительно мало на расклейку, т. е. для наиболее широких масс. Поразительно много на столичные «учре-

ждения» и т. п. — видимо, на расхищение и бюрократическое использование «совбуров» — как военных, так и штатских.

Вот еще несколько цифр из отчетов местных подотделов «Центропечати». Воронежское губагентство «Центропечати» за сентябрь 1920 г. получило газеты 12 раз (т. е. из 30 дней сентября 18 дней получки газет не было). Полученные газеты распределялись так: «Известия» агентствам «Центропечати»: уездным 4 986 экз. (4 020; 4 310)*; районным — 7 216 (5 860; 10 064); волостным — 3 370 (3 200; 4 285); парторганизациям — 447 (569; 3 880); советским учреждениям — 1 765 (1 641; 509), — заметьте, что «Правды» досталось советским учреждениям почти втрое больше, чем парторганизациям! Затем: агитпросвету военкома — 5 532 (5 793; 12 332), агитпунктам — 352 (400; 593); избам-читальням — *ноль*. Подписчикам — 7 167 (3 080; 764). «Подписчикам», следовательно, очень жирно, т. е. на деле, конечно, «совбурам». Расклейка — 460 (508; 500). Всего 32 517 (25 104; 37 237).

По Уфимской губ. за ноябрь 1920 г. получек 25, т. е. только пять дней газет не было. Из распределения: парторганизациям — 113 (1 572; 153); советским учреждениям — 2 763 (1 296; 1 267); агитпросвету военкома — 687 (470; 6 500); волостным исполкомам — 903 (308; 3 511), избам-читальням — 36 (8 — «Правды» 8 экземпляров! — 2 538); подписчикам — *ноль*; «разным уездным организациям» — 1 044 (219; 991). Всего 5 841 (4 069; 15 429).

Наконец, отчет Пустошенского волагентства Судогодского уезда, Владим. губ., за декабрь 1920 г. Парторганизациям — 1 (1; 2); советским учреждениям — 2 (1; 3); агитпросвету военкома — 2 (1; 2); волостным исполкомам — 2 (1; 3); почтель-учреждениям — 1 (1; 1); Уршельскому завкому — 1 (1; 2); райсобесу — 1 (0; 3). Итого 10 (6; 16).

Каковы итоги этих отрывочных данных? Итог, по моему, тот, который наша партийная программа выразила словами: «в данный момент... делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму»³⁰.

* В скобках первая цифра относится к «Правде», вторая — к «Бедноте».

Капитализм делал из газет капиталистические предприятия, орудия наживы для богачей, информации и забавы для них, орудия обмана и одурачения для массы трудящихся. Мы сломали орудия наживы и обмана. Мы *начали* делать из газеты орудие просвещения масс и обучения их жить и строить свое хозяйство *без* помещиков и без капиталистов. Но мы только-только еще начали это делать. За три с лишним года сделали немного. А надо сделать еще очень много, пройти еще очень большой путь. Поменьше политической трескотни, поменьше общих рассуждений и абстрактных лозунгов, которыми услаждаются неопытные и не понявшие своих задач коммунисты, побольше производственной пропаганды, а всего больше делового, умелого, приспособленного к уровню развития массы учета практического опыта.

В распределении газет (насчет книг не имею данных; вероятно, там обстоит дело еще хуже) мы отменили подписку. Это шаг вперед от капитализма к коммунизму. Но капитализм нельзя убить сразу. Он возрождается в виде «совбуров», советской бюрократии, которая под разными предлогами захватывает газеты. Сосчитать, сколько она их захватывает, нельзя, но, видимо, много. Надо работать упорно и систематично над тем, чтобы бюрократию «бить по рукам», не давать ей захватывать газет и книг, уменьшать ее долю, уменьшать неуклонно самое число «совбуров». Мы не в силах, к сожалению, сразу уменьшить это число в десять, в сто раз — при данном уровне нашей культуры обещать это было бы шарлатанством — но уменьшать постоянно и неуклонно мы можем и должны. Коммунист, этого не делающий, есть коммунист только на словах.

Надо добиваться и добиваться того, чтобы газеты и книги, по правилу, распределялись даром *только* по библиотекам и читальням, по *сети* их, правильно обслуживающей всю страну, всю массу рабочих, солдат, крестьян. Тогда народ во сто раз сильнее, быстрее, успешнее потянется к грамоте, к свету, к знанию. Тогда дело просвещения двинется вперед семимильными шагами.

Маленький расчет для наглядности, в качестве примера, 350 тысяч «Известий» и 250 тысяч «Правды» на всю Россию. Мы пищие. Бумаги нет. Рабочие холодают и голодают, раздеты, разуты. Машины изношены. Здания разва-

ливаются. Представим себе, что мы имеем на всю страну, на 10 000 с лишним волостей, 50 000 библиотек и читален, но не на бумаге, а на деле. Не меньше трех на каждую волость и обязательно по одной на каждый завод или фабрику, на каждую воинскую часть. Представим себе, что мы научились делать не только «первый шаг от капитализма к коммунизму», но и второй и третий шаг. Представим себе, что мы научились распределять правильно по 3 экземпляра газет на каждую библиотеку и читальню, из них 2, допустим, на «расклейку» (предполагая, что мы сделали четвертый шаг от капитализма к коммунизму, я допускаю, решаю допустить, что вместо варварской «расклейки», портящей газету, мы прибываем ее деревянными гвоздями — железных нет, железа и на «четвертом шаге» у нас будет нехватка! — к гладкой доске, чтобы было удобно читать и чтобы сохранялась газета). Итак, 2 экземпляра на 50 000 библиотек и читален на «расклейку», 1 экземпляр для запаса. Представим себе дальше, что давать газету зря, совбурам, мы научились в умеренном количестве, ну, скажем, не более, чем несколько тысяч экземпляров для избалованных «сановников» всей Советской республики.

При столь смелых допущениях 160, допустим, 175 тысяч экземпляров хватит на всю страну впятеро лучше, чем теперь. Все будут иметь возможность осведомляться из газеты (при надлежащей организации «передвижек», которые так успешно, на мой взгляд, защищала на днях товарищ Ф. Доблер в «Правде»). 350 тысяч экземпляров двух газет. Ныне — 600 тысяч, расхищенных «совбурами», растаскиваемых зря, «на цыгарки» и т. п., просто в силу капиталистических привычек. Экономия была бы 250 тыс. экземпляров. Другими словами: сэкономили бы себе, несмотря на наше нищенство, две ежедневных газеты по 125 тыс. экз. И в каждой такой газете каждый день можно бы давать народу серьезный и ценный литературный материал, лучшую и классическую беллетристику, учебники общеобразовательные, учебники сельского хозяйства, учебники по промышленности. Если французские буржуа еще до войны научились, чтобы наживать деньги, издавать романы для народа не по 3½ франка в виде барской книжечки, а по 10 сантимов (т. е. в 35 раз дешевле, 4 копейки по довоенному курсу) в виде пролетарской

газеты, то почему бы нам — на втором шаге от капитализма к коммунизму — не научиться поступать таким же образом? Почему бы нам не научиться, поступая таким же образом, достичь того, чтобы в один год — даже при теперешней нищете — дать народу, по 2 экземпляра на каждую из 50 000 библиотек и читален, все необходимые учебники и всех необходимых классиков всемирной литературы, современной науки, современной техники?

Научимся.

7 февраля 1921 г.

*«Правда» № 28, 9 февраля 1921 г.
Подпись: Н. Ленин*

*Печатается по тексту
газеты «Правда»*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ, ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОК ТЕЗИСОВ НАСЧЕТ КРЕСТЬЯН³¹

1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом.
2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлогодней разверсткой.
3. Одобрить принцип сообразования размера налога с старательностью земледельца в смысле понижения %-та налога при повышении старательности земледельца.
4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога.

Написано 8 февраля 1921 г.

Впервые напечатано в 1932 г.

Печатается по рукописи

ЗАПИСКА И. В. СТАЛИНУ И ДРУГИМ ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО

Получены ответы на запрос Политбюро насчет нефтяных концессий как от Красина (и Богдатьяна), так и от председателя Главнефти Доссера и его 4-х спецов.

Эти ответы, в связи с отчетом о «Положении нефтяной промышленности к концу 1920 г.» (Баку, 1920) я направляю т. Сталину и прошу всех членов Политбюро созвониться с ним для своевременного получения от него и прочтения этих материалов. (В печатном отчете достаточно даже просмотреть отмеченные мною синим карандашом места на страницах, перечисленных на обложке, т. е. на странице перед текстом.)

Материалы эти надо спешно прочесть, ибо на Политбюро (понедельник 14 февраля в 8 часов вечера) желательно принять решение.

Материалы эти доказывают вполне,

- (а) что катастрофа грозит и *близко*;
- (б) что концессии необходимо изо всех сил постараться дать (т. е. концессионеров найти) в Баку;
- (в) что предглавнефти глуп до чрезвычайности. Глупость такого высокопоставленного лица опасна.

Вкратце по всем этим трем пунктам:

(а) Катастрофа надвигается. Это доказано особенно ясно *спецами Главнефти*. Дурак Доссер в своей «докладной записке» старается *преуменьшить* опасность. Это особенно глупо. Надо прочесть отзывы *всех спецов* Главнефти и сравнить их с ослабленным выводом Доссера.

(б) «Полезность привлечения концессионера проблематична», так формулирует вывод Доссер. Видимо, он напугал своих спецов, как истинный благонамеренный дурак, что де «советскому» человеку пристойно быть только против концессий!! Услуга поистине медвежья!!

На деле из докладов спецов Главнефти (докладов деловых и сугубо подтверждаемых отчетом печатным, «до конца 1920») видно яснее ясного, *какие условия* мы должны поставить концессионеру.

Найдется ли концессионер на этих условиях, это, конечно, «проблематично». Но об этом никто из политиков, не сошедших с ума, не стал бы спрашивать ни Досера ни спецов.

Наше дело — все усилия приложить, чтобы нашлись такие концессионеры.

Если не найдутся, тем хуже для нас.

Если не сумеем приложить все усилия, чтобы найти концессионера, то окажемся банкротами мы.

Надо ускорить дело выработки условий.

Надо немедленно начать борьбу с вреднейшим предрассудком, который легко может увлечь часть рабочих и который должен быть побежден во что бы то ни стало. Этот предрассудок состоит в «идее»: «не хотим работать на капиталистов» или вариант: «не хотим работать на капиталистов, если рядом рабочие работают не на капиталистов».

Вред этого предрассудка (опровергаемого и нашей программой РКП и марксизмом вообще) ясен из такого примерного расчета, подводящего наглядный итог докладом спецов.

Мы добываем 100а нефти.

Добыча падает.

Обводнение грозит катастрофой.

Если мы привлечем концессионера, который поможет добывать нефти 100а + 100б и если мы за это заплатим ему 98б, то наша добыча хотя и медленно (100а + 2б) возрастет, вместо того, чтобы упасть.

Спрашивается, «на капиталистов» работают рабочие, отдающие 98б из 100б концессионеру, или на Советскую власть?

Ответ нетруден.

Очень прошу просмотреть поскорее прилагаемые материалы и отчеты, чтобы решение можно было вынести поскорее. Промедление крайне опасно.

12. II. 1921.

Ленин

ОБ ЕДИНОМ ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПЛАНЕ

Тяжелое впечатление производят статьи и разговоры на эту тему. Взгляните на статьи Л. Крицмана в «Экономической Жизни» (I — 14 декабря 1920; II — 23 декабря; III — 9 февраля; IV — 16 февраля; V — 20 февраля). Пустейшее говоренье. Литературщина. Нежелание считаться с тем, что создано в этой области делового, и изучать это. Рассуждения — в длинных пяти статьях! — о том, как надо подойти к изучению, вместо изучения данных и фактов.

Возьмите тезисы Милютина («Экономическая Жизнь» 19 февраля), Ларина («Экономическая Жизнь» 20 февраля), вслушайтесь в речи «ответственных» товарищей. Те же коренные недостатки, что у Крицмана. Скучнейшая схоластика вплоть до болтовни о законе цепной связи и т. п., схоластика то литературская, то бюрократическая, а живого дела нет.

Хуже того. Высокомерно-бюрократическое невнимание к тому живому делу, которое уже сделано и которое надо продолжать. Опять и опять пустейшее «производство тезисов» или высасывание из пальца лозунгов и проектов вместо внимательного и тщательного ознакомления с нашим собственным практическим опытом.

Единственная серьезная работа по вопросу об едином хозяйственном плане есть «План электрификации РСФСР», доклад VIII съезду Советов от «Гозлро» (Государственная комиссия по электрификации России), изданный в декабре 1920 г. и розданный на VIII съезде. В этой книге изложен единый хозяйственный план, который разработан — разумеется, лишь в порядке первого приближения — лучшими

учеными силами нашей республики по поручению высших ее органов. И борьбу с невежественным самомнением сановников, с интеллигентским самомнением коммунистических литераторов приходится начать с самого скромного дела, с простого рассказа об истории этой книги, ее содержании, ее значении.

2—7 февраля 1920 г., т. е. больше года тому назад, состоялась сессия ВЦИК, которая приняла резолюцию об электрификации. В этой резолюции читаем:

... «Наряду с ближайшими, насущнейшими, неотложными и первоочередными задачами по устройству транспорта, устранению кризисов в топливе, продовольствии, в борьбе с эпидемиями, организации дисциплинированных армий труда — для Советской России впервые представляется возможность приступить к более планомерному хозяйственному строительству, к научной выработке и последовательному проведению в жизнь государственного плана всего народного хозяйства. Принимая во внимание первенствующее значение электрификации... оценивая значение электрификации для промышленности, земледелия, транспорта... и т. д., и т. д..., ВЦИК постановляет: поручить ВСНХ, совместно с Народным комиссариатом земледелия, разработать проект постройки сети электрических станций...».

Кажется, ясно? «Научная выработка государственного плана всего народного хозяйства», — можно ли не понять этих слов, этого решения нашей высшей власти? Если кичащиеся перед «спецам» своим коммунизмом литераторы и сановники не знают этого решения, то остается только напомнить им, что незнание наших же законов не есть аргумент.

Во исполнение решения ВЦИК, президиум ВСНХ 21 февраля 1920 г. утвердил образованную при электроотделе электрификационную комиссию, а затем Совет Обороны утвердил положение о «Гозлро», состав которой поручено было определить и утвердить ВСНХ по соглашению с НКЗ³². «Гозлро» уже 24 апреля 1920 г. выпустил № 1 своего «Бюллетеня», с детальнейшей программой работ, с перечнем ответственных лиц, ученых, инженеров, агрономов, статистиков, входящих в различные подкомиссии, руководящих работой по отдельным районам, взявших на себя различные, точно определенные задания. Один перечень этих работ и взявших их на себя лиц занимает в № 1 «Бюллетеня» десять печатных страниц. Все лучшие силы, которые только были на виду у ВСНХ и НКЗ, а равно НКПС, были привлечены к работе.

Результатом работ «Гоэлро» явился названный выше обширный — и превосходный — научный труд. В нем участвовало свыше 180 сотрудников-специалистов. В перечень доставленных ими в «Гоэлро» работ входит свыше 200 номеров. Мы имеем, во-первых, сводку этих работ (первая часть названного тома, обнимающая свыше 200 страниц): а) электрификация и план государственного хозяйства; затем б) топливо-снабжение (с подробно разработанным «топливным бюджетом» РСФСР в пределах ближайшего десятилетия, с учетом потребного количества рабочих); в) водная энергия; г) сельское хозяйство; д) транспорт и е) промышленность.

План рассчитан примерно на десятилетие с указанием числа рабочих и мощности (в тысячах лошадиных сил). Конечно, это — план лишь приблизительный, первоначальный, грубый, с ошибками, план «в порядке первого приближения», но это настоящий научный план. Мы имеем точные расчеты спецов по всем основным вопросам. Мы имеем их расчеты по всем отраслям промышленности. Мы имеем — один маленький пример — расчет размеров производства кожи, обуви по две пары на душу (300 милл. пар) и т. д. В итоге мы имеем и материальный и финансовый (в золотых рублях) баланс электрификации (около 370 миллионов рабочих дней, столько-то бочек цемента, штук кирпича, пудов железа, меди и проч., такая-то мощность турбогенераторов и т. д.). Баланс рассчитан на увеличение («по очень грубой оценке») обрабатывающей промышленности за 10 лет на 80%, а добывающей на 80—100%. Дефицит золотого баланса (+ 11 миллиардов — 17, итого дефицит около 6 миллиардов) «может быть покрыт путем концессий и кредитных операций».

Указано местонахождение 20 паровых и 10 гидроэлектрических районных станций первой очереди с подробным описанием хозяйственного значения каждой станции.

После общей сводки имеем входящие в тот же том, с отдельной нумерацией страниц, работы по каждому району: Северному, Центрально-промышленному (эти две особенно хороши, точны, детальны, основаны на богатейшем научном материале), Южному, Приволжскому, Уральскому, Кавказскому (Кавказ взят в целом, в предположении экономического соглашения между разными республиками), Западной Сибири и Туркестану. По каждому

району имеем расчет на электрические станции не только первой очереди; затем имеем так называемую «программу А Гоэлро», т. е. план использования *существующих* электрических станций наиболее рационально и экономно. Еще один небольшой пример: по отношению к Северному (Петроградскому) району рассчитано, что соединение петроградских станций могло бы дать экономию, определяемую следующим образом. До половины мощности можно было бы (стр. 69 отчета по Северному району) направить к местам сплава леса на Севере, в Мурманск, Архангельск и т. д. Увеличение заготовок леса и сплава его за границу могло бы дать при таких условиях *«до полумиллиарда валютных рублей в год в ближайшее же время»*.

«Ежегодная выручка за северный лес может в ближайшие же годы достигнуть величины нашего золотого запаса» (стр. 70, там же), если мы сумеем, конечно, перейти от разговоров о плане к изучению и *применению* действительно разработанного учеными плана!

Надо сказать еще, что по ряду вопросов (разумеется, далеко, далеко не по всем) мы имеем начало календарной программы, т. е. не только плана вообще, но расчета на каждый год, с 1921 по 1930, сколько станций можно пустить в ход и насколько расширить существующие станции (опять-таки при указанном условии, не слишком легко осуществимом при наших интеллигентски-литераторских и сановно-бюрократических нравах).

Чтобы оценить всю громадность и всю ценность труда, совершенного «Гоэлро», бросим взгляд на Германию. Там аналогичную работу проделал один ученый Баллод. Он составил научный план социалистической перестройки всего народного хозяйства Германии. В капиталистической Германии план повис в воздухе, остался литературщиной, работой одиночки. Мы дали государственное задание, мобилизовали сотни специалистов, получили в десять месяцев (конечно, не в два, как намечали сначала) единый хозяйственный план, построенный научно. Мы имеем законное право гордиться этой работой; надо только *понять*, как следует ею пользоваться, и именно с непониманием *этого* приходится теперь вести борьбу.

Резолюция VIII съезда Советов говорит: ...«Съезд... одобряет работу ВСНХ и т. д. и в особенности «Гоэлро»

по разработке плана электрификации России... оценивает этот план как первый шаг великого хозяйственного начинания, поручает ВЦИК и т. д. завершить разработку этого плана и утвердить его, притом обязательно в кратчайший срок... Поручает принять все меры к самой широкой пропаганде этого плана... Изучение этого плана должно быть введено во всех без изъятия учебных заведениях республики»³³ и т. д.

Ничто не характеризует столь наглядно наличность болячек в нашем аппарате, особенно верхушечном, и бюрократических, и интеллигентских болячек, как наблюдаемое в Москве отношение к этой резолюции, попытки «истолковать» ее вкривь и вкось вплоть до того, чтобы отговориться от нее. Литераторы не пропагандируют выработанного плана, а пишут тезисы и пустые рассуждения о том, как подойти к выработке плана! Сановники ставят ударение чисто-бюрократически на необходимости «утвердить» план, понимая под этим не вынесение конкретных заданий (построить то-то и тогда-то, купить то-то за границей и т. п.), а нечто совершенно путаное, вроде разработки *нового* плана! Непонимание дела получается чудовищное, слышатся речи: сначала восстановим хоть частью старое, прежде чем строить новое; электрификация похожа на электрофикацию; почему не газификация; в «Госэнерго» буржуазные спецы, мало коммунистов; «Госэнерго» должна дать кадры экспертов, а не общеплановой комиссии и т. п.

Вот этот-то разброд мнений и опасен, ибо показывает неумение работать, господство интеллигентского и бюрократического самомнения над настоящим делом. Насмешечки над фантастичностью плана, вопросы насчет газификации и пр. обнаруживают самомнение невежества. Поправлять скандачка работу сотен лучших специалистов, отделяться пошло звучащими шуточками, чваниться своим правом «не утвердить», — разве это не позорно?

Надо же научиться ценить науку, отвергать «коммунистическое» чванство дилетантов и бюрократов, надо же научиться работать систематично, используя свой же опыт, свою же практику!

Конечно, «планы» вещь такая, по самой ее сути, что говорить и спорить можно бесконечно. Но не нужно допускать общих разглагольствований и споров о «прин-

ципах» (построения плана), когда надо взяться за изучение данного, единственно научного, плана и за исправление его на основании указаний *практического* опыта и на основании более детального изучения. Конечно, право «утверждать» и «не утверждать» всегда остается за сановником и сановниками. Если понимать разумно это право и толковать разумно решения VIII съезда насчет утверждения одобренного им и преподанного к самой широкой пропаганде плана, то под утверждением надо понимать ряд заказов и приказов: то-то, тогда-то и там-то купить, то-то начать строить, такие-то материалы собрать и подвезти и т. п. Если же толковать по-бюрократически, тогда «утверждение» означает самодурство сановников, бумажную волокиту, игру в проверяющие комиссии, одним словом, чисто чиновничье убийство живого дела.

Взглянем на дело еще с одной стороны. Необходимо особо связать научный план электрификации с текущими практическими планами и их действительным осуществлением. Это, разумеется, совершенно бесспорно. Как же именно связать? Чтобы знать это, надо, чтобы экономисты, литераторы, статистики не болтали о плане вообще, а детально изучали выполнение наших планов, наши ошибки в этом практическом деле, способы исправления этих ошибок. Без такого изучения мы слепые. При таком изучении, наряду с ним, при условии изучения практического опыта, — остается совсем маленький вопрос административной техники. Плановых комиссий у нас хоть пруд пруди. Взять для объединения двоих от ведомства, вверенного Ивану Иванычу, одного — от ведомства, вверенного Пал Палычу, или наоборот. Соединить их с подкомиссией общеплановой комиссии. Ясно, что это именно административная техника и ничего больше. Испытать и так и эдак, выбрать лучшее — об этом смешно и разговаривать.

Суть дела в том, что у нас не умеют ставить вопроса и живую работу заменяют интеллигентским и бюрократическим прожектерством. У нас были и есть текущие продовольственные и топливные планы. Мы сделали явную ошибку и в тех и в других. Насчет этого не может быть двух мнений. Дельный экономист, вместо пустяковых тезисов, засядет за изучение фактов, цифр, данных, проанализирует наш собственный практический опыт и скажет:

ошибка там-то, исправлять ее надо так-то. Дельный администратор, на основании подобного изучения, предложит или сам проведет перемещение лиц, изменение отчетности, перестройку аппарата и т. п. Ни того, ни другого делового и дельного подхода к единому хозяйственному плану у нас не видишь.

В том-то и болячка, что неверно ставят вопрос об отношении коммуниста к спецам, администратора к ученым и литераторам. В вопросе о едином хозяйственном плане, как и во всяком другом вопросе, есть такие стороны — и всегда могут возникнуть такие новые стороны, — которые требуют решения только коммунистами или требуют подхода только администраторского. Это бесспорно. Но это голая абстракция. А сейчас у нас к данному вопросу подходят ошибочно как раз коммунистические литераторы и коммунистические администраторы, не сумевшие понять, что здесь надо побольше поучиться у буржуазных спецов и ученых, поменьше играть в администрирование. Никакого другого единого хозяйственного плана, кроме выработанного уже «Госплана», нет и быть не может. Его надо дополнить, развивать дальше, исправлять и применять к жизни на основании указаний практического опыта, внимательно изучаемого. Обратное мнение есть только «мнимо-радикальное, на самом же деле невежественное самомнение», говоря словами партпрограммы³⁴. Не менее невежественным самомнением является мысль, будто возможна иная общеплановая комиссия в РСФСР, кроме «Госплана», чем, конечно, не отвергается возможная польза частичных, деловых исправлений ее состава. Строить что-либо серьезное, в смысле улучшения общего плана нашего народного хозяйства, можно только на этой основе, только продолжая начатое, иначе это будет игра в администрирование или, проще, самодурство. Задача коммунистов внутри «Госплана» — поменьше командовать, вернее вовсе не командовать, а подходить к специалистам науки и техники («они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазными мирозерцанием и навыками», как говорит программа РКП) чрезвычайно осторожно и умело, учась у них и помогая им расширять свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответственной науки, памятуя, что инженер придет к признанию коммунизма не так, как пришел подпольщик-пропагандист,

литератор, а через данные своей науки, что по-своему придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д. Коммунист, не доказавший своего умения объединять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, такой коммунист часто вреден. Таких коммунистов у нас много, и я бы их отдал дюжинами за одного добросовестно изучающего свое дело и знающего буржуазного спеца.

Коммунисты, стоящие вне «Гозлро», помочь делу создания и проведения единого хозяйственного плана могут двояко. Если они экономисты, статистики, литераторы, надо сначала изучить наш собственный практический опыт и только на основании детального изучения соответственных фактов рекомендовать исправление ошибок, улучшение работы. Изучение — дело ученого, и тут, поскольку дело идет у нас уже давно не об общих принципах, а именно о практическом опыте, нам опять в десять раз ценнее хотя бы буржуазный, но знающий дело «специалист науки и техники», чем чванный коммунист, готовый в любую минуту дня и ночи написать «тезисы», выдвинуть «лозунги», преподнести голые абстракции. Побольше знания фактов, поменьше претендующих на коммунистическую принципиальность словопрений.

С другой стороны, если коммунист — администратор, его первый долг — остерегаться увлечения командованием, уметь сначала посчитаться с тем, что наука уже выработала, сначала спросить, проверены ли факты, сначала добиться изучения (в докладах, в печати, на собраниях и проч.) — изучения того, где именно мы сделали ошибку, и лишь на этой основе исправлять делаемое. Поменьше приемов Тит Титыча («я могу утвердить, могу не утвердить»), побольше изучения наших практических ошибок.

Давно уже замечено, что недостатки людей большей частью связаны с их достоинствами. Таковы недостатки многих из руководящих коммунистов. Десятки лет делали мы великое дело, проповедывали свержение буржуазии, учили недоверию к буржуазным спецам, разоблачали их, отнимали у них власть, подавляли их сопротивления. Великое, всемирно-историческое дело. Но стоит чуточку преувеличить, и получается подтверждение истины, что от великого до смешного один только шаг. Мы Россию

убедили, мы Россию отвоевали от эксплуататоров для трудящихся, мы эксплуататоров подавили — мы должны научиться Россией управлять. Для этого надо научиться скромности и уважению к деловой работе «специалистов науки и техники», для этого надо научиться деловому и внимательному анализу наших многочисленных *практических* ошибок и исправлению их постепенному, но неуклонному. Поменьше интеллигентского и бюрократического самомнения, побольше изучения того, что наш практический опыт, в центре и на местах, дает, и того, что наука нам уже дала.

21 февраля 1921 г.

«Правда» № 39, 22 февраля 1921 г.
Подпись: *В. И. Ленин*

Печатается по тексту газеты
«Правда», сверенному с гранками,
правленными *В. И. Лениным*

ПРИВЕТСТВИЕ V ВСЕУКРАИНСКОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТОВ⁸⁶

Товарищи! От всей души шлю приветствие V Всеукраинскому съезду Советов. Выражаю глубокую уверенность, что союз незаможных селян и украинских рабочих укрепит Советскую Украину и упрочит Украинскую республику, вопреки всем препятствиям и козням врагов.

Прошу тов. Петровского передать мое сожаление, что никак не могу принять предложение съезда и приехать лично. Надеюсь все же, что в недалеком будущем мне удастся посетить Советскую Украину. Желаю съезду успеха в укреплении власти рабочих и селян и восстановлении хозяйства.

Ваш Ленин

*«Коммунист» (Харьков) № 45,
27 февраля 1921 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Коммунист»*

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПЛЕНУМА МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ 28 ФЕВРАЛЯ 1921 г.³⁶

(Продолжительные аплодисменты.) Прежде чем перейти к вопросу о внутреннем положении, вызывающем, естественно, и большой интерес, и большую тревогу, — позвольте мне коротко коснуться только главных новинок в области международной. Таких новинок, чтобы быть кратким, я отмечу только три: первая, это — та, что у нас началась конференция с турецкими делегатами здесь в Москве. Этот факт в особенности надо приветствовать, потому что препятствий к непосредственному ведению переговоров между нами и делегацией турецкого правительства было множество, и мы уверены, что теперь, когда получается возможность договориться здесь, будет положено начало сближению и дружбе чрезвычайно прочно, и достигнуты они будут, конечно, не дипломатическими ухищрениями (в этом наши противники гораздо сильнее нас, и мы не боимся в этом сознаться), а тем, что оба народа претерпели от империалистических держав в последние годы неслыханно и невиданно много. Один из предыдущих ораторов говорил здесь о вреде изолированности (отделения) от империалистических стран. Но когда волк нападает на овцу, то овце говорить о том, чтобы не быть изолированной от волка, не приходится. (Смех и аплодисменты.) И если народы Востока до сих пор были только овечками перед империалистским волком, то Советская Россия первая показала, что, несмотря на ее неслыханную военную слабость, протянуть к ней когти и зубы не так-то легко. Этим примером Советской России заразились очень многие народы, независимо даже от их сочувствия или несочувствия «большевистским

шептунам». Об этих «шептунах» на всем свете много говорят, и нас даже называют зловредными шептунами по отношению к Турции. Уж, конечно, мы до сих пор в этой области ничего сделать не могли, а тем не менее, турецким рабочим и крестьянам удалось показать, что отпор современных народов против хищничества вещь, с которой надо считаться, и тот грабеж, на который империалистские правительства осудили Турцию, вызвал отпор, заставивший самые мощные империалистские державы убрать руки прочь. Вот вещь, которая заставляет эти переговоры с турецким правительством считать очень крупным достижением. Никакими ухищрениями мы не задаемся. Мы знаем, что эти переговоры пройдут в рамках очень скромных, но они важны тем, что сближение трудящихся масс рабочих и крестьян всех народов идет, несмотря на отчаянные препятствия, вперед и вперед, и этого не надо забывать при оценке переживаемых нами трудностей.

Вторая вещь, которую следует упомянуть, когда речь идет о международном положении, это — положение с мирными переговорами в Риге. Вы знаете, что для заключения мира, хоть сколько-нибудь прочного, мы, по отношению ко всем государствам, входившим раньше в состав Российской империи, делаем как можно больше уступок. Это понятно, так как одной из главных сил, которая вызывает ненависть к империалистам и спланивает народы против них, является угнетение национальности, и немного найдется государств в мире, которые так погрешили в этом отношении, как старая Российская империя и буржуазная республика Керенского, меньшевиков и эсеров в союзе с буржуазией. Вот почему именно по отношению к этим государствам мы проявляем больше всего уступчивости, идя на такие мирные условия, за которые некоторые эсеры нас бранили чуть ли не толстовцами. Мы к этим упрекам относимся очень хладнокровно, потому что по отношению к этим государствам мы должны проявить наибольшую уступчивость, чтобы там рассеять вековое недоверие, порожденное прежним угнетением, и положить начало союзу рабочих и крестьян разных наций, которые некогда вместе страдали от царизма и русских помещиков и теперь страдают от империализма. По отношению к Польше эту политику больше всего срывали русские

белогвардейцы, эсеры и меньшевики, которые имеют «свободу печати», «свободу слова» и прочие великолепные «свободы», рядом с чрезвычайной свободой французских и других капиталистов, которые свободно скупили себе большую часть Польши и в высшей степени свободно развивали там свою агитацию, чтобы втянуть ее в войну против нас. Теперь все усилия капиталистов направлены на то, чтобы сорвать заключенный мир. Одним из условий, объясняющих, почему мы не можем демобилизовать нашу армию так, как мы этого хотели бы, является то, что мы должны считаться с войной в гораздо больших размерах, чем некоторые это думают. Ошибаются те, которые говорят, что мы могли бы и не так много силы уделять на военное дело. Ошибаются потому, что нашими врагами все козни и интриги сейчас пускаются в ход для того, чтобы окончательный мир с Польшей, предварительный мир с которой уже подписан, сорвать. В последнее время эти переговоры затянулись, и хотя несколько недель тому назад дошло до того, что приходилось опасаться серьезного кризиса в этих переговорах, в последнее время мы решили еще пойти на некоторые уступки, не потому, что считали это справедливым, а потому, что считали важным делом сорвать интриги русских белогвардейцев, эсеров и меньшевиков в Варшаве, империалистов Антанты, больше всего стремящихся не допустить мира. Мир еще не подписан, но я могу сказать, что мы имеем право быть настроенными очень оптимистически в том отношении, что в ближайшее время мир подписан будет, и интриги против заключения его сорвать нам удастся. Я думаю, что этому обстоятельству мы все будем рады, хотя это только догадка. Но не надо хвалить утро, пока не наступил вечер. И поэтому мы ни на минуту и ни на йоту своих военных сил не уменьшим и не ослабим, в то же время не боясь делать несколько больше уступок по отношению к буржуазной Польше, лишь бы оторвать рабочих и крестьян Польши от Антанты и доказать им, что рабоче-крестьянская власть национальной грызней не занимается. Мир этот мы будем отстаивать даже ценой не всегда легких жертв.

Третий международный вопрос — события на Кавказе. Там в последнее время произошли события крупного размера, подробности которых нам сейчас неизвестны, но суть

их сводится к тому, что мы на грани большой войны. Столкновение Армении и Грузии не могло не волновать нас, и эти события привели к тому, что армяно-грузинская война перешла в восстание, в котором участвовала и некоторая часть русских войск. И кончилось это тем, что замысел армянской буржуазии против нас, до сих пор по крайней мере, повернулся против них и повернулся так, что в Тифлисе, по последним сведениям, которые еще не проверены, оказалась Советская власть. (А плоды сменены.) Мы знаем, что восстание началось в Армении именно в той нейтральной зоне, которая лежит между Грузией и Арменией и которую Грузия заняла с разрешения империалистов Антанты. Большевики привыкли, а в частности грузинские большевики, когда они рассуждают о вреде изолированности от западных стран, понимать это в смысле доверия империалистам Антанты, ибо они сильнее всех. А о том, что передовые капиталисты сильнее всего обманывают, некоторые белогвардейцы это забывают, ибо они думают: что такое Армения, армянские крестьяне и проч., что такое разоренная Советская республика, против всех соединенных империалистических держав мира. Передовые капиталисты — это культурные силы со всего мира: повернем к ним. Так оправдывают нечистое дело защиты капиталистов грузинские большевики. В руках грузинских большевиков был ключ к продовольствию армянского крестьянства через единую железную дорогу.

Никто не будет иметь терпения прочитать те телеграммы, заявления и протесты, которыми мы обменивались с Грузией по этому поводу. Если бы мы имели мирный договор с Грузией, мы должны были бы тянуть как можно дольше. Но представьте себе, что армянское крестьянство не так смотрело на договор, и кончилось тем, что в начале февраля вспыхнуло страшное восстание, которое распространилось с поразительной быстротой и захватило не только армянское, но и грузинское население. Известия получались оттуда с трудом, и последнее известие, которое мы имели, оправдало то, что мы предполагали. Мы прекрасно знаем, что грузинская буржуазия и грузинские большевики опираются не на трудящиеся массы, а на капиталистов своей страны, а эти капиталисты ищут повода придрасться, чтобы начать военные действия,

по мы имеем трехлетнюю ставку и будем ставить эту ставку до последнего издыхания, это — ставка на трудящиеся массы, хотя бы и отсталой и угнетенной страны. И в конце концов, как бы мы ни были осторожны, как бы ни напрягли свои силы к укреплению Красной Армии, мы приложим все свои старания, чтобы потушить пожар, который вспыхнул на Кавказе. И то, что нам удалось показать на Западе — это то, что, где Советская власть, там нет места национальному угнетению, — это мы покажем и на Востоке. От этого в последнем счете зависит вся борьба, и, в конце концов, рабочая и крестьянская сила окажется выше и больше капиталистической, потому, что рабочих и крестьян гораздо больше, чем капиталистов.

После этих замечаний о внешней политике я перейду к внутренней политике. Я не мог, к сожалению, слышать целиком доклад, который здесь делал тов. Брюханов. Вы уже выслушали от него все подробности и получили точные сведения, и мне, разумеется, нет надобности их восстанавливать. Я хотел остановиться на самом главном, на том, что, может быть, покажет нам причины нашего ужасного кризиса. Мы должны будем поставить перед собой задачу, к разрешению которой мы выберем путь. Путь этот есть, мы его нашли, но у нас нет еще силы идти по этому пути с той настойчивостью, с той систематичностью, которая требуется создавшимися тяжелыми условиями, оставшимися в наследство после войны. У нас большая нищета во всем, но все же мы разорены не больше, чем разорены рабочие Вены. Рабочие Вены умирают, голодают, дети их также умирают, голодают, но у них нет самого главного, что есть у нас: у них нет надежды. Они умирают, подавляемые капитализмом, они находятся в таком положении, что несут жертвы, но не так, как несем мы их. Мы несем жертвы ради войны, которую мы объявили всему капиталистическому миру. Вот отличие положения, в котором находятся рабочие Петрограда и Москвы, от положения рабочих Вены. Теперь, весной, продовольственные наши страдания обострились опять, хотя немного ранее мы и наблюдали улучшение продовольственного положения. Здесь вышло так, что мы не рассчитали. Когда был составлен план разверстки, то успех показал нам возможность улучшения. Народ наголодался так, что нужно было улучшить его положение

во что бы то ни стало. Надо было не только помочь, а надо было именно улучшить. Мы не рассчитали, что если мы сделаем хорошо сейчас, то трудно будет в конце, и это было той ошибкой, благодаря которой мы стоим перед продовольственным кризисом теперь. Ту же самую ошибку мы сделали и в другой области. Мы сделали такую ошибку в польской войне и ту же самую ошибку мы сделали и в топливе. Продовольственная работа, топливная, уголь, нефть, дрова — все это разнородные работы, и во всех трех областях мы сделали одинаковые ошибки. В голоде, в холоде мы преувеличивали свои силы и не рассчитали их. Мы не рассчитали того, что сразу истратили свои ресурсы, мы не рассчитали тех ресурсов, которые у нас имелись в запасе, и мы не оставили ничего на черный день. Это вообще простое правило, и это правило понятно всякому крестьянину в его несложном обыкновенном хозяйстве. Но в государственном масштабе мы все время пахотились в таком положении: какой там запас, лишь бы нам прожить этот день, и вот в первый раз, когда пришлось столкнуться с этим запасом, подойти к нему с практической точки зрения, мы и не смогли устроить это так, чтобы этот запас оставить на черный день.

В польской войне мы имели энергичную, смелую Красную Армию, но пошли несколько дальше, чем нужно — к воротам Варшавы, а потом откатились почти к самому Минску. Вот это обстоятельство также случилось и в продовольствии. Правда, мы из войны вышли победителями. Мы в 1920 году предложили польским помещикам и буржуазии мир на условиях более для них выгодных, чем те, которые они имеют сейчас. Они тут получили урок, и весь мир получил урок, которого никто раньше не ожидал. Когда мы говорим о своем положении, мы говорим правду, мы скорее преувеличиваем немного в худшую сторону. Мы в апреле 1920 года говорили: транспорт падает, продовольствия нет. Писали это открыто в своих газетах, говорили на тысячных собраниях в лучших залах Москвы и Петрограда. Шпионы Европы спешили это послать по телеграфу, а там потирали руки: «Валяйте, поляки, видите, как у них плохо, мы их сейчас раздавим», а мы говорили правду, иногда преувеличивая в худшую сторону. Пускай рабочие и крестьяне знают, что трудности не кончены. И когда польская армия под присмотром

французских, английских и других специалистов-инструкторов, на их капиталы, с их амуницией пошла, она была разбита. И теперь, когда мы говорим, что у нас плохо, когда наши послы шлют сообщения, что во всей буржуазной прессе печатается: «Конец Советской власти», когда даже Чернов сказал, что она несомненно падет, — тогда мы говорим: «Кричите, сколько влезет, на то свобода печати на капиталистические деньги; этой свободы у вас сколько угодно, а мы несколько не будем бояться печальную правду говорить». Да, в эту весну положение опять ухудшилось, и теперь наши газеты полны признания того, что положение плохо. А попробуйте, тамошние капиталисты, меньшевики, эсеры, семеновцы или как они там называются, попробуйте на этом что-нибудь заработать, полетите еще хуже, дальше и глубже. (А плоды с м е н т ы.) Очевидно, труден переход от состояния полной нищеты, в котором мы были в 1918—1919 гг., когда никто не мог подумать о запасе или распределении на год, а могли только думать на три недели или на две, а третью «будем посмотреть». Очевидно, труден переход от этого состояния к состоянию 1920 года, когда мы увидели, что у нас армия больше, чем у поляков, хлеба вдвое больше, чем в прошлом году, топливо есть, — донецкого и сибирского угля в полтора раза больше. Мы не сумели это разделить в общегосударственном масштабе. Надо помнить, что расчеты на год требуют особого подхода, особых условий. Что весна будет хуже, чем осень, мы знали, но, насколько хуже, мы этого знать не могли. Дело не в цифрах, дело не в распределении, а дело в том, насколько изголодались рабочие и крестьяне, какую меру жертв на общее дело всех рабочих и крестьян они вынести в силах. Кто это рассчитает? Пусть тот, кто за это обвиняет нас, справедливо обвиняет — ибо тут есть наша ошибка, и никому не придет в голову это скрывать, как и ошибку в польской войне, — пусть тот, кто на эту ошибку указывает, представит нам расчет, на основании которого в государственном масштабе можно определить наперед, сколько нужно из имеющихся на первое полугодие хлебных запасов припрятать, чтобы во втором полугодии иметь на черный день. Таких расчетов не было. Мы их делали в первый раз в 1920 году, и просчитались. Революция в известных случаях означает собою чудо. Если бы

нам в 1917 году сказали, что мы три года выдержим войну со всем миром и в результате войны два миллиона русских помещиков, капиталистов и их детей окажется за границей, а мы окажемся победителями, то никто бы из нас этому не поверил. Вышло чудо, потому что из рабочих и крестьян поднялась такая сила против нашествия помещиков и капиталистов, что даже могущественному капитализму грозила опасность. Именно потому, что здесь было чудо, оно и отучило нас рассчитывать надолго. Поэтому мы все очень и очень хромаем. Предстоящий партийный съезд ускорен, потому что нам надо подвести серьезнейшие итоги этому новому опыту. В защите власти рабочих и крестьян тут произошло чудо, но чудо не в смысле небесном, не то, что откуда-нибудь с неба что-то свалилось, а чудо в том смысле, что у рабочих и у крестьян, как они ни были задавлены, принижены, разорены, измучены — именно потому, что революция пошла с рабочими — она нашла во сто раз больше силы, чем в каком угодно богатом, просвещенном и передовом государстве. Но с такой привычкой нельзя идти на хозяйственную работу. На хозяйственной работе нужно — пусть это не совсем подходящее слово — известное «скопищничество». А вот «скопищничать»-то мы еще не научились. Нужно помнить, что буржуазию мы победили, но буржуазия у нас осталась, и борьба осталась. И одно из средств борьбы ее против нас — сеять панику. На этот счет они мастера, и этого не надо забывать. У них газеты, хотя и не печатные, но распространяются великолепно, причем из мухи они делают не только слона... Но в панику вдаваться нам ни в коем случае нельзя. У нас положение обострилось тем, что мы сделали ошибку во всех видах работы. Не будем же бояться этих ошибок, не будем бояться признания их, не будем перебрасываться обвинениями; а для того, чтобы во всех видах работы суметь использовать все силы и наибольшее напряжение энергии, нужно уметь сделать расчет, вести его нужно так, чтобы стать хозяином всей нашей республики, потому что только при таком расчете можно учесть крупное количество хлеба и топлива. С точки зрения здорового человека нам хлеба будет мало, но его увеличить сразу нельзя. Его нехватит только в том случае, если не сделать запаса, но если рассчитать правильно, чтобы выдать тому, кому больше всего нужно,

и взять с того, кто имеет большие излишки, чем с того, кто последние три года давал, может быть, последний кусок. Поняли ли этот расчет крестьяне Сибири и Украины? Нет еще. У них есть и были такие излишки, которых в средней России не было никогда. Они в таком положении еще не были. Они такой нужды, которую у нас, в Московской и Петроградской губерниях, крестьяне терпели три года (а получали гораздо меньше, чем украинский мужик), такой нужды и голода ни украинский, ни сибирский крестьянин, ни северо-кавказский крестьянин никогда, никогда не видали. У них сотни пудов обычно было излишков, и они привыкли считать, что за такой излишек отдай им сейчас товары. Неоткуда их взять, когда стоят фабрики. Ведь, чтобы пустить их, нужно время, подготовка, нужны рабочие. Не в отчаянии несем мы неслыханные жертвы, но в борьбе, которая одерживает победы. Эта разница определяет все.

Вот главное, что мне хотелось здесь подчеркнуть вам не с точки зрения точных данных, которые изложили вам товарищ продовольственник и товарищ топливник, а с точки зрения хозяйственной и политической, чтобы понять, чем ошибки последних лет отличаются от предыдущих и, хотя они и иного рода, но все же общее в них то, что мы, имея возможность подняться на ступеньку, попытались вскочить на две ступеньки. Но все-таки мы — выше. Это хорошо. Все-таки в этом году топливный баланс мы сделаем много лучше, чем в прошлом. А относительно продовольствия приведу еще только последнее, чтобы закончить, — телеграмму, которую мне дали от помощника главнокомандующего всеми силами республики в Сибири. Он телеграфирует, что сообщение восстановлено, и к Москве движутся 7 маршрутов с хлебом. Одно время были волнения и кулацкие восстания. Тут, конечно, можно шутить насчет шептунов, но надо понимать, что мы все-таки в классовой борьбе чему-нибудь научились. Мы знаем, что царское правительство называло нас шептунами, а когда мы говорим о шептунах эсерах и меньшевиках, то мы говорим о другом классе, говорим о тех, которые идут за буржуазией, о тех, которые пользуются всяким тяжелым положением, выпускают листки и говорят: «Смотрите, у вас отбирают триста пудов излишков, отдайте все, а получите только разноцветные бумажки».

Что, мы не знаем таких шептунов? Из какого они класса? Это те же помещики, как бы они себя ни называли, эсерами, сторонниками свободы, народовластия, учредилки и т. д. Мы все их слова прослушали и научились их понимать. Эти восстания обозначают то, что в крестьянской среде есть слои, которые не хотят примириться ни с продовольственной разверсткой, ни с налогом. Здесь один говорил о налоге. Тут много здравого смысла, но напрасно он забыл добавить, что в газете «Правда», которая является Центральным Органом Российской коммунистической партии, и раньше, чем мы с трибуны этой сказали, на страницах «Правды», за подписью не только случайных сотрудников, но и ответственных, предложения налогов были. Когда беспартийный крестьянин говорит нам: «Давайте сообразовать расчет с тем, что мелкому крестьянину нужно; ему нужна уверенность, столько-то я дам, а потом хозяйничаю», мы говорим: да, это — дело, тут есть здравый смысл, совершенно соответствующий местным условиям, и, пока мы не имеем машин, пока крестьянин не захочет сам перейти от мелкого хозяйства к крупному, мы с этой мыслью считаться склонны и на съезде партии через неделю вопрос этот поставим, разберем и вынесем решение, которое удовлетворит беспартийного крестьянина, удовлетворит и широкие массы. Конечно, в нашем аппарате много несовершенства, безобразия, потому что в него много проникло бюрократизма, много, очень много. А разве таких ошибок и несовершенств в нашей Красной Армии не было? От них сразу избавиться было нельзя, но благодаря помощи рабочих и крестьян она все же победила. То, что было в Красной Армии, то по-другому, но пройдет во всех областях, и от этих бюрократических безобразий, о которых все кричат и которые ругают сплошь и рядом, потому что они означают наши ошибки и бедствия, от них мы излечимся настойчивой работой, не поддаваясь панике и не закрывая себе глаза на тех, кто на этих ошибках пытается повторить колчаковскую и денкинскую историю. На Украине безобразий в виде растаскивания угольных запасов, от недостатка которых мы так страдаем здесь, сколько угодно. Там было 120 правительств, и зажиточное крестьянство там развращено. Оно не может понять, что есть рабоче-крестьянское правительство и что раз оно берет хлеб, то для того, чтобы

облегчить положение рабочих и крестьян. До тех пор, пока мы не добьемся там полного освещения всех этих вопросов, мы не перестанем получать известия о беспорядках, бандах, восстаниях. Это неизбежно, потому что неизбежны темнота, распыленность и озлобленность отдельных крестьян, которые остались нам в наследие от капитализма, которых нам нужно перевоспитывать годами. Это мы видим каждую весну и будем видеть еще каждую весну.

Другое дело с юго-восточными железными дорогами. Ведь мы этот год, главным образом, жили теми ресурсами, которые давали Сибирь и Северный Кавказ. Вот у меня имеется пятидневка. С 1-го февраля 8 вагонов в сутки. Вторая пятидневка — 32, третья — 60, четвертая — 109, а мы должны получать 200 вагонов в сутки и только за последние пять дней от 20 до 24 февраля достигли 120 вагонов. Это три маршрута. Сегодня же тов. Фомин сообщает, что за последние два дня мы получили уже 4 маршрута. В Донбассе получается так, как указывал один товарищ: хлеба нет, потому что нет угля, угля нет, потому что нет хлеба. Тут надо где-нибудь эту проклятую цепь прорвать своей энергией, нажимом, героизмом трудящихся, чтобы все машины завертелись. Здесь мы испытали величайшие трудности, из которых начинаем выходить. Просвет показался. Я, товарищи, вовсе не хочу вас успокаивать обещаниями и не думаю заявлять, что трудная полоса кончилась. Ничего подобного! Есть признаки улучшения, но полоса осталась неслыханно трудной, а по сравнению с прошлой осенью она могла быть не так трудна, как теперь, несмотря на то, что мы отрезаны от Западной Европы. Чтобы не быть от нее отрезанными, мы должны были пойти на концессии: на тебе 500 проц. прибыли, а нам прибавь хлеба, керосина и т. д. И мы на них идем, пойдем. И это будет новой борьбой, потому что 500 проц., а может быть, и больше им без торга не отдадим, а перейти на эту борьбу, это все равно, что все поезда перевести на новые рельсы.

Для этого надо, чтобы капиталисты убедились, что к нам с войной не сунешься. Эту политику концессий мы окончательно приняли. Вы знаете, что не мало было споров с крестьянами и рабочими по этому поводу, вы знаете, что рабочие говорили: «Свою буржуазию прогнали, а

других будем пускать». И мы им разъяснили, что мы сразу не можем перейти от такого положения, когда не было ничего, к такому, когда будет все, и, чтобы облегчить себе этот переход, чтобы получить необходимое количество хлеба, мануфактуры, для этого надо уметь не отказываться от всяких жертв. Пускай капиталисты пользуются своей жадностью, лишь бы нам улучшить положение рабочих и крестьян. Но осуществить дело концессий — дело трудное. Мы издали об этом декрет еще в декабре, но до сих пор еще ни одна концессия не заключена. Конечно, здесь влияние белогвардейской и меньшевистской печати. Ведь нет ни одной страны в мире, где не было бы сейчас русской газеты, и во всех них меньшевики кричат против концессий, указывают, что в Москве неспокойно, что поэтому Советская власть скоро падет, и вы, господа капиталисты, не верьте им и не вступайте с ними в сделку. Но мы от этой борьбы не откажемся, мы капиталистов победили, но не уничтожили, они пересели на другой стул и сидят в Варшаве, которая была когда-то центром борьбы против русского самодержавия, а теперь объединяет белогвардейцев против Советской России, и мы будем против них бороться везде и на внешнем, и на внутреннем фронте.

Вот от тов. Зиновьева из Петрограда я имею телеграмму, где говорится, что, в связи с произведенными там арестами, у одного из задержанных найден листок, из которого ясно видно, что он является разведчиком заграничных капиталистов. Дальше имеется листок, под заглавием «К верным», с контрреволюционным содержанием. Затем тов. Зиновьев сообщает о том, что в Петрограде расклеены листовки меньшевиков, в которых они призывают к забастовкам, а здесь в Москве раздули слух о какой-то демонстрации. На самом деле, был провокационный выстрел, которым был убит один коммунист. Это единственная жертва этих несчастных дней. Когда Деникин стоял под Орлом, белогвардейские газеты писали о том, что он прыгал чуть не по 100 верст в час. Нас эти газеты не удивят. Мы смотрим на вещи трезво, нам нужно, товарищи, тесно сплотиться, иначе, что же нам делать? Попробовать снова «коалиционное» правительство Керенского, Колчака? Положим, Колчака уже нет, но если нет Колчака, то другой предет. Генералов русских сколько угодно, хватит на

громаднейшую армию. Мы должны говорить прямо, не боюсь газет, которые выходят во всех городах мира. Это пустяки, из-за этого не будем молчать о нашем тяжелом положении. Но мы скажем, что мы, товарищи, ведем всю эту тяжелую кровавую борьбу и, если против нас не могут пойти сейчас с оружием в руках, то идут с оружием лжи и клеветы, пользуются всяким случаем нужды и бедности, чтобы помочь этим самым нашим врагам. Все это, повторяю, мы испытали и прошли. Мы пережили гораздо большие трудности, мы прекрасно знаем этого врага и мы этого врага этой же весной победим, победим его тем, что будем работать более успешно, более рассчитанно. (А п л о д н с м е н т ы.)

«Правда» № 46, 2 марта 1921 г.

*Печатается по тексту
газеты «Правда»,
сверенному со стенограммой*

Первая страница
письма В. И. Ленина
Г. К. Орджоникидзе. —
2 марта 1921 г.
Уменьшено

РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

Москва, Кремль

1921 г.

№

Смаков. Кромму Дурову,
с. Ворафелу,
в Косвогур
и др.

Билу Серо / Вордранкиду

Предидя зуринские Каммуридан и
специально всем членам зуринского
ревкома мои горячий привет советской
дружбы и точка особенно прошу их соот-
ветств. еще сур-ва у нас с вами больше сова.
сне по трем вопросам первое кадо кемедвем
вооруженно рабства и беднейших крестьян создавая
крестьян зуринского красную армию во-
ров каюкодима особая колдрия зуриних по
экономике к зуринской индустрии и сел.
кни зуринские кадо каюкодим их не убаво не
распределю каюконициривать а кадо каюк. ко из-
важные даго разубо каюк. от зуринских их колдрия
и особые каюконициривать каюк. индустрии зуринских каюк.
индустрии каюк. индустрии каюконициривать каюк.
индустрии каюк. индустрии каюконициривать каюк.

ПИСЬМО Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ ³⁷

Сталину. Прошу отправить, а если возражаете, то поговорить по телефону.

Ленин

2. III. 1921 г.

Баку. Орджоникидзе

Передайте грузинским коммунистам и специально всем членам Грузинского ревкома мой горячий привет Советской Грузии. Особенно прошу их сообщить мне — есть ли у нас с ними полное согласие по трем вопросам:

Первое: надо немедленно вооружить рабочих и беднейших крестьян, создавая крепкую грузинскую Красную Армию.

Второе: необходима особая политика уступок по отношению к грузинской интеллигенции и мелким торговцам. Надо понять, что их не только нерасчетливо национализировать, а надо пойти на известные даже жертвы, лишь бы улучшить их положение и оставить им возможность вести мелкую торговлю.

Третье: гигантски важно искать приемлемого компромисса для блока с Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками, кои еще до восстания не были абсолютно враждебны к мысли о советском строе в Грузии на известных условиях.

Прошу помнить, что и внутренние, и международные условия Грузии требуют от грузинских коммунистов не применения русского шаблона, а умелого и гибкого создания своеобразной тактики, основанной на большей уступчивости всяческим мелкобуржуазным элементам.

Прошу ответа.

Ленин

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ РАБОТНИЦ

Главное, основное в большевизме и в русской Октябрьской революции есть втягивание в политику именно тех, кто был всего более угнетен при капитализме. Их давили, их обманывали, их грабили капиталисты и при монархии и в демократически-буржуазных республиках. Этот гнет, этот обман, этот грабеж народного труда капиталистами были неизбежны, пока держалась частная собственность на землю, фабрики, заводы.

Суть большевизма, суть Советской власти в том, чтобы, разоблачая ложь и лицемерие буржуазного демократизма, отменяя частную собственность на земли, фабрики, заводы, всю государственную власть сосредоточить в руках трудящихся и эксплуатируемых масс. Они сами, эти массы, берут в свои собственные руки политику, то есть дело строительства нового общества. Дело трудное, массы забиты и задавлены капитализмом, но иного выхода из наемного рабства, из рабства капиталистов нет и быть не может.

А втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин. Ибо женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне. Работница и крестьянка угнетены капиталом и сверх того они даже в самых демократических из буржуазных республик остаются, во-первых, неполноправными, ибо равенства с мужчиной закон им не дает; во-вторых, — и это главное — они остаются в «домашнем рабстве», «домашними рабынями», будучи задавлены самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, самой отупляющей человека

работой кухни и вообще одиночного домашне-семейного хозяйства.

Большевицкая, советская революция подрезывает корни угнетения и неравенства женщин так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия и ни одна революция в мире. От неравенства женщины с мужчиной по закону у нас, в Советской России, не осталось и следа. Особенно гнусное, подлое, лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство в отношении к ребенку уничтожено Советской властью полностью.

Это — первый только шаг к освобождению женщины. Но ни одна из буржуазных, хотя бы и наиболее демократических, республик не осмелилась сделать и этого первого шага. Не осмелилась из страха перед «священной частной собственностью».

Второй и главный шаг — отмена частной собственности на землю, фабрики, заводы. Этим и только этим открывается дорога для полного и действительного освобождения женщины, освобождения ее от «домашнего рабства» путем перехода от мелкого одиночного домашнего хозяйства к крупному обществу.

Переход этот труден, ибо дело идет здесь о переделке наиболее укоренившихся, привычных, заскорузлых, окостенелых «порядков» (по правде сказать, безобразий и дикостей, а не «порядков»). Но переход этот начат, дело двинуто, на новый путь мы вступили.

И в международный день работниц во всех странах мира на бесчисленных собраниях работниц будут раздаваться призывы Советской России, начавшей неслыханно трудное и тяжелое, но великое, всемирно великое и действительно освободительное дело. Будут раздаваться бодрые призывы не падать духом перед лицом свирепой и часто зверской буржуазной реакции. Чем «свободнее» или «демократичнее» буржуазная страна, тем более свирепствует и зверствует банда капиталистов против революции рабочих; пример тому демократическая республика Северо-Американских Соединенных Штатов. Но рабочий в массе уже проснулся. Империалистская война окончательно разбудила спящие, полусонные, косные массы и в Америке, и в Европе, и в отсталой Азии.

Лед сломан во всех концах мира.

Освобождение народов от ига империализма, освобождение рабочих и работниц от ига капитала идет неудержимо вперед. Это дело повели вперед десятки и сотни миллионов рабочих и работниц, крестьян и крестьянок. И потому это дело свободы труда от ига капитала победит во всем мире.

4. III. 1921 г.

*Напечатано 8 марта 1921 г.
в Приложении к № 51 газеты
«Правда»*

Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту Приложения

X СЪЕЗД РКП(б)³⁸

8—16 МАРТА 1921 г.

Впервые полностью напечатано
в 1921 г. в книге: «Десятый съезд
Российской коммунистической
партии. Стенографический отчет
(8—16 марта 1921 г.)». Москва

Печатается по тексту книги,
сверенному со стенограммой

1

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ СЪЕЗДА
8 МАРТА

(Продолжительные аплодисменты.) Товарищи, позвольте объявить открытым X съезд Российской коммунистической партии. Мы пережили год, очень богатый событиями и в международной и в нашей внутренней истории. Чтобы начать с международного положения, я должен сказать, что мы впервые собираемся теперь в таких условиях, когда Коммунистический Интернационал перестал быть только лозунгом, а превратился действительно в могучее организационное строение, имеющее свой фундамент, настоящий фундамент, в крупнейших передовых капиталистических странах. То, что на II конгрессе Коминтерна было еще только резолюциями, за истекший год удалось осуществить, нашло себе выражение, подтверждение, закреплению в таких странах, как Германия, Франция, Италия. Достаточно назвать эти три страны, чтобы вы видели, что во всех передовых крупнейших европейских странах Коммунистический Интернационал после II конгресса, состоявшегося прошлым летом в Москве, стал делом рабочего движения в каждой из этих стран, — мало того, он стал основным фактором международной политики. Это такое гигантское завоевание, товарищи, что, как бы ни были трудны и тяжелы различные испытания, нам предстоящие, — а мы никогда не можем и не должны упускать их из виду, — его у нас не в силах взять назад никто!

Далее, товарищи, мы в первый раз собираемся на съезд при таких условиях, когда вражеских войск, поддерживаемых капиталистами и империалистами всего мира, на территории Советской республики нет. В первый раз,

благодаря победам Красной Армии за этот год, мы открываем партийный съезд при таких условиях. Три с половиной года неслыханно-тяжелой борьбы, но отсутствие вражеских армий на нашей территории, — это мы завоевали! Конечно, мы далеко еще не завоевали этим всего, и ни в каком случае не завоевали этим того, что мы завоевать должны — действительного освобождения от нашествий и вмешательств империалистов. Наоборот, их военные действия против нас приняли форму менше военную, но в некоторых отношениях более тяжелую и более опасную для нас. Переход от войны к миру, — тот переход, который приветствовали мы на прошлом съезде партии и уже пытались осуществить, пытались наладить работу в этом отношении, — он еще и сейчас не завершен. И сейчас еще стоят перед нашей партией невероятной трудности задачи, которые касаются не только хозяйственного плана, — в котором мы сделали немало ошибок, — которые касаются не только основ хозяйственного строительства, но основ самих отношений между классами, которые в нашем обществе, в нашей Советской республике остались. Самые отношения между классами подверглись изменению, и вопрос этот должен быть, — я думаю, вы все с этим согласитесь, — одним из главных вопросов, которые вам предстоит здесь разобрать и разрешить.

Товарищи, мы пережили год исключительный, мы позволили себе роскошь дискуссий и споров внутри нашей партии. Для партии, которая окружена врагами, могущественнейшими и сильнейшими врагами, объединяющими весь капиталистический мир, для партии, которая несет на себе неслыханное бремя, эта роскошь была поистине удивительна!

Я не знаю, как вы оцените теперь это. Вполне ли, по-вашему, соответствовала эта роскошь нашим богатствам и материальным и духовным? От вас зависит оценить это. Но во всяком случае я должен сказать одно, что здесь, на этом съезде, мы должны поставить своим лозунгом, своей главной целью и задачей, которую мы во что бы то ни стало должны осуществить, это — чтобы из дискуссии и споров выйти более крепкими, нежели тогда, когда мы их начали. (А п л о д и с м е н т ы.) Вы, товарищи, не можете не знать, что все наши враги, — а имя им легион, — во всех своих бесчисленных заграничных органах повто-

ряют и развивают ту же стоустую и тысячеустую молву, которую наши буржуазные и мелкобуржуазные враги распространяют здесь, внутри Советской республики, а именно: если дискуссия — значит споры, если споры — значит раздоры, если раздоры — значит коммунисты ослабели: напирай, лови момент, пользуйся их ослаблением! Это сделалось лозунгом враждебного нам мира. Мы этого ни на секунду не должны забывать. Наша задача теперь показать, что, как бы в прошлом, правильно или неправильно, мы себе эту роскошь ни позволяли, но из этого положения надо выйти таким образом, чтобы из чрезвычайного обилия платформ, оттенков, оттеночков, почти что оттеночков, формулированных, продискуссированных, мы на нашем партийном съезде, надлежащим образом просмотрев их, сказали себе: во всяком случае как бы дискуссия ни проявлялась до сих пор, как бы мы между собой ни спорили, — а перед нами столько врагов, — задача диктатуры пролетариата в крестьянской стране так необъятна, трудна, что нам мало, чтобы только формально, — уже ваше присутствие здесь, на этом съезде, доказывает, что это так, — но чтобы и не только формально работа была более сплоченной, более дружной, чем прежде, чтобы не было ни малейших следов фракционности, — где и как бы она ни проявлялась до сих пор, — чтобы ни в коем случае их не осталось. Только при этом условии мы те громадные задачи, которые лежат перед нами, выполним. И я уверен, что выражу намерение и твердое решение всех вас, если скажу: с еще более прочным, еще более дружным и искренним партийным единством мы должны выйти с настоящего съезда во всяком случае! (Аплодисменты.)

2

ОТЧЕТ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦК РКП(б)
8 МАРТА

Товарищи, вопрос о политической работе ЦК, как вы, конечно, знаете, так тесно сплетается и со всей работой партии, и со всей работой советских учреждений, и со всем ходом революции, что, на мой, по крайней мере, взгляд, об отчете, в точном, буквальном смысле слова, не может быть и речи. И я свою задачу понимаю так, чтобы постараться выделить некоторые из важнейших событий, — то, что, на мой взгляд, представляет из себя как бы узловые пункты нашей работы и советской политики за этот год, то, что всего характернее из пережитого и что дает больше всего материала для размышления о причинах хода революции, о значении сделанных ошибок, — а их сделано немало, — и об уроках на будущее время. Ибо, как ни естественна задача дать отчет за прошлый год, как ни обязательна она для ЦК, как она ни интересна для партии сама по себе, — задачи борьбы, предстоящей и развертывающейся перед нами, так неотложны, тяжелы, трудны, так давят всей своей тяжестью на нас, что все внимание невольно устремляется именно на то, как из пережитого сделать надлежащие выводы и как лучше разрешить захватывающие все наше внимание задачи настоящего и ближайшего времени.

Из тех узловых пунктов нашей работы, которые за этот год больше всего обращают на себя внимание и с которыми связано, на мой взгляд, больше всего наших ошибок, первым является переход от войны к миру. Вероятно, все вы, или, по крайней мере, большинство из вас, помните, что мы этот переход делали уже несколько раз за три с половиной года и ни разу его не совершили и сейчас, видимо,

его не совершим, потому, что слишком глубоко жизненные интересы международного капитализма связаны с тем, чтобы этого перехода не допустить. Я помню, еще в апреле 1918 года, т. е. три года тому назад, мне пришлось перед ВЦИК говорить о наших задачах, которые тогда формулировались так, что главное в войне гражданской окончено, тогда как в действительности она только начиналась. Вы все помните, что на предыдущем партийном съезде мы все свои расчеты строили на этом переходе к мирному строительству, полагая, что огромные уступки, которые мы в то время делали Польше, обеспечат нам мир. Но уже в апреле началось наступление польской буржуазии, которая вместе с империалистами капиталистических стран истолковала наше миролюбие, как нашу слабость, — за что жестоко и поплатилась, получив мир более невыгодный. Но мы перехода к мирному строительству не получили, и нам вновь пришлось главное внимание обратить на войну с Польшей и впоследствии — на ликвидацию Врангеля. Вот что определяло содержание нашей работы за отчетный год. Опять вся наша работа подвинулась к военным задачам.

Затем начался переход от войны к миру, когда нам удалось добиться того, что ни одного солдата вражеских армий на территории РСФСР не осталось.

Этот переход потребовал таких потрясений, которые далеко и далеко не были нами учтены. Несомненно, здесь одна из главных причин той суммы ошибок, неправильностей, которые мы в нашей политике за это отчетное время сделали и от которых мы сейчас страдаем. Демобилизация армии, которую пришлось создавать в стране, вынесшей неслыханной тяжести напряжение, которую приходилось создавать после нескольких лет империалистической войны, — демобилизация армии, перевозка которой, при наших транспортных средствах, стоила невероятных трудностей, в момент, когда к этому прибавились голод, вызванный неурожаем, и недостаток топлива, в значительной степени приостановивший транспорт, — эта демобилизация поставила нас, как мы теперь видим, перед задачами далеко и далеко нами недооцененными. Здесь в значительной степени кроются источники целого ряда кризисов: и хозяйственного, и социального, и политического. Еще в конце прошлого года мне приходилось

указывать, что одной из главных трудностей предстоящей весны будут трудности, связанные с демобилизацией армии. Мне приходилось указывать на это и 30 декабря на большой дискуссии³⁹, в которой, вероятно, многие из вас были участниками. Я должен сказать, что размер этих трудностей мы тогда едва ли себе представляли; мы не видели тогда еще, до какой степени здесь будут не только технические трудности, но до какой степени все бедствия, обрушившиеся на Советскую республику, измученную и прежней империалистической и новой гражданской войной, обострятся именно при демобилизации. В некоторой степени правильно будет сказать, что именно при демобилизации они обнаружатся в большей степени. Страна несколько лет напрягалась исключительно для военных задач, поддерживала эти задачи всем, не жалела ничего из последних своих остатков, скудных резервов и ресурсов на эту цель, — и только по окончании войны мы увидели всю ту степень разорения и нищеты, которые надолго осуждают нас на простое только излечение ран. Но мы не можем перейти целиком даже к излечению этих ран. Технические трудности демобилизации армии в значительной степени показывают всю глубину разорения, из которой вытекает, помимо прочего, неизбежный ряд кризисов экономического и социального характера.

Несомненно, ошибкой ЦК было то, что размер этих трудностей, связанных с демобилизацией, не был учтен. Конечно, надо сказать, что для этого учета опорных пунктов быть не могло, ибо гражданская война была так трудна, что тут единственным правилом было: все для победы на фронте гражданской войны — и только. При соблюдении этого правила и при том неслыханном напряжении сил, которое Красная Армия в борьбе с Колчаком, Юденичем и др. проявила, мы только и могли достигнуть победы над вторгшимися в Советскую Россию империалистами.

От этого основного обстоятельства, определяющего целый ряд ошибок и обостряющего кризис, я хотел бы перейти к тому, как в работе партии и в борьбе всего пролетариата обнаружился целый ряд еще более глубоких несоответствий, неправильностей учета или плана, — и не только неправильностей плана, но и неправильностей в определении соотношения между силами нашего класса и тех классов, с которыми в сотрудничестве, а иногда

и в борьбе, он должен решать судьбы республики. Исходя из этой точки зрения, мы должны обратиться к итогам пережитого, к политическому опыту, к тому, что ЦК, поскольку он руководил политикой, должен уяснить себе и постараться выяснить всей партии. Это — такие разнообразные явления, как ход нашей войны с Польшей, вопросы продовольствия и топлива. При нашем наступлении, слишком быстром продвижении почти что до Варшавы, несомненно, была сделана ошибка. Я сейчас не буду разбирать, была ли это ошибка стратегическая или политическая, ибо это завело бы меня слишком далеко, — я думаю, что это должно составлять дело будущих историков, а тем людям, которым приходится в трудной борьбе продолжать отбиваться от всех врагов, не до того, чтобы заниматься историческими изысканиями. Но во всяком случае ошибка налицо, и эта ошибка вызвана тем, что перевес наших сил был переоценен нами. Насколько этот перевес сил зависел от экономических условий, насколько он зависел от того, что война с Польшей пробудила патристические чувства даже среди мелкобуржуазных элементов, вовсе не пролетарских, вовсе не сочувствующих коммунизму, не поддерживающих диктатуры пролетариата безусловно, а иногда, надо сказать, и вообще не поддерживающих ее, — разбираться в этом было бы слишком сложно. Но факт налицо: в войне с Польшей мы совершили известную ошибку.

А если возьмем такую область работы, как работа продовольственная, то мы увидим аналогичную ошибку. В отношении разверстки и ее выполнения отчетный год был несравненно благоприятнее предыдущего. В этом году сумма собранного хлеба переходит за 250 миллионов пудов. К 1 февраля считалось собранным 235 миллионов пудов, тогда как за весь прошлый год было собрано 210 миллионов пудов; значит, за гораздо меньшую часть года сбор превысил полностью предыдущий год. И оказалось, однако, что из этих 235 миллионов, собранных по 1 февраля, мы израсходовали в первое полугодие около 155 миллионов, т. е. в среднем по 25 миллионов пудов в месяц или даже больше. Конечно, в общем надо признать, что мы не сумели правильно распределить наши ресурсы, когда они оказались лучшими, чем ресурсы прошлого года. Мы не сумели правильно оценить всей опасности надвигавшегося

к весне кризиса и поддались естественному стремлению увеличить выдачу голодающим рабочим. Конечно, надо сказать и здесь, что опорного пункта для расчетов у нас не было. Во всех капиталистических государствах, несмотря на анархию, несмотря на хаос, свойственный капитализму, опорным пунктом для расчетов хозяйственного плана является опыт десятилетий, опыт, который могут сравнивать капиталистические государства, однородные по своему экономическому строю и отличающиеся лишь в частности. Из этого сравнения может быть выведен действительно научный закон, известная закономерность и правильность. У нас ничего подобного этому опыту для такого подсчета не было и быть не может; и совершенно естественно, что, когда представилась возможность по окончании войны дать, наконец, изголодавшемуся населению побольше, то мы сразу не смогли установить должной меры. Ясно, что мы должны были бы умерить увеличение выдачи и за счет этого умерения создать известный резервный фонд на черный день, который должен был наступить весной и который наступил. Этого мы не сделали. Опять-таки тут ошибка, и такого рода, которая свойственна была всей нашей работе, — ошибка, которая показывает, что переход от войны к миру поставил нам целый ряд таких задач и трудностей, для преодоления которых ни опыта, ни подготовки, ни нужного материала не было, и таким образом получилось чрезвычайное усиление, обострение и ухудшение кризиса.

Нечто аналогичное, несомненно, было и с топливом. Это — основной вопрос хозяйственного строительства. Весь переход от войны к миру, весь переход к хозяйственному строительству, — о чем говорилось на предыдущем съезде партии и что составляло главную заботу и главное внимание всей политики за отчетный год, — все это, конечно, не могло не базироваться и не основываться на учете добычи топлива и его правильном распределении. Без этого ни о преодолении трудностей, ни о восстановлении промышленности не может быть и речи. Что мы в этом отношении находимся в лучших условиях, чем в прошлом году, это ясно. Прежде мы были отрезаны от угольного и нефтяного районов. После побед Красной Армии мы уголь и нефть получили. Во всяком случае, размер топливных ресурсов был увеличен. Мы знаем, что те топливные

ресурсы, с которыми мы в отчетный год входили, были больше, чем прежде. И на этой почве увеличения наших топливных ресурсов мы сделали ошибку, допустив сразу такое широкое распределение топлива, которое исчерпало эти топливные ресурсы, и мы очутились перед топливным кризисом раньше, чем перевели все на правильную работу. По всем этим вопросам здесь вам будут сделаны специальные доклады, и я сейчас не могу даже приблизительно представить вам те данные, которые имеются по этому вопросу. Но во всяком случае, учитывая опыт прошлого, мы должны сказать, что ошибка эта связана с неправильным представлением о положении вещей и с быстротой перехода от войны к миру. Оказалось, что этот переход возможен только гораздо медленнее, чем мы себе представляли. Нужна гораздо более длительная подготовка, более медленный темп, — вот урок, который мы за этот год пережили, урок, который партии в целом надо будет сугубо и сугубо усвоить, чтобы определить наши основные задачи на будущий год и чтобы указанных ошибок в дальнейшем избежать.

Несомненно, при этом надо сказать, что обострились эти ошибки и особенно обострились вытекающие из них кризисы в силу неурожая. Если я указал на то, что продовольственная работа дала нам за отчетный год несравненно лучшие продовольственные ресурсы, то надо сказать, что в этом тоже лежал один из главнейших источников кризисов, потому что в силу неурожая, повлекшего громадную бескормицу, падеж скота и разорение крестьянского хозяйства, центр этих продовольственных разверсток сосредоточен был в тех местностях, где излишки хлеба не были очень велики. Излишков гораздо больше на различных окраинах республики, — в Спбири, на Северном Кавказе, — но именно там всего меньше был налажен советский аппарат, именно там Советская власть была менее устойчива, и оттуда был очень затруднен транспорт. Поэтому получилось так, что увеличенные продовольственные ресурсы мы собрали из наименее урожайных губерний, и этим кризис крестьянского хозяйства чрезвычайно обострился.

Опять-таки здесь мы ясно видим, что у нас не было надлежащей правильности в учете. Но, с другой стороны, мы были в таком стесненном положении, что у нас не было

никакого выбора. Страна, выдержавшая после разорительной империалистической войны такую штуку, как многолетняя гражданская война, конечно, не могла существовать иначе, как отдавая все свои силы на фронт. И, конечно, будучи разорена, страна не могла иначе поступать, как брать продовольственные излишки с крестьянства, хотя бы даже не возмещая их никакими другими средствами. Это необходимо было, чтобы спасти страну, армию и рабоче-крестьянскую власть. Мы говорили крестьянам: «Конечно, вы дадите свой хлеб в ссуду рабоче-крестьянскому государству, но иначе вы спасти свое государство от помещиков и капиталистов не можете». Мы не могли поступать иначе в тех условиях, которые нам навязывали империалисты и капиталисты своей войной. У нас другого выбора не было. Но эти обстоятельства привели нас к тому, что крестьянское хозяйство после продолжавшейся так долго войны так ослабело, что неурожаем оказался и на почве понижения засева, и ухудшения средств производства, и понижения урожайности, и недостатка рабочей силы, и т. д. Неурожаем оказался громаднейший, и лучший, чем все-таки мы ожидали, сбор продовольственных излишков оказался спутником такого обострения кризиса, который, может быть, готовит нам еще большие трудности и бедствия в предстоящие месяцы. Это обстоятельство надо внимательно учесть при анализе того, что мы за отчетный год в политике пережили и какие политические задачи мы должны поставить себе на новый год. Отчетный год оставил следующему году все те же неотложные задачи.

Теперь я перейду пока к другому пункту, совершенно из иной области — к дискуссии о профсоюзах, которая отняла у партии так много времени. Мне сегодня пришлось уже об этом говорить и, разумеется, я мог только осторожно сказать, что едва ли многие из вас не оценят эту дискуссию, как непомерную роскошь. От себя же лично я не могу не добавить, что, на мой взгляд, эта роскошь была действительно совершенно непозволительной, и что, допустив такую дискуссию, мы, несомненно, сделали ошибку, не видя того, что мы в этой дискуссии выпятили на первое место вопрос, который по объективным условиям не может стоять на первом месте; мы пустились роскошествовать, не видя того, до какой степени мы отвлекаем внимание от насущного и грозного, лежащего так близко перед

нами, вопроса о том же самом кризисе. Каковы же действительные результаты этой дискуссии, отнявшей так много месяцев и едва ли не надоевшей большинству из присутствующих? Об этом вы будете иметь специальные доклады, но мне хотелось бы обратить внимание в своем отчете на одну сторону дела, — именно на то, что тут оправдалась, несомненно, одна пословица: «нет худа без добра».

К сожалению, худа оказалось немного много, а добра немного мало. (Сме х.) Но добро все же было: оно состояло в том, что, потеряв время, отвлекши внимание наших партийных товарищей от насущных задач борьбы с той мелкобуржуазной стихией, которая нас окружает, мы все-таки научились распознавать некоторые взаимоотношения, которых мы раньше не видели. Добро получилось в том, что партия не могла в этой борьбе кое-чему не научиться. Хотя мы все знали, что, как правящая партия, мы не могли не сливаться с «верхами» партийными «верхи» советские, — они у нас слиты и будут таковыми, — но партия получила в этой дискуссии известный урок, который необходимо учесть. За одни платформы голосовали по преимуществу «верхи» партии. Платформы, которые назывались иногда «платформами «рабочей оппозиции»», иногда как-нибудь иначе, оказались, представляли явно-синдикалистский уклон. И это не мое личное мнение, а мнение громадного большинства присутствующих. (Голоса: «Правильно».)

Партия показала себя в этой дискуссии настолько зрелой, что, видя некоторое шатание «верхов», видя, что «верхи» говорят: «Мы не сошлись, разберите нас», — она мобилизовалась для этой задачи быстро, и громаднейшее большинство наиболее значительных партийных организаций быстро отвечало нам: «Мы имеем мнение, и мы его вам скажем».

В этой дискуссии мы получили ряд платформ. Их было так много, что я, например, хотя по должности и обязан был их читать, боюсь, что погрешил и не все их прочел. (Сме х.) Я не знаю, все ли присутствующие были так свободны, чтобы их читать, но во всяком случае надо сказать, что этот синдикалистский и, до известной степени, даже полуанархический уклон, который обнаружился, дает много материала, чтобы подумать над ним. На несколько

месяцев мы оказались столь роскошествующими, что увлекались изучением оттенков мнений. Между тем демобилизация армии порождала бандитизм, обостряла экономический кризис. Эта дискуссия должна была помочь нам понять, что наша партия, как партия, достигающая, примерно, не менее полумиллиона и перевалившая даже за полмиллиона членов, стала массовой партией — во-первых, партией правительственной, — во-вторых, и что, будучи партией массовой, она отражает частью кое-что такое, что происходит вне ее рядов. Это очень и очень важно понять.

Не страшен был бы небольшой синдикалистский или полуанархистский уклон: партия быстро и решительно его осознала бы и взялась бы его исправлять. Но если он связан с гигантским преобладанием в стране крестьянства, если недовольство этого крестьянства пролетарской диктатурой растет, если кризис крестьянского хозяйства доходит до грани, если демобилизация крестьянской армии выкидывает сотни и тысячи разбитых, не находящих себе занятий людей, привыкших заниматься только войной, как ремеслом, и порождающих бандитизм, — тогда не время спорить о теоретических уклонах. И мы должны на съезде прямо сказать: споров об уклонах мы не допустим, мы должны поставить точку в этом отношении. Это сделать может и должен партийный съезд, он должен из этого извлечь надлежащий урок и к политическому отчету ЦК это добавить, укрепить, закрепить и превратить это в обязательство для партии, в закон. Обстановка спора становится в величайшей степени опасной, становится прямо угрозой диктатуре пролетариата.

Некоторые товарищи, с которыми мне приходилось встречаться и спорить на дискуссии, когда я несколько месяцев тому назад говорил: «Смотрите, тут есть угроза господству рабочего класса и диктатуре рабочего класса!» — говорили: «Это способ запугивания, вы нас терроризируете». Я несколько раз должен был выслушивать эту приклею к своим замечаниям, — что я кого-то терроризирую, — и я отвечал на это, что было бы смешно с моей стороны терроризировать старых революционеров, видевших всяческие испытания. Но когда вы видите, во что разворачиваются трудности демобилизации, то теперь не может быть спора о том, что тут не было не только террори-

зирования, но даже неизбежного в споре увлечения, а было совершенно точное указание на то, что наступило, на то, что нам нужна сплоченность, выдержка и дисциплина, — не только потому, что без этого пролетарская партия не может дружно работать, но потому, что весна принесла и принесет еще такие трудные условия, в которых действовать без максимальной сплоченности мы не можем. Эти два главных урока, я думаю, мы все-таки из дискуссии извлечь сумеем. И поэтому, мне кажется, нужно сказать, что если мы пороскошествовали и дали миру удивительный образец того, как партия, поставленная в труднейшие условия отчаянной борьбы, проявляет неслыханное внимание к деталям выяснения отдельных подробностей платформ, — и это при условии неурожая и кризиса, при условии разорения и демобилизации, в которых мы оказались, — то теперь мы сделаем из этих уроков политический вывод, не только вывод, указывающий на ту или иную ошибку, а вывод политический, касающийся отношений между классами, между рабочим классом и крестьянством. Отношения эти не те, что мы думали. Отношения эти требуют от пролетариата неизмеримо большей сплоченности и сосредоточения сил, и отношения эти представляют при диктатуре пролетариата опасность, во много раз превышающую всех Деникиных, Колчаков и Юденичей, сложенных вместе. На этот счет не должно быть ни у кого заблуждения, ибо оно было бы самым роковым! Трудности, проистекающие от этой мелкобуржуазной стихии, большие, и, чтобы их преодолеть, нужна большая сплоченность, — и не только формальная, — нужна единая, дружная работа, единая воля, ибо только с такой волей пролетарской массы может пролетариат в крестьянской стране осуществить гигантские задачи своей диктатуры и руководства.

Помощь из западноевропейских стран идет, но она не приходит так быстро. Она идет и возрастает.

На утреннем заседании я уже указал, что одним из крупнейших факторов за отчетный период — это тоже стоит в тесной связи с деятельностью ЦК — является организация II конгресса Коминтерна. Конечно, международная революция теперь, по сравнению с прошлым годом, сделала большой шаг вперед. Конечно, Коммунистический Интернационал, который во время прошлогоднего конгресса

не существовал иначе, как в форме прокламаций, стал существовать теперь, как самостоятельная партия в каждой стране, и не только, как передовая партия, — коммунизм стал центральным вопросом всего рабочего движения в целом. В Германии, Франции и Италии Коммунистический Интернационал стал не только центром рабочего движения, но центром внимания всей политической жизни этих стран. Нельзя было осенью взять в руки немецкую или французскую газету без того, чтобы не видеть, как там склоняют Москву и большевиков, какими прилагательными нас награждают и как делают из большевиков и 21 условия приема в III Интернационал⁴⁰ центральный вопрос всей их собственной политической жизни. Это — наше завоевание, и этого никто не может у нас отнять! Это показывает, как международная революция нарастает, и, параллельно, экономический кризис в Европе обостряется. Но во всяком случае, если бы мы из этого сделали предположение, что вообще в короткий срок помощь придет оттуда в виде прочной пролетарской революции, то мы просто были бы сумасшедшими, и в этом зале, я уверен, таких людей нет. Мы научились за три года понимать, что ставка на международную революцию не значит — расчет на определенный срок, и что темп развития, становящийся все более быстрым, может принести к весне революцию, а может и не принести. И поэтому мы должны уметь так сообразовать свою деятельность с классовыми соотношениями внутри нашей страны и других стран, чтобы мы длительное время были в состоянии диктатуру пролетариата удержать и, хотя бы постепенно, излечивать все те беды и кризисы, которые на нас обрушиваются. Только такая постановка вопроса будет правильной и трезвой.

Теперь я перейду к одному пункту, который касается деятельности ЦК за текущий год и подходит близко к задачам, стоящим перед нами. Это — вопрос о сношениях с заграницей.

До IX съезда партии наше внимание и все наши усилия были направлены на то, чтобы добиться перехода от отношений войны с капиталистическими странами к отношениям мирным и торговым. Мы предприняли для этого всякого рода дипломатические шаги и оказались победителями против, несомненно, крутых дипломатов. Когда,

например, представители Америки или представители Лиги наций предлагали нам на известных условиях прекращение военных действий против Деникина, Колчака, они думали, что мы попадем в трудные условия. На самом же деле они оказались в трудных условиях, а мы дипломатически одержали громадную победу. Они оказались одураченными, вынужденными взять обратно свои условия, что потом было разоблачено во всей дипломатической литературе и прессе всего мира. Но удовлетворяться дипломатической победой для нас слишком мало. Нам нужны настоящие торговые сношения, а не только дипломатические победы. Но только за этот год дело стало подходить к тому, что торговые сношения начали несколько развиваться. Стал вопрос о торговых сношениях с Англией. Начиная с лета прошлого года, это стало центральным пунктом. Война с Польшей отбросила нас далеко в этом отношении. Англия уже готова была подписать торговое соглашение. Английская буржуазия хотела этого соглашения, английские придворные круги его не желали, срывали, война с Польшей оттянула соглашение. Получилось так, что дело не решено до сих пор.

Сегодня, кажется, в газетах стало известно, что Криси в Лондоне сообщил прессе, что он рассчитывает на быстрое подписание торгового договора⁴¹. Я не знаю, вполне ли обеспечено осуществление этой надежды. Я не могу решить, случится ли так действительно, но, со своей стороны, я должен сказать, что мы в Центральном Комитете этому вопросу уделяли громадное место и считали правильным с нашей стороны тактику уступок, дабы добиться торгового соглашения с Англией.

В связи с этим стоит вопрос о концессиях. За истекший год мы занимались этим вопросом больше, чем прежде. 23 ноября вышел декрет Совета Народных Комиссаров, который изложил вопрос о концессиях в форме, наиболее приемлемой для заграничных капиталистов. Когда в партийных кругах возникли некоторые недоразумения по этому вопросу, или неполное понимание его, был проведен ряд собраний ответственных работников, на которых этот вопрос дискутировался. В общем и целом он не вызвал разногласий, хотя протестов со стороны рабочих и крестьян мы слышали немало. Говорили так: «Прогнали, мол, своих капиталистов, а теперь хотят призвать капиталистов

иностранных». Насколько эти протесты были бессознательны, насколько тут звучал расчет кулацкой или прямо капиталистической части беспартийных, которые считают, что им принадлежит законное право быть в России капиталистами, и притом капиталистами с властью, а не так, чтобы иностранный капитал был привлечен без власти, — насколько то или другое играло здесь роль, на этот счет в ЦК никаких статистических данных, конечно, не имелось, да и вообще вряд ли какая-либо статистика в мире могла это учесть и выяснить. Но мы, во всяком случае, этим декретом делали шаг к тому, чтобы завязать концессионные отношения. Надо сказать, что на практике — и это никогда не следует забывать — мы ни одной концессии не получили. Спор идет между нами из-за того, надо ли нам их стараться получить во что бы то ни стало. Получим ли их, — это зависит не от наших споров и решений, а от международного капитала. 1 февраля текущего года Советом Народных Комиссаров вынесено другое постановление по вопросу о концессиях. Первый пункт этого постановления гласит: «Одобрить в принципе выдачу нефтяных концессий в Грозном и в Баку и на других действующих промыслах и начать переговоры, ведя их ускоренно».

Этот вопрос не обошелся без известных споров. Выдача концессий именно в Грозном и Баку казалась товарищам неправильной, способной вызвать оппозицию среди рабочих. Большинство ЦК и я лично стали на ту точку зрения, что, может быть, жалобы не вызываются необходимостью.

ЦК в своем большинстве и я лично стали на точку зрения необходимости этих концессий, и эту точку зрения мы будем просить вас подкрепить своим авторитетом. Этот союз с государственными трестами других передовых стран совершенно необходим для нас вследствие того, что наш экономический кризис так глубок, что своими силами восстановить разрушенное хозяйство без оборудования и технической помощи из-за границы мы не сможем. Простой привоз этого оборудования недостаточен. Можно сдать концессии на более широких началах, может быть, крупнейшим империалистическим синдикатам: четверть Баку, четверть Грозного, четверть наших лучших лесных запасов, чтобы таким образом обеспечить себе постановкой

оборудования по последнему слову техники необходимую основу; с другой стороны, мы за это получаем для другой части оборудование, в котором мы нуждаемся. Таким образом, мы сможем хотя немного догнать, хотя на четверть или на половину, современные передовые синдикаты других стран. Что мы без этого будем находиться в очень тяжелом положении и без колоссальнейшего напряжения всех наших сил их не нагоним, — в этом не может сомневаться никто, кто хотя сколько-нибудь трезво смотрит на настоящее положение. Переговоры с некоторыми из величайших всемирных трестов уже начаты. Разумеется, с их стороны это не простая услуга нам: они делают это только ради необъятных барышей. Современный капитализм, выражаясь языком мирных дипломатов, это — разбойник, разбойничий трест, это — не прежний капитализм эпохи нормального времени: он берет сотни процентов прибыли, пользуясь монопольным положением на мировом рынке.

Первого февраля 1921 г. Совнарком принял решение о закупке за границей 18 500 000 пудов угля, так как тогда уже обрисовался наш топливный кризис. Тогда уже выяснилось, что нам придется затратить наш золотой фонд не только на покупку средств оборудования. Последнее подняло бы наше угольное производство, и мы хозяйничали бы лучше, если бы выписали из-за границы себе машины на развитие угольной промышленности, нежели, если бы выписали уголь; но кризис оказался таким острым, что пришлось от этого, экономически лучшего, образа действий перейти к худшему и затрачивать средства на закупку угля, который мы могли бы иметь у себя. Нам придется идти на еще большие уступки для закупки предметов потребления для крестьян и рабочих.

Теперь я хочу остановиться на событиях в Кронштадте⁴². Я не имею еще последних новостей из Кронштадта, но не сомневаюсь, что это восстание, быстро выявившее нам знакомую фигуру белогвардейских генералов, будет ликвидировано в ближайшие дни, если не в ближайшие часы. В этом сомнения быть не может. Но нам необходимо взвесить обстоятельно политические и экономические уроки этого события.

Что оно означает? Переход политической власти от большевиков к какому-то неопределенному конгломерату

или союзу разношерстных элементов, как будто бы даже несмешко только правее большевиков, а, может быть даже, и «левее» большевиков, — настолько неопределенна та сумма политических группировок, которая в Кронштадте попыталась взять власть в свои руки. Несомненно, что в то же время белые генералы, — вы все это знаете, — играли тут большую роль. Это вполне доказано. За две недели до кронштадтских событий в парижских газетах уже печаталось, что в Кронштадте восстание. Совершенно ясно, что тут работа эсеров и заграничных белогвардейцев, и вместе с тем движение это свелось к мелкобуржуазной контрреволюции, к мелкобуржуазной анархической стихии. Это уже нечто новое. Это обстоятельство, поставленное в связь со всеми кризисами, надо очень внимательно политически учесть и очень обстоятельно разобрать. Тут проявилась стихия мелкобуржуазная, анархическая, с лозунгами свободной торговли и всегда направленная против диктатуры пролетариата. И это настроение сказалось на пролетариате очень широко. Оно сказалось на предприятиях Москвы, оно сказалось на предприятиях в целом ряде пунктов провинции. Эта мелкобуржуазная контрреволюция, несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые, потому что мы имеем дело со страной, где пролетариат составляет меньшинство, мы имеем дело со страной, в которой разорение обнаружилось на крестьянской собственности, а кроме того, мы имеем еще такую вещь, как демобилизация армии, давшая повстанческий элемент в невероятном количестве. Как бы ни была вначале мала или невелика, как бы это сказать, передвижка власти, которую кронштадтские матросы и рабочие выдвинули, — они хотели поправить большевиков по части свободы торговли, — казалось бы, передвижка небольшая, как будто бы лозунги те же самые: «Советская власть», с небольшим изменением, или только исправленная, — а на самом деле беспартийные элементы служили здесь только подножкой, ступенькой, мостиком, по которому явились белогвардейцы. Это неизбежно политически. Мы видели мелкобуржуазные, анархические элементы в русской революции, мы с ними боролись десятки лет. С февраля 1917 года мы видели эти мелкобуржуазные элементы в действии, во время великой революции, и мы видели попытки мелкобуржуазных партий заявить, что они

в своей программе мало расходятся с большевиками, но только осуществляют ее другими методами. Мы знаем из опыта не только Октябрьского переворота, мы знаем это из опыта окраин, различных частей, входивших в состав прежней Российской империи, где на смену Советской власти приходили представители другой власти. Вспомним демократический комитет в Самаре⁴³! Все они приходили с лозунгами равенства, свободы, учредилки, и они не один раз, а много раз оказывались простой ступенькой, мостиком для перехода к белогвардейской власти.

Опыт всей Европы показывает на деле, чем оканчивается попытка сесть между двух стульев. Вот почему именно на этот счет мы должны сказать, что тут политические трения являются величайшей опасностью. Мы должны внимательно присмотреться к этой мелкобуржуазной контрреволюции, которая выдвигает лозунги свободы торговли.

Эта опасность показывает нам то, о чем я говорил, касаясь наших споров о платформах; мы перед лицом этой опасности должны понять, что мы не только формально должны прекратить партийные споры, — это мы, конечно, сделаем, — но этого мало! Нам надо помнить, что мы должны подойти к вопросу более серьезно.

Мы должны понять, что в условиях кризиса крестьянского хозяйства мы не можем существовать иначе, как апеллируя к этому крестьянскому хозяйству для помощи городу и деревне. Мы должны помнить, что буржуазии старается восстановить крестьянство против рабочих, старается восстановить против них мелкобуржуазную анархическую стихию под лозунгами рабочих, что поведет непосредственно к низвержению диктатуры пролетариата и, значит, к восстановлению капитализма, старой помещичье-капиталистической власти. Тут политическая опасность налицо. Эту дорожку ряд революций проделал самым отчетливым образом, на эту дорожку мы всегда указывали. Эта дорожка перед нами обрисовалась ясно. Она требует от правительственной партии коммунистов, от руководящих революционных элементов пролетариата, несомненно, не такого отношения, которое сплошь и рядом нами за этот год было показано. Эта опасность требует, несомненно, большей сплоченности, несомненно, большей дисциплины, несомненно, более дружной работы! Без

этого невозможно справиться с теми опасностями, которые нам принесла судьба.

А дальше стоят вопросы экономические. Что значит этот лозунг свободы торговли, выдвигаемый мелкобуржуазной стихией? Он показывает, что в отношениях пролетариата и мелких земледельцев есть такие трудные проблемы, есть такие задачи, которые мы еще не решили. Я говорю об отношениях победоносного пролетариата к мелким хозяевам, когда пролетарская революция развертывается в стране, где пролетариат в меньшинстве, где большинство мелкобуржуазное. Роль пролетариата в такой стране заключается в руководстве переходом этих мелких хозяев к обобществленному, коллективному, общинному труду. Это теоретически несомненно. Этому переходу мы коснулись в целом ряде законодательных актов, но мы знаем, что дело не в законодательных актах, а в практическом осуществлении, и мы знаем, что это можно обеспечить, когда имеешь сильнейшую крупную промышленность, способную дать мелкому производителю такие блага, что он увидит на практике преимущество этого крупного хозяйства.

Так теоретически ставили всегда вопрос марксисты и все социалисты, размышлявшие о социальной революции и ее задачах. А у нас первая особенность, именно та, о которой я говорил и которая России свойственна в максимальной степени: мы имеем не только меньшинство, но и значительное меньшинство пролетариата и огромное большинство крестьянства. А условия, в которых нам пришлось защищать революцию, сделали то, что разрешение наших задач оказалось неслыханно трудным. Показать все преимущества крупного производства на практике мы не могли, ибо это крупное производство разрушено, ибо ему самому приходится вести самое жалкое существование и восстанавливать его можно только путем возложения жертв на этих же самых мелких земледельцев. Нужно поднятие промышленности, а для этого нужно топливо, а раз нужно топливо, нужно рассчитывать на дрова, а рассчитывать на дрова — значит рассчитывать на крестьянина и его лошадь. В условиях кризиса, бескормицы и падежа скота крестьянин должен оказывать кредит Советской власти — во имя крупной промышленности, от которой он пока ничего не получает. Вот та экономическая обстановка,

которая создает громадные трудности, вот та экономическая обстановка, которая заставляет вникнуть с более глубокой точки зрения в условия перехода от войны к миру. Мы не можем хозяйничать во время войны иначе, как говоря крестьянам: «Необходимо дать ссуду рабоче-крестьянскому государству для того, чтобы оно могло выйти из тяжелого положения». Когда мы все внимание направляем на восстановление хозяйства, мы должны знать, что перед нами мелкий земледелец, мелкий хозяин, мелкий производитель, работающий на товарный оборот до полной победы крупного производства, до его восстановления. А это восстановление невозможно на старой базе: это дело многих лет, не меньше, чем десятилетия, а при разоренности нашей, вероятно, и больше. До тех пор долгие годы мы с этим мелким производителем должны будем иметь дело, как с таковым, и лозунг свободной торговли будет неизбежным. Не в том опасность этого лозунга, что он прикрывает белогвардейские и меньшевистские стремления, а в том, что он может получить распространение, несмотря на ненависть той же крестьянской массы к белогвардейцам. Потому он и будет получать распространение, что он отвечает экономическим условиям существования мелкого производителя. Исходя из этого рода соображений, ЦК и принял решение и открыл дискуссию по вопросу о замене разверстки налогом, а сегодня прямо поставил этот вопрос на съезде, что вы и одобрили сегодняшним вашим решением. Вопрос о налоге и разверстке в законодательстве у нас поставлен давно, еще с конца 1918 года. Закон о налоге датирован 30 октября 1918 года. Он был принят — этот закон, вводящий натуральный налог с земледельцев, — но в жизнь он не вошел. За его объявлением последовало в течение нескольких месяцев несколько инструкций, и он остался у нас непримененным. С другой стороны, взятие с крестьянских хозяйств излишков означало такую меру, которая в силу военных обстоятельств была нам навязана с абсолютной необходимостью, но которая сколько-нибудь мирным условиям существования крестьянского хозяйства не отвечает. Ему нужна уверенность, что он столько-то отдает, а столько-то может употребить для своего местного оборота.

Все наше хозяйство, как в целом, так и в отдельных частях, было пасквозь пропикнуто условиями военного

времени. Считаясь с ними, мы должны были ставить своей задачей сбор определенного количества продовольствия, не считаясь совершенно с тем, какое это займет место в общественном обороте. Теперь, когда мы от вопросов войны переходим к вопросам мира, мы на натуральный налог начинаем смотреть иначе: мы смотрим на него не только с точки зрения обеспечения государства, а также с точки зрения обеспечения мелких земледельческих хозяйств. Мы должны понять те экономические формы возмущения мелкой сельскохозяйственной стихии против пролетариата, которые обнаружили себя и которые обостряются при настоящем кризисе. Мы должны постараться сделать максимум возможного в этом отношении. Это дело самое важное для нас. Дать крестьянину возможность известной свободы в местном обороте, перевести разверстку на налог, чтобы мелкий хозяин мог лучше рассчитать свое производство и сообразно с налогом устанавливать размер своего производства. Разумеется, мы знаем, что в обстановке, которая окружает нас, — это вещь очень трудно осуществимая. Площадь посева, урожайность, средства производства, все это сократилось, излишки стали, несомненно, меньше, и в очень многих случаях их вовсе нет. С этими условиями надо считаться, как с фактом. Крестьянин должен несколько поголодать, чтобы тем самым избавиться от позного голода фабрики и города. В общегосударственном масштабе, — это вещь вполне понятная, но чтобы ее понял распыленный, обнищавший крестьянин-хозяин, — на это мы не рассчитываем. И мы знаем, что без принуждения здесь не обойдешься, — без принуждения, на которое разоренное крестьянство реагирует очень сильно. Не надо думать также, что эта мера избавит нас от кризиса. Но в то же время мы ставим своей задачей максимум уступок, чтобы доставить мелкому производителю наилучшие условия для проявления своих сил. До сих пор мы приноравливались к задачам войны. Теперь мы должны приноравливаться к условиям мирного времени. Эта задача перед ЦК встала, это — задача перехода к натуральному налогу при условии существования пролетарской власти, и она тесно связана с концессиями. Эта задача будет вами специально обсуждаться, и она требует к себе особого внимания. Пролетарская власть посредством концессий может обеспечить себе соглашение с капитали-

стическими государствами передовых стран, и от этого соглашения зависит усиление нашей промышленности, без чего мы не можем двинуться дальше по пути к коммунистическому строю; с другой стороны, в этот переходный период, в стране с преобладанием крестьянства, мы должны суметь перейти к мерам экономического обеспечения крестьянства, к максимуму мер для облегчения его экономического положения. Пока мы его не переделали, пока крупная машина его не переделала, надо обеспечить ему возможность свободы хозяйничать. Положение, которое мы сейчас переживаем, — межумочное, наша революция существует в окружении капиталистических стран. Пока мы в таком межумочном положении, мы вынуждены искать чрезвычайно сложных форм взаимоотношений. Мы, подавленные войной, не могли сосредоточить свое внимание на том, как поставить экономические взаимоотношения между пролетарской государственной властью, имеющей в своих руках крупное производство, неслыханно разоренное, и как найти формы сожителства с мелкими земледельцами, которые, пока остаются мелкими земледельцами, не могут жить без обеспечения мелкого хозяйства известной системой оборота. Я считаю этот вопрос самым важным вопросом экономики и политики для Советской власти в настоящее время. Я считаю, что этот вопрос подводит политические итоги нашей работы, когда мы закончили период военный и начали в отчетный год осуществлять переход на мирное положение.

Этот переход связан с такими трудностями, так ясно обрисовал эту мелкобуржуазную стихию, что нужно смотреть на нее трезво. Мы смотрим на этот ряд явлений с точки зрения классовой борьбы и мы никогда не заблуждались насчет того, что отношения пролетариата к мелкой буржуазии — вопрос трудный, требующий для победы пролетарской власти сложных мер или, вернее сказать, целой системы сложных переходных мер. Из того, что мы в конце 1918 года издали декрет о натуральном налоге, видно, что вопрос этот перед сознанием коммунистов стоял, но что мы не могли осуществить его, благодаря военным обстоятельствам. Нам пришлось в состоянии гражданской войны переходить к мерам военного времени. Но было бы величайшей ошибкой, если бы мы сделали отсюда тот вывод, что только такого рода меры и отношения возможны.

Это означало бы, наверняка, крах Советской власти и диктатуры пролетариата. Когда переход к миру осуществляется в условиях экономического кризиса, надо вспомнить, что осуществить строительство пролетарского государства в стране с крупным производством легче, чем в стране, в которой преобладает мелкое производство. Эта задача требует целого ряда подходов, и мы несколько не закрываем глаза на эти трудности и не забываем, что одно дело пролетариат, и другое дело — мелкое производство. Мы не забываем, что есть разные классы, что мелкобуржуазная анархическая контрреволюция есть политическая ступень к белогвардейщине. Мы должны смотреть на это прямо, трезво, сознавая, что здесь необходима, с одной стороны, максимальная сплоченность, выдержка и дисциплина внутри пролетарской партии, с другой стороны, необходим целый ряд экономических мер, которые мы осуществить пока не могли, благодаря военным обстоятельствам. Мы должны признать необходимыми концессию, закупку машин и орудий для удовлетворения сельского хозяйства, чтобы, пустив их в обмен на хлеб, восстановить такие отношения между пролетариатом и крестьянством, которые обеспечивают существование его в обстановке мирного времени. Я надеюсь, что к этому мы еще вернемся, и я повторяю, что, на мой взгляд, мы здесь имеем дело с важным вопросом, и истекший год, который должен быть охарактеризован, как переход от войны к миру, ставит нас перед задачами в высшей степени трудными.

В заключение я скажу только два слова о том вопросе борьбы с бюрократизмом, который занял у нас так много времени. Еще летом прошлого года этот вопрос был поставлен в ЦК, в августе ЦК выдвинул его в письме ко всем организациям, в сентябре он был поставлен на партийной конференции, наконец, на декабрьском съезде Советов вопрос этот был поставлен в более широком масштабе. Несомненно, бюрократическая язва есть; она признана, и необходима действительная борьба против нее. Конечно, в той дискуссии, которую мы наблюдали, в некоторых платформах этот вопрос ставился по меньшей мере легкомысленно, и сплошь и рядом он рассматривался с точки зрения мелкобуржуазной. Несомненно, в последнее время было обнаружено брожение и недовольство среди беспар-

тийных рабочих. Когда в Москве были беспартийные собрания, ясно было, что из демократии, свободы они делают лозунг, ведущий к свержению Советской власти. Многие или, по крайней мере, некоторые из представителей «рабочей оппозиции» боролись против этого зла, против этой мелкобуржуазной контрреволюционности и говорили: «Мы против этого сплотимся». И действительно, сумели проявить максимальную сплоченность. Все ли таковы из сторонников группы «рабочей оппозиции» и других групп с платформой полусиндикалистской, я не знаю. Надо, чтобы мы на этом съезде узнали это получше, надо, чтобы мы поняли, что борьба с бюрократизмом есть борьба абсолютно необходимая, и что она так же сложна, как задача борьбы с мелкобуржуазной стихией. Бюрократизм в нашем государственном строе получил значение такой болячки, что о нем говорит наша партийная программа, и это потому, что он связан с этой мелкобуржуазной стихией и с ее распыленностью. Победить эти болезни можно только объединением трудящихся, чтобы они умели не только приветствовать декреты Рабоче-крестьянской инспекции, — мало разве у нас декретов, которые приветствуются? — но чтобы они умели через Рабоче-крестьянскую инспекцию осуществлять свое право, чего сейчас нет не только в деревне, но и в городах, и даже в городах столичных! Часто не умеют осуществлять его даже там, где больше всего кричат против бюрократизма. На это обстоятельство надо очень и очень обратить внимание.

Здесь мы часто наблюдаем, что некоторые, борясь с этим злом, хотят, может быть, даже искренно, помочь пролетарской партии, пролетарской диктатуре, пролетарскому движению, а на деле помогают мелкобуржуазной анархической стихии, которая не раз в течение революции показывала себя, как самый опасный враг пролетарской диктатуры. А теперь — и это основной вывод и урок текущего года — она показала себя еще раз, как враг самый опасный, больше всего могущий иметь сторонников и поддержку в такой стране, как наша, могущий изменить настроение широких масс, перебрасываться даже на часть беспартийных рабочих. Тогда положение пролетарского государства становится очень тяжелым. Если мы этого не поймем, если мы этого урока не выведем и не превратим этот съезд в поворотный пункт и в экономической политике

и в смысле максимального сплочения пролетариата, — придется применить к нам печальные слова, что мы ничего не забыли из того, иногда пустого и мелкого, что следует забыть, и ничему не научились из того серьезного, чему за этот год революции нам надо было научиться. Я надеюсь, что этого не будет! (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

3

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ОТЧЕТУ ЦК РКП(б)
9 МАРТА

(Продолжительные аплодисменты.) Товарищи, естественно было ожидать, что по докладу, касавшемуся политической деятельности ЦК, и критика, и замечания, и дополнения, и поправки и т. д. направятся больше всего на политическую работу, на политические ошибки, и будут сделаны политические указания.

К сожалению, когда присматриваешься к прениям, здесь развернувшимся, когда перечитываешь еще раз главные пункты, в этих прениях выдвинутые, то не можешь удержаться, чтобы не задать себе вопрос: не потому ли съезд так быстро закрыл эти прения, что удивительно бессодержательно говорили, и почти что только одни представители «рабочей оппозиции»? На самом деле, что мы слышали о политической работе ЦК и политических задачах момента? Большинство говоривших называло себя «рабочей оппозицией», — не шуточное название!.. И не шуточное дело — составлять оппозицию в такой момент, в такой партии!

Тов. Коллонтай, например, прямо говорила: «Доклад Ленина обошел Кронштадт». Когда я услышал эту вещь, я мог только развести руками. Все присутствующие на съезде прекрасно знают, — конечно, в газетных отчетах придется говорить менее откровенно, чем здесь, — что здесь-то в докладе, мной сделанном, я все подвел к урокам Кронштадта, все от начала до конца; и, может быть, скорее заслужил тот упрек, что большую часть доклада говорил об уроках для будущего, вытекающих из кронштадтских событий, и меньшую часть — об ошибках прошлого, политических фактах и узловых пунктах нашей работы,

которые, на мой взгляд, определяют наши политические задачи и помогают нам избежать сделанных ошибок.

Что же здесь мы слышали об уроках Кронштадта?

Если люди выступают от имени оппозиции и называют эту оппозицию «рабочей» и говорят, что ЦК руководил политикой партии неправильно, надо таким людям сказать: нужны указания на эти неправильности по основным вопросам и указания на то, как их исправить. К сожалению, мы не слышали абсолютно ничего, ни одного звука, ни одного словечка о современном моменте и его уроках. Здесь даже и не подходили к тому выводу, который я сделал. Очень может быть, что он неправилен, но для того и делается отчет на съезде, чтобы эти неправильности исправлялись. Сплочение партии, недопущение оппозиции в партии — политический вывод из современного момента; а экономический вывод — не удовлетворяться тем, что сделано в политике соглашения рабочего класса с крестьянством, искать новых путей, применять, испытывать это новое. Я указал конкретно, что надо. Может быть, это неправильно, но никто ни единого слова об этом не сказал. Кто-то из ораторов, кажется, Рязанов, упрекнул меня лишь в том, что налог явился будто бы в моей речи откуда-то сразу, не будучи подготовленным обсуждением. Это неправильно. Я удивляюсь только, как перед партийным съездом ответственными товарищами делаются такие заявления. Дискуссия о налоге была открыта несколько недель тому назад в «Правде». Если в ней не пожелали принять участия товарищи, которые любят играть в оппозицию и бросать упреки в том, что мы не даем возможности широкой дискуссии, — в этом их вина. С редакцией «Правды» мы связаны не только тем, что тов. Бухарин — член Центрального Комитета, но и тем, что важнейшие темы и важнейшие линии политики всегда обсуждаются ЦК, — без этого не может быть политической работы. Вопрос о налоге был поставлен ЦК на дискуссию. Статьи в «Правде» были. На них никто не отвечал. Этим не отвечавшие показали, что они не хотели работать над этим вопросом. А когда уже после этих статей на собрании Московского Совета выступил член собрания — не помню, беспартийный или меньшевик — и стал говорить о налоге, я сказал: вы не знаете того, что пишет «Правда». Сделать беспартийному этот упрек было более естественно, чем

члену партии. Поставлена была в «Правде» дискуссия не случайно, и на съезде нам придется этим вопросом заняться. Ораторы в критике проявили абсолютную неделовитость. Вопрос на дискуссию был поставлен, и в ней следовало принять участие, — иначе вся эта критика становится беспочвенной. Точно так же по вопросу политическому. Я повторяю: все мое внимание было устремлено на то, чтобы мы сделали правильный вывод из последних событий.

Мы переживаем время, когда перед нами встает серьезная угроза: мелкобуржуазная контрреволюция, как я уже сказал, более опасна, чем Денкини. Этого товарищи не отвергали. Эта контрреволюция тем своеобразнее, что она — мелкобуржуазная, анархическая. Я утверждаю, что между идеями и лозунгами этой мелкобуржуазной, анархической контрреволюции и лозунгами «рабочей оппозиции» есть связь. Никто из говоривших, — хотя говорили больше всего представители «рабочей оппозиции», — на это как раз не ответил. Между тем брошюрка «рабочей оппозиции», выпущенная к съезду тов. Коллонтай, подтверждает это так наглядно, как больше уж нельзя. И мне придется остановиться, пожалуй, больше всего на этой брошюре, чтобы выяснить вам, почему контрреволюция, о которой я говорил, принимает анархическую, мелкобуржуазную форму, почему она так громадна и опасна и почему совершенно не понимают этой опасности представители «рабочей оппозиции», которые выступают тут.

Но прежде, чем перейти к ответу выступавшим здесь представителям «рабочей оппозиции», чтобы не забыть, скажу два слова на другую тему, об Осинском. Выступил товарищ, немало писавший и выступавший с собственной платформой, с критикой по отчету ЦК. Нужно было ожидать, что на съезде он даст критику основных мероприятий, очень для нас важную. Вместо этой критики он сказал, что будто бы «выкинули» Сапронова, и что из этого очевидно, что слова о необходимости сплоченности расходятся с делом, и подчеркивал, что выбрали двоих от «рабочей оппозиции» в президиум. Я удивлен, как можно с такими мелочами, имеющими десятистепенное значение, выступать крайне видному партийному литератору и работнику, занимающему ответственный пост! Специфическая

особенность Осинского — во всем усматривать политиканство. Это политиканство он видит и в том, что два места в президиуме даны «рабочей оппозиции».

Я отмечал на одном партийном собрании в Москве, и, к сожалению, приходится теперь повторять и на партийном съезде, — начало возникновения «рабочей оппозиции», которая в октябре и ноябре проявила себя тем, что довела до системы двух комнат, до образования фракции.

Неоднократно мы говорили, и в частности я, — и на этот счет не было разногласий в ЦК, — что наша задача — отсеять в «рабочей оппозиции» здоровое от нездорового именно потому, что она получила известное распространение, а в Москве повредила в работе. В ноябре, когда была конференция с двумя комнатами, — когда здесь сидели одни, а в другом помещении этого же этажа — другие, когда и мне пришлось пострадать и, в качестве посыльного, ходить из одной комнаты в другую, — это была порча работы, начало фракционности и раскола.

Еще в сентябре, во время партийной конференции мы свою задачу видели в том, чтобы отсеять здоровое от нездорового, — ибо нельзя относиться к этой группе как к здоровой группе. Когда нам говорят о недостаточном проведении демократизма, мы говорим: это абсолютно верно. Да, он проведен у нас недостаточно. Нужна помощь в этом отношении и указания, как провести. Нужно действительное проведение, а не разговоры. Мы принимаем и тех людей, которые называют себя «рабочей оппозицией» и даже с худшим названием, хотя я думаю, что нет другого, более худшего и неприличного названия для членов коммунистической партии, чем это. Но, даже если бы они создали гораздо худшее название, мы говорим себе: раз это — болезнь, затрагивающая часть рабочих, нужно на эту болезнь обратить сугубое внимание. И то, что тов. Осинский ставил почему-то нам в вину, нужно поставить нам в заслугу.

Теперь перехожу к «рабочей оппозиции». Вы признали, что остались в оппозиции. Вы на партийный съезд пришли с брошюрой тов. Коллонтай, с брошюрой, на которой написано: «рабочая оппозиция». Вы сдавали последнюю корректуру, когда знали о кронштадтских событиях и поднимающейся мелкобуржуазной контрреволюции. И в этот момент вы приходите с названием «рабочей оппозиции»!

Вы не понимаете, какую ответственность вы на себя берете и как нарушаете единство! Во имя чего? Мы вас допросим, сделаем вам тут экзамен.

Тов. Осинский употребил это выражение, как полемическое, видел какую-то вину или ошибку с нашей стороны; точно так же, как и Рязанов, он усматривал в нашей политике по отношению к «рабочей оппозиции» политикаканство. Тут нет политикаканства, а есть та политика, которую ЦК ведет и будет вести. Когда есть нездоровые группы, нездоровые течения, — давайте обратим на них тройное внимание.

Если есть хоть что-либо здоровое в этой оппозиции, — надо все силы употребить, чтобы здоровое от нездорового отсеять. Мы не можем вполне успешно бороться с бюрократизмом, проводить последовательный демократизм, потому что мы слабы, нет сил; и того, кто поможет в этом, того надо привлечь, а кто под видом помощи преподносит вот этикие брошюры, того надо разоблачать и отсеивать!

И это отсеивание сейчас перед партийным съездом облегчается. Здесь в президиум избирают тех, кто представляет собой большую группу, и теперь они уже не посмеют жаловаться, плакаться, эти «бедненькие», «обиженные», «ссылаемые»... Пожалуйте теперь на трибуну, потрудитесь дать ответ! Вы говорили больше, чем кто-либо... Давайте-ка разберем теперь, что вы нам преподносите в такой момент, когда у нас надвигается опасность, которую вы сами признаете, как опасность больше денкинской? Что вы нам преподносите? Какую критику вы даете? Этот экзамен должен теперь произойти, и, я думаю, он будет окончательным. Довольно, нельзя так играть партией! Тот, кто с подобной брошюрой является на съезд, тот играет партией. Нельзя вести такую игру в такой момент, когда сотни тысяч разложившихся боевиков разоряют, губят хозяйство, — нельзя к партии так относиться, нельзя так действовать. Надо это осознать, надо этому положить конец!

После этих предварительных замечаний о выборах в президиум и характере «рабочей оппозиции» я обращаю ваше внимание на брошюру тов. Коллонтай. Брошюра эта действительно заслуживает вашего внимания и подводит итог работы, в течение нескольких месяцев производившейся

этой оппозицией, или произведенного ею разложения. Здесь уже указывал, кажется, товарищ из Самары на то, что я «административно» наклеил ярлык синдикализма на «рабочую оппозицию». Упоминание об администраторстве здесь безусловно не к месту, и здесь надо посмотреть, какой вопрос требует администраторского решения. Тов. Милонов хотел блеснуть таким словечком пострашней, а вышло нескладно: будто я «административно» наклеиваю ярлык. Я не раз говорил, как на собраниях тов. Шляпников и другие упрекали меня, что я «терроризирую» словом «синдикализм». И на какой-то дискуссии, чуть ли не на съезде горнорабочих, при упоминании об этом, я ответил т. Шляпникову: «Кого из взрослых людей вы хотите обмануть?». Ведь, мы с т. Шляпниковым знаем друг друга много, много лет, еще во время работы в подполье и эмиграции, — и как же можно заявлять, что характеристикой отдельных уклонов я кого-то терроризировал! И при чем здесь администраторство, когда я говорю про положения «рабочей оппозиции», что это — неверно, это — синдикализм?! И почему тов. Коллонтай пишет, что я легкомысленно бросаю слово «синдикализм»? Чтобы говорить так, надо бы немножко это доказать. Я готов в кредит принять, что мое доказательство неправильно, а утверждение тов. Коллонтай более солидно, — я готов этому поверить. Но нужно хоть маленькое доказательство — не словами о терроризировании или администрпировании (которым я, к сожалению, по должности много занят), но точным ответом в опровержение выдвигаемого мною обвинения «рабочей оппозиции» в ее уклоне в синдикализм.

Это обвинение было сделано мною перед всей партией — сделано ответственно, и это отпечатано в брошюре, в 250 тыс. экземпляров, и все это читал⁴⁴. Очевидно, все товарищи готовились к этому съезду и все должны знать, что синдикалистский уклон — это и есть анархический уклон, и что «рабочая оппозиция», которая укрывается за пролетарской спиной, и есть мелкобуржуазная, анархическая стихия.

Что эта стихия проникает в широкие массы, это видно, и партийный съезд осветил это. Что эта стихия проводится в жизнь, это доказано брошюрами тов. Коллонтай и тезисами т. Шляпникова. И тут нельзя отделаться только

тем, что, как всегда, т. Шляпников говорит о своем истинно-пролетарском характере.

Тов. Коллонтай начинает свою брошюру так: «В оппозицию», — читаем мы на первой странице, — «входит передовая часть классово-организованных пролетариев, коммунистов». На съезде горнорабочих делегат из Сибири уже указывал на то, что у них поднимались такие же вопросы, как и в Москве, и на это тов. Коллонтай указывает в своей брошюре:

«У нас понятия не имели о том, что в Москве идут разногласия и дискуссия о роли профсоюзов», — говорил делегат из Сибири на съезде горнорабочих, — «а нас уже волновали те же вопросы, что стоят перед вами».

И далее:

«За рабочей оппозицией стоят пролетарские массы или точнее: рабочая оппозиция — это классово-спаянная, классово-сознательная и классово-выдержанная часть нашего промышленного пролетариата».

Ну, слава богу, так и будем знать, что тов. Коллонтай и т. Шляпников — «классово-спаянные, классово-сознательные». Но, товарищи, когда так говоришь и так пишешь, то пужно немножко знать и меру! На стр. 25 этой брошюры тов. Коллонтай пишет — и это является одним из главных пунктов тезисов «рабочей оппозиции»:

«Организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей, объединяемых в профессиональные и производственные союзы, которые набирают центральный орган, управляющий всем народным хозяйством».

Это — тот самый тезис «рабочей оппозиции», который я во всех случаях в дискуссии и в печати приводил. И должен сказать, что, прочитавши этот тезис, я уже других не стал читать, потому что это значило бы терять время, так как после этого тезиса ясно, что люди уже договорились, что это является мелкобуржуазной, анархической стихией и что теперь, при свете кронштадтских событий, этот тезис тем более странно слышать.

Я указывал летом на II конгрессе Коминтерна на значение резолюции о роли коммунистической партии. Эта резолюция является резолюцией, объединяющей коммунистических рабочих, коммунистические партии всего мира. Эта резолюция объясняет все. Значит ли это, что

мы партию отгораживаем от всего рабочего класса, определенно осуществляющего диктатуру? Так смотрят некоторые «левые» и очень многие синдикалисты, и сейчас этот взгляд распространен повсюду. Этот взгляд и есть порождение мелкобуржуазной идеологии. Ведь тезисы «рабочей оппозиции» бьют в лицо решению II конгресса Коминтерна о роли коммунистической партии в осуществлении диктатуры пролетариата. Это и есть синдикализм, потому что, вы подумайте, ясно, что наш пролетариат в большей части своей деклассирован, что неслыханные кризисы, закрытие фабрик привели к тому, что от голода люди бежали, рабочие просто бросали фабрики, должны были устраиваться в деревне и переставали быть рабочими. Разве мы этого не знаем и не наблюдаем, как неслыханные кризисы, гражданская война, прекращение правильных взаимоотношений между городом и деревней, прекращение подвоза хлеба создавали обмен каких-нибудь мелких продуктов, изготовляемых на больших заводах, каких-нибудь зажигалок — на хлеб, когда рабочие голодают и когда хлеб не подвозят? Что же, мы не видели этого на Украине, мы этого не видели в России? Это все и есть то, что экономически и порождает деклассирование пролетариата, что неизбежно вызывает и заставляет проявляться в ту буржуазно-анархические тенденции.

После того, что мы все эти бедствия пережили, что мы все это практически видели, мы знаем, как чертовски трудно с ними бороться. Мы после двух с половиной лет Советской власти перед всем миром выступили и сказали в Коммунистическом Интернационале, что диктатура пролетариата невозможна иначе, как через коммунистическую партию. И нас тогда бешено ругали анархисты и синдикалисты, которые говорили: «Вот как они думают, — для осуществления пролетарской диктатуры необходима коммунистическая партия». Но мы это сказали перед всем Коммунистическим Интернационалом. И после этого к нам приходят люди «классово-сознательные и классово-спаянные», которые говорят, что «организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей» (брошюра тов. Коллонтай). «Всероссийский съезд производителей» — что это такое? Будем ли мы еще терять время на такие оппозиции в партии? Мне кажется, что довольно об этом дискутировать! Все эти

рассуждения о свободе слова и свободе критики, которые по всей этой брошюре пестрят и сквозят во всех речах «рабочей оппозиции», составляют девять десятых смысла речей, не имеющих особого смысла, — все это слова того же порядка. Ведь надо же, товарищи, не только говорить о словах, но и о содержании их. Нас словами, вроде «свобода критики», не проведешь. Когда сказали, что в партии есть признаки болезни, мы говорили, что это указание заслуживает тройного внимания: несомненно, эта болезнь есть. Давайте помогать эту болезнь лечить. Скажите же, как вы можете ее лечить. У нас прошло довольно много времени в дискуссии, и я должен сказать, что теперь «дискутировать винтовками» гораздо лучше, чем с тезисами, преподносимыми оппозицией. Не надо теперь оппозиции, товарищи, не то время! Либо — тут, либо — там, с винтовкой, а не с оппозицией. Это вытекает из объективного положения, не пеняйте. Не надо теперь оппозиции, товарищи! И я думаю, что партийному съезду придется этот вывод сделать, придется сделать тот вывод, что для оппозиции теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиций! (Аплодисменты.)

Свободно критиковать эта группа имела право уже давно. И мы спрашиваем теперь, на партийном съезде: каковы итоги, каково содержание вашей критики, чему вы вашей критикой партию научили? Тех из вас, которые ближе к массам стоят, к массам, действительно классово-спяльным и классово-зрелым, мы готовы привлечь к работе. Если тов. Осинский будет усматривать в этом политиканство, то он останется один, а остальные усмотрят в этом целесообразную помощь членам партии. Мы должны действительно помочь тем, которые действительно живут в рабочей массе, ближе ее знают, имеют опыт и могут дать в ЦК свои указания. И пусть они себя называют, как угодно, — это все равно, — если только они будут помогать работе, если они не играют в оппозицию и не отстаивают группы и фракции во что бы то ни стало, а будут лишь нам помогать. Если же они будут продолжать играть в оппозицию, тогда партия должна их из партии исключить.

И когда нам на той же странице своей брошюры товарищ Коллонтай жирным шрифтом пишет о «недоверии к рабочему классу», — то это на тему о том, что они-де настоящая

«рабочая» оппозиция. На 36 странице той же брошюры есть еще более яркое выражение этой мысли:

«Рабочая оппозиция» не должна идти, да и не может идти, на уступки. Это не значит звать к расколу...». «Нет, ее задача иная. Даже в случае поражения на съезде — оставаться внутри партии и шаг за шагом твердо отстаивать свою точку зрения, спасая партию и выправляя ее линию».

«Даже в случае поражения на съезде», — скажите, пожалуйста, как предусмотрительно! (Смех.) Извините, но я от себя лично позволю с уверенностью заявить, что этого партийный съезд не позволит! (Аплодисменты.) Выправлять линию партии имеет право всякий. Вам дали все возможности для этого.

На партийном съезде поставили условие, чтобы не было и тени подозрения по обвинению в том, что мы хотим кого-нибудь исключить. Мы приветствуем всякую помощь в деле проведения демократизма. Но его фразами одними не проведешь, когда народ измучен. Всякий, кто хочет помочь делу, должен быть приветствуем, а когда так говорят, что «на уступки не пойду» и будут спасать партию, оставаясь в партии, — да если вас оставят в партии! (Аплодисменты.)

Тут никаких двусмысленностей оставлять мы не имеем права. Работа помощи в борьбе с бюрократизмом, работа помощи в отстаивании демократизма, помощь в деле большей связи с действительно рабочими массами — безусловно необходимы. Идти в этом отношении на «уступки» мы можем и должны. И как бы нам ни говорили, что они на уступки не идут, а мы будем повторять: мы — идем. Это вовсе не уступки, это помощь рабочей партии. Этим мы все, что есть здорового и пролетарского в «рабочей оппозиции», мы все получим на сторону партийную, останутся «классово-сознательные» авторы синдикалистских речей. (Аплодисменты.) В Москве по этой дороге пошли. Ноябрьская губернская конференция в Москве кончила двумя комнатами: в этой сидели одни, в той — другие. Это — канун раскола. Последняя московская конференция сказала: «Мы возьмем из «рабочей оппозиции» того, кого мы хотим, а не кого они хотят», — потому что нам нужна помощь людей, связанных с рабочими массами, которые практически научат нас бороться с бюрократизмом. Это трудная задача. Мне кажется, партийному съезду этот

опыт москвичей нужно учесть и также приступить к экзамену, и не только на этом пункте, а на всех пунктах порядка дня экзамен дать. В результате, людям, которые говорят, что «на уступки не идут», надо сказать: «А партия на уступки идет», — нужно, чтобы работа была дружная. Этой политикой мы отсеем здоровое от нездорового в «рабочей оппозиции» и получим укрепление партии.

Посмотрите, здесь говорили, что управлять производством должен «всероссийский съезд производителей». Я затрудняюсь, какими словами следует еще эту несуряницу характеризовать, но утешаюсь тем, что здесь все партийные работники в то же время работники советские, которые уже год, два, три революционную работу делают. Перед ними не стоит это и критиковать. Они потому и пренебрегают, когда такие речи слышат, что это скучно, несерьезно — говорить о «всероссийском съезде производителей», который управляет народным хозяйством. Может быть, это можно было бы предлагать в стране, где никакого приступа к работе, при взятой уже политической власти, не было. У нас этот приступ есть. И любопытно, что на странице 33 той же брошюры мы находим следующее:

«Рабочая оппозиция» не настолько невежественна, чтобы не учитывать великой роли техники и технически вышколенных сил...». «Она не мыслит создать свои органы управления народным хозяйством, избранные на съезде производителей, и затем распустить совнархозы, главки, центры. Нет, она мыслит иное: подчинить эти необходимые технически-ценные центры управления своему руководству, давать им теоретические задания, использовать их так, как в свое время фабриканты и заводчики использовали силы специалистов-техников».

Итак, тов. Коллонтай и т. Шляпников и следующие за ними «классово-спаянные» люди... подчиняют своему необходимому руководству совнархозы, главки и центры, — всяких Рыковых, Ногиных и прочие «ничтожества» — и будут давать им теоретические задания! И что же, товарищи, разве можно это взять всерьез? Если у вас были какие-либо «теоретические задания», почему вы их не давали? Для чего мы объявляли свободу дискуссий? Мы объявляли не для одного обмена словами. Во время войны мы говорили: «Нам не до критики, нас ждет Врангель, если мы делаем ошибку, — мы ее исправляем тем, что

бьем Врангеля». Когда мы кончили войну, нам начинают кричать: «Давайте свободу дискуссий!». Когда мы спрашиваем: «Скажите, какие ошибки мы сделали?» — нам говорят: «Не нужно распускать совнархозы и главки, им надо давать теоретические задания». Почему т. Киселев, который на съезде горнорабочих, как представитель «классово-спаянной» «рабочей оппозиции», остался в ничтожном меньшинстве, — почему, когда он стоял во главе Главтекстиля, он не научил нас борьбе с бюрократией? Почему т. Шляпников, когда он был наркомом, почему тов. Коллонтай, когда она также была наркомом, не научили нас борьбе с бюрократизмом? Мы сами знаем, что бюрократический налет у нас есть, и мы, которым приходится ближе всего иметь дело с этим бюрократическим аппаратом, мы от этого страдаем. Подписываем бумажку, — а как дойдет она до дела? Как это проверить, когда бюрократический аппарат такой громадный? Вы знаете, как его уменьшить, — поделитесь, пожалуйста, с нами, дорогие товарищи, вашим знанием! У вас есть желание дискутировать, но, кроме общих заявлений, вы ничего не даете. Вместо этого вы занимаетесь чистейшей демагогией. Вы говорите: «Спецс обыжают рабочих, рабочие ведут каторжный образ жизни в трудовой республике». Это — чистейшая демагогия!

Прочитайте все, товарищи, эту брошюру, убедительно вас прошу! Лучшего материала против «рабочей оппозиции», чем брошюра тов. Коллонтай «Рабочая оппозиция», — быть не может. Вы увидите, что так подходить к вопросу действительно нельзя. Что бюрократизм есть вопрос большой, — это мы все признаем, это есть даже в нашей партийной программе. Критика главков и совнархозов очень легка, но когда вы так критикуете, беспартийные рабочие массы понимают — распустить! Это подхватывают и эсеры. Мне сказали товарищи украинцы, что у них на конференции⁴⁵ левые эсеры свои предложения формулировали буквально таким же образом. А что такое кронштадтские резолюции? Вы их не все читали? Мы их вам покажем: они говорят то же самое. Потому я и подчеркнул опасность Кронштадта, что эта опасность состоит именно в том, что как будто требуется только небольшая передвижка: «Пусть большевики уйдут», «мы власть немного исправим», — вот чего хотят кронштадтцы. А вышло, что Савинков приехал.

в Ревель, что парижские газеты за две недели писали об этих событиях, что появился белый генерал. Вот, что случилось. И так шли все революции, подобно этому. Мы отсюда и говорим: раз мы к этому подходим, мы должны сплотиться для того, чтобы на такую штуку отвечать винтовкой, как бы невинно это ни выглядело, — как я и в первой речи указал. На это «рабочая оппозиция» не отвечает, а говорит: «Мы распускать совнархозы не будем, а «подчиним своему руководству». «Всероссийский съезд производителей» подчинит своему руководству 71 главк Совнархоза! Я спрашиваю, смеются, что ли, они, и можно ли таких людей брать всерьез? Это и есть мелкобуржуазная, анархическая стихия не только в рабочей массе, но и внутри нашей партии, и этого допустить мы ни в каком случае не можем. Мы позволили себе роскошь: дали людям изложить с наибольшей обстоятельностью их мнения, выслушали их несколько раз. Когда мне приходилось на II съезде горнорабочих спорить с тт. Троцким и Киселевым, две точки зрения выступали явно. «Рабочая оппозиция» говорила: «Ленин и Троцкий соединятся». Троцкий выступил и говорил: «Кто не понимает, что нужно соединиться, тот идет против партии; конечно, мы соединимся, потому что мы — люди партии». Я поддержал его. Конечно, мы с тов. Троцким расходились; и, когда в ЦК образуются более или менее равные группы, партия рассудит и рассудит так, что мы объединимся согласно воле и указаниям партии. Вот с какими заявлениями мы с т. Троцким шли на съезд горнорабочих и пришли сюда, а «рабочая оппозиция» говорит: «Мы не будем делать уступок, но мы останемся в партии». Нет, этот номер не пройдет! (Аплодисменты.) Еще раз скажу, что нам в борьбе с бюрократизмом всякая помощь рабочего, как бы он себя ни называл, если он хочет искренно нам помогать, — архижелательная помощь. В этом смысле мы на «уступки» (употребляя это слово в кавычках) пойдем, какие бы вызывающие нам ни делали заявления, мы на «уступки» пойдем, потому что мы знаем, как трудно работать. Распустить совнархозы и главки мы не можем. Когда говорят, что у нас есть недоверие к рабочему классу, что мы не пускаем рабочих в руководящие органы, это — сплошная неправда. Всякого сколько-нибудь сносного администратора из рабочих мы ищем и рады взять, мы его испытываем. Ведь если партия

не верит рабочему классу и не пускает рабочих на ответственные посты, нужно такую партию долой, — уж договаривайте до конца! Я указывал, что это — неправда: мы изнемогаем от недостатка сил, малейшую помощь сколько-нибудь дельного человека, — а из рабочих тройне, — мы берем обеими руками. Но у нас таких нет. На этой почве является анархия. Тут надо поддержать борьбу с бюрократизмом, — а на это нужны сотни тысяч людей.

Задача борьбы с бюрократизмом в нашей программе поставлена, как работа чрезвычайно длительная. Чем раздробленнее крестьянство, тем неизбежнее бюрократизм в центре.

Легко писать такие вещи: «У нас в партии нечисто». Вы сами понимаете, что значит расслабить советский аппарат, когда два миллиона русских эмигрантов находятся за границей. Их выгнала гражданская война. Они нас осчастливили тем, что теперь заседают в Берлине, Париже, Лондоне и во всех столицах, кроме нашей. Они поддерживают ту же стихию, которая называется мелким производителем, мелкобуржуазной стихией.

Все, что можно сделать для того, чтобы изжить бюрократизм путем выдвижения рабочих снизу, — мы будем делать, всякое практическое указание в этом отношении примем. Если даже называть это неподходящим словом «уступки», как здесь называют, нет сомнения, что 99 процентов съезда скажет вопреки этой брошюрке: «А мы пойдем вопреки этому на «уступки» и завоюем все, что есть здорового». Становитесь вместе с рабочими и научите, как бороться с бюрократизмом, если знаете лучше нас, а не выступайте так, как выступал Шляпников. Это такая вещь, от которой нельзя отмахнуться. Я не касаюсь теоретической части его речи, потому что то же сказано у Коллонтай. Я скажу по поводу тех фактов, которые он приводил. Он говорил, что гноят картошку, и спрашивал, почему Цюрупу не предадут суду.

А я задаю вопрос: почему не предадут суду Шляпникова за такие выступления? Что мы в организованной партии о дисциплине, единстве говорим серьезно или же мы на собрании кронштадтского типа? А это — кронштадтская фраза, анархического духа, на которую отвечают винтовкой. Мы организованные члены партии, мы пришли сюда исправлять наши ошибки. Если бы, по мнению тов. Шляп-

никова, нужно было предать суду Цюрупу, почему Шляпников, как организованный член партии, не обжаловал это в Контрольной комиссии? Когда мы создавали Контрольную комиссию, так и говорили: ЦК завален административной работой, давайте выберем людей, которые пользуются доверием рабочих, которые не будут так завалены административной работой и будут разбирать жалобы за ЦК. Это давало способ развития критики, исправления ошибок. Почему же, если Цюрупа действовал так неправильно, это не обжаловано в Контрольной комиссии, а Шляпников является сюда, на съезд, перед ответственным собранием партии и республики и бросает обвинение по поводу того, что сгноили картошку, и спрашивает, почему не предали суду Цюрупу? А я спрашиваю, разве в военном ведомстве не бывает ошибок, не бывает проигранных сражений, брошенных повозок, имущества? И что же — предавать суду таких военных работников? Тов. Шляпников бросает здесь слова, в которые сам не верит, слова, которые он доказать не может. У нас гниет картошка. Конечно, будет множество ошибок, у нас ненадежность аппарата, ненадежность транспорта. Но, когда такие обвинения вместо исправления ошибок бросаются скандалка, да еще, как уже отмечали здесь некоторые товарищи, с тоном злорадства, когда требуют ответа, почему не предан суду Цюрупа, тогда предайте суду нас — ЦК. Мы считаем, что такое выступление — демагогия. Нужно предать суду либо Цюрупу и нас, либо Шляпникова, но так работать нельзя. Когда товарищи по партии так выступают, как Шляпников здесь, — а он на других собраниях выступает так всегда, — и если в брошюре у тов. Коллонтай не названы имена, весь дух брошюры таков же, — мы говорим: так работать нельзя, ибо это — демагогия, на которой базируются анархистско-махновские и крошадтские элементы. Мы оба являемся здесь членами партии, являемся оба перед ответственным судилищем, и если Цюрупа совершил беззаконие, и мы, ЦК, прикрываем это, — то, пожалуйста, выступайте с определенным обвинением, а не бросайте слов, которые будут завтра здесь, в Москве, и по беспроволочным сплетням немедленно переданы буржуазии; завтра все кумушки советских учреждений будут, подпираясь руками, злорадно повторять ваши слова. Если Цюрупа таков, как обвиняет его Шляпников,

если, как он требует, его нужно предать суду, то я утверждаю, что над этими словами надо серьезно подумать; такие обвинения просто не бросаются. Тех, кто выдвигает подобные обвинения, или удаляют из партии, или говорят: мы посылаем тебя к картошке, в губернию такую-то, — посмотрим, меньше ли будет картошки сгноено, чем в тех губерниях, которыми руководил Цюрупа.

4

**ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ
ОБ УЛУЧШЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧИХ
И НУЖДАЮЩИХСЯ КРЕСТЬЯН ⁴⁶**

Истощение от нужды и бедствий, связанных с семилетней войной и разорением, и переутомление от почти сверхчеловеческого напряжения сил, которое проявлено было рабочим классом России за последние три с половиной года, настолько обострились в настоящее время, что требуют экстренных мер от Советской власти.

X съезд РКП требует поэтому от всей партии, от всех партийных и советских учреждений обратить усиленное внимание на этот вопрос и выработать немедленно ряд мер по улучшению положения рабочих и облегчению их бедствий во что бы то ни стало.

Одобряя решение Цека и Советской власти о выдаче части золотого фонда на закупку предметов потребления рабочих, съезд требует расширения этой меры и немедленного соответственного изменения нашего импортного (ввозного) плана.

Съезд поручает Цека создать особую центральную комиссию по проведению немедленных мер улучшения положения рабочих, организовав эту комиссию так, чтобы она работала в непосредственной связи, с одной стороны, при ЦК РКП и при ВЦСПС, с другой стороны, при СНК и СТО для быстрейшего проведения намеченных мер и контроля самих рабочих за осуществлением этих мер. Эта комиссия должна создать подкомиссии при тех ведомствах, которые могут и должны в особенности пойти на то, чтобы часть их аппарата и средства пошли тотчас на меры улучшения положения рабочих (Наркомвнешторг, Наркомпрод, Наркомвоен, Комгосоор⁴⁷, Наркомздрав и т. д.). Равным образом необходимы подкомиссии в губерниях

главного сосредоточения промышленных рабочих. Разработку положения об этих комиссиях съезд возлагает на ЦК и партработников соответственных ведомств немедленно.

Ввиду острого бедствия, причиненного неурожаем крестьянству и усиливаемого в очень многих случаях демобилизацией армии, X съезд поручает Центральному Комитету провести через СНК и ВЦИК подобные вышеизложенным меры по улучшению положения нуждающихся крестьян, не ограничиваясь созданной уже для сего ВЦИКом комиссией.

Печатается по рукописи

5

РЕЧЬ О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗАХ

14 МАРТА ⁴⁸

Товарищи, сегодня т. Троцкий особенно вежливо полемизировал со мной и упрекал или называл меня архисторожным. Я должен его поблагодарить за этот комплимент и выразить сожаление, что лишен возможности вернуть его обратно. Напротив, мне придется говорить о моем неосторожном друге, чтобы выразить подход к той ошибке, из-за которой я так много лишнего времени потерял и из-за которой приходится теперь продолжать прения по вопросу о профсоюзах, не переходя к вопросам более актуальным. Т. Троцкий свое заключительное слово по вопросу о профдискуссии сказал в «Правде» от 29 января 1921 г. В своей статье «Есть разногласия, но к чему путаница?» он упрекал меня в том, что я в этой путанице повинен, что я ставлю вопрос: кто первый сказал: «э». Обвинение это целиком поворачивается на Троцкого: именно он валит с больной головы на здоровую. Весь его фельетон был построен на том, что он выдвигал производственную роль профсоюзов, и что об этом надо говорить. Неверно, не это создало разногласия, не это сделало их болезненными. И, как ни скучно повторять после дискуссии, повторять до чрезмерности, — правда, я участвовал в ней только один месяц, — надо повторить, что исходным пунктом было не это, а тот лозунг «перетряхивания», который был брошен 2—6 ноября на пятой Всероссийской конференции профсоюзов. И тогда уже казалось всем, кто не прозевал резолюции Рудаутака, — а к числу таких принадлежали и чекисты, и я в том числе, — что по вопросу о производственной роли профсоюзов не разыщут разногласий, а трехмесячная дискуссия их разыскала;

эти разногласия были, и они представляют собой политическую ошибку. Тов. Троцкий меня упрекал на дискуссии в Большом театре перед ответственными работниками в том, что я срывал дискуссию. Это я зачислю себе в комплимент: я старался сорвать дискуссию в том виде, как она пошла, потому что такое выступление перед тяжелой весной было вредно. Это только слепым было не видно.

Тов. Троцкий смеется теперь, что я ставлю вопрос о том, кто первый сказал: «э», и удивляется, почему я упрекаю его в том, что он не вошел в комиссию. Да потому, что это имеет большое значение, т. Троцкий, — очень большое значение, потому что невхождение в профкомиссию было срывом дисциплины ЦК. И когда об этом говорит Троцкий, от этого получается не спор, а трясение партии и озлобление, бывают крайности, — тов. Троцкий употребил выражение «осатанение». Я припоминаю одно выражение т. Гольцмана, — я не стану цитировать его, потому что слово «сатана» напоминает что-то страшное, а Гольцман напоминает собой нечто милое, — поэтому здесь нет «осатанения», но что бывают крайности с обеих сторон, и что гораздо чудовищнее, — были некоторые крайности некоторых милейших товарищей, забывать этого не следует. Но когда сюда прибавляется еще авторитет т. Троцкого, и когда он 25 декабря выступает публично и говорит, что съезд должен выбирать между двумя тенденциями, — эти слова непростительны! Эти слова составляют политическую ошибку, из-за которой мы боремся. И когда здесь острят по поводу того, что бывают совещания в двух комнатах, — это наивно. Я хотел бы посмотреть на того шутника, который скажет, что запрещаются совещания делегатов на съезде, чтобы не раскололись их голоса. Это было бы слишком большим преувеличением. Была допущена политическая ошибка т. Троцким и Цектраном в том, что вопрос о «перетряхивании» был поставлен и поставлен в корне неправильно. Это — политическая ошибка, и она до сих пор не исправлена. Насчет транспорта есть резолюция⁴⁹.

Мы же говорим о профессиональном движении, об отношении авангарда рабочего класса к пролетариату. Если мы кого-либо с высоких должностей смещаем, то в этом ничего порочного нет. Это никого не порочит. Если вы сделали ошибку, съезд признает ее и восстановит взаимо-

отношение и взаимодоверие между авангардом рабочего класса и рабочей массой. Вот значение «Платформы десяти». Если есть в платформе вещи заменимые, если это подчеркивает Троцкий и развивает Рязанов, — это пустяки. Если говорят в речи, что в платформе не видна рука Ленина, то или другое участие его, — то я скажу: если бы я во всем, что мне надо подписывать, участвовал рукой или телефонным разговором, я давно бы сошел с ума. Я говорю, что для того, чтобы установить взаимоотношение, взаимодоверие между авангардом рабочего класса и рабочей массой, надо было, если Цектран сделал ошибку, — каждому случается улпекаться, — надо было ее исправлять. Но когда эту ошибку начинают защищать, то это делается источником политической опасности. Если бы максимально возможного в смысле демократии не сделали из тех настроений, которые здесь выражает Кутузов, мы бы пришли к политическому краху. Прежде всего мы должны убедить, а потом принудить. Мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, а потом принудить. Мы не сумели убедить широкие массы и нарушили правильное соотношение авангарда с массами.

Когда такие люди, как Кутузов, часть деловой речи направляют на указание на бюрократические безобразия нашего аппарата, мы отвечаем: это верно, наше государство есть государство с бюрократическим извращением. С этим мы зовем бороться и беспартийных рабочих. И здесь я должен сказать, что такого типа товарищей, как Кутузов, надо к этой работе привлечь поближе и поставить на должности повыше. Вот урок, который вытекает из нашего опыта.

Что касается синдикалистского уклона, достаточно сказать два слова Шляпникову, сославшемуся на то, что «всероссийский съезд производителей», о котором написано буквально черным по белому в их платформе и подтверждено Коллонтай, что это будто бы может быть защищено ссылкой на Энгельса, — это смешно. Энгельс говорит о коммунистическом обществе. Там не останется классов, — там будут производители⁵⁰. А сейчас у нас есть классы? Есть. Сейчас у нас есть борьба классов? Самая бешеная! И в момент самой бешеной борьбы классов приходится и говорить: «всероссийский съезд производителей», — что это как не синдикалистский уклон, который надо

решительно и окончательно осудить? В той чехарде платформ, которая была, мы видели, что даже Бухарин споткнулся на кандидатурах одной трети. Товарищи, в истории партии мы таких шатаний забывать не должны.

И сейчас, поскольку «рабочая оппозиция» защищала демократию, поскольку она ставила здоровые требования, мы сделаем максимум для сближения с нею, и съезд, как съезд, должен произвести определенный отбор. Вы утверждаете, что мы мало боремся с бюрократизмом, — идите помогать нам, идите ближе, помогайте бороться, но, если вы предлагаете «всероссийский съезд производителей», это — не марксистская, не коммунистическая точка зрения. «Рабочая оппозиция» истолковывает стараниями Рязанова фальшиво программу. В программе сказано: «профсоюзы *должны прийти* к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым»⁵¹. Шляпников думает, преувеличивая, как всегда, — что, по-нашему, это будет через 25 столетий. Программа говорит: профсоюзы «должны прийти», и, когда съезд скажет, что они пришли, тогда это требование будет осуществлено.

Товарищи, когда теперь съезд перед пролетариатом всей России, перед пролетариатом всего мира заявит, что он считает выставляемые «рабочей оппозицией» предложения за синдикалистский полууклон, я уверен, что все, что есть истинно-пролетарского, здорового в оппозиции, — пойдет за нами, поможет восстановить доверие масс к нам, подорванное из-за небольшой цектранистской ошибки, и общими силами мы сможем упрочить, сплотить наши ряды и едиными выйти на тяжелую борьбу, которая предстоит. И, пойдя на нее дружно, решительно, твердо, мы в этой борьбе победим. (Аплодисменты.)

6

ДОКЛАД О ЗАМЕНЕ РАЗВЕРСТКИ
НАТУРАЛЬНЫМ НАЛОГОМ
15 МАРТА

Товарищи, вопрос о замене разверстки налогом является прежде всего и больше всего вопросом политическим, ибо суть этого вопроса состоит в отношении рабочего класса к крестьянству. Постановка этого вопроса означает, что мы должны отношения этих двух главных классов, борьба между которыми или соглашение между которыми определяют судьбы всей нашей революции, подвергнуть новому, или, я бы сказал, пожалуй, более осторожному и правильному дополнительному рассмотрению и известному пересмотру. Мне нет надобности подробно останавливаться на вопросах о причинах такого пересмотра. Вы все, конечно, прекрасно знаете, какая сумма событий, особенно на почве крайнего обострения нужды, вызванной войной, разорением, демобилизацией и крайне тяжелым неурожаем, какая сумма обстоятельств сделала положение крестьянства особенно тяжелым, острым и неизбежно усилила колебание его от пролетариата к буржуазии.

Два слова о теоретическом значении или о теоретическом подходе к этому вопросу. Нет сомнения, что социалистическую революцию в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледельцам-производителям, возможно осуществить лишь путем целого ряда особых переходных мер, которые были бы совершенно ненужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство. В странах развитого капитализма есть сложившийся в течение десятков лет класс наемных сельскохозяйственных рабочих. Только такой класс социально, экономически и политически может быть опорой

непосредственного перехода к социализму. Только в таких странах, где этот класс достаточно развит, непосредственный переход от капитализма к социализму возможен и не требует особых переходных общегосударственных мер. Мы подчеркивали в целом ряде произведений, во всех наших выступлениях, во всей прессе, что в России дело обстоит не так, что в России мы имеем меньшинство рабочих в промышленности и громадное большинство мелких земледельцев. Социалистическая революция в такой стране может иметь окончательный успех лишь при двух условиях. Во-первых, при условии поддержки ее своевременно социалистической революцией в одной или нескольких передовых странах. Как вы знаете, для этого условия мы очень много сделали по сравнению с прежним, но далеко недостаточно, чтобы это стало действительностью.

Другое условие, это — соглашение между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках государственную власть пролетариатом и большинством крестьянского населения. Соглашение, это — понятие очень широкое, которое включает в себя целый ряд мер и переходов. Здесь надо сказать, что мы должны ставить дело во всей нашей пропаганде и агитации начистоту. Люди, которые под политикой понимают мелкие приемы, сводящиеся иногда чуть ли не к обману, должны встречать в нашей среде самое решительное осуждение. Необходимо исправление их ошибок. Классов обмануть нельзя. Мы очень много сделали за три года, чтобы политическую сознательность в массах поднять. Массы из острой борьбы учились больше всего. Нам надо — согласно нашему мировоззрению, нашему революционному опыту в течение десятилетий, урокам нашей революции — ставить вопросы прямо: интересы этих двух классов различны, мелкий земледelec не хочет того, чего хочет рабочий.

Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах. И так, прямо, на всех собраниях, во всей прессе и нужно говорить. Во всяком случае мы не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить прямо, что крестьянство формой отношений, которая у нас с ним установилась, недоволено, что оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет. Это бесспорно. Эта

воля его выразилась определенно. Это — воля громадных масс трудящегося населения. Мы с этим должны считаться, и мы достаточно трезвые политики, чтобы говорить прямо: давайте нашу политику по отношению к крестьянству пересматривать. Так, как было до сих пор, — такого положения дольше удерживать нельзя.

Мы должны сказать крестьянам: «Хотите вы назад идти, хотите вы реставрировать частную собственность и свободную торговлю целиком, — тогда это значит скатываться под власть помещиков и капиталистов неминуемо и неизбежно. Целый ряд исторических примеров и примеров революций это свидетельствует. Весьма небольшое рассуждение из азбуки коммунизма, из азбуки политической экономии подтвердит неизбежность этого. Давайте же разбирать. Расчет ли крестьянству расходиться с пролетариатом так, чтобы покатиться назад — и позволить стране откатываться — до власти капиталистов и помещиков, или не расчет? Рассчитывайте и давайте рассчитывать вместе».

И мы думаем, что если рассчитывать правильно, то, при всей сознаваемой глубокой розни экономических интересов пролетариата и мелкого земледельца, расчет будет в нашу пользу.

Как ни трудно наше положение в смысле ресурсов, а задача удовлетворить среднее крестьянство — должна быть разрешена. Крестьянство стало гораздо более средним, чем прежде, противоречия сгладились, земля разделена в пользование гораздо более уравнилельное, кулак подрезан и в значительной части экспроприрован, — в России больше, чем на Украине, в Сибири меньше. Но в общем и целом, данные статистики указывают совершенно бесспорно, что деревня нивелировалась, выравнилась, т. е. резкое выделение в сторону кулака и в сторону беспосевщика сгладилось. Все стало ровнее, крестьянство стало в общем в положение средняка.

Можем ли мы удовлетворить это среднее крестьянство, как таковое, с его экономическими особенностями, с его экономическими корнями? Если кто-либо из коммунистов мечтал, что в три года можно переделать экономическую базу, экономические корни мелкого земледелия, то он, конечно, был фантазер. И — нечего греха таить — таких фантазеров в нашей среде было немало. И ничего тут нет особенно худого. Откуда же было в такой стране начать

социалистическую революцию без фантазеров? Практика, разумеется, показала, какую огромнейшую роль могут играть всевозможного рода опыты и начинания в области коллективного ведения земледельческого хозяйства. Но практика показала, что эти опыты, как таковые, сыграли и отрицательную роль, когда люди, полные самых добрых намерений и желаний, шли в деревню устраивать коммуны, коллективы, не умея хозяйничать, потому что коллективного опыта у них не было.

Вы прекрасно знаете, сколько было таких примеров. Повторяю, что это неудивительно, ибо дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе. Вот что в корне и с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца. Если я говорю, что нужны поколения, это не значит, что нужны столетия. Вы прекрасно понимаете, что достать тракторы, машины и электрифицировать громадную страну — такое дело может, во всяком случае, исчисляться не менее, чем десятилетиями. Вот какова объективная обстановка.

Мы должны постараться удовлетворить требования крестьян, которые не удовлетворены, которые недовольны, и законно недовольны и не могут быть довольны. Мы должны им сказать: «Да, такое положение не может держаться дальше». Как крестьянина удовлетворить и что значит удовлетворить его? Откуда мы можем взять ответ на вопрос о том, как его удовлетворить? Конечно, из тех же самых требований крестьянства. Мы эти требования знаем. Но мы должны проверить их, просмотреть с точки зрения экономической науки все то, что мы знаем об экономических требованиях земледельца. Вникая в этот вопрос, мы скажем себе сразу: удовлетворить мелкого земледельца, по сути дела, можно двумя вещами. Во-первых, нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяина, а, во-вторых, нужно достать товары и продукты. Что за свобода оборота, ежели нечего оборачивать, и свобода торговли, ежели нечем торговать! Это останется бумажкой, а классы удовлетворяются

не бумажками, а материальными вещами. Эти два условия надо хорошенечко понять. О втором условии, — как нам достать товары, сумеем ли мы их достать — об этом мы будем говорить потом. А первое условие, — свобода оборота, — на этом надо остановиться.

Что же такое свобода оборота? Свобода оборота — это есть свобода торговли, а свобода торговли, значит назад к капитализму. Свобода оборота и свобода торговли, это значит товарный обмен между отдельными мелкими хозяевами. Мы все, кто учился хотя бы азбуке марксизма, знаем, что из этого оборота и свободы торговли неизбежно вытекает деление товаропроизводителя на владельца капитала и на владельца рабочих рук, разделение на капиталиста и на наемного рабочего, т. е. воссоздание снова капиталистического наемного рабства, которое не с неба сваливается, а вырастает во всем мире именно из товарного земледельческого хозяйства. Это мы прекрасно знаем теоретически, и в России всякий, кто присматривался к жизни и к условиям хозяйства мелкого земледельца, не может не наблюдать этого.

Спрашивается, как же так, может ли коммунистическая партия признать свободу торговли, к ней перейти? Нет ли тут непримиримых противоречий? На это надо ответить, что вопрос, разумеется, в практическом разрешении чрезвычайно труден. Я заранее предвижу и из бесед с товарищами знаю, что предварительный проект замены разверстки налогом, проект, который вам роздан, больше всего вопросов, законных и неизбежных, вызывает насчет того, что обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота. Это сказано в конце 8 параграфа. Что это значит, каковы этому пределы, как это осуществить? Если кто думает на такой вопрос получить ответ на данном съезде, тот ошибается. Ответ на этот вопрос мы получим от нашего законодательства, наша задача установить только принципиальную линию, выставить лозунг. Наша партия — правительственная партия, и то постановление, которое вынесет партийный съезд, будет обязательным для всей республики, и здесь мы должны решить этот вопрос принципиально. Мы должны решить этот вопрос принципиально, оповестить об этом крестьянство, потому что посев на носу. И дальше — двинуть весь наш аппарат, все наши теоретические силы, весь наш практический

опыт, чтобы посмотреть, как это сделать. Можно ли это сделать, теоретически говоря, можно ли до известной степени восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких земледельцев, не подрывая этим самым норней политической власти пролетариата? Можно ли это? Можно, ибо вопрос — в мере. Если бы мы оказались в состоянии получить хотя бы небольшое количество товаров и держали бы их в руках государства, в руках имеющего политическую власть пролетариата, и могли бы пустить эти товары в оборот, — мы бы, как государство, к политической власти своей прибавили экономическую власть. Введение этих товаров в оборот оживит мелкое земледелие, которое сейчас страшно замерло под гнетом тяжелых условий войны, разорения и под гнетом невозможности развернуть мелкое земледелие. Мелкий земледелец, пока он остается мелким, должен иметь стимул, толчок, побудитель, соответствующий его экономической базе, т. е. мелкому отдельному хозяйству. Тут из местной свободы оборота не выскочишь. Если этот оборот дает государству в обмен на продукты промышленности известное минимальное количество хлеба, достаточное для покрытия потребностей города, фабрик, промышленности, тогда экономический оборот восстанавливается так, что государственная власть в руках пролетариата остается и укрепляется. Крестьянство требует на практике показать ему, что рабочий, держащий в своих руках фабрики, заводы, промышленность, может оборот с крестьянством поставить. И, с другой стороны, громадная земледельческая страна с плохими путями сообщения, с необъятными пространствами, различным климатом, различными сельскохозяйственными условиями и проч. неизбежно предполагает известную свободу оборота местного земледелия и местной промышленности в местном масштабе. Мы в этом отношении очень много погрешили, идя слишком далеко: мы слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота. Было ли это ошибкой? Несомненно.

В этом отношении нами было сделано много просто ошибочного, и было бы величайшим преступлением здесь не видеть и не понимать того, что мы меры не соблюли, не знали, как ее соблюсти. Но тут также была и вынужденная необходимость: мы жили до сих пор в условиях такой

бешеной, неслыханно тяжелой войны, когда ничего, кроме как действия по-военному, нам не оставалось и в области экономической. И чудом было, что такую войну выдержала разоренная страна, и это чудо не с небес свалилось, а оно выросло из экономических интересов рабочего класса и крестьянства, которые создали это чудо своим массовым подъемом; этим чудом был создан отпор помещикам и капиталистам. Но, в то же время, факт несомненный, и его не нужно скрывать в агитации и пропаганде, что мы зашли дальше, чем это теоретически и политически было необходимо. Мы можем в порядочной степени свободный местный оборот допустить, не разрушая, а укрепляя политическую власть пролетариата. Как это сделать — это дело практики. Мос дело доказать вам, что теоретически это мыслимо. Пролетариату, держащему в руках государственную власть, если у него имеются какие-нибудь ресурсы, вполне возможно пустить их в оборот и достигнуть этим известного удовлетворения среднего крестьянина, удовлетворить его на основе местного хозяйственного оборота.

Теперь несколько слов о местном хозяйственном обороте. Предварительно я должен коснуться вопроса о кооперации. Конечно, при местном хозяйственном обороте кооперация, которая у нас в состоянии чрезмерного задушения, нам нужна. Наша программа подчеркивает, что лучший аппарат для распределения есть оставшаяся от капитализма кооперация, что этот аппарат нужно сохранить. Это говорится в программе. Исполнили ли мы это? Очень недостаточно, а частью совсем не исполняли, опять-таки частью по ошибке, частью по военной нужде. Кооперация, выделяя элементы более хозяйственные, более высокие в экономическом отношении, тем самым в политике выделяла меньшевиков и эсеров. Это химический закон, — тут ничего не поделаешь! (Смех.) Меньшевики и эсеры, это — люди, которые сознательно или бессознательно восстанавливают капитализм и помогают Юденичам. Это тоже закон. Мы должны с ними воевать. Коли воевать, так по-военному: мы должны были защищать себя, и мы себя защитили. Но можно ли остаться непременно при теперешнем положении? Нельзя. И связывать себе этим руки будет безусловно ошибкой. Вот почему по вопросу о кооперации я предлагаю резолюцию, которая очень коротка, и я ее прочту:

«Ввиду того, что резолюция IX съезда РКП об отношении к кооперации вся построена на признании принципа разверстки, которая теперь заменяется натуральным налогом, X съезд РКП постановляет:

Указанную резолюцию отменить.

Съезд поручает Центральному Комитету выработать и провести в партийном и советском порядке постановления, которые бы улучшили и развили строение и деятельность кооперативов в согласии с программой РКП и применительно к замене разверстки натуральным налогом»⁵².

Вы скажете, что это неопределенно. Да, и надо, чтобы это было до известной степени неопределенно. Почему это надо? Потому что, чтобы было вполне определено, надо до конца знать, что мы сделаем на весь год. Кто это знает? Никто не знает и знать не может.

Но резолюция IX съезда связывает руки, она говорит: «подчинить Компроду». Компрод — прекрасное учреждение, но обязательно подчинить ему кооперацию и связывать себе руки, когда пересматриваешь отношения к мелким земледельцам, это — политически делать явную ошибку. Мы должны поручить вновь выбранному ЦК разработать и установить известные меры и изменения, пропелить шаги вперед и назад, которые мы проделаем, — в какой мере это надо делать, как соблюсти политические интересы, насколько отпустить, чтобы было полегче, как проверить результаты опыта. Мы в этом отношении стоим, говоря теоретически, перед целым рядом переходных ступеней, переходных мер. Для нас ясно одно: резолюция IX съезда предполагала, что наше движение будет идти по прямой линии. Оказалось, как оказывалось постоянно во всей истории революций, что движение пошло зигзагами. Связывать руки такой резолюцией — политическая ошибка. Отменяя ее, мы говорим, что надо руководствоваться программой, которая подчеркивает значение кооперативного аппарата.

Отменяя резолюцию, мы говорим: применяйтесь к замене разверстки налогом. Но когда мы это проведем? Не раньше урожая, т. е. через несколько месяцев. Одинаково это будет в разных местностях? Ни в коем случае. Центральную Россию, Украину, Сибирь шаблонизировать, подчинять известному шаблону будет величайшей глупостью. Я предлагаю эту основную мысль о свободе местного обо-

рота вынести в виде постановления съезда. Мыслию себе, что после этого непременно будет в ближайшие дни письмо ЦК, который скажет, и, конечно, он скажет это лучше, чем я говорю это сейчас: ничего не ломайте, не спешите, не мудрите наспех, поступайте так, чтобы максимально удовлетворить среднее крестьянство, не нарушая интересов пролетариата. Испытайте то, испытайте другое, изучайте практически, на опыте, потом поделитесь с нами и скажите, что вам удалось, а мы создадим специальную комиссию или даже несколько комиссий, которые собравший опыт учтут. Этот вопрос очень важный, потому что оборот денежный, это — такая штука, которая прекрасно проверяет удовлетворительность оборота страны, и когда этот оборот бывает неправильным, то получаются из денег ненужные бумажки. Чтобы идти потом на основании опыта, нам нужно десять раз проверить принятые меры.

Нам предложат вопрос и пожелают узнать: где достать товары? Ведь свобода торговли требует товаров, и крестьяне — очень умные люди и умеют великолепно издеваться. Можем ли мы теперь достать товары? Теперь сможем, потому что наше экономическое положение в международном масштабе улучшилось в громадной степени. Мы боремся против международного капитала, который, увидя нашу республику, сказал: «Это — разбойники, крокодилы» (эти слова мне буквально переданы одной английской художницей, которая слышала это выражение от одного самого влиятельного политика). А раз крокодилы, то их можно только презирать. И это было голосом международного капитала. Это был голос классового врага и с его точки зрения правильный. Однако правильность таких заключений требует проверки на деле. Если ты — всемирная, могущественная сила, всемирный капитал, если ты говоришь: «крокодил», а у тебя вся техника в руках, — то попробуй, застрели! А когда он попробовал, то вышло, что ему же от этого больше. Тогда капитал, который вынужден считаться с реальной политической и экономической жизнью, говорит: «Надо торговать». В этом состоит наша величайшая победа. Сейчас скажу вам, что у нас есть два предложения займа на сумму около ста миллионов золотом. Золото-то у нас есть, но золото продать нельзя, потому что это такая штука, которую

кушать нельзя. Все так разорены, во всех странах валютные отношения между капиталистическими государствами перекувыркнулись от войны до невероятности. Кроме того, для сношения с Европой надо иметь флот, этого у нас нет. Флот — в руках враждебных. С Францией мы никакого договора не заключили, она считает, что мы должны ей, значит, любой корабль — «пожалуйте, это мой». У них есть военный флот, у нас нет. Вот положение, при котором мы до сих пор реализовать золото могли в маленьком, в ничтожном, ничтожном до смешного размере. Теперь есть два предложения от капиталистов-банкиров — реализовать заем на сто миллионов. Конечно, этот капитал возьмет грабительские проценты. Но до сих пор они вообще не говорили об этом, до сих пор они говорили: «Я тебя пристрелю и даром возьму». Теперь, так как они пристрелить не могут, они готовы торговать. Торговый договор с Америкой и Англией теперь, можно сказать, на-мази; также и концессии. Я вчера получил еще письмо от мистера Вандерлипа, находящегося здесь, который, наряду с целым рядом жалоб, сообщает целый ряд плагов относительно концессий и относительно займа. Это — представитель финансового капитала самой деликатесной марки, связанный с западными штатами Северной Америки, более враждебными Японии. Так что у нас есть экономическая возможность достать товары. Как мы сумеем это сделать, — это другой вопрос, но известная возможность есть.

Повторяю, тип экономических отношений, который сверху имеет вид блока с иностранным капитализмом, даст возможность для пролетарской государственной власти свободного оборота с крестьянством внизу. Я знаю, — это мне уже приходилось говорить, — что это вызывало некоторые насмешки. В Москве есть целый слой интеллигентски-бюрократический, который пытается создавать «общественное мнение». Он начал потешаться: «Вот так коммунизм вышел! Вроде того, как человек, у которого внизу костыли, а вместо лица сплошная перевязка, и от коммунизма остается загадочная картинка». Этого рода шуточки я достаточно слышал, но шуточки эти либо бюрократические, либо не серьезные! Россия из войны вышла в таком положении, что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избили до

полусмерти: семь лет колотили ее, и тут, дай бог, с костылями двигаться! Вот мы в каком положении! Тут думать, что мы можем вылезти без костылей, — значит ничего не понимать! Пока революции нет в других странах, мы должны были бы вылезать десятилетиями, и тут не жалко сотнями миллионов, а то и миллиардами поступиться из наших необъятных богатств, из наших богатых источников сырья, лишь бы получить помощь крупного передового капитализма. Мы потом с лихвой себе вернем. Удержать же пролетарскую власть в стране, неслыханно разоренной, с гигантским преобладанием крестьянства, так же разоренного, без помощи капитала, — за которую, конечно, он сдерет сотенные проценты, — нельзя. Это надо понять. И поэтому — либо этот тип экономических отношений, либо ничего. Кто иначе ставит вопрос, тот не понимает в практической экономике абсолютно ничего и отделяется теми или иными остротами. Надо признать такой факт, как переутомление и изнеможение масс. Семь лет войны, как они должны были сказаться у нас, если четыре года войны в передовых странах до сих пор дают себя чувствовать там?!

А у нас, в нашей отсталой стране, после семилетней войны это прямо состояние изнеможения у рабочих, которые принесли неслыханные жертвы, и у массы крестьян. Это изнеможение, это состояние — близкое к полной невозможности работать. Тут нужна экономическая передышка. Мы рассчитывали золотой фонд употребить на средства производства. Лучше всего делать машины, но, если бы мы и купили их, мы бы этим самым построили наше производство. Но для этого нужно, чтобы был рабочий, был крестьянин, который мог бы работать; но он в большинстве случаев не может работать: он истощен, он переутомлен. Нужно поддержать его, нужно золотой фонд бросить на предметы потребления, вопреки нашей прежней программе. Прежняя наша программа была теоретически правильна, но практически несостоятельна. Я оглашу справку, которую я имею от тов. Лежавы. Из нее мы видим, что несколько сот тысяч пудов разнообразных предметов продовольствия уже куплены и в самом спешном порядке идут из Литвы, Финляндии и из Латвии. Сегодня получено известие, что в Лондоне подписана сделка на уголь в количестве $18\frac{1}{2}$ миллионов пудов,

который мы постановили купить, чтобы оживить промышленность Петрограда и текстильную. Если мы получим товары для крестьянина, это есть, конечно, нарушение программы, это есть неправильность, но нужно дать передышку, потому что народ переутомлен так, что иначе он не в состоянии работать.

Должен сказать еще относительно индивидуального товарообмена. Если мы говорим о свободе оборота, то это означает индивидуальный товарообмен, т. е. значит поощрять кулаков. Как же быть? Не надо закрывать глаза на то, что замена разверстки налогом означает, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше, чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастать не могло. Но не запретительными мерами нужно с этим бороться, а государственным объединением и государственными мерами сверху. Если ты можешь дать крестьянству машины, этим ты поднимешь его, и когда ты дашь машины или электрификацию, тогда десятки или сотни тысяч мелких кулаков будут убиты. Пока не можешь дать этого, дай известное количество товару. Если товары в твоих руках — ты держишь власть, но приостановить, зарезать, отместить такую возможность — это значит отнять всякую возможность оборота, это значит не удовлетворить среднее крестьянство, с ним нельзя будет сжиться. Крестьянство в России стало больше средним, и бояться, что обмен станет индивидуальным — нечего. Всякий что-нибудь сможет дать государству в обмен. Один сможет дать излишки хлеба, другой даст в обмен огородные продукты, третий — трудовую повинность. В основном положение такое: мы должны экономически удовлетворить среднее крестьянство и пойти на свободу оборота, иначе сохранить власть пролетариата в России, при замедлении международной революции, нельзя, экономически нельзя. Это надо ясно сознать и несколько не бояться об этом говорить. В проекте постановления о замене разверстки натуральным налогом (текст вам роздан) вы увидите много несогласованности, есть противоречия, поэтому мы и написали в конце: «съезд, одобряя в основном (слово очень многоречивое и многозначашее) внесенные ЦК положения о замене разверстки натуральным налогом, поручает ЦК партии в скорейшем порядке согласовать эти положения». Мы знаем, что они не были согласованы, мы

не могли успеть этого сделать, мы не касались этой детальной работы. Детально разработает формы проведения налога в жизнь и проведет соответствующий закон ВЦИК и Совет Народных Комиссаров. Порядок был намечен такой: если вы этот проект примете сегодня, то это будет постановлено в первой же сессии ВЦИК, которая тоже издаст не закон, а только видоизмененное положение, затем Совнарком и Совет Труда и Оборона превратят его в закон, а что еще более важно, дадут практические инструкции. Важно, чтобы на местах поняли значение этого и пошли нам навстречу.

Почему нам нужно было заменить разверстку налогом? Разверстка предполагала: изъять все излишки, установить обязательную государственную монополию. Мы не могли поступить иначе, мы были в состоянии крайней нужды. Теоретически не обязательно принимать, что государственная монополия есть наилучшее с точки зрения социализма. Как переходную меру в стране крестьянской, которая имеет промышленность, — а промышленность работает, — и если есть некоторое количество товаров, возможно применить систему налога и свободного оборота.

Этот самый оборот — стимул, побудитель, толчок для крестьянина. Хозяин может и должен стараться за свой собственный интерес, потому что с него не возьмут всех излишков, а только налог, который, по возможности, нужно будет определить заранее. Основное — чтобы был стимул, побудитель, толчок мелкому земледельцу в его хозяйствовании. Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которую мы за три года не могли переделать и еще за десять лет не переделаем.

Перед государством стояла определенная продовольственная обязанность. Поэтому наша разверстка в прошлом году была увеличена. Налог должен быть меньше. Цифры точно не определены, да их и определить нельзя. В брошюре Попова «Хлебная продукция Советской и федерируемых с нею республик» приведены материалы нашего Центрального статистического управления, дающие точные цифры и показывающие, по каким причинам понизилось сельскохозяйственное производство.

Если будет неурожай, брать излишки нельзя, потому что излишков не будет. Их пришлось бы взять из рта

крестьян. Если будет урожай, тогда все поголодают немножко, и государство будет спасено, — либо, если не сумеем взять у людей, которые не в состоянии наесться досыта, государство погибнет. Такова задача нашей пропаганды среди крестьян. Если сносный урожай — излишков до полумиллиарда. Они покрывают потребление и дают известный фонд. Все дело в том, чтобы дать крестьянам стимул, побудитель с точки зрения экономики. Нужно сказать мелкому хозяину: «Ты, хозяин, производи продукты, а государство берет минимальный налог».

Мое время истекает, я должен кончить. Я повторяю: мы не можем сейчас издать закон. Недостаток нашей резолюции тот, что она не слишком законодательна, — на съезде партии законов не пишут. Поэтому мы предлагаем принять резолюцию ЦК за основу и поручить ему согласовать ее положения. Мы текст этой резолюции печатаем, и работники на местах постараются согласовать и исправить ее. Согласовать до конца нельзя, это — неразрешимая задача, потому что жизнь слишком пестра. Искать переходные меры — задача очень трудная. Не удалось быстро и прямолинейно это сделать — мы духом не упадем, мы свое возьмем. Сколько-нибудь сознательный крестьянин не может не понять, что мы, как правительство, представляем рабочий класс и тех трудящихся, с которыми могут согласиться трудящиеся крестьяне (а их девять десятых), что всякий поворот назад означает возвращение к старому царскому правительству. Это показывает кронштадтский опыт. Там не хотят белогвардейцев, не хотят нашей власти, — а другой власти нет, — и находятся в таком положении, которое является лучшей агитацией за нас и против всякого нового правительства.

Мы имеем сейчас возможность согласиться с крестьянами, и это можно провести практически, умело, со сметкой, гибкостью. Мы знаем аппарат Компрода, мы знаем, что это один из лучших наших аппаратов. Сравнивая его с другими, мы видим, что это — лучший аппарат, и он должен быть сохранен, но аппарат должен быть подчинен политике. Ни к чему нам великолепнейший компродовский аппарат, если мы не сумеем наладить отношения с крестьянами. Тогда этот великолепнейший аппарат будет служить не нашему классу, а Деникину и Колчаку. Раз политика требует решительной перемены, гибкости, умелого пере-

хода, — руководители должны это понять. Твердый аппарат должен быть годен для всяких маневров. Если же твердость аппарата превращается в закостенелость, мешает поворотам, тогда борьба неизбежна. Поэтому нужно все силы употребить на то, чтобы безусловно добиться своего, добиться полного подчинения аппарата политике. Политика есть отношение между классами — это решает судьбу республики. Аппарат, как подсобное средство, чем тверже, тем он лучше и пригоднее для маневров. А если он не в состоянии этого выполнить, он ни на что не годен.

Я приглашаю вас иметь в виду основное: что разработка в деталях и толкованиях, это — работа нескольких месяцев. А сейчас нам надо иметь в виду основное: нам нужно, чтобы о принятом вечером же было оповещено по радио во все концы мира, что съезд правительственной партии в основном заменяет разверстку налогом, давая этим целый ряд стимулов мелкому земледельцу расширять хозяйство, увеличивать засев, что съезд, вступая на этот путь, исправляет систему отношений между пролетариатом и крестьянством и выражает уверенность, что этим путем будет достигнуто прочное отношение между пролетариатом и крестьянством. (Бурные аплодисменты.)

7

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ
О ЗАМЕНЕ РАЗВЕРСТКИ НАТУРАЛЬНЫМ НАЛОГОМ
15 МАРТА

Товарищи, я хотел бы с самого начала сказать несколько слов по вопросу о кооперации. Доклад тов. Цюрупы, — как он сам заявил, и как мы все слышали здесь, — не был содокладом в смысле противопоставления докладчику принципиально иной точки зрения. Решение ЦК о замене разверстки налогом было настолько единодушно, а, главное, мы сразу видели еще до открытия работ съезда, что на местах различные товарищи независимо от этого, на основании указаний практического опыта, пришли к тем же выводам, — что сомневаться в целесообразности и необходимости такой меры по существу нет возможности. И доклад тов. Цюруцы сводился к дополнениям и предостережениям по ряду вопросов, но не заключал в себе предложения иной политики.

Отступлением от этой общей линии в докладе тов. Цюрупы был лишь вопрос о кооперации. Здесь тов. Цюрупа возражал против предлагаемой мной резолюции, но мне кажется, что его возражения нельзя признать убедительными. Каким образом будут развиваться отношения местного свободного хозяйственного оборота в смысле его фонда, — через кооперацию или путем воссоздания мелкой частной торговли, — мы едва ли можем сейчас окончательно установить. Этот вопрос рассмотреть надо, — это несомненно, — и в этом отношении нам предстоит внимательно присмотреться к местному опыту; с этим, конечно, мы все согласимся. Я думаю, однако, что известное преимущество кооперации остается. Если она политически, как я уже указывал, служит местом организации, централизации, объединения элементов, политически враждеб-

ных нам, проводящих по сути дела колчаковскую и денкинскую политику, — то, конечно, кооперация по сравнению с мелкими хозяйствами, с мелкой торговлей изменяет только форму дела. Разумеется, что всякое выделение кулачества и развитие мелкобуржуазных отношений порождают соответствующие политические партии, которые в России слагались десятилетиями и которые нам хорошо известны. Здесь надо выбирать не между тем, давать или не давать ход этим партиям, — они неизбежно порождаются мелкобуржуазными экономическими отношениями, — а нам надо выбирать, и то лишь в известной степени, только лишь между формами концентрации, объединения действий этих партий. Никак нельзя доказать, чтобы кооперация в этом отношении была хуже. Напротив, средств систематического воздействия и контроля по отношению к кооперации будет у коммунистов все-таки несколько больше.

Резолюция IX съезда о кооперации встретила здесь решительную защиту тов. Цюрупы и решительное возражение т. Милютина.

Тов. Цюруна говорил, между прочим, что я сам был свидетелем той борьбы, которая шла по вопросу о кооперации до разрешения его съездом. Факт этот я должен подтвердить. Действительно, борьба была, и резолюция IX съезда ей положила конец в направлении обеспечения большего перевеса, или, вернее сказать, полнейшего перевеса за ведомством продовольствия. Но отказываться теперь от большей свободы действий и свободы выбора политических мер в отношении кооперации из-за этого соображения было бы уже, несомненно, политически неправильно. Мне, конечно, гораздо неприятнее, с точки зрения, скажем, председателя Совнаркома, быть обреченным наблюдать на десятке заседаний мелкую борьбу и даже склоку, чем иметь за собой в основе обязательную для всех резолюцию съезда, которая кладет конец этой борьбе. Но надо считаться не с такого рода удобствами, а с интересами проведения определенной экономической политики. Вы все видели здесь, и большое количество записок, которые я получил, — гора записок, — подтвердило это еще более наглядно, что в этом конкретном вопросе детальных трудностей при проведении этого изменения нашей политики возникает масса. В этом суть дела. И нет

никакого сомнения, что мы сразу разрешить их не сможем. Если оставим резолюцию IX съезда о кооперации, то мы свяжем себе руки. Мы поставим себя в такое положение, что, будучи целиком подотчетны съезду и обязаны проводить его политику, мы отступать от буквы этой резолюции не сможем. Резолюция постоянно напоминает про разверстку, а вы заменяете ее налогом.

В какой мере оставим мы свободу хозяйственного оборота, мы не знаем.

Что мы должны оставить до некоторой степени свободу хозяйственного оборота, это несомненно. Экономические условия этого надо учесть и проверить. Поэтому, конечно, отмена резолюции IX съезда снова приводит нас в такое положение, что вопрос, как бы закрытый до известной степени, превращается в открытый. Но это совершенно неизбежно. Обойти это значит испортить в основе намеченные нами отношения экономической политики, несомненно, более приемлемые для крестьян.

Что замена разверстки налогом есть экономическая политика, более приемлемая для крестьян, на этот счет, повидимому, нет двух мнений на данном съезде, и нет вообще двух мнений среди коммунистов. Об этом же целый ряд заявлений мы имеем и от беспартийного крестьянства. Это совершенно установлено. Ради уже одного этого нам следует пойти на такую перемену. Поэтому я резолюцию по кооперации еще раз оглашаю: «Ввиду того, что резолюция IX съезда РКП об отношении к кооперации вся построена на признании принципа разверстки, которая теперь заменяется натуральным налогом, X съезд РКП постановляет:

Указанную резолюцию отменить.

Съезд поручает Центральному Комитету выработать и провести в партийном и советском порядке постановления, которые бы улучшали и развивали строение и деятельность кооперативов в согласии с программой РКП и применительно к замене разверстки натуральным налогом».

Я буду предлагать съезду от имени ЦК принять первую резолюцию — предварительный проект о замене разверстки налогом, — одобрить ее в основном и поручить ЦК партии согласовать, разработать и внести во ВЦИК, а также и вторую резолюцию — о кооперации.

Теперь я перехожу к замечаниям, которые здесь были сделаны. Надо сказать, что вопросов по запискам, которые мною были получены, такая масса, записки представляют такую гору, что я не только не могу перечислить те вопросы, которые они затрагивают, но вынужден совершенно отказаться от задачи сгруппировать их все полностью так, чтобы можно было по поводу их сейчас продолжать еще беседу. Я вынужден, к сожалению, отказаться от этого, и записки сохраняю, как материал для дальнейшего обсуждения вопроса.

Их, может быть, удастся более детально использовать для печати или, по крайней мере, собрать и сгруппировать так, чтобы дать сводку, детальную и в самом деле полную, всем тем товарищам-экономистам, администраторам и политическим руководителям, которые должны будут ближайшим образом заняться делом подготовки закона о замене разверстки налогом. Я могу выделить сейчас же только два основных русла и сказать несколько слов о двух основных возражениях или замечаниях, о двух основных типах или группах вопросов, которые в этих записках подняты.

Первое — это указание на технику: целый ряд многочисленных и детальных указаний на то, как трудно будет и как много нерешенных вопросов возникает при конкретном проведении этих мероприятий в жизнь. Я уже в первом своем докладе оговорился, что такого рода указания совершенно неизбежны и что сейчас узнать сразу, как именно к решению этих трудностей мы приступим, нет никакой возможности.

Второе — общее — указание сводится уже к основам экономической политики. И то, о чем здесь многие, и даже большинство, из высказавшихся ораторов говорили в своих речах, и на что указывается в поданных записках, это — неизбежное усиление мелкой буржуазии, буржуазии и капитализма. «Вы таким образом открываете настежь, — писали некоторые в своих записках, — двери для развития буржуазии, мелкой промышленности и для развития капиталистических отношений». По этому поводу я должен сказать, товарищи, повторяя в известной степени то, что говорил в первом своем докладе: нет никакого сомнения, что переход от капитализма к социализму мыслим в различных формах, в зависимости от того, имеем ли мы в стране

уже преобладание крупных капиталистических отношений или в ней преобладает мелкое хозяйство. И с этой стороны я должен заметить, что критиковали некоторые выводы из моей речи, критиковали соотношение государственного капитализма с мелким свободным оборотом, но не критиковал никто из ораторов, и мне не подали ни одной записки (я все же прочел большинство их, а их было несколько десятков): я не видел ни одной записки, в которой критиковали бы указанные положения. Если бы мы имели государство, в котором преобладает крупная промышленность, или же, скажем даже, не преобладает, но очень сильно развита, и очень развито крупное производство в земледелии, тогда прямой переход к коммунизму возможен. Без этого переход к коммунизму невозможен экономически. Тов. Милютин говорил здесь о том, что у нас была стройная система, и что наше законодательство представляет из себя, как он выразился, до известной степени стройную систему подобного перехода, которая, однако, не учитывала необходимости ряда уступок мелкой буржуазии. Говоря это, тов. Милютин сделал не тот вывод, который я делаю. Та стройная система, которая создавалась, она диктовалась потребностями, соображениями и условиями военными, а не экономическими. В тех условиях неслыханного разорения, в которых мы находились, когда мы вынуждены были после большой войны вынести ряд гражданских войн, другого выхода не было. Пожалуй, при применении определенной политики ошибки были, был целый ряд преувеличений, — это совершенно определенно надо сказать. Но в тех условиях войны, в которые мы были поставлены, в основе эта политика была правильна. Мы не имели никакой другой возможности, кроме максимального применения немедленной монополии вплоть до взятия всех излишков, хотя бы без всякой компенсации. И иначе к этой задаче мы приступить не могли. Это не означало стройной экономической системы. Это была мера, вызванная условиями не экономическими, а предписанная нам в значительной степени условиями военными. Что же касается соображений экономических, то здесь основное соображение сейчас, — это увеличить количество продуктов. Мы находимся в условиях такого обнищания, разорения, переутомления и истощения главных производительных сил, крестьян и рабочих, что

этому основному соображению — во что бы то ни стало увеличить количество продуктов — приходится на время подчинить все.

Меня спрашивают: в каком отношении стоит замена разверстки налогом с той посевной кампанией, которая ведется сейчас, и товарищи в своих записках стараются вскрыть здесь ряд противоречий. Я думаю, что в основном здесь имеется экономическая согласованность, а не противоречие. Посевная кампания рассчитана на ряд мер, которые максимально использовали бы все экономические возможности, чтобы увеличить количество засева. Для этого нужно перераспределить семена, сохранить их, перевезти. Но мы, имея даже такой скудный запас семенного фонда, не можем его перевезти; сплошь и рядом приходится прибегать к целому ряду мер взаимопомощи, чтобы при поразительном недостатке инвентаря уменьшить недосев, чтобы его устранить. Об этом для целого ряда губерний не приходится думать. Если беспартийный крестьянин, в очень многих случаях сам уже выставивший требование замены разверстки налогом, получая в этом стимул развития своего хозяйства на данной экономической основе, если он до весенней кампании имеет заявление со стороны государственной власти, что эта мера решена и будет проводиться, — идет ли это в разрез с общей политикой посевной кампании? Нет, не идет, а это есть мера, которая вносит элемент поощрения. Я знаю, будут говорить, что это очень небольшой элемент поощрения. Вопрос не так стоит. Если бы мы могли немедленно показать крестьянам десятки пароходов, которые идут из Англии с товарами в обмен на то, что будет собрано ими в предстоящий урожай, — конечно, это было бы гораздо реальнее. Но смешно было бы пытаться обмануть таким образом людей, практически знающих условия нашей торговли. Что пароходы с углем, с небольшим количеством продовольствия выходят из Англии, это мы знаем, имеем сведения об этом от тов. Красина; знаем, что до заключения торгового договора, который еще не подписан, идет торговля полулегально с отдельными торговцами, которым буржуазное правительство, конечно, запретить этого не может. Пробивать брешь в том кольце экономической блокады, которым мы окружены, — дело трудное, и обещать что бы то ни было широкое мы, конечно, не можем. Во всяком случае, то, что может быть

сделано, мы делаем, изменение импортного плана в этом отношении мы производим.

С точки зрения мелкого хозяина, мелкого земледельца, налог, который будет определен в сумме меньшей, чем разверстка, который будет определен с большей точностью и который даст ему возможность больше засеивать, даст ему возможность быть уверенным, что излишки пойдут на улучшение хозяйства, — это есть линия максимальной поддержки старательного хозяина, что было выдвинуто и в посевной кампании. Все возражения в конце концов сводятся к такому вопросу: выиграет ли больше мелкая буржуазия, экономически враждебная коммунизму, или выиграет больше крупная промышленность, которая представляет из себя основу перехода к социализму и которая с точки зрения состояния производительных сил, т. е. по основному критерию всего общественного развития, представляет основу социалистической хозяйственной организации, объединяя передовых промышленных рабочих, объединяя класс, осуществляющий диктатуру пролетариата.

Здесь некоторые пытались сказать, или экономически вывести, что, несомненно, больше выиграет мелкая буржуазия, кустарное товарное производство, и особенно пытались обосновать это с точки зрения того, что именно крупная промышленность, благодаря концессиям, будет не социалистическая. Я думаю, что в этих рассуждениях есть основная экономическая неправильность. Если бы даже было совершенно точно доказано, что гораздо больше выиграет пропорционально, даже, допустим, абсолютно, мелкая промышленность, это нисколько не опровергает ни теоретически, ни практически правильности предпринимаемых нами шагов. Вывод таков, что иной опоры для укрепления экономически всего нашего дела по строительству социализма быть не может. Допустим сейчас, чисто примерно, — я беру это наглядно для пояснения, — что мелкая промышленность выражается величиной 100 (будет ли это 100 миллионов трудовых единиц или 100 единиц каких-либо других, — это все равно), а крупная — цифрой 200. Примерно допустим, что мелкая вырастает на основе капиталистической на величину 175, а крупная останется только 200. Предположим застой крупной и громадное развитие мелкой. Я думаю, даже это, худшее предположение, которое я делал, и оно означало бы для

нас несомненную выгоду, потому что сейчас, как показал текущий год, как показали наши условия топливные и транспортные, как показывает распределение продовольствия, о котором очень кстати напомнил тов. Милютин, — мы едва выдерживаем.

Здесь говорили и записками спрашивали: «Как вы удержите рабочее государство при развитии капитализма в деревне?». Это явление, которое нам угрожает, — развитие мелкого производства и мелкой буржуазии в деревнях, — это явление представляет самую большую угрозу.

Перейдем к концессиям. Концессии — это блок с капитализмом передовых стран. Надо природу концессий представлять себе ясно. Это экономический союз, блок, договор с передовым финансовым капиталом, в передовых странах, договор, который даст нам небольшое увеличение продуктов, но и увеличение продуктов контрагентов. Если мы дадим руду или лес концессионеру, он возьмет громадную долю этого продукта и нам даст небольшое доленое отчисление. Но для нас так важно увеличить количество продуктов, что и небольшое отчисление есть громадный плюс для нас. Небольшое улучшение положения городских рабочих, которое при помощи концессий будет обеспечено по договору и которое заграничному капиталу не представляет ни малейшей трудности, даже оно есть плюс, есть укрепление нашей крупной промышленности. И это, благодаря экономическому влиянию, послужит для улучшения положения пролетариата, для улучшения положения того класса, который держит в своих руках государственную власть.

И бояться того, что поднимется мелкое земледелие и мелкая промышленность в размерах, которые могли бы оказаться опасными для нашей крупной промышленности, неосновательно. Для того, чтобы промышленность поднялась, нужно для этого проявление некоторых признаков.

Если у нас будет неурожай (я вам уже указывал на брошюру Попова), если мы будем иметь неурожай и такие же скудные средства, как и в прошлом году, то ни о каком уменьшении кризиса и о развитии мелкой промышленности не может быть и речи: восстановление капиталистических отношений возможно лишь при условии получения избытков сельскохозяйственной промышленности. Последнее возможно, и это очень важно, поскольку это

нам даст существенный плюс. Вопрос о том, выиграет ли больше мелкое или крупное производство, есть вопрос о соединении и сочетании того использования нашего фонда и развития рынка, которого мы достигаем соглашением с капитализмом в связи с концессиями, и это даст нам увеличение сельскохозяйственного производства. Кто из нас использует эти средства лучше, от этого зависят и результаты. Я думаю, что если рабочий класс, имея в своих руках важнейшие отрасли крупной промышленности, сосредоточит внимание на наиболее важных из них, то он выиграет больше, чем выиграет мелкая промышленность, хотя бы пропорционально она и вырастала быстрее. У нас положение в текстильной промышленности было таково, что к концу 1920 года замечалось, несомненно, улучшение, но нехватило топлива, а если бы топлива у нас было достаточно, то мы получили бы до 800 миллионов аршин тканей и мы имели бы для обмена на крестьянские продукты материалы собственного производства.

Но с кризисом топлива мы имеем гигантское падение производства. Если теперь и реализуется закупка угля за границей, и мы через неделю или через две получим пароходы с этим грузом, мы все равно уже потеряли несколько недель или даже месяцев.

Всякое улучшение положения крупного производства, возможность пустить некоторые крупные фабрики — настолько упрочивает положение пролетариата, что бояться стихии мелкой буржуазии, даже возрастающей, нечего. Не того надо бояться, что мелкая буржуазия и мелкий капитал вырастет. Надо бояться того, что слишком долго продолжается состояние крайнего голода, нужды, недостатка продуктов, из которого вытекает уже полное обесценивание пролетариата, невозможность для него противостоять стихии мелкобуржуазных колебаний и отчаяния. Это страшнее. При увеличении количества продуктов никакое развитие мелкой буржуазии не будет большим минусом, поскольку это дает развитие крупной промышленности, и мы должны поощрять мелкое сельское хозяйство. Все, что мы можем сделать для его поощрения, мы обязаны сделать. Налог — одна из скромных мер в этом отношении, но мер несомненных, которая это поощрение даст и которую принять безусловно следует. (А п л о д и с м е н т ы.)

Первоначальный проект
 Резолюции ЦК РКП о единстве партии.

1

1. Среди фракций вставание как членов партии так и
 это единство и сплоченности ее рядов, обусловлена только
 добрым миром в массах партии и работами Вейсфельда
 Дундур, Вейсфельда Волонтерский отныне были абсо-
 лутно пролетарские, вливаясь, особенно неострашными
 в киевский момент, когда ряд оторванных устала
 колесится в среде шайки Вейсфельда Вейсфельда
 итд. итд.

2. Между тем еще до объединения фракций
 о профессора в партии обнаружены некоторые при-
 знаки фракционности т.е. вразумительная борьба с
 всякой иждивенностью и с отщепенцами до своей же партии
 фракционности и создаю свои фракции дисциплины. На-
 хвалю предвзвеса фракционности так как то когда
 капризы, на один из парижских фракций Москва (век-
 торе 1921 г.) и Вильяма, как со стороны группы т.ч. и
 общей выходящий, для фракции и со стороны группы т.ч.
 административного Вильяма.

Несмотря на то, что все фракционные работы были со

Первая страница рукописи В. И. Ленина
 «Первоначальный проект резолюция X съезда РКП
 о единстве партии». — Март 1921 г.

Уменьшено

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ X СЪЕЗДА РКП
О ЕДИНСТВЕ ПАРТИИ⁵³

1. Съезд обращает внимание всех членов партии на то, что единство и сплоченность ее рядов, обеспечение полного доверия между членами партии и работы действительно дружной, действительно воплощающей единство воли авангарда пролетариата, является особенно необходимым в настоящий момент, когда ряд обстоятельств усиливает колебания в среде мелкобуржуазного населения страны.

2. Между тем еще до общепартийной дискуссии о профсоюзах в партии обнаружались некоторые признаки фракционности, т. е. возникновения групп с особой платформой и с стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину. Таковые признаки фракционности имелись налицо, например, на одной из партконференций Москвы (в ноябре 1920 г.) и Харькова, как со стороны группы т. наз. «Рабочей Оппозиции», так отчасти и со стороны группы т. наз. «Демократического Централизма».

Необходимо, чтобы все сознательные рабочие ясно сознали вред и недопустимость какой бы то ни было фракционности, которая даже при всем желании представителей отдельных групп охранить партийное единство неминуемо ведет на деле к ослаблению дружной работы и к усиленным повторным попыткам примазывающихся к правительственной партии врагов ее углублять разделение и использовать его в целях контрреволюции.

Использование врагами пролетариата всяких уклонов от строго выдержанной коммунистической линии едва ли не с наибольшей наглядностью показало себя на примере

кронштадтского мятежа, когда буржуазная контрреволюция и белогвардейцы во всех странах мира сразу выжили свою готовность принять лозунги даже советского строя, лишь бы свергнуть диктатуру пролетариата в России, когда эсеры и вообще буржуазная контрреволюция использовала в Кронштадте лозунги восстания якобы во имя Советской власти против Советского правительства России. Такие факты доказывают вполне, что белогвардейцы стремятся и умеют перекараситься в коммунистов и даже наиболее левых коммунистов, лишь бы ослабить и свергнуть оплот пролетарской революции в России. Меншевицкие листки в Петрограде накануне кронштадтского мятежа показывают, равным образом, как меньшевики использовали разногласия и некоторые начатки фракционности внутри РКП, чтобы фактически подталкивать и поддерживать кронштадтских мятежников, эсеров и белогвардейцев, выставляя себя на словах противниками мятежей и сторонниками Советской власти лишь с небольшими будто бы поправками.

3. Пропаганда по данному вопросу должна состоять, с одной стороны, в обстоятельном объяснении вреда и опасности фракционности с точки зрения единства партии и осуществления единства воли авангарда пролетариата, как основного условия успеха диктатуры пролетариата, с другой стороны, в объяснении своеобразия новейших тактических приемов врагов Советской власти. Эти враги, убедившись в безнадежности контрреволюции под открыто белогвардейским флагом, напрягают теперь все усилия, чтобы уцепиться за разногласия внутри РКП и двинуть контрреволюцию так или иначе путем передачи власти политическому оттенку, наиболее близкому по внешности к признанию Советской власти.

Пропаганда должна выяснять также опыт предшествующих революций, когда контрреволюция поддерживала наиболее близкую к крайней революционной партии оппозицию ей, чтобы поколебать и свергнуть революционную диктатуру, открывая тем дорогу для дальнейшей полной победы контрреволюции, капиталистов и помещиков.

4. В практической борьбе с фракционностью необходимо, чтобы каждая организация партии строжайше следила за недопущением никаких фракционных выступлений. Безу-

словно необходимая критика недостатков партии должна быть поставлена так, чтобы всякое практическое предложение в возможно более отчетливой форме направлялось немедленно, без всякой волокиты, на обсуждение и решение руководящих, местных и центрального, органов партии. Всякий выступающий с критикой должен кроме того по форме критики учитывать положение партии среди окружающих ее врагов, а по содержанию критики должен своим непосредственным участием в советской и партийной работе испытывать на практике исправление ошибок партии или отдельных ее членов. Всякий анализ общей линии партии или учет ее практического опыта, проверка исполнения ее решений, изучение методов исправления ошибок и т. п. должны быть направляемы ни в коем случае не на предварительное обсуждение групп, складывающихся на какой-либо «платформе» и т. п., а исключительно должны быть направляемы непосредственно на обсуждение всех членов партии. Для этого съезд предписывает издавать регулярнее «Дискуссионный Листок»⁵⁴ и особые сборники, добываясь неустанно того, чтобы критика велась по существу дела, отнюдь не принимая форм, способных помочь классовым врагам пролетариата.

5. Отвергая принципиально тот уклон в сторону синдикализма и анархизма, разбору которого посвящена особая резолюция, и поручая Центральному Комитету провести полное уничтожение всякой фракционности, съезд заявляет в то же время, что по вопросам, привлекавшим особое внимание, напр., группы так называемой «рабочей оппозиции», об очистке партии от непролетарских и ненадежных элементов, о борьбе с бюрократизмом, о развитии демократизма и самостоятельности рабочих и т. п., какие бы то ни было деловые предложения должны быть рассматриваемы с величайшим вниманием и испытываемы на практической работе. Партия должна знать, что по этим вопросам мы не осуществляем всех необходимых мер, встречая целый ряд разнообразных препятствий, и что, отвергая беспощадно неделовую и фракционную якобы критику, партия неустанно будет продолжать, испытывая новые приемы, бороться всякими средствами против бюрократизма, за расширение демократизма, самостоятельности, за раскрытие, разоблачение и изгнание примазавшихся к партии и т. д.

6. Съезд объявляет поэтому распущенными и предписывает немедленно распустить все без изъятия образовавшиеся на той или иной платформе группы (как-то: группу «рабочей оппозиции», «демократического централизма» и т. д.). Неисполнение этого постановления съезда должно влечь за собой безусловно и немедленно исключение из партии.

7. Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и во всей советской работе и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, съезд дает Центральному Комитету полномочие применять в случаях нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии. Условием применения к членам ЦК, кандидатам в ЦК и членам Контрольной комиссии такой крайней меры должен быть созыв пленума ЦК с приглашением всех кандидатов в ЦК и всех членов Контрольной комиссии. Если такое общее собрание наиболее ответственных руководителей партии двумя третями голосов признает необходимым перевод члена ЦК в кандидаты или исключение из партии, то такая мера должна быть осуществляема немедленно.

Печатается по рукописи

9

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ X СЪЕЗДА РКП
О СИНДИКАЛИСТСКОМ И АНАРХИСТСКОМ УКЛОНЕ
В НАШЕЙ ПАРТИИ

1. За последние месяцы в рядах партии явно обнаружился синдикалистский и анархистский уклон, который требует самых решительных мер идейной борьбы, а также очистки и оздоровления партии.

2. Указанный уклон вызван отчасти вступлением в ряды партии бывших меньшевиков, а равно не вполне еще усвоивших коммунистическое мировоззрение рабочих и крестьян, главным же образом уклон этот вызван воздействием на пролетариат и на РКП мелкобуржуазной стихии, которая исключительно сильна в нашей стране и которая неизбежно порождает колебания в сторону анархизма, особенно в моменты, когда положение масс резко ухудшилось вследствие неурожая и крайне разорительных последствий войны и когда демобилизация миллионной армии выбрасывает сотни и сотни тысяч крестьян и рабочих, не могущих сразу найти правильных источников средств к жизни.

3. Наиболее законченным теоретически и наиболее оформленным выражением этого уклона (*вариант*: одним из наиболее законченных и т. д. выражений этого уклона) являются тезисы и другие литературные произведения группы так называемой «рабочей оппозиции». Достаточно показательным является, например, следующий ее тезис: «Организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей, объединяемых в профессиональные производственные союзы, которые избирают центральный орган, управляющий всем народным хозяйством республики».

Идеи, легшие в основу этого и многочисленных подобных заявлений, в корне неправильны теоретически, будучи полным разрывом с марксизмом и коммунизмом, а равно с итогами практического опыта всех полупролетарских и настоящей пролетарской революции.

Во-1-х, понятие «производитель» объединяет пролетария с полупролетарием и с мелким товаропроизводителем, отступая, таким образом, коренным образом от основного понятия классовой борьбы и от основного требования точно различать классы.

Во-2-х, ставка на беспартийные массы или заигрывание с ними, которое выражено в приведенном тезисе, является не менее коренным отступлением от марксизма.

Марксизм учит — и это учение не только формально подтверждено всем Коммунистическим Интернационалом в решении II (1920 года) конгресса Коминтерна о роли политической партии пролетариата, но и практически подтверждено нашей революцией, — что только политическая партия рабочего класса, т. е. коммунистическая партия, в состоянии объединить, воспитать, организовать такой авангард пролетариата и всей трудящейся массы, который один в состоянии противостоять неизбежным мелкобуржуазным колебаниям этой массы, неизбежным традициям и рецидивам профессионалистской узости или профессионалистских предрассудков среди пролетариата и руководить всей объединенной деятельностью всего пролетариата, т. е. руководить им политически, а через него руководить всеми трудящимися массами. Без этого диктатура пролетариата неосуществима.

Неправильное понимание роли коммунистической партии в ее отношении к беспартийному пролетариату и затем в отношении первого и второго фактора ко всей массе трудящихся является коренным теоретическим отступлением от коммунизма и уклоном в сторону синдикализма и анархизма, каковой уклон пронитывает все воззрения группы «рабочей оппозиции».

4. X съезд РКП заявляет, что он считает также в корне неправильными все попытки указанной группы и других лиц защитить свои ошибочные взгляды ссылками на § 5-ый экономической части программы РКП, посвященный роли профсоюзов. Этот параграф говорит, что «профсоюзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих

руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым», и что они «обеспечивают таким образом неразрывную связь между центральным государственным управлением, народным хозяйством и широкими массами трудящихся», «вовлекая» эти массы «в непосредственную работу по ведению хозяйства».

Предварительным условием такого положения, к которому «должны придти» профсоюзы, программа РКП в том же самом параграфе объявляет процесс «все большего освобождения профсоюзов от цеховой узости» и охватывания ими большинства, «а постепенно и всех поголовно» трудящихся.

Наконец, в том же самом параграфе программа РКП подчеркивает, что профсоюзы являются «уже, согласно законов РСФСР и установившейся практики, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью».

Вместо учета именно этого практического опыта участия в управлении, вместо дальнейшего развития этого опыта в строгом соответствии с достигнутыми успехами и исправленными ошибками, синдикалисты и анархисты ставят непосредственный лозунг «съездов или съезда производителей», «избирающих» органы управления хозяйством. Руководящая, воспитательная, организующая роль партии по отношению к профсоюзам пролетариата, а этого последнего по отношению к полумещанским и прямо мелкобуржуазным массам трудящихся обходится и устраняется, таким образом, совершенно, и вместо продолжения и исправления начатой уже Советской властью практической работы строительства новых форм хозяйства получается мелкобуржуазно-анархистское разрушение этой работы, способное повести лишь к торжеству буржуазной контрреволюции.

5. Кроме теоретической неверности и в корне неправильного отношения к практическому опыту начатого Советской властью хозяйственного строительства, съезд РКП видит во взглядах указанной группы и аналогичных групп и лиц громадную политическую неправильность и непосредственную политическую опасность для самого существования диктатуры пролетариата.

В такой стране, как Россия, громадное преобладание мелкобуржуазной стихии и неизбежные, в результате

пойны, разорения, обнищания, эпидемии и неурожай, крайние обострения нужды и народных бедствий порождают особенно резкие проявления колебаний в настроениях мелкобуржуазной и полупролетарской массы. Эти колебания идут то в сторону укрепления союза этих масс с пролетариатом, то в сторону буржуазной реставрации, и весь опыт всех революций XVIII, XIX и XX веков показывает с безусловнейшей ясностью и убедительностью, что ничего иного кроме реставрации (восстановления) власти и собственности капиталистов и помещиков от этих колебаний — при условии малейшего ослабления единства, силы, влияния революционного авангарда пролетариата — получиться не может.

Поэтому взгляды «рабочей оппозиции» и подобных ей элементов не только теоретически неверны, но и практически служат выражением мелкобуржуазных и анархических шаталий, практически ослабляют выдержавшую руководящую линию коммунистической партии, практически помогают классовым врагам пролетарской революции.

6. На основании всего этого съезд РКП, решительно отвергая указанные идеи, в которых выражается синдикалистский и анархистский уклон, признает необходимой во-1-х, неуклонную и систематическую идейную борьбу с этими идеями;

во-2-х, съезд признает пропаганду этих идей несовместимой с принадлежностью к РКП.

Поручая ЦК партии строжайшее проведение в жизнь этих своих решений, съезд указывает вместе с тем, что в специальных изданиях, сборниках и т. п. может и должно быть уделено место для наиболее обстоятельного обмена мнений членов партии по всем указанным вопросам.

Печатается по рукописи

10

ДОКЛАД ОБ ЕДИНСТВЕ ПАРТИИ
И АНАРХО-СИНДИКАЛИСТСКОМ УКЛОНЕ

16 МАРТА 65

Товарищи, мне думается, что много говорить по этому вопросу не будет надобности, так как весь наш съезд по всем вопросам подходил уже к тем темам, о которых теперь надо сказать официально от имени съезда партии, значит, от имени всей партии. Что касается резолюции «об единстве», то она в значительной своей части содержит характеристику политического положения. Вы, конечно, все читали розданный печатный текст этой резолюции. Не подлежит публикации седьмой пункт, вводящий исключительную меру — право исключения из ЦК при условии наличности большинства двух третей общего собрания членов ЦК, кандидатов и членов Центральной контрольной комиссии. На частных совещаниях, где высказывались представители всех оттенков, эта мера обсуждалась неоднократно. Будем надеяться, товарищи, что применять этот пункт не придется, но он необходим при том новом положении, когда мы здесь стоим перед поворотом, довольно крутым, и хотим уничтожить следы обособленности.

Перехожу к резолюции о синдикалистских и анархистских уклонах. Здесь перед нами вопрос, который был затронут пунктом четвертым порядка дня съезда. Гвоздем всей резолюции является определение нашего отношения к некоторым течениям или к уклонам мысли. Говорим «уклонам», мы тем самым подчеркиваем, что еще не видим здесь ничего окончательно оформившегося, ничего безусловного и вполне определенного, а лишь начало такого политического направления, которое не может оставаться без оценки партии. В пункте третьем резолюции о синдикалистском и анархистском уклоне, которую вы все,

вероятно, имеется, имеется, очевидно, опечатка (как видно из замечаний, эта опечатка замечена). Надо читать: «показательным является, напр., следующий ее», т. е. «рабочей оппозиции» — тезис: «Организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей, объединенных в профессиональные производственные союзы, которые избирают центральные органы, управляющие всем народным хозяйством республики». Мы уже неоднократно говорили на съезде об этом пункте как на частных совещаниях, так и на открытых общих заседаниях съезда. Мне кажется, что мы уже выяснили, что защищать этот пункт ссылкой на то, что у Энгельса есть рассуждение об объединении производителей, ни в коем случае нельзя, ибо совершенно очевидно, и точная справка с соответствующим местом устанавливает, что у Энгельса речь идет о коммунистическом обществе, где не будет классов. Это для нас всех бесспорно. Когда в обществе не будет классов, тогда в обществе останутся только производители-работники, не будет рабочих и крестьян. И мы прекрасно знаем из всех произведений Маркса и Энгельса, что они точнейшим образом различают тот период, когда классы еще есть, и когда их уже не будет. Мысли, речи и предположения об исчезновении классов до коммунизма Маркс и Энгельс высмеивали беспощадно и говорили, что только коммунизм есть уничтожение классов⁵⁶.

Мы пришли в такое положение, когда первые поставили практически вопрос об этом уничтожении классов, и в стране крестьянской остались сейчас с двумя основными классами — рабочим классом и крестьянством. Наряду с ними — целые группы остатков и пережитков капитализма.

Наша программа определенно говорит, что мы делаем первые шаги, что мы будем иметь целый ряд переходных ступеней. Но мы самым нагляднейшим образом в практике нашей советской работы и всей истории революции постоянно видали, что давать такие теоретические определения, какие дает в данном случае оппозиция, неправильно. Мы прекрасно знаем, что у нас классы остались и останутся долго, что в стране с преобладающим крестьянским населением они неминуемо останутся долго, много лет. Минимальный срок, в течение которого можно было бы так наладить крупную промышленность, чтобы она соз-

дала фонд для подчинения себе сельского хозяйства, исчисляется в десять лет. Этот срок — минимальный, при неслыханно благоприятных технических условиях. Мы же знаем, что мы находимся в условиях, неслыханно неблагоприятных. План построения России на основах современной крупной промышленности мы имеем, — это план электрификации, разработанный научными силами. Там минимальный срок устанавливается десятилетний, если предполагать в основе условия, сколько-нибудь приближающиеся к нормальным. Но мы прекрасно знаем, что налицо их нет. Значит, десятилетие — срок для нас весьма краткий, — не к чему это и говорить. Мы пошли в сердцевину вопроса: возможно такое положение, что остаются классы, враждебные пролетариату, поэтому практически сейчас мы и не можем создать то, о чем идет речь у Энгельса. Будет диктатура пролетариата. Потом будет бесклассовое общество.

Итак, возможно такое положение, что остаются классы, враждебные пролетариату. Потом будет бесклассовое общество. Маркс и Энгельс беспощадно боролись с людьми, которые забывали о различии классов, говорили о производителях, о народе или о трудящихся вообще. Кто сколько-нибудь знает произведения Маркса и Энгельса, тот не может забыть, что через все эти произведения проходит высмеивание тех, кто говорит о производителях, о народе, о трудящихся вообще. Нет трудящихся вообще, или работающих вообще, а есть либо владеющий средствами производства мелкий хозяйчик, у которого вся психология и все навыки жизни капиталистические, — которые и не могут быть другими, — либо наемный рабочий, с совершенно иной психологией, наемный рабочий в крупной промышленности, стоящий в антагонизме, в противоречии, в борьбе с капиталистами.

Если мы подошли к этому вопросу через три года нашей борьбы, испытав применение политической власти пролетариата, когда мы знаем, какие громадные трудности существуют в соотношениях между классами, когда они еще остались, когда остатки буржуазии наблюдаются еще во всех щелях нашей жизни, внутри советских учреждений, — при таких условиях возникновение у нас платформы с тезисами, мною прочитанными, представляет явный и очевидный уклон синдикалистско-анархический.

Эти слова не чрезмерны, они обдуманы. Уклон не есть еще готовое течение. Уклон это есть то, что можно поправить. Люди несколько сбились с дороги или начинают сбиваться, но поправить еще можно. Это, на мой взгляд, и выражается русским словом «уклон». Это подчеркивание того, что тут еще нет чего-либо окончательного, что дело — легко поправимое, — это желание предостеречь и поставить вопрос во всей полноте и принципиально. Если кто-либо найдет русское слово, более выражающее эту мысль, — пожалуйте. Я надеюсь, что мы из-за слов спорить не станем, а по сути дела мы разбираем этот тезис, как основной, чтобы не бросаться за массой подобных же идей, которых у группы «рабочей оппозиции» имеется очень много. Это предоставим разбирать нашим литераторам, а также руководителям этого течения, ибо в конце резолюции мы варочко говорим, что в специальных изданиях, сборниках можно и должно уделить место более обстоятельному обмену мнений членов партии по всем указанным вопросам. Нам сейчас не до того, чтобы откладывать этот вопрос. Мы — партия, борющаяся в условиях обостренных трудностей. Мы должны сказать себе: чтобы единство было прочным, нужно, чтобы был осужден определенный уклон. Раз он намечился, нужно его выявить и обсудить. Но, если нужна обстоятельная дискуссия, — милости просим, у нас найдутся люди, которые приведут детально всю литературу, и, если нужно и уместно, мы поставим этот вопрос и в интернациональном масштабе, так как вы слышали сейчас в докладе представителя Коминтерна, и вы все знаете о наличии известного уклона в левизну в рядах революционного международного рабочего движения. Уклон, о котором мы сейчас говорим, это то же самое, что анархистский уклон у Германской коммунистической рабочей партии, борьба с которой ясно выявилась на предыдущем конгрессе Коминтерна⁵⁷. Слова, которые там употреблялись для его оценки, были часто более резкими, чем слово «уклон». Вы знаете, что это — вопрос интернациональный. Поэтому покончить с ним в таком смысле — не дискусируй больше и конец — было бы неправильным. Но одно дело теоретическая дискуссия, другое дело — политическая линия партии, политическая борьба. Мы — не дискуссионный клуб. Издавать сборники, специальные издания мы, конечно, можем и будем, но мы должны

прежде всего бороться в самых трудных условиях, и поэтому должны сплотиться воедино. Если при этом в политическую дискуссию, в политическую борьбу будут вмешиваться предложения вроде организации «всероссийского съезда производителей», мы не можем тогда идти дружно и сплоченно; это не та политика, которую мы на несколько лет себе определили. Это политика, которая срывает бы дружную работу партии, и эта политика не только теоретически неверна, она неверна потому, что неверно определяет отношения между классами, — то коренное и основное, без чего нет марксизма и о чем вынес резолюцию II конгресс Коминтерна. Момент сейчас такой, что стихия беспартийная поддается тем мелкобуржуазным колебаниям, которые при современном экономическом положении России неизбежны. Мы должны помнить то обстоятельство, что внутренняя опасность в известном отношении больше, чем денкинская и юденичская, и должны проявить сплоченность не только формальную, а идущую далеко глубже. Для создания такой сплоченности мы не можем обойтись без подобной резолюции.

Дальше очень важным я считаю параграф четвертый этой резолюции, который дает толкование нашей программы, аутентичное толкование, т. е. такое толкование, которое исходит от автора. Съезд является автором ее, и поэтому съезд должен дать толкование, чтобы положить конец шатаниям, а иногда даже игре, которая ведется с нашей программой: как будто бы о профсоюзах в программе сказано то же самое, что хотелось бы там кое-кому видеть. Вы слышали с этой трибуны критику этой программы тов. Рязановым, — поблагодарим автора этой критики за теоретические изыскания! Вы слышали критику, данную тов. Шляпниковым. Нельзя обходить этого молчанием. Мне кажется, что здесь, в этой резолюции, мы имеем то, что нам нужно сейчас. От имени съезда, который утверждает программу и который является высшим органом партии, надо сказать: вот как мы эту программу понимаем. Повторяю, что теоретические споры этим не пресекаются. Предложения изменить программу могут делаться, на этот счет не вносится никакого запрета. Мы программу не считаем настолько великолепной, чтобы в ней нечего было изменять, но мы сейчас не имеем формальных предложений, мы не посвящали времени на

разбор этого вопроса. Читая внимательно эту программу, мы находим здесь следующее: «профсоюзы должны придти к фактическому сосредоточению и т. д.», «должны придти к фактическому сосредоточению» — это надо подчеркнуть. А выше мы читаем, что «согласно закону профсоюзы являются участипками всех местных и центральных органов управления производством». Мы знаем, что производство капиталистическое, при содействии всех передовых стран мира, строилось десятилетиями. Разве мы впали уже в ребячество, чтобы думать, что в момент величайшей нужды, обнищания в стране, где рабочие составляют меньшинство, в стране, с измученным, истекающим кровью пролетарским авангардом и массой крестьян, мы можем закончить так быстро этот процесс?! Мы даже основного фундамента еще не положили, мы начали намечать только на опыте, как это управление производством при участии профсоюзов вести. Мы знаем, что главное препятствие — это нужда. Неправильно, что мы не привлекаем массы; наоборот, всякий сколько-нибудь заметный талант, малейшая выдающаяся способность в рабочей массе встречает самую искреннюю поддержку с нашей стороны. Надо только, чтобы чуточку облегчилось положение. Нам необходим год или два отдыха от голода, не меньше. С точки зрения истории, это ничтожный срок, а в наших условиях это срок большой. Год или два отдыха от голода, год или два правильного снабжения топливом, чтобы фабрики работали, — и мы получим от рабочего класса в сто раз больше поддержки, и из его рядов выдвинется талантов гораздо больше, чем мы имеем сейчас. Никто не сомневается, не может сомневаться в этом. Сейчас мы не получаем этой поддержки не потому, что не хотим. Мы все делаем, что можно сделать для этого. Никто не сможет указать, что правительство, профсоюзы, Центральный Комитет партии упустили хотя бы одну возможность в этом отношении; но мы знаем, что нужда отчаянная, что всюду голод и нищета, и сплошь и рядом на этой почве возникает пассивность. Не будем бояться называть зло и бедствие настоящим именем. Вот что тормозит подъем энергии из масс. При таком положении, когда мы знаем из статистики, что в управлениях сидят 60% рабочих, пытаться сейчас слова программы: «профсоюзы должны придти к фактическому сосредоточению» и т. д. — пы-

таться их толковать по-шляпниковски — абсолютно невозможно.

Аутентичное толкование программы даст нам возможность соединить необходимую тактическую сплоченность и единство с необходимой свободой дискуссии, что и подчеркнуто в конце резолюции. К чему сводится резолюция? Читаем пункт шестой:

«На основании всего этого съезд РКП, решительно отвергая указанные идеи, в которых выражается спидкалпстский и анархистский уклон, во-1-х, признает необходимой: неуклонную и систематическую борьбу с этими идеями; во-2-х, съезд признает пропаганду этих идей несовместимой с принадлежностью к РКП.

Поручая ЦК партии строжайшее проведение в жизнь этих своих решений, съезд указывает, вместе с тем, что в специальных изданиях, сборниках и т. п. может и должно быть уделено место для наиболее обстоятельного обмена мнений членов партии по всем указанным вопросам».

Разве вы не видите, — вы все агитаторы и пропагандисты в той или иной форме, — разве вы не видите разницы между пропагандой идей внутри борющихся политических партий и обменом мнений в специальных изданиях и сборниках? Я уверен, что эту разницу видит всякий человек, желающий вникнуть в эту резолюцию. И мы надеемся, что в ЦК, в который мы берем представителей этого уклона, представители эти отнесутся к решению партийного съезда, как всякий сознательный дисциплинированный член партии; мы надеемся, что мы при их помощи в ЦК эту грань разберем, не создавая особого положения; мы разберем, что происходит внутри партии — пропаганда идей внутри борющейся политической партии или обмен мнений в специальных изданиях и сборниках. Кто интересуется изучением до тонкостей цитат из Энгельса, пожалуйста! Есть теоретики, которые всегда дадут партии полезный совет. Это необходимо. Мы издадим два-три больших сборника, — это полезно и абсолютно необходимо. Но разве это похоже на борьбу платформ, разве это можно смешивать? Этого никто из желающих вникнуть в наше политическое положение не смешает.

Не тормози нашей политической работы, особенно в тяжелый момент, но не оставляй научных изысканий. Если тов. Шляпников, к примеру сказать, в дополнение к своему

тому, который он недавно выпустил об опыте его революционной борьбы в эпоху еще нелегального положения, добавит от своих досугов в ближайшие месяцы второй том, с анализом понятия «производитель» — пожалуйста! А данная резолюция, она послужит нам вехой. Мы открыли самую широкую, самую свободную дискуссию. Платформа «рабочей оппозиции» печаталась в Центральном Органе партии в количестве 250 000 экземпляров. Мы взвешивали ее со всех сторон и всячески, мы выбирали на основе этой платформы, мы собрали, наконец, съезд, который подводит итоги политической дискуссии и говорит: уклон определен, не будем играть в прятки, скажем открыто: уклон есть уклон, его надо исправить; исправим его, а дискуссия — будет дискуссией теоретической.

Вот почему я возобновляю и поддерживаю предложение о том, чтобы мы обе эти резолюции приняли, подкрепили единство партии и дали правильное определение того, чем должны заниматься партийные собрания и чем в свободные минуты свободны заниматься отдельные лица — марксисты, коммунисты, которые хотят помочь партии и заняться теми или иными вопросами теории. (Аплодисменты.)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ ОБ ЕДИНСТВЕ
ПАРТИИ И АНАРХО-СИНДИКАЛИСТСКОМ УКЛОНЕ
16 МАРТА

Товарищи, мы здесь слышали невероятно резкие выражения, из которых самым резким было, кажется, обвинение нашей резолюции в клеветничестве. Но бывают такие резкости, которые сами себя разоблачают. Вы резолюцию имеете. Вы знаете, что мы двух представителей «рабочей оппозиции» взяли в ЦК, что мы употребили выражение «уклон». Я подчеркиваю его значение. Ни Шляпников, ни Медведев не предложили другого слова. Мы здесь критиковали тезисы, которые критиковались и представителями всех оттенков. Как можно говорить после этого о клевете? Если бы приписали людям то, что фактически опровергается, тогда это резкое слово имело бы смысл. Сейчас это — просто выражение известного раздражения. Это несерьезное возражение!

Теперь перейду к тем пунктам, которые были отмечены здесь. Было указание, что была проявлена несправедливость к группе «демократического централизма». Вы следили за тем, как развивалось соглашение между группами и обмен мнений по вопросу о выборе в ЦК, затронутому здесь представителями из группы «демократического централизма». Вы знаете, что, начиная с частного совещания, на котором была группа «рабочей оппозиции» в полном составе и ряд виднейших товарищей, представителей всех оттенков, мне, например, лично приходилось открыто выступать за то, что представители групп «рабочей оппозиции» и «демократического централизма» нам в ЦК желательны. Никто этого на совещании, на котором были все товарищи из «рабочей оппозиции» и представители всех оттенков, не опровергал. Совершенно ясно, что, если мы

в результате получили от группы «демократического централизма» кандидата, а не члена ЦК, — это было результатом продолжительного обмена мнениями, соглашения групп между собою. И видеть в этом какое-либо недоверие или несправедливость к группе «демократического централизма» — просто придирка. Мы все, что нужно было сделать для того, чтобы подчеркнуть желание быть справедливыми, в ЦК сделали. Это факт, которого не вычеркнешь. И делать вывод о несправедливости — это придирка! Или, например, товарищ из группы «демократического централизма» толковал, что 7 параграф резолюции не нужен: ЦК и так имеет на это право. 7 параграф мы предлагаем не опубликовывать, потому что надеемся, что не потребуется его применения, это — крайняя мера. Но, когда товарищ из группы «демократического централизма» говорит: «Вы имели на это право по уставу», — он не знает устава, не знает принципов демократического централизма, не знает принципов централизма. Чтобы ЦК, выбранный на съезде, имел право исключить из ЦК — никогда никакая демократия, никакой централизм не допустит. (Голос: «Через партию».) Особенно через партию. Выбирает ЦК съезд, этим он выражает высочайшее доверие, этим он отдает руководство. И, чтобы ЦК имел в отношении к своему члену такое право, — нигде никогда ничего подобного наша партия не допускала. Это — крайняя мера, которая принимается специально в сознании опасности обстановки. Составляется исключительное собрание: ЦК, плюс кандидаты, плюс Контрольная комиссия с одинаковым правом голоса. Такого учреждения, такого пленума в 47 человек в нашем уставе не было, и наша практика никогда не применяла. Поэтому я повторяю, что товарищи из группы «демократического централизма» не знают ни устава, ни принципов демократического централизма, ни централизма. Это — мера крайняя. Надеюсь, мы ее применять не будем. Она только показывает, что партия применяет то, о чем вы слышали; при наличии таких разногласий, которые одной своей стороной подошли к возможному расколу. Мы же не дети, видали тяжелые времена, видали расколы и переживали их, и знаем, как они тяжелы, и мы не боимся назвать опасность своим именем.

Бывали ли на прежних съездах при самых резких разногласиях такие моменты, которые одной стороной касаются

раскола? Не бывали. Есть ли они сейчас? Есть. Все это указывалось неоднократно. Вот с этими разногласиями бороться, я думаю, можно.

Дальше говорилось о том, что единство не создается такими резолюциями, что будто бы критика согласно резолюции должна направляться непременно только через губкомы, что будто бы выражается какое-то недоверие к товарищам из «рабочей оппозиции», чем затрудняется их присутствие в ЦК. Но и это сплошь неверно! Я с самого начала указал, почему выбрано слово «уклон». Если оно вам не нравится, сдайте эту резолюцию, приняв ее за основу, в президиум для возможного смягчения. Если мы найдем более мягкое слово, то я предложил бы поставить его вместо слова «уклон», а также и в других местах внести смягчение. Против этого мы не будем возражать. Сейчас здесь, конечно, не время заниматься такими деталями. Сдайте резолюцию в президиум для редактирования, для смягчения. Усиление тут немыслимо, — против этого я возражать не стану. Но, когда говорят, что эта резолюция означает натравливание одной части партии на другую, то опять-таки это неверно.

Я не знаю состава группы «рабочей оппозиции» в Самаре, я никогда там не был, но я уверен, что если бы член ЦК любого оттенка, или член съезда любого оттенка, кроме «рабочей оппозиции», стал бы доказывать на собраниях самарской организации, что в резолюции нет натравливания, а есть призыв к единству, то он сумел бы это сделать. Когда здесь употребляют такое выражение, как «натравливание», то забывают о пункте пятом резолюции об единстве, где говорится о признании заслуг «рабочей оппозиции». Разве там это не поставлено рядом? С одной стороны, «допускают уклон», а с другой стороны, читайте параграф пятый: «Съезд заявляет в то же время, что по вопросам, привлекавшим особое внимание, напр., группы так называемой «рабочей оппозиции», об очистке партии от непролетарских и ненадежных элементов, о борьбе с бюрократизмом, о развитии демократизма и самостоятельности рабочих и т. п., какие бы то ни было деловые предложения должны быть рассматриваемы с величайшим вниманием», и т. д. Разве это натравливание? Это — признание заслуг. Мы говорим: с одной стороны, вы в дискуссии проявили уклон, который политически опасен, и даже

резолюция т. Медведева в других словах это признает, а дальше говорится: что касается борьбы с бюрократизмом, то мы согласны, что мы еще не все делаем, что возможно. Это есть признание заслуг, а не натравливание!

Когда в ЦК включается товарищ из «рабочей оппозиции», это есть выражение товарищеского доверия. И после этого, когда кто-нибудь пойдет на собрание, не разожженное фракционной борьбой, то это собрание скажет, что тут натравливания нет, а есть выражение товарищеского доверия. Что касается самой крайней меры, то это относится к будущему, этого мы сейчас не применяем и выражаем в настоящее время товарищеское доверие. Если вы пахнете, что мы теоретически неправы, то у нас есть возможность издать десятки сборников, и если есть молодые товарищи, напр., в самарской организации, которые имеют сказать что-то новое по этому вопросу, то — пожалуйста, товарищи самарцы! Мы напечатаем несколько ваших статей. Ведь нет ни одного человека, который не понимал бы разницы между тем, что говорится на съезде, и тем, что бросается вне его. Если вы сопоставите точный текст резолюции, то вы увидите, что здесь сделано теоретическое принципиальное указание, ничего оскорбляющего здесь нет, а рядом с этим есть признание заслуги в борьбе с бюрократизмом, выражение желания получить помощь, и, кроме того, представители этой группы включены в ЦК, а это есть проявление высшего доверия, больше которого в партии не может быть. Вот почему, товарищи, я предлагаю эти обе резолюции принять, причем принять поименным голосованием, затем сдать в президиум для редактирования, для смягчения формулировки, и так как в президиум входит тов. Шляпников, то он, может быть, найдет более подходящее выражение вместо слова «уклон».

А по поводу заявленной отставки я предлагаю принять следующую резолюцию: «Съезд призывает всех членов распушенной группы «рабочей оппозиции» подчиниться партийной дисциплине, обязать их оставаться на порученных им местах и не принимает отставки тов. Шляпникова и каких-либо других отставок».

12

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ПОПРАВКИ РЯЗАНОВА
К РЕЗОЛЮЦИИ ОБ ЕДИНСТВЕ ПАРТИИ
16 МАРТА

Я думаю, что пожелание т. Рязанова, как это ни жаль, неосуществимо. Лишить партию и членов ЦК права обращаться к партии, если вопрос коренной вызывает разногласия, мы не можем. Я не представляю себе, каким образом мы можем это сделать! Нынешний съезд не может связывать чем-либо выборы на будущий съезд: а если будет такой вопрос, как, скажем, заключение Брестского мира? Вы ручаетесь, что не может быть таких вопросов? Ручаться нельзя. Возможно, что тогда придется выбирать по платформам. (Рязанов: «По одному вопросу?») Конечно. Но в вашей резолюции написано: никаких выборов по платформам. Я думаю, что запретить этого мы не в силах. Если наша резолюция об единстве и, конечно, развитие революции нас сплотит, то выборы по платформам не повторятся. Урок, который мы получили на этом съезде, не забудется. Если же обстоятельства вызовут коренные разногласия, можно ли запретить вынесение их на суд всей партии? Нельзя! Это чрезмерное пожелание, которое невыполнимо и которое я предлагаю отвергнуть⁵³.

13

РЕЧЬ ПО ТОПЛИВНОМУ ВОПРОСУ
16 МАРТА

Позвольте мне взять слово за передачу топливного вопроса в комиссию. Нет сомнения, что кризис топлива — один из основных, если не самый важный, вопрос всего нашего хозяйственного строительства. Но я спрашиваю себя: тот доклад и содоклад, — один, излагающий точку зрения президиума ВСНХ, который сделает т. Рыков, другой — излагающий критику этой политики — точка зрения т. Ларина, — дадут ли они нам возможность вынести окончательное решение по столь сложному вопросу без перенесения его в комиссию, без изучения документов, разъясняющих, в чем тут главное дело, — в недостатках ли аппарата, в безобразиях, преступлениях или в слабости крестьянского хозяйства, крестьянской лошади, без которой подвоз дров невозможен? Я спрашиваю себя: можем ли мы без комиссии вынести решение? — и утверждаю, что нет. Поэтому гораздо практичнее будет выбрать комиссию в расширенном составе с преобладанием товарищей с мест, знакомых с топливным, и в частности с дровяным, делом не только теоретически, но и работавших в данной области, знающих это дело по собственному практическому опыту. Эта комиссия выслушает не только докладчиков, но вызовет целый ряд лиц и проверит по документам заявления докладчика и содокладчика. Затем эта комиссия сделает доклад в ЦК, на основании которого ЦК должен будет принять ряд важнейших решений в этой области. Такой порядок приведет нас к более продуктивным и полезным результатам, чем дискуссии на съезде, способные отнять у нас целый день, и в результате которых, в конце концов, всё равно мы придем к сдаче вопроса в комиссию.

14

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО ТОПЛИВНОМУ ВОПРОСУ
16 МАРТА

Предлагаю поручить Главлескому немедленно организовать совещание с делегатами съезда, практически знакомыми с работой топливных и дровяных учреждений, для немедленной выработки неотложных мероприятий, в особенности по сплаву.

15

РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ СЪЕЗДА
16 МАРТА

Товарищи, мы закончили работы партийного съезда, который собрался в момент чрезвычайно важный для судеб нашей революции. Ведение гражданской войны, после стольких лет империалистической войны, настолько истерзало и запутало страну, что оживление ее, после окончания гражданской войны, приходится сейчас наблюдать в условиях необыкновенно трудных. Поэтому мы не можем удивляться тому, что элементы распада или разложения, мелкобуржуазная и анархическая стихия поднимают свою голову. Ведь одним из основных условий для этого является крайнее, невиданное и неслыханное обострение нужды и отчаяния, которое овладевает сейчас десятками и сотнями тысяч, а иногда, может быть, и большим числом людей, не видящих выхода из тяжелого положения. Но мы знаем, товарищи, что страна переживала гораздо более тяжелые моменты. Нисколько не закрывая глаз на опасность, ни капельки не впадая в какой-либо оптимизм, говоря прямо себе и своим товарищам, что опасность велика, мы в то же время твердо и уверенно рассчитываем на сплоченность авангарда пролетариата. Мы знаем, что другой силы, которая в состоянии объединить миллионы распыленных мелких земледельцев, сплошь и рядом переживающих неслыханные тяготы, другой силы, которая бы экономически и политически была способна объединить их против эксплуататоров, — другой силы, кроме сознательного пролетариата, нет. Мы уверены, что из опыта борьбы, из тяжелого опыта революции эта сила вышла достаточно закаленной, чтобы всем тяжелым испытаниям и новым трудностям противостоять.

Товарищи, кроме решений, принятых в этом духе, исключительную важность имеет решение нашего съезда по вопросу об отношении к крестьянству. Мы здесь самым трезвым образом учитываем отношение между классами и не боимся признать открыто, что имеем дело с задачей труднейшей, с задачей правильного установления отношений пролетариата к преобладающему крестьянству при условии, что нормальных отношений мы сейчас достигнуть не можем. Нормальные отношения таковы, и только таковы, чтобы пролетариат держал в своих руках крупную промышленность, с ее продуктами, и не только полностью удовлетворял крестьянство, но, давая ему средства к жизни, так бы облегчил его положение, чтобы разница по сравнению со строем капиталистическим была бы очевидна и ощутительна. Это и только это создаст базу нормального социалистического общества. Мы не можем сейчас этого сделать — настолько придавили нас разорение, нужда, обнищание и отчаяние. Но, чтобы легче это проклятое наследие изжить, мы, несмотря на установившиеся за время отчаянно-тяжелой войны отношения, реагируем на них определенным образом. Мы не будем скрывать, что крестьянство имеет глубочайшее основание к недовольству. Мы пойдем на более обстоятельные объяснения и скажем, что мы сделаем все, что в наших силах, чтобы это положение уничтожить, чтобы больше считаться с условиями жизни мелкого хозяина.

Все, что нужно, чтобы жизнь этого хозяина облегчить, чтобы больше дать мелкому земледельцу, чтобы дать условия для более прочного хозяйничания, мы должны сделать. Мы не боимся, что это мероприятие разольет тенденции, враждебные коммунизму, а это, несомненно, будет.

Вот, товарищи, в каком духе трезвого учета этих отношений и полной готовности нашей пересмотреть политику мы должны даже видоизменить ее, ибо мы в первый раз в истории в течение нескольких лет предприняли дело создания основ социалистического общества, основ пролетарского государства. Я думаю, что в этом отношении результаты работ нашего съезда тем более будут успешны, что абсолютное единство по этому коренному вопросу у нас было достигнуто с самого начала. Два коренных вопроса должны были быть разрешены единодушно, и у нас по вопросу об отношении авангарда пролетариата к его массе

и об отношении пролетариата к крестьянству — разногласий не было. В этом мы проявили большее, чем когда-либо, единство, несмотря на то, что нам приходится решать в условиях политических, которые весьма тяжелы.

Позвольте теперь перейти к двум пунктам, которые я прошу не записывать. Первое — это вопрос о концессиях в Баку и в Грозном. Вопрос этот был только вскользь затронут на съезде. Мне не удалось на этом заседании присутствовать, но мне говорили, что у некоторой части товарищей осталось чувство недовольства или недоверия. Я думаю, что оснований для этого быть не должно. ЦК разбирал вопрос о сдаче концессий в Грозном и Баку основательно. Несколько раз создавались специальные комиссии, требовались специальные отчеты от заинтересованных ведомств. Разногласия были, было несколько голосований, после последнего голосования ни одна группа членов ЦК и ни один член ЦК не пожелали воспользоваться своим беспорным правом апелляции к съезду. Я думаю, что новый ЦК имеет полное право, формальное и по существу, опираясь на решение съезда, решить этот крупный вопрос. Без концессий мы не можем рассчитывать на помощь высокооборудованной современной капиталистической техники. Не пользуясь ею, мы не имеем возможности основу нашего крупного производства в таких областях, как добыча нефти, имеющей исключительное значение для всего мирового хозяйства, поставить правильно. Мы еще ни одного договора на концессии не заключили, но сделаем все для того, чтобы заключить. Вы читали в газете об открывающемся нефтепроводе Баку — Тифлис? Вы прочтаете скоро о таком же нефтепроводе до Батума. Это даст возможность доступа к мировому рынку. Дело сводится к тому, чтобы улучшить наше экономическое положение, усилить техническое оборудование нашей республики, увеличить количество продуктов, количество предметов продовольствия и потребления для наших рабочих. В этом отношении всякое облегчение имеет гигантское значение для нас. Вот почему сдачи в концессию части Грозного и Баку мы не боимся; сдав в концессию одну четверть Грозного и одну четверть Баку, мы используем эту сдачу, — если удастся ее осуществить, — чтобы на остальных трех четвертях догнать передовую технику передового капитализма. Сейчас мы этого сделать иначе не в силах. Тот,

кто знает состояние нашего хозяйства, поймет это. Но, имея опору, оплаченную хотя бы и сотнями миллионов рублей золота, мы употребим все средства для того, чтобы сделать это на остальных трех четвертях.

Второй вопрос, который я прошу не опубликовывать — это решение президиума, специально просмотренное и касающееся способов докладов. Вы знаете, что на этом съезде нам пришлось работать в атмосфере, которая бывала часто чересчур нервной и отрывала от съезда такое количество работников, которое прежде никогда не отрывалось. Поэтому надо спокойнее и обдуманнее составить план того, как докладывать на местах, надо в этом отношении руководиться определенным решением. Один товарищ набросал проект директивы президиума отправляющимся на места, который я позволю себе прочесть (читает)⁵⁹. Я в нескольких словах об этом сказал. Думаю, что достаточно будет немногих прочитанных строк, чтобы каждый делегат обдумал вопрос и в докладах проявил необходимую осторожность, не преувеличивая опасности положения и ни в каком случае не давая себе и окружающим впасть в панику.

Нам тем более неуместно и пет ни малейших оснований проявлять панику, что сейчас неслыханно нервную, историческую кампанию против нас повел всемирный капитализм. Я вчера получил, по соглашению с тов. Чичериным, сводку по этому вопросу и думаю, что заслушать ее будет всем полезно. Это — сводка по вопросу о кампании лжи по поводу внутреннего положения России. Никогда, — пишет товарищ, подводящий сводку, — ни в какое время не было в западноевропейской печати такой вакханалии лжи и такого массового производства фантастических замыслов о Советской России, как за последние две недели. С начала марта ежедневно вся западноевропейская печать публикует целые потоки фантастических известий о восстаниях в России, о победе контрреволюции, о бегстве Ленина и Троцкого в Крым, о белом флаге на Кремле, о потоках крови на улицах Петрограда и Москвы, о баррикадах там же, о густых толпах рабочих, спускающихся с холмов на Москву для свержения Советской власти, о переходе Буденного на сторону бунтовщиков, о победе контрреволюции в целом ряде русских городов, причем фигурирует то один, то другой город, и в общем было

перечислено чуть ли не большинство губернских городов России. Универсальность и планомерность этой кампании показывает, что в этом проявляется какой-то широко задуманный план всех руководящих правительств. 2-го марта Foreign Office* через посредство «Press Association»** заявил, что считает публикуемые известия неправдоподобными, а сейчас же после этого Foreign Office от себя опубликовал известие о восстании в Петрограде, о бомбардировке Петрограда кронштадтским флотом и о боях на улицах Москвы.

2 марта все английские газеты публиковали телеграммы о восстаниях в Петрограде и Москве: Ленин и Троцкий бежали в Крым, 14 000 рабочих в Москве требуют учредилки, московский арсенал и Московско-Курский вокзал в руках восставших рабочих, в Петрограде Васильевский Остров целиком в руках восставших.

Приведу несколько примеров из радио и телеграмм следующих дней: 3 марта Клышко телеграфирует из Лондона, что «Reuter»⁶⁰ подхватил нелепые слухи о восстании в Питере и усиленно их распространяет.

6 марта: Берлинский корреспондент Мейсон телеграфирует в Нью-Йорк, что рабочие из Америки играют важную роль в петроградской революции, и Чичерин послал по радио приказ генералу Гапцкому о том, чтобы закрыть границу эмигрантам из Америки.

6 марта: Зиновьев бежал в Ораненбаум. В Москве красная артиллерия обстреливает рабочие кварталы. Петроград отрезан со всех сторон (радио Впганда).

7 марта: Клышко телеграфирует, что по сведениям из Ревеля баррикады построены на улицах Москвы; газеты публикуют известие из Гельсингфорса, что Чернигов взят антибольшевистскими войсками.

7 марта: И Петроград и Москва в руках восставших. Восстание в Одессе. Семенов во главе 25 000 казаков движется по Сибири. Революционный комитет в Петрограде имеет под своей властью фортификации и флот (сообщения английской радиостанции Польдью).

Научен 7 марта: Фабричные кварталы Петрограда восстали. Антибольшевистское восстание охватило Волынь.

* — Министерство иностранных дел (английское). *Ред.*

** — Ассоциация прессы. *Ред.*

Париж 7 марта: Петроград в руках Революционного комитета. «Matin»⁶¹ сообщает, что по полученным в Лондоне известиям белый флаг веет над Кремлем.

Париж 8 марта: Мятеежники овладели Красной Горкой. Красноармейские полки забунтовались в Псковской губернии. Большевики посылают башкир на Петроград.

10 марта Клышко телеграфирует: газеты спрашивают себя, пал ли Петроград или не пал? По известиям из Гельсингфорса, три четверти Петрограда в руках бунтовщиков; Троицкий, или — по другим — Зиновьев, командует операциями в Тосне или же в Петропавловской крепости; по другим — главнокомандующим назначен Брусиллов; по сведениям из Риги, Петроград взят 9-го за исключением железнодорожных вокзалов, Красная Армия отступила в Гатчину; петроградские стачечники выставляют лозунг «долой Советы и коммунистов». Английское военное министерство заявило, что еще не известно, соединились ли кронштадтские бунтовщики с петроградскими, но, по его сведениям, Зиновьев находится в Петропавловской крепости, где командует советскими войсками.

Из громадного количества ложных измышлений этого времени выбираю примеры: Саратов превратился в самостоятельную антибольшевистскую республику (Науен 11 марта). В приволжских городах жестокие погромы против коммунистов (там же). В Минской губернии борьба белорусских военных отрядов против Красной Армии (там же).

Париж 15 марта: «Matin» сообщает, что кубанские и донские казаки восстали большими массами.

Науен 14 марта сообщил, что кавалерия Буденного присоединилась к бунтовщикам около Орла. В разное время сообщалось о восстаниях в Пскове, Одессе и других городах.

9 марта Красин телеграфирует, что вашингтонский корреспондент «Times»⁶² говорит, что советский режим близится к концу, и поэтому Америка отсрочит установление сношений с окранными государствами. В разное время попадались известия из американских банковских сфер о том, что при данных условиях торговать с Россией было бы азартной игрой.

Нью-Йоркский корреспондент «Daily Chronicle»⁶³ говорит еще 4 марта, что деловые круги и республиканская

партия в Америке считают торговые сношения с Россией в настоящее время азартной игрой.

Несомненно, кампания лжи имеет в виду не только Америку, но и турецкую делегацию в Лондоне и силезский плебисцит.

Товарищи, картина совершенно ясна. Всемирный синдикат прессы — там свобода прессы, которая состоит в том, что она куплена на 99% финансовыми магнатами, которые ворочают сотнями миллионов рублей, — открыл всемирный поход империалистов, желающий сорвать прежде всего торговое соглашение с Англией, которое Красин начал, и предстоящее торговое соглашение с Америкой, переговоры о котором мы здесь ведем, как я указывал, и на что были сделаны указания в течение занятий съезда. Это показывает, что враги, окружающие нас, потеряв возможность провести интервенцию, рассчитывают на мятеж. И кронштадтские события показали связь с международной буржуазией. А кроме того, мы видим, что больше всего они боятся сейчас с практической точки зрения международного капитала правильного восстановления торговых сношений. Но сорвать их им не удастся. У нас здесь есть в Москве представители крупного капитала, которые во всех этих слухах изверились, и они заявили о том, как в Америке одна группа граждан употребила псевданный прием агитации за Советскую Россию.

Эта группа собрала из газет, самых разнообразных, за несколько месяцев все то, что говорили про Россию, про бегство Ленина и Троцкого, про расстрел Троцким Ленина и обратно, собрала все в одну брошюру. Лучшей агитации для Советской власти нельзя себе представить. Изю дня в день собирались сведения о том, сколько раз расстреливались, убивались Ленин и Троцкий, эти сведения повторялись каждый месяц, и затем, в конце концов, их собирают в один сборник и издают. Современная американская буржуазная пресса подорвала к себе доверие полностью. Вот тот враг, которому служат два миллиона русских эмигрантов за границей из среды помещиков и капиталистов, вот та армия буржуазии, которая стоит против нас. И пускай они делают попытки подорвать практический успех Советской власти и сорвать торговые сношения. Мы знаем, что им это сделать не удастся. И вся эта информация международной прессы, той, которая держит в руках

сотни тысяч газет, информирует весь мир, она еще раз показывает, до какой степени мы врагами окружены, и до какой степени эти враги по сравнению с прошлым годом обессилены. И это мы должны понять, товарищи! Я думаю, что большинство присутствующих членов съезда поняло то, какую меру нам надо отвести нашим разногласиям. Естественно, что в съездовской борьбе меры этой невозможно было удержать. Нельзя требовать от людей, которые только что вели борьбу, чтобы они тут же поняли эту меру. Но, когда мы взглянем на нашу партию, как на очаг мировой революции, и на ту кампанию, которую ведет сейчас синдикат государств всего мира против нас, у нас не должно быть сомнения. Пускай они ведут свою кампанию, мы бросили взгляд на нее и точно знаем меру наших разногласий, и мы знаем, что, сплотившись на этом съезде, мы действительно выйдем из наших разногласий абсолютно едиными и с партией, более закаленной, которая пойдет все к более и более решительным международным победам! (Бурные аплодисменты.)

**РЕЧЬ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ
ТРАНСПОРТНЫХ РАБОЧИХ
27 МАРТА 1921 г.⁶⁴**

Товарищи, позвольте мне прежде всего поблагодарить вас за приветствие и ответить, равным образом, приветствием вашему съезду. (Бурные аплодисменты.) Прежде, чем перейти к теме, которая прямо касается задач вашего съезда, ваших работ и того, чего вся Советская власть от вашего съезда ждет, позвольте начать несколько издали.

Сейчас, проходя ваш зал, я встретил плакат с надписью: «Царству рабочих и крестьян не будет конца». И, когда я прочитал этот странный плакат, который, правда, висел не на обычном месте, а стоял в углу, — может быть, кто-нибудь догадался, что плакат неудачен, и отодвинул его, — когда я прочитал этот странный плакат, я подумал: а ведь вот относительно каких азбучных и основных вещей существуют у нас недоразумения и неправильное понимание. В самом деле, ежели бы царству рабочих и крестьян не было конца, то это означало бы, что никогда не будет социализма, ибо социализм означает уничтожение классов, а пока остаются рабочие и крестьяне, до тех пор остаются разные классы, и, следовательно, не может быть полного социализма. И вот, размышляя о том, как у нас, три с половиной года спустя после Октябрьского переворота, существуют, хотя и отодвинутые немножечко, столь странные плакаты, я стал размышлять также о том, что, пожалуй, и в отношении к самым распространенным и общеупотребительным у нас лозунгам есть еще чрезвычайно большие недоразумения. Все мы поем, что ведем сейчас наш последний и решительный бой, — вот, например, один из самых распространенных лозунгов, всячески нами повторяемый.

Но я побаиваюсь, что ежели бы спросить большую часть коммунистов, против кого вы ведете сейчас, — не последний, конечно, это немного лишнего сказано, но один из наших последних и решительных боев, — то я боюсь, что немногие дадут правильный ответ на этот вопрос и обнаружат ясное понимание того, против чего или против кого мы ведем сейчас один из наших последних и решительных боев. И мне кажется, что теперешней весной, в связи с теми политическими событиями, которые обратили на себя внимание широких масс рабочих и крестьян, следует, мне кажется, в связи с этими событиями, еще раз сначала рассмотреть или, по крайней мере, попытаться рассмотреть вопрос о том, против кого мы ведем теперешней весной, вот сейчас, один из наших последних и решительных боев. Позвольте мне на этом вопросе остановиться.

Чтобы разобраться в этом вопросе, я думаю, надо, прежде всего, возможно точнее и возможно трезвее обозреть еще раз те силы, которые стоят друг против друга, и борьба которых определяет и судьбу Советской власти и, вообще говоря, ход и развитие пролетарской революции, революция за низвержение капитала как в России, так и в других странах. Каковы эти силы? Как они группируются друг против друга? Каково в данное время расположение этих сил? Всякое сколько-нибудь серьезное политическое обострение, всякий новый, хотя бы и не очень крупный поворот политических событий, должен всегда всякого мыслящего рабочего и всякого мыслящего крестьянина приводить к этому вопросу, к вопросу о том, какие силы налицо имеются, как они группируются. И лишь тогда, когда мы сумеем правильно и совершенно трезво, независимо от наших симпатий и желаний, учесть эти силы, лишь тогда мы сможем сделать и правильные выводы относительно нашей политики вообще и наших ближайших задач. И вот, позвольте мне эти силы сейчас вкратце и описать.

Сил этих в главном, общем и основном — три. Я начну с той, которая всего ближе нам, начну с пролетариата. Это — первая сила. Это первый особый класс. Вы все это хорошо знаете, вы сами в гуще этого класса живете. Каково его положение теперь? В Советской республике это тот класс, который взял власть три с половиной года тому назад и который осуществил за это время господство,

диктатуру, который больше всех других классов за эти три с половиной года пострадал, перенес, измучился, потерпел лишения и бедствий. Эти три с половиной года, большая часть которых прошла в отчаянной гражданской войне Советской власти против всего капиталистического мира, означали собой для рабочего класса, для пролетариата, такие бедствия, такие лишения, такие жертвы, такое обострение всяческих нужд, как никогда в мире. И получилась странная вещь. Тот класс, который взял в свои руки политическое господство, взял его, сознавая, что берет его один. Это заключено в понятии диктатуры пролетариата. Это понятие тогда только имеет смысл, когда один класс знает, что он один берет себе в руки политическую власть и не обманывает ни себя, ни других разговорами насчет «общенародной, общевыборной, всем народом освященной» власти. Любителей по части такой словесности, как вы все прекрасно знаете, очень много и даже сверхмного есть, но, во всяком случае, не из числа пролетариата, ибо пролетарии осознали и в Конституции, в основных законах республики, написали о том, что речь идет о диктатуре пролетариата. Этот класс понимал, что он берет власть один в исключительно трудных условиях. Он осуществлял ее таким путем, каким осуществляется всякая диктатура, т. е. с наибольшей твердостью, с наибольшей непреклонностью осуществлял он свое политическое господство. И при этом подвергся за эти три с половиной года политического господства таким бедствиям, лишениям, голоду, ухудшению своего экономического положения, как никогда ни один класс в истории. И понятно, что, в результате такого сверхчеловеческого напряжения, мы имеем теперь особую усталость и изнеможение и особую издерганность этого класса.

Как могло случиться, что в стране, в которой пролетариат так малочислен, по сравнению с остальной частью населения, в стране отсталой, которая была отрезана искусственно военной силой от стран с более многочисленным, сознательным, дисциплинированным и организованным пролетариатом, как могло случиться, что в такой стране, при сопротивлении, при натиске буржуазии всего мира, один класс мог осуществить свою власть? Как могло это осуществляться в течение трех с половиной лет? Где была поддержка этому? Мы знаем, что поддержка

была внутри страны, в массе крестьян. Я сейчас перейду к этой второй силе, но сначала нужно покончить с разбором первой силы. Я сказал, и всякий из вас наблюдал над жизнью ближайших товарищей по фабрикам, заводам, депо, мастерским, и знает, что никогда не было так велико и остро бедствие этого класса, как в эпоху его диктатуры. Никогда страна не достигала такой усталости, изношенности, как теперь. Что же давало этому классу моральные силы, чтобы пережить эти лишения? Ясно, совершенно очевидно, что откуда-нибудь он должен был брать моральные силы, чтобы преодолеть эти материальные лишения. Вопрос о моральной силе, о моральной поддержке, как вы знаете, вопрос неопределенный, все можно понимать под моральной силой и все можно туда подсунуть. Чтобы избежать этой опасности, — подсунуть что-либо неопределенное или фантастическое под это понятие моральной силы, — я себя спрашиваю, нельзя ли найти признаков точного определения того, что давало пролетариату моральную силу перенести невиданные материальные лишения, связанные с его политическим господством? Я думаю, что если так поставить вопрос, то на него найдется точный ответ. Спросите себя, могла ли Советская республика вынести то, что она за три с половиной года вынесла, и так успешно отстоять себя от натиска белогвардейцев, поддерживаемых капиталистами всех стран мира, если бы рядом с ней стояли отсталые, а не передовые страны? Достаточно задать этот вопрос, чтобы в ответе не было никаких колебаний.

Вы знаете, что против нас в течение трех с половиной лет воевали все богатейшие державы мира. Та военная сила, которая стояла против нас и которая поддерживала Колчака, Юденича, Деникина и Врангеля, — вы прекрасно знаете, каждый из вас участвовал в войне, — во много раз, безмерно и безусловно превышала наши военные силы. Вы прекрасно знаете, что мощь всех этих государств неизмеримо больше нашей и сейчас. Как же это могло случиться, что они ставили задачу победить Советскую власть и не победили? Как это могло быть? Ответ мы имеем точный. Это могло быть и это случилось потому, что пролетариат во всех капиталистических странах был за нас. Даже в тех случаях, когда он заведомо был под влиянием меньшевиков и эсеров — в странах Европы они называются

иначе, — он тем не менее не поддерживал борьбу против нас. В конце концов, при вынужденных уступках массам со стороны пожак, рабочие эту войну сорвали. Не мы победили, ибо наши военные силы ничтожны, а победило то, что державы не могли пустить в ход против нас всей своей военной силы. Рабочие передовых стран настолько определяют ход войны, что против их желания нельзя вести войны, и в конечном счете они сорвали войну против нас пассивным и полупассивным сопротивлением. Этот бесспорный факт точно отвечает на вопрос, где мог русский пролетариат взять моральные силы, чтобы три с половиной года держаться и победить. Моральной силой русского рабочего было то, что он знал, чувствовал, осязал помощь, поддержку в этой борьбе, которая была оказана ему пролетариатом всех передовых стран в Европе. В каком направлении идет там развитие рабочего движения, показывает нам то, что в последнее время в Европе в рабочем движении не было более крупных событий, как раскол социалистических партий в Англии, Франции, Италии и других странах, как побежденных, так и победителей, в странах с разной культурой, с разной степенью экономического развития. Во всех странах главным событием этого года было то, что из разбитых, потерпевших полное крушение партий социалистов и социал-демократов, по-русски — меньшевиков и эсеров, образовалась партия коммунистов, опирающаяся на поддержку всего, что есть передового в рабочем классе. И, конечно, нет никакого сомнения, что если бы против нас вместо передовых стран вели борьбу страны остальные, в которых нет таких могучих пролетарских масс, то мы не продержались бы не только три с половиной года, но и три с половиной месяца. Могла ли быть у нашего пролетариата моральная сила, если бы он не опирался на сочувствие рабочих передовых стран, которые поддерживали нас, вопреки той лжи, которую в миллионах экземпляров распространяют империалисты про Советскую власть, вопреки усилиям «рабочих вождей», меньшевиков и эсеров, которые должны были сорвать и срывать борьбу рабочих за нас. Опираясь на эту поддержку, наш пролетариат, слабый своей малочисленностью, измученный бедствиями и лишениями, победил, так как он силен своей моральной силой.

Вот вам первая сила.

Вторая сила — это то, что стоит между развитым капиталом и пролетариатом. Это — мелкая буржуазия, мелкие хозяева, это то, что в России составляет подавляющее большинство населения — крестьянство. Главным образом, это мелкие хозяева и мелкое земледелие. На девять десятых они таковы и иными быть не могут. В острой борьбе капитала с трудом они ежедневно не участвуют, школы не проходили, экономические и политические условия жизни не сближают их, а разъединяют, отталкивают один от другого, превращают в миллионы мелких хозяев по одиночке. Таковы факты, которые вы все прекрасно знаете. Никакие коллективы, колхозы, коммуны раньше, чем через долгий и долгий ряд лет, переделать этого не могут. Со своими врагами справа, с классом помещиков, эта сила, благодаря революционной энергии и беззаветности пролетарской диктатуры, покончила так скоро, как никогда, смела его донизу, устранила его господство с невиданной быстротой. Но, чем скорее она устранила его господство, чем скорее переходила к своему хозяйству на общенародной земле, чем решительнее расправилась с небольшим меньшинством кулаков, тем скорее сама превращалась в хозяйчиков. Вы знаете, что русская деревня за это время выровнялась. Убавилась доля крупных посевищиков и беспосевищиков, увеличилось хозяйство середняцкое. Наша деревня стала за это время более мелкобуржуазной. Это — самостоятельный класс, тот класс, который, после уничтожения, изгнания помещиков и капиталистов, остается единственным классом, способным противостоять пролетариату. И поэтому нелепо писать на плакатах, что царству рабочих и крестьян не будет конца.

Вы знаете, какова эта сила с точки зрения ее политического настроения. Это — сила колебания. Это мы видели на своей революции во всех концах страны — в России по-своему, в Сибири по-своему, на Украине по-своему, но везде итог был один: это — сила колебания. Ее долго вели на помочах эсеры и меньшевики, и при помощи Керенского, и в период Колчака, и когда было в Самаре Учредительное собрание, и когда у Колчака или у его предшественников был министром меньшевик Майский и т. д. Эта сила колебалась между руководством пролетариата и руководством буржуазии. Почему же эта сила, которая в громадном большинстве, сама собой не руководила?

Потому что экономические условия жизни этой массы таковы, что объединиться сама, сплотиться сама она не может. Это ясно для всякого, кто не дает себя во власть пустых слов о «всенародном голосовании», об учредилровке и тому подобной «демократии», которая одурачивала народ сотни лет во всех странах, а у нас ее сотни недель прodelывали эсеры и меньшевики, «кажинный раз на эфтом самом месте» терпя провал. (А плод сменты.) Мы знаем из своего собственного опыта — и подтверждение этого видим в развитии всех революций, если брать новую эпоху, скажем, сто пятьдесят лет, во всем мире, — что везде и всегда результат был именно такой: все попытки мелкой буржуазии вообще, крестьян в частности, осознать свою силу, по-своему направить экономику и политику кончались крахом. Либо под руководством пролетариата, либо под руководством капиталистов — середины нет. Все, кто о пей мечтает, пустые мечтатели, фантазеры. Их опровергает политика, экономика и история. Все учение Маркса показывает, что раз предположить мелкого хозяина собственником на средства производства и на землю, то из обмена между ними обязательно вырастает капитал, а вместе с ним противоречия между капиталом и трудом. Борьба капитала с пролетариатом — это неизбежность, это закон, показавший себя во всем мире, и кто не хочет сам себя обманывать, тот не может этого не видеть.

Из этих основных экономических фактов и вытекает то, почему эта сила сама себя проявить не может и почему попытки к тому в истории всех революций всегда кончались крахом. Поскольку пролетариату не удастся руководить революцией, эта сила всегда становится под руководство буржуазии. Так было во всех революциях, и, конечно, и российские люди не особым миром мазаны, и, если они пожелают лезть в святые, ничего, кроме смешного, не выйдет. Разумеется, история и к нам относится так же, как к другим. Для нас всех все это потому особенно наглядно, что все мы пережили керенщину. Тогда руководителей политической линии, умных, образованных, с большим опытом в политике и в управлении государством, для поддержки правительства было в сто раз больше, чем у большевиков. Если посчитать всех должностных лиц, которые нас саботировали и которые не ставили своей задачей саботировать правительство Керенского, опиравшееся на

меньшевиков и эсеров, то таких было огромное большинство. И все-таки оно потерпело крах. Значит, были причины, которые пересилили громадное преобладание интеллигентских, образованных сил, привыкших к упразднению государством, овладевших этим искусством за десятилетия раньше того, как им пришлось брать в свои руки государственную власть. Этот опыт проделали в других вариантах Украина, Дон, Кубань, и все пришли к одному результату. Тут случайностей не может быть. Таков экономический и политический закон второй силы: либо под руководством пролетариата — путь тяжелый, но который может вывести из-под господства помещиков и капиталистов, — либо под руководством капиталистов, как в передовых демократических республиках, даже в Америке, где еще не совсем закончена даровая раздача земли (раздавалось по 60 десятин даром, всякому пришлому; лучшего условия нельзя себе представить!) и где это привело к полному господству капитала.

Вот вторая сила.

У нас эта вторая сила колеблется, она особенно устала. На нее ложатся тяжести революции, а в последние годы обрушиваются все больше: год неурожая, выполнение разверстки в связи с падением скота, бескормицей и т. д. При таком положении понятно, что эта вторая сила, масса крестьянства, поддавалась отчаянию. Подумать об улучшении своего положения она не могла, несмотря на то, что со времени уничтожения помещиков прошло три с половиной года, а улучшение становится необходимым. Расходящаяся армия не встречает возможности получить правильного применения своего труда. И вот вам превращение этой мелкобуржуазной силы в анархический элемент, который выражает свои требования в волнении.

Третья сила всем известна, это — помещики и капиталисты. У нас сейчас этой силы не видно. Но вот одно из особо важных событий, один особо важный урок последних недель — кронштадтские события явились как бы молнией, которая осветила действительность ярче, чем что бы то ни было.

Теперь нет страны в Европе, где бы не было белогвардейского элемента. Русских эмигрантов считают до семисот тысяч человек. Это бежавшие капиталисты и та масса служащих, которая не могла приспособиться к Советской

власти. Эту третью силу мы не видим, она перешла за границу, но она живет и действует в союзе с капиталистами всего мира, которые поддерживают ее так же, как Колчака, Юденича, Врангеля, поддерживают финансированием, поддерживают другими способами, потому что они имеют свою международную связь. Этих людей всякий помнит. Вы в последние дни, конечно, обратили внимание на обилие в газетах цитат, выписок из белогвардейской прессы с разъяснением событий в Кронштадте. За последние дни эти события описывал Бурцев, издающий газету в Париже, их оценивал Милюков, — вы, конечно, все это читали. Почему наши газеты уделили этому так много внимания? Правильно ли это? Правильно. Потому, что надо ясно знать своего врага. Его не так видно, когда он перешел за границу, но посмотрите — он передвинулся не очень далеко, самое большое на несколько тысяч верст, а, передвинувшись на это расстояние, притаился. Он цел, он жив, он ждет. Вот почему надо к нему присматриваться, тем более, что это не только беженцы. Нет, это прямые помощники всемирного капитала, на его счет содержимые и вместе с ним действующие.

Вы, конечно, все обратили внимание, как цитаты из белогвардейских газет, издаваемых за границей, шли рядом с цитатами из газет Франции и Англии. Это один хор, один оркестр. Правда, в таких оркестрах не бывает одного дирижера, по нотам разыгрывающего пьесу. Там дирижирует международный капитал способом, менее заметным, чем дирижерская палочка, но, что это один оркестр — это из любой цитаты вам должно быть ясно. Они признавали, что, если лозунгом становится «Советская власть без большевиков» — мы согласны. И Милюков это особенно ярко разъясняет. Он историю учил внимательно и все свои знания обновил изучением русской истории на собственной шкуре. Результат своего двадцатилетнего профессорского изучения он подкрепил двадцатимесячным собственным изучением. Он заявляет, что, если лозунгом становится Советская власть без большевиков, я — за это. Будет ли это передвижка немножко направо или немножко налево к анархистам, за границей, в Париже, этого не видно. Там не видно, что делается в Кронштадте, но он говорит: «господа монархисты, не торопитесь, не мешайте тем, что вы об этом кричите». И он заявляет,

что, если передвижка влево, я готов быть за Советскую власть против большевиков.

Вот что пишет Милюков и что является абсолютно правильным. Кое-чему он научился из русской истории и от помещиков и капиталистов, утверждая, что все равно кронштадтские события являются стремлением создать Советскую власть без большевиков; немножко вправо, немножко с свободной торговлей; немножко с учредилкой. Послушайте любого меньшевика, и вы все это услышите, может быть, даже не выходя из этого зала. Если лозунг кронштадтских событий есть уклон немножко влево — Советская власть с анархистами, порожденными бедствиями, войной, демобилизацией армии, — то почему Милюков за нее? Потому, что он знает, что уклон может быть либо в сторону пролетарской диктатуры, либо в сторону капиталистов.

Иначе политическая власть существовать не могла бы. Хотя мы ведем не последний, а один из последних и решительных боев, единственно правильный ответ на вопрос: с кем мы поведем сегодня один из решительных боев, гласит: с мелкобуржуазной стихией у себя дома. (А плоды смен ты.) Что касается помещиков и капиталистов, то мы их в первую кампанию победили, но только в первую, а вторая будет уже в международном масштабе. Воевать против нас современный капитализм, будь он даже в сто раз сильнее, не может потому, что там, в передовых странах, рабочие сорвали ему войну вчера и сорвут сегодня еще лучше, еще вернее, потому, что там последствия войны разворачиваются все больше. Мелкобуржуазную же стихию у себя дома мы победили, но она себя еще покажет, и это учитывают помещики и капиталисты, особенно те, кто поумнее, как Милюков, который сказал монархистам: посидите вы у себя, помолчите, потому что иначе только будете укреплять Советскую власть. Это показал общий ход революций, в которых бывали краткосрочные диктатуры трудящихся, поддержанные временно деревней, но не бывало упроченной власти трудящихся; все в короткое время скатывалось назад. Скатывалось назад именно потому, что крестьяне, трудящиеся, мелкие хозяйчики, своей политики иметь не могут, и после ряда колебаний им приходится идти назад. Так было и в великую французскую революцию, так было в меньшем масштабе и во всех

революциях. И понятно, что этому уроку все научились. Наша белогвардейщина передвинулась через границу, отъехала на трое суток пути и сидит там и подкарауливает, имея опору и поддержку западноевропейского капитала. Вот каково положение. Отсюда ясны задачи и обязанность пролетариата.

На почве усталости и истощения рождается известное настроение, а иногда отчаяние. Как всегда, у революционных элементов это настроение и отчаяние выражается в анархизм. Так было во всех капиталистических странах, так происходит и у нас. Мелкобуржуазная стихия переживает кризис, потому что последние годы ей достались тяжело, хотя не так тяжело, как пролетариату достался 1919 год, но все же тяжело. Крестьянство должно было спасти государство, пойти на разверстку без вознаграждения, но оно уже не может выдерживать такого напряжения, и потому в нем растерянность духа, колебания, шатание, и это учитывает враг-капиталист, который говорит: лишь бы колебнуть, шатнуть, а потом уж покатится. Вот что значат кронштадтские события, освещенные с точки зрения учета классовых сил во всероссийском и в международном масштабе. Вот что значит один из последних и решительных боев, который мы ведем, потому что эту мелкобуржуазно-анархическую стихию мы не победили и от победы над нею сейчас зависит ближайшая судьба революции. Если мы ее не победим, мы скатимся назад, как французская революция. Это неизбежно, и надо смотреть на это, глаз себе не засоряя и фразами не отговариваясь. Надо сделать все, что можно, для облегчения положения этой массы и сохранить пролетарское руководство, и тогда растущее в Европе движение коммунистической революции получит себе новое подкрепление. То, что не произошло там сегодня, может быть завтра, то, что не произошло завтра, может произойти послезавтра, но такие периоды, как завтра и послезавтра, в мировой истории означают не меньше, как несколько лет.

Вот мой ответ на вопрос, за что мы сейчас боремся и ведем один из наших последних и решительных боев, каков смысл последних событий, какой смысл имеет борьба классов в России. Теперь понятно, почему эта борьба так обострилась, почему нам так трудно перейти к пониманию того, что главным врагом является не Юденич, Колчак

или Деникин, а наша обстановка, наша собственная среда.

Тут я могу перейти к заключительной части своей слишком затянувшейся речи, к положению железнодорожного и водного транспорта и к задачам съезда железнодорожников и водников. Я думаю, что то, что мне пришлось здесь обрисовать, самым тесным, неразрывным образом связано с этими задачами. Едва ли есть другая часть пролетариата, которая так ясно входит своей повседневной экономической деятельностью в связь с промышленностью и земледелием, чем железнодорожники и водники. Вы должны дать городам продукты, должны оживить деревню посредством транспорта продуктами промышленности. Это всякому ясно, а рабочим железнодорожникам и водникам ясно более, чем другим, потому, что это составляет предмет их ежедневного труда. И отсюда, мне кажется, само собой вытекает, какие исключительно важные задачи, какая ответственность падает в настоящий момент на трудящихся железнодорожного и водного транспорта.

Вы все знаете, что ваш съезд собрался в условиях, когда между верхами и низами союза существовали трения. Когда этот вопрос был перенесен на последний партийный съезд, то были вынесены такие решения, чтобы согласовать верхи и низы, путем подчинения верхов низам, путем исправления частных, по-моему, но, во всяком случае, требующих исправления ошибок, которые верхами были допущены. Вы знаете, что эти исправления на партийном съезде сделаны, что этот съезд закончил свои работы при большей сплоченности и большем единстве в рядах коммунистической партии, чем до сих пор. Это есть ответ законный, необходимый и единственно правильный ответ авангарда, т. е. руководящей части пролетариата, на движение мелкобуржуазно-анархической стихии. Если мы, сознательные рабочие, поймем опасность этого движения, сплотимся, будем работать в десять раз дружнее, в сто раз более сплоченно, то это удесятит наши силы, и тогда мы, после победы над военным натиском, одержим победу и над колебаниями, шатаниями этой стихии, которая будоражит всю нашу повседневную жизнь, а потому, повторяю, и опасна. Решение партийного съезда, исправившего то, на что было обращено его внимание, означает крупный шаг в деле сплочения и дружности пролетарской армии. Теперь вам на

вашем съезде предстоит сделать то же и претворить в жизнь решение партийного съезда.

Повторяю, от работы этой части пролетариата непосредственно больше зависит судьба революции, чем от остальных частей его. Нам нужно восстановить оборот земледелия и промышленности, а чтобы его восстановить, нужна материальная опора. Что есть материальная опора для связи между промышленностью и земледелием? Это есть транспорт железнодорожных и водных путей. Вот почему на вас лежит обязанность особенно серьезно отнестись к своей работе, и не только на тех из вас, которые являются членами коммунистической партии и, следовательно, сознательными проводниками пролетарской диктатуры, но и на тех, которые не принадлежат к партии, но которые являются работниками профессионального союза, объединяющего миллион — полтора миллиона тружеников транспорта. Все вы, участь на уроках нашей революции и всех предыдущих революций, должны понять всю трудность переживаемого положения и, нисколько не закрывая себе глаз всякими лозунгами, будет ли речь о «свободе», об учредилке, о «свободных Советах», — ведь так нетрудно перекрасить этикетки, что вот Милуков показал себя сторонником Советов кровшадтской республики, — не закрывая глаз на соотношение классовых сил, вы приобретете трезвую и прочую базу, фундамент для всех своих политических выводов. Вам станет ясно, что мы переживаем период кризиса, когда от нас зависит, пойдет ли пролетарская революция так же неуклонно к победе, как шла в последнее время, или колебаниями, шатаниями вызовет победу белогвардейцев, которая не изменит тяжести положения, а только на много десятков лет отодвинет Россию от революции. Для вас, представителей железнодорожников и водников, вывод может быть и должен быть только один: в сто раз больше пролетарской сплоченности и пролетарской дисциплины. Во что бы то ни стало, товарищи, мы должны это осуществить и одержать победу. (Бурные аплодисменты.)

**ЗАВКОМУ И ВСЕМ РАБОЧИМ
1-го ГОСУДАРСТВЕННОГО АВТОМОБИЛЬНОГО
ЗАВОДА ⁶⁵**

Многоуважаемые товарищи! Я получил от председателя вашего завкома тов. Смирнова сообщение о выпуске двигателей и приглашение на праздник 7. IV.

Поздравляю вас, товарищи, с успехом работы и с годовщиной курсов автомобильных механиков. От всей души желаю бодрой работы, которая, несомненно, принесет дальнейшие успехи. Особенно велико значение ваших успехов с точки зрения всей массы рабочих и крестьян, ибо развитие производства двигателей, при обилии в России нефти, обещает возможность поставить дело снабжения дешевыми и практичными двигателями крестьянского хозяйства. Во что бы то ни стало надо добиться еще и еще успехов в деле производства двигателей.

Лучшие пожелания и коммунистический привет.

Ленин

Написано 7 апреля 1921 г.

*Впервые напечатано 21 января
1940 г. в газете «Правда» № 21*

Печатается по рукописи

**ДОКЛАД О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ НАЛОГЕ
НА СОБРАНИИ СЕКРЕТАРЕЙ И ОТВЕТСТВЕННЫХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЯЧЕЕК РКП(б) г. МОСКВЫ
И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
9 АПРЕЛЯ 1921 г.⁶⁶**

Товарищи, по вопросу о продовольственном налоге и об изменении продовольственной политики, а также об экономпческой политике Советской власти, приходится слышать самые различные мнения, которые порождают много недоразумений. Позвольте мне, по соглашению с т. Каменевым, так разделить наши темы, что на его долю придется изложить только что вышедшие законы во всех их подробностях. Это будет тем более целесообразно, что тов. Каменев был председателем комиссии, которая была назначена сначала ЦК нашей партии, а затем подтверждена Совнаркомом, и которая в целом ряде совещаний с представителями заинтересованных ведомств выработала все законы, изданные за последнее время. Последний из этих законов был издан вчера, и сегодня мы могли уже прочесть его в газетах. Нет сомнения, что каждый из этих законов вызывает целый ряд практических вопросов, и потребуется немало работы для того, чтобы все работники партии и советских учреждений на местах могли ознакомиться достаточно с этими законами и выработать правильную практику применения их на деле на местах.

Мне хотелось бы остановить ваше внимание на общем или принципиальном значении всех указанных мероприятий. Каким образом объяснить, что Советская власть и диктатура пролетариата становятся на этот путь признания в той или иной мере свободной торговли? В какой мере может быть допущена свободная торговля и индивидуальное хозяйство совместно с социалистическим хозяйством? В какой мере может быть допущено это воз-

рождение капитализма, которое может казаться неминуемым при каком бы то ни было, хотя бы ограниченном, допущении свободной торговли? Чем вызвано такое изменение, в чем его настоящий смысл, характер и значение, и каким образом членам коммунистической партии нужно понимать это изменение? Как нужно его объяснить, и как нужно смотреть на границы его применения в жизни? Вот, приблизительно, та задача, которую я себе ставлю.

Первый вопрос состоит в том, чем вызвано это изменение, которое многим кажется непомерно крутым и недостаточно обоснованным?

Основной и главнейшей причиной этого изменения является необыкновенно обострившийся кризис крестьянского хозяйства, очень тяжелое положение его, которое к весне 1921 года оказалось гораздо более тяжелым, чем можно это было предвидеть, а, с другой стороны, последствия этого положения сказались как на восстановлении нашего транспорта, так и на восстановлении нашей промышленности. Я хотел бы отметить, что когда говорят о замене разверстки продовольственным налогом, когда обсуждают значение этой замены, то делают больше всего ошибок оттого, что не задают себе вопроса, в чем, собственно, этот переход состоит, от чего и к чему он ведет, этот переход? Необыкновенно тяжелый кризис крестьянского хозяйства, которое после всех разорений, вызванных войной, было еще добито и необыкновенно тяжелым неурожаем, и, связанной с этим, бескормицей, потому что неурожай был и на травы, и падежом скота, ослабление производительных сил крестьянского хозяйства, сплошь и рядом осуждение его во многих местах прямо-таки на разорение, — вот картина крестьянского хозяйства к весне 1921 года. И тут является вопрос: в какой связи стоит этот, необыкновенно обострившийся, кризис крестьянского хозяйства с той заменой разверстки, которую Советская власть предприняла? Я говорю, что для того, чтобы значение этой меры понять, надо, прежде всего, спросить себя: от чего и к чему мы тут переходим?

Если в стране, с преобладанием крестьянского населения, происходит рабочая революция, и фабрики, заводы и железные дороги переходят в руки рабочего класса, то в чем должна состоять сущность экономических отношений

между рабочим классом и крестьянством? Очевидно, в том, что рабочие, производя на фабриках и заводах, им отныне принадлежащих, все необходимые для страны, а значит и для крестьянства, как большинства населения, продукты, перевозят их на своих железных дорогах, на своих речных судах, доставляя их крестьянству, получая от него все излишки из сельскохозяйственных продуктов. Это совершенно очевидно, и едва ли требует пояснительных объяснений. Но, когда рассуждают о продовольственном налоге, это постоянно забывают. А это необходимо иметь в виду, потому что для того, чтобы выяснить значение продовольственного налога, который является только переходною мерою, надо ясно понять, к чему же мы хотим придти. И вот из приведенного мною ясно, что придти мы хотим и должны придти к тому, чтобы крестьянские продукты поступали рабочему государству не как излишки по разверстке, и не как налог, а поступали бы в обмен на доставляемые крестьянству все необходимые ему продукты, перевозимые средствами транспорта. На этом основании хозяйство страны, перешедшей к социализму, может быть построено. Если крестьянское хозяйство может развиваться дальше, необходимо прочно обеспечить и дальнейший переход, а дальнейший переход неминуемо состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое, мелкое, обособленное крестьянское хозяйство, постепенно объединяясь, организовало общественное, крупное земледельческое хозяйство. Так представляли себе все это социалисты всегда. Именно так смотрит и наша коммунистическая партия. Повторяю, самый большой источник ошибок и недоразумений состоит в том, что продовольственный налог оценивают, не учитывая, в чем состоит особенность тех переходных мер, которые необходимы, чтобы мы могли дойти до того, до чего можем и должны дойти.

Что же такое продовольственный налог? Продовольственный налог представляет собою меру, в которой мы видим и кое-что от прошлого, и кое-что от будущего. Налог — это значит то, что государство берет с населения без всякого вознаграждения. Если этот налог определен приблизительно в половину того, как была определена разверстка в прошлом году, то рабочее государство для содержания Красной Армии, всей промышленности, всего

пеземледельческого населения, для развития производства, для развития сношений с границей, в помощи которой насчет машин и оборудования мы нуждаемся, — рабочее государство не может обойтись одним налогом. С одной стороны, оно хочет опереться на налог, определяя его приблизительно вдвое меньше, чем была перед этим разверстка, с другой стороны, хочет опереться на обмен продуктов промышленности, на те или иные излишки крестьянского производства. Значит, в налоге есть частица прежней разверстки и есть частица того порядка, который один только представляется правильным, именно: обмен продуктов крупных социалистических фабрик на продукты крестьянского хозяйства через продовольственные органы государственной власти, принадлежащей рабочему классу, через кооперацию рабочих и крестьян.

Почему, спрашивается, вынуждены мы прибегать к мере, в которой частичка принадлежит прошлому, и только частичка ставится на правильные рельсы, причем мы далеко не уверены, удастся ли нам на правильные рельсы поставить сразу и значительна ли будет эта часть, которую мы на правильные рельсы поставим? Почему мы вынуждены прибегать к мере столь половинчатой, почему в нашей продовольственной и экономической политике мы должны рассчитывать на такие меры? Чем вызвана эта мера? Конечно, всякий знает, что она вызвана не каким-то предпочтением Советской власти к той или иной политике. Она вызвана крайней нуждой, безвыходным положением. Вы знаете, что, в течение нескольких лет после победы рабочей революции в России, нам пришлось после империалистической войны выдержать войну гражданскую, и теперь можно сказать без преувеличений, что среди всех стран, которые были втянуты в империалистическую войну, даже из тех, которые больше всего пострадали от нее, потому что она происходила на их территории, все-таки нет ни одной, которая пострадала бы так, как Россия, потому что, после четырехлетней империалистической войны, мы вынесли три года гражданской войны, которая, в смысле разорения, уничтожения, ухудшения условий производства, была гораздо хуже, чем война внешняя, потому что война эта была в центре государства. Это отчаянное разорение представляет из себя основную причину того, почему мы вначале, в эпоху войны, особенно,

когда гражданская война отрезала хлебные районы, как Сибирь, Кавказ и всю Украину, а также отрезала и снабжение углем и нефтью, и сократила возможность подвоза остального топлива, — почему мы, будучи в осажденной крепости, не могли продержаться иначе, как применением разверстки, т. е. взять все излишки у крестьян, какие только имеются, взять иногда даже не только излишки, а и кое-что необходимое крестьянину, лишь бы сохранить способной к борьбе армию и не дать промышленности развалиться совсем. В течение гражданской войны эта задача была необыкновенно трудной, а если взять оценку ее другими партиями, то она всеми объявлялась задачей неразрешимой: Взять меньшевиков и эсеров, т. е. мелкую буржуазию и партию кулаков. Эти партии больше всего кричали в течение самых острых моментов гражданской войны, что большевики затеяли дело сумасбродное, что удержаться в гражданской войне, когда на помощь белогвардейцам пришли все державы, нельзя. В самом деле, задача была чрезвычайно трудная, требовавшая напряжения всех сил, и была успешно выполнена только потому, что те жертвы, которые вынесли за это время рабочий класс и крестьянство, были, можно сказать, сверхъестественными. Никогда такого недоедания, такого голода, как в течение первых лет своей диктатуры, рабочий класс не испытывал. И понятно, что для решения этой задачи не было никаких возможностей, кроме разверстки, в смысле взятия всех излишков и части необходимого крестьянину. «Ты тоже поголодай, но мы все вместе отстаим свое дело и прогоним Деникина и Врангеля», — никакого другого решения нельзя было себе представить.

Не в том дело, что была экономическая система, экономический план политики, что он был принят при возможности сделать выбор между той и другой системой. Этого не было. Восстановить промышленность, когда не было обеспечено минимально ни продовольствие, ни топливо, нельзя было и думать. Только сохранить остатки промышленности, чтобы не совсем разбежались рабочие, иметь армию — вот задача, которую мы себе ставили, и нельзя было решить ее никак иначе, как разверсткой без вознаграждения, потому что бумажные деньги, конечно, не вознаграждение. Никакого другого выхода у нас не было. Вот от чего мы ушли, а к чему переходим, я вам уже сказал.

Как этот переход осуществить — вот для этого и является такая мера, как налог. Если бы восстановление нашей промышленности удалось поставить быстрее, то, может быть, при условии лучшего урожая, мы могли бы перейти к обмену продуктов промышленности на продукты сельского хозяйства скорее.

Многие из вас, вероятно, помнят, как на IX съезде партии мы ставили вопрос о переходе на хозяйственный фронт. Все внимание тогда было уделено этому вопросу. Мы рассчитывали тогда, что от войны мы избавились: ведь мы сделали тогда буржуазной Польше неслыханно выгодное для нее предложение мирных условий. Как вы знаете, мир оказался сорванным, последовала польская война и ее продолжение — Врангель и др. Период от IX до X съезда был почти весь заполнен войной; вы знаете, что мы лишь в самое последнее время подписали окончательный мир с поляками и несколько дней тому назад мирное соглашение с турками, которое одно только избавляет нас от вечных войн на Кавказе. Только теперь мы заключили торговый договор с Англией, имеющий всемирное значение, только теперь Англия вынуждена была вступить в торговые сношения с нами; Америка, например, до сих пор отказывается от этого. Вот вам представление о том, с каким трудом мы вылезли из этой войны. Если бы мы могли предположения IX съезда партии тогда же осуществить, то мы могли бы, конечно, гораздо больше дать продуктов.

У меня сегодня был тов. Королев из Иваново-Вознесенска, из нашей наиболее промышленной, пролетарской, красной губернии. Он привел цифры и факты. В первый год работало не более шести фабрик и ни одна не работала сплошь даже месяц. Это была полная остановка промышленности. За этот же минувший год первый раз пущены двадцать две фабрики, которые работали без прерыва по несколько месяцев, некоторые по полгода. Заданше-план был определен в 150 миллионов аршин, по цифрам, которые относятся к самому последнему времени, они произвели 117 миллионов, топлива же они получили лишь половину того, что было назначено. Вот как сорвались, и не только в иваново-вознесенском масштабе, но в масштабе всероссийском. Это было связано в значительной степени с подрывом крестьянского хозяйства, с падежом скота,

с невозможностью подвезти достаточное количество дров к станциям и пристаням. Иваново-вознесенцы получили из-за этого меньше дров, меньше торфа, меньше нефти. И является чудом, что они топлива получили только половину, а программу выполнили на 117 миллионов из 150 миллионов. Они увеличили производительность труда и произвели передвижение рабочих на лучшие фабрики, отчего и получили большой процент выхода. Вот вам пример, близкий и точный, который показывает, в какое положение мы попали. Вся программа на мануфактуру на IX съезде партии определялась в 600 с лишком миллионов, мы теперь и трети не выполнили, потому что Иваново-Вознесенская губ. оказалась лучшей, но и она дает только 117 миллионов. Вы можете себе представить многомиллионную Россию и эти 117 миллионов аршин мануфактуры. Это — нищета. Восстановление промышленности задержалось в таких громадных размерах, что к весне 1921 года восстановление ее казалось совершенно немыслимым. Нам нужна была громадная армия, и она была доведена до многомиллионного состава; демобилизовать ее быстро зимой, вследствие разрухи транспорта, было чрезвычайно трудно. Нам удалось все это ценой неслыханного напряжения.

Вот то положение, которое создалось. А какой выход, как не тот, что понизить разверстку до последних пределов, взять 240 миллионов пудов хлеба, вместо 423. Это тот минимум, который необходимо собрать при среднем урожае, при котором мы можем кормиться едва-едва. Для того, чтобы этим не ограничиться, надо дать возможность крестьянскому хозяйству подняться. Теперь нужны меры. Наилучшей мерой, конечно, явилось бы восстановление крупной промышленности. Разумеется, это явилось бы самой лучшей, единственной экономически-правильной мерой — усилить производство фабрик и дать больше продуктов, которые необходимы крестьянину, не только мануфактуры, которая нужна работнику и его семье, но и машин, орудий, хотя бы простейших, в которых крестьянин нуждается до последней степени. Но то, что произошло с мануфактурой, произошло и с металлической промышленностью. Таково оказалось наше положение. Промышленность восстановить после IX съезда не удалось, потому что обрушился год войны, и недостаток топливного снабжения, и недостаток транспорта, и крестьянское хозяйство

ослаблено до последних пределов. Какие меры могут быть приняты для того, чтобы дать максимальную помощь крестьянскому хозяйству? Нет других мер, как понизить разверстку, перевести в налог, который при среднем урожае определен в 240 миллионов, при неурожае, может быть, еще меньше, чтобы крестьянин знал, что он должен отдать известную сумму, определенную в наименьшем размере, мог с наибольшей ревностностью обратить весь труд на производство, чтобы все остальные продукты могли дать ему то, что ему нужно, чтобы могли дать возможность крестьянскому хозяйству улучшиться не только за счет промышленности — это было бы правильнее всего, это было бы самым рациональным, но на это нехватит сил. Налог определен в размере наименьшем, и применение его на местах уже даст восстановление мелкой промышленности, ибо мы не можем наладить крупную промышленность в тот срок, в который нам бы хотелось. Это уже доказано иваново-вознесенской программой, которая дала наилучшую долю того, что мы наметили. Нужно ждать еще год, пока запасы топлива будут настолько достаточны, чтобы обеспечить производство на всех фабриках. Хорошо, если мы сможем это сделать в год, а то, может быть, и в два. Можем ли мы обеспечить крестьянина? Если бы урожай оказался хорошим, это было бы возможно.

На съезде партии, когда решался вопрос о продналоге, была роздана брошюра руководителя нашего Центрального статистического управления, тов. Попова, о хлебном производстве России. Эта брошюра на-днях в дополненном виде выйдет в свет, и всем надо с ней ознакомиться. Она дает представление о хлебном производстве, она рассчитана на основании данных той переписи, которую мы произвели и которая дала точные цифры всего населения и приблизительно определила размеры хозяйств. В ней указано, что при урожае в сорок пудов с десятины крестьянское хозяйство могло бы на территории Советской России дать 500 миллионов пудов излишков. Мы бы тогда полностью покрыли потребность городского населения — 350 миллионов пудов — и имели бы запас для заграничной торговли и для улучшения крестьянского хозяйства. Неурожай был так велик, что в среднем мы имели не больше двадцати восьми пудов с десятины. Получился дефицит. Если считать, как считает статистика, что

необходимо восемнадцать пудов на душу, то надо с каждой души взять три пуда, и осудить на известное недоедание каждого крестьянина, чтобы обеспечить полуголодное существование армии и рабочих промышленности. Вот при таком положении у нас не оказалось иного выхода, как максимально понизить разверстку и перевести ее в налог. Надо приложить все силы и заботы к улучшению мелкого крестьянского хозяйства. Дать ему мануфактуры, машины и др. изделий с крупных фабрик, мы этой задачи решить не могли, между тем решить ее нужно немедленно, и решать ее приходится при помощи мелкой промышленности. Первый год проведения новой меры уже должен дать результаты.

Теперь, почему на крестьянское хозяйство обращается больше всего внимания? Потому, что только оттуда мы можем получить необходимые нам продовольствие и топливо. Рабочий класс, если он хочет правильно вести хозяйство, как господствующий класс, как класс, который осуществляет свою диктатуру, должен сказать: вот где оказалось самое слабое место, — в кривизне крестьянского хозяйства; это нужно исправить, чтобы еще раз взяться за восстановление крупной промышленности и добиться того, чтобы в том же Иваново-Вознесенском районе работали не двадцать две фабрики, а все семьдесят. Тогда эта крупная фабричная мануфактура покроет потребности всего населения, и тогда у крестьянского населения продукты будут братья не в виде налога, а в виде обмена на те продукты промышленности, которые ему будет давать рабочий класс. Вот тот переход, который мы переживаем, когда нужно разделить нужду и голод, чтобы ценой недоедания всех были спасены те, без которых нельзя держать ни остатка фабрик, ни железных дорог, ни армии, чтобы оказывать сопротивление белогвардейцам.

Нашу разверстку так поносили меньшевики, которые говорили, что Советская власть ничего не дала населению кроме разверстки, нужды и разрушения, что после восстановления частичного мира, после окончания гражданской войны оказалось невозможным в скором времени восстановить нашу промышленность. Но, ведь, даже в самых богатых странах годами исчисляется то время, в которое можно восстановить промышленность. Даже такая богатая страна, как Франция, должна потратить много времени на

восстановление своей промышленности, а ведь Франция не так пострадала от этой войны, как пострадали мы, ибо разрушение там коснулось лишь небольшой части страны. Нужно удивляться, что мы в первый год неполного мира добились, например, того, что в Иваново-Вознесенске было пущено двадцать две фабрики из семидесяти и выработано 117 миллионов из 150 миллионов. Разверстка в свое время была неизбежна, а теперь нам необходимо было изменить продовольственную политику, т. е. от разверстки перейти к налогу. Это, несомненно, улучшит положение крестьянина, это, несомненно, даст ему возможность рассчитывать точнее, определеннее и увереннее на то, что все те свободные излишки хлеба, которые у него будут, он сможет пускать в обмен хотя бы на предметы местной кустарной промышленности. Вот почему такая экономическая политика Советской власти является необходимой.

Теперь, в заключение, я хочу остановиться на вопросе, как эта политика примирима с точки зрения коммунизма и как выходит то, что коммунистическая Советская власть способствует развитию свободной торговли. Хорошо ли это с точки зрения коммунизма? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно внимательно присмотреться к тем изменениям, которые произошли в крестьянском хозяйстве. Сначала положение было таково, что мы видели напор всего крестьянства против власти помещиков. Против помещиков шли одинаково и бедняки и кулаки, хотя, конечно, с разными намерениями: кулаки шли с целью отобрать землю у помещика и развить на ней свое хозяйство. Вот тогда и обнаружились между кулаками и беднотой различные интересы и стремления. На Украине эта рознь интересов и сейчас видна с гораздо большей ясностью, чем у нас. Беднота непосредственно этот переход земли от помещиков могла использовать очень мало, ибо у нее не было для этого ни материалов, ни орудий. И вот мы видим, что беднота организуется, чтобы не дать кулакам захватить отобранные земли. Советская власть оказывает помощь возникшим комитетам бедноты у нас и «комнезамо-жам» на Украине⁶⁷. Что же получилось в результате? В результате получилось, что преобладающим элементом в деревне явились середняки. Мы знаем это из статистики, а всякий, живущий в деревне, знает это из своих наблюдений. Меньше стало крайностей в сторону кулачества,

меньше в сторону нищеты, и большинство населения стало приближаться к средняцкому. Если нам нужно поднять производительность нашего крестьянского хозяйства, то мы должны считаться, в первую очередь, с средняком. Коммунистической партии и пришлось сообразно с этим строить свою политику.

Раз деревня стала среднячкой, то нужно помочь средняку поднять хозяйство и, кроме того, к нему нужно предъявить те требования, которые мы предъявляем к рабочему. На последнем съезде партии главным вопросом являлась продовольственная пропаганда: все силы на хозяйственный фронт, поднять производительность труда и увеличить количество продуктов. Без выполнения этих задач никакое движение вперед невозможно. Если мы это говорим по отношению к рабочим, то мы должны сказать то же и по отношению к крестьянству. С крестьянина государство возьмет определенный налог, но взамен потребует, чтобы по уплате налога он свое хозяйство расширил, зная, что от него больше ничего не возьмут и что у него останется весь излишек для развития хозяйства. Значит, изменение в политике по отношению к крестьянству объясняется тем, что изменилось положение самого крестьянства. Деревня стала более средняцкая, и для поднятия производительных сил мы должны с этим считаться.

Я затем еще напому, что мне приходилось в 1918 году, после заключения Брестского мира, спорить с группой так называемых «левых коммунистов»⁶³. Кто был тогда в партии, помнит, как опасались некоторые коммунисты, что заключение Брестского мира подорвет всякую коммунистическую политику. Между прочим, в споре с этими товарищами я говорил: государственный капитализм у нас в России не страшен, он был бы шагом вперед. Это показалось очень странным: как это так — в Советской социалистической республике государственный капитализм был бы шагом вперед? И я, отвечая на это, говорил: присмотритесь внимательно, что мы наблюдаем в России, с точки зрения действительных экономических отношений? Мы наблюдаем по меньшей мере пять различных систем или укладов, или экономических порядков, и, считая снизу доверху, они оказываются следующими: первое — патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии

кочевом, или полукочевом, а таких у нас сколько угодно; второе — мелкое товарное хозяйство, когда оно сбывает продукты на рынок; третье — капиталистическое, — это появление капиталистов, небольшого частнохозяйственного капитала; четвертое — государственный капитализм, и пятое — социализм. И, если присмотреться, мы должны сказать, что и сейчас в экономической системе, в экономическом строе России мы все эти отношения видим. Мы ни в коем случае не можем забывать того, что мы часто наблюдаем — социалистического отношения рабочих на принадлежащих государству фабриках, где рабочие сами собирают топливо, сырье и продукты, или когда рабочие стараются распределять правильно продукты промышленности среди крестьянства, довозят их средствами транспорта. Это есть социализм. Но рядом с ним существует мелкое хозяйство, которое сплошь и рядом существует независимо от него. Почему оно может существовать независимо от него? Потому, что крупная промышленность не восстановлена, потому, что социалистические фабрики могут получить, быть может, только десятую долю того, что они должны получать; и, поскольку они не получают, оно остается независимым от социалистических фабрик. Неимоверное разорение страны, недостаток топлива, сырья и транспорта приводят к тому, что мелкое производство существует отдельно от социализма. И я говорю: при таких условиях государственный капитализм — что это такое? — Это будет объединение мелкого производства. Капитал объединяет мелкое производство, капитал вырастает из мелкого производства. На этот счет печего закрывать глаза. Конечно, свобода торговли означает рост капитализма; из этого никак вывернуться нельзя, и, кто вздумает вывертываться и отмахиваться, тот только тешит себя словами. Если есть мелкое хозяйство, если есть свобода обмена — появляется капитализм. Но страшен ли этот капитализм нам, если мы имеем в руках фабрики, заводы, транспорт и заграничную торговлю? И вот я говорил тогда, буду повторять теперь и считаю, что это неопровержимо, что этот капитализм нам не страшен. Таким капитализмом являются концессии.

Мы усиленно стремимся заключать концессии, но, к сожалению, до сих пор ни одной не заключили. Но, все-таки, теперь мы ближе к ним, чем были несколько месяцев тому

назад, когда в последний раз беседовали о концессиях. Что такое концессия с точки зрения экономических отношений? Это есть государственный капитализм. Советская власть заключает договор с капиталистом. По этому договору ему предоставляется известное количество предметов: сырье, рудники, промыслы, горная руда, или, как в одном из последних проектов концессий, особый завод даже (проект концессии шведского предприятия на подшипники). Социалистическая государственная власть отдает капиталисту принадлежащие ей средства производства: заводы, материалы, рудники; капиталист работает, как контрагент, как арендатор на социалистические средства производства, и получает на свой капитал прибыль, отдавая социалистическому государству часть продуктов.

Почему это нам нужно? Потому, что мы сейчас же получаем увеличение количества продуктов, а это нам нужно, сами мы не в силах этого сделать. И вот получается государственный капитализм. Страшен ли он нам? Не страшен, потому, что мы будем определять, в какой мере мы концессии раздаем. Скажем, концессия на нефть. Это даст нам сразу миллионы пудов керосина, больше, чем мы сами произведем. Это нам выгодно, потому что крестьянин будет нам излишки своего хлеба давать за этот керосин, а не за бумажные деньги, и мы сейчас же будем иметь возможность внести улучшение в положение всей страны. Вот почему тот капитализм, который неизбежно будет вырастать из свободной торговли, нам не страшен. Он будет являться результатом развития оборота, результатом обмена промышленных продуктов, хотя бы мелкой промышленности на продукты земледельческие.

Из сегодняшнего закона вы узнаете, что рабочим предоставлено в некоторых отраслях промышленности, в виде натуральной премии, получать известную часть продуктов, производимых на их фабриках, для обмена на хлеб. Так, текстильные рабочие будут получать при условии покрытия государственной потребности часть мануфактуры себе и сами обменивать ее на хлеб. Это нужно для того, чтобы быстрее улучшить положение рабочих и положение крестьян. В общегосударственном масштабе мы это сделать не могли бы, а надо это сделать во что бы то ни стало. Вот почему мы несколько не закрываем глаз на то, что свобода торговли означает в известной мере развитие ка-

питализма; и говорим: этот капитализм будет под контролем, под надзором государства. Если рабочее государство приобрело в свои руки фабрики, заводы и железные дороги, нам не страшен этот капитализм. Это даст нам улучшение хозяйственного оборота между крестьянскими продуктами и соседними кустарями, которые, хотя и не так уж много возместят потребность крестьянина в продуктах промышленности, но все же в известной степени возместят; все же крестьянское хозяйство улучшится по сравнению с прежним, а нам улучшить его надо дозарезу. И пускай мелкая промышленность разовьется до известной степени, пускай разовьется государственный капитализм — это не страшно Советской власти; она должна смотреть на вещи прямо, называя своими именами, но она должна контролировать это, определять меру этого.

Концессии не страшны, если мы отдаем концессионерам несколько заводов, сохраняя большинство за нами; это не страшно. Конечно, совершенно нелепо было бы, если бы Советская власть большую часть того, что ей принадлежит, раздала бы в концессии; тогда бы вышла не концессия, а возвращение к капитализму. Концессии не страшны, пока мы держим в руках все государственные предприятия и взвешиваем точно и строго, какие и на каких условиях мы можем отдать концессии и в каких размерах. Капитализм, который растет таким образом, находится под контролем, учетом, а государственная власть остается в руках рабочего класса и рабочего государства. Как тот капитал, который будет в виде концессий, так и тот, который будет расти неизбежно через кооперативы, через свободу торговли, нам не страшны; мы должны стремиться к развитию и улучшению положения крестьянства; мы должны напрячь все усилия, чтобы это было в интересах рабочего класса. Все, что можно сделать для улучшения крестьянского хозяйства, для развития местного оборота, в то же время рассчитывая общегосударственное хозяйство так, чтобы крупная социалистическая промышленность восстанавливалась быстрее, чем до сих пор, — все это при помощи концессий мы сделаем раньше, чем без концессий; при помощи отдохнувшего и оправившегося крестьянского хозяйства мы сделаем раньше, чем при абсолютной нужде, которая была в крестьянском хозяйстве до сих пор.

Вот что я имел сказать по вопросу, как нужно, с точки зрения коммунистической, оценивать эту политику, почему она была необходима, почему она при правильном применении даст нам немедленное и, во всяком случае, более быстрое улучшение, чем если бы она не была применена.

*«Правда» №№ 81, 82 и 83;
15, 16 и 17 апреля 1921 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Правда»*

**ПРИВЕТСТВИЕ СОВЕЩАНИЮ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ ЖЕНОТДЕЛОВ
НАРОДОВ ВОСТОКА СОВЕТСКИХ ОБЛАСТЕЙ
И РЕСПУБЛИК ⁶⁹**

К глубокому сожалению, неотложная работа не позволяет мне присутствовать на вашем совещании. Горячо приветствую и шлю свои лучшие пожелания успеха в работе, особенно в работе по подготовке предстоящего первого Всероссийского беспартийного съезда женщин Востока, который, правильно подготовленный и проведенный, несомненно, сыграет громадную роль в деле пробуждения сознания и организационного объединения женщин Востока.

Ленин

«Правда» № 77, 10 апрель 1921 г.

*Печатается по тексту газеты
«Правда», сверенному с оригиналом,
подписанным В. И. Лениным*

ДОКЛАД О КОНЦЕССИЯХ НА ЗАСЕДАНИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ ВЦСПС 11 АПРЕЛЯ 1921 г.

Товарищи! Вопрос о концессиях вызвал у нас разногласия довольно неожиданные, потому что в принципе казалось, еще к осени прошлого года, что вопрос этот решен бесспорно, и когда декрет Совнаркома о концессиях был издан 23 ноября прошлого года, то в партийных кругах, по крайней мере среди ответственных работников, не было никаких протестов и не видно было, чтобы возникали какие-либо разногласия. Вы, конечно, знаете, что на партийном съезде пришлось проводить специальное решение, подтверждающее декрет о концессиях и специально распространяющее его и на отдачу концессий в Баку и Грозном⁷⁰. Это пришлось проводить на партийном съезде для того, чтобы не могло быть колебаний в политике ЦК, в котором разделение как раз по этому вопросу в известной степени оказалось совершенно несоответствующим прежним фракционным делениям, но связанным в значительной степени с Баку. Некоторые бакинские товарищи не хотели примириться с мыслью о том, что и для Баку, может быть, в особенности для Баку, концессии необходимы и что в Баку большую часть бакинских промыслов желательно отдать под концессии. Доводы были чрезвычайно разнообразны, начиная с того довода, что мы, мол, сами «исследуем», зачем нам иностранцев звать, продолжая тем, что старые, испытанные в борьбе с капиталистами рабочие не потерпят того, чтобы идти назад под ярмо капиталиста, и т. п.

Я не берусь сейчас судить, насколько в таких доводах была общая принципиальность или, так сказать, бакинский «патриотизм», бакинское местничество. Про себя

я должен сказать, что я с этим взглядом боролся самым решительным образом, считая, что если мы не сумеем провести политику концессий и привлечь иностраный капитал к концессиям, то нечего говорить о серьезных практических мероприятиях для улучшения хозяйственного положения. Нельзя серьезно ставить вопрос о немедленном улучшении хозяйственного положения, если не применять политики концессий, если не отказаться от предрассудков, от местного патриотизма, отчасти от цехового патриотизма, отчасти от того, что мы сами, дескать, «исследуем». Необходима готовность идти на целый ряд жертв, лишений и неудобств, на разрыв с привычками, может быть, даже с болезнями, лишь бы произвести серьезный сдвиг и улучшение экономического положения в главных отраслях промышленности. Добиться этого надо во что бы то ни стало.

На съезде партии все внимание привлечено было вопросом о политике по отношению к крестьянству и вопросом о продналоге, который занимает первое место в законодательстве вообще и занял партийное внимание, как центральный политический вопрос. По вопросу о продналоге и об отношении к крестьянству нами осознано, что мы не в состоянии поднять производительность крупной промышленности так быстро, как это надо было бы для удовлетворения потребностей крестьян, не прибегая к таким костылям, как возрождение свободной торговли, свободной промышленности. И теперь приходится, при помощи хотя бы этих костылей, подняться, ибо всякому, не сошедшему с ума человеку, очевидно, что без этих костылей нам не поспеть за требованиями жизни, ибо положение продолжает обостряться — в силу хотя бы того, что сплав этой весны по целому ряду причин, в первую голову природных, сорван в громадной части. Топливный кризис надвигается. Затем весна грозит новым неурожаем, опять-таки по климатическим условиям, бескормицей, что может сократить еще больше поступление топлива. И если еще появится засуха, то кризис грозит принять характер совсем чрезвычайный. Надо понять, что при таких условиях все слова нашей программы, которые говорят в первую голову о том, чтобы во что бы то ни стало увеличить количество продуктов, — написаны не для того, чтобы любоваться на них и проявлять любовь

по отношению к разным резолюциям, чем коммунисты занимаются чрезвычайно усердно, а для того, чтобы увеличенное количество продуктов во что бы то ни стало дать. Этого мы не можем сделать сами, без помощи иностранного капитала. Для всякого, кто, не обольщаясь, смотрит на действительность, должно быть очевидно это. Вот почему вопрос о концессиях приобрел такое значение, что партийному съезду пришлось заняться им.

После некоторых дебатов Совнарком принял основные принципы концессионного договора. Я сейчас прочту их и укажу все принципы, которые имеют особое значение или вызывают разногласия. Если все члены партии, особенно руководители профдвижения, т. е. организованных масс пролетариата, организованного большинства пролетариата, если они настоящего положения не поймут, не сделают из него соответствующих выводов, то ни о каком хозяйственном строительстве, конечно, всерьез говорить нельзя. Я прочту пункт за пунктом основные принципы концессионного договора, как они приняты Совнаркомом. Должен прибавить, что до сих пор мы еще ни единой концессии не заключили. Принципиальные разногласия мы успели выразить — на это мы большие мастера, — но ни единой концессии мы не заключили. Может быть найдутся такие люди, которые этому порадуются. Если найдутся, то это печально, ибо, если мы не привлечем капитала к концессиям, значит, никакой хозяйственной деловитости у нас нет. Но для коммуниста в резолюциях простор остается большой. Ими остатки бумаги можно будет заполнить сколько угодно. Первый пункт:

«1. Концессионеру вменяется в обязанность улучшать положение рабочих, занятых в концессионных предприятиях (по сравнению с другими рабочими, занятыми в аналогичных предприятиях той же местности) до средней заграничной нормы.»

Мы вставляем в договор это основное положение для того, чтобы ввести коммунистов и руководителей наших хозяйственных учреждений сразу в центр вопроса. Что нам всего важнее в концессиях? Конечно, увеличение количества продуктов. Это само собою понятно. Но и особенно также важно, если ни еще более важно, то, что мы можем добиться немедленно улучшения положения

рабочих, занятых в концессионных промыслах. Эти положения концессионного договора приняты после ряда обсуждений вопроса, в частности, на основании ряда обсуждений, которые за границей вели некоторые уполномоченные РСФСР, в особенности т. Красин, с некоторыми из финансовых королей современного империализма. Надо сказать, что у нас, разумеется, как вы знаете сами, громадное большинство коммунистов по книжкам знают, что такое капитализм и финансовый капитал, может быть брошюры об этом даже писали, но разговаривать деловым образом с представителями финансового капитала 99 коммунистов из 100 не умеют и никогда не научатся.

В этом отношении т. Красин имеет исключительную подготовку, так как в Германии и в России он изучал и практически и организационно условия промышленности. Тов. Красину были сообщены эти условия, и он ответил: «В общем приемлемо». Прежде всего, что вменяется концессионеру в обязанность, — это улучшить положение рабочих. В предварительном разговоре Красина с одним из нефтяных королей речь шла именно об этом обстоятельстве, причем для западноевропейских капиталистов было ясно, что рассчитывать на повышение производительности при нынешнем положении рабочих совершенно невозможно. Это вменение в обязанность концессионера улучшить положение рабочих является не каким-нибудь гуманитарным стремлением, а чисто деловой стороной вопроса. Второй пункт:

«2. Учитывается при этом низшая производительность труда русского рабочего, предусматривается по возможности пересмотр нормы производительности труда русского рабочего в зависимости от достижения им лучших условий жизни.»

Эта оговорка была необходима во избежание одностороннего толкования пункта. Все эти пункты есть правила и директивы для всех представителей Советской власти, которые будут иметь дело с концессиями, и являются руководящими указаниями, на основе которых будут выработываться договоры. У нас есть проект нефтяного договора, договора на заводы, производящие подшипники, есть проект лесных концессий и есть договор относительно Камчатки, о котором говорится уже давно, но который по многим условиям не проводится в жизнь. Второй пункт

был необходим для того, чтобы первый не принимался в прямолинейном смысле. Мы должны учитывать то, что производительность труда не увеличится до тех пор, пока не улучшится положение рабочих. Отказаться от этого учета — значит сразу поставить все вопросы о концессиях на такую неделовую почву, при которой капиталист и разговаривать не станет. Третий пункт:

«3. Концессионер обязан привозить рабочим, занятым в концессионных предприятиях, необходимые предметы для их жизни из-за границы, продавая их рабочим не выше себестоимости и плюс определенный процент накладных расходов.»

Тут предполагалось определить размер в 10%, но при окончательном обсуждении мы величину процента выкинули. Здесь важно то, что мы в основу кладем привоз из-за границы предметов, необходимых для жизни рабочих. Мы знаем, что при тех условиях, в которых у нас находится крестьянское хозяйство и топливный вопрос, мы в ближайшие годы не сможем коренным образом улучшить положение рабочих, а следовательно и расширить производительность труда. Следовательно необходимо, чтобы концессионер включил в этот договор необходимость привоза всех средств потребления из-за границы, что является для него вполне выполнимым. В этом отношении мы уже имеем предварительное согласие некоторых акул капитализма. Концессионеры пойдут на эти условия ввиду крайней необходимости для них получения сырья, представляющего гигантскую ценность. Привоз сырья является для них первой необходимостью. Будут ли эти ударные предприятия занимать десять, двадцать или тридцать тысяч рабочих, концессионерам достать все необходимые предметы для рабочих — ничего не стоит при тех связях, которые имеют современные синдикаты и тресты, ибо капиталистов, не объединенных в синдикаты и тресты, почти не осталось, а все крупные предприятия построены на монополии, не на свободном рынке, и, следовательно, они в состоянии запретить получение сырья и продуктов для других капиталистов, сами же имеют возможность получить столько продуктов, сколько потребуется всякими предварительными договорами. Эти синдикаты ворочают сотнями миллионов. Они будут иметь возможность распоряжаться громадными запасами

продовольствия, а следовательно смогут достать этого продовольствия и других необходимых предметов на несколько десятков тысяч рабочих и перекинуть их в Россию.

Для них это никакой хозяйственной трудности не составляет. Они будут смотреть на эти предприятия как на ударные, возьмут 100, если не 1000% прибыли, и снабдят эти предприятия продовольствием. Повторяю, экономической трудности для них это не представляет. Мы должны класть в основу нашей концессионной политики задачу улучшения положения рабочих на предприятиях первого рода и затем уже в остальных. Следующий пункт четвертый:

«4. При этом концессионер обязан, в случае, если правительство РСФСР этого потребует, привозить сверх привозимого им для рабочих, занятых в концессионных предприятиях, еще 50—100% этого количества, отдавая это правительству РСФСР за плату той же величины (себестоимость плюс определенный процент накладных расходов). Плату эту правительство РСФСР вправе платить долей добываемого концессионером продукта (т. е. вычитать из своего долевого отчисления).»

И это условие в предварительных переговорах с финансовыми королями было признано ими возможным, так как концессионные предприятия для них ударные.

Если мы возьмем такие предметы, как нефть, которую они могут получить от нас, то они будут иметь возможность продать ее за границей как монополисты. Поэтому они смогут дать предметы продовольствия не только для тех рабочих, которые заняты в предприятии, но и известный процент сверх того. При сопоставлении этого пункта с пунктом первым вы видите, в чем основная ось концессионной политики: улучшение положения рабочих — прежде всего работающих на концессионных предприятиях, а затем, в несколько меньшей мере, и других рабочих, добывая для этого известные предметы потребления из-за границы. Их мы сейчас, как покупатели на международном рынке, не получаем, даже если бы имели чем заплатить. Выступая с валютой, например, золотом, вы не должны забывать, что свободного рынка нет, что рынок весь, или почти весь, занят синдикатами, картелями и трестами, которые руководятся своими империалистскими прибылями и которые предметы снабжения рабочим дадут

только для своих предприятий, а не для других, потому что старого капитализма — в смысле свободного рынка, — нет уже. Здесь вы видите сущность концессионной политики применительно к теперешним условиям финансового капитала и громадной борьбы трестов, борьбы одного против другого. Концессионная политика есть союз, заключаемый одной стороной против другой, и, пока мы недостаточно сильны, мы должны, чтобы продержаться до победы международной революции, использовать их вражду друг к другу. Для них обеспечение положения рабочих возможно потому, что лишние двадцать-тридцать тысяч рабочих обеспечить ничего не составляет для современного крупного предприятия. Нам это дало бы возможность покрыть расход сырьем, — нефтью, например. Если бы мы добавочным количеством леса, руды — главными из наших ценностей, — могли оплатить это добавочное количество предметов, необходимых для жизни рабочих, то мы имели бы возможность в первую очередь улучшить положение тех рабочих, которые заняты в концессионных предприятиях, а избыток пошел бы на улучшение положения других рабочих — в меньшей мере.

Пункт пятый:

«5. Концессионер обязан соблюдать законы РСФСР и, в частности, насчет условий труда, сроков оплаты и пр.; вступать в соглашение с профсоюзами (в случае требования концессионера, мы согласны добавить, что при таких соглашениях обязательна для обеих сторон норма среднего американского или западноевропейского рабочего).»

Эта оговорка принята для того, чтобы устранить опасения капитала в отношении к нашим профсоюзам. Если мы говорим: надо вступать в соглашение с союзами, потому что во всем законодательстве красной нитью проходит участие профсоюзов; потому что во все законы, имеющие существенное значение этого рода, участие профсоюзов введено и положение союзов, соответствующее социалистическим принципам, законом обеспечено. Если бы мы сказали: капиталист должен вступать в соглашение с профсоюзами, то капиталист, правильно осведомленный, зная, что профсоюзы руководятся коммунистическими фракциями и через них партией, мог бы питать опасение, что от этих коммунистов можно ждать всяких нелепостей, и мог бы заломить условия совершенно невероятные.

С точки зрения капиталиста, такие опасения вполне естественны. Поэтому мы должны сказать, что мы стоим на почве делового соглашения — иначе не о чем разговаривать. Поэтому мы говорим, что мы согласны сделать такое добавление. Мы согласны для себя и для наших профсоюзов эту норму принять равной норме средней американской или западноевропейской рабочей норме. Иначе, повторяю, ни о каком договоре, приспособленном к капиталистическим отношениям, не может быть и речи. Пункт шестой:

«6. Концессионер обязан строго соблюдать научные технические правила, соответствующие русскому и иностранному законодательству (подробности в каждом договоре).»

Этот пункт в договоре будет развит особенно подробно. Например, нефтяной договор содержит в себе 10 статей, в которых подробные научные правила излагаются и описываются. Основное свойство капиталистического хозяйства — его неспособность заботиться о научно-правильной эксплуатации как земли, так и рабочей силы. Средством борьбы против этого являются научно-технические правила. Мы знаем, что, например, нефтяные промыслы, при сколько-нибудь неправильной или недостаточно правильной эксплуатации, подвергаются обводнению. Ясно, что для нас получение технического оборудования имеет громадное значение. Я напому здесь, что приблизительный подсчет того, что нам надо из этого оборудования, был произведен в книжке «План электрификации России». Я не помню цифры абсолютно точные, но в общем и целом расходы по электрификации определены в 17 миллиардов рублей золотом, причем работы первой очереди могут быть выполнены в срок около десятилетия. Мы рассчитываем покрыть до 11 миллиардов этой суммы нашим фондом, как золотым, так и вывозом; и, значит, 6 миллиардов остаются непокрытыми. В связи с этим, авторы этой работы приходят к тому выводу, что придется либо долговые обязательства давать, либо концессии. Надо этот дефицит покрыть. План разработан лучшими специалистами по отношению ко всей республике — с точки зрения планомерного развития всех отраслей промышленности. Прежде всего, речь идет о топливе и наиболее экономном, рациональном и совершенном использовании этого топлива, применяемого во всех главнейших отраслях

промышленности. Мы не могли бы решить эту задачу, если бы не имели ресурсов концессионных и долговых. Эти условия, конечно, в некоторый, чрезвычайно желательный, момент окажутся несуществующими. После особенно крупной стачки, вроде той, которая сейчас происходит в Англии, или вроде той, которая недавно кончилась неудачей в Германии⁷¹. Но после неудачной стачки последует удачная стачка и удачная революция, и тогда мы окажемся в социалистических отношениях, а не в капиталистических.

Опасность при перерывах в добыче нефти приобретает катастрофический характер. Той нормы, которая была до 1905 г. в Баку, капиталистам не удалось достигнуть. Оказывается, что в заграничных месторождениях нефти, например, в Калифорнии и в Румынии, признается та же опасность обводнения промыслов. Недостаточная выкачка воды ведет ко все большему и большему обводнению.

В заграничных и русских законодательствах есть на этот счет подробные правила. Когда мы занимались этим делом в Баку, то справлялись у наших спецов относительно законодательства румынского и калифорнийского. Для того, чтобы охранить источники нашего сырья, мы должны добиться выполнения и соблюдения научно-технических правил. Например, если речь будет идти о сдаче леса, то надо предусмотреть, чтобы правильно велось лесное хозяйство. Если речь идет о сдаче нефти, то надо предусмотреть борьбу с обводнением. Таким образом, тут нужно соблюдение научно-технических правил и рациональная эксплуатация. Откуда же берутся эти понятия? Берутся они из русского и заграничного законодательства. Этим мы устраняем опасения, что эти правила мы выдумали сами, потому что тогда ни один капиталист не станет с нами разговаривать. Мы берем то, что есть в законодательстве русском и заграничном. Если мы возьмем лучшее, что имеется в законодательстве русском и любом заграничном законодательстве, то на этой основе мы имеем возможность гарантировать ту норму, которой достигает сейчас передовой капиталист. Это известная деловая норма, и она взята не из коммунистической фантазии, чего пуще всего боятся капиталисты, а взята из капиталистической практики. Мы гарантируем, что в этих договорах мы не пойдем дальше того, что есть в законодательстве

капиталистическом при всех условиях и во всех отношениях, во всех пунктах концессионного договора. Вот это основное положение ни на минуту нельзя забывать. Мы должны на почве капиталистических отношений доказать приемлемость этих условий для капиталистов, выгоду для них этих условий и вместе с тем мы должны суметь извлечь из этого выгоду и для себя. Иначе всякий разговор о концессиях есть пустословие. Итак, мы говорим о том, что признано в законодательстве капиталистическом. Все знают, что передовой капитализм с точки зрения технических усовершенствований, технической постановки дела несравненно выше, чем теперешняя наша промышленность. Таким образом, мы не ограничиваем себя одним законодательством русским. Например, по отношению к нефти мы начали брать материалы из русского, румынского и калифорнийского законодательства. Мы имеем право взять любой закон, и этим устраняется всякое подозрение, что здесь какая-то выдумка и произвол. Для современного передового капиталиста, для финансовых королей и современного финансового капитала это понятно. Они сообразуются с международными условиями и международной нормой. Мы выставляем эту норму, учитывая деловые требования капитализма. Здесь мы не выступаем на почве каких бы то ни было фантазий и в то же время ставим себе практическую цель улучшить нашу промышленность настолько, чтобы она соответствовала передовому современному капитализму. Всякий, кто знает положение нашей промышленности, понимает, что это улучшение гигантское. Если бы мы осуществили эти положения по отношению к некоторой части промышленности, хотя бы к десятой части, то это был бы громадный шаг вперед, возможный для них и чрезвычайно желательный для нас. Седьмой пункт:

«7. Аналогичное параграфу 4-му правило устанавливается относительно оборудования, привозимого концессионером из-за границы.»

Четвертый пункт говорит, что кроме того, что концессионер привозит для своих работ, он должен привозить, если мы включим это в договор, некоторое количество сверх того на продажу, за особую плату. Если капиталист будет привозить для себя усовершенствованные бурава и инструменты, то мы имеем право требовать,

чтобы сверх тех буравов, которые нужны ему, допустим 25%, он привез бы для нас и мы будем оплачивать это так же, как по 4-му параграфу, то есть себестоимость плюс определенный процент накладных расходов.

Будущее очень благоприятно. Но никоим образом нельзя смешивать этих двух деятельностей: с одной стороны агитационной, которая приближает это будущее, и с другой стороны умение сейчас устроиться так, чтобы в капиталистическом окружении существовать. Если этого мы не сумеем, то придется подпасть под неприятные стороны пословицы, которая говорит: «Пока солнце взойдет, роса очи выест». Мы должны суметь, опираясь на особенности капиталистического мира и используя жадность капиталистов к сырью, извлечь отсюда такие выгоды, чтобы укрепить свое экономическое положение — как это ни странно — среди капиталистов. Задача как будто бы странная: каким образом социалистическая республика может улучшить свое положение, опираясь на капитализм? Но мы это видели в войне. Мы победили в войне не потому, что были сильнее, а потому, что, будучи слабее, мы использовали вражду между капиталистическими государствами. Сейчас мы либо используем вражду между трестами, либо мы окажемся неприспособленными к капиталистическим особенностям и существовать в системе капиталистического окружения не сможем. Пункт восьмой:

«8. Вопрос об уплате рабочим, занятым на концессионных предприятиях, заработной платы иностранной валютой или особыми бонами или советскими деньгами и т. п. определяется особым соглашением в каждом договоре.»

Здесь, как вы видите, мы принимаем всевозможную уплату: иностранной валютой, бонами, советскими деньгами, и заранее соглашаемся благожелательно рассмотреть все предложения, которые деловые люди нам сделают. Из конкретных предложений наши представители слышали предложение Вандерлипа, который говорил: «Я бы желал платить рабочим средний заработок, скажем, полтора доллара в день. Затем я устроил бы на своей концессионной территории лавки; в этих лавках у меня будут все предметы, необходимые для рабочих, а получать из лавок сможет тот, кто получит определенные

боны, а боны я буду давать только тем рабочим, которые будут заняты в моих концессионных предприятиях». Так ли это будет или нет, но мы это в принципе считаем вполне приемлемым. Конечно, тут возникает масса трудностей. Уметь соединить концессию, учитывающую капиталистическое производство, с точкой зрения советской — дело, конечно, не легкое, и всякое такого рода усилие есть, как я говорил, продолжение борьбы капитализма с социализмом. Эта борьба переменяла формы, но она осталась борьбой. Всякий концессионер остается капиталистом, и он будет стремиться подорвать Советскую власть, а мы должны стремиться к тому, чтобы его жадность использовать. Мы говорим: «Мы и 150% не пожалеем, если добьемся улучшения положения наших рабочих». Вот из-за чего будет идти борьба. Тут, конечно, нужна еще большая ловкость, чем борьба при заключении любого мирного договора. При заключении каждого мирного договора происходит борьба, в ней принимают участие буржуазные державы, которые стоят за спиной. Если мы подписывали мирный договор с Латвией, Финляндией и Польшей, то за спиной каждой из этих держав стояли иностранные державы, которые водили их рукой. И мы должны были заключать эти договора так, чтобы они, с одной стороны, давали возможность существования буржуазным республикам, а с другой стороны, обеспечивали выгоды Советской власти с точки зрения мировой дипломатии. Каждый мирный договор с буржуазными державами есть договор, который записывает известные пункты войны. Точно так же и каждый пункт концессионного договора есть договор военный в том смысле, что в каждом пункте была война. И надо уметь поставить дело так, чтобы свои интересы в этой войне отстаивать. Это можно сделать потому, что капиталист получает большие прибыли от концессионного предприятия, а мы получаем некоторое улучшение в положении наших рабочих, некоторую прибавку продуктов посредством долевого отчисления. Если оплата будет иностранной валютой, то возникает целый ряд сложных вопросов: как эту валюту обменять на советскую? как бороться со спекуляцией? и т. д. Мы заранее идем на то, что мы против любого способа оплаты воевать сумеем и нам он не страшен. Придумывайте, господа капиталисты, все, что хотите — вот что

этот пункт говорит. Будет ли товар привезен вами и продаваться за особые боны, будет ли он продаваться на особых условиях или только по именованным свидетельствам рабочих, которые работают в концессии, нам это безразлично. Мы ко всем условиям сумеем приспособиться так, чтобы воевать с вами на почве этих условий и отвоевать себе известное улучшение положения наших рабочих. Вот задача, которую мы ставим себе. Как решится эта задача в концессионном договоре — сказать нельзя. В какой-нибудь Камчатке нельзя предлагать те же условия расплаты, как у нас или в Баку. Если концессия будет в Донецком бассейне, то формы оплаты не могут быть те же, что на далеком Севере. Мы ничем тут капиталистов в форме оплаты не связывали. Каждый пункт договора будет включать в себе борьбу капиталистов с социалистами. Мы этой борьбе не боимся и заранее уверены, что мы сумеем получить от концессий возможные выгоды. Пункт девятый:

«9. Условия найма, материального быта и вознаграждения иностранных квалифицированных рабочих и служащих предоставляются свободному соглашению концессионера с указанной категорией служащих и рабочих.

Профсоюзы не вправе требовать применения к таким рабочим русских тарифных ставок, как равно и русских правил о найме.»

Пункт девятый мы считали совершенно необходимым, так как предполагать со стороны капиталистов доверие к коммунистам было бы чрезвычайной глупостью. Это ясно — и принципиально, и тем более с точки зрения «делаческой». И если мы скажем, что для нас обязательно подтверждение этих условий найма профессиональными союзами, если мы скажем капиталистам, что любого заграничного техника или специалиста мы принимаем, но пожалуйста пройдите через кодекс о труде РСФСР, то, понятно, ни один иностранный техник через это пройти не сможет и не пожелает, так что это было бы простой формальностью. Можно было бы сказать, что правительство говорит одно, а профсоюзы скажут другое, так как правительство не профсоюзы, а профсоюзы не правительство, и тут юридическую «заковыку» сделать можно. Но мы писали это не для адвокатов, не для стряпчих, а для коммунистов. Писали на основании решения X съезда

партии о том, как нужно вести концессионную политику. Из всей литературы нашей, которая европейцу доступна, известно, что концессионная политика руководится коммунистической партией, которая есть правительственная партия. Это не хитрая механика, она на все языки переведена. И если бы мы, как руководящие политики, не сказали, что использовать здесь наше влияние на профсоюзы мы не можем и не хотим, то ни о какой концессионной политике говорить было бы нельзя. Учить их, капиталистов, коммунизму не приходится. Мы — прекрасные коммунисты, но не путем концессий мы будем вводить коммунистический порядок. Концессия — это есть договор с буржуазной державой. И как мы посадили бы в сумасшедший дом того коммуниста, который поехал бы заключать договор с буржуазной державой на основе коммунистических принципов, и сказали бы ему: «ты в дипломаты в буржуазной державе не годишься, хоть ты и прекрасный коммунист», так недалек был бы от сумасшедшего дома и тот коммунист, который в отношении концессионной политики желал бы свой коммунизм проявить в договоре. Тут надо понимать капиталистическую торговлю, а если ты не понимаешь, то ты не годишься. Надо либо не совершать концессий, либо понять, что эти капиталистические условия надо использовать в нашу пользу, дав полную свободу иностранным рабочим и техникам. В этой области, конечно, мы ограничений включать не будем.

Ограничение дальше, в третьей части пункта девятого:

«Процентное отношение числа иностранных рабочих и служащих к русским как в общей сумме, так и в пределах отдельных категорий, устанавливается соглашением сторон при заключении каждого концессионного договора в отдельности.»

Мы не можем, конечно, исключить привоза иностранных рабочих в ту местность, где русских рабочих мы дать не можем, как, например, на Камчатку, для лесной промышленности. В той промышленности, например на рудниках, где нет питьевой воды или продовольствия, если капиталисты захотят там строить, то они должны привезти рабочих, и там мы позволим им привезти громадную долю. Наоборот, там, где есть русские рабочие, мы выговариваем процентное отношение, чтобы дать нашим

рабочим возможность, с одной стороны, учиться, с другой стороны — улучшить свое положение, ибо мы хотим извлечь из концессий пользу для наших рабочих в смысле улучшения предприятий по последнему слову капиталистической техники. Это все не встречает принципиальных возражений со стороны капиталистов. Последний пункт — десятый:

«10. Концессионеру может быть предоставлено право, по соглашению с правительственными органами РСФСР, приглашать высоко-квалифицированных специалистов из числа русских граждан; условия найма в каждом отдельном случае должны быть согласованы с органами центральной власти.»

Понятно, что в этом отношении полного простора, как по отношению к заграничным техникам и рабочим, мы не можем гарантировать. Там мы не вмешиваемся, там они подчинены целиком капиталистическим отношениям. Для наших специалистов и техников такой свободы мы не обещаем. Мы не можем позволить, чтобы лучшие наши специалисты были применены на концессионных предприятиях. Мы не желаем, чтобы им был туда закрыт совсем доступ, но нужно, чтобы был надзор за исполнением договора сверху и снизу. Надзор должен быть со стороны рабочих, членов коммунистической партии, которые будут работать на предприятиях, надзор за исполнением условий договора, а также в отношении своего профессионально-технического образования, равно как и надзор за соблюдением законодательства. Этот пункт принципиальных возражений в предварительных переговорах с некоторыми из королей современного капитала не встретил.

Вот все пункты, подтвержденные Совнаркомом. Надеюсь, что из них становится ясно, какую мы хотим вести концессионную политику.

Нет сомнений в том, что каждая концессия будет новой, своего рода, войной в смысле войны экономической, перенесением войны в другую плоскость. Приспособиться к этому необходимо, но надо уметь это делать с точки зрения партийного съезда. Необходимо идти на передышку, на жертвы и лишения, иначе мы цели не достигнем, а цель одна: в капиталистическом окружении мы используем жадность капиталистов к прибыли и вражду одного треста к другому, чтобы создать условия для существования

социалистической республики, которая вне мировых связей существовать не может, и при данных условиях должна связать свое существование с капиталистическими отношениями. Возникает вопрос, каковы будут конкретные условия. Например, в отношении нефтяных договоров эти конкретные условия таковы: $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ всего Грозного и всего Баку. Разработан размер долевого отчисления: мы будем оставлять у себя 30—40% добываемой нефти. Мы вводим обязательство в определенный срок довести добычу, например, до 100 миллионов, обязательство довести нефтепровод от Грозного и от Петровска до Москвы. Придется ли идти на известную доплату — этот вопрос в каждом отдельном договоре предусматривается. Но тип договора из этих условий должен быть ясен. С точки зрения профсоюзов важно, чтобы руководящие партийные элементы усвоили себе особенность этой политики и поставили перед собой задачу: во исполнение решения партийного съезда, применительно к задачам социалистического строя в капиталистическом окружении, во что бы то ни стало добиться таких концессий. Каждая концессия будет выигрышем, немедленным улучшением положения для части рабочих и крестьян. Для крестьян потому, что каждая концессия предполагает некоторый добавочный продукт, который мы произвести не в силах, но который мы будем обменивать у крестьян, а не брать посредством налога.

Операция весьма нелегкая, а для органов Советской власти даже и весьма нелегкая. Исходя из этой основной позиции, нужно поставить своей задачей добиться концессий, минуя все имеющиеся предрассудки на этот счет, нежелание идти на передвижку, нежелание пожертвовать старыми правами, неудобство того, что одна часть рабочих будет получать лучше, а другая хуже. Таких неудобств и таких претензий, которыми мы можем сорвать всякое деловое улучшение, можно придумать еще миллион. На этом срые и спекулирует заграничный капитал. Я не знаю другого пункта, против которого бы так восставали умнейшие представители русской белогвардейской прессы, которые в истории с кронштадтскими событиями доказали, насколько они выше Чернова и Мартова, помноженных на пять. Они прекрасно знают, что если мы не сумеем из-за наших предрассудков улучшить положение рабочих

и крестьян, то этим мы создадим себе еще большие трудности и окончательно подорвем престиж Советской власти. Вы знаете, что мы должны во что бы то ни стало добиться этого улучшения. Нам не жалко дать иностранному капиталисту и 2000% прибыли, лишь бы улучшить положение рабочих и крестьян, — и это нужно осуществить во что бы то ни стало.

Впервые напечатано в 1932 г.

Печатается по стенограмме

ТОВАРИЩАМ-КОММУНИСТАМ АЗЕРБАЙДЖАНА, ГРУЗИИ, АРМЕНИИ, ДАГЕСТАНА, ГОРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Горячо приветствуя Советские республики Кавказа, я позволю себе выразить надежду, что их тесный союз создаст образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного в буржуазном строе.

Но как ни важен национальный мир между рабочими и крестьянами национальностей Кавказа, а еще несравненно важнее удержать и развить Советскую власть, как переход к социализму. Задача трудная, но вполне исполнимая. Всего более важно для успешного ее решения, чтобы коммунисты Закавказья поняли *своеобразие* их положения, положения их республик, в отличие от положения и условий РСФСР, поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий.

Советская республика в России не имела политической и военной поддержки нигде. Напротив, она годы и годы боролась против военных нашествий Антанты и ее блокады.

Советские республики Кавказа имели политическую и в небольшой мере военную поддержку от РСФСР. Это коренное отличие.

Второе: от Антанты не приходится сейчас бояться нашествия и военной поддержки белогвардейцев грузинских, азербайджанских, армянских, дагестанских, горских. Антанта «обожглась» на России, и это заставит ее некоторое время, вероятно, быть поосторожнее.

Третье: кавказские республики — страны еще более крестьянские, чем Россия.

Четвертое: экономически Россия была и в значительной степени остается отрезанной от передовых капиталистических стран; Кавказ может наладить «сожительство» и

товарообмен с капиталистическим Западом быстрее и легче.

Это не все различия. Но и указанных различий достаточно, чтобы понять необходимость иной тактики.

Больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству. Использовать экономически всячески, усиленно, спешно капиталистический Запад в политике концессий и товарообмена с ним. Нефть, марганец, уголь (Ткварчельские копи), медь — таков далеко не полный перечень громадных горных богатств. Есть полная возможность политику концессий и товарообмен с заграницей развернуть широко.

Надо это сделать широко, твердо, умело, осмотрительно, используя это всячески для улучшения положения рабочих и крестьян, для привлечения к строительству хозяйства интеллигенции. Всеми силами развить, используя товарообмен с Италией, Америкой и др. странами, производительные силы богатого края, белый уголь, орошение. Орошение особенно важно, чтобы поднять земледелие и скотоводство во что бы то ни стало.

Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР. Вот что надо понять и уметь осуществить в отличие от нашей тактики.

Мы пробивали первую брешь в мировом капитализме. Брешь пробита. Мы устояли себя в бешеной, сверхъестественной, тяжелой и трудной, мучительно крутой войне против белых, эсеров, меньшевиков, поддержанных всей Антантой, ее блокадой, ее военной помощью.

Вам, товарищи-коммунисты Кавказа, не надо пробивать брешь, надо уметь с большей осторожностью и систематичностью создавать новое, используя выгодную для вас международную обстановку 1921 года. И Европа и весь мир в 1921 году уже не то, что в 1917 и 1918 годах.

Не копировать нашей тактики, а самостоятельно продумывать причины ее своеобразия, условия и итоги ее, применять у себя не букву, а дух, смысл, уроки опыта 1917—1921 годов. Экономически сразу опереться на товарообмен с капиталистической заграницей, не скупись: пусть

десятки миллионов ценнейших горных продуктов доставятся ей.

Сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы электрификации, орошения. Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму.

Извиняюсь за небрежность этого письма, которое я должен был набросать наскоро, чтобы отправить с тов. Мясниковым, и плюю еще раз наилучшие приветы и пожелания рабочим и крестьянам Советских республик Кавказа.

Н. Ленин

Москва, 14 апреля 1921 года

*«Правда Грузии» № 55,
8 мая 1921 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Правда Грузии»*

ОБЩЕГОРОДСКОМУ СОВЕЩАНИЮ ПЕТРОГРАДСКИХ БЕСПАРТИЙНЫХ РАБОЧИХ ⁷²

Товарищи! Я очень жалею, что мне не удалось приехать в Петроград по вашему предложению. Приветствую от всей души беспартийное совещание и вашу работу. Именно теперь, когда буржуазия всего мира проводит неслыханную кампанию лжи против Советской России, стараюсь сорвать наши торговые соглашения с границей, именно теперь помощь беспартийных масс, сотрудничество с ними особенно важно. Рабочие и крестьяне стали понимать после кронштадтских событий лучше, чем прежде, что всякая передвижка власти в России идет на пользу белогвардейцам; недаром Милюков и все умные вожди буржуазии приветствовали кронштадтский лозунг «Советы без большевиков».

Еще раз шлю привет беспартийному совещанию, желаю всякого успеха в работах и в особенности прошу обратить внимание на необходимость выделить сейчас и выдвигать постоянно побольше беспартийных рабочих и крестьян к делу хозяйственного строительства. В Петрограде создан областной хозяйственный центр. Налечь на работу надо посильнее. Местные работники получают больше прав, больше инициативы. Беспартийным надо взяться за дело и дать людей и еще людей.

Привет.

Ленин

Написано 14 апреля 1921 г.

Опубликовано в 1921 г.

Печатается по рукописи

ПЛАН БРОШЮРЫ «О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ НАЛОГЕ»

I

Etwa*:

1. Общее значение налога.

Назад? Вперед? (к товарообмену).

«Брест» ли?

*Переход от разверстки (взимания и излишков)
к товарообмену.*

«Военный» коммунизм *versus*** *правильные хозяйственные отношения.*

2. Налог и свободная торговля.

Налог и свободная торговля.

Свобода торговли *versus* экономическая база («местный оборот») мелкого хозяйства.

» » *versus* государственная власть пролетариата.

» » *versus* концессии.

Мера и условия свободы торговли.

3. Середняк. (Нивелировка.)

Ставка на кулака?

или *середняк*.

Нивелировка.

Старательный крестьянин.

Увеличение продуктов.

4. Пути перехода к социалистическому земледелию.

мелкий крестьянин

колхозы

электрификация.

* — приблизительно. *Ред.*

** — против. *Ред.*

5. Кооперация.
6. Борьба с бюрократизмом
(ее экономические основы).
7. *Международное положение и внутренние отношения.*
8. Партийный и политический кризисы (1920—1921).
Меньшевики + социалисты-революционеры + анархисты
(Кронштадт).
9. «Соглашение» с крестьянством? или диктатура?
10. Беспартийные конференции.

II

План брошюры:

Точнее бы передавало содержание:

О замене разверстки налогом в связи с общими задачами и условиями данного политического момента.

Замена разверстки налогом в связи с особыми условиями данного политического момента.

О замене разверстки налогом и о соглашении с крестьянством (или О задачах рабочего правительства в крестьянской стране) и о задачах рабочего класса по отношению к крестьянству.

Замена разверстки налогом, ее принципиальное значение: от «военного» коммунизма к *правильному* социалистическому фундаменту.

Ни разверстки ни налога, а обмен продуктов крупной («социализированной») промышленности на крестьянские продукты, такова экономическая *суть* социализма, его база.

Разверстка не «идеал», а горькая и печальная необходимость. Обратный взгляд — опасная ошибка.

Разверстка и «аппарат». Без «аппарата» мы бы давно погибли. Без систематической и упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма.

Союз рабочих с крестьянством = α и ω * Советской власти. «Необходимое и достаточное» условие ее прочности.

Союз этот против Деникина и К^о не то, что союз (этот же) в экономическом строительстве.

Первый = буржуазная революция.

Второй = социалистическая революция.

Переход от войны к строительству.

IX съезд 1920 (cf. ** IV. 1918) versus X съезд (III. 1921).

Переход от разверстки к правильному товарообмену.

Налог в принципе согласим, совместим с свободной торговлей хлебом и другими продуктами.

Формальный демократизм versus реальность классовых отношений в вопросе о налоге и других вопросах подобного рода.

Принуждение + убеждение (в разверстке) — в налоге — в «товарообмене».

В какой мере «свобода торговли»? После уплаты налога.

Простор опытам, практике. Мелкая торговля... || Задача местных работни-
ков. Задача местной власти.

Тип экономических отношений или экономической системы до пролетарской революции в ряде крупных стран = концентрация вверху

свобода крестьянской торговли внизу...
своего рода государственный капитализм (cf. IV. 1918).

«Ставка» на середняка? на кулака? Восстановление буржуазных отношений?

* — α (альфа) и ω (омега) — первая и последняя буквы греческого алфавита. *Ред.*

** — confer — сравни. *Ред.*

Нивелировка деревни

«бедноте» { дали уравнильный передел
 » помещичью землю
 » взять от кулака
 » экстраординарную помощь государства.

Теперь *звоздем, оселком* становится (стало) увеличение продуктов (cf. программа РКП)⁷³. *Inde**: «ставка» на середняка в земледелии.

Старательный крестьянин как «центральная фигура» нашего хозяйственного подъема.

Индивидуальный товарообмен.

Роль колхозов: много наглушили. Под суд за неисполнение закона и за *неумелость* (три года).

Страшен ли социализму «индивидуализм» крестьянина? его «свободная торговля»? Нет.

Электрификация: мерило. Отдаленный план, но *план* и (*ergo****) критерий. (Всякий план есть мерило, критерий, маяк, *veha etc.****)

Если электрификация через 10—20 лет, ни капли не страшен индивидуализм мелкого земледельца и свободная торговля *его* в местном обороте. *Если* не электрификация, *все равно* неизбежен возврат к капитализму.

Международное положение сложилось благоприятно: новое равновесие.

Их распад
наше сплочение.

Антанта versus Германия.

Америка versus Япония (и Англия).

Америка versus Европа.

Империалистский мир versus «Азия»

$(\frac{1}{7})$ $(\frac{4}{7})$
 $(0,250 \times 7 = 1,75)$ (1,000 миллиард из
 1,750)⁷⁴

10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспечена победа в всемирном масштабе (даже при

* — Следовательно. *Ред.*

** — поэтому. *Ред.*

*** — и так далее. *Ред.*

затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора.

Aut — aut. Tertium non datur*.

NB:

«Соглашение» скрестьянством? Учредилка (прямо и прикрито), голосование, изменение конституции, социалисты-революционеры и меньшевики + анархисты.	<i>Кооперация.</i> Ее экономическая и политическая (меньшевики и социалисты - революционеры) сто- рона.	Двусмысленность понятия «соглашения» особенно <i>versus</i> «диктатура».
---	---	--

Опыт и урок Кронштадта (новое в политической истории Соввласти).	Непримримая борьба против меньшевиков, социалистов-революционеров, анархистов.
--	--

Quid est «politica»?**

(1) авангард пролетариата к его массе.

(2) пролетариат к крестьянству.

(3) пролетариат (и крестьянство) к буржуазии.

NB:

Усталость, изнеможение, отчаяние... Нет сил... «Передышка»... <i>бюрократизм</i> (Gegensstück*** крестьянства).	и в рабочем классе и в крестьянстве.	Истрепанность «верхов» и выдвижение новых людей из «низов» = (а) молодежи; (б) беспартийных.
---	--------------------------------------	--

NB NB:

«Анархизм и «марксистская» борьба с ним. «Отчаяние»? Не тот темп (военного и мирного строительства).
--

* — или — или. Третьего не дано. *Ред.*

** — что такое «политика»? *Ред.*

*** — подобие, отражение. *Ред.*

И в IV. 1918 и в IV. 1920 мы себе представляли переход от войны к мирному строительству как простой переход на тех же рельсах *политики*.

Переход сложный: иные отношения к крестьянству, иной темп, иная обстановка.

Демобилизация армии.

Бандитизм. (Разорение. 7-летняя война.)

Либо белогвардейский террор либо руководство (все более мягкое) пролетариата, его *диктатура*.

Страшное в слове «диктатура»?

NB:

Беспартийный крестьянин, как мерило, как показатель, как советчик — и как политический лозунг (= социалисты-революционеры и меньшевики). Голосовать? Свергать власть? Или искать соглашения с ней?

Беспартийные конференции не абсолютное политическое орудие меньшевиков и социалистов-революционеров + анархистов. Caveant consules!*

Обычный прием обычной буржуазной партийности и буржуазного парламентаризма: на уступках *«ловим»*. Но мы не признаем *самой почвы* буржуазного парламентаризма, «обычной (буржуазной) партийности»!!

NB

NB:

NB:

NB

«Экономические основы отмирания государства» («Государство и революция»): *здесь также «экономические основы» отмирания бюрократизма, отмирания верхов и низов, отмирания неравенства (ср. «Первые шаги от капитализма к коммунизму»). Еще нет ХОЗЯЙСТВЕННОЙ базы социализма. В чем она? В товарообмене с крестьянством!!*

К борьбе с бюрократизмом.

NB

* — Пусть будут бдительны консулы! Ред.

NB

+ **Примечание.** Значение весеннего (II—III) политического кризиса 1921 («переходы») и парткризиса (XI или IX. 1920 — III. 1921). Приспособить верхи партии к ее массе или *vice versa**? Партию к массе (пролетариата + затем крестьянства) или *vice versa*.

III

Государственный капитализм не страшен, а *желателен*.

Учиться у государственного капитализма.

Примеры:

- 1) Концессии.
- 2) Кооперация.
- 3) Комиссионеры.
- 4) Аренда.

4. Неорганизованный капитализм.

«Стихия» c'est le mot** 1794 versus 1921.

Все в меру и на известных условиях.

Какова эта мера?

Опыт покажет.

$\frac{1}{4}$ etwa.

«Оборот» главным образом и в 1-ую голову

Борьба с спекуляцией. Quid est?***

Продналог и оборот.

директивы продовольственным:

$$100 + 100 = 200\%$$

$$? \sum 100 + 25$$

$$60 + 60$$

Эти (3 и 4) виды слабы, ибо мы *слабы и глупы*. Cf. бюрократизм...

Свобода торговли а) для развития производительных сил крестьянского хозяйства б) для развития мелкой промышленности γ) для борьбы с бюрократизмом.

* — наоборот. *Ред.*

** — вот слово. *Ред.*

*** — Что это такое? *Ред.*

Мера? Условия?

Практика должна показать.

Продовольственник: собери 100%
 $100 + 100 = 200$
 Etwa: $\left\{ \begin{array}{l} 100 + 25 = 125 \\ 60 + 60 = 120 \end{array} \right\}$

Борьба с спекуляцией?

Quid est?

Политическая сторона:

Скинет мелкобуржуазная стихия (5. V. 1918).

«Образец» французская революция cf. 10. XI.
 1918

Anti-Kautsky *75.

Пессимизм или оптимизм?

Учет сил. Трезвость и бешеная страстность.

IV

Заключение Etwa:

Переход к политике.

Экономика весны 1921 превратилась в политику: «Кронштадт».

Роль социалистов-революционеров + меньшевиков (Дан, Рожков и К^о, Мартов и К^о). «Небольшая передвижка» все равно вправо или влево.

Миллюков умнее Чернова и Мартова: нетрудно быть умнее этих самовлюбленных дурачков, героев фразы, рыцарей мелкобуржуазной доктрины (1789—1848—1920).

Место им в тюрьме, а не на беспартийной конференции.

1794 versus 1921.

Колебания «стихий». (Quid est стихия)
 и твердость.

Выбор и
 выдвигание людей.

Пессимизм или оптимизм? Трезвейшая оценка зла и трудности.

Беззаветность в борьбе. $\Sigma \Sigma =$

* — против Каутского. Ред.

Итоги:

- 1) «Оборот». Quid est?
- 2) Мелкая промышленность. Где сырье?
- 3) Обмен.
- 4) Капитализм.
- 5) Государственный капитализм.
- 6) Инициатива мест.
- 7) Меньшевики и социалисты-революционеры + беспартийные.

Написано в конце марта —
начале апреля 1921 г.

Печатается по рукописи

О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ НАЛОГЕ

(ЗНАЧЕНИЕ НОВОЙ ПОЛИТИКИ И ЕЕ УСЛОВИЯ)

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Вопрос о продналоге вызывает в настоящее время особенно много внимания, обсуждения, споров. Вполне понятно, ибо это действительно один из главных вопросов политики при данных условиях.

Обсуждение носит характер немного сутолочный. Этим грехом, по причинам слишком понятным, страдаем мы все. Тем более полезной будет попытка подойти к этому вопросу не с его «злободневной», а с его общепринципальной стороны. Иными словами: взглянуть на общий, коренной фон той картины, на которой теперь мы чертим узор определенных практических мероприятий политики данного дня.

Чтобы сделать такую попытку, я позволю себе привести длинную выписку из моей брошюры: «Главная задача наших дней. — О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности»⁷⁰. Эта брошюра вышла в издании Петроградского Совдеда в 1918 году и содержит в себе, во-1-х, газетную статью от 11 марта 1918 года по поводу Брестского мира, во-2-х, полемику с тогдашней группой левых коммунистов, помеченную 5 мая 1918 года. Poleмика теперь не нужна, и я ее выкидываю. Оставляю то, что относится к рассуждениям о «государственном капитализме» и об основных элементах нашей современной, переходной от капитализма к социализму, экономики.

Вот что я писал тогда:

О СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

(ИЗ БРОШЮРЫ 1918 ГОДА)

...«Государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего положения дел в нашей Советской республике. Если бы, примерно, через полгода у нас

установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм.

Я воображаю себе, с каким благородным негодованием отшатнется кое-кто от этих слов... Как? В Советской социалистической республике переход к государственному капитализму был бы шагом вперед?.. Это ли не измена социализму?

Именно на этом пункте надо подробнее остановиться.

Во-первых, надо разобрать, каков именно тот *переход* от капитализма к социализму, который дает нам право и основание называться социалистической республикой Советов.

Во-вторых, надо обнаружить ошибку тех, кто не видит мелкобуржуазных экономических условий и мелкобуржуазной стихии, как *главного* врага социализма у нас.

В-третьих, надо хорошенько понять значение *Советского* государства в его экономическом отличии от буржуазного государства.

Рассмотрим все эти три обстоятельства.

Не было еще, кажется, такого человека, который, задавая вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики. Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение «Социалистическая Советская Республика» означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание данных экономических порядков социалистическими.

Но что же значит слово *переход*? Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки капитализма и социализма? Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса.

Перечислим эти элементы:

- 1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;
- 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);
- 3) частнохозяйственный капитализм;

- 4) государственный капитализм;
- 5) социализм.

Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом.

Спрашивается, какие же элементы преобладают? Ясное дело, что в мелкокрестьянской стране преобладает, и не может не преобладать, мелкобуржуазная стихия: большинство, и громадное большинство, земледельцев — мелкие товарные производители. Оболочку государственного капитализма (хлебная монополия, подконтрольные предприятия и торговцы, буржуазные кооператоры) разрывают у нас то здесь, то там *спекулянты*, и главным предметом спекуляции является *хлеб*.

Главная борьба развертывается именно в этой области. Между кем и кем идет эта борьба, если говорить в терминах экономических категорий, вроде «государственный капитализм»? Между четвертой и пятой ступенями в том порядке, как я их перечислил сейчас? Конечно, нет. Не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частнохозяйственный капитализм борются вместе, заодно, и против государственного капитализма, и против социализма. Мелкая буржуазия сопротивляется против *всякого* государственного вмешательства, учета и контроля, как государственно-капиталистического, так и государственно-социалистического. Это — совершенно непререкаемый факт действительности, в непонимании которого и лежит корень целого ряда экономических ошибок. Спекулянт, мародер торговли, срыватель монополии — вот наш главный «внутренний» враг, враг экономических мероприятий Советской власти. Если 125 лет тому назад французским мелким буржуа, самым ярким и самым искренним революционерам, было еще извинительно стремление победить спекулянта казнями отдельных, немногих «избранных» и громами деклараций, то теперь чисто-французское отношение к вопросу у каких-нибудь левых эсеров возбуждает в каждом сознательном революционере только отвращение или брезгливость. Мы прекрасно знаем, что экономическая основа спекуляции есть мелкособственнический, необычайно широкий на Руси, слой и частнохозяйственный капитализм, который в каждом мелком буржуа имеет своего агента. Мы знаем, что

миллионы щупальцев этой мелкобуржуазной гидры охватывают то здесь, то там отдельные прослойки рабочих, что спекуляция вместо государственной монополии врывается во все поры нашей общественно-экономической жизни.

Кто не видит этого, тот как раз своей слепотой и обнаруживает свою плененность мелкобуржуазными предрассудками...

Мелкий буржуа имеет запас деньжонок, несколько тысяч, накопленных «справдами» и особенно неправдами во время войны. Таков экономический тип, характерный, как основа спекуляции и частнохозяйственного капитализма. Деньги, это — свидетельство на получение общественного богатства, и многомиллионный слой мелких собственников, крепко держа это свидетельство, причет его от «государства», ни в какой социализм и коммунизм не веря, «отсиживаясь» от пролетарской бури. Либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа (мы сможем это сделать, если организуем бедноту, т. е. большинство населения или полупролетариев, вокруг сознательного пролетарского авангарда), либо он скинет нашу, рабочую, власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие. Так стоит вопрос. Только так стоит вопрос...

Мелкий буржуа, хранящий тысячки, — враг государственного капитализма, и эти тысячки он желает реализовать непременно для себя, против бедноты, против всякого общегосударственного контроля, а сумма тысячек дает многомиллиардную базу спекуляции, срывающей наше социалистическое строительство. Допустим, что известное число рабочих дает в несколько дней сумму ценностей, выражаемую цифрой 1000. Допустим, далее, что 200 из этой суммы пропадает у нас вследствие мелкой спекуляции, всяческого хищения и мелкособственнического обхода советских декретов и советских распоряжений. Всякий сознательный рабочий скажет: если бы я мог дать 300 из тысячи, ценою создания большего порядка и организации, я бы охотно отдал триста вместо двухсот, ибо при Советской власти уменьшить потом эту «дань», скажем, до ста или до пятидесяти будет совсем легкой задачей, раз порядок и организация будут налажены, раз мелкособственнический

срыв всякой государственной монополии будет окончательно сломлен.

Этим простым цифровым примером, — который умышленно упрощен до последней степени для популярного изложения, — поясняется соотношение теперешнего положения государственного капитализма и социализма. У рабочих в руках власть в государстве, у них полнейшая юридическая возможность «взять» всю тысячу, т. е. ни копейки не отдать без социалистического назначения. Эта юридическая возможность, опирающаяся на фактический переход власти к рабочим, есть элемент социализма. Но многими путями мелкобуржуазная и частнокапиталистическая стихия подрывают юридическое положение, протаскивают спекуляцию, срывают выполнение советских декретов. Государственный капитализм был бы гигантским шагом вперед, *даже если бы* (я нарочно взял такой цифровой пример, чтобы резко показать это) мы заплатили *больше*, чем теперь, ибо заплатить «за науку» стоит, ибо это полезно для рабочих, ибо победа над беспорядком, разрухой, расхлябанностью важнее всего, ибо продолжение мелкобуржуазной анархии есть самая большая, самая грозная опасность, которая погубит нас (если мы не победим ее) *безусловно*, тогда как уплата большей дани государственному капитализму не только не погубит нас, а выведет вернейшим путем к социализму. Рабочий класс, научившийся тому, как отстаивать государственный порядок против мелкобуржуазной анархичности, научившийся тому, как наладить крупную общегосударственную организацию производства на государственно-капиталистических началах, будет иметь тогда, — извините за выражение, — все козыри в руках, и упрочение социализма будет обеспечено.

Государственный капитализм *экономически* несравненно выше, чем наша теперешняя экономика, это — во-первых.

Во-вторых, в нем нет для Советской власти ничего страшного, ибо Советское государство есть государство, в котором обеспечена власть рабочих и бедноты...

* * *

Чтобы еще более разъяснить вопрос, приведем прежде всего конкретнейший пример государственного капитализма. Всем известно, каков этот пример: Германия.

Здесь мы имеем «последнее слово» современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации, *подчиненной юнкерско-буржуазному империализму*. Откиньте подчеркнутые слова, поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистского тоже государство, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство советское, т. е. пролетарское, и вы получите всю ту сумму условий, которую дает социализм.

Социализм немислим без крупнокапиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов. Об этом мы, марксисты, всегда говорили, и с людьми, которые даже этого не поняли (анархисты и добрая половина левых эсеров), не стоит тратить даже и двух секунд на разговор.

Социализм немислим вместе с тем без господства пролетариата в государстве: это тоже азбука. История (от которой никто, кроме разве меньшевистских тупиц первого ранга, не ждал, чтобы она гладко, спокойно, легко и просто дала «цельный» социализм) пошла так своеобразно, что родила к 1918-му году две разрозненные половинки социализма, друг подле друга, точно два будущих пылленка, под одной скорлупой международного империализма. Германия и Россия воплотили в себе в 1918 году всего нагляднее материальное осуществление экономических, производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма, с другой стороны.

Победоносная пролетарская революция в Германии сразу, с громадной легкостью, разбила бы всяческую скорлупу империализма (сделанную, к сожалению, из лучшей стали и потому не разбивающуюся от усилий всякого пылленка), осуществила бы победу мирового социализма наверняка, без трудностей или с ничтожными трудностями, — конечно, если масштаб «трудного» брать всемирно-исторический, а не обывательски-кружковый.

Если в Германии революция еще медлит «разродиться», наша задача — *учиться* государственному капитализму немцев, *всеми силами* перенимать его, не жалеть диктаторских

приемов для того, чтобы ускорить это перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства. Если есть люди среди анархистов и левых эсеров (я нечаянно вспомнил речи Карелина и Ге в ЦИК), которые способны по-карелински рассуждать, что, де, не пристало нам, революционерам, «учиться» у немецкого империализма, то надо сказать одно: погибла бы безнадежно (и вполне заслуженно) революция, берущая всерьез таких людей.

В России преобладает сейчас как раз мелкобуржуазный капитализм, от которого и к государственному крупному капитализму, и к социализму ведет *одна и та же дорога*, ведет путь *через одну и ту же* промежуточную станцию, называемую «общенародный учет и контроль над производством и распределением продуктов». Кто этого не понимает, тот делает непростительную экономическую ошибку, либо не зная фактов действительности, не видя того, что есть, не умея смотреть правде в лицо, либо ограничиваясь абстрактным противоположением «капитализма» «социализму» и не вникая в конкретные формы и ступени этого перехода сейчас у нас.

В скобках будь сказано: это та же самая теоретическая ошибка, которая сбила с толку лучших из людей лагеря «Новой Жизни» и «Вперед»??: худшие и средние из них, по тупости и бесхарактерности, плетутся в хвосте буржуазии, запуганные ею; лучшие — не поняли, что о целом периоде перехода от капитализма к социализму учителя социализма говорили не зря и подчеркивали не напрасно «долгие муки родов» нового общества⁷⁸, причем это новое общество опять-таки есть абстракция, которая воплотиться в жизнь не может иначе, как через ряд разнообразных, несовершенных конкретных попыток создать то или иное социалистическое государство.

Именно потому, что от теперешнего экономического положения России нельзя идти вперед, не проходя через то, что *общее* и государственному капитализму, и социализму (всемирный учет и контроль), пугать других и самих себя «эволюцией *в сторону* государственного капитализма» есть сплошная теоретическая нелепость. Это значит как раз растекаться мыслью «в сторону» от действительной дороги «эволюции», не понимать этой дороги;

на практике же это равносильно тому, чтобы *тянуть назад* к мелкособственническому капитализму.

Дабы читатель убедился, что «высокая» оценка государственного капитализма дается мной вовсе не теперь только, а давалась и *до* взятия власти большевиками, я позволю себе привести следующую цитату из моей брошюры: «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», написанной в сентябре 1917 г.:

...«Попробуйте подставить вместо юнкерско-капиталистического, вместо помещичье-капиталистического государства, государство революционно-демократическое, т. е. революционно разрушающее всякие привилегии, не боящееся революционно осуществлять самый полный демократизм? Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг к социализму.

...«Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии.

...«Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» (стр. 27 и 28)⁷⁹.

Заметьте, что это писано при Керенском, что речь идет здесь *не* о диктатуре пролетариата, *не* о социалистическом государстве, а о «революционно-демократическом». Неужели не ясно, что, *чем выше* мы поднялись над этой политической ступенькой, *чем полнее* мы воплотили в Советах социалистическое государство и диктатуру пролетариата, *тем менее* нам позволительно бояться «государственного капитализма»? Неужели не ясно, что в *материальном*, экономическом, производственном смысле мы еще в «преддверии» социализма не находимся? И что иначе, как через это, не достигнутое еще нами, «преддверие», в дверь социализма не войдешь?..

* * *

Крайне поучительно еще следующее обстоятельство.

Когда мы спорили в ЦИК с товарищем Бухариным, он заметил между прочим: в вопросе о высоких жалованьях

спецпалистам «мы» «правее Ленина», ибо никакого отступления от принципов здесь не видим, памятуя слова Маркса, что при известных условиях рабочему классу всего целесообразнее было бы «откупиться от этой банды»⁸⁰ (именно от банды капиталистов, т. е. *выкупить* у буржуазии землю, фабрики, заводы и прочие средства производства).

Это чрезвычайно интересное замечание...

...Вдумайтесь в мысль Маркса.

Дело шло об Англии 70-х годов прошлого века, о кульминационном периоде домонополистического капитализма, о стране, в которой тогда всего меньше было военщины и бюрократии, о стране, в которой тогда всего более было возможностей «мирной» победы социализма в смысле «выкупа» буржуазии рабочими. И Маркс говорил: при известных условиях рабочие вовсе не откажутся от того, чтобы буржуазию выкупить. Маркс не связывал себе — и будущим деятелям социалистической революции — рук насчет форм, приемов, способов переворота, превосходно понимая, какая масса новых проблем тогда встанет, как изменится вся обстановка в ходе переворота, как часто и сильно будет она меняться в ходе переворота.

Ну, а у Советской России *после* взятия власти пролетариатом, *после* подавления военного и саботажнического сопротивления эксплуататоров — неужели не очевидно, что *некоторые* условия сложились по типу тех, которые могли бы сложиться полвека тому назад в Англии, если бы она мирно стала тогда переходить к социализму? Подчинение капиталистов рабочим в Англии могло бы тогда быть обеспечено следующими обстоятельствами: 1) полнейшим преобладанием рабочих, пролетариев в населении, вследствие отсутствия крестьянства (в Англии в 70-х годах были признаки, позволявшие надеяться на чрезвычайно быстрые успехи социализма среди сельских рабочих); 2) превосходной организованностью пролетариата в профессиональных союзах (Англия была тогда первой в мире страной в указанном отношении); 3) сравнительно высокой культурностью пролетариата, вышколенного вековым развитием политической свободы; 4) долгой привычкой великолепно организованных капиталистов Англии — тогда они были наилучше организованными капиталистами из всех стран мира (теперь это первенство

перешло к Германии) — к решению компромиссом политических и экономических вопросов. Вот в силу каких обстоятельств могла тогда явиться мысль о возможности *мирного* подчинения капиталистов Англии ее рабочим.

У нас это подчинение в данный момент обеспечено известными конкретными посылками (победой в октябре и подавлением с октября по февраль военного и саботажнического сопротивления капиталистов). У нас, *вместо* полного преобладания рабочих, пролетариев, в населении и высокой организованности их, фактором победы явилась поддержка пролетариев беднейшим и быстро разоренным крестьянством. У нас, наконец, нет ни высокой культуры, ни привычки к компромиссам. Если продумать эти конкретные условия, то станет ясно, что мы можем и должны добиться теперь *соединения* приемов беспощадной расправы с капиталистами некультурными, ни на какой «государственный капитализм» не идущими, ни о каком компромиссе не помышляющими, продолжающими срывать спекуляцией, подкупом бедноты и пр. советские мероприятия, *с приемами компромисса* или выкупа по отношению к культурным капиталистам, идущим на «государственный капитализм», способным проводить его в жизнь, полезным для пролетариата в качестве умных и опытных организаторов крупнейших предприятий, действительно охватывающих снабжение продуктами десятки миллионов людей.

Бухарин — превосходно образованный марксист-экономист. Поэтому он вспомнил, что Маркс был глубочайше прав, когда учил рабочих важности сохранить организацию крупнейшего производства именно в интересах облегчения перехода к социализму и полной допустимости мысли о том, чтобы *хорошо заплатить капиталистам*, выкупить их, ежели (в виде исключения: Англия была тогда исключением) обстоятельства сложатся так, что заставят капиталистов мирно подчиниться и культурно, организованно перейти к социализму на условии выкупа.

Но Бухарин впал в ошибку, ибо не вдумался в конкретное своеобразие данного момента в России, момента как раз исключительного, когда мы, пролетариат России, *вперед* любой Англии и любой Германии по нашему политическому строю, по силе политической власти рабочих

и вместе с тем *позади* самого отсталого из западноевропейских государств по организации добропорядочного государственного капитализма, по высоте культуры, по степени подготовки к материально-производственному «введению» социализма. Не ясно ли, что из этого своеобразного положения вытекает для данного момента именно необходимость своеобразного «выкупа», который рабочие должны предложить культурнейшим, талантливейшим, организаторски наиболее способным капиталистам, готовым идти на службу к Советской власти и добропорядочно помогать организации крупного и крупнейшего «государственного» производства? Не ясно ли, что при таком своеобразном положении мы должны стараться избежать двойного рода ошибок, из которых каждая по-своему мелкобуржуазна? С одной стороны, непоправимой ошибкой было бы объявить, что раз признано несоответствие наших экономических «сил» и силы политической, то, «следовательно», не надо было брать власти. Так рассуждают «человеки в футлярах», забывающие, что «соответствия» не будет никогда, что его не может быть в развитии общества, как и в развитии природы, что только путем ряда попыток, из которых каждая, отдельно взятая, будет односторонняя, будет страдать известным несоответствием, — создается победоносный социализм из революционного сотрудничества пролетариев *всех* стран.

С другой стороны, явной ошибкой было бы дать волю крикунам и фразерам, которые позволяют себя увлечь «яркой» революционностью, но на выдержанную, продуманную, взвешенную, учитывающую и труднейшие переходы, революционную работу не способны.

К счастью, история развития революционных партий и борьбы большевизма с ними оставила нам в наследство резко очерченные типы, из коих левые эсеры и анархисты иллюстрируют собой тип плохеньких революционеров достаточно наглядно. Они кричат теперь — до истерики, захлебываясь, криком кричат против «соглашательства» «правых большевиков». Но подумать они не умеют, *чем* плохо было и *за что* по справедливости осуждено историей и ходом революции «соглашательство».

Соглашательство времен Керенского отдавало власть империалистской буржуазии, а вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции. Соглашательство части

большевиков в октябре-ноябре 1917 года либо боялось взятия власти пролетариатом, либо хотело *делить* власть поровну не только с «ненадежными попутчиками» вроде левых эсеров, но и с врагами, черновцами, меньшевиками, которые неизбежно мешали бы нам в основном: в разгоне учредилки, в беспощадном сокрушении Богаевских, в полном проведении мероприятий советских учреждений, в каждой конфискации.

Теперь власть взята, удержана, укреплена в руках одной партии, партии пролетариата, даже без «ненадежных попутчиков». Говорить теперь о соглашательстве, когда быть не может даже речи о разделе *власти*, об отказе от диктатуры пролетариев против буржуазии, значит просто повторять, как сорока, заученные, но непонятые слова. Называть «соглашательством» то, что, придя в положение, когда мы можем и должны управлять страной, мы стараемся привлечь к себе, не жалея денег, культурнейшие из обученных капитализмом элементов, их взять на службу против мелкособственнического распада, это значит вовсе не уметь думать об экономических задачах строительства социализма»⁸¹.

О ПРОДНАЛОГЕ, О СВОБОДЕ ТОРГОВЛИ, О КОНЦЕССИЯХ

В приведенных рассуждениях 1918 года есть ряд ошибок насчет сроков. Сроки оказались дольше, чем предполагалось тогда. Это неудивительно. Но основные элементы нашей экономики остались те же. Крестьянская «беднота» (пролетарии и полупролетарии) превратилась, в очень большом числе случаев, в середняков. От этого мелко-собственническая, мелкобуржуазная «стихия» усилилась. А гражданская война 1918—1920 годов чрезвычайно усилила разорение страны, задержала восстановление производительных сил ее, обескровила больше всего именно пролетариат. К этому прибавился неурожай 1920 года, бескормица, падеж скота, что еще сильнее задержало восстановление транспорта и промышленности, отразившись, например, на подвозе крестьянскими лошадьми дров, нашего главного топлива.

В итоге политическая обстановка к весне 1921-го года сложилась так, что немедленные, самые решительные,

самые экстренные меры для улучшения положения крестьянства и подъема его производительных сил стали неотложно необходимы.

Почему именно крестьянства, а не рабочих?

Потому, что для улучшения положения рабочих нужны хлеб и топливо. Сейчас «задержка» самая большая — с точки зрения всего государственного хозяйства — именно из-за этого. А увеличить производство и сбор хлеба, заготовку и доставку топлива нельзя иначе, как улучшив положение крестьянства, подняв его производительные силы. Начать надо с крестьянства. Кто не понимает этого, кто склонен усматривать в этом выдвигании крестьян на первое место «отречение» или подобие отречения от диктатуры пролетариата, тот просто не вдумывается в дело, отдает себя во власть фразе. Диктатура пролетариата есть руководство политикой со стороны пролетариата. Пролетариат, как руководящий, как господствующий класс, должен уметь направить политику так, чтобы решить в первую голову самую неотложную, самую «больную» задачу. Неотложнее всего теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно. Только через это можно добиться и улучшения положения рабочих, и укрепления союза рабочих с крестьянством, укрепления диктатуры пролетариата. Тот пролетарий или представитель пролетариата, который захотел бы *не через это* пойти к улучшению положения рабочих, оказался бы *на деле* пособником белогвардейцев и капиталистов. Ибо идти не через это значит: цеховые интересы рабочих поставить выше классовых интересов, значит: интересам непосредственной, минутной, частичной выгоды рабочих принести в жертву интересы всего рабочего класса, его диктатуры, его союза с крестьянством против помещиков и капиталистов, его руководящей роли в борьбе за освобождение труда от ига капитала.

Итак: в первую голову нужны немедленные и серьезные меры для поднятия производительных сил крестьянства.

Сделать это нельзя без серьезных изменений продовольственной политики. Таковым изменением явилась замена разверстки продналогом, связанная со свободой торговли после уплаты налога, по крайней мере в местном хозяйственном обороте.

В чем сущность замены разверстки продналогом?

На этот счет очень распространены неправильные представления. Неправильность проистекает большей частью от того, что не вникают в сущность перехода, не спрашивают себя, от чего к чему ведет данный переход. Представляют себе дело так, как будто бы переход был от коммунизма вообще к буржуазности вообще. Против этой ошибки приходится неизбежно указывать на то, что говорилось в мае 1918 года.

Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену. А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму.

Своеобразный «военный коммунизм» состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелкокрестьянской стране мы не могли. И тот факт, что мы победили (вопреки поддержке наших эксплуататоров могущественнейшими державами мира), показывает не только, на какие чудеса героизма способны рабочие и крестьяне в борьбе за свое освобождение. Этот факт показывает также, какую роль лакеев буржуазии играли на деле меньшевики, эсеры, Каутский и К^о, когда они ставили нам *в виду* этот «военный коммунизм». Его надо поставить нам в заслугу.

Но не менее необходимо знать настоящую меру этой заслуги. «Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой. Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелкокрестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину. Только такая продовольственная политика отвечает задачам пролетариата, только она способна укрепить основы социализма и привести к его полной победе.

Продналог есть переход к ней. Мы все еще так разорены, так придавлены гнетом войны (бывшей вчера и могущей вспыхнуть, благодаря алчности и злобе капиталистов, завтра), что не можем дать крестьянину за *весь* нужный нам хлеб продукты промышленности. Зная это, мы вводим продналог, то есть минимально необходимое (для армии и для рабочих) количество хлеба берем как налог, а остальное будем обменивать на продукты промышленности.

При этом надо еще не забывать следующее. Нужда и разорение таковы, что восстановить *сразу* крупное, фабричное, государственное, социалистическое производство мы не можем. Для этого нужны крупные запасы хлеба и топлива в центрах крупной промышленности, нужна замена изношенных машин новыми и т. п. Мы на опыте убедились, что этого нельзя сделать сразу, и мы знаем, что после разорительной империалистской войны даже самые богатые и передовые страны лишь в течение известного, довольно долгого, ряда лет смогут решить такую задачу. Значит, необходимо в известной мере помогать восстановлению *мелкой* промышленности, которая не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия, — которая может немедленно оказать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы.

Что же из этого получается?

Получается на основе известной (хотя бы только местной) свободы торговли возрождение мелкой буржуазии и капитализма. Это несомненно. Закрывать глаза на это смешно.

Спрашивается, необходимо ли это? Можно ли оправдать это? Не опасно ли это?

Вопросов подобного рода задается много, и в большинстве случаев они обнаруживают только наивность (выражаясь мягко) задающего такие вопросы.

Взгляните на то, как я в мае 1918 года определял наличные в нашей экономике элементы (составные части) разных общественно-экономических укладов. Оспорить то, что налицо имеются все эти пять ступеней (или составных частей) всех этих пяти укладов, от патриархального, то есть полудикого, до социалистического, никому не удастся. Что в мелкокрестьянской стране преобладает «уклад» мелкокрестьянский, то есть частью патриархаль-

ный, частью мелкобуржуазный, это само собой очевидно. Развитие мелкого хозяйства есть развитие мелкобуржуазное, есть развитие капиталистическое, раз имеется обмен; это — бесспорная истина, азбучная истина политической экономии, подтверждаемая к тому же повседневным опытом и наблюдением даже обывательским.

Какую же политику может повести социалистический пролетариат перед лицом такой экономической действительности? Дать мелкому крестьянину *все* потребные ему продукты из производства крупной социалистической фабрики в обмен на хлеб и сырье? Это была бы самая желательная, самая «правильная» политика, — мы ее и начали. Но мы не можем дать *всех* продуктов, далеко не можем и не очень скоро сможем — по крайней мере до тех пор не сможем, пока не закончим хотя бы первой очереди работ по электрификации всей страны. Как же быть? Либо пытаться запретить, запретить совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т. е. торговли, т. е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей. Такая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее. Глупостью, ибо эта политика экономически невозможна; самоубийством, ибо партии, пробуящие подобную политику, терпят неминуемо крах. Нечего греха таить, кое-кто из коммунистов «помышлением, словом и делом» грешил, впадая именно в *такую* политику. Постараемся от этих ошибок исправиться. Непременно надо от них исправиться, иначе совсем плохо будет.

Либо (последняя *возможная* и единственно разумная политика) не пытаться запретить или запретить развитие капитализма, а стараться направить его в русло *государственного капитализма*. Это экономически возможно, ибо государственный капитализм есть налицо — в той или иной форме, в той или иной степени — всюду, где есть элементы свободной торговли и капитализма вообще.

Возможно ли сочетание, соединение, совмещение советского государства, диктатуры пролетариата с государственным капитализмом?

Конечно, возможно. Это я и доказывал в мае 1918-го года. Это я, надеюсь, и доказал в мае 1918-го года. Мало того: я доказал тогда же, что государственный капитализм есть шаг вперед по сравнению с мелкособственнической

(и мелкопатриархальной, и мелкобуржуазной) стихией. Тьму ошибок делают, сопоставляя или сравнивая государственный капитализм только с социализмом, тогда как в данной политико-экономической обстановке обязательно сравнивать государственный капитализм и с мелкобуржуазным производством.

Весь вопрос — как теоретический, так и практический — состоит в том, чтобы найти правильные способы того, как именно следует направить неизбежное (до известной степени и на известный срок) развитие капитализма в русло государственного капитализма, какими условиями обставить это, как обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм.

Чтобы подойти к разрешению этого вопроса, надо, прежде всего, возможно более отчетливо представить себе, чем на практике будет и может быть государственный капитализм внутри нашей советской системы, в рамках нашего Советского государства.

Самый простой случай или пример того, как Советская власть направляет развитие капитализма в русло государственного капитализма, как она «насаждает» государственный капитализм, это — концессии. Теперь у нас все согласны, что концессии необходимы, но не все размышляют о том, каково значение концессий. Что такое концессии при советской системе, с точки зрения общественно-экономических укладов и их соотношения? Это — договор, блок, союз Советской, т. е. пролетарской, государственной власти с государственным капитализмом против мелко-собственнической (патриархальной и мелкобуржуазной) стихии. Концессионер, это — капиталист. Он ведет дело капиталистически, ради прибыли, он соглашается на договор с пролетарской властью ради получения экстренной прибыли, сверх обычной или ради получения такого сырья, которое иначе достать ему невозможно или крайне трудно. Советская власть получает выгоду в виде развития производительных сил, увеличения количества продуктов немедленно или в кратчайший срок. Мы имеем, скажем, сотню таких-то промыслов, рудников, лесных участков. Мы можем разрабатывать не все — не хватает машин, продовольствия, транспорта. Мы плохо разрабатываем по тем же причинам остальные участки. Из-за плохой и недостаточной разработки крупных предприятий происходит

усиление мелкособственнической стихии во всех ее проявлениях: ослабление окрестного (а затем и всего) крестьянского хозяйства, подрыв его производительных сил, упадок доверия его к Советской власти, хищения и массовая мелкая (самая опасная) спекуляция и т. п. «Насаждая» государственный капитализм в виде концессий, Советская власть усиливает крупное производство против мелкого, передовое против отсталого, машинное против ручного, увеличивает количество продуктов крупной индустрии в своих руках (долевое отчисление), усиливает государственно-упорядоченные экономические отношения в противовес мелкобуржуазно-анархическим. В меру и осторожно проведенная, концессионная политика, несомненно, поможет нам улучшить быстро (до известной, небольшой, степени) состояние производства, положение рабочих и крестьян, — конечно, ценой известных жертв, отдачи капиталисту десятков и десятков миллионов пудов ценнейших продуктов. Определение той меры и тех условий, при которых концессии выгодны и не опасны нам, зависит от соотношения сил, решается борьбой, ибо концессия тоже есть вид борьбы, продолжение классовой борьбы в иной форме, а никоим образом не замена классовой борьбы классовым миром. Способы борьбы покажет практика.

Государственный капитализм в виде концессий является, по сравнению с другими формами государственного капитализма внутри советской системы, едва ли не самой простой, отчетливой, ясной, точно очерченной. Мы имеем здесь прямо формальный, письменный договор с наиболее культурным, передовым, западноевропейским капитализмом. Мы точно знаем свои выгоды и свои потери, свои права и свои обязанности, мы точно знаем тот срок, на который сдаем концессию, знаем условия досрочного выкупа, если договор предусматривает право досрочного выкупа. Мы платим известную «дань» всемирному капитализму, «откупаемся» от него в таких-то отношениях, получая немедленно определенную меру упрочения положения Советской власти, улучшения условий нашего хозяйствования. Вся трудность задачи, по отношению к концессиям, сводится к тому, чтобы все обдумать и взвесить при заключении концессионного договора, а затем уметь следить за его исполнением. Трудности тут,

несомненно, есть, и ошибки тут, вероятно, на первое время неизбежны, но трудности эти — наименьшие по сравнению с другими задачами социальной революции и, в частности, по сравнению с другими формами развития, допущения, насаждения государственного капитализма.

Самая важная задача всех партийных и советских работников, в связи с введением продналога, — суметь применить принципы, начала, основы «концессионной» (т. е. подобной «концессионному» государственному капитализму) политики к остальным формам капитализма, свободной торговли, местного оборота и т. п.

Возьмем кооперацию. Недаром декрет о продналоге вызвал немедленно пересмотр положения о кооперации и известное расширение ее «свободы» и ее прав. Кооперация есть тоже вид государственного капитализма, но менее простой, менее отчетливо-очерченный, более запутанный и потому ставящий перед нашей властью на практике большие трудности. Кооперация мелких товаропроизводителей (о ней, а не о рабочей кооперации идет здесь речь, как о преобладающем, о типичном в мелкокрестьянской стране) неизбежно порождает мелкобуржуазные, капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистиков, им дает наибольшую выгоду. Это не может быть иначе, раз есть налицо преобладание мелких хозяйчиков и возможность, а равно необходимость обмена. Свобода и права кооперации, при данных условиях России, означают свободу и права капитализму. Закрывать глаза на эту очевидную истину было бы глупостью или преступлением.

Но «кооперативный» капитализм в отличие от частного хозяйственного капитализма является, при Советской власти, разновидностью государственного капитализма и, в качестве такового, он нам выгоден и полезен сейчас, — разумеется, в известной мере. Поскольку продналог означает свободу продажи остальных (не взимаемых в виде налога) излишков, постольку нам необходимо приложить усилия, чтобы *это* развитие капитализма — ибо свобода продажи, свобода торговли *есть* развитие капитализма — направить в русло кооперативного капитализма. Кооперативный капитализм похож на государственный в том отношении, что облегчает учет, контроль, надзор, договорные отношения между государством (Советским в данном

случае) и капиталистом. Кооперация, как форма торговли, выгоднее и полезнее, чем частная торговля, не только по указанным причинам, но и потому, что она облегчает объединение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно, а это обстоятельство, в свою очередь, есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму.

Сравним концессии и кооперацию, как формы государственного капитализма. Концессия базируется на крупной машинной промышленности, кооперация — на мелкой, ручной, частью даже патриархальной. Концессия касается одного капиталиста или одной фирмы, одного синдиката, картеля, треста в каждом отдельном концессионном договоре. Кооперация охватывает многие тысячи, даже миллионы мелких хозяев. Концессия допускает и даже предполагает точный договор и точный срок. Кооперация не допускает ни вполне точного договора, ни вполне точного срока. Отменить закон о кооперации гораздо легче, чем порвать договор о концессии, но разрыв договора означает сразу, просто, немедленно разрыв фактических отношений экономического союза или экономического «сожительства» с капиталистом, тогда как никакая отмена закона о кооперации, никакие законы вообще не только сразу не разорвут фактического «сожительства» Советской власти с мелкими капиталистическими, но и вообще не в состоянии разорвать фактических экономических отношений. За концессионером «уследить» легко, за кооператорами — трудно. Переход от концессий к социализму есть переход от одной формы крупного производства к другой форме крупного производства. Переход от кооперации мелких хозяйчиков к социализму есть переход от мелкого производства к крупному, т. е. переход более сложный, но зато способный охватить, в случае успеха, более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых, досоциалистических, даже докапиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой «новизне». Политика концессий, в случае успеха, даст нам небольшое число образцовых — по сравнению с нашими — крупных предприятий, стоящих на уровне современного передового капитализма; через несколько десятков лет эти предприятия перейдут целиком к нам. Политика кооперативная, в случае успеха,

даст нам подъем мелкого хозяйства и облегчение его перехода, в неопределенный срок, к крупному производству на началах добровольного объединения.

Возьмем третий вид государственного капитализма. Государство привлекает капиталиста, как торговца, платя ему определенный комиссионный процент за продажу государственных продуктов и за скупку продуктов мелкого производителя. Четвертый вид: государство сдает в аренду предпринимателю-капиталисту принадлежащее государству заведение или промысел или участок леса, земли и т. п., причем арендный договор похож более всего на договор концессионный. Об этих двух последних видах государственного капитализма у нас совсем не говорят, совсем не думают, совсем их не замечают. Но происходит это не потому, чтобы мы были сильны и умны, а потому, что мы слабы и глупы. Мы боимся посмотреть прямо в лицо «низкой истине» и слишком часто отдаем себя во власть «нас возвышающему обману». Мы постоянно сбиваемся на то, что «мы» переходим от капитализма к социализму, забывая точно, отчетливо представить себе, кто именно это «мы». Перечень всех — непременно всех без изъятия — составных частей, всех разнородных укладов общественного хозяйства в нашей экономике, данный мной в статье 5 мая 1918 года, необходимо иметь перед глазами, чтобы это отчетливое представление не забывалось. «Мы», авангард, передовой отряд пролетариата, переходим непосредственно к социализму, но передовой отряд есть лишь небольшая часть всего пролетариата, который, в свою очередь, есть лишь небольшая часть всей массы населения. И чтобы «мы» могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, какие *посредствующие* пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода *докапиталистических* отношений к социализму. В этом весь гвоздь.

Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка —

вернее: десятки верст бездорожья — отделяют деревню от железных дорог, то есть от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом. Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?

Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной и завершенной научной работе, точно. Это условие — электрификация. Если мы построим десятки районных электрических станций (мы знаем теперь, где и как их построить можно и должно), если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму или почти не потребуется. Но мы прекрасно знаем, что это «одно» условие требует, по меньшей мере, десяти лет только для работ первой очереди, а сокращение этого срока мыслимо, в свою очередь, лишь в случае победы пролетарской революции в таких странах, как Англия, Германия, Америка.

На ближайшие же годы надо уметь думать о посредствующих звеньях, способных облегчить переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму. «Мы» часто сбиваемся все еще на рассуждение: «капитализм есть зло, социализм есть благо». Но это рассуждение неправильно, ибо забывает всю совокупность наличных общественно-экономических укладов, выхватывая только два из них.

Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству, по отношению к связанному с распыленностью мелких производителей бюрократизму. Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким

производством и социализмом, как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил.

Возьмите вопрос о бюрократизме и взгляните на него с экономической стороны. 5 мая 1918-го года бюрократизм в поле нашего зрения не стоит. Через полгода после Октябрьской революции, после того, как мы разбили старый бюрократический аппарат сверху донизу, мы еще не ощущаем этого зла.

Проходит еще год. На VIII съезде РКП, 18—23 марта 1919 года, принимается новая программа партии, и в этой программе мы говорим прямо, не боясь признать зла, а желая раскрыть его, разоблачить, выставить на позор, вызвать мысль и волю, энергию, действие для борьбы со злом, мы говорим о *«частичном возрождении бюрократизма внутри советского строя»*.

Прошло еще два года. Весной 1921-го года, после VIII съезда Советов, обсуждавшего (декабрь 1920 г.) вопрос о бюрократизме, после X съезда РКП (март 1921 г.), подводившего итоги спорам, теснейше связанным с анализом бюрократизма, мы видим *это* зло еще яснее, еще отчетливее, еще грознее перед собой. Каковы экономические корни бюрократизма? Главным образом эти корни двойные: с одной стороны, развитая буржуазия именно против революционного движения рабочих (частью и крестьян) нуждается в бюрократическом аппарате, в первую голову военном, затем судебском и т. д. Этого у нас нет. Суды у нас классовые, против буржуазии. Армия у нас классовая, против буржуазии. Бюрократизм не в армии, а в обслуживающих ее учреждениях. У нас другой экономический корень бюрократизма: раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие *оборота* между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними. В громадной степени это — результат гражданской войны. Когда нас блокировали, осадили со всех сторон, отрезали от всего мира, затем от хлебного юга, от Сибири, от угля, мы не могли восстанавливать промышленность. Мы должны были не остановиться перед «военным коммунизмом», не испугаться самой отчаянной крайности: вытерпим полуголодное и хуже, чем полуголодное, существование, но отстоим, во что бы то ни стало, несмотря на самое неслыханное разоре-

ние и отсутствие оборота, отстоим рабоче-крестьянскую власть. И мы не дали себя запугать тем, чем запуганы были эсеры и меньшевики (шедшие фактически за буржуазией в большой мере из страха, из запуганности). Но то, что было условием победы в блокированной стране, в осажденной крепости, обнаружило свою отрицательную сторону как раз к весне 1921 года, когда были окончательно выгнаны последние белогвардейские войска с территории РСФСР. «Запереть» всякий оборот в осажденной крепости можно и должно; при особом героизме масс это можно перенести три года. После этого разорение мелкого производителя еще усилилось, восстановление крупной промышленности еще оттянулось, отсрочилось. Бюрократизм, как наследие «осады», как надстройка над распыленностью и придавленностью мелкого производителя, обнаружил себя вполне.

Надо уметь признать зло безбоязненно, чтобы тверже повести борьбу с ним, чтобы начать еще и еще раз сначала — нам придется много еще раз, во всех областях нашего строительства начинать повторно сначала, исправляя недоделанное, выбирая разные пути подхода к задаче. Обнаружилась отсрочка восстановления крупной промышленности, обнаружилась невыносимость «запертого» оборота промышленности с земледелием, — значит, надо налечь на более доступное: восстановление мелкой промышленности. Помочь делу с этой стороны, подпереть этот бок полуразваленного войной и блокадой строения. Всячески и во что бы то ни стало развить оборот, не боясь капитализма, ибо рамки для него поставлены у нас (экспроприацией помещиков и буржуазии в экономике, рабоче-крестьянской властью в политике) достаточно узкие, достаточно «умеренные». Такова основная мысль проднолога, таково его экономическое значение.

Все работники, партийные и советские, должны направить все усилия, все внимание, чтобы создать, вызвать большую инициативу мест — губерний; еще больше уездов; еще больше волостей и селений; — в деле хозяйственного строительства именно с точки зрения поднятия немедленно, хотя бы и «малыми» средствами, в малых размерах, крестьянского хозяйства, помощи ему развитием мелкой, окрестной, промышленности. Общегосударственный единый хозяйственный план требует того, чтобы центром

внимания и забот, центром «ударных» работ стало именно это. Известное улучшение, достигнутое здесь, ближе всего к «фундаменту», самому широкому и самому глубокому, позволит перейти в кратчайший срок к более энергичному и более успешному восстановлению крупной промышленности.

Продовольственный работник знал до сих пор одну основную директиву: собери 100% разверстки. Теперь директива иная: собери 100% налога в кратчайший срок, затем собери еще 100% обменом на продукты крупной и мелкой промышленности. Тот, кто соберет 75% налога и 75% (из второй сотни) обменом на продукты крупной и мелкой промышленности, сделает более полезное государственное дело, чем тот, кто соберет 100% налога и 55% (из второй сотни) обменом. Задача продовольственника усложняется. С одной стороны, это — задача фискальная. Собери налог как можно быстрее, как можно рациональнее. С другой стороны, это — задача общеэкономическая. Постарайся так направить кооперацию, так пособить мелкой промышленности, так развить инициативу, почин, на местах, чтобы увеличился и упрочился оборот земледелия и промышленности. Мы еще очень и очень плохо умеем это делать; доказательство — бюрократизм. Нам надо не бояться признать, что тут еще *многому можно и должно поучиться у капиталиста*. Сравним по губерниям, по уездам, по волостям, по селам итоги практического опыта: в одном месте частные капиталисты и капиталистики достигли того-то. Их прибыль, приблизительно, такая-то. Это — дань, плата, которую мы отдали «за науку». За науку заплатить не жалко, лишь бы ученье шло толком. А вот в соседнем месте путем кооперативным достигнуто то-то. Прибыль кооперативов такая-то. А в третьем месте чисто государственным, чисто коммунистическим путем достигли того-то (этот третий случай будет в данное время редким исключением).

Задача должна состоять в том, чтобы каждый областной хозяйственный центр, каждое губернское экономическое совещание при исполнении немедленно поставило, как первоочередное дело, организацию тотчас же различного рода опытов или систем «оборота» насчет тех излишков, которые остаются после уплаты продналога. Через несколько месяцев надо иметь практические результаты,

чтобы сравнивать и изучать их. Местная или привозная соль; керосин из центра; кустарная деревообрабатывающая промышленность; ремесло, на местном сырье дающее некоторые, хотя бы не очень важные, но необходимые и полезные для крестьянина, продукты; «зеленый уголь» (использование местных водных сил небольшого значения для электрификации) и так далее и тому подобное — все должно быть пущено в ход для того, чтобы оживить оборот промышленности и земледелия во что бы то ни стало. Кто достигнет в этой области наибольших результатов, хотя бы путем частнохозяйственного капитализма, хотя бы даже без кооперации, без прямого превращения этого капитализма в государственный капитализм, тот больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет «думать» о чистоте коммунизма, писать регламенты, правила, инструкции государственному капитализму и кооперации, но практически оборота не двигать.

Это может показаться парадоксом: частнохозяйственный капитализм в роли пособника социализму?

Но это несколько не парадокс, а экономически совершенно неоспоримый факт. Раз налицо мелкокрестьянская страна с особенно разоренным транспортом, выходящая из войны и блокады, руководимая политически пролетариатом, который в своих руках держит транспорт и крупную промышленность, то из этих посылок совершенно неизбежно вытекает первостепенное значение в данный момент местного оборота, во-первых, и возможность оказать содействие социализму через частнохозяйственный капитализм (не говоря уже о государственном), во-вторых.

Поменьше спора о словах. Мы еще до сих пор безмерно много грешим по этой части. Побольше разнообразия в практическом опыте и побольше изучения его. Бывают условия, когда образцовая постановка местной работы, даже в самом небольшом масштабе, имеет более важное государственное значение, чем многие отрасли центральной государственной работы. И у нас как раз в данный момент, по отношению к крестьянскому хозяйству вообще и обмену излишков с.-х. производства на продукты промышленности в особенности, условия именно таковы. Образцовая постановка дела, в указанном отношении, хотя бы для одной волости, имеет более крупное

общегосударственное значение, чем «образцовое» улучшение центрального аппарата того или иного наркомата. Ибо центральный аппарат у нас за три с половиной года настолько уже сложился, что успел приобрести известную вредную косность; мы его не можем значительно и быстро улучшить, мы не знаем, как это сделать. Помощь ему для более радикального улучшения, для нового притока свежих сил, для успешной борьбы с бюрократизмом, для преодоления вредной косности должна идти с мест, с низов, с образцовой постановки небольшого «целого», но именно «целого», т. е. не одного хозяйства, не одной отрасли хозяйства, не одного предприятия, а *суммы всех хозяйственных отношений, суммы всего хозяйственного оборота, хотя бы небольшой местности.*

Те из нас, кто осужден на то, чтобы остаться на центральной работе, будут продолжать дело улучшения аппарата и чистки его от бюрократизма, хотя бы в скромных, непосредственно доступных размерах. Но главная помощь, в этом отношении, идет и придет с мест. На местах у нас, в общем, стоит дело лучше, — насколько я могу обзирать, — чем в центре, да это и понятно, ибо зло бюрократизма, естественно, концентрируется в центре; Москва не может не быть в этом отношении худшим городом и вообще наихудшим «местом» в республике. На местах отклонения от среднего есть в обе стороны; отклонения в худшую сторону реже, чем отклонения в лучшую. Отклонения в худшую сторону, это — злоупотребления примазавшихся к коммунистам старых чиновников, помещиков, буржуа и прочей сволочи, которая иногда совершает отвратительные бесчинства и безобразия, надругательства над крестьянством. Тут нужна чистка террористическая: суд на месте и расстрел безоговорочно. Пускай Мартовы, Черновы и беспартийные мещане, подобные им, бьют себя в грудь и восклицают: «хвалю тебя, господи, за то, что я не похож на «них», что я не признавал и не признаю террора». Эти дурачки «не признают террора», ибо они выбрали себе роль лакействующих пособников белогвардейщины по части одурачения рабочих и крестьян. Эсеры и меньшевики «не признают террора», ибо они исполняют свою роль *подведения* масс под флаг «социализма» *под белогвардейский террор.* Это доказала керенщина и корниловщина в России, колчаковщина в Сибири, мень-

шевизм в Грузии, это доказали герои второго Интернационала и Интернационала «два с половиной»⁸² в Финляндии, Венгрии, Австрии, Германии, Италии, Англии и т. д. Пускай лакействующие пособники белогвардейского террора восхваляют себя за отрицание ими всякого террора. А мы будем говорить тяжелую, но несомненную правду: в странах, переживающих неслыханный кризис, распад старых связей, обострение классовой борьбы после империалистской войны 1914—1918 годов, — таковы все страны мира, — без террора обойтись нельзя, вопреки лицемерам и фразерам. Либо белогвардейский, буржуазный террор американского, английского (Ирландия), итальянского (фашисты), германского, венгерского и других фасонов, либо красный, пролетарский террор. Середины нет, «третьего» нет и быть не может.

Уклонения в лучшую сторону: успешная борьба с бюрократизмом, внимательнейшее отношение к нуждам рабочих и крестьян, заботливейшее поднятие хозяйства, повышение производительности труда, развитие местного оборота между земледелием и промышленностью. Эти уклонения в лучшую сторону, хотя и чаще, чем уклонения в худшую, но все же редки. Однако они есть. Выработка новых, молодых, свежих коммунистических сил, закаленных гражданской войной и лишениями, идет повсюду на местах. Мы все еще делаем далеко и далеко недостаточно для систематической и неуклонной передвижки этих сил снизу наверх. Это возможно и необходимо делать шире и настойчивее. Некоторых работников можно и должно снимать с центральной работы и ставить на местную: в качестве руководителей уездов и *волостей*, создавая там *образцовую* постановку *всей* хозяйственной работы *в целом*, они принесут громадную пользу и сделают *общегосударственное* дело более важным, чем иная центральная функция. Ибо образцовая постановка дела послужит рассадником работников и примером для подражания, который перенять будет уже сравнительно нетрудно, а мы сумеем из центра помочь тому, чтобы «перенимание» образцового примера шло широко повсюду и становилось обязательным.

Дело развития «оборота» между земледелием и промышленностью, насчет излишков после уплаты продналога и насчет мелкой, преимущественно кустарной промышленности, требует по самому своему существу самостоятельной,

сведущей, умной *инициативы мест*, а потому образцовая постановка уездной и волостной работы приобретает, в настоящий момент, совершенно исключительную важность с общегосударственной точки зрения. В военном деле, например, во время последней польской войны мы не боялись отступать от бюрократической иерархии, не боялись «понижать в чинах», перемешать членов Революционно-военного совета республики (с оставлением в этой высокой, центральной должности) на низшие места. Почему бы теперь не переместить некоторых членов ВЦИК или членов коллегий или других высокопоставленных товарищей на работу даже уездную, даже волостную? Не настолько же мы в самом деле «обюрократились», чтобы «смущаться» этим. И найдутся у нас десятки центральных работников, которые охотно пойдут на это. А дело хозяйственного строительства всей республики выиграет от этого чрезвычайно, и образцовые волости или образцовые уезды сыграют не только крупную, но прямо решающую, историческую роль.

Между прочим. Как мелкое, но имеющее все же значение обстоятельство, надо отметить необходимую перемену в принципиальной постановке вопроса о борьбе с спекуляцией. «Правильную» торговлю, не уклоняющуюся от государственного контроля, мы должны поддержать, нам выгодно ее развить. А спекуляцию *нельзя* отличить от «правильной» торговли, если понимать спекуляцию в смысле полптического-экономического. Свобода торговли есть капитализм, капитализм есть спекуляция, закрывать глаза на это смешно.

Как же быть? Объявить спекуляцию безнаказанной?

Нет. Надо пересмотреть и переработать все законы о спекуляции, объявив наказуемым (и преследуя фактически с тройной против прежнего строгостью) всякое *хищение* и всякое *уклонение*, прямое или косвенное, открытое или прикрытое, от *государственного контроля, надзора, учета*. Именно такой постановкой вопроса (в СНК уже начата работа, т. е. Совнаркомом уже предписано начать работу по пересмотру законов о спекуляции) мы и добьемся того, чтобы направить неизбежное, в известной мере, и необходимое нам развитие капитализма в русло *государственного* капитализма.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ И ВЫВОДЫ

Мне осталось еще коснуться хотя бы вкратце политической обстановки, как она сложилась и видоизменилась в связи с обрисованной выше экономикой.

Уже сказано, что основные черты нашей экономики в 1921 году те же самые, какие были в 1918 году. Весна 1921-го года принесла — главным образом, в силу неурожая и падежа скота — крайнее обострение в положении крестьянства, и без того чрезвычайно тяжелом вследствие войны и блокады. Результатом обострения явились политические колебания, составляющие, вообще говоря, самое «натуру» мелкого производителя. Самым ярким выражением этих колебаний был кронштадтский мятеж.

Характернее всего в кронштадтских событиях именно колебания мелкобуржуазной стихии. Вполне оформленного, ясного, определенного очень мало. Туманные лозунги «свободы», «свободы торговли», «раскрепощения», «Советов без большевиков», или перевыбора Советов, или избавления от «партийной диктатуры» и так далее и тому подобное. И меньшевики и эсеры объявляют кронштадтское движение «своим». Виктор Чернов посылает гонца в Кронштадт: за «учредилку» голосует в Кронштадте, по предложению этого гонца, меньшевик Вальк, один из кронштадтских вождей. Вся белогвардейщина мобилизуется «за Кронштадт» моментально, с быстротой, можно сказать, радиотелеграфической. Белогвардейские военспецы в Кронштадте, ряд спецов, а не один Козловский, разрабатывают план десанта в Ораниенбаум, план, испугавший колеблющуюся меньшевистски-эсеровски-беспартийную массу. Свыше полусотни заграничных белогвардейских русских газет развивают бешеную по энергии кампанию «за Кронштадт». Крупные банки, все силы финансового капитала открывают сборы на помощь Кронштадту. Умный вождь буржуазии и помещиков, кадет Милюков, терпеливо разъясняет дурачку Виктору Чернову прямо (а сидящим в питерской тюрьме по их связи с Кронштадтом меньшевикам Дану и Рожкову косвенно), что не к чему торопиться с учредилкой, что *можно и должно высказаться за Советскую власть — только без большевиков.*

Конечно, не трудно быть умнее таких самовлюбленных дурачков, как Чернов, герой мелкобуржуазной фразы,

или как Мартов, рыцарь подделанного «под марксизм» мещанского реформизма. Не в том собственно и дело, что Милюков, как личность, умнее, а в том, что партийный вождь крупной буржуазии яснее видит, лучше понимает классовую суть дела и политические взаимоотношения в силу своего классового положения, чем вожди мелкой буржуазии, Черновы и Мартовы. Ибо буржуазия есть действительно классовая сила, которая при капитализме господствует неизбежно и в монархии и в самой что ни на есть демократической республике, пользуясь также неизбежно поддержкой всемирной буржуазии. А мелкая буржуазия, *то есть* все герои второго Интернационала и Интернационала «два с половиной», не может быть ничем иным, по экономической сути дела, как выражением классового бессилия, — отсюда колебания, фраза, беспомощность. В 1789 году мелкие буржуа могли еще быть великими революционерами; в 1848 году они были смешны и жалки; в 1917—1921 годах они — отвратительные пособники реакции, прямые лакеи ее, по их действительной роли, все равно, зовут ли их Черновыми и Мартовыми или Каутскими, Макдональдами и так далее и тому подобное.

Когда Мартов в своем берлинском журнале заявляет, будто Кронштадт не только проводил меньшевистские лозунги, но и дал доказательство того, что возможно противобольшевистское движение, не служащее целиком белогвардейщине, капиталистам и помещикам, то это именно образец самовлюбленного мещанского Нарцисса. Давайте попросту закроем глаза на тот факт, что все настоящие белогвардейцы приветствовали кронштадтцев и собирали через банки фонды в помощь Кронштадту! Милюков прав против Черновых и Мартовых, ибо выдает *действительную* тактику *действительной* белогвардейской силы, силы капиталистов и помещиков: давайте поддерживать кого угодно, даже анархистов, какую угодно Советскую власть, *лишь бы* свергнуть большевиков, *лишь бы* осуществить *передвижку власти!* Все равно, вправо или влево, к меньшевикам или к анархистам, *лишь бы* передвижку власти от большевиков; а остальное, — а остальное «мы», Милюковы, «мы», капиталисты и помещики, «сами» сделаем, анархистиков, Черновых, Мартовых мы шлепками прогоним, как делали в Сибири по отношению к Чернову и Майскому, как делали в Венгрии по отноше-

нию к венгерским Черновым и Мартовым, как делали в Германии по отношению к Каутскому, в Вене по отношению к Фр. Адлерам и К^о. Этих мещанских Нарциссов — меньшевиков, эсеров, беспартийных — настоящая деловая буржуазия сотнями одурачивала и прогоняла во всех революциях десятки раз во всех странах. Это доказано историей. Это проверено фактами. Нарциссы будут болтать. Милюковы и белогвардейщина будут дело делать.

«Лишь бы передвижка власти от большевиков, все равно, немного вправо или немного влево, а остальное приложится», в этом Милюков совершенно прав. Это — классовая истина, подтвержденная всей историей революций всех стран, всей многовековой эпохи новой истории, после средневековья. Распыленного мелкого производителя, крестьянина, объединяет экономически и политически либо буржуазия (так бывало всегда при капитализме, во всех странах, во всех революциях нового времени, так будет всегда при капитализме), либо пролетариат (так бывало, в зачаточной форме, при высшем развитии некоторых из самых великих революций в новой истории, на самое короткое время; так было в России 1917—1921 годов в более развитой форме). О «третьем» пути, о «третьей силе» могут болтать и мечтать только самовлюбленные Нарциссы.

С величайшим трудом, в отчаянной борьбе выработали большевики способный управлять авангард пролетариата, создали и отстаивали диктатуру пролетариата, и соотношение классовых сил в России стало яснее ясного, после проверки опытом, практикой четырех лет. Стальной и закаленный авангард единственного революционного класса, мелкобуржуазная колеблющаяся стихия, притаившиеся за границей и имеющие поддержку всемирной буржуазии Милюковы, капиталисты, помещики. Дело яснее ясного. Всякую «передвижку власти» используют и могут использовать только они.

В приведенной брошюрке 1918 года говорилось об этом прямо: «главный враг» — «мелкобуржуазная стихия». «Либо мы подчиним ее своему контролю и учету, либо она скинет рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие. Так стоит вопрос. Только так стоит вопрос». (Из брошюры 5 мая 1918 г., см. выше⁸³.)

Наша сила — полная ясность и трезвость учета *всех* паличных классовых величин, и русских и международных, а затем проистекающая отсюда железная энергия, твердость, решительность и беззаветность борьбы. Врагов у нас много, но они разъединены, или не знают, чего хотят (как все мелкие буржуа, все Мартовы и Черновы, все беспартийные, все анархисты). А мы объединены — прямо меж собой и косвенно с пролетариями всех стран; мы знаем, чего мы хотим. И потому мы непобедимы в мировом масштабе, хотя этим нисколько не исключается возможность поражения отдельных пролетарских революций на то или другое время.

Мелкобуржуазная стихия недаром называется стихией, ибо это действительно нечто наиболее бесформенное, неопределенное, бессознательное. Нарциссы мелкой буржуазии думают, что «всеобщее голосование» уничтожает натуру мелкого производителя при капитализме, но на самом деле оно *помогает* буржуазии, при помощи церкви, печати, учительства, полиции, военщины, экономического гнета в тысячах форм, помогает ей *подчинять* себе распыленных мелких производителей. Разорение, нужда, тяжесть положения вызывает колебания: сегодня за буржуазию, завтра за пролетариат. Только закаленный авангард пролетариата способен устоять и противостоять колебаниям.

Весенние события 1921 года показали еще раз роль эсеров и меньшевиков: они помогают колеблющейся мелкобуржуазной стихии отшатнуться от большевиков, совершить «передвижку власти» в пользу капиталистов и помещиков. *Меньшевики и эсеры научились теперь перекрашиваться в «беспартийных».* Это доказано вполне. И только дураки могут теперь не видеть этого, не понимать, что нам нельзя давать себя одурачивать. Беспартийные конференции не фетиш. Они ценны, если можно сблизиться с массой, еще не затронутой, со слоями трудящихся миллионов, вне политики стоящих, но они вредны, если дают платформу меньшевикам и эсерам, перекрашенным в «беспартийных». Такие люди помогают мятежам, помогают белогвардейщине. Меньшевикам и эсерам, как открытым, так и перекрашенным в беспартийных, место в тюрьме (или в заграничных журналах, рядом с белогвардейцами; мы охотно пустили Мартова за границу), но не на беспартийной конференции. Можно и должно найти

другие способы проверки настроения масс, сближения с ними. Пусть едет за границу тот, кто желает поиграть в парламентаризм, в учредилки, в беспартийные конференции, отправляйтесь туда, к Мартову, милости просим, испытайте прелесть «демократии», расспросите врагелевских солдат про эту прелесть, сделайте одолжение. А нам не до игры в «оппозиции» на «конференциях». Мы окружены всемирной буржуазией, караулящей каждую минуту колебания, чтобы вернуть «своих», чтобы восстановить помещиков и буржуазию. Мы будем держать меньшевиков и эсеров, все равно как открытых, так и перекрашенных в «беспартийных», в тюрьме.

Мы будем всеми способами завязывать более тесные связи с незатронутой политической массой трудящихся — кроме тех способов, которые дают простор меньшевикам и социалистам-революционерам, дают *простор колебаниям, выгодным для Милюкова*. Мы будем в особенности усердно двигать на советскую работу, в первую голову двигать на хозяйственную работу сотни и сотни беспартийных, настоящих беспартийных из массы, из рядовых рабочих и крестьян, а не тех, кто «перекрасился» в беспартийные, чтобы читать по шпаргалке меньшевистские и эсеровские наказания, столь выгодные для Милюкова. У нас работают сотни и тысячи беспартийных, из них десятки на важнейших и ответственных постах. Больше проверки их работы. Больше выдвигать для новой проверки тысячи и тысячи рядовых трудящихся, испытывать их, систематически и неуклонно, сотнями, передвигать на высшие посты, на основании проверки опытом.

Коммунисты у нас до сих пор еще мало умеют понять свою настоящую задачу управления: не «самим» стараться «все» делать, надрываясь и не успевая, берясь за 20 дел и не кончая ни одного, а проверять работу десятков и сотен помощников, налаживать проверку их работы снизу, т. е. настоящей массой; *направлять работу и учиться у тех, у кого есть знания (спецы) и опыт налаживания крупного хозяйства (капиталисты)*. Умный коммунист не боится учиться у военспеца, хотя $\frac{9}{10}$ военспецов способны на измену при каждом случае. Умный коммунист не побоится учиться у капиталиста (все равно, будет ли этот капиталист крупным капиталистом-концессионером, или торговцем-комиссионером, или мелким капиталистиком-кооператором и т. п.), хотя капиталист не лучше военного спеца,

Научились в Красной Армии ловить изменников военспецов, выделять честных и добросовестных, использовать в общем и целом тысячи и десятки тысяч военспецов. Учимся делать то же (в своеобразной форме) с инженерами, учителями — хотя делаем это много хуже, чем в Красной Армии (там Денякин и Колчак хорошо нас подгоняли, заставляли учиться поскорее, поусерднее, потолковее). Научимся делать то же (опять-таки в своеобразной форме) с комиссионерами-торговцами, с скупщиками, работающими на государство, с кооператорами-капиталистскими, с концессионерами-предпринимателями и т. д.

Массе рабочих и крестьян нужно немедленное улучшение их положения. Поставив на полезную работу новые силы, в том числе беспартийных, мы этого достигнем. Продналог и ряд связанных с ним мероприятий этому помогут. Экономический корень неизбежных колебаний мелкого производителя мы этим подрежем. А с политическими колебаниями, полезными только Милюкову, мы будем бороться беспощадно. Колеблущихся много. Нас мало. Колеблущиеся разъединены. Мы объединены. Колеблущиеся экономически несамостоятельны. Пролетариат экономически самостоятелен. Колеблущиеся не знают, чего они хотят: и хочется, и колется, и Милюков не велит. А мы знаем, чего мы хотим.

И потому мы победим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги.

Продналог есть переход от военного коммунизма к правильному социалистическому продуктообмену.

Крайнее разорение, обостренное неурожаем 1920 года, сделало этот переход неотложно необходимым в силу невозможности быстро восстановить крупную промышленность.

Отсюда: в первую голову улучшить положение крестьян. Средство: продналог, развитие оборота земледелия с промышленностью, развитие мелкой промышленности.

Оборот есть свобода торговли, есть капитализм. Он нам полезен в той мере, в которой поможет бороться с распыленностью мелкого производителя, а до известной степени и с бюрократизмом. Мету установит практика, опыт. Страшного для пролетарской власти тут ничего нет, пока пролетариат твердо держит власть в своих руках, твердо

держит в своих руках транспорт и крупную промышленность.

Борьбу с спекуляцией надо превратить в борьбу с хищениями и с уклонениями от государственного надзора, учета, контроля. Таким контролем мы направляем неизбежный в известной мере и необходимый нам капитализм в русло государственного капитализма.

Всестороннее, всемерное, во что бы то ни стало развитие инициативы, почина, самостоятельности мест в деле поощрения оборота земледелия с промышленностью. Изучение практического опыта в этом отношении. Возможно большее его разнообразие.

Помощь мелкой промышленности, обслуживающей крестьянское земледелие и помогающей ему подняться; помощь ей, до известной степени, и раздачей государственного сырья. Преступнее всего — оставлять сырье необработанным.

Не бояться «ученья» коммунистов у буржуазных спецов, в том числе и у торговцев, и у капиталистиков-кооператоров, и у капиталистов. Учиться у них по форме иначе, а по сути дела так же, как учились и научились у военспецов. Результаты «науки» проверять только практическим опытом: сделай лучше, чем сделали рядом буржуазные спецы, сумеи добиться и так и этак подъема земледелия, подъема промышленности, развития оборота земледелия с промышленностью. Не скупись платить «за науку»: за науку заплатить дорого не жалко, лишь бы ученье шло толком.

Всячески помогать массе трудящихся, сближаться с ней, выдвигать из нее сотни и тысячи работников беспартийных на хозяйственную работу. А «беспартийных», которые на деле не что иное, как переодетые в модный, кронштадтски-беспартийный наряд меньшевики и эсеры, — держать бережливо в тюрьме или отправлять в Берлин к Мартову для свободного использования всех прелестей чистой демократии, для свободного обмена мыслями с Черновым, с Милюковым, с грузинскими меньшевиками.

21 апреля 1921 г.

РЕЧИ, ЗАПИСАННЫЕ НА ГРАММОФОННЫХ ПЛАСТИНКАХ ⁸⁴

1

О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ НАЛОГЕ ИЛИ ПРОДНАЛОГЕ

Продовольственная разверстка заменена продналогом. Издан об этом декрет ВСЕЦИКом. Во исполнение декрета Совнарком опубликовал уже закон о продналоге. Все советские учреждения обязаны теперь ознакомить крестьян как можно шире с законом о продналоге и объяснить его значение.

Почему была необходима замена разверстки продналогом? Потому, что разверстка оказалась непомерно тяжелой и неудобна для крестьян, а неурожаем 1920-го года еще больше усилил крестьянскую нужду и разорение. Кроме того, от бескормицы усилился падеж скота, ослабел подвоз дров из лесов, ослабела работа фабрик, дающих продукты в обмен на крестьянский хлеб. Потребовались такие меры от рабоче-крестьянской власти, которые бы немедленно помогли тяжелому положению крестьян.

Продналог почти вдвое меньше разверстки: например, хлеба 240 миллионов пудов вместо 423-х. Размер налога точно известен наперед, то есть еще с весны, каждому крестьянину. От этого будет меньше злоупотреблений при взъясании налога. От этого у крестьянина будет больше интереса расширять посевы, улучшать свое хозяйство, стараться об увеличении урожая.

Наша страна разорена неслыханно сначала войной царской, потом войной гражданской, то есть нашествием помещиков и капиталистов против Советской власти рабочих и крестьян. Надо поднять хозяйство во что бы то

ни стало. В первую голову надо поднять и укрепить, улучшить крестьянское хозяйство.

Продналог поможет делу улучшения крестьянского хозяйства. Крестьяне возьмутся теперь за свое хозяйство с большей уверенностью и с большей старательностью, а это самое главное.

25. IV. 1921.

Н. Ленин

Впервые напечатано в 1924 г.

Печатается по рукописи

2

О КОНЦЕССИЯХ И О РАЗВИТИИ КАПИТАЛИЗМА

Советская власть приглашает заграничных капиталистов, желающих получить концессии в России.

Что такое концессии? Договор государства с капиталистом, который берется поставить или усовершенствовать производство (например, добычу и сплав леса, добычу угля, нефти, руды и т. п.), платя за это государству долю добываемого продукта, а другую долю получая в виде прибыли.

Правильно ли поступает Советская власть, которая прогнала русских помещиков и капиталистов, а теперь приглашает заграничных? Правильно, ибо, если рабочая революция в других странах замедлилась, то нам придется идти на некоторые жертвы, лишь бы добиться быстрого, даже немедленного улучшения положения рабочих и крестьян. Жертвы состоят в том, что мы десятки миллионов пудов ценных продуктов отдадим капиталисту в течение ряда лет, а улучшение положения рабочих и крестьян состоит в том, что мы получим тотчас добавочное количество нефти, керосина, соли, угля, земледельческих орудий и проч. Мы не вправе отказаться от немедленного улучшения положения рабочих и крестьян, ибо это необходимо при нашем разорении, а указанные жертвы нас не погубят.

Не опасно ли приглашать капиталистов, не значит ли это развивать капитализм? — Да, это значит развивать капитализм, но это не опасно, ибо власть остается в руках рабочих и крестьян, а собственность помещиков и капиталистов не восстанавливается. Концессия есть своего рода арендный договор. Капиталист становится арендатором

части государственной собственности, по договору, на определенный срок, но не становится собственником. Собственность остается за государством.

Советская власть наблюдает за тем, чтобы капиталист-арендатор соблюдал договор, чтобы договор был для нас выгоден, чтобы получилось улучшение положения рабочих и крестьян. На таких условиях развитие капитализма не опасно, а выгода для рабочих и крестьян состоит в увеличении продуктов.

25. IV. 1921.

Н. Ленин

Впервые напечатано в 1924 г.

Печатается по рукописи

3

О ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ И ПРОМЫСЛОВОЙ КООПЕРАЦИИ

Потребительской кооперацией называется объединение рабочих и крестьян с целью доставки и распределения необходимых для них продуктов. Промысловой кооперацией называется объединение мелких земледельцев или кустарей с целью производства и сбыта разных продуктов, как земледельческих (например, овощи, молочные продукты и тому подобное), так и не земледельческих (всяческие продукты промышленности, изделия из дерева, из железа, из кожи и т. д.).

Благодаря замене разверстки продовольственным налогом или продналогом, крестьяне получают избыток хлеба в свое распоряжение и будут свободно обменивать эти избытки на всякие продукты.

Промысловая кооперация поможет развитию мелкой промышленности, которая увеличит количество необходимых для крестьян продуктов, не требующих большей частью ни дальнего подвоза по железнодорогам, ни крупных фабричных заведений. Надо всеми мерами поддерживать и развивать промышленную кооперацию, оказать ей всяческое содействие, это — обязанность партийных и советских работников, ибо это сразу даст облегчение крестьянству и улучшит его положение. А от улучшения жизни и хозяйства крестьян зависит теперь больше всего подъем и восстановление народного хозяйства в рабоче-крестьянском государстве.

Потребительская кооперация тоже должна быть поддержана и развита, ибо она обеспечит быстрое, правильное и дешевое распределение продуктов. Советские власти должны только проверять деятельность кооперации, чтобы не было обмана, не было утайки от государства, не было злоупотреблений, но ни в каком случае не стеснять кооперацию, а всемерно помогать и содействовать ей.

Написано 25 апреля 1921 г.

Впервые напечатано в 1924 г.

*Печатается по копии записи
с граммофонной пластинки*

ТОВ. КРЖИЖАНОВСКОМУ В ПРЕЗИДИУМ ГОСПЛАНА

Единого государственного плана хозяйства у нас пока почти еще не чувствуется. Преобладает стремление «поднять» все и вся, все отрасли хозяйства, даже все предприятия, оставшиеся по наследству от капитализма.

Госплану следует так поставить работу, чтобы выработать, хотя бы ко времени сбора урожая, основы общегосударственного хозяйственного плана на ближайший период, год или два.

За исходный пункт следует взять продовольствие, ибо именно в этом корень всей массы затруднений. Надо попытаться рассчитать общегосударственный хозяйственный план на три случая: (1) 200; (2) 250 и (3) 300 миллионов пудов хлеба в руках государства на год (1. IX. 1921 — 1. IX. 1922). Может быть, если трудности провести до конца, все расчеты на три случая окажутся велики, рациональнее будет ограничиться одним подробным расчетом на случай получения 250 миллионов пудов с тем, чтобы излишек (300—250) считать запасом на черный день, а случай полной нехватки хлеба (200 миллионов пудов) разработать лишь приблизительно (столько-то прикупить из-за границы; так-то, в общем, «сократиться» по части промышленности, транспорта, армии и т. д.).

Допустим, государственный хлебный фонд такой-то. Вычет — запас на случай войны, перерывов жел.-дор. сношений и т. п.

Дальше становится топливо. Виды такие-то: от — до. Минимум и максимум потребного на это продовольствия. Возможность довести топливоснабжение до такой-то величины при увеличении запасов хлеба на столько-то.

Возможность экономии топлива, путем концентрации производства в немногих лучших предприятиях, такая-то. Это рассчитать необходимо. В связи с этим рассчитать возможность экономии продовольствия путем закрытия ненужных предприятий, или безусловно необходимых, и перевода рабочих (куда? осуществим ли перевод? если нет, поставить задачей минимальной выделение таких рабочих на уменьшенный паек).

Экономия топлива путем выдачи премий за его сбережение и путем усиления надзора за его расходом. Примерный расчет такой экономии, если есть к тому те или иные опорные пункты.

Армия (отдельно флот, относительно коего нужен особый расчет максимального сокращения, почти уничтожения, флота и расходов на него). Расчет на 1,6 милл. к 1. IX. 1921, затем условный расчет на половину этой величины.

Совслужащие. Наличность. Возможное уменьшение на 25%, на 50%. Премии одной четверти (наличного числа, безусловно необходимой) за сокращение всего числа. Этот вопрос о премировании остающейся четверти (или трети или половины) за проведение сокращения числа едоков (и за уменьшение количества расходуемого топлива, хотя бы, например, введением трех смен и закрытием двух заведений из трех) должен быть особо рассмотрен, ввиду его исключительной важности.

Промышленность, разделенная на несколько групп, возможно меньшее число основных групп. Водосвет. Минимум необходимого для покрытия минимума потребностей: (а) производительного потребления; (б) личного потребления. Расчет на определенное число основных групп (может быть, с раздачей детальной работы по отдельным отраслям промышленности и по отдельным районам и городам в специальные подкомиссии, или специальным уполномоченным на местах, или в губстатбюро и т. п.) — расчет того, в скольких крупных предприятиях можно бы сосредоточить все производство и сколько закрыть. Это, повидимому, важнейший вопрос, который требует особенно тщательного изучения: во-первых, чисто статистического (данные 1920-го года, а по возможности и 1918—1919 годов; иногда в виде исключения подсобное значение будут иметь и данные довоенной статистики);

во-вторых, экономического, которое должно решить следующую специальную задачу:

нельзя ли изыскать для освобождаемых городских и промышленных рабочих, которых государству не следовало бы кормить и которых в городе нельзя поставить на иную работу, занятия временно, на год, на два, в хлебных местностях, при условии удовлетворения ими нужд окрестного земледельческого населения?

Затем, после промышленности, с обязательным выделением строительной промышленности, следует транспорт (может быть, его придется поставить впереди промышленности?) и специально электрификация.

И т. д.

Расчет должен быть дан первоначально, хотя бы в грубых чертах, в порядке первого приближения, но непременно в короткий срок, в один, максимум в два месяца, — именно расчет общей картины, всего расходования всей суммы продовольствия и всей суммы топлива за год. Потом этот грубый план будем уточнять, исправлять, изменять, но хотя бы основной, хотя бы самый грубый план на год (или, может быть, отдельно на четыре четверти года, или на три трети 1. IX. 1921 г. — 1. I. 1922; 1. I. — 1. V; 1. V. — 1. IX. 1922) иметь в указанный кратчайший срок необходимо.

Сравнение обязательно постоянное с 1920-ым годом. Может быть, ряд расчетов можно и должно сделать именно в смысле сравнительно статистического и экономического изучения данных за 1920-ый год и «видов» на 1921—1922-ой годы.

Прошу президиум Госплана, не внося пока моего предложения в пленум Госплана, сообщить мне свое заключение по поводу настоящего письма как большинства, так и отдельных членов президиума.

Председатель СТО В. Ульянов (Ленин)

14/V. 1921.

Р. С. 1) Особое внимание надо обратить на промышленность, дающую предметы, годные для обмена на хлеб, для получения в обмен хлеба внутри страны. Эту промышленность надо во всяком случае выделить особо, чтобы иметь возможность точно ответить на вопрос: при

недостатке хлеба вообще, нельзя ли, уделив такое-то количество продовольствия и топливо на такую-то отрасль промышленности или на такие-то заведения, получить такое-то количество продуктов и в обмен на них столько-то хлеба. Этот условный расчет должен быть сделан заранее, для применения его, в известных случаях, после урожая.

2) Надо попытаться выделить и подсчитать: (а) предприятия (с числом рабочих), которые безусловно необходимы государству, и (б) предприятия — с числом рабочих в них — которые держатся по традиции, по рутине, по нежеланию рабочих переменить профессию и местожительство в т. п. и которые следовало бы закрыть с точки зрения рационального хозяйничания и перевода промышленности в немногие лучшие заведения, работающие в несколько смен. Общие итоги той и другой категории. Расчет понижения пайка для второй категории, чтобы этим создать стимул к ликвидации этих предприятий.

Впервые напечатано в 1923 г.

Печатается по рукописи

НАКАЗ ОТ СТО (СОВЕТА ТРУДА И ОБОРОНЫ) МЕСТНЫМ СОВЕТСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ⁸⁶

ПРОЕКТ

Первоочередной задачей Советской республики является восстановление производительных сил, подъем сельского хозяйства, промышленности и транспорта. Разорение и обнищание, причиненные ввиду империалистической войной, так необъятно велики, что во всем мире свирепствует экономический кризис, и даже в передовых странах, которые до войны были далеко впереди России по своему развитию и которые несравненно меньше пострадали от войны, восстановление хозяйства идет с необычайными трудностями и растянется на долгий ряд лет. И дело обстоит так даже во многих странах «победительницах», несмотря на то, что они связаны союзом с богатейшими капиталистическими державами и получают громадную дань, возложенную на страны побежденные, зависимые и колониальные.

Понятно, что отсталой России, которая вынесла не только империалистическую войну, но и три с лишним года гражданской войны, навязанной рабочим и крестьянам помещиками и капиталистами при помощи всемирной буржуазии, приходится с неизмеримо большими трудностями восстанавливать свое хозяйство. Тяжелый неурожай 1920 года, бескормица и падеж скота сделали положение крестьянского хозяйства невыносимо тяжелым.

По закону, который издан ВсеЦИКом, разверстка заменена продовольственным налогом⁸⁶. Установлена свобода обмена остающихся земледельцу излишков на всякие продукты. Постановлением Совпаркома опубликованы ставки налога. Размеры налога, приблизительно, вдвое ниже

разверстки. Совнаркомом издан новый закон о кооперации, расширяющий ее права в связи с свободой обмена земельно-дельческих излишков.

Этими законами сделано очень многое для немедленного улучшения положения крестьянского хозяйства, для усиления интереса крестьян к расширению запашки и к улучшению земледелия и скотоводства, а вместе с этим для подъема и развития мелкой, местной промышленности, которая не нуждается в заготовке и подвозе больших государственных запасов продовольствия, сырья и топлива.

Самостоятельный местный почин в деле улучшения крестьянского хозяйства, развития промышленности, установления оборота между земледелием и промышленностью получает теперь особенно большое значение. Создаются большие возможности применения новых сил, новой энергии к восстановлению народного хозяйства.

Совет Труда и Оборона, обязанный в силу постановления VIII Всероссийского съезда Советов объединять деятельность экономических наркоматов и направлять ее, обращается ко всем местным учреждениям с настоятельным требованием напрячь все силы и развернуть во что бы то ни стало широкую деятельность по всестороннему улучшению крестьянского хозяйства и подъему промышленности, строго выполняя новые законы и руководясь при этом излагаемыми ниже основными положениями и указаниями.

Практическое мерило успехов нашего хозяйственного строительства в общегосударственном масштабе мы имеем теперь в первую очередь двойное: во-первых, успех быстрого, полного, государственно-правильного сбора продовольственного налога; во-вторых — и это особенно важно — успех товарообмена и продуктообмена сельскохозяйственных продуктов на промышленные, успех оборота между земледелием и промышленностью.

Это — самое насущное, немедленно и во что бы то ни стало необходимое. Это — проверка всей работы и закладка фундамента для осуществления великого плана электрификации, которая даст нам восстановление крупной промышленности и транспорта в таких размерах и на такой технической основе, чтобы окончательно и навсегда победить голод и нищету.

Проект

Наказ от СТО (Совета Труда и Оборона)
местным советским учреждениям

Первоначальной задачей Советского Союза является восстановление производительной сил, падение которых является, несомненно, основной причиной кризиса в промышленности и транспорте. Вспомогательная задача состоит в том, чтобы обеспечить восстановление производительности труда, что во время войны является важнейшей задачей. В период войны производительность труда должна быть восстановлена в том объеме, который был достигнут в довоенный период. Это достигается путем восстановления производительности труда в промышленности и транспорте, а также путем восстановления производительности труда в сельском хозяйстве. В период войны производительность труда должна быть восстановлена в том объеме, который был достигнут в довоенный период. Это достигается путем восстановления производительности труда в промышленности и транспорте, а также путем восстановления производительности труда в сельском хозяйстве.

Поэтому, при выполнении задач, которые поставлены перед Советским Союзом, необходимо обеспечить восстановление производительности труда в промышленности и транспорте, а также восстановление производительности труда в сельском хозяйстве. В период войны производительность труда должна быть восстановлена в том объеме, который был достигнут в довоенный период. Это достигается путем восстановления производительности труда в промышленности и транспорте, а также путем восстановления производительности труда в сельском хозяйстве.

Поэтому, при выполнении задач, которые поставлены перед Советским Союзом, необходимо обеспечить восстановление производительности труда в промышленности и транспорте, а также восстановление производительности труда в сельском хозяйстве. В период войны производительность труда должна быть восстановлена в том объеме, который был достигнут в довоенный период. Это достигается путем восстановления производительности труда в промышленности и транспорте, а также путем восстановления производительности труда в сельском хозяйстве.

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Наказ от СТО
(Совета Труда и Оборона) местным советским учреждениям.
Проект. — Май 1921 г.

Уменьшено

Надо собрать 100% продовольственного налога и затем собрать еще столько же продовольственных продуктов путем свободного обмена с.-х. излишков на промышленные изделия. Конечно, это не может удаться повсюду сразу, но эту ближайшую задачу мы все должны себе поставить и мы сможем ее в кратчайший срок осуществить, если правильно поймем положение нашего хозяйства и со всей энергией вступим на правильный путь его подъема. Все местные власти, все местные учреждения каждой губернии, каждого уезда, каждого областного центра, каждой автономной республики должны, объединенно и согласованно, развернуть дело так, чтобы обмен излишков был двинут. Пусть опыт покажет, насколько удастся двинуть этот обмен посредством увеличения производства и доставки государственных продуктов крупных социалистических предприятий; — насколько удастся поощрить и развить мелкую местную промышленность; — какую роль сыграет кооперация и частная торговля, предприниматели, капиталисты, находящиеся на государственном учете, — все и всяческие приемы, с наибольшим развитием местной инициативы, должны быть испытаны. Мы стоим перед новой задачей, не испробованной еще нигде в мире; мы решаем эту задачу при таких условиях, когда послевоенное разорение не позволяет ни точно рассчитать ресурсы, ни определить наперед, какую степень напряжения могут вынести рабочие и крестьяне, принесшие неслыханно тяжелые жертвы ради победы над помещиками и капиталистами. Мы должны смелее и шире применить разнообразные приемы, подходы к делу с разных сторон, разную степень допущения капитала и частной торговли, не боясь известного насаждения капитализма, лишь бы немедленно поднять оборот, оживить этим и земледелие и промышленность, подсчитать, на результатах практического опыта, какими ресурсами страна обладает и каким путем всего вернее можно идти к улучшению положения рабочих и крестьян для дальнейшей более широкой и прочной работы хозяйственного строительства, для осуществления плана электрификации.

Сверх налога, сколько сельскохозяйственных излишков обменяли крестьяне на продукты мелкой промышленности и частной торговли и сколько на продукты, доставляемые государством? — вот два вопроса, которые должны,

в первую очередь, заинтересовать всякого советского работника, занятого делом хозяйственного строительства. Вот главные ближайшие направления, по которым мы должны достигнуть наибольших успехов и по которым будем измерять степень успешности работы, а затем будем судить, как именно двинуться к дальнейшим задачам. Согласованно с этими двумя ближайшими вопросами должны ставиться все вопросы хозяйственного строительства вообще.

Чтобы осуществить это согласование, чтобы поощрить в наибольших размерах почин, самостоятельность, размах работы на местах, а также чтобы контролировать местным опытом и местным надзором работу центрального аппарата и обратно, достигая этим устранения волокиты и бюрократизма, Совет Труда и Оборона постановил (см. особо текст постановления):

во-первых, ввести повсюду экономические совещания для согласования работы местных органов всех экономических наркоматов

и, во-вторых, установить правильную отчетность местных экономических совещаний в целях обмена опытом, организации соревнования и, главное, проверки местной работой и ее результатами правильности приемов деятельности и способа постройки центральных учреждений.

Местные экономические совещания должны быть организуемы по типу СТО (Совета Труда и Оборона) и находиться в таких же отношениях к местным исполкомам, в каких СТО находится к Совнаркому. СТО работает на правах комиссии Совнаркома; при условии подбора членов СТО из членов СНК получается полнейшая согласованность работы обоих учреждений, устранение всякой возможности трений между ними, быстрота работы, простота аппарата, ибо никакого аппарата СТО не создает, а работает через аппараты ведомств, стараясь упростить их и согласовать между собою.

Губэкономсоветы в таких же отношениях должны находиться к Губисполкомам; на практике именно дело так и складывается. Притом СТО, утверждая членов и председателя областных и краевых экономических советов, старается учитывать опыт местных работников и без совещания с ними не давать утверждений. Несомненно, Областэкономсоветы должны стараться и будут стараться согласовать свою работу с Губэкономсоветами, обеспечивая возможно полнее их участие, их осведомление, их

заинтересованность. Едва ли своевременно было бы сейчас же пытаться регламентировать все эти взаимоотношения: опыта еще мало, из попыток такой регламентации могло бы получиться чисто бюрократическое творчество. Целесообразнее предоставить сначала практике выработать подходящие формы отношений (СТО работало около года рядом с СНК, не имея в сущности никакой конституции). Пусть эти формы лучше будут вначале не абсолютно устойчивы: разнообразие желательно, полезно, даже необходимо, чтобы точнее изучить, полнее сравнить разные системы взаимоотношений.

Уездные и волостные эконосоветы должны быть образуемы на таких же основаниях — разумеется, при допущении всяких видоизменений основного типа, т. е. исполкомы могут целиком брать на себя задачи и обязанности Экономических совещаний, могут свои же «распорядительные» или «экономические» заседания приравнять к Экономическим совещаниям, могут выделять (например, в волостях, а иногда и в уездах) специальные комиссии или даже специально назначенных отдельных лиц для выполнения всех или некоторых задач Экономических совещаний и так далее и тому подобное. Низшей ячейкой должны быть *селькомы*, они должны стать низшими органами СТО в деревне. Закон о соответствующем расширении прав селькомов и об определении их взаимоотношений к сельсовдепам утвержден уже СНК и опубликован 28. V. 1921 года. На обязанности Губисполкомов лежит то или иное предварительное установление наиболее подходящих для данной местности правил о обязательном *расширении*, а не сужении почва к самостоятельности «мест» вообще, низших ячеек *в особенности*.

В промышленных уездах и поселениях низшими органами СТО должны быть райкомы и фабкомы или правления фабрик и заводов — смотря по тому, с одной ли отраслью промышленности приходится иметь дело или с несколькими. Во всяком случае *объединение* работы с уездными исполкомами, волысполкомами, селькомами для мер по руководству *всей* местной хозяйственной жизнью необходимо, в той или иной форме, безусловно.

Далее. Вопрос о правильной отчетности местных органов перед СТО приобретает исключительную важность, ибо одно из главных зол, которым мы страдаем, состоит

в недостатке изучения практического опыта, обмена опытом, взаимоконтроля — распоряжений центра практикой мест и практики мест руководством центра. Одно из важнейших средств борьбы с бюрократизмом и волокитой должно состоять в проверке исполнения законов и распоряжений центра местами, для этого нужны отчеты, печатаемые *в общем сведении с обязательным расширением участия беспартийных* и не ведомственных людей. Такой журнал, как «Наше Хозяйство», «двухнедельный орган Тверского губернского экономического совета» (№ 1, 15. IV. 1921 г.; № 2, 30. IV. 1921 г.), показывает, что на местах потребность в изучении, освещении, оглашении итогов нашего хозяйственного опыта сознается и находит правильные пути ее удовлетворения. Конечно, не в каждой губернии смогут, по крайней мере, в ближайшие месяцы — поставить журнал, не везде смогут печатать два раза в месяц по 3 000 экз., как печатает Тверь. Но не только в каждой губернии, а и в каждом уезде могут — и должны — составлять раз в два месяца (для начала можно допускать, в виде изъятия, и более продолжительные промежутки) отчет о местной экономической работе и печатать его, скажем, 100—300 экземпляров. Бумаги и типографий на такую небольшую работу безусловно везде найдется, если мы поймем важность и неотложность такой работы, необходимость для удовлетворения этой потребности отнимать бумагу от многих ведомств, печатающих массу ненужных или далеко не в первую очередь нужных вещей. Если набирать мелким шрифтом; если печатать в 2 столбца (как делают товарищи в Твери); если понять ту нехитрую истину, что даже сотня экземпляров при доставке по одному в каждую губернскую библиотеку и в каждую крупнейшую общегосударственную библиотеку дает уже, правда, скудную, но все же *несомненную* возможность *всероссийского* осведомления и учета опыта, — то ясна будет осуществимость и неотложность этого.

Действительный учет опыта, действительный обмен опытом, привлечение всех выдающихся и способных организаторов из беспартийных, все это невозможно без правильного печатания отчетов, хотя бы в ничтожном минимуме экземпляров. Добиться этого можно и должно немедленно.

При составлении отчетов необходимо соединять возможно большую краткость с точностью ответа на поставленные вопросы. Вопросы делятся на четыре группы: первая группа вопросов, это — те, которые в особенности выдвигаются на первое место в настоящее время. Ответ на них обязателен в каждом отчете и с наибольшей точностью и подробностью. Это необходимо в особенности потому, что эта группа вопросов для громадного большинства уездов имеет исключительно насущное, злободневное значение именно в данный момент. Для меньшинства уездов и районов, именно, для чисто промышленных, на первый план выдвинутся иные вопросы. Вторая группа вопросов, это — такие, ответ на которые тоже обязателен в каждом отчете, но очень часто может и должен быть дан в виде краткой сводки тех отчетов, которые уже представлены в соответственные ведомства. Во всех таких случаях в отчете для СТО обязательно должно быть указано: отчеты посланы тогда-то, в такие-то учреждения, краткий итог проделанной работы выражается по этим отчетам в цифрах таких-то. Подобного рода ответы необходимы для СТО как для проверки отдельных ведомств, так и для получения итоговых цифр, дающих достигнутые результаты в области продовольственной, топливной, промышленной и пр. Третья группа вопросов, это — такие, ответ на которые обязателен не в каждом отчете. Ответы на эти вопросы обязательны вначале, т. е. в первом отчете, а в последующих отчетах отмечается лишь добавочное и новое по мере скопления нового материала. Каждые два месяца на эти вопросы отвечать во многих случаях будет нечего. Четвертая группа это — все и всяческие дополнительные вопросы, которые не указываются наперед, не ставятся центром, а возникают на местах. Эта группа должна быть составляема самими местными учреждениями, не будучи ограничена ничем. Само собою разумеется, что вопросы, составляющие государственную тайну (военные или связанные с военными операциями и охраной государства и т. п.), должны быть выделяемы в особый отчет, не подлежащий публикации, а предназначаемый исключительно для СТО, как отчет секретный.

Перейдем к перечню вопросов:

ПЕРВАЯ ГРУППА ВОПРОСОВ

1. ТОВАРООБМЕН С КРЕСТЬЯНСТВОМ

Это — первый вопрос по важности и злободневности в настоящее время. Во-первых, без полного и правильного снабжения продовольствием армии и городских рабочих государство не может вести хозяйственного строительства вообще, а товарообмен должен стать главным средством сбора продовольствия. Во-вторых, товарообмен есть проверка правильного взаимоотношения промышленности и земледелия, а равно фундамент всей работы по созданию сколько-нибудь правильно действующей денежной системы. На вопрос о товарообмене (включая сюда и продуктообмен, ибо государственный продукт — продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром), на вопрос о товарообмене должно быть обращено теперь главное внимание всех экономсоветов, всех органов хозяйственного строительства.

Подготовка к товарообмену? Что именно сделано для этой подготовки? — Компродом? — Кооперацией? Число кооперативных лавок для этого? В каждой ли волости есть? В скольких селах? Фонд для товарообмена? Цены на «вольном» рынке? Излишки хлеба и других с.-х. продуктов? Есть ли опыт товарообмена и какой именно? Итоги и результаты? Борьба с хищениями товарообменного фонда и продовольствия? (особ. важный пункт, требующий разбора *каждого случая* хищения).

Соль и керосин, как предметы товарообмена? Мануфактура? Другие продукты? В чем больше всего нужда? Чего больше всего нехватает крестьянину? Что могло бы быть дано местным, мелким, кустарным производством? Или развитием местной промышленности?

Цифры и факты, касающиеся постановки товарообмена и его итогов, имеют самое важное значение для проведения общегосударственного опыта.

Правильны ли соотношения между Компродом, как органом контроля и надзора за товарообменом, и кооперацией, как органом, осуществляющим товарообмен? Каковы именно эти взаимоотношения на практике? в местном их осуществлении?

Роль частной торговли в товарообмене? Насколько именно развилась или развивается частная торговля? Число торговцев, их оборот по главным продуктам? в особенности, по продовольственным продуктам?

2. ОТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА К КАПИТАЛИСТАМ

Товарообмен и свобода торговли означает неминуемо появление капиталистов и капиталистических отношений. Бояться этого нечего. Рабочее государство имеет в своих руках достаточно средств, чтобы *лишь в меру* допустить развитие этих отношений, которые полезны и необходимы в обстановке мелкого производства, и чтобы контролировать эти отношения. Все дело теперь именно в точном изучении размеров явления и изыскании подходящих (не стеснительных, вернее: не запретительных) приемов контроля и учета со стороны государства.

Насколько именно развивается частная торговля в связи с заменой разверстки налогом? Поддается учету или нет? Только мешочническая или и правильная торговля? Регистрация ее и итоги регистрации?

Предпринимательство: есть ли случаи предложения со стороны капиталистов и предпринимателей взять в аренду те или иные предприятия или заведения? или торговые помещения? Точный учет этих случаев и разбор их? Как поставлено определение, хотя бы приблизительное, итогов торговых операций? Тоже — отчетность арендаторов, коммиссионеров, если такие есть?

Были ли предложения характера комиссионного? Сбор продуктов, закупка их в пользу государства за процент? Или продажа и распределение? Или организация промышленных предприятий?

Кустарная промышленность, в чем изменилось ее положение после продналога? Степень ее развития вообще? Источник данных?

3. ПОощРЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ПОЧИНА В ДЕЛЕ ТОВАРООБМЕНА И ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ВООБЩЕ

Этот вопрос тесно связан с предыдущим. Поощрение почина часто может оказаться не связанным с капиталистическими отношениями. Как осуществить это поощрение? — такой вопрос должен стоять перед эконсоветами и всеми органами хозяйственного строительства вообще.

Ввиду новизны этой задачи, едва ли можно сейчас дать вполне определенные указания. Все дело в том, чтобы уделить громадное внимание этому вопросу, всяческий хозяйственный почин поощрять, тщательно изучать практический опыт, ознакомить с ним все государство.

Мелкий земледелец, дающий налог государству и вступающий в товарообмен с ним, с социалистической фабрикой, — это такая хозяйственная обстановка, которая безусловно требует от государства, и именно от его местных органов, всестороннего поощрения почина, инициативы. Обмен наблюдений и опыта местных учреждений позволит собрать материалы и в дальнейшем, может быть, дополнить этот общий и недостаточно определенный вопрос рядом примеров и детальных указаний.

4. СОГЛАСОВАНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РАБОТЫ РАЗНЫХ ВЕДОМСТВ ВНУТРИ МЕСТНЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЕДИНИЦ: ВОЛОСТЕЙ, УЕЗДОВ, ГУБЕРНИЙ

Отсутствие на местах согласованной работы различных ведомств — одно из больших зол, препятствующих хозяйственному строительству. Надо обратить на этот вопрос громадное внимание. Задача эконсоветов — устранять эту несогласованность, развивать самостоятельность местных учреждений. Практические примеры должны быть собираемы, чтобы лучшей постановки дела добиться и примеры успеха сделать образцом для всех. При крайней нужде в продовольствии, например, естественно и неизбежно было величайшее ограничение самостоятельности мест в употреблении собранного хлеба. С надлежащим контролем и в меру увеличения запасов хлеба надо увеличить эту самостоятельность. Этим можно и должно достигать уменьшения бюрократизма, сокращения перевозок, поощрения производства, улучшения положения крестьян и рабочих. Продовольствие — мелкая местная промышленность — топливо — крупная общегосударственная промышленность и т. д., все эти области связаны тесно, и «ведомственное» разделение их, необходимое для управления государством, приносит вред, если не вести постоянной работы согласования, устранения трений, волокиты, ведомственной узости, казенщины. На местах, ближе к массам рабочих и крестьян, эти недостатки виднее, и

места же должны выработать — путем обмена опыта — приемы успешной борьбы с этими недостатками.

В чем именно, как именно выразилась работа согласования деятельности местных совхозов, лескомов, уземотделов, совнархозов и так далее? — вот на какой вопрос точные, тщательные и подробные ответы безусловно необходимы.

Как наказаны работники, удовлетворявшие места в ущерб центру, и вопреки приказу центра? Имена подвергавшихся взысканию? Уменьшаются ли случаи таких нарушений? Повышена ли мера взысканий и как именно?

5. УЛУЧШЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧИХ И 6. — КРЕСТЬЯН

Все успехи хозяйственного строительства улучшают положение рабочих и крестьян. Но, во-первых, и здесь ведомственность и отсутствие согласования приносят много вреда. А, во-вторых, необходимо выделить особо эти вопросы, чтобы внимательно следить за достигаемыми результатами в этой области. Что именно достигнуто? Как именно? Ответы на эти вопросы необходимы.

Усталость, а сплошь и рядом прямое истощение от результатов многолетней войны, сначала империалистической, а потом гражданской, так велики, что особые усилия для улучшения положения рабочих и крестьян безусловно необходимы. Далек, далеко не все делается из того, что можно и должно делать даже при нашей скудости средств. Далек не все ведомства и учреждения обращают на это все внимание. Поэтому собирать и изучать местный опыт в этом отношении — самая неотложная необходимость. Отчеты по этому вопросу должны быть самые точные, самые полные и аккуратные: тогда сразу будет видно, где или какие ведомства наиболее отстают. Тогда общими усилиями удастся быстрее добиться улучшения.

7. РАСШИРЕНИЕ КРУГА ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ ПО ХОЗЯЙСТВЕННОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

В этом расширении мы особенно нуждаемся, и систематичности в усилиях достигнуть такого расширения мы наблюдаем совсем мало. При капитализме отдельные

«хозяева» старались — таясь от других и ставя им подножку — добывать себе хороших приказчиков, управляющих, директоров; занимались этим десятилетия, и только немногие наилучше поставленные «фирмы» достигали хороших результатов. Теперь «хозяином» является рабоче-крестьянское государство, и оно должно поставить широко, планомерно, систематично и *открыто* дело подбора наилучших работников по хозяйственному строительству, администраторов и организаторов специального и общего, местного и общегосударственного масштаба. Сплошь и рядом еще мы видим наследие первого периода Советской власти, именно: периода ожесточеннейшей гражданской войны и бешеного саботажа, наследие, выражающееся в том, что коммунисты замыкаются в узкий круг правящих, боясь или не умея привлечь к делу беспартийных в достаточном числе.

За исправление этого недостатка надо взяться спешно и изо всех сил. Из массы рабочих, крестьян, интеллигентов выдвигается не мало способных и честных беспартийных людей, которых надо ставить на более крупные посты по хозяйственному строительству, сохраняя необходимый контроль и направление за коммунистами. А с другой стороны, нужен и контроль беспартийных за коммунистами; для этого группы испытанных по своей честности беспартийных рабочих и крестьян необходимо привлекать и в Рабоче-крестьянскую инспекцию, и помимо всяких должностей неформально привлекать к проверке и оценке работы.

Местные учреждения, особенно волости, уезды, районы, лучше всего знающие состав рабочей и крестьянской массы, должны давать в своих отчетах в СТО *списки* беспартийных, доказавших свою честность на работе или просто выдвинувшихся на беспартконференциях или пользующихся бесспорным уважением завода, села, волости и т. п., — и затем указывать, к какой работе привлекаются в области хозяйственного строительства эти лица. Под «работой» надо иметь в виду и занятие должностей, и *участие в контроле или проверке без всяких должностей*, и регулярные неформальные совещания, и т. п.

Ответы на вопросы об этом обязательны регулярно. Без этого социалистическое государство не может правильно поставить дело вовлечения масс в хозяйственное

строительство. Новые работники есть, честные и преданные. Их много среди беспартийных. Мы их не знаем. Только местные отчеты помогут узнать их, испытать на более широкой, постепенно расширяемой работе, помогут устранить такое зло, как отрыв комлячек от массы, а это зло наблюдается во многих местностях.

8. ПРИЕМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ БОРЬБЫ С БЮРОКРАТИЗМОМ И ВОЛОКИТОЙ

Вероятно, в первое время большинство ответов на этот вопрос будут очень просты: никаких приемов и никаких результатов. Решения VIII Всероссийского съезда Советов прочитаны и забыты.

Но если дела обстоят по этой части печально, то мы никак не будем подражать примеру тех, кто поддается отчаянию и махает рукой. Мы знаем, что бюрократизм и волокита больше всего связаны в России с уровнем культуры и с последствиями крайнего разорения и обнищания вследствие войны. Борьба с таким злом может быть успешной лишь при громадной настойчивости в течение долгого ряда лет. Поэтому не приходите в отчаяние, а начинать работу снова и снова, возобновлять прерванное, испытывать разнообразные способы достижения цели.

Реорганизация Рабоче-крестьянской инспекции; привлечение беспартийных как через эту инспекцию, так и помимо нее; судебные преследования; сокращение числа служащих и отбор их; проверка и согласование работы ведомств и так далее и тому подобное. Все эти меры, все указанное в решении VIII съезда Советов; все отмеченные в печати меры и приемы должны быть систематически, неуклонно, повторно и многократно испытываемы, сравниваемы, изучаемы.

Губэкономсоветы и всякие иные органы, объединяющие и направляющие работу хозяйственного строительства на местах, должны требовать исполнения предписываемых законов и указываемых практическим опытом мер. Местный опыт должен быть собираем. Ответ на названный вопрос, как бы ни трудно было первое время приучить к тому, чтобы давался точный, полный и своевременный ответ, должен быть доставляем в СТО. СТО этого добьется. И работа даст хорошие результаты, несомненно, хотя бы и не так быстро, как могут ожидать люди, сплошь и рядом

превращающие «борьбу с бюрократизмом» во фразу (или в повторение белогвардейско-эсеровской и меньшевистской в том числе сплетни), вместо настойчивого и упорного труда по применению конкретных мероприятий.

ВТОРАЯ ГРУППА ВОПРОСОВ

9. ПОДЪЕМ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА: а) КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО;
б) СОВХОЗЫ; в) КОММУНЫ; г) АРТЕЛИ; д) ТОВАРИЩЕСТВА;
е) ДРУГИЕ ВИДЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА

Самые краткие итоги с цифрами отчетов, посланных по ведомству, с указанием времени посылки каждого отчета.

Более подробные сведения — не в каждом отчете, а периодически через 4—6 месяцев и т. п. — о важнейших сторонах местного хозяйства, об итогах обследований, о важнейших мерах с обязательной проверкой их результатов.

Не менее 2-х раз в год обязательны точные сведения о числе всех видов колхозов (коллективных хозяйств, б—е), с подразделением на поставленные заведомо хорошо, сносно и неудовлетворительно. Одно типичное хозяйство каждой из этих последних трех групп должно быть не менее двух раз в год описываемо подробно с точным указанием всех данных об описываемом хозяйстве, его величины, места нахождения, итогов производства, помощи от него крестьянскому хозяйству и т. д.

10. ПОДЪЕМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: а) КРУПНОЙ, НАХОДЯЩЕЙСЯ В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ВЕДЕНИИ ЦЕНТРА; б) КРУПНОЙ, НАХОДЯЩЕЙСЯ ЧАСТИЧНО ИЛИ ВСЕЦЕЛО В ВЕДЕНИИ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ; в) МЕЛКОЙ, КУСТАРНОЙ, ДОМАШНЕЙ И Т. П.

Ответы должны быть такого же рода, как по прежнему пункту. По категории а местные органы, близко, непосредственно наблюдающие жизнь и работу крупного общегосударственного заведения, его влияние на окружающее население, отношение к нему населения, должны обязательно сообщать в каждом отчете сведения об этих предприятиях, о том, чем ему помогают местные органы, каковы итоги этой помощи, какова помощь, оказываемая такими предприятиями местному населению, каковы наиболее важные нужды таких предприятий, недочеты в их постановке и т. д.

11. ТОПЛИВО: а) ДРОВА; б) УГОЛЬ; в) НЕФТЬ; г) СЛАНЕЦ; д) ДРУГИЕ ВИДЫ ТОПЛИВА (ПАЛОЕ ТОПЛИВО И Т. Д.)

Так же, как по двум предыдущим вопросам: самые краткие итоги, с цифрами отчетов, представленных по ведомству с обязательным указанием времени представления этих отчетов.

Подробные сведения об особенно важном, о том, что выходит за рамки ведомства, о местном согласовании работы и т. п.

Особенно большое внимание должно быть обращено на экономию топлива. Какие меры принимаются? Каковы их результаты?

12. ПРОДОВОЛЬСТВИЕ

Общие итоги отчетов Компроду с соблюдением вышеуказанных условий.

Огородное хозяйство и пригородное (прифабричное, призаводское) земледелие. Его результаты.

Местный опыт относительно организации школьного и детского питания, столовых, общественного питания вообще и т. д.

Обязательны сводки данных в две цифры: число лиц, получавших продовольствие, и количество выданного продовольствия за каждые два месяца.

В каждом крупном потребляющем центре (большой город, средний город, военные учреждения особого поселения и т. п.) мы кормим много лишних людей, примазавшихся чиновников, притаившихся буржуев и спекулянтов и т. д. Надо систематически «ловить» таких «лишних» едоков, нарушающих основной закон: «не трудящийся да не ест». Для этого в каждом подобном месте должен быть назначаем ответственный статистик, обязанный изучать данные переписи 28/VIII 1920 г. и данные текущей статистики и каждые два месяца давать отчет о лишних едоках за своей подписью.

13. СТРОИТЕЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Ответы того же типа, как предыдущие. В этой области почин и самостоятельность мест особенно важны и должны иметь особенно широкое применение. Подробные сведения обязательны о важнейших мероприятиях в этой области и об их результатах.

14. ОБРАЗЦОВЫЕ И БЕЗНАДЕЖНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ И ЗАВЕДЕНИЯ

Обязательное описание каждого предприятия, заведения, учреждения, связанного с хозяйственным строительством и заслуживающего названия образцового или хотя бы выдающегося или успешно работающего (если нет ни одного образцового и ни одного выдающегося). Состав правления (имена) таких учреждений. Приемы его работы. Результаты. Отношение рабочих и населения.

То же относительно безнадежных и бесполезных предприятий.

Особо важен вопрос о закрытии предприятий, не обязательно необходимых (безнадежные; такие, которые могли бы быть закрыты с передачей работы в меньшее число более крупных предприятий и т. п.). Статистический учет таковых, «лишних» заведений, число их, постепенность освобождения республики от них.

15. УЛУЧШЕНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РАБОТЕ

Особенно важное и показательное, осуществляемое отдельными изобретателями, исключительными работниками с приведением имен; опыты, которым местные органы придают значение, и так далее.

16. НАТУРПРЕМИРОВАНИЕ

Это — учреждение, принадлежащее к числу самых важных по роли в социалистическом строительстве. Привлечение к труду — важнейшая и труднейшая проблема социализма.

Обязателен систематический учет практического опыта, собрание и изучение его.

Отчеты обязательны каждые два месяца фактические: сколько выдано натурпремии? Каких продуктов? По какой отрасли работы? (отдельно: лесные работы и все другие виды работ). Сравнение итогов работы, результатов ее, количества продуктов с данными о размерах выданного натурального премирования?

Случаи превращения натурпремии в резерв заработной платы? Особо каждый случай отметить.

Выдачи натурпремии особо успешным предприятиям? и отдельным рабочим? Точное описание каждого случая.

Расчет: нет ли такого местного продукта, который мог бы быть получен (и для товарообмена с границей и для особо

ценного употребления в России), путем увеличения натурпремирования в таком-то размере? Этот расчет очень важен, ибо при правильном и повсеместном его производстве мы найдем много ценных продуктов, которыми сумеем снабдить за границу с выгодой, с барышом, даже при условии вывоза известного количества натурпремии из той же заграницы.

17. ПРОФСОЮЗЫ, ИХ УЧАСТИЕ В ПРОИЗВОДСТВЕ

Местные Губпрофсоветы и уездные органы профсоюзов обязаны немедленно назначить докладчиков и их заместителей, которые и сами и при помощи местного статистика обязаны изготовить раз в два месяца доклад по этому вопросу.

По отношению к производпропаганде нужны точные факты числа лекций, митингов, демонстраций, с именами организаторов и т. п.

Но еще несравненно важнее, чем производпропаганда, данные о действительном участии фабкомов и профсоюзов вообще в производстве. Формы этого участия? Описание каждого типичного случая. Практические итоги. Сравнение заведений, где поставлено хорошо или сносно участие профсоюза в производстве, с заведениями, где таковое не поставлено.

Вопрос о трудовой дисциплине особо важен. Обязательны отчеты о количестве прогулов. Сравнение предприятий с низкой и высокой труддисциплиной.

Приемы повышения труддисциплины.

Товарищеские дисциплинарные суды. Сколько и когда введены? Сколько дел в месяц разбирают? Итоги?

18. ХИЩЕНИЯ

Наряду с учреждениями, видящими распространенность этого зла и борющимися с ним, есть и такие, которые отвечают, что «во вверенном ведомстве, или учреждении, или предприятии хищений нет», «все обстоит благополучно».

Обязательны точные отчеты каждые два месяца. Сколько учреждений, заведений и проч. представляют сведения? Сколько нет?

Краткая сводка этих сведений.

Меры борьбы с хищениями.

Привлекаются ли к ответственности управляющие? Правления? Фабкомы? (за недостаточность борьбы с хищениями).

Производятся ли обыски? Применяются ли иные меры контроля и как?

Сказывается ли на уменьшении хищений новый закон о товарообмене и предоставлении рабочим для этой цели части их продукта? Точные данные об этом.

Местные, т. е. находящиеся в данной местности, склады, как принадлежащие государству, так и принадлежащие органам местной власти. Краткие итоги отчетов о складах, с указанием времени представления каждого отчета.

Сведения местных властей о складах общегосударственных. Приемы их охраны. Хищения. Число служащих на складах и т. д.

19. МЕШОЧНИЧЕСТВО

Размер этого явления по местным данным. Состав мешочников (преобладают) рабочие? крестьяне? желдор-служащие? Иные совслужащие? и т. п.

Состояние железных дорог и водного транспорта.

Меры борьбы с мешочничеством и результаты этих мер.

Как поставлено дело учета мешочников и мешочничества?

20. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ ДЛЯ ТРУДЦЕЛЕЙ

Трудармии. Их состав, численность, их работа. Как поставлена отчетность? Отношение местного населения?

Другие формы использования воинских частей, — тоже: Всеобуча — для трудцелей.

Численность местных воинских частей, — тоже: местных учреждений Всеобуча и проходящей через его учреждения молодежи.

Практические опыты использования молодежи во Всеобуче и красноармейцев для отдельных работ по контролю, — по санитарии, — по участию в помощи местному населению, — по тем или иным хозяйственным операциям. Описание подробное каждого опыта или, если их несколько, двух типичных опытов: наиболее удачного и наиболее неудачного.

21. ТРУДПОВИННОСТЬ И ТРУДМОБИЛИЗАЦИИ

Как составлены местные отделы Народного комиссариата труда? Их работа?

Краткие сводки отчетов, посылаемых ими в Народный комиссариат труда с обязательным указанием времени посылки каждого отчета.

Описание, не менее как раз в четыре месяца, двух типичных случаев трудмобилизации, наиболее и наименее удачного.

Перечень применяемых трудповинностей. Итоговые данные о числе привлекаемых и об итогах работы.

В чем выражается участие местных учреждений Центрального статистического управления в деле проведения трудповинностей и трудмобилизации.

ТРЕТЬЯ ГРУППА ВОПРОСОВ

22. ОБЛАСТНЫЕ И МЕСТНЫЕ ЭКОНСОВЕТЫ

Когда и как составлялись эконсоветы в местной области? губернии? уезде? волости? Соотношение работы между ними и с селькомами? с фабкомами?

Эконсоветы при районных Советах больших городов? Их состав и работа, ее постановка, отношение к общегородскому Совдепу?

Есть ли райкомы и райэконсоветы? Есть ли надобность в них? В выделении наиболее фабричных или промышленных поселений с их округами и т. п.?

23. ГОСПЛАН (ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБЩЕПЛАНОВАЯ КОМИССИЯ ПРИ СТО) И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ С МЕСТНЫМИ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ОРГАНАМИ

Есть ли областные органы Госплана? Или особоуполномоченные? или группы спецов в такой роли?

Установлено ли как-нибудь (и как именно?) соотношение с Госпланом? Есть ли надобность в таком установлении?

24. ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

Есть ли в местной губернской и уездной библиотеке «План электрификации РСФСР», доклад VIII съезду Советов? Сколько экземпляров? Если нет, значит, местные делегаты VIII съезда Советов либо люди нечестные,

подлежащие изгнанию из партии и удалению со всех ответственных постов, либо такие бездельники, которые должны быть обучены тюремным заключением исполнению своего долга (на VIII съезде Советов были розданы 1500—2000 экземпляров для местных библиотек).

Какие меры приняты во исполнение постановления VIII съезда Советов о широкой пропаганде плана электрификации? Сколько статей в местных газетах об этом? Сколько докладов? Число слушателей на них?

Мобилизованы ли для таких докладов и для преподавания все местные работники, обладающие теоретическими или практическими знаниями об электричестве? Сколько таких работников? Как ведется их работа? Используются ли для лекций и занятий местные или ближайшие электрические станции? Число их?

В скольких учебных заведениях введено, согласно решению VIII съезда Советов, преподавание плана электрификации?

Сделано ли что-либо практическое и что именно в деле осуществления этого плана? или вне плана стоящих работ по электрификации?

Есть ли местный план и очередь работ по электрификации?

25. ТОВАРООБМЕН С ЗАГРАНИЦЕЙ

На этот вопрос безусловно обязателен ответ всех пограничных местностей, но не только их. В уездах и губерниях, соседних с пограничными, есть возможности товарообмена и наблюдения над его постановкой. Затем возможно, как указано выше (§ 16: натурпремирование), участие в заграничном товарообмене даже весьма отдаленных от границы местностей.

Состояние портов? охрана границ? размер и формы торговых сношений? Краткие итоги представленных об этом докладов Народному комиссариату внешней торговли с указанием времени представления каждого доклада.

Проверка работы НКВТ местными Э.С.? Их соображения о практической постановке и о результатах?

26. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ, ВОДНЫЙ, МЕСТНЫЙ ТРАНСПОРТ

Краткие сводки представляемых по ведомству отчетов с указанием времени представления каждого отчета.

Оценка положения дел с местной точки зрения.

Недостатки транспорта. Меры к улучшению и результаты этих мер?

Состояние местного транспорта и меры к его улучшению.

27. ОБСЛУЖИВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПРЕССОЙ

Местные органы печати и «Экономическая Жизнь». Как поставлено освещение хозяйственной работы? участие беспартийных? Проверка и оценка опыта практики?

Распространение местных органов печати и «Экономической Жизни»? Сохранение в библиотеках и доступность их населению?

Издание брошюр и книг по хозяйственному строительству. Перечень вышедших изданий.

Потребность в заграничной литературе и ее удовлетворение. Получались ли издания «Бинта» (Бюро иностранной науки и техники) и оценка их? другие заграничные издания на русском и других языках?

ЧЕТВЕРТАЯ ГРУППА ВОПРОСОВ

В эту группу должны войти вопросы по выбору и указанию самих местных учреждений и отдельных лиц, — причем вопросы могут быть и прямо и косвенно, и близко и отдаленно связанные с хозяйственным строительством.

К составлению отчетов должны быть обязательно привлекаемы местные работники Центрального статистического управления. Им ли поручат отчет или другим лицам — дело местных эконсоветов, но участие Губстатбюро и уездных статистиков обязательно. Каждый отчет или каждый ответ на вопрос, если эти ответы писаны разными лицами, должен быть подписан автором с указанием его должности, если он должностное лицо. За отчет отвечает и автор отчета и весь состав местных эконсоветов, обязанностью которых является правильное, своевременное представление правдивых отчетов.

При недостатке местных сил должны быть организованы под ответственностью статистиков и особо назначенных товарищей (из Рабкринна и др. учреждений) курсы инструктирования по составлению отчетов, с опубликованием ответственных за ведение курсов лиц и календарной программы их работы.

21 мая 1921 г.

Ленин

*Напечатано в 1921 г.
отдельной брошюрой*

*Печатается по тексту брошюры,
совершенному с рукописью*

**X ВСЕРОССИЙСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ РКП(б)**⁸⁷

26—28 МАЯ 1921 г.

*Напечатано 27 и 28 мая 1921 г.
в «Бюллетене Всероссийской
Конференции РКП (большевиков)»
№ № 1 и 2*

Печатается по тексту «Бюллетеня»

1

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ
26 МАЯ

Товарищи, позвольте объявить Всероссийскую конференцию РКП открытой.

Вам известно, товарищи, что настоящая конференция созвана раньше, чем это полагается по уставу. Следовательно, она не очередная или по крайней мере не вполне очередная. Затем, вам известно, что главным пунктом порядка дня, главным вопросом, который заставил созвать конференцию раньше предположенного нами срока, это вопрос об экономической политике — о продналоге. Этот вопрос является главным в настоящее время.

Предлагаю приступить к выбору президиума конференции.

2

ДОКЛАД О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ НАЛОГЕ
26 МАЯ

Товарищи, вопрос о продналоге мне пришлось для партии обсуждать в брошюре, которая, я предполагаю, большинству присутствующих знакома⁸⁹. Для меня лично постановка этого вопроса на обсуждение партийной конференции была неожиданна в том смысле, что у меня материалов относительно необходимости такой постановки вопроса лично не было, но очень многие из товарищей, бывших на местах, в частности тов. Осинский, после своей поездки по ряду губерний, сообщили ЦК, — и это было поддержано еще несколькими товарищами, — что на местах политика, определившаяся в связи с продналогом, остается в громадной степени неразъясненной, частью даже непонятой. А ввиду исключительной важности этой политики, дополнительное обсуждение на партийной конференции казалось настолько необходимым, что решено было собрать конференцию раньше времени. На мою долю выпадает дать введение по вопросу об общем значении этой политики, и я хотел бы ограничиться лишь небольшими дополнениями к тому, что мною сказано в брошюре. О том, как именно сейчас на местах ставится вопрос, какие недостатки, недочеты и неясности на местах больше всего чувствуются, я на этот счет непосредственно не осведомлен. Мне еще, вероятно, придется давать дополнительные объяснения, когда из вопросов, поставленных на конференции, или из дальнейших дебатов выяснится, в какую сторону должно быть устремлено сейчас внимание местных работников и партии.

Насколько я мог видеть, недоразумения и недостаточная ясность понимания политических задач в связи с прод-

налогом и новой эконо­мической политикой связаны, может быть, с преувеличениями той или другой стороны дела. Но такого рода преувеличения, пока мы практически дело не поставим, совершенно неизбежны, и едва ли возможно, прежде, чем мы проведем хотя бы одну продовольственную кампанию на новых началах, сколько-нибудь точно выработать действительные грани применения тех или иных особенностей этой политики. Я только в общих чертах останавлиюсь на некоторых противоречиях, которые, как я мог судить по некоторым запискам, подававшимся на собрании, вызывали больше всего недоразумений. Толкуют нередко про­д­налог и связанные с ним изменения в нашей политике в смысле коренного перелома в ней. Неудивительно, что такое толкование усиленно раздувается зарубежной белогвардейской, главным образом, эсеровской и меньшевистской печатью. Но не знаю, в силу ли некоторого влияния аналогичных действий, сказывающегося и на территории РСФСР, или в силу обостренного недовольства, которое в известных кругах чувствовалось и, может быть, чувствуется еще и теперь вследствие чрезвычайного ухудшения продовольственного положения, — может быть, до известной степени этого рода недоумения распространялись и у нас и создавали в значительной степени неправильное представление о значении произведенной перемены и характере новой политики.

Естественное дело, что при условии громадного преобладания крестьянского населения нашей главной задачей — и политики вообще и политики экономической в частности — является установление определенных отношений между рабочим классом и крестьянством. В первый раз в новейшей истории мы имеем дело с таким общественным порядком, когда класс эксплуататорский удален, но когда мы имеем два различных класса — рабочий класс и крестьянство. При громадном преобладании крестьянства это преобладание не могло не отразиться на экономической политике и на всей политике вообще. Главным вопросом для нас остается, — и в течение долгого ряда лет неизменно останется, — правильное установление отношений между этими двумя классами, правильное с точки зрения уничтожения классов. На формуле соглашения рабочего класса и крестьянства очень часто останавливаются и очень часто пускают ее в ход против нас враги Советской

власти, потому что сама по себе эта формула совершенно неопределенна. Под соглашением между рабочим классом и крестьянством можно понимать что угодно. Если не иметь в виду, что соглашение, с точки зрения рабочего класса, лишь тогда является допустимым, правильным и принципиально возможным, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов, то формула соглашения рабочего класса с крестьянством, конечно, остается формулой, которую все враги Советской власти и все враги диктатуры в своих взглядах и проводят. Каким образом в первый период нашей революции, то есть тот, который теперь можно приблизительно считать осуществляющимся, осуществить это соглашение? Каким образом диктатура пролетариата при громадном преобладании крестьянского населения держалась и упрочилась? Главной причиной, главным двигателем и главным определителем нашего соглашения была гражданская война. Гражданская война, которая, хотя начиналась сплошь и рядом при участии в союзе против нас и белогвардейцев, и эсеров, и меньшевиков, всякий раз неизбежно приводила к тому, что все эсеровские учредилковские, меньшевистские элементы оказывались, путем ли государственного переворота или без него, оттесненными на задний план, и во главе белогвардейщины выступали целиком элементы капиталистические и помещичьи. Это было и в правлении Колчака и Деникина, и во всех многочисленных более мелких правлениях и нашествиях на нас. И это было главным фактором, который определял форму союза пролетариата с крестьянством. Это обстоятельство создавало для нас невероятные трудности вдвойне, но, с другой стороны, избавляло нас от трудных размышлений насчет того, каким образом формула союза между рабочим классом и крестьянством должна быть осуществлена, потому что эту формулу и условия предписывали военные обстоятельства с абсолютной категоричностью, ни малейшего выбора нам не оставляя.

Рабочий класс один только мог осуществлять диктатуру в той форме, которая требовалась войной и условиями этой гражданской войны. Участие в ней помещиков соединило рабочий класс и крестьян безусловно, безоговорочно и бесповоротно. В этом отношении никаких внутренних политических колебаний не было. При гигантских трудностях,

стоявших перед нами, вследствие отрезанности от России главных ее хлебных районов, в силу того, что продовольственные затруднения были до крайности доведены, наша продовольственная политика без разверстки не осуществилась бы на практике. Эта разверстка означала не только отобрание излишков, которых едва ли могло хватить даже при правильном распределении. Я не могу здесь подробно останавливаться на том, какие неправильности влекла за собой разверстка. Во всяком случае свою задачу — сохранение промышленности, хотя бы при условиях наибольшей отрезанности от хлебных районов, — разверстка выполнила. И только в военной обстановке это могло быть сколько-нибудь удовлетворительно. Как только мы действительно прочно покончили с внешним врагом, — а это лишь к 1921-му году оказалось фактом, — перед нами встала задача другая, — задача *экономического* союза между рабочим классом и крестьянством. Только к весне 1921-го года мы вплотную поставили эту задачу, и это случилось тогда, когда неурожай 1920-го года ухудшил положение крестьян до невероятности, когда мы в первый раз до известной степени пережили внутренние политические колебания, связанные не с внешним натиском врагов, а с отношением между рабочим классом и крестьянством. Если бы 1920-й год дал нам очень хороший урожай, или по крайней мере только хороший, если бы мы из 420-миллионной разверстки собрали 400 миллионов пудов, мы могли бы нашу промышленную программу выполнить большей частью, тогда у нас был бы известный фонд для обмена городских промышленных продуктов на сельскохозяйственные. У нас получилось обратное. Получился еще более острый в некоторых местах, чем продовольственный кризис, кризис топливный, полная невозможность удовлетворить крестьянское хозяйство городскими продуктами. Получился невероятно острый кризис крестьянского хозяйства. Вот из каких обстоятельств вытекало то, что мы ни в коем случае при старой продовольственной политике оставаться не могли. Мы должны были поставить на очередь вопрос о том, какие нужны экономические основы союза между рабочим классом и крестьянством нам немедленно, как переход к дальнейшим мерам.

Переходная мера к дальнейшему сводится к тому, чтобы подготовить обмен продуктов промышленности на

сельскохозяйственные, чтобы получился такой порядок, при котором крестьянину не пришлось бы отдавать продуктов иначе, как в обмен на продукты городские и фабричные, причем не должно было его подчинять всем формам, существовавшим при капиталистическом строе. Но, в силу экономических условий, нам не приходилось об этом и думать. Вот почему нами принята та переходная форма, о которой я говорил, а именно: в виде налога взять продукты без всякого эквивалента и получить дополнительные продукты в виде товарообмена; но для этого необходимо иметь соответствующий фонд, — наш же фонд чрезвычайно незначителен, и возможность пополнить его путем заграничного товарообмена является только в этом году вследствие ряда договоров с капиталистическими державами. Правда, они пока что лишь введение, предисловие; настоящего товарообмена не началось еще до сих пор. Саботаж и всяческие попытки срыва этих соглашений большинства или большей части капиталистических кругов продолжаются непрерывно, и самое характерное то, что русская пресса белогвардейская, в том числе эсеровская и меньшевистская, едва ли на чем другом сосредоточивает свои силы энергичнее и упорнее, чем на этом соглашении. Совершенно ясно, что буржуазия лучше подготовлена к борьбе, что она более развита, чем пролетариат, и что ее классовое самосознание еще более обострилось всеми «неприятностями», которые ей пришлось пережить, и она проявляет чуткость гораздо более высокую, чем нормальная. Достаточно приглядеться к белогвардейской печати, чтобы увидеть, что она бьет именно в тот пункт, который является центром, узлом нашей политики.

Вся белогвардейская русская пресса ставит себе, после неудачи военного нашествия, которое провалилось явно, хотя борьба еще идет, — ставит себе неосуществимую цель: сорвать торговые соглашения. Та кампания, которая нынешней весной была предпринята в чрезвычайно усиленных размерах, причем эсеры и меньшевики заняли первое место среди контрреволюционных сил, эта борьба велась к определенной цели: к весне сорвать экономические соглашения между Россией и капиталистическим миром. И эта цель в значительной степени им удалась. Правда, мы основные договоры заключили, число этих договоров растет, и сопротивление, которое по этой части

усилилось, мы преодолеваем, но оттяжка получилась очень опасная для нас, ибо без известной помощи из-за границы восстановление крупной промышленности и восстановление правильного товарообмена либо невозможно, либо означает такую оттяжку, которая чрезвычайно опасна. Вот условия, при которых приходится действовать, и вот условия, которые выдвинули вопрос о восстановлении торговли для крестьян на первое место. Я не буду касаться вопроса о концессиях, потому что этот вопрос более всего дебатировался на партийных собраниях и в последнее время не вызывает никаких недоумений. Попрежнему дело стоит так, что мы усердно предлагаем концессии, но ни одной сколько-нибудь серьезной концессии до сих пор иностранные капиталисты не получили, ни одного сколько-нибудь солидного концессионного договора мы до сих пор не заключили. Вся трудность состоит в том, чтобы найти практически проверенный способ привлечения западноевропейского капитала.

Теоретически для нас совершенно бесспорно, — и у всех, мне кажется, рассеялись на этот счет сомнения, — теоретически, говорю я, совершенно ясно, что нам выгодно откупиться от европейского капитала несколькими десятками или сотнями миллионов, которые мы могли бы еще ему предоставить, для того, чтобы в кратчайший срок увеличить запасы оборудования, материалов, сырья, машин для восстановления нашей крупной промышленности.

Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна — это крупная промышленность. Без капиталистической крупной фабрики, без высоко поставленной крупной промышленности не может быть и речи о социализме вообще, и тем менее может быть речь о нем по отношению к стране крестьянской, а мы в России знаем это гораздо более конкретно, чем прежде, и, вместо неопределенной или отвлеченной формы восстановления крупной промышленности, мы теперь говорим об определенном, точно рассчитанном, конкретном плане электрификации. Мы имеем совершенно точно рассчитанный план, рассчитанный при помощи работы лучших русских специалистов и ученых, дающий нам определенное представление о том, с какими ресурсами, принимая во внимание природные особенности России,

мы эту базу крупной промышленности можем подвести под нашу экономику, подвести должны и подведем. Без этого ни о каком действительно социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи. Это остается совершенно бесспорным и, если в последнее время в связи с продналогом об этом говорили в отвлеченных выражениях, то теперь надо сказать конкретно, что надо восстановить прежде всего крупную промышленность. Мне лично доводилось от некоторых товарищей подобного рода заявления слышать и, конечно, отвечать на них только пожатием плеч. Допустить, чтобы когда-либо мы могли об этой основной цели забыть — это, конечно, совершенно смешно и нелепо. Тут вопрос только о том, как могли родиться такие сомнения и недоумения у товарищей, как они могли подумать, что эта основная, главная задача, без которой материальный производственный базис социализма невозможен, что эта задача у нас отошла на второй план. Эти товарищи просто неверно поняли соотношение между нашим государством и мелкой промышленностью. Наша основная задача — восстановление крупной промышленности. А для того, чтобы нам сколько-нибудь серьезно и систематически перейти к восстановлению этой крупной промышленности, нам нужно восстановление мелкой промышленности. Мы в этом 1921 году и в прошлом году переживали огромный перерыв в нашей работе по восстановлению крупной промышленности.

Осенью и зимой 1920 года некоторые из важных отраслей нашей крупной промышленности были пущены, но их пришлось прервать. Из-за чего? Почему? Было много фабрик, имеющих возможность снабжаться в достаточной мере рабочей силой, имеющих возможность снабжаться сырьем; почему же работа этих фабрик была прервана? Потому, что у нас не нашлось достаточного продовольственного и топливного фонда. Без того, чтобы иметь 400 миллионов пудов хлеба (я даю цифру приблизительную), как государственный запас, обеспеченный правильным распределением помесечно, без этого о каком бы то ни было правильном хозяйственном строительстве, о восстановлении крупной промышленности трудно говорить, без этого мы находимся в таком положении, когда на несколько месяцев уже начавшаяся работа по восстановлению крупной промышленности опять прервана. Громадное большинство

предприятий из того незначительного числа, которые были пущены, теперь стоят. Без вполне обеспеченного и достаточного продовольственного фонда не может быть и речи, чтобы государство могло сосредоточить свое внимание, могло систематически поставить восстановление крупной промышленности, поставить так, чтобы хотя в скромных размерах, но это восстановление было беспрепятственно.

А в отношении топлива, до восстановления Донбасса, до тех пор, пока не будет регулярного получения нефти, у нас опять-таки остается лес, дровяное отопление, и, значит, опять-таки — зависимость от того же мелкого хозяйства.

Вот почему получилась ошибка, заблуждение у товарищей, которые не поняли, почему главное внимание в настоящее время должно быть обращено на крестьянина. Некоторые рабочие говорят: крестьянам дают известную поблажку, а нам ничего не дают. Приходилось слышать такие речи, и надо сказать, что эти речи, я думаю, не слишком широко распространены, ибо нужно сказать, что такие речи опасны потому, что они вторят постановке вопроса эсерами; здесь явная политическая провокация и затем остатки цеховых, не классовых, а профессионалистских предрассудков рабочих, когда рабочий класс смотрит на себя, как на одну часть из равноправного капиталистического общества, и не сознает того, что он продолжает стоять на той же капиталистической базе: крестьянину дали поблажку, его освободили от разверстки, свободную часть излишков предоставили ему для обмена, мы же, рабочие, стоим у станков и хотим иметь то же.

В основе такой точки зрения что стоит? Та же в сущности мелкобуржуазная идеология. Поскольку крестьяне входят, как составная часть капиталистического общества, рабочий класс остается также составной частью этого общества. Следовательно, если крестьянин торгует, то и нам надо торговать. И тут старые предрассудки, приковывающие рабочего к старому миру, оживают несомненно. Наиболее ярые защитники и даже единственные искренние защитники старого капиталистического мира — это эсеры и меньшевики. В остальных лагерях из сотен, тысяч и даже сотен тысяч искренних защитников капиталистического мира вы не найдете. Но в среде так называемой чистой демократии, которую представляют собой эсеры и меньшевики, там еще остались этикие редкостные

экземпляры, искренно защищающие капитализм. И чем они упорнее отстаивают свою точку зрения, тем опаснее их влияние на рабочий класс. Они тем более опасны в тот момент, когда рабочему классу приходится переживать периоды перерыва производства. Главной материальной базой для развития классового пролетарского самосознания является крупная промышленность, когда рабочий видит работающие фабрики, когда он ежедневно ощущает ту силу, которая действительно сможет уничтожить классы.

Когда рабочие эту материальную производственную базу из-под ног теряют, тогда состояние неуравновешенности, неопределенности, отчаяния, безверия овладевает известными слоями рабочих, и в соединении с прямой провокацией нашей буржуазной демократии — эсеров и меньшевиков — это оказывает определенное действие. И тут является такая психология, когда и в рядах коммунистической партии находятся люди, которые рассуждают таким образом: крестьянам подачку дали, нужно на этой же почве такими же приемами дать и рабочим. Нам пришлось известную дань этому отдать. Конечно, декрет о премировании рабочих частью фабричных продуктов есть уступка тем настроениям, которые коренятся в прошлом, которые связаны с состоянием безверия и отчаяния. До той или иной небольшой грани эта уступка была необходима. Она сделана, но ни на секунду не надо забывать, что тут мы делали и делаем уступку, необходимую не с точки зрения какой-либо иной, кроме как с точки зрения экономической, с точки зрения интересов пролетариата. Основной и существеннейший интерес пролетариата — воссоздание крупной промышленности и прочной экономической базы в ней, тогда он свою диктатуру упрочит, тогда он свою диктатуру наверняка, вопреки всем политическим и военным трудностям, доведет до конца. Почему же мы должны были делать уступку, и почему крайне опасно, чтобы не стали ее рассматривать шире, чем нужно? Именно потому, что мы только временными условиями и затруднениями в продовольственном и топливном отношениях были вынуждены вступить на этот путь.

Когда мы говорим: нужно отношение к крестьянству поставить не на почву разверстки, а на почву налога, — что же является главным экономическим определителем этой политики? То, что при разверстке крестьянские

мелкие хозяйства не имеют правильной экономической базы и на многие годы осуждены оставаться мертвыми, мелкое хозяйство существовать и развиваться не может, ибо у мелкого хозяина пропадает интерес к упрочению и развитию своей деятельности и к увеличению количества продуктов, вследствие чего мы оказываемся без экономической базы. Другой базы у нас нет, другого источника у нас нет, а без сосредоточения в руках государства крупных запасов продовольствия ни о каком воссоздании крупной промышленности не может быть и речи. Поэтому в первую очередь мы эту политику, изменяющую наши продовольственные отношения, и проводим.

Мы проводим ее для того, чтобы наш фонд воссоздания крупной промышленности иметь, для того, чтобы рабочий класс избавить от всех перерывов, которые крупная промышленность — даже крупная промышленность нашего жалкого вида, если сравнивать ее с передовыми странами — не должна испытывать, для того, чтобы избавить пролетария от необходимости при изыскании средств прибегать к присам не пролетарским, а спекулянтским, мелкобуржуазным, которые являются самой большой экономической опасностью для нас. В силу печальных условий нашей действительности, пролетарии вынуждены прибегать к способам заработка не пролетарским, не связанным с крупной промышленностью, а мелкобуржуазным, спекулятивным и путем ли хищений, путем ли частного производства на общественной фабрике добывать продукты себе и эти продукты обменивать на земледельческие, — в этом наша главная экономическая опасность, главная опасность всего существования советского строя. А сейчас пролетариату осуществить свою диктатуру нужно так, чтобы он себя, как класс, чувствовал прочно, чтобы чувствовал почву под ногами. Но эта почва исчезает. Вместо работающей непрерывно крупной машинной фабрики пролетарий видит другое и принужден выступить в сфере экономической, как спекулянт или мелкий производитель.

Для того, чтобы от этого его избавить, мы в период переходного времени никаких жертв жалеть не должны. Для того, чтобы обеспечить непрерывное, хотя бы и медленное, восстановление крупной промышленности, мы не должны отказываться идти на подачки жадным до этих подачек заграничным капиталистам, потому что

сейчас, с точки зрения построения социализма, выгодно переплатить сотни миллионов заграничным капиталистам, но зато получить те машины и материалы для восстановления крупной промышленности, которые восстановят нам экономическую базу пролетариата, превратят его в прочный пролетариат, а не тот пролетариат, который остается спекулятивным. Меньшевики и эсеры прокричали нам уши о том, что, так как пролетариат деклассирован, то поэтому от задач диктатуры пролетариата нужно отказаться. Они кричали это с 1917 года, и нужно удивляться, что они об этом до 1921 года не устали твердить. Но, когда мы слышим эти нападки, мы не отвечаем, что никакой деклассированности нет, что нет никаких минусов, но мы говорим, что условия русской и международной действительности таковы, что даже тогда, когда пролетариату приходится переживать период деклассированности, переживать эти минусы, он, несмотря на эти минусы, свою задачу завоевания и удержания власти осуществить может.

Отрицать, что условия деклассирования пролетариата есть минус, — смешно, нелепо и абсурдно. К 1921-му году мы видели, что после окончания борьбы с внешними врагами самой главной опасностью, самым большим злом стало то, что мы непрерывную производственную работу в крупнейших предприятиях, которые остались у нас в небольшом числе, обеспечить не могли. Это основное. Без такой экономической базы прочной политической власти у рабочего класса быть не может. Для того, чтобы обеспечить непрерывное восстановление крупной промышленности, надо продовольственное дело поставить так, чтобы фонд, скажем, в 400 миллионов пудов, был обеспечен и правильно распределен. Собрать его путем старой разверстки мы бы безусловно не могли. 1920 и 1921 годы показали это. Теперь мы видим, что посредством продовольственного налога эту задачу, которая представляет громадные трудности, все-таки выполнить можно. Старыми приемами мы этой задаче не выполним и должны подготовить новые приемы. Решить эту задачу посредством продовольственного налога и правильных отношений к крестьянину, как мелкому производителю, мы можем. Мы до сих пор немало уделили внимания тому, чтобы это теоретически доказать.

Мне кажется, что, если судить по партийной печати, по разговорам на собраниях, теоретически вполне доказано, что эту задачу мы можем решить, сохраняя в руках пролетариата транспорт, крупные заводы, экономическую базу наряду с политической властью. Мы должны дать крестьянству порядочный простор, как мелкому производителю. Без подъема крестьянского хозяйства мы разрешить продовольственное положение не сможем.

Вот в каких рамках мы должны ставить вопрос о развитии мелкой промышленности на основе свободы торговли, свободы оборота. Эта свобода оборота есть средство, которое дает возможность создать между рабочим классом и крестьянством такие отношения, которые были бы экономически устойчивы. Данные о размерах сельскохозяйственного производства мы имеем теперь все более и более точные. На съезде партии была роздана брошюра о хлебной продукции, она была тогда еще в корректурном оттиске распределена между членами съезда. С тех пор этот материал собирался и распространялся. Брошюра в окончательном виде хотя уже сдана в набор, но к конференции еще не готова, и я не могу ответить, — успеют ли ее выпустить ко времени, когда конференция будет разъезжаться. Мы все меры примем к этому, но обещать, что ее удастся выпустить, нельзя.

Это небольшая частица работ, которые мы производили, чтобы как можно более точно определить состояние сельскохозяйственного производства, ресурсы, которыми мы располагаем.

Все же можно сказать, что есть данные, которые сводятся к тому, что экономическую задачу мы вполне можем разрешить, особенно в этом году, когда виды на урожай не совсем плохи или не так плохи, как можно было ожидать весной, это обеспечивает нам возможность собрать сельскохозяйственный фонд, чтобы посвятить себя целиком делу восстановления крупной промышленности, хотя медленному, но непрерывному.

Для того, чтобы задача сбора производственного фонда была решена, нужно найти формы отношений к крестьянину, к мелкому владельцу, и здесь иной формы, кроме продналога, нет, иной формы никто не предложил, и ее нельзя себе представить. Но надо практически эту задачу решить, наладить правильность продовольственного налога, провести его не так, как прежде, когда по два-три

раза брали, оставляя крестьянина в условиях гораздо более худших, так что наиболее старательный крестьянин страдал более всего, и всякая возможность экономически устойчивых отношений терялась. Продналог, являясь той же мерой взыскания с каждого крестьянина, должен быть поставлен иначе. На основании данных, собранных и опубликованных ранее, можно сказать, что теперь в это дело продналог внесет самую крупную решающую перемену, но, насколько удастся все совместить, это еще остается до известной степени вопросом. Но что мы должны дать крестьянину немедленно улучшение его положения, — это несомненно.

Задача ставится перед местными работниками так: с одной стороны, полностью провести продовольственный налог и, с другой, в возможно кратчайший срок. Трудность увеличивается потому, что урожай предстоит необычайно ранний в этом году, и, подготавливаясь с точки зрения обычных сроков, мы можем оказаться опоздавшими. Вот почему ранний созыв партийной конференции важен и своевременен. Надо с большей быстротой, чем прежде, работать по подготовке всего аппарата для взимания продовольственного налога. От быстрого взимания продовольственного налога зависит и обеспечение государства минимальным фондом в 240 миллионов пудов и обеспечение положения крестьянства. Всякая затяжка по взиманию налога — известное стеснение для крестьянина. Взимание налога добровольно не пройдет, без принуждения мы не обойдемся, взимание налога ставит ряд стеснений для крестьянского хозяйства. Если эту операцию взимания налога мы протянем дольше, чем следует, крестьянин будет недоволен и будет говорить, что свободы распоряжения излишками он не получает. Чтобы свобода была на практике похожа на свободу, надо, чтобы взимание налога произошло быстро, чтобы взыскатель налога недолго стоял над крестьянином, а сделать это можно, сократив период от урожая до полного взыскания налога.

Это — одна задача, а другая — состоит в том, чтобы в максимальных пределах осуществить и свободу оборота для крестьянина, и поднятие мелкой промышленности, чтобы дать тому капитализму, который растет на почве мелкой собственности и мелкой торговли, некоторую свободу, не бояться его, ибо он нам совершенно не страшен.

В силу общей экономической и политической конъюнктуры, которая теперь сложилась, когда пролетариат держит в руках все источники крупной промышленности, когда не может быть речи о какой-либо денационализации, нам его бояться нечего. И, когда мы страдаем больше всего от полнейшего недостатка продуктов, от нашего полнейшего обнищания, смешно бояться того, что капитализм, на основании мелкого промышленного земледелия, составит угрозу. Бояться этого — значит совершенно не учитывать соотношение сил нашей экономики, это значит совершенно не понимать того, что крестьянское хозяйство, как мелкое крестьянское хозяйство, без известной свободы оборота и без связанных с этим капиталистических отношений, не может быть устойчиво ни в какой мере.

Это, товарищи, вы должны твердо запомнить, и главная наша задача заключается в том, чтобы дать на местах всюду толчок, дать максимум инициативы и проявить максимум самостоятельности и максимум смелости; нам недостает в этом отношении до сих пор того, что мы боялись сколько-нибудь широкого размаха. Мы не имеем никакого, более или менее конкретно подготовленного, собранного с мест практического опыта в вопросе о том, как обстоит дело на местах в смысле товарообмена и товарооборота, как удалось восстановить и сколько-нибудь развить мелкую промышленность, которая в состоянии облегчить положение крестьян немедленно без больших работ, требуемых крупной промышленностью и состоящих в подвозе больших запасов продовольствия и топлива в промышленные центры. В этом отношении на местах делается недостаточно с общехозяйственной точки зрения. Мы не имеем этих данных с мест, мы не знаем, как обстоит дело по всей республике, мы не имеем примеров действительно правильной постановки работы, и у меня остается такое впечатление и от съезда профсоюзов и съезда ВСНХ⁸⁹.

Главным недостатком этих съездов опять-таки является то, что мы больше занимаемся такими худыми вещами, как тезисы, общие программы и рассуждения, а нет того, чтобы на съезде люди действительно поделились местным опытом, чтобы, уезжая на места, они могли бы сказать: вот из тысячи примеров один мы нашли хороший и будем ему подражать. А таких хороших примеров у нас не один на

тысячу, а гораздо больше. Но такого порядка ведения работы мы видим меньше всего.

Я не хочу забежать вперед, но два слова мне хотелось бы все-таки сказать о коллективном обеспечении рабочих, т. е. о переходе от карточек к такому порядку, когда известным количеством продовольствия обеспечивается известное предприятие, поскольку оно действительно работает, и пропорционально выработанному. Идея прекрасная, но у нас ее превратили в нечто полуфантастическое. А действительной подготовительной работы в этом направлении мы пока не имеем. У нас еще нет такого примера, что вот в таком-то уезде, на такой-то фабрике, хотя бы и с небольшим количеством рабочих, мы применили эту меру — и вот результат. Этого у нас нет. И в этом наибольший недостаток всей нашей работы. Мы должны неустанно повторять, что вместо общих вопросов, которые были уместны в 1918 году, т. е. в давно прошедшее время, нам в 1921 году нужно заняться практической постановкой вопроса. Рассказывая на съездах в первую очередь о том, где мы имеем образцы хорошей постановки дела, а этих образцов у нас достаточно, мы делаем обязательным для остальных подтянуться по примеру того, что достигнуто практически лучшего в немногих редких, исключительных местах. Это — по поводу работы профессионального съезда, но относится также ко всем работам продовольственным.

Для подготовки сбора продналога, товарообмена и т. д. в небольшом числе в некоторых местах сделано порядочно. Вот этого-то изучить мы не сумели, и сейчас большая задача подтянуть преобладающее число местностей под лучший образец, который имеется. На эту работу, на практическое изучение опыта, подтягивание отсталых и средних наших уездов, волостей, которые несомненно стоят на уровне совершенно неудовлетворительном, с ничтожным только числом высоко-удовлетворительных — на эту работу мы должны перейти. Максимум внимания нужно на съездах перенести не на изучение общих тезисов и программ собраний, а на изучение практических опытов, примеров удовлетворительных и выше чем удовлетворительных, и подтягивание к этим редким, но имеющимся налицо, отсталых и средних мест, которые преобладают.

Вот те замечания, которыми я должен ограничиться. (Аплодисменты.)

3

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ
О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ НАЛОГЕ
27 МАЯ

Товарищи, мне кажется, что мы все же достигли, несмотря на высказанное многими товарищами с мест недовольство по поводу докладов и прений, одной цели: мы узнали, как обстоит на местах понимание новой политики и ее применение. Едва ли какую-либо другую цель мы могли ставить конференции, кроме обмена мнениями, для того, чтобы с этой новой политикой хорошо освоиться, к правильному применению ее перейти единодушно. Этой цели мы достигли. Правда, были недоумения и даже шатание мысли, к сожалению, порой выходящие далеко за пределы только практических недоумений и гаданий насчет того, что «всерьез» это или «не всерьез», надолго или ненадолго. То, что говорил т. Варейкис, было в сущности не коммунистично и по содержанию мысли напоминало меньшевизм. Надо это сказать прямо. Каким образом он мог приставать с вопросом: «вы скажите, крестьянство — класс или не класс?». Конечно, класс. Тогда, — говорит он, — ему нужны политические уступки, а если нет, тогда известные меры нужны в этом направлении, которые все же будут похожи на зубатовщину.

Тут была сделана ссылка на Мартова, что он утверждал это целиком, тов. же Варейкис говорит: «до известной степени», «в той или иной мере», «отчасти». Путаница получается самая невероятнейшая, самая чудовищная. Это та же самая путаница, какая была, когда нас упрекали в применении насилия. И приходится опять разъяснять, что, когда мы говорим о диктатуре, это означает применение насилия. Всякое государство есть применение насилия, но вся разница в том, применяется ли это насилие

против эксплуатируемых или против эксплуататоров, применяется ли оно против класса трудящихся и эксплуатируемых? То же самое — это сравнение с зубатовщиной. В чем состояла суть зубатовщины? В том, что мелкими экономическими уступками угнетенным классам поддерживали класс угнетателей. Вот почему тогда ответом было следующее: экономическими уступками вы не заставите пролетариат, класс, борющийся за освобождение всех угнетенных, отказаться от идеи завоевания политической власти и разрушения системы угнетения. Теперь пролетариат держит в руках власть и руководит ею. Он руководит крестьянством. Что это значит — руководить крестьянством? Это значит, во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя. Если бы мы с этой линии, коренной и основной, сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами и попали бы в лагерь тех мелких буржуа, в лагерь эсеров и меньшевиков, которые являются сейчас самыми злейшими врагами пролетариата. Недавно тов. Бухарин в «Правде» привел цитату такого серьезного политического мыслителя, как Милюков (это не чета Чернову и Мартову), который рассуждает, что теперь в России на политической арене борьбы есть место только для социалистической партии. И поскольку эти «социалистические» партии, эсеры и меньшевики, желают взять на себя труд борьбы с большевиками, постольку им — эсерам и меньшевикам — «честь и место». Это буквальное выражение Милюкова, показывающее, что он умнее Мартова и Чернова, по одному тому, что он представитель крупной буржуазии (хотя бы лично он и не был так умен, как Чернов и Мартов). И Милюков прав. Он учитывает ступени политического развития совершенно трезво и говорит, что для перехода назад к капитализму необходимая ступенька — эсеровщина и меньшевизм. Буржуазии такая ступенька нужна, а кто этого не понимает, тот глупец.

Милюков, с точки зрения интересов буржуазии, совершенно и абсолютно прав. Если мы, как партия пролетариата, руководим крестьянством, то мы должны вести линию на укрепление крупной промышленности и поэтому должны идти на экономические уступки. Пролетариат руководил крестьянством и так руководил им, что во время гражданской войны крестьянство получило

больше экономических выгод, чем тот же пролетариат. Если говорить на языке Мартова, то это выходит зубатовщина. Экономические уступки делались для крестьянства. Эти уступки были сделаны той части трудящихся, которая составляет большинство страны. Что это неправильная политика? — Нет, это — единственно правильная политика! И, как бы здесь ни говорили о мартовских словечках, что вы не обманете класс, я все же вас спрашиваю: чем же мы обманываем? Мы говорим, что есть две дорожки: — за Мартовым и Черновым, а через них — к Милюкову, или за коммунистами. Что же касается нас, то мы боремся за уничтожение капитализма и за установление коммунизма; путь наш очень тяжелый, и во время этого пути есть много усталых и неверящих. Крестьянство не верит. Но разве мы обманываем? Смешно говорить, что мы обманываем класс и что мы запутались в трех соснах и даже тут не в трех, а в двух соснах, потому что пролетариат и крестьянство только два класса. Пролетариат руководит крестьянством, но этот класс нельзя так изгнать, как изгнали и уничтожили помещиков и капиталистов. Надо долго и с большим трудом и большими лишениями его переделывать. От нас, от руководящей партии, зависит, сколько бедствий падет на пролетариат и сколько на крестьянство. Чем руководиться в этом разделении — поровну, уравнительно? Но пускай об этом говорят Чернов и Мартов, а мы говорим, что нужно руководиться интересами пролетариата, т. е. обеспечением от реставрации капитализма и обеспечением пути к коммунизму. Если крестьянство сейчас больше устало, больше замучилось, или, вернее, больше себя считает усталым, то ему мы больше и уступаем для обеспечения от реставрации капитализма и обеспечения путей к коммунизму. Это — правильная политика, и мы руководствуемся только одним классовым расчетом. Мы открыто, честно, без всякого обмана, крестьянам заявляем: для того, чтобы удержать путь к социализму, мы вам, товарищи крестьяне, сделаем целый ряд уступок, но только в таких-то пределах и в такой-то мере, и, конечно, сами будем судить — какая это мера и какие пределы. Самая уступка идет с точки зрения распределения тяжести, которая в большей степени до сих пор падала на пролетариат, чем на крестьянство. За три с половиной года диктатуры пролетариата

больше бедствий взял на себя пролетариат, чем крестьянство. Это — совершенно очевидная и бесспорная истина. Вот как стоит вопрос в отношении между пролетариатом и крестьянством, т. е. или крестьянство должно идти с нами на соглашение, и мы делаем ему экономические уступки, или — борьба. Вот почему всякие другие доводы представляют из себя ужаснейшую путаницу. На деле всякий другой путь есть путь к Милюкову, к восстановлению помещиков и капиталистов, а мы говорим, что мы на всякие уступки пойдем в пределах того, что поддерживает и укрепляет власть пролетариата, который неуклонно, несмотря на трудности и препятствия, идет к уничтожению классов и коммунизму.

Дальше, большие неправильности были по поводу замечания на речь т. Свидерского. На него сейчас же обрушились все представители оппозиции в своего рода блестящих парламентских речах. Самым блестящим представителем «парламентской оппозиции» оказался т. Ларин. В Советском строе есть не особенно много места для произнесения парламентских речей, но все-таки природа берет свое, и хотя у нас не существует парламентских учреждений, но парламентские нравы остались. Относительно т. Свидерского говорили, что вот, мол, проинспекция, что он договорился даже и до продовольственной диктатуры. Может быть, т. Свидерский по части слова и сказал лишнее. Но по сути дела он прав. Мы распределили роли докладчиков так, чтобы каждый, так сказать, на определенном инструменте играл. По части обмена делал доклад представитель Центросоюза т. Хинчук — кооператор. У нас заключен, как вам известно, договор Центросоюза с государством. Если не все товарищи читали этот договор, то они неделовым образом знакомились с материалом. У нас государство заключает договор с представителями от Центросоюза; представитель Наркомпрода заключает договор с представителем кооперации, и имеющиеся за границей кооператоры должны считаться с нашим договором. В договоре мы ставим дело так, чтобы все товары шли в кооперацию, чтобы кооператоры торговали для нас, для централизованного государства, для крупной фабрики, для пролетариата, но не для себя. Это очень большое и важное условие. Потому что иначе нельзя. В Питере, в Москве голод, и

в то же время т. Брюханов показывает таблицы, по которым на местах, в сытых губерниях, скушали в два раза больше, чем им полагалось, а нам сюда дали в два раза меньше. Как по-вашему: нужна при таком положении продовольственная диктатура? По-моему — нужна, и нужна вдвое, втрое больше, потому что такой распущенности у нас сколько угодно. Надо знать, что без принуждения мы не обойдемся, и дело распределения в Центросоюзе должно проходить под нашим контролем.

Мы говорим Центросоюзу: вы хорошо торговали, и мы вам даем премию в виде определенного процента. Это внесено в договор, и мы безусловно всякой премиальной системой будем поощрять эту комиссионную торговлю, выдавая премии за выгодную торговлю, но будем требовать, чтобы эта торговля шла в нашу пользу, в пользу государства, которое централизовало крупную промышленность, которым руководит пролетариат. Будет ли польза крупной промышленности? И кому же она будет?

Как можете вы получить продовольственное обеспечение без налога? Ни в каком случае! Что больше может дать: налог или обмен, мы не знаем, но что достаточного фонда для обмена нет, это — факт. Сейчас без аппарата принуждения вы не возьмете того, что нужно. Никогда! Это всякому очевидно. И в этой части, как представитель своей линии, Свидерский совершенно прав. Мы продинспекцию одобрили, и Президиум ВЦИК будет нажимать больше на вас, ибо вы знаете, кого надо посадить — это ваше дело, но уже если вы посадили, то следите, чтобы он выполнял, что нужно. Сейчас без обеспечения государства, примерно, четырьмястами миллионов пудов хлеба ни о какой крупной промышленности и социалистическом строительстве нечего разговаривать. Кто этому не научился за эти три года, с тем нечего толковать. Но мы, несмотря на громадную массу ошибок, этот фонд все увеличивали и, хотя мы в 1920 году, увеличивая этот фонд, сделали громадную ошибку в распределении, все-таки был громадный прогресс. Мы должны подходить к делу трезво и сказать, что для сбора продналога нужен аппарат быстро действующий, тут нечего разводить либеральные речи и кивать, что продинспекция такая неприятная вещь.

А чтобы налог, в переходное от капитализма к коммунизму время, при большинстве крестьянского населения,

вам давали без принуждения, такого «коммунизма», насколько я знаю, еще не существует. Если хотите поддержания крупной промышленности, — базы пролетарской диктатуры, — то вы должны хотеть, чтобы этот аппарат действовал. И тут, конечно, нужен централизм. Посмотрите на статистику. К сожалению, немногие из вас знают ее достаточно. Посмотрите, сколько, вопреки предписаниям центра, места взяли себе. А к нам, сюда, приходят товарищи из Москвы и Питера и представляют таблицы об отступлении от предписаний центра. Оказывается, напомним было три, выговоров столько же, а что же дальше? Дальше арест, смещение и т. д. (Голос с места: «Сколько таких случаев было?».) Нарушений было много, а смещений мало. Вот что я хотел сказать в защиту этой линии.

Урожай в этом году, повидимому, во многих местах будет свосный, и раньше, чем мы ожидали. Так что надо приготовиться заранее, а сейчас положение такое, что надо быстро собрать основной фонд. Следовательно, относиться к этому делу так, как к нему относились здесь многие, совершенно неправильно.

Что касается тов. Ларина, то его талант принадлежит более к области парламентской оппозиции и к области журналистики, а не к области деловой работы. По части проектов он неумолим. Он здесь упоминал, что еще в январе 1920 года он выдвигал хороший проект. Но если собрать все проекты тов. Ларина и выбрать из них хорошие проекты, то наверное пришлось бы определить их в десятых долях промилле (на тысячу).

10-го мая к нам в Политбюро ЦК он внес проект общего перехода на коллективное снабжение. Основной принцип заманчив, но когда это внесено? 10-го мая 1921 г., когда продовольствия абсолютно нехватает таким центрам, как Москва и Петроград, когда эти значительные центры Российской республики обречены временно на полуголодное, четвертьголодное существование. Предлагать перестройку продовольственных учреждений в момент, когда люди выбиваются из сил, сидят у прямых проводов на Сибирь, на Кавказ, на Украину, следят за каждым маршрутом, чуть ли не за каждым вагоном, — смешно. Какой, к чорту, в такое время переход на общеколлективное снабжение? Политбюро приняло такую резолюцию:

«Проект Ларина и ВЦСПС (ВЦСПС, конечно, сейчас же подмахнул этот проект) отклонить, поручить автору проекта пересмотреть вопрос вторично, более обстоятельно с точки зрения возможности реального снабжения...» Вот основа, которая была повторена (если вы читали в тезисах Чубаря и Гольцмана) на съезде профсоюзов, причем Чубарь согласовал основные части своих тезисов с той осторожной политикой, которая дана в ЦК партии. Гольцман и Ларин поступили по правилу, о котором мне Ларин, полушутя, когда кончилось заседание Политбюро, на ухо сказал. (Я думаю, что я не совершу нескромности, передавая этот разговор.) Ларин, когда увидел, что эта резолюция принята, сказал мне: «вы дали нам мизинец, мы возьмем всю руку». Тогда я подумал, — хотя это я и раньше знал, — теперь мы будем знать, как надо торговаться с Лариным. Если он просит миллион, то давать ему надо полтинник. (С м е х.) Здесь в прениях выяснилось, что, когда Ларина спросили, где данные, он привел пример, который назвал «блестящим», касающийся постройки Кизляр-Старо-Теречной дороги. Хотя здесь уже доказали, что в этом примере нет ничего нового, что такие опыты уже проделывались, но все же это прогресс, когда нам преподносят конкретный пример, результат опыта вместо общих рассуждений, вместо бесчисленных тезисов. Было бы несчастьем, если бы все стали читать и обсуждать эти тезисы, из которых девять десятых нельзя дочитать без чувства тяжести в голове.

Не тезисы нужны, а учет местного опыта. Давайте изучать этот опыт, а то что же — систему на системе строить и законопроекты о коллективном снабжении ваять, когда минимума реального снабжения нет. Практическая работа есть на местах. Нам говорили: нечего упрекать места, что они не делятся местным опытом. Здесь был брошен упрек ЦК, что он не дает местного опыта. Да ведь у нас его нет, мы возмемся исключительно среди декретов. Большинство из нас погружено в эту неприятную работу, поэтому мы не можем видеть местный опыт. Его должны принести вы. Когда Ларин излагал блестящий пример Кизляр-Теречной дороги, это было правильно, ибо это был местный опыт. Но он и тут увлекся, его Чубарь и Осинский должны были поправлять. Это не единственный пример. Он говорил, что 28 фунтов

получал рабочий по старой системе и 4 пуда по новой. Я усумнился в данных и спрашиваю его, откуда это у вас? Он ответил, что это проверено Рабоче-крестьянской инспекцией. Но мы знаем, что Ларин не только парламентский человек, но и карикатуры умеет рисовать. Он сначала нарисовал карикатуру, уверяя, что хуже РКИ зверя нет, а теперь говорит, что 4 пуда вместо 28 фунтов — это проверено РКИ. Сначала при помощи подобных анекдотов он подрывает всякую веру в РКИ, а затем выдвигает удостоверение РКИ, как единственное доказательство. И Чубарь и Осинский говорят, что в лесной промышленности эта система применялась не раз. Все дело в том, чтобы опыт одной местности мы сравнили с опытом другой. Лучшая часть указаний Ларина была та, где он говорил, как идут работы на постройке Кизляр-Теречной дороги. Не лучше ли было в Туле или Тамбове, — вот что нужно узнать. Этого центр вам дать не может, ибо мы этого не знаем, а вы это привезите с мест, укажите нам эти данные, учите нас, и мы все будем учиться, подтягиваться по наилучшему образцу.

У нас на тысячу местных центров, в масштабе уездном или районном, таких опытов находится два или три, может быть, найдется и больше, но два-три наверное найдется. Их нужно хорошенько изучить, но деловым образом, произведя допрос с пристрастием, проверив цифры и не полагаясь на одни речи оппозиции. Ежели мы так поставим дело, центр сможет учиться.

Затем, я считаю, что главное, что мы получили от дискуссии, это ряд указаний на то, как начатый обмен был сделан, не хватало только точных данных. Товарищи из Донбасса послали телеграмму, в которой говорили: мы выменяли 3 000 пудов пшеницы. Это относилось к небольшому участку, но подробности неизвестны. Я думал, что товарищи выступают здесь и скажут: на какие эквиваленты, посредством какой организации: Компрода ли, арендатора, концессионера или частного предпринимателя? Этого мы не знаем, а это гораздо важнее, чем наши декреты. Декреты можно прочитать, и для того, чтобы беседовать здесь о декретах, съезжаться не стоит, а для того, чтобы судить, как 3 000 пудов пшеницы получили в Донбассе и не лучше ли сделали это товарищи на Волыни или в Тамбове, для этого следует съезжаться. На местах

сделано порядочно. Нужно, чтобы места сюда привозили результаты своего практического опыта: я сделал то-то, но мне мешало центральное учреждение, а я сделал так, что подчинил центральное учреждение. Насчет Тамбовской губ. здесь было совершенно глухо сказано товарищем, который впал в парламентскую речь и громил Компрод, что у них есть кооперативные главки и учреждения. Товарищи на это пошли. Там есть масса неблагоприятных условий побочных, недосево, тяжелые условия вообще, там минус на минусе, и все-таки из его данных было видно, что обмен начался и кооперация пущена в ход. Упомянулась даже помада. Сколько вы помады взяли, при каких условиях она распределялась? Нужно и помаду пускать в оборот: в торговле приходится считаться с тем, что спрашивают. Спрашивают помаду, мы должны дать. Мы и на помаде, если будем как следует хозяйничать, можем установить крупную промышленность. Только надо высчитать, сколько нужно купить или достать этой помады для того, чтобы купить 1 000 пудов хлеба. Я думаю, что в отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, потому что, как бы они ни были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму, тогда как помада не угрожает этим. Относительно Волыни говорили, что есть там такие места, где за 10 фунтов соли дают пуд хлеба. Но как производится эта торговля? Были ли у вас приказчики? Как вы торговали? Кто хранил товар? Кто вешал замки? Сколько раскрасили? — Об этом ничего не было сказано. Но это для вас как раз и важно. Зато говорили, что поляки давали по пуду соли за пуд хлеба. Я и говорил, в беседе с товарищем, что если поляки за пуд хлеба дают пуд соли, а вам крестьяне отдают за 10 фунтов, то вы могли бы патроторговать и для себя. Кто вам мешал? Сказали, что мешал центр. Позвольте не поверить, чтобы центр помешал за пуд польской соли получить четыре пуда хлеба. Не может быть, чтобы мы были против этого; никогда я этому не поверю. Прежде, когда была армия, товарищи жаловались, что все делалось через военную власть, а теперь, когда армии нет, когда войны нет, то надо запрашивать центр; товарищ говорил, что теперь у них есть «южбум» и что они воюют против этого «южбума», а когда я

спросил, в какое учреждение они подали жалобу против «южбума», он ответил, что не знает, а ведь это очень важно.

Назвать это учреждение, куда подавалась жалоба па «южбум», они не в состоянии. Что такое этот «южбум», я не знаю; это, наверно, учреждение, страдающее тем же бюрократическим извращением, как и все наши другие советские учреждения. Буржуазия до сих пор ведет борьбу против нас. Многих из них мы выслали за границу под покровительство Милюкова, но еще много тысяч существует тут, ведя против нас войну по всем правилам бюрократического искусства. А вы против этого, товарищи, как воюете? Вы думаете, что голыми руками можно взять этот «южбум» и т. д. Когда мы вели войну с Деникиным, мы не шли на него с голыми руками, а крепко вооружались и организовывали армии. А тут сидят превосходные канцелярские чиновники, которые теперь интересы своего класса видят в том, чтобы нам делать гадости, мешать нам работать, которые думают, что спасают культуру, подготавливая большевиков к падению, которые знают канцелярское дело в 100 раз лучше, чем мы. Ибо откуда же нам было знать это дело? С ними нужно воевать по всем правилам искусства и привлекать к ответственности тех партийных товарищей, которые ходят и жалуются или рассказывают анекдоты о том, что в таком-то учреждении сделана такая-то гадость, ходят по всей Москве и рассказывают анекдоты про бюрократические происшествия. А вы, товарищи, сознательные коммунисты, что вы сделали для борьбы с этим? — Я жаловался. — А до какого учреждения довели вы эту жалобу? Оказывается, что ни до какого, а между тем, жалоба должна была быть направлена и в СНК, и в ВЦИК, т. е. с использованием всех прав, предоставленных нашей Конституцией. Это война и, конечно, связана подчас и с поражениями. Но где же это видано, чтобы даже самые победоносные войны обходились без поражений? Так и здесь возможны поражения, но борьбу вести нужно. Но у нас дело всерьез не берут. А к суду за волокиту привлекали? Где у нас приговоры народных судов за то, что рабочий или крестьянин, вынужденный четыре или пять раз придти в учреждение, наконец, получает нечто формально правильное, а по сути издевательство? Ведь

вы же коммунисты, почему же вы не организуете ловушки этим господам бюрократам и потом не потащите их в народный суд и в тюрьму за эту волокиту? Сколько вы посадили их в тюрьму за волокиту? Это штука хлопотливая, конечно, скажет всякий. Пожалуй, такой-то обидится. Так рассуждают многие, а пожаловаться, анекдот рассказать, на это есть сила. И в этих анекдотах, в конце-концов, теряется грань между анекдотами и теми сплетнями, которые печатаются в заграничных журналах меньшевиков и эсеров. Меньшевики публикуют: «имеем собственных корреспондентов во всех советских учреждениях Москвы». (Сме х.) Сплошь и рядом все анекдоты, которые здесь рассказываются, особенно ходовые в речах парламентской оппозиции, они через несколько дней фигурируют в меньшевистских журналах. Но нужно же знать грань, нужно отличать серьезную борьбу от простого рассказываемого анекдота. Может быть, конечно, когда народ устал, что тот или иной талантливый оратор, рассказав анекдот, дает людям некоторый отдых. С этой точки зрения я, по личному наблюдению, возражать не могу. Но нельзя этим удовлетворяться, нужно подытоживать опыт относительно того, как вы ловили и сколько вы превели судебных процессов, какой вы получили результат. Если мы так подойдем, то мы выдержим эту войну, хотя эта война куда труднее, чем война гражданская.

Я еще два слова хотел сказать относительно Николаевской губернии. Товарищ из Николаевской губернии дал здесь целый ряд ценнейших указаний. Но эти указания, большей частью, неразработанные. Он говорит: «идет мануфактура и железо, но не идет помада». А другие указывали, что не идет мануфактура. Товарищ напал на мешочников: будучи вынужден проводить свободу торговли, он хочет знать, — как нужно бороться с этим. По-старому бороться нельзя, а по-новому у нас проведена охрана транспорта, принят ряд новых декретов, но, конечно, быстро результатов получить нельзя. Но где по этому поводу ваш местный опыт? У нас есть теперь ряд декретов относительно охраны транспорта не от мешочников, а от «неправильного его использования». Созданы специальные комиссии, чрезвычайные тройки ВЧК и ТЧК, здесь и военное ведомство, НКПС. А у вас на местах какие органы действуют? Как они согласуются между

собой? Что делается по поводу жалоб о том, что осилили мешочники? Как они действуют? Как они соглашаются? Вот о чем надо разговаривать. А здесь приходят и жалуются: «Нас осилили мешочники». Мы декретные указания приняли. Может быть, они неправильны, надо их проверить, а как это сделать? Мы публикуем декреты. Вы их знаете, вы присажаете, чтобы обсудить их и их практическое применение. Вот в таком-то месте, такая-то транспортная тройка действовала так-то. Тут успешно, там неуспешно. Может быть, это не такое блестящее будет выступление, как выступление относительно продовольственной диктатуры. Но без этого мы не сможем научиться, как делать меньше ошибок в нашей декретной работе, а это главное.

В заключение перейду к тем выводам, которые, мне кажется, очень правильно намечены т. Осипским, и которые дают общий итог нашей деятельности. Осипский дал три вывода. Первый вывод — «всерьез и надолго». Я думаю, что он совершенно прав. «Всерьез и надолго» — это действительно надо твердо зарубить себе на носу и запомнить хорошенько, ибо, в силу сплетнического обычая, распространяются слухи, что идет политика в кавычках, т. е. политиканство, что все делается на сегодня. Это неверно. Мы учитываем классовое соотношение и смотрим на то, как должен действовать пролетариат, чтобы вести крестьянство, вопреки всему, в направлении коммунизма. Конечно, приходится отступать, но надо самым серьезным образом, с точки зрения классовых сил, относиться к этому. Усматривать в этом хитрость, — значит, подражать обывателям, мелкой буржуазии, которая живет живучим образом не только за пределами коммунистической партии.

Мы должны выдвигать беспартийных предприимчивых работников. Надо еще и еще раз твердить, что все-таки характер собраний, съездов, конференций и совещаний в коммунистической партии и в Советской России не может быть тем, какой он был в старое время и каким он остается еще у нас, когда обмениваются речами в духе парламентской оппозиции и потом напишут резолюцию. Резолюций у нас накопилось столько, что их никто не только не прочтет, но и не соберет. Мы должны заниматься делом, а не резолюциями. В буржуазном строе делом занимались

хозяева, а не государственные органы, а у нас хозяйственное дело — наше общее дело. Это самая для нас интересная политика. Можно, конечно, в 999-й раз обругать меньшевиков, и это сделать надо, но все-таки это уже повторение, которым многие из нас занимаются уже тридцать лет. И большинству это наскучило.

Вот вопрос о том, как менять в социалистическом государстве мануфактуру, помаду и прочее на хлеб, как сделать, чтобы на счет польской соли лишний пудик муки получить, это во сто раз интереснее. Хотя это не обычно, но надо на партийных собраниях заниматься вопросом об этой предприимчивости. Весь капиталистический мир голоден до чрезвычайности. Что касается соли, помады и других маленьких предметов — они ими очень богаты, и, если мы будем правильно применять лозунг местного оборота и инициативы, мы выиграем себе лишние пудки хлеба.

Тов. Гусев дал мне проект положения о коммунистическом производственном кооперативе. Сущность проекта изложена в пятом пункте, где члены кооператива просят обеспечить им «здоровый гигиенический паек». (См. е. х.) «Здоровый гигиенический паек» — к этому ведет вся наша продовольственная политика. Нужно собрать 240 миллионов пудов хлеба налогом и 160 миллионов товаров обменом, т. е. всего 400 миллионов пудов так, чтобы крестьянство чувствовало экономическую устойчивость этой системы сбора.

Разверстки нельзя было продолжать. Эту политику надо было переменить. В этом отношении мы стоим сейчас, может быть, на самом трудном месте нашего строительства. Если сравнить всю работу коммунистической партии с четырехлетним курсом высших наук, то наше положение можно определить так: мы держим переходный экзамен с третьего на четвертый курс; еще не выдержали его, но по всем признакам выдержим. Если считать по курсам, то первый курс был с 70-х годов прошлого столетия до 1903 года, первоначальный вступительный период от народовольчества, социал-демократии и II Интернационала к большевизму. Это — первый курс.

Второй курс — с 1903 года по 1917 год, тут серьезная подготовка к революции и первый опыт революции 1905 года. Третий курс — с 1917 года по 1921 год, тут четыре года,

которые по своему содержанию больше, чем первые 40 лет. Это было испытание весьма деловое, когда пролетариат стал у власти, но это еще не было решительное испытание. Если в нашей песне поют, что «это есть наш последний и решительный бой», то я должен сказать, что, к сожалению, это не есть последний, а один из близких к последнему и решительному бою, если уже быть совершенно точным. А теперь мы держим переходный экзамен с третьего на четвертый курс; а затем нам надо хорошо пройти весь четвертый курс: тогда мы будем, действительно, непобедимы. Мы можем одержать победу на хозяйственном фронте. Если мы в отношении к крестьянству одержим победу и «здоровый гигиенический паек» соберем в этом году, это будет переходный экзамен с третьего на четвертый курс. После этого, все то строительство, которое намечается, будет более серьезное.

Вот как стоит задача перед нами. Вот почему я позволю себе, заканчивая, высказать еще и еще раз пожелание, чтобы мы, вопреки трудностям, несмотря на все старые традиции, не разрешающие на съездах, конференциях и хороших парламентских собраниях заниматься местными вопросами мелкой экономики, все же сказали себе: как коммунисты, мы должны будем этим заниматься, мы должны заниматься учетом практического опыта в хозяйственной работе нанизу, где декреты применяются, где их проверяют, где нужно их ошибки исправлять, где нужно начать дело таким образом, чтобы здесь на собрании его подытожить. Тогда наше строительство двинется вперед настоящим и прочным образом. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ВОПРОСАМ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

1. Коренная политическая задача момента состоит в полном усвоении и точном проведении всеми партийными и советскими работниками новой экономической политики.

Эту политику партия признает установленной на долгий, рядом лет измеряемый, период времени и требует от всех проведения ее с безусловной тщательностью и добросовестностью.

2. На первое место выдвигается товарообмен, как основной рычаг новой экономической политики. Правильные взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством, создание вполне устойчивой формы экономического союза обоих этих классов на период перехода от капитализма к социализму невозможны без установления систематического товарообмена или продуктообмена между промышленностью и земледелием.

В частности осуществление товарообмена необходимо как стимул к расширению крестьянских посевов и к улучшению крестьянского земледелия.

Предприимчивость и самостоятельность мест должны быть во что бы то ни стало всесторонне поддерживаемы и развиваемы.

Губернии с наибольшим количеством хлебных излишков должны быть признаны ударными для проведения в них товарообмена в первую очередь.

3. Считая кооперацию основным аппаратом для проведения товарообмена — признать правильной политику заключения договоров органами Компрода с органами кооперации и передачу первыми последней товарообменных

фондов для выполнения заданий государственной власти и под ее контролем.

Предоставить кооперации широкую возможность производства заготовок и всестороннего развития местной промышленности и подъема хозяйственной жизни вообще.

Поддержка кредитных операций кооперации.

Борьба с анархическим (т. е. ускользящим от всякого контроля и надзора государства) товарообменом путем сосредоточения его преимущественно в руках кооперации, отнюдь не стесняя правильной свободной торговли.

Изучение рынка.

4. Поддержка мелких и средних (частных и кооперативных) предприятий, по преимуществу не требующих снабжения из государственных запасов сырьем, топливом и продовольствием.

Допущение сдачи в аренду частным лицам, кооперативам, артелям и товариществам государственных предприятий. Право местных хозяйственных органов заключать такие договоры без разрешения высших. Обязательное осведомление СТО о каждом таком случае.

5. Пересмотр (в известной части) производственных программ крупной промышленности в направлении усиления производства предметов широкого потребления и крестьянского обихода.

Расширение самостоятельности и инициативы каждого крупного предприятия в деле распоряжения финансовыми средствами и материальными ресурсами. Внесение соответствующего точного постановления на утверждение Совнаркома.

6. Развитие системы натурпремирования и установление в виде опыта коллективного снабжения.

Установление более правильного распределения продовольственных продуктов в целях повышения производительности труда.

7. Необходимость сохранения и усиления аппарата для быстрого, полного и повсеместного сбора продналога. Обеспечение продорганам для этой цели необходимого партийного авторитета. Сохранение и усиление централизации аппарата.

8. Сосредоточение всех предыдущих мер на практической боевой задаче текущего года: собрать не меньше 400 000 000 пудов хлебного фонда, как базу для

восстановления крупной промышленности и осуществления плана электрификации.

9. Принять в принципе проект наказа СТО, поручив фракции ВЦИК превратить его в закон.

Признать безусловной и первоочередной задачей партии добиться строжайшего исполнения этого наказа вообще и в особенности выдвигания на работу и привлечения к работе беспартийных.

10. Установить особую ответственность центральных учреждений за тормоз по отношению к местной инициативе и за недостаточную ее поддержку. Поручить фракции ВЦИК выработать соответствующее постановление и провести его на ближайшей же сессии.

11. Конференция поручает ЦК и всем организациям партии провести систематический ряд мер по усилению агитации и пропаганды, а равно соответствующую передвижку партийных сил, для полного уяснения и планомерного проведения всех вышеизложенных задач.

12. Поставить, как безусловно важнейшую задачу партии, внимательное и всестороннее освещение и изучение — как в прессе, так и на собраниях, конференциях, съездах, профессиональных, советских, партийных и т. п. — практического опыта мест и центра в деле хозяйственного строительства.

*Полностью печатается впервые,
по тексту корректурного оттиска
с поправками В. И. Ленина*

5

РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ

28 МАЯ

Товарищи, я думаю, что мне можно ограничиться самым коротким словом. Мы, как вы знаете, экстренно собрали настоящую конференцию, поставив себе главной целью добиться полной ясности между центром и местами, между партийными и всеми советскими работниками насчет экономическо́й политики. Я думаю, что эту задачу конференция безусловно решила. Здесь не раз отмечали товарищи, что тов. Осипский выразил совершенно правильно настроение очень многих и даже, вероятно, большинства партийных работников на местах, когда он сказал, что надо устранить все сомнения, что политика, намеченная X партийным съездом и в дальнейшем подкрепленная декретами и постановлениями, безусловно принимается партией как политика, подлежащая проведению всерьез и надолго. Это и выразила конференция со всей настойчивостью и дополнила целым рядом пунктов. После того, как товарищи разъедутся на места, не останется ни тени возможности неправильного истолкования. Конечно, когда мы намечаем политику, долженствующую существовать долгий ряд лет, мы ни на минуту не забываем, что международная революция, темп и условия ее развития могут изменить все. В настоящее время международное положение таково, что какое-то временное, неустойчивое, но все-таки равновесие установилось; равновесие такого типа, что империалистические державы, при всей своей ненависти и желании броситься на Советскую Россию, от этой мысли отказались, потому что разложение капиталистического мира идет прогрессивно вперед, единение уменьшается и уменьшается, а напор сил со стороны угнетенных

колониальных народов, насчитывающих свыше миллиарда населения, с каждым годом, с каждым месяцем, даже неделей, становится сильнее. Но гадать на этот счет мы не можем. Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира без всякого исключения и без всякого преувеличения. Это достигнуто. Замолчать, скрыть капиталисты ничего не могут, они больше всего ловят поэтому наши хозяйственные ошибки и нашу слабость. На это попроще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно. Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное. На этом фронте мы должны одержать победу медленным, постепенным, — быстрым нельзя, — но неуклонным повышением и движением вперед. И мне кажется, что в результате работ нашей конференции мы этой цели безусловно, и во всяком случае, достигли. (А п л о д и с м е н т ы.)

*Напечатано 2 июня 1921 г.
в газете «Правда» № 119*

*Печатается по тексту
газеты «Правда»*

РЕЧЬ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОРГАНАХ НА МЕСТАХ НА ЗАСЕДАНИИ ВЦИК 30 МАЯ 1921 г.⁸⁰

Товарищи, мне остается добавить очень немного к тому, что сказал т. Осинский, так как первоначальный проект Наказа, который у вас имеется⁸¹, и основная мысль этого законопроекта уже изложены. Именно потому, что в этом вопросе имеются детали, от установления которых зависит в сущности вся суть дела, решено было не ограничиваться рассмотрением его в СТО и СНК, а внести этот вопрос на партийную конференцию, где в принципе Наказ был одобрен, и в высший законодательный орган — на сессию ВЦИК. Надо, чтобы местные работники внимательно проверили способы выполнения этого закона, и, может быть, вначале потребуется установление целого ряда дополнительных правил.

Надо, чтобы ни в каком случае эта мера не могла превратиться еще в один из источников усиления бюрократизма. Это, пожалуй, не совсем исключено, если бы мы стали получать чрезмерное количество отчетов, или если бы их способ составления не дал гарантий для возможности проверки. Здесь, товарищи, надо обдумать способы составления отчетов, и, может быть, вы найдете целесообразным выбор специальной комиссии, которая, руководствуясь теми замечаниями, которые будут сделаны здесь, и теми инструкциями и директивами, которые вы дадите, подвергнет вопрос окончательному обсуждению. До сих пор имеется порядочный материал по этому вопросу. Естественно, что если представлять отчеты, то не только экономические органы, но и наркоматы должны это делать, т. е. и те наркоматы, которые, не будучи экономическими, тем не менее связаны тесно с экономической работой.

Одна из главных целей печатания отчетов это — сделать их доступными беспартийной массе и населению вообще. Мы не можем этого достигнуть путем массового производства, массового печатания этих отчетов, а только путем сосредоточения в библиотеках. А раз так, то нужно установить такой способ работы, чтобы краткая суть отчетов, суть того, что интересует более всего население, была обязательно печатаема. Технические возможности для этого имеются. Перед тем, как выступить, я навел справку у представителя главбума. Он представил точный отчет относительно 339 уездных пунктов, показывающий, что в каждом из уездных пунктов типографские возможности имеются, а также есть и количество бумаги для того, чтобы печатать самый краткий отчет. Он при этом рассчитывал таким образом, что наименьший из уездных центров печатает один печатный лист, само собой разумеется, раз в месяц. Раз в месяц, — это непомерно часто. Установите ли вы раз в два месяца или в четыре или, может быть, более продолжительный срок, — это будет сделано, очевидно, на основании указаний с мест. Число экземпляров он предполагает тысячу, и, таким образом, рассчитывает, что потребное количество бумаги имеется сейчас налицо. Тысячу экземпляров — это обеспечило бы возможность представления этих отчетов не меньше, чем в каждую уездную библиотеку, и, следовательно, возможность ознакомления с этими отчетами всех интересующихся ими, и, в частности, беспартийной массы. Конечно, дело придется поставить вначале в виде опыта; ручаться, что оно удастся сразу и не будет никаких недостатков, конечно, нельзя.

В заключение своего небольшого добавления я хочу подчеркнуть одно. Одна из самых важных задач теперь, это — широкое привлечение к работе беспартийных и достижение того, чтобы действительно кроме членов партии и, во всяком случае, кроме представителей своего ведомства заинтересована была в работе и привлечена к ней возможно более широкая масса беспартийных. Нам казалось, что сделать это иначе, как путем публикации отчетов, по крайней мере более существенной части их, нельзя. Есть учреждения, которые дают чрезвычайно полные отчеты. Все, что мы знали до сих пор по этому вопросу, доказывает, что есть прекрасно поставленные

местные учреждения. Во всяком случае, работа на местах дает постоянно много материала для достаточно бодрого настроения. Чего действительно нехватает у нас, это умения использовать лучшие образцы широко, — их немного у нас, — чтобы сделать их примерами, обязательными для всех. В наших органах печати этого выдвигания действительно образцовых с практическим опытом учреждений на местах нет. Это печатание отчетов, превращение их в доступные для широких масс населения и сосредоточение их в каждой даже уездной библиотеке должно послужить на пользу при правильном собирании беспартийных конференций, для того, чтобы втянуть более широкие массы в работу хозяйственного строительства. Резолюций об этом принималось немало. Кое-где и кое-что сделано. В общероссийском же масштабе, несомненно, делается далеко недостаточно. Между тем, мы таким образом подтянем учреждения и сделаем то, что каждый сколько-нибудь ответственный работник по строительству на местах будет иметь возможность точно и определенно за своей подписью свой опыт довести до сведения центра и выставить его, как образец. Этого, пожалуй, больше всего сейчас недостает нам.

Что касается того, каким образом мы поставим дальше сводку и изучение этих отчетов, использование их на конференциях, съездах и учреждениях — это будет зависеть от дальнейших показаний опыта. Сейчас самое важное, на основании имеющегося налицо у местных работников опыта, утвердить этот декрет и дать в виде опыта возможность испытать его так, чтобы к предстоящему Всероссийскому съезду (приблизительно в декабре текущего года) обязательно мы имели бы некоторые результаты, которые показали бы, как следует эту меру на основании опыта развивать, совершенствовать, изменять и дополнять.

Вот то краткое дополнение, которым я пока хотел бы ограничиться.

Впервые полностью напечатано в 1922 г. в книге: «I—IV сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета VIII созыва. Стенографический отчет». Москва

Печатается по тексту книги

РЕЧЬ НА III ВСЕРОССИЙСКОМ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ СОВЕЩАНИИ 16 ИЮНЯ 1921 г.⁹²

Товарищи, прежде всего позвольте приветствовать ваше совещание и от имени Совнаркома и от имени Центрального Комитета РКП.

Товарищи, нам всем, конечно, понятно, почему такое особое внимание должно быть уделено вашему совещанию не только продовольственными работниками, но и всеми советскими и партийными, и всей партией, и всеми вообще, кто сколько-нибудь сознательно относится к судьбам Советской республики и к стоящим перед нею задачам. Ваше совещание собирается в момент совершенно исключительной важности, и в этом отношении нивком образом к обычным текущим продовольственным совещаниям, которые вы не раз имели и не раз еще иметь будете, приравнено быть не может.

Совершенно исключительная важность теперешнего вашего совещания объясняется двумя обстоятельствами. Прежде всего это то непредвиденное обстоятельство, которого мы опасались и которое вот уже второй год опять подвергает страну чрезвычайно опасным бедствиям: вступили ли мы в целую полосу засушливых лет, как это нам второй год предсказывают, этого мы еще не знаем, но что второй год мы опять-таки в значительных районах будем переживать сильнейший неурожай и хлебов и трав, это уже выяснилось и рисует нам картину громадной опасности. Не буду сейчас останавливаться на том, как велик тот район, который, по имеющимся сведениям относительно урожая хлебов и трав, охвачен теперь неурожаем. Во всяком случае, этот район значителен. Во всяком случае, мы имеем перед собой уже картину того, что громадный

недочет получится в целом ряде губерний от продовольственного налога, что в целом ряде губерний, кроме того, население попадет в положение безвыходное, неслыханно тяжелое, и продовольственным работникам придется, вместо того, чтобы взять с этих губерний известное количество излишков для содержания армии, рабочего класса и промышленности, — придется помогать этим губерниям, помогать голодающим. Задачи, которые таким образом падают на продовольственных работников, сверх всех наших расчетов увеличивают тяжесть той работы, которая на вас лежит. Это первое обстоятельство.

Второе обстоятельство, которое не представляет из себя явления настолько неожиданного, это — переходный, переломный момент во всей продовольственной политике. Мы теперь в первый раз вступаем в продовольственную кампанию, в первый раз собираемся, чтобы подытожить опыт местных работников по продовольственной работе и готовиться к выполнению лежащих на продовольственных работниках задач — в условиях, когда продовольственная политика радикально изменилась, когда Советская власть должна была изменить не только продовольственную политику, но во многих отношениях самые основы своей экономической политики, когда необыкновенно тяжелое положение крестьянства в прошлом году и затем выяснившаяся невозможность быстрого восстановления крупной промышленности заставили нас перевести всю государственную работу на иные рельсы.

Учесть необходимость считаться с тяжелым положением страны, с невозможностью быстро восстановить крупную промышленность, значит приготовиться к тому, чтобы мелкое крестьянское хозяйство во что бы то ни стало, какой угодно ценой, поднять из положения критического в положение сносное, поднять для этого мелкую промышленность, местную промышленность, пойти в этом отношении на такие меры, которые, укрепляя сейчас же мелкое хозяйство, дадут ему возможность местной торговли и тем самым расширят область применения капитала, а тем самым ставят всю Советскую власть и самые ее основы и всю ее экономическую политику на иные рельсы.

Вы прекрасно знаете, каких трудов в течение трех лет стоило нам всем, и вам в первую голову, упрочить сколько-нибудь продовольственный аппарат для того, чтобы на-

ладить его для выполнения хотя бы минимальных задач, хотя бы самых необходимых. И поэтому нечего говорить вам, непосредственно и близко наблюдавшим и переживавшим это, что представляет собою задача быстро перестроить и по-новому наладить всю работу, что значит организовать в обстановке, которая еще подлежит испытанию, и в то же время решить задачу получения большего количества продовольственных продуктов. Вы знаете все сами. Из года в год, несмотря на страшные, неслыханные, иногда нечеловеческие трудности гражданской войны, из года в год продовольственная политика давала результаты для всех наглядные и очевидные, улучшавшиеся и повышавшиеся гораздо быстрее, чем можно было это доказать на практических итогах какой угодно другой области советской работы. Но вы, конечно, также знаете, что, хотя мы со 110 миллионов в первый год подняли, благодаря напряжению усилий продовольственных работников, заготовки до 280 миллионов и свыше, — вы все прекрасно знаете, что этого недостаточно.

Теперь мы в первый раз вступаем в большую продовольственную кампанию при условии, что белогвардейских войск и неприятельских полчищ на территории РСФСР нет. Но и это приходится сопровождать некоторыми оговорками: за исключением начинающейся интервенции японцев в Дальневосточной республике, т. е., опять-таки, в первый же год, когда мы можем сказать, что в общем и целом с гражданской войной мы покончили, — тут сейчас же становится всем ясно, что мы окружены международной буржуазией, которая получила весьма внушительный урок от Красной Армии, но которая вовсе не прекратила своих попыток возобновить нашествие, в прямой или прикрытой, в систематической или урывочной форме, при первом же удобном случае. Так что и на этот счет полного обеспечения у нас никоим образом нет. Но, кроме того, вы знаете, что самый переход от войны к хозяйству, тот переход, о котором мы так долго говорили, которому мы посвятили несколько партийных конференций и съездов, этот переход сам по себе просто, как переход, создал новые громадные трудности, потому что при разрушенном аппарате, при расстроенном транспорте самый переход от старой большой армии, стоявшей на границе в боевом порядке, к армии мирного времени создал громадные

трудности, с которыми мы, повидимому, в главной части сладили, и все же всякий, знающий дело, не усомнится в том, что немалое количество трудностей еще осталось.

Вот почему я и говорю, что значение настоящего продовольственного совещания совершенно исключительно, что оно должно решить вопросы вовсе не только специально продовольственные, что ваше внимание, ваши усилия требуются теперь для республики не только как продовольственных работников, как людей, взявших на себя от Советской власти громадной важности задачу по снабжению продовольствием населения, — этого мало. От вас, как партийных работников, требуется напряжение сил для того, чтобы решить целый ряд заданий, намеченных только в виде директив, решений, вынесенных высшими органами Советской власти и партийной организацией. А вы сами знаете, как далеко от общего решения, от общих директив до практического претворения в нечто реальное, что это означает громадные тяжести, которые должны взять на себя работники, чтобы успешно выполнить эти принципиальные указания, выполнить так, чтобы они не оставались только на бумаге написанными, что, к сожалению, не так уже редко в Советской России встречается.

Я бы хотел напомнить решение последней партийной конференции, работавшей специально по вопросу о новой экономической политике⁹³. Партийная конференция была собрана экстренно для того, чтобы всем товарищам внушить полную уверенность в том, что эта политика, как говорили на конференции, решена всерьез и надолго, что никаких колебаний на этот счет впредь не будет. А колебаний было немало, неуверенности было немало. И вот партийная конференция, как высший орган руководящей правительственной партии, руководящей властью рабочего класса, подчеркивает, какое значение имеет собрание крупного продовольственного фонда в 400 миллионов пудов. Она подчеркивает, что все значение продовольственной политики, переход к допущению в значительных размерах свободной торговли, сводится для нас к тому, чтобы создать большой продовольственный фонд, крупные государственные запасы. Без этого ни восстановления крупной промышленности, ни восстановления денежного обращения не может быть, а всякий социалист понимает,

что без восстановления крупной промышленности, единственной реальной основы, о социалистическом строительстве не может быть и речи.

Страна неслыханно разорена. И прежде, до войны империалистской, она была более отсталой, после войны она была разорена больше, чем другие, и еще три года несла неслыханные тяжести войны с буржуазией и помещиками. Побежденные страны, с которыми может быть сравнена Россия, как Сербия и Австрия, где промышленность разорена не меньше, а иногда и больше, чем в России, — эти страны находятся в положении совершенно отчаянном, совершенно безвыходном. Рассчитывая на помощь буржуазии, потому что они не поднимали против нее войны, они придавлены двойко — голодом, разорением, унижением, как мы, и сознанием того, что их положение беспомощно, что они ставили ставку на буржуазию и гибнут, не имея шансов на поддержку. Мы же, при всех неслыханных трудностях, видим и ясно сознаем, и рабочие и крестьянские массы ясно видят, что, несмотря на неслыханные трудности, новые силы являются. Каждая трудность выдвигала новые силы, порождала новые источники энергии, указывала новые пути. Работа этих сил доказывала нам, что как ни дьявольски медленно, но мы идем вперед, что, как иногда ни невероятно мучительно дается преодоление трудностей, мы их преодолеваем. Растет сознание, что строятся хозяйственные отношения на совершенно иных основах, что трудящийся класс, как ни велики его страдания, решает все вопросы без помощи капиталистов, шаг за шагом, день за днем, идет против них и отвоевывает одну позицию за другой.

Вот, товарищи, что, казалось бы мне, представляет сущность, смысл, итог решений партийной конференции. И я этим особенно хотел бы подчеркнуть, до какой степени сейчас данное совещание есть не только совещание специалистов, но партийных и советских деятелей, которым на практике приходится новые формы экономической политики, фундамент всего советского здания строить в условиях чрезвычайно трудных.

Строить приходится двойко: посредством налога, во-первых, и товарообмена, во-вторых. Налог определен был, в предположении среднего урожая, в 240 миллионов пудов, — сумма, которая недостаточна даже для скудного

прокормления необходимой армии и совершенно необходимых промышленных предприятий, сумма, которую не только при грозящем нам неурожае, но и вообще собрать полностью в 100% представляет из себя задачу громадной трудности.

Я не имею под рукою точных данных, как изменился по районам за три года нашего продовольственного опыта процент выполнения наших планов и наших заданий в области продовольственной работы. Но, что аппарат, созданный совместными усилиями, был лучше, чем в целом ряде других наших наркоматов, что здесь мы имеем постоянное повышение работоспособности, — это всем известно. И я считаю неопровержимым, что в этом году, когда этой работе уделено большое внимание, мы процент выполнения тех заданий, которые на нас республика возлагает, поднимем. Если не 100, то почти 100% мы выполнить должны, и мы можем это выполнить, даже при тех трудностях, которые поставил перед нами грозящий неурожай. Может быть, недобор будет исчисляться десятками миллионов пудов, но, может быть, недобор уравновесится тем приростом продналога, который обещают дать местности, где урожай прошел особенно хорошо.

Товарищи, урожай с состоянием продовольственного аппарата никоим образом не считается и не доставил нам удовольствия быть особенно хорошим там, где особенно хорош продовольственный аппарат. Если посмотреть на карту с видами на урожай, то окажется, что те местности РСФСР и других соседних и братских республик, где урожай обещает быть особенно хорошим или выше среднего, что как раз там продовольственный аппарат никоим образом не выше среднего, а даже ниже. Задачу переброски сил продовольственного аппарата придется поставить особенно энергично, а для этой переброски мы мало знаем людей, которые достаточно подготовлены, достаточно опыты и которые сели бы на новое место и, приспособившись сразу, быстро двинули бы работу. Это дело, которое требует все нового и нового внимания.

Что самое важное и что партийная конференция выдвинула на первый план и что решено последним партийным съездом, это — задача товарообмена. Самое большое внимание у всех, кто стоит в центре советской и общепартийной работы в Москве, самое большое внимание, самую

большую заботу вызывает этот вопрос. Насколько нам удалось к этому подготовиться, что тут практически сделано, что из этих планов осуществилось, — это вопрос, который вам первым придется решить уже на основании действительного знакомства с делом. Здесь обмен вашего практического опыта, подведение ему итога имеет особенно важное, особенно существенное значение.

Дело новое, оно требует еще большей переброски сил. Оно требует не того, что требовалось раньше от продовольственного аппарата: более или менее однообразной, возможно правильно работающей машины, имеющей задачей собрать определенное количество продовольствия, и все. Нет, здесь надо учесть различие местностей, различие требований на товар, различие эквивалента. Нужно приспособиться не к тому, что Советская власть требует и что советский аппарат может выполнить. Нет, вы должны приспособиться к хозяйственным условиям жизни мелких земледельцев, вы должны учесть, в чем у них нужда и в чем их потребности удовлетворены. Вы боролись с мешочничеством, с торговлей, обходящей распоряжения государства. Вы должны против нее вести борьбу и сейчас. Но, чтобы осуществить товарообмен и не быть побитыми вольным рынком, — не быть побитыми этой свободной торговлей, мы должны ее хорошо знать, состязаться с ней и побивать ее же собственным козырем, ее же собственным орудием, — а для этого надо знать его.

Нам нужны не старые бюрократические средства, а нужен учет торговых условий, нам нужно точное их знание, умение быстро всякие изменения учитывать. Для этого нам нужна быстрая переброска и средств продовольствия, и предметов обмена на громадном пространстве РСФСР. Трудности перед нами очень велики. Но это — основа всей новой экономической политики на то время, пока мы не восстановим крупной промышленности полностью, а это время может исчисляться не меньше, как десятком лет, и мы на это время должны дать такие формы отношений между рабочим классом и крестьянством, между этими двумя единственными классами, на основе которых мы должны строить нашу экономику, должны между этими классами создать такой союз, который удовлетворял бы обе стороны хозяйственно, такой союз, который считался бы с мелким крестьянином, как с мелким крестьянином,

пока мы не можем ему дать всех продуктов крупной промышленности.

Надо считаться с мелким хозяином, который излишки свои продает, надо считаться и с тем, что городское население, рабочие должны улучшить свое положение. Без этого мы в нашей дальнейшей строительной работе, которая упрочит переход к социализму настолько, что нельзя будет повернуть назад, — мы успеха не достигнем. Вот почему задача товарообмена сейчас есть самый важный вопрос всей нашей экономической политики. Над этим вам придется поработать, и как продовольственникам, и как хозяйственным работникам, и как сотрудникам кооперации. Вот чего от вас ждет Советская власть, вот чего ждет от вас партия и вся республика, потому что от вашего отношения к этой работе, от вашего успеха зависит самая главная ставка всей Советской республики, всего социалистического строительства в настоящее время.

Товарищи, я должен в заключение отметить, что на вашей конференции лежит одна специальная задача: учесть вопрос, поставленный в мае перед Политбюро ЦК партии и решенный после обсуждения в ЦК на Всероссийском съезде профсоюзов. Это — вопрос о том, чтобы с надлежащей осторожностью и постепенностью, но все же немедленно стать на путь испытания коллективного снабжения. В нашем распределении продовольствия оказались недостатки, и дальше так оставаться не может. То распределение продовольствия, которое мы основывали на началах уравнительных, создавало уравнительность, иногда вредную для того, чтобы повысить производство. Нужно, чтобы республика на собранные ею хлебные излишки содержала лишь то, что необходимо для производства. Всех предприятий нашей промышленности мы содержать не можем, но нам это и не нужно: это значило бы хозяйничать расточительно. Восстановить крупную промышленность целиком мы не можем; значит, надо из нее выделить то, что лучше оборудовано, что обещает большую производительность, и только это надо содержать.

Продовольственники не могут ограничиться тем, чтобы думать, что столько-то миллионов пудов мы получим, по таким-то нормам, хотя бы по тем же карточкам, распределим их, и баста; дальше дело не мое. На очереди

объединение деятельности всех экономических наркоматов. Не только то, что касается непосредственно продовольственников, но вся сумма хозяйственной деятельности — вот что должно интересовать всякого сознательного продовольственника. Требования к нему повышаются.

Быть только продовольственником нельзя. Надо быть экономистом, оценивающим каждый соответствующий шаг работы, в связи с работой всех экономических наркоматов и всех результатов этой работы.

Когда речь идет о распределении продовольствия, думать, что нужно распределить только справедливо, нельзя, а нужно думать, что это распределение есть метод, орудие, средство для повышения производства. Необходимо давать государственное содержание продовольствием только тем служащим, которые действительно нужны в условиях наибольшей производительности труда, и если распределять продовольственные продукты, как орудие политики, то в сторону уменьшения числа тех, которые не безусловно нужны, и поощрения тех, кто действительно нужен. Если распределение является орудием политики, восстанавливающей нашу промышленность, то необходимо содержать те промышленные предприятия, которые сейчас действительно нужны, и безусловно не содержать те предприятия, которые нам сейчас не нужны, чтобы этим получить экономию топлива, экономию продовольственных продуктов. Мы в этом отношении хозяйничали в течение целого ряда лет с громадными недостатками. Теперь надо их исправить.

Вы видите, что, чем больше вникаешь в дело, тем шире и шире развивается сеть задач, которые ставятся перед вашим продовольственным совещанием. Надеюсь, однако, что никто из вас не почувствует себя запуганным от сознания сложности этих задач, что, напротив, те необычные задачи, которые стоят перед вами, как перед советскими работниками и перед партийными работниками, пробудят в вас новую энергию, чтобы эти задачи решить. Опыт прошлой работы в других наркоматах может наглядно показать, что имеется необходимость неперемennого комбинирования работы советской и работы партийной. Целый ряд очередных боевых заданий продовольственниками мог быть выполнен в условиях необычайно трудных лишь благодаря тому, что приходилось действовать путем далеко не всегда

общепотребительным, путем экстренных мероприятий, путем приложения методов ударности и боевого порядка, необычной деятельности и советских учреждений и партийных органов. Повторяю, именно фундаментальная основа нашей экономической политики и составляет главное задание вашего продовольственного совещания. На это должно быть обращено все ваше внимание.

В заключение позвольте выразить уверенность, что путем объединения сил в том направлении, по которому мы идем, нам удастся укрепить основы успешной экономической политики, которая создаст союз рабочего класса и крестьянства, двух основных классов, на которых покоится Советская власть, тот хозяйственный союз, который один будет в состоянии обеспечить нам успех всего нашего социалистического строительства. (Бурные аплодисменты.)

«Правда» №№ 133 и 134;
22 и 23 июня 1921 г.

Печатается по тексту
газеты «Правда»

**III КОНГРЕСС
КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ИНТЕРНАЦИОНАЛА⁹⁴**

22 ИЮНЯ — 12 ИЮЛЯ 1921 г.

*Впервые полностью напечатано:
«Тезисы доклада о тактике РКП
на III конгрессе Коммунистического
Интернационала» в 1921 г.
отдельной брошюрой; речи и доклад
в 1922 г. в книге «Третий Всемирный
конгресс Коммунистического
Интернационала. Стенографический
отчет». Петроград*

*Печатается: «Тезисы» по рукописи;
речь по итальянскому вопросу, речь
в защиту тактики Коммунисти-
ческого Интернационала и доклад о
тактике РКП по тексту книги*

1

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА О ТАКТИКЕ РКП НА III КОНГРЕССЕ
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

(Первоначальный проект)

1. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РСФСР

Международное положение РСФСР характеризуется в настоящее время некоторым равновесием, которое, будучи чрезвычайно неустойчивым, создало все же своеобразную конъюнктуру всемирной политики.

Это своеобразие состоит в следующем: с одной стороны, международная буржуазия полна бешеной ненависти и вражды к Советской России и готова в каждую минуту броситься, чтобы задушить ее. С другой стороны, все попытки военного вмешательства, стоившие этой буржуазии сотни миллионов франков, кончились полной неудачей, несмотря на то, что Советская власть была тогда слабее, чем теперь, а русские помещики и капиталисты имели целые армии на территории РСФСР. Оппозиция против войны с Советской Россией во всех капиталистических странах чрезвычайно усилилась, питая революционное движение пролетариата и захватывая очень широкие массы мелкобуржуазной демократии. Рознь интересов между различными империалистскими странами обострилась и обостряется с каждым днем все глубже. Революционное движение среди сотен миллионов угнетенных народов Востока растет с замечательной силой. В результате всех этих условий международный империализм оказался не в состоянии задушить Советскую Россию, несмотря на то, что он гораздо сильнее ее, и вынужден был на время признать или полупризнать ее, вступать в торговые договоры с ней.

Получился, хотя и крайне непрочное, крайне неустойчивое, но все же такое равновесие, что социалистическая республика может существовать — конечно, недолгое время — в капиталистическом окружении.

2. СООТНОШЕНИЕ КЛАССОВЫХ СИЛ В МЕЖДУНАРОДНОМ МАСШТАБЕ

На основе такого положения вещей, соотношение классовых сил в международном масштабе сложилось следующим образом:

Международная буржуазия, лишенная возможности вести открытую войну против Советской России, выжидает, подкарауливая момент, когда обстоятельства позволят ей возобновить эту войну.

Пролетариат передовых капиталистических стран везде уже выдвинул свой авангард, коммунистические партии, которые растут, идя неуклонно к завоеванию большинства пролетариата в каждой стране, разрушая влияние старых тред-юнионистских бюрократов и развращенной империалистскими привилегиями верхушки рабочего класса Америки и Европы.

Мелкобуржуазная демократия капиталистических стран, представленная в передовой ее части вторым Интернационалом и Интернационалом 2¹/₂, является в данный момент главной опорой капитализма, поскольку под ее влиянием остается большинство или значительная часть промышленных и торговых рабочих и служащих, которые боятся, в случае революции, потерять свое сравнительное мещанское благополучие, созданное привилегиями империализма. Но растущий экономический кризис везде ухудшает положение широких масс, и это обстоятельство, наряду с все более очевидной неизбежностью новых империалистских войн при сохранении капитализма, делает все более шаткою указанную опору.

Трудящиеся массы колониальных и полуколониальных стран, составляя огромное большинство населения земли, пробуждены к политической жизни уже с начала XX века, особенно революциями в России, Турции, Персии и Китае. Империалистская война 1914—1918 годов и Советская власть в России окончательно превращают эти массы в активный фактор всемирной политики и революционного разрушения империализма, хотя этого не видит еще упорно образованное мещанство Европы и Америки, в том числе вожди 2-го и 2¹/₂-го Интернационалов. Британская Индия стоит во главе этих стран, и в ней революция тем быстрее нарастает, чем значительнее становится в ней, с одной

стороны, индустриальный и железнодорожный пролетариат, а с другой стороны, чем более зверским становится террор англичан, прибегающих все чаще и к массовым убийствам (Амритсар)⁹⁶, и к публичным поркам и т. п.

3. СООТНОШЕНИЕ КЛАССОВЫХ СИЛ В РОССИИ

Внутреннее политическое положение Советской России определяется тем, что здесь мы видим в первый раз во всемирной истории существование, в течение целого ряда лет, только двух классов: пролетариата, который воспитан десятилетиями очень молодой, но все же современной крупной машинной промышленностью, и мелкого крестьянства, составляющего огромное большинство населения.

Крупные земельные собственники и капиталисты в России не исчезли, но они подверглись полной экспроприации, разбиты совершенно политически, как класс, остатки коего попрятались среди государственных служащих Советской власти. Классовую организацию они сохранили за границей, как эмиграция, насчитывающая, вероятно, от 1¹/₂ до 2-х миллионов человек, имеющая свыше полусотни ежедневных газет всех буржуазных и «социалистических» (т. е. мелкобуржуазных) партий, остатки армии и многочисленные связи с международной буржуазией. Эта эмиграция всеми силами и средствами работает над разрушением Советской власти и восстановлением капитализма в России.

4. ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО В РОССИИ

При таком внутреннем положении России для ее пролетариата, как господствующего класса, главной задачей момента является правильное определение и осуществление тех мер, которые необходимы для руководства крестьянством, для прочного союза с ним, для долгого ряда постепенных переходов к крупному обобществленному машинному земледелию. Эта задача в России особенно трудна как в силу отсталости нашей страны, так и вследствие крайнего разорения ее империалистской и гражданской семилетней войной. Но и помимо такой особенности эта задача принадлежит к числу труднейших задач социалистического строительства, которые встанут перед всеми капиталистическими странами, — может быть, за исключением одной только Англии. Однако и по отношению к

Англии нельзя забывать, что если в ней особенно мало-численен класс мелких земледельцев-арендаторов, то в ней зато исключительно высок процент живущих по-мелкобуржуазному среди рабочих и служащих вследствие фактического рабства сотен миллионов людей в колониях, «принадлежащих» Англии.

Поэтому с точки зрения развития всемирной пролетарской революции, как единого процесса, значение переживаемой Россией эпохи состоит в том, чтобы практически испытать и проверить политику пролетариата, держащего государственную власть в своих руках, по отношению к мелкобуржуазной массе.

5. ВОЕННЫЙ СОЮЗ ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА В РСФСР

Основа для правильного взаимоотношения пролетариата и крестьянства в Советской России создана эпохой 1917—1921 годов, когда нашествие капиталистов и помещиков, поддержанных и всей мировой буржуазией и всеми партиями мелкобуржуазной демократии (эсерами и меньшевиками), создало, закрепило и оформило военный союз пролетариата и крестьянства за Советскую власть. Гражданская война есть самая острая форма классовой борьбы, а чем острее эта борьба, тем скорее сгорают в ее огне все мелкобуржуазные иллюзии и предрассудки, тем очевиднее показывает сама практика даже наиболее отсталым слоям крестьянства, что спасти его может только диктатура пролетариата, что эсеры и меньшевики фактически являются лишь прислужниками помещиков и капиталистов.

Но если военный союз между пролетариатом и крестьянством явился — и не мог не явиться — первой формой их прочного союза, то он не мог бы держаться и несколько недель без известного экономического союза названных классов. Крестьянин получал от рабочего государства всю землю и защиту от помещика, от кулака; рабочие получали от крестьян продовольствие в ссуду до восстановления крупной промышленности.

6. ПЕРЕХОД К ПРАВИЛЬНЫМ ХОЗЯЙСТВЕННЫМ ВЗАИМООТНОШЕНИЯМ ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА

Вполне правильным и устойчивым, с социалистической точки зрения, союз мелких крестьян и пролетариата может стать лишь тогда, когда вполне восстановленные транспорт

и крупная промышленность позволят пролетариату давать крестьянам в обмен на продовольствие все необходимые для них и для улучшения их хозяйства продукты. При громадном разорении страны этого никак нельзя было достигнуть сразу. Разверстка была наиболее доступной для недостаточно организованного государства мерой, чтобы продержаться в неслыханно трудной войне против помещиков. Неурожай и бескормица 1920-го года особенно обострили и без того тяжелую нужду крестьян, сделав безусловно необходимым немедленный переход к продовольственному налогу.

Умеренный продналог сразу дает большое улучшение в положении крестьянства, заинтересовывая его вместе с тем в расширении посевов и улучшении земледелия.

Продналог является переходом от реквизиции всех хлебных излишков крестьянина к правильному социалистическому продуктообмену между промышленностью и земледелием.

7. ЗНАЧЕНИЕ И УСЛОВИЯ ДОПУСТИМОСТИ КАПИТАЛИЗМА И КОНЦЕССИЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ

Продналог, естественно, означает свободу крестьянина распоряжаться излишками, остающимися после уплаты налога. Поскольку государство не сможет предоставить крестьянину продуктов социалистической фабрики в обмен на все эти излишки, постольку свобода торговли излишками неминуемо означает свободу развития капитализма.

В указанных пределах, однако, это несколько не страшно для социализма, пока транспорт и крупная промышленность остаются в руках пролетариата. Напротив, развитие капитализма под контролем и регулированием пролетарского государства (т. е. в *этом* смысле слова «государственного» капитализма) выгодно и необходимо в чрезвычайно разоренной и отсталой мелкокрестьянской стране (конечно, в известной лишь мере), поскольку оно в состоянии ускорить *немедленный* подъем крестьянского земледелия. Еще более относится это к концессиям: не производя никакой денационализации, рабочее государство отдает в аренду определенные рудники, лесные участки, нефтяные промыслы и прочее иностранным капиталистам, чтобы получить от них добавочное оборудование

и машины, позволяющие нам ускорить восстановление советской крупной промышленности.

Плата концессионерам в виде доли высокоценных продуктов является несомненно данью рабочего государства мировой буржуазии; несколько не затушевывая этого, мы должны ясно понять, что нам выгодно внести эту дань, лишь бы ускорить восстановление нашей крупной промышленности и серьезное улучшение положения рабочих и крестьян.

8. УСПЕХИ НАШЕЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Продовольственная политика Советской России в 1917—1921 годах, несомненно, была очень груба, несовершенна, порождала много злоупотреблений. Был ряд ошибок при ее осуществлении. Но она была единственно возможной при тех условиях, в общем и целом. И она выполнила свое историческое задание: спасла пролетарскую диктатуру в разоренной и отсталой стране. Бесспорный факт, что она постепенно совершенствовалась. В первый год нашей полной власти (1. VIII. 1918 — 1. VIII. 1919) государство собрало 110 миллионов пудов хлеба; во 2-ой — 220; в 3-ий — более 285.

Теперь, имея уже практический опыт, мы ставим себе задачей собрать и рассчитываем собрать 400 миллионов пудов (размер продналога = 240 миллионов пудов). Лишь будучи фактическим владельцем достаточного продовольственного фонда, рабочее государство в состоянии прочно стоять в экономическом отношении на собственных ногах, обеспечить хотя бы медленное, но неуклонное восстановление крупной промышленности, создать правильную финансовую систему.

9. МАТЕРИАЛЬНАЯ ОСНОВА СОЦИАЛИЗМА И ПЛАН ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ РОССИИ

Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие. Но этим общим положением нельзя ограничиться. Его необходимо конкретизировать. Соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация всей страны. Научную работу выработки

плана такой электрификации РСФСР мы должны были выработать, и мы ее выполнили. При участии свыше 200 лучших научных, инженерных и агрономических сил России эта работа закончена, напечатана в виде объемистого тома и утверждена, в общем, VIII Всероссийским съездом Советов в декабре 1920 г. Теперь уже организован созыв Всероссийского съезда электротехников, который соберется в августе 1921 года, подробно рассмотрит эту работу, и она получит тогда окончательное государственное утверждение. Работы по электрификации первой очереди рассчитаны на 10 лет; они потребуют около 370 миллионов рабочих дней.

Если в 1918 году у нас было вновь построенных электрических станций 8 (с 4 757 kw — киловатт), то в 1919 году эта цифра подвинулась до 36 (с 1 648 kw), а в 1920-м году до 100 (с 8 699 kw).

Как ни скромно это начало для нашей громадной страны, а все же начало положено, работа пошла и идет все лучше и лучше. Русский крестьянин после империалистской войны, после знакомства миллиона пленных в Германии с современной передовой техникой, после тяжелого, но закаляющего опыта трехлетней гражданской войны — уже не тот, каким он был в старину. С каждым месяцем он видит все яснее и все нагляднее, что руководство пролетариата одно только в состоянии вывести массу мелких земледельцев из рабства капиталу и привести к социализму.

10. РОЛЬ «ЧИСТОЙ ДЕМОКРАТИИ», 2 И 2½ ИНТЕРНАЦИОНАЛА, ЭСЕРОВ И МЕНЬШЕВИКОВ, КАК СОЮЗНИКОВ КАПИТАЛА

Диктатура пролетариата означает не прекращение классовой борьбы, а продолжение ее в новой форме и новыми орудиями. Пока остаются классы, пока свергнутая в одной стране буржуазия удесятеряет свои атаки на социализм в международном масштабе, до тех пор эта диктатура необходима. Класс мелких земледельцев не может не переживать в переходную эпоху ряда колебаний. Трудности переходного положения, влияние буржуазии неизбежно вызывают от времени до времени колебания в настроении этой массы. На пролетариат, ослабленный и до известной степени деклассированный разрушением его жизненной

основы, крупной машинной промышленности, ложится очень трудная и самая великая историческая задача устоять вопреки этим колебаниям и довести до конца свое дело освобождения труда от ига капитала.

Политическим выражением колебаний мелкой буржуазии является политика мелкобуржуазных демократических партий, т. е. партий 2-го и 2¹/₂-го Интернационалов, каковыми в России состоят партии эсеров («социалистов-революционеров») и меньшевиков. Имся теперь свои главные штабы и газеты за границей, эти партии фактически идут в блоке со всей буржуазной контрреволюцией и служат ей верную службу.

Умные вожди русской крупной буржуазии и во главе их Миллюков, вождь партии «кадетов» («конституционных демократов»), вполне ясно, точно и прямо оценили эту роль мелкобуржуазной демократии, т. е. эсеров и меньшевиков. По поводу кронштадтского восстания, в котором оказались соединившими свои силы меньшевики, эсеры и белогвардейцы, Миллюков высказался за лозунг «Советы без большевиков». Развивая эту мысль, он писал: «честь и место» эсерам и меньшевикам («Правда» № 64, 1921 г., цитата из парижских «Последних Новостей»⁹⁶), ибо на них ложится задача *первой передвижки* власти от большевиков. Миллюков, вождь крупной буржуазии, правильно учитывает уроки всех революций, показавших, что мелкобуржуазная демократия неспособна удержать власти, служба всегда лишь прикрытием диктатуры буржуазии, лишь ступенькой к всевластию буржуазии.

Пролетарская революция в России еще и еще раз подтверждает этот опыт 1789—1794 и 1848—1849 годов, подтверждает слова Фр. Энгельса, который в письме к Бебелю от 11. XII. 1884 года писал:

... «Чистая демократия... в момент революции приобретает на короткий срок временное значение... в роли последнего якоря спасения всего буржуазного и даже феодального хозяйства... Точно так же в 1848 году вся феодально-бюрократическая масса с марта по сентябрь поддерживала либералов, для того, чтобы удержать в повиновении революционные массы... Во всяком случае во время кризиса и на другой день после него нашим единственным противником явится вся реакционная масса, объединяющаяся вокруг чистой демократии, и этого, как

я полагаю, ни в каком случае упускать из виду нельзя» (опубликовано по-русски в газете «Коммунистический Труд»⁹⁷, 1921 г., № 360 от 9. VI. 1921, в статье тов. В. Адоратского: «Маркс и Энгельс о демократии». По-немецки в книге: Фридрих Энгельс: «Политическое завещание», Берлин, 1920; № 12 «Международной Библиотеки Юношества», стр. 19)⁹⁸.

Н. Ленин

Москва, Кремль, 13. VI. 1921.

2

РЕЧЬ ПО ИТАЛЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ
28 ИЮНЯ

Товарищи! Я хотел бы ответить, главным образом, т. Лаццари. Он сказал: «Приводите конкретные факты — не слова». Великолеппо. Но если мы проследим развитие реформистско-оппортунистической тенденции в Италии, то что это будет — слова или факты? В ваших речах и во всей вашей политике вы упускаете из виду многозначительное для социалистического движения в Италии обстоятельство, что не только эта тенденция, но и оппортунистическо-реформистская группа существуют уже в течение долгого времени. Мне еще хорошо памятно то время, когда Бернштейн начал свою оппортунистическую пропаганду, закончившуюся социал-патриотизмом, изменой и банкротством II Интернационала. Еще с тех пор Турати известен нам не только по имени, но и по пропаганде в итальянской партии и в итальянском рабочем движении, дезорганизатором которого он был в течение 20 лет, истекших с того времени. Недостаток времени лишает меня возможности основательно изучить материалы, касающиеся итальянской партии, но одним из наиболее важных документов я считаю помещенный в одной из буржуазных итальянских газет — не помню уже, в «Stampa»* или в «Coggiere della Sera»** — отчет о конференции Турати и его друзей в Реджио-Эмилия⁹⁹. Я сравнил его с тем, что было опубликовано в «Avanti!»¹⁰⁰. Не является ли это достаточным доказательством? После II конгресса Коммунистического Интернационала, мы, в споре с Сerratи и его друзьями,

* — «Пресса». Ред.

** — «Вечерний Курьер». Ред.

открыто и точно сказали им, какова, по нашему убеждению, ситуация. Мы заявили им, что итальянская партия не может сделаться коммунистической до тех пор, пока она еще терпит в своих рядах таких людей, как Турати.

Что же это — политические факты или опять одни слова? А когда мы, после II конгресса Коммунистического Интернационала, открыто заявили итальянскому пролетариату: «Не вступайте в единение с реформистами, с Турати», — и когда Серрати начал помещать в итальянской печати ряд статей против Коммунистического Интернационала и созвал особое совещание реформистов, — разве все это слова? Это было больше, чем расколом, это было уже созданием новой партии. Надо было быть слепым, чтобы не видеть этого. Документ этот имеет решающее значение для этого вопроса. Все, принимавшие участие в конференции в Реджио-Эмилия, должны быть исключены из партии: они меньшевики, — не русские, но итальянские меньшевики. Лаццари сказал: «Мы знаем психологию итальянского народа». Я лично не решился бы этого утверждать о русском народе, — но это не важно. «Итальянские социалисты хорошо понимают дух итальянского народа», — сказал Лаццари. Возможно, не спору. Но итальянский меньшевизм, если считаться с конкретными данными и с упорным нежеланием его искоренить, им не знаком. Мы вынуждены сказать: необходимо — как это ни печально — подтвердить резолюцию нашего Исполкома. В состав Коммунистического Интернационала не может входить партия, терпящая в своих рядах оппортунистов и реформистов вроде Турати.

«Зачем изменять название партии? — спрашивает т. Лаццари. — Ведь, оно вполне удовлетворительно». Но мы не можем разделять подобный взгляд. Мы знаем историю II Интернационала, его падение и банкротство. Разве нам не известна история германской партии? И разве мы не знаем, что величайшее несчастье рабочего движения в Германии в том, что им не был произведен разрыв еще до войны? Это стоило жизни 20 000 рабочим, выданным шейдемановцами и центристами германскому правительству, благодаря их полемике и жалобам на германских коммунистов.

И разве теперь не ту же самую картину мы видим перед собою в Италии? Итальянская партия никогда не была

истинно революционной. Величайшее несчастье ее в том, что она не порвала с меньшевиками и реформистами еще до войны и что последние продолжали оставаться в партии. Тов. Лаццари говорит: — «Мы вполне признаем необходимость разрыва с реформистами; единственное расхождение заключается только в том, что мы не считали нужным совершить его на Ливорнском съезде»¹⁰¹. Но факты говорят другое. Мы не в первый раз обсуждаем вопрос об итальянском реформизме. В прошлом году, споря об этом с Серрати, мы спросили его: «Извините, но почему раскол в итальянской партии не может быть произведен сейчас же, почему он должен быть отложен?». Что же Серрати ответил нам на это? — Ничего. И, цитируя статью Фроссара, в которой говорится о том, что «необходимо быть ловким и умным», т. Лаццари, очевидно, видит здесь аргумент в свою пользу и против нас. Я думаю, что он ошибается. Наоборот, это превосходный довод в нашу пользу и против т. Лаццари. Когда он вынужден будет объяснить итальянским рабочим свое поведение и свой уход, что скажут последние? Если они признают нашу тактику умной и ловкой по сравнению с зигзагами мнимой коммунистической левой — той левой, которая не всегда является даже просто коммунистической, напоминая гораздо чаще анархизм, — что вы им ответите?

Что значат все рассказы Серрати и его партии о том, будто русские только того и желают, чтобы им подражали? Мы требуем как раз противоположного. Недостаточно знать наизусть коммунистические резолюции и при всяком случае употреблять революционные обороты. Этого мало, и мы заранее против коммунистов, знающих наизусть ту или иную резолюцию. Первым условием истинного коммунизма является разрыв с оппортунизмом. С теми коммунистами, которые подписываются под этим, мы будем говорить вполне свободно и открыто и с полным правом и мужеством мы скажем им: «Не делайте никаких глупостей; будьте умны и искусны». Но так мы будем говорить только с теми коммунистами, которые порвали с оппортунистами, чего о нас еще нельзя сказать. И поэтому, повторяю: я надеюсь, что конгресс утвердит резолюцию Исполнительного комитета. Тов. Лаццари сказал: «Мы находимся в подготовительном периоде». Это сущая правда. Вы находитесь в подготовительном периоде. Первым

этапом этого периода является разрыв с меньшевиками, подобный тому, какой мы сами совершили в 1903 году с нашими меньшевиками. И от того факта, что германская партия не порвала с меньшевиками, страдает весь германский рабочий класс в течение долгого и утомительного послевоенного периода в истории германской революции.

Тов. Лаццари говорит, что итальянская партия переживает подготовительный период. Я это вполне признаю. И первым этапом является серьезный, окончательный, недвусмысленный и решительный разрыв с реформизмом. И тогда масса станет всецело за коммунизм. Второй этап отнюдь не будет заключаться в повторении революционных лозунгов. Он будет заключаться в принятии наших умных и искусных решений, которые всегда будут такими и всегда будут повторять: основные революционные принципы должны быть приспособлены к особенностям разных стран.

Революция в Италии будет протекать иначе, чем в России. Она начнется иным образом. Каким именно? Ни вы, ни мы не знаем этого. Итальянские коммунисты не всегда являются в достаточной мере коммунистами. Во время занятия фабрик в Италии проявил ли себя там хоть один коммунист? Нет, коммунизма не существовало еще тогда в Италии; можно говорить об известном анархизме, но никак не о марксистском коммунизме. Последний только должен быть создан, привит рабочим массам путем опыта революционной борьбы. И первым шагом на этом пути является окончательный разрыв с меньшевиками, которые в течение более 20 лет сотрудничали и работали с буржуазным правительством. Очень может быть, что Модильяни, которого я имел случай наблюдать немного на Циммервальдской и Кинтальской конференциях, достаточно ловкий политик, чтобы не вступать в буржуазное правительство, а оставаться в центре социалистической партии, где он может приносить буржуазии гораздо больше пользы. Но уже вся теоретическая позиция, вся пропаганда, вся агитация группы Турати и его друзей является сотрудничеством с буржуазией. Не доказано ли это многочисленными цитатами, приведенными в речи Дженнари? Да, это тот единый фронт, который уже подготовил Турати. Поэтому, я должен сказать тов. Лаццари: речами, подобными вашей и той, которую держал здесь тов. Серрати,

революция не готовится, а дезорганизуется. (Кри-
ки: «Браво!». Аплодисменты.)

В Ливорно у вас было значительное большинство. У вас было 98 000 голосов против 14 000 реформистских и 58 000 коммунистических. Для начала чисто коммунистического движения в стране, подобной Италии, с ее известными традициями, без достаточной подготовки раскола, указанное число означает для коммунистов большой успех.

Это большая победа, ошутительное доказательство, плюстрпрующее тот факт, что рабочее движение в Италии будет развиваться быстрее, чем наше движение в России, потому что, если вы знаете цифры, относящиеся к нашему движению, то вам известно, что в феврале 1917 года, после падения царизма и во время буржуазной республики, мы составляли еще меньшинство по отношению к меньшевикам. Так было после 15 лет ожесточенной борьбы и расколов. У нас правое крыло не получило развития, и это было не так просто, как вы думаете, говоря о России в пренебрежительном тоне. Безусловно, в Италии развитие пойдет совершенно иначе. После 15 лет борьбы с меньшевиками и после падения царизма, мы начинали работать с гораздо меньшим числом сторонников. У вас — 58 тысяч коммунистически настроенных рабочих против 98 тысяч объединенных центристов, занимающих неопределенную позицию. Это доказательство, это факт, который безусловно должен убедить всех тех, кто не хочет закрывать глаза на массовое движение итальянских рабочих. Все не приходит сразу. Но это уже служит доказательством, что за нами стоят рабочие массы — не старые вожди, не бюрократы, не профессора, не журналисты, — но действительно эксплуатируемый класс, авангард эксплуатируемых. И это показатель той крупной ошибки, которую вы совершили в Ливорно. Это факт. Вы располагали 98 тысячами голосов, но вы предпочли пойти с 14 тысячами реформистов против 58 тысяч коммунистов. Даже если бы эти коммунисты не были действительными коммунистами, если бы они были только сторонниками Бордига, — что неправда, так как Бордига после II конгресса совершенно лояльно заявил, что он отказывается от всякого анархизма и антипарламентаризма, — то вы должны были бы пойти с ними. Что вы сделали? Вы предпочли объединение с 14 тысячами рефор-

мистов и разрыв с 58 тысячами коммунистов, — и это самое лучшее доказательство, что политика Серрати была несчастьем для Италии. Мы никогда не хотели, чтобы Серрати в Италии подражал русской революции. Это было бы глупо. У нас достаточно ума и гибкости, чтобы избежать этой глупости. Но Серрати доказал, что он был неправ в своей политике в Италии. Может быть, он должен был лавировать. Это — то выражение, которое он здесь год тому назад чаще всего повторял. Он говорил: «Мы умеем лавировать, мы не хотим рабского подражания. Это было бы идиотизмом. Мы должны будем лавировать, чтобы вызвать отделение от оппортунизма. Вы, русские, вы не умеете этого делать. Мы, итальянцы, способнее в этом отношении. Мы еще посмотрим». И что же мы увидели? Серрати великолепно лавировал. Он порвал с 58 тысячами коммунистов. А теперь товарищи приезжают сюда и говорят: «Если вы нас оттолкнете, массы запутаются». Нет, товарищи, вы ошибаетесь. Рабочие массы в Италии запутались сейчас, и им пойдет на пользу, если мы им скажем: «Выбирайте, товарищи, выбирайте, итальянские рабочие, между Коммунистическим Интернационалом, который никогда не потребует, чтобы вы рабски подражали русским, и между меньшевиками, которых мы знаем в течение 20 лет и которых мы никогда не потерпим в качестве соседей в подлинном революционном Коммунистическом Интернационале». Вот что мы скажем итальянским рабочим. Результат не подлежит сомнению. Рабочие массы пойдут за нами. (Бурное одобрение.)

3

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ ТАКТИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА
1 ИЮЛЯ

Товарищи, к моему большому сожалению, я должен ограничиться самообороной. (Смех.) Я говорю — к большому сожалению, потому что после ознакомления с речью тов. Террачини и с поправками, внесенными тремя делегациями, мне очень хотелось бы перейти в наступление, ибо против взглядов, которые защищали Террачини и эти 3 делегации, необходимы, собственно говоря, наступательные действия. Если конгресс не будет вести решительного наступления против таких ошибок, против таких «левых» глупостей, то все движение осуждено на гибель. Таково мое глубокое убеждение. Но мы — организованные и дисциплинированные марксисты. Мы не можем удовлетворяться речами против отдельных товарищей. Нам, русским, эти левые фразы уже до тошноты надоели. Мы — люди организации. При выработке наших планов, мы должны идти организованным путем и пытаться найти верную линию. Конечно, ни для кого не секрет, что наши тезисы являются компромиссом. Но почему бы и не так? Среди коммунистов, созывающих уже третий конгресс и выработавших определенные основоположения, — компромиссы, при известных условиях, необходимы. Наши тезисы, предложенные русской делегацией, были изучены и подготовлены самым тщательным образом и явились результатом долгих размышлений и совещаний с различными делегациями. Они имеют своею целью установление основной линии Коммунистического Интернационала и необходимы особенно теперь, после того, как мы не только формально осудили настоящих центристов, но и исключили их из партии. Таковы факты. Я должен взять эти

тезисы под свою защиту. И когда теперь является Террачини и говорит, что мы должны продолжать борьбу против центристов, а потом рассказывает, как эту борьбу собираются вести, то я говорю, что если эти поправки должны означать известное направление, то необходима беспощадная борьба против этого направления, потому что, в противном случае, нет коммунизма и нет Коммунистического Интернационала. Меня удивляет, что ГКРП не подписалась под этими поправками. (Смех.) Ведь, вы послушайте только, что защищает Террачини, и что говорят эти поправки. Они начинаются таким образом: «На 1-ой стр., в 1-ом столбце, на 19-ой строчке следует зачеркнуть: «Большинство...»». Большинство! Это чрезвычайно опасно! (Смех.) Затем дальше: вместо слова «основные положения» следует поставить «цели». Основные положения и цели — две разные вещи: ведь, в целях с нами будут согласны и анархисты, потому что и они стоят за уничтожение эксплуатации и классовых различий.

В своей жизни я встречался и разговаривал с немногими анархистами, но все же видел их достаточно. Мне подчас удавалось сговариваться с ними насчет целей, но никогда по части принципов. Принципы — это не цель, не программа, не тактика и не теория. Тактика и теория — это не принципы. Что отличает нас от анархистов в смысле принципов? Принципы коммунизма заключаются в установлении диктатуры пролетариата и в применении государственного принуждения в переходный период. Таковы принципы коммунизма, но это не его цель. И товарищи, внесшие такое предложение, совершили ошибку.

Во-вторых, там сказано: «Следует зачеркнуть слово «большинство»». Прочтите все:

«III конгресс Коммунистического Интернационала приступает к пересмотру вопросов тактики в условиях, когда в целом ряде стран объективное положение обострилось в революционном смысле, и когда организовался целый ряд коммунистических массовых партий, нигде, впрочем, не взявших в свои руки фактического руководства большинством рабочего класса в их действительной революционной борьбе».

И вот хотят слово «большинство» зачеркнуть. Если мы не можем договориться о таких простых вещах, то я не понимаю, как можем мы работать вместе и вести пролетариат к победе. Тогда нечего удивляться, что мы не можем

прийти к соглашению и по вопросу о принципах. Укажите мне такую партию, которая бы уже овладела большинством рабочего класса. Террачини и не подумал о том, чтобы привести какой-нибудь пример. Да такого примера и не существует.

Итак: вместо «принципов», поставить слово «цели», а слово «большинство» вычеркнуть. Благодарю покорно! Мы на это не пойдем. Даже германская партия — одна из лучших — и та не имеет за собою большинства рабочего класса. Это — факт. Мы, стоящие перед самой тяжелой борьбой, не боимся сказать эту правду, а вот здесь есть три делегации, желающие начать с неправды, потому что если конгресс зачеркнет слово «большинство», то этим он покажет, что хочет неправды. Это совершенно ясно.

Затем идет такая поправка: «На стр. 4-ой, в столбце 1-ом, в строке 10-ой, слова «Открытое письмо» и т. д. «следует вычеркнуть»». Я уже слышал сегодня одну речь, в которой нашел ту же мысль. Но там это было вполне естественно. То была речь тов. Гемпеля, члена ГКРП. Он сказал: «Открытое письмо было актом оппортунизма». К моему величайшему сожалению и глубокому стыду, я уже слышал подобные взгляды частным образом. Но когда на конгрессе, после столь продолжительных прений, «Открытое письмо» объявляется оппортунистическим, — это стыд и позор! И вот является тов. Террачини, от имени трех делегаций, и хочет вычеркнуть слово «Открытое письмо». К чему же тогда борьба против ГКРП? «Открытое письмо» является образцовым политическим шагом. Так сказано в наших тезисах. И мы должны это безусловно отстаивать. Оно является образцовым, как первый акт практического метода привлечения большинства рабочего класса. Тот, кто не понимает, что в Европе, — где почти все пролетарии организованы, — мы должны завоевать большинство рабочего класса, тот потерял для коммунистического движения, тот никогда ничему не научится, если он в течение трех лет великой революции этому еще не научился.

Террачини говорит, что в России мы победили, хотя партия была очень мала. Он недоволен, что по отношению к Чехословакии сказано то, что говорится в тезисах. Здесь 27 поправок, и, если бы я вздумал их критиковать, мне пришлось бы, подобно некоторым ораторам, проговорить

не менее трех часов... Здесь заявили, что в Чехословакии коммунистическая партия насчитывает от 300 до 400 тысяч членов, что необходимо привлечь большинство, создать непобедимую силу и продолжать привлечение новых рабочих масс. Террачини уже готов к нападению. Он говорит: если в партии уже есть 400 тысяч рабочих, то зачем нам еще? Вычеркнуть! (Сме х.) Он боится слова «массы» и хочет его вытравить. Тов. Террачини немного понял в русской революции.

Мы были в России маленькой партией, но с нами было, помимо того, и большинство Советов рабочих и крестьянских депутатов всей страны. (Возглас: «Верно!».) Где это у вас? С нами была почти что половина армии, в которой тогда числилось, по меньшей мере, 10 миллионов человек. Разве за вами большинство армии? Укажите мне такую страну! Если эти взгляды тов. Террачини разделяются еще тремя делегациями, тогда в Интернационале не все в порядке! Тогда мы должны сказать: «Стой! Решительная борьба! Иначе Коммунистический Интернационал погиб».

На основании имеющегося у меня опыта, я должен сказать, хотя и занимаю оборонительную позицию (сме х), — что целью моей речи и принципом ее является защита резолюции и тезисов, предложенных нашей делегацией. Конечно, было бы педантизмом сказать, что в них нельзя изменять ни одной буквы. Мне пришлось прочитать не мало резолюций и мне хорошо известно, что в каждую строку там можно бы внести прекрасные поправки. Но это было бы педантизмом. Если же я теперь, все-таки, заявляю, что в политическом смысле не может быть изменена ни одна буква, то это потому, что поправки носят, как я вижу, совершенно определенный политический характер, потому, что они ведут на путь, вредный и опасный для Коммунистического Интернационала. Поэтому, и я, и все мы, и русская делегация должны настаивать на том, чтобы не изменять в тезисах ни одной буквы. Мы не только осудили наши правые элементы, — мы их изгнали. Но если из борьбы против правых устраивают спорт, как Террачини, то мы должны сказать: «Довольно! Иначе опасность станет слишком серьезной!».

Террачини защищал теорию наступательной борьбы. Пресловутые поправки предлагают по этому поводу

формулу длиною в две-три страницы. Нам нет нужды их читать. Мы знаем, что там написано. Террачини сказал совершенно ясно, о чем идет речь. Он защищал теорию наступления, указывая на «динамические тенденции» и на «переход от пассивности к активности». Мы, в России, имеем уже достаточный политический опыт борьбы против центристов. Еще 15 лет тому назад, мы вели борьбу против наших оппортунистов и центристов, а также против меньшевиков, и мы одержали победу не только над меньшевиками, но и над полуанархистами.

Если бы мы этого не сделали, то были бы не в состоянии удержать власть в своих руках не только в течение трех с половиной лет, но и трех с половиной недель, и не могли бы созывать здесь коммунистические конгрессы. «Динамические тенденции», «переход от пассивности к активности» — все это фразы, которые пускали в ход против нас левые эсеры. Теперь они сидят в тюрьмах, защищают там «цели коммунизма» и думают о «переходе от пассивности к активности». (Смех.) Так аргументировать, как это делается в предложенных поправках, — невозможно, потому что в них нет ни марксизма, ни политического опыта, ни аргументации. Разве мы, в наших тезисах, развивали общую теорию революционного наступления? Разве Радек или кто-нибудь другой из нас совершил подобную глупость? Мы говорили о теории наступления по отношению к вполне определенной стране и к вполне определенному периоду.

Мы можем из нашей борьбы против меньшевиков привести случаи, показывающие, что еще перед первой революцией встречались лица, сомневавшиеся в том, что революционная партия должна вести наступление. Если у какого-либо социал-демократа, — тогда мы все так назывались, — появлялись такие сомнения, мы вступали с ним в борьбу и говорили, что он оппортунист, что он ничего не понимает в марксизме и в диалектике революционной партии. Разве партия может спорить о том, допустимо ли, вообще, революционное наступление? У нас, для того, чтобы найти такие примеры, придется вернуться лет на пятнадцать назад. Если имеется такой центрист или замаскированный центрист, который оспаривает теорию наступления, то надо немедленно исключать таких людей. Этот вопрос не может возбуждать споров. Но тот

факт, что мы еще теперь, после трехлетнего существования Коммунистического Интернационала, спорим о «динамических тенденциях», о «переходе от пассивности к активности», — стыд и позор.

У нас нет об этом спора с тов. Радеком, выработавшим совместно с нами эти тезисы. Может быть, было не совсем правильным начинать в Германии разговоры о теории революционного наступления, после того, как действительное наступление не было подготовлено. Все же мартовское выступление является большим шагом вперед, несмотря на ошибки его руководителей. Но это ничего не значит. Сотни тысяч рабочих героически боролись. Как бы мужественно ГКРП ни боролась с буржуазией, мы должны сказать то же, что сказал тов. Радек в одной русской статье относительно Гельца. Если кто-нибудь, хотя бы апархист, героически борется с буржуазией, то это, конечно, большое дело, но если сотни тысяч борются с гнусной провокацией социал-предателей и буржуазией, то это настоящий шаг вперед.

Очень важно относиться критически к своим ошибкам. Мы с этого начали. Если кто-либо после борьбы, в которой участвовали сотни тысяч, выступает против этой борьбы и поступает так, как Леви, то его нужно исключить. Это и было сделано. Но мы должны отсюда вынести урок: разве мы подготовили наступление? (Радек: «Мы не подготовили и обороны».) Да, о наступлении была речь только в газетных статьях. Эта теория в применении к мартовскому выступлению в Германии в 1921 году была неверна, — мы должны в этом сознаться; — но, вообще-то, теория революционного наступления отнюдь не является ложной.

Мы победили в России, и притом с такою легкостью, потому, что подготовили нашу революцию во время империалистической войны. Это — первое условие. Десять миллионов рабочих и крестьян были у нас вооружены, и нашим лозунгом был: немедленный мир, во что бы то ни стало. Мы победили потому, что широчайшие крестьянские массы были настроены революционно против крупных помещиков. Социалисты-революционеры, сторонники 2-го и 2¹/₂-го Интернационалов, были в ноябре 1917 г. большой крестьянской партией. Они требовали революционных средств, но, как настоящие герои 2-го и 2¹/₂-го Интернационалов, не имели достаточно мужества, чтобы действовать

революционно. В августе и сентябре 1917 года мы говорили: «Теоретически мы боремся с эсерами, как и прежде, но практически мы готовы принять их программу, потому что только мы можем осуществить эту программу». Как мы сказали, так мы и сделали. Крестьянство, настроенное против нас в ноябре 1917 года, после нашей победы, и пославшее большинство социалистов-революционеров в Учредительное собрание, было нами завоевано, если не в течение нескольких дней, — как я ошибочно предполагал и предсказывал, то, во всяком случае, в течение нескольких недель. Разница была невелика. Укажите мне в Европе страну, где вы могли бы привлечь на свою сторону большинство крестьянства в течение нескольких недель? Может быть Италия? (Смех.) Если говорят, что мы победили в России, несмотря на то, что у нас была небольшая партия, то этим только доказывают, что русскую революцию не поняли и что совершенно не понимают, как нужно готовить революцию.

Первым нашим шагом было создание настоящей коммунистической партии, чтобы знать, с кем мы разговариваем и к кому мы можем иметь полное доверие. Лозунгом I и II конгрессов было: «Долой центристов!». Если мы по всей линии и во всем мире не разделаемся с центристами и полуцентристами, которых мы в России называем меньшевками, тогда нам недоступна даже азбука коммунизма. Нашей первой задачей является создание истинно-революционной партии и разрыв с меньшевиками. Но это только подготовительная школа. Мы созываем уже III конгресс, а тов. Террачини твердит попрежнему, что задача подготовительной школы заключается в том, чтобы гнать, преследовать и разоблачать центристов и полуцентристов. Благодарю покорно! Мы этим уже достаточно занимались. Мы сказали уже на II конгрессе, что центристы являются нашими врагами. Но, ведь, нужно же идти вперед. Вторая ступень будет заключаться в том, чтобы, организовавшись в партию, научиться готовить революцию. Во многих странах мы не научились даже тому, как овладевать руководством. Мы победили в России потому, что на нашей стороне было не только бесспорное большинство рабочего класса (во время выборов в 1917 году с нами было подавляющее большинство рабочих против меньшевиков), но и потому, что половина армии, непосредственно после

захвата нами власти, и $9/10$ крестьянской массы, в течение нескольких недель, перешли на нашу сторону; мы победили потому, что приняли не нашу аграрную программу, а эсеровскую и осуществили ее на практике. Наша победа в том и заключалась, что мы осуществили эсеровскую программу; вот почему эта победа была так легка. Разве у вас, на Западе, могут быть подобные иллюзии? Смешно! Сравните же конкретные экономические условия, тов. Террачини и все вы, подписавшие предложение о поправках! Несмотря на то, что большинство так быстро очутилось на нашей стороне, трудности, вставшие перед нами после победы, были очень велики. Мы все же пробились, потому что не забывали не только наши цели, но и наши принципы, и не терпели в нашей партии лиц, молчавших о принципах и говоривших о целях, «динамических тенденциях» и «переходе от пассивности к активности». Быть может, нас обвинят в том, что мы таких господ предпочитаем держать в тюрьме. Но иначе невозможна диктатура. Мы должны подготовить диктатуру, а это состоит в борьбе против подобных фраз и подобных поправок. (Смех.) Повсюду в наших тезисах говорится о массе. Но, товарищи, нужно ведь понимать, что такое масса. ГКРП, товарищи слева, слишком злоупотребляет этим словом. Но и тов. Террачини и все те, кто подписался под этими поправками, тоже не знают, что нужно понимать под словом «масса».

Я уж и так говорю слишком долго; мне хотелось бы, поэтому, лишь сказать несколько слов о понятии «массы». Понятие «массы» — изменчиво, соответственно изменению характера борьбы. В начале борьбы достаточно было нескольких тысяч настоящих революционных рабочих, чтобы можно было говорить о массе. Если партии удастся вовлечь в борьбу не только своих членов, если ей удастся встряхнуть и беспартийных, то это уже является началом завоевания масс. Во время наших революций бывали случаи, когда несколько тысяч рабочих представляли собой массу. В истории нашего движения, в истории нашей борьбы против меньшевиков, вы найдете много таких примеров, когда в одном городе было достаточно нескольких тысяч рабочих, чтобы сделать явным массовый характер движения. Если несколько тысяч беспартийных рабочих, обычно живущих обывательской жизнью и влачащих жалкое существование, никогда ничего не слыжавших

о политике, начинают действовать революционно, то перед вами масса. Если движение распространяется и усиливается, оно постепенно переходит в настоящую революцию. Мы это видели в 1905 и 1917 годах, во время трех революций, и вам также еще придется убедиться в этом. Когда революция уже достаточно подготовлена, понятие «массы» становится другим: несколько тысяч рабочих уже не составляют массу. Это слово начинает означать нечто другое. Понятие массы изменяется в том смысле, что под ним разумеют большинство, и притом не простое лишь большинство рабочих, а большинство всех эксплуатируемых; другого рода понимание недопустимо для революционера, всякий другой смысл этого слова становится непонятным. Возможно, что и маленькая партия, например, английская или американская, хорошо изучивши ход политического развития и ознакомившись с жизнью и привычками беспартийных масс, вызовет в благоприятный момент революционное движение (тов. Радек, в качестве хорошего примера, указал на забастовку горнорабочих). Если такая партия выступит в такой момент со своими лозунгами и достигнет того, что за ней последуют миллионы рабочих, то перед вами массовое движение. Я не отвергаю безусловно того, что революция может быть начата и весьма малой партией и доведена до победного конца. Но надо знать, какими методами привлекать на свою сторону массы. Для этого необходима основательная подготовка революции. Но вот товарищи выступают с заявлением: немедленно отказаться от требования «больших» масс. Необходимо объявить борьбу таким товарищам. Без основательной подготовки вы ни в одной стране не добьетесь победы. Достаточно совсем маленькой партии, чтобы повести за собою массы. В известные моменты нет необходимости в больших организациях.

Но для победы надо иметь сочувствие масс. Не всегда необходимо абсолютное большинство; но для победы, для удержания власти, необходимо не только большинство рабочего класса, — я употребляю здесь термин «рабочий класс» в западноевропейском смысле, т. е. в смысле промышленного пролетариата, — но и большинство эксплуатируемых и трудящихся сельского населения. Подумали ли вы об этом? Находим ли мы в речи Террачини хотя бы намек на подобную мысль? В ней говорится лишь о «дина-

мической тенденции», о «переходе от пассивности к активности». Касается ли он, хотя бы одним словом, продовольственного вопроса? А между тем рабочие требуют пропитания, хотя они и могут многое переносить и голодать, как мы это видели, до известной степени, в России. Мы должны, поэтому, привлечь на свою сторону не только большинство рабочего класса, но и большинство трудящегося и эксплуатируемого сельского населения. Подготовили ли вы это? Почти нигде.

Итак, я повторяю: я должен безусловно защищать наши тезисы, и эту защиту считаю для себя обязательной. Мы не только осудили центристов, но и изгнали их из партии. Теперь мы должны обратиться против другой стороны, которую тоже считаем опасной. Мы должны сказать товарищам правду в самой вежливой форме (и в наших тезисах это сказано любезно и учтиво), так, чтобы никто не почувствовал себя оскорбленным: перед нами стоят сейчас иные, более важные, чем травля центристов, вопросы. Этого вопроса с нас хватит. Он уже немного надоел. Вместо этого товарищи должны были бы научиться вести настоящую революционную борьбу. Германские рабочие уже приступили к этому. Сотни тысяч пролетариев геройски сражались в этой стране. Всякого, выступающего против этой борьбы, необходимо немедленно исключить. Но после этого не следует заниматься пустым разглагольствованием, а необходимо немедленно же начать учиться, учиться на совершенных ошибках тому, как лучше организовать борьбу. Мы не должны скрывать наши ошибки перед врагом. Кто этого боится, тот не революционер. Наоборот, если мы открыто заявим рабочим: «Да, мы совершили ошибки», то это значит, что впредь они не будут повторяться, и что мы лучше сумеем выбрать момент. Если же во время самой борьбы на нашей стороне окажется большинство трудящихся, — не только большинство рабочих, но большинство всех эксплуатируемых и угнетенных, — тогда мы, действительно, победим. (Продолжительные бурные аплодисменты.)

4

ДОКЛАД О ТАКТИКЕ РКП
5 ИЮЛЯ

Товарищи, собственно говоря, я не имел возможности подготовиться как следует к настоящему докладу. Перевод моей брошюры о продналоге и тезисы о тактике Российской коммунистической партии — вот все, что я мог систематически подготовить. К этому материалу я хочу лишь присоединить несколько пояснений и замечаний.

Для обоснования тактики нашей партии, надо, как мне кажется, начать с освещения международного положения. Мы уже подробно обсудили экономическое положение капитализма в международном масштабе, и конгресс уже принял по этому поводу определенные резолюции. Я очень кратко касаюсь этого вопроса в моих тезисах и исключительно с политической точки зрения. Я не затрагиваю экономической основы, но я думаю, что в международном положении нашей республики политически приходится считаться с тем фактом, что теперь бесспорно наступило известное равновесие сил, которые вели между собой открытую борьбу, с оружием в руках, за господство того или другого руководящего класса, — равновесие между буржуазным обществом, международной буржуазией в целом, с одной стороны, и Советской Россией — с другой. Но, конечно, равновесие лишь в ограниченном смысле. Только в отношении этой военной борьбы я утверждаю, что наступило известное равновесие в международном положении. Конечно, необходимо подчеркнуть, что речь идет только об относительном равновесии, о весьма неустойчивом равновесии. В капиталистических государствах накопилось много горючего материала, точно так же, как и в тех странах, которые до сих пор рассматрива-

лись лишь как объекты, а не субъекты истории, — т. е. в колониальных и полуколониальных; вполне возможно поэтому, что в этих странах, рано или поздно, и совершенно неожиданно, вспыхнут восстания, великие бои и революции. За последние годы мы видели прямую борьбу международной буржуазии против первой пролетарской республики. Эта борьба была в центре всего мирового политического положения, и именно тут теперь произошло изменение. Поскольку попытка международной буржуазии удушить нашу республику не удалась, постольку наступило равновесие, — разумеется, весьма неустойчивое.

Конечно, мы прекрасно понимаем, что международная буржуазия сейчас гораздо сильнее нашей республики и что только своеобразное сочетание условий препятствует ей продолжать войну против нас. Уже в течение последних недель мы могли снова наблюдать на Дальнем Востоке попытку возобновить нашествие, и не подлежит никакому сомнению, что подобные попытки будут продолжаться и далее. На этот счет в нашей партии нет никаких сомнений. Для нас важно установить, что существует неустойчивое равновесие, и что мы должны использовать эту передышку, принимая во внимание характерные признаки настоящего положения, применяя нашу тактику к особенностям этого положения и не забывая ни на одну минуту, что внезапно снова может возникнуть необходимость вооруженной борьбы. Организация Красной Армии, ее усиление остаются, попрежнему, нашей задачей. И в отношении продовольственного вопроса мы должны попрежнему и в первую очередь думать о нашей Красной Армии. В данном международном положении, когда мы все еще должны ждать новых нападений и новых попыток нашествия международной буржуазии, мы не можем вступить на другой путь. В отношении же нашей практической политики, тот факт, что в международном положении наступило некоторое равновесие, имеет известное значение, но только в том смысле, что мы должны признать, что революционное движение, правда, подвинулось вперед, но что развитие международной революции в этом году не пошло так прямолинейно, как мы этого ожидали.

Когда мы начинали, в свое время, международную революцию, мы делали это не из убеждения, что можем предотвратить ее развитие, но потому, что целый ряд обстоятельств

побуждал нас начать эту революцию. Мы думали: либо международная революция придет нам на помощь, и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать нашу скромную революционную работу в сознании, что, в случае поражения, мы все же послужим делу революции, и что наш опыт пойдет на пользу другим революциям. Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна. Еще до революции, а также и после нее, мы думали: или сейчас же, или, по крайней мере, очень быстро, наступит революция в остальных странах, капиталистически более развитых, или, в противном случае, мы должны погибнуть. Несмотря на это сознание, мы делали все, чтобы при всех обстоятельствах и во что бы то ни стало сохранить советскую систему, так как знали, что работаем не только для себя, но и для международной революции. Мы это знали, мы неоднократно выражали это убеждение до Октябрьской революции, точно так же как и непосредственно после нее и во время заключения Брест-Литовского мира. И это было, говоря вообще, правильно.

Но в действительности движение шло не так прямолинейно, как мы этого ожидали. В других крупных, капиталистически наиболее развитых, странах революция еще до сих пор не наступила. Правда, революция развивается — мы с удовлетворением можем это установить — во всем мире, и только благодаря этому обстоятельству международная буржуазия, хотя она в экономическом и военном отношении в сто раз сильнее нас, не в состоянии нас задуть. (А плоды смента.)

Я рассматриваю в § 2 тезисов, каким образом создалось такое положение и какие выводы мы должны из него сделать. Я еще прибавлю, что окончательный вывод, который я из него делаю, следующий: развитие международной революции, которую мы предсказывали, идет вперед. Но это поступательное движение не такое прямолинейное, как мы ожидали. С первого взгляда ясно, что в других капиталистических странах, после заключения мира, как бы плох он ни был, вызвать революцию не удалось, хотя революционные симптомы, как мы знаем, были очень значительны и многочисленны, — даже гораздо значительнее и многочисленнее, чем мы думали. Сейчас начинают появляться брошюры, которые нам рассказывают,

что за последние годы и месяцы эти революционные симптомы были в Европе гораздо серьезнее, чем мы подозревали. Что же мы должны теперь делать? Сейчас необходима основательная подготовка революции и глубокое изучение конкретного ее развития в передовых капиталистических странах. Это первый урок, который мы должны вывести из международного положения. Для нашей Российской республики мы должны использовать эту краткую передышку для того, чтобы приспособить нашу тактику к этой зигзагообразной линии истории. Политически это равновесие очень важно, потому что мы ясно видим, что именно во многих западноевропейских странах, где широкие массы рабочего класса, а весьма вероятно и громадное большинство населения, организованы, главную опору буржуазии составляют как раз враждебные организации рабочего класса, примыкающие ко 2-му и 2^{1/2}-му Интернационалам. Я говорю об этом в § 2 тезисов и думаю, что здесь мне следует коснуться только двух пунктов, которые были уже освещены в наших прениях по вопросу о тактике. Во-первых: завоевание большинства пролетариата. Чем организованнее пролетариат в капиталистически развитой стране, тем больше основательности требует от нас история в деле подготовки революции и с тем большей основательностью мы должны завоевывать большинство рабочего класса. Во-вторых: главной опорой капитализма в промышленно-развитых капиталистических странах является как раз часть рабочего класса, организованная во 2-ом и 2^{1/2}-ом Интернационалах. Если бы она не опиралась на эту часть рабочих, на эти контрреволюционные элементы внутри рабочего класса, международная буржуазия была бы совершенно не в состоянии удержаться.

Я хотел бы также подчеркнуть здесь значение движения в колониях. В этом отношении мы видим во всех старых партиях, во всех буржуазных и мелкобуржуазных рабочих партиях 2-го и 2^{1/2}-го Интернационалов остатки старых сентиментальных воззрений: они, де, полны сочувствия к угнетенным колониальным и полуколониальным народам. Движение в колониальных странах все еще рассматривается, как незначительное национальное и совершенно мирное движение. Но это не так. С начала XX столетия в этом отношении произошли большие изменения, а именно: миллионы и сотни миллионов, —

фактически громаднейшее большинство населения земного шара, — сейчас выступают, как самостоятельные активные революционные факторы. И совершенно ясно, что в грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо большую революционную роль, чем мы ожидаем. Важно подчеркнуть, что мы, в первый раз в нашем Интернационале, подошли к подготовке этой борьбы. Конечно, в этой громадной области затруднений гораздо больше, но, во всяком случае, движение идет вперед, и массы трудящихся, крестьяне колониальных стран, несмотря на то, что они сейчас еще отстали, сыграют очень большую революционную роль в последующих фазах мировой революции. (О живленное одобрение.)

Что касается внутреннего политического положения нашей республики, то я должен начать с точного рассмотрения классовых отношений. За последние месяцы тут произошло изменение, поскольку мы наблюдаем образование новых направленных против нас организаций эксплуатирующего класса. Задача социализма состоит в том, чтобы уничтожить классы. В первых рядах класса эксплуататоров стоят крупные землевладельцы и капиталисты-промышленники. Здесь работа разрушения довольно легка и может быть доведена до конца в несколько месяцев, а иногда даже в несколько недель или дней. Мы в России экспроприровали наших эксплуататоров, крупных землевладельцев, точно так же, как и капиталистов. Во время войны у них не было своей собственной организации, и они действовали лишь как прихвостни военных сил международной буржуазии. Теперь, после того, как мы отразили наступление международной контрреволюции, образовалась заграничная организация русской буржуазии и всех русских контрреволюционных партий. Можно считать число русских эмигрантов, которые рассеялись по всем заграничным странам, в полтора или два миллиона. Почти в каждой стране они выпускают ежедневные газеты, и все партии, помещичьи и мелкобуржуазные, не исключая и социалистов-революционеров и меньшевиков, имеют многочисленные связи с иностранными буржуазными эле-

ментами, т. е. получают достаточно денег, чтобы иметь свою печать; мы можем наблюдать за границей совместную работу всех без исключения наших прежних политических партий, и мы видим, как «свободная» русская печать за границей, начиная с социалистов-революционеров и меньшевиков и кончая реакционнейшими монархистами, защищает крупное землевладение. Это, до известной степени, облегчает нашу задачу, потому что мы легче можем обозревать силы врага, его организованность и политические течения в его лагере. С другой стороны, это, конечно, затрудняет нашу работу, потому что эти русские контрреволюционные эмигранты пользуются всеми средствами для подготовки борьбы против нас. Эта борьба снова доказывает, что в общем и целом классовый инстинкт и классовое сознание господствующих классов стоят все еще выше самосознания угнетенных классов, несмотря на то, что русская революция в этом отношении сделала больше, чем все прежние революции. В России нет ни одной деревни, где бы народ, где бы угнетенные не подверглись встряске. Несмотря на это, если мы хладнокровно оценим организованность и политическую ясность взглядов живущей за границей русской контрреволюционной эмиграции, мы убедимся, что классовое сознание буржуазии все еще выше классового сознания эксплуатируемых и угнетенных. Эти люди делают всевозможные попытки, они ловко пользуются каждым случаем, чтобы, в той или иной форме, напасть на Советскую Россию и раздробить ее. Было бы весьма поучительно, — и я думаю, что иностранные товарищи это сделают, — систематически проследить за важнейшими стремлениями, за важнейшими тактическими приемами, за важнейшими течениями этой русской контрреволюции. Она работает, главным образом, за границей, и иностранным товарищам будет не особенно трудно проследить за этим движением. В некоторых отношениях мы должны учиться у этого врага. Эти контрреволюционные эмигранты очень осведомлены, великолепно организованы, хорошие стратеги, и я думаю, что систематическое сравнение, систематическое изучение того, как они организуются и как пользуются тем или иным случаем, может оказать сильное воздействие на рабочий класс с точки зрения пропаганды. Это не общая теория, это — практическая политика, и здесь видно, чему враг научился.

Русская буржуазия за последние годы потерпела страшное поражение. Существует старое крылатое слово о том, что разбитая армия многому научается. Разбитая реакционная армия многому научилась, прекрасно научилась. Она учится с величайшею жадностью, и она действительно добилась больших успехов. В то время, когда мы одним натиском взяли власть, русская буржуазия была неорганизована, политически неразвита. Теперь, я думаю, она стоит на высоте современного западноевропейского развития. Мы должны считаться с этим, должны улучшать наши собственные организации и методы, и мы будем добиваться этого всеми силами. Нам было сравнительно легко, и я думаю, что и для других революций будет также легко справиться с этими двумя эксплуататорскими классами.

Но кроме этого класса эксплуататоров, почти во всех капиталистических странах, — может быть, за исключением Англии, — существует класс мелких производителей и мелких земледельцев. Главный вопрос революции заключается теперь в борьбе против этих двух последних классов. Чтобы освободиться от них, необходимо применять другие методы, чем в борьбе против крупных землевладельцев и капиталистов. Оба последние класса мы могли просто экспроприровать и прогнать, — что мы и сделали. Но с последними капиталистическими классами, с мелкими производителями и с мелкими буржуа, которые существуют во всех странах, мы не можем поступить подобным образом. В большинстве капиталистических стран эти классы представляют очень сильное меньшинство, приблизительно от 30 до 45% населения. Если мы присоединим к ним мелкобуржуазный элемент рабочего класса, то выйдет даже больше 50%. Их нельзя экспроприровать или прогнать, — здесь борьба должна вестись иначе. Значение периода, который начинается сейчас в России, с международной точки зрения, — если рассматривать международную революцию, как единый процесс, — состоит по существу в том, что мы практически должны разрешить вопрос об отношениях пролетариата к последнему капиталистическому классу в России. Теоретически все марксисты хорошо и легко разрешали этот вопрос; но теория и практика — две вещи разные, и разрешать этот вопрос практически или теоретически совсем не одно и то же. Мы

определенно знаем, что делали большие ошибки. С международной точки зрения представляет громадный прогресс, что мы стремимся определить отношение держащего в своих руках государственную власть пролетариата к последнему капиталистическому классу, к глубочайшей основе капитализма, к мелкой собственности, к мелкому производителю. Этот вопрос сейчас практически встал перед нами. Я думаю, что мы сможем разрешить эту задачу. Во всяком случае, опыт, который мы проделываем, будет полезен для грядущих пролетарских революций, и они сумеют технически лучше подготовиться к разрешению этого вопроса.

Я пытался проанализировать в моих тезисах вопрос об отношениях пролетариата к крестьянству. Впервые в истории существует государство, в котором есть только эти два класса, только пролетариат и крестьянство. Последнее образует громадное большинство населения. Оно, конечно, очень отстало. Как выражается практически в развитии революции отношение пролетариата, держащего в своих руках власть, к крестьянству? Первая форма — союз, тесный союз. Это очень трудная задача, но, во всяком случае, экономически и политически возможная.

Как практически подошли мы к этому вопросу? Мы заключили союз с крестьянством. Мы понимаем этот союз так: пролетариат освобождает крестьянство от эксплуатации буржуазии, от ее руководства и влияния и привлекает его к себе, чтобы совместно победить эксплуататоров.

Меньшевики рассуждают так: крестьянство составляет большинство, мы — чистые демократы, а потому большинство должно решать. Но так как крестьянство не может быть самостоятельным, то практически это означаст не что иное, как восстановление капитализма. Лозунг тот же самый: союз с крестьянами. Когда мы об этом говорим, мы понимаем под этим усиление и укрепление пролетариата. Мы пытались осуществить этот союз между пролетариатом и крестьянством, причем первым этапом был военный союз. Трехлетняя гражданская война создала огромные затруднения, но она, в известном отношении, облегчила нашу задачу. Это, может быть, звучит странно, но это так. Война не явилась чем-то новым для крестьян;

война против эксплуататоров, против крупных землевладельцев была им вполне понятна. Громадные массы крестьян были за нас. Несмотря на огромные расстояния, несмотря на то, что большинство наших крестьян не умеет ни читать, ни писать, наша пропаганда воспринималась ими очень легко. Это является доказательством того, что широкие массы — как и в наиболее передовых странах — гораздо легче учатся на своем собственном практическом опыте, чем из книг. У нас же практический опыт для крестьянства был облегчен еще тем, что Россия так исключительно велика и что различные части ее могли в одно и то же время переживать различные стадии развития.

В Сибири и на Украине контрреволюция могла временно побеждать, потому что буржуазия имела там за собой крестьянство, потому что крестьяне были против нас. Крестьяне нередко заявляли: «Мы большевики, но не коммунисты. Мы — за большевиков, потому что они прогнали помещиков, но мы не за коммунистов, потому что они против индивидуального хозяйства». И некоторое время контрреволюция могла побеждать в Сибири и на Украине, потому что буржуазия имела успех в борьбе за влияние среди крестьян; но достаточно было очень непродолжительного периода, чтобы открыть крестьянам глаза. В короткое время они накопили практический опыт и вскоре сказали: «Да, большевики довольно неприятные люди; мы их не любим, но все же они лучше, чем белогвардейцы и Учредительное собрание». Учредилка у них ругательное слово. Не только у развитых коммунистов, но и у крестьян. Они знают из практической жизни, что Учредительное собрание и белая гвардия означают одно и то же, что вслед за первым неминуемо приходит вторая. Меньшевики также используют факт военного союза с крестьянством, но не думают о том, что одного этого союза недостаточно. Военный союз не может существовать без экономического. Мы живем, ведь, не одним воздухом; наш союз с крестьянами никоим образом не мог бы продержаться продолжительное время без экономического фундамента, явившегося основой нашей победы в войне против нашей буржуазии: ведь, наша буржуазия объединилась со всей международной.

Основа этого экономического союза между нами и крестьянством была, конечно, очень простой, даже грубой.

Крестьянин получил от нас всю землю и поддержку против крупного землевладения. Мы должны были получить за это продовольствие. Этот союз был чем-то совершенно новым и покоился не на обычных взаимоотношениях между товаропроизводителями и потребителями. Наши крестьяне понимали это гораздо лучше, чем герои 2-го и 2¹/₂-го Интернационалов. Они говорили себе: «Эти большевики — суровые вожди, но все же это наши люди». Как бы то ни было, мы создали, таким образом, основы нового экономического союза. Крестьяне давали Красной Армии свои продукты и получали от нее поддержку при защите своих владений. Это всегда забывают герои 2-го Интернационала, которые, подобно Отто Бауэру, совершенно не понимают настоящей обстановки. Мы сознаемся, что первоначальная форма союза была очень примитивна и что мы допустили очень много ошибок. Но мы должны были действовать возможно скорее, мы должны были во что бы то ни стало организовать снабжение армии. Во время гражданской войны мы были отрезаны от всех хлебных местностей России. Наше положение было ужасно, и кажется почти чудом, что русский народ и рабочий класс могли перенести столько страданий, нужды и лишений, не имея ничего, кроме неустанного стремления к победе. (О живленное одобрение и аплодисменты.)

По окончании гражданской войны наша задача стала, во всяком случае, иная. Если бы страна не была до такой степени разорена, как это было после семи лет непрерывной войны, то был бы, пожалуй, возможен более легкий переход к новой форме союза между пролетариатом и крестьянством. Но и без того тяжелые условия в стране осложнялись еще неурожаем, недостатком фуража и т. д. Лишения крестьян стали вследствие этого невыносимыми. Мы должны были немедленно показать широким массам крестьянства, что мы готовы, безусловно не сходя с революционного пути, изменить нашу политику в том смысле, что крестьяне смогут сказать себе: большевики хотят немедленно и во что бы то ни стало улучшить наше невыносимое положение.

Таким образом, произошло изменение нашей экономической политики: на место реквизиции явился натуральный налог. Это было придумано не сразу. В большевистской печати вы можете найти, на протяжении месяцев,

ряд предложений, но проект, действительно обещавший успех, не был придуман. Но это не важно. Важен факт, что изменение нашей экономической политики мы провели, повинувшись исключительно практическим обстоятельствам и вытекавшей из положения необходимости. Неурожай, недостаток фуража, нехватка топлива, — все это имеет, разумеется, решающее влияние на хозяйство в целом, в том числе и на крестьянское. Если крестьянство забастует, то мы не получим дров. А если мы не получим дров, то фабрики вынуждены будут стать. Экономический кризис, вследствие огромного неурожая и недостатка фуража, принял, таким образом, весной 1921 года гигантские размеры. Все это было последствием трехлетней гражданской войны. Надлежало показать крестьянству, что мы можем и хотим быстро изменить нашу политику, чтобы несмеленно облегчить его нужду. Мы постоянно говорим, — на II конгрессе об этом то же говорилось, — что революция требует жертв. Есть товарищи, аргументирующие в своей пропаганде следующим образом: мы готовы произвести революцию, но она не должна быть слишком тяжелой. Если не ошибаюсь, это положение было высказано тов. Шмералем в его речи на чехословацком партийном съезде¹⁰². Я прочел об этом в отчете рейхенбергского «Vorwärts'a»¹⁰³. Там есть, повидимому, слегка левое крыло. Этот источник, стало быть, не может считаться совершенно беспристрастным. Во всяком случае, я должен заявить, что если Шмераль это сказал, то он неправ. Некоторые ораторы, выступившие на упомянутом съезде после Шмерала, сказали: «Да, мы пойдем со Шмералем, так как мы избавимся этим от гражданской войны». Если все это правда, то я должен заявить, что такая агитация не коммунистична и не революционна. Естественно, что каждая революция влечет за собою огромные жертвы для класса, который ее производит. Революция отличается от обыкновенной борьбы тем, что в движении принимают участие в десять, в сто раз больше людей, и в этом отношении каждая революция означает жертвы не только для отдельных лиц, но и для целого класса. Диктатура пролетариата в России повлекла за собою такие жертвы, такую нужду и такие лишения для господствующего класса, для пролетариата, каких никогда не знала история, и весьма вероятно, что и во всякой иной стране дело пойдет точно так же.

Возникает вопрос, как мы распределим эти лишения? Мы являемся государственной властью. Мы, до известной степени, в состоянии распределить лишения, возложить их на несколько классов и, таким образом, относительно облегчить положение отдельных слоев населения. По какому принципу должны мы действовать? По принципу справедливости или большинства? Нет. Мы должны действовать практично. Мы должны пропозвести распределение таким образом, чтобы сохранить власть пролетариата. Это является нашим единственным принципом. В начале революции рабочий класс был вынужден терпеть невероятную нужду. Я констатирую теперь, что наша продовольственная политика достигает из года в год все больших успехов. И в общем положении, несомненно, улучшилось. Но крестьяне безусловно выиграли в России от революции больше, чем рабочий класс. В этом не может быть никакого сомнения. С теоретической точки зрения, это, разумеется, показывает, что наша революция, в известной степени, была буржуазной. Когда Каутский выдвигал против нас этот аргумент, мы смеялись. Естественно, что без экспроприации крупного землевладения, без изгнания крупных землевладельцев и без раздела земли бывает только буржуазная, а не социалистическая революция. Однако, мы были единственной партией, сумевшей довести буржуазную революцию до конца и облегчить борьбу за социалистическую революцию. Советская власть и советская система являются институтами социалистического государства. Мы уже осуществили эти институты, но задача экономического взаимоотношения между крестьянством и пролетариатом еще не разрешена. Остается еще много сделать, и результат этой борьбы будет зависеть от того, сможем ли мы разрешить эту задачу или нет. Итак, распределение лишений практически является одной из труднейших задач. В общем, произошло улучшение в положении крестьянства, а на долю рабочего класса выпали тяжелые страдания — и именно потому, что он осуществляет свою диктатуру.

Я уже говорил о том, что недостаток фуража и неурожай породили весной 1921 года страшнейшую нужду в крестьянстве, которое является у нас большинством. Без хороших отношений с крестьянскими массами мы не можем существовать. Поэтому, нашей задачей была

немедленная им помощь. Положение рабочего класса — чрезвычайно тяжелое. Он страдает ужасно. Однако, наиболее развитые политически элементы понимают, что мы должны, в интересах диктатуры рабочего класса, сделать величайшее усилие, чтобы помочь крестьянству какой угодно ценой. Авангард рабочего класса понял это, но есть еще в нем, в этом авангарде, люди, которые не могут это уразуметь, которые слишком утомлены, чтобы понять это. Они увидели в этом ошибку, стали употреблять слово оппортунизм. Говорили, что большевики-де помогают крестьянам. Крестьянин, который эксплуатирует нас, получает, мол, все, что ему угодно, а рабочий голодает. Но разве это оппортунизм? Мы помогаем крестьянам по той причине, что без союза с ними невозможна политическая власть пролетариата, немислимо сохранение ее. Именно этот мотив целесообразности был для нас решающим, а не мотив справедливого распределения. Мы помогаем крестьянам, так как это безусловно необходимо для сохранения нами политической власти. Высший принцип диктатуры — это поддержание союза пролетариата с крестьянством, чтобы он мог удержать руководящую роль и государственную власть.

Едиственное средство, которое мы для этого нашли, был переход к натуральному налогу, явившийся неизбежным следствием борьбы. В ближайший год мы впервые применим этот налог. Практически этот принцип еще не испробован. От военного союза мы должны перейти к экономическому, и теоретически единственной основой последнего может явиться введение натурального налога. В этом заключается единственная теоретическая возможность прийти к действительно солидной экономической базе социалистического общества. Социализированная фабрика дает крестьянину свои продукты, а крестьянин дает за это хлеб. Это единственная возможная форма существования социалистического общества, единственная форма социалистического строительства в стране, где мелкий крестьянин составляет большинство или, по крайней мере, очень значительное меньшинство. Одну часть крестьянин даст в виде налога, а другую в обмен на продукты социалистической фабрики или через товарообмен.

Здесь мы подходим к самому трудному вопросу. Натуральный налог означает, само собою разумеется, свободу

торговли. Крестьянин вправе, после выполнения натурального налога, свободно выменивать остаток своего хлеба. Эта свобода обмена означает свободу капитализма. Мы говорим это открыто и подчеркиваем это. Мы этого отнюдь не скрываем. Дела наши были бы плохи, если бы мы вздумали это скрывать. Свобода торговли означает свободу капитализма, но, вместе с тем, новую его форму. Это значит, что мы, до известной степени, заново создаем капитализм. Мы делаем это совершенно открыто. Это — государственный капитализм. Но государственный капитализм в обществе, в котором власть принадлежит капиталу, и государственный капитализм в пролетарском государстве — это два различных понятия. В капиталистическом государстве государственный капитализм означает, что он признается государством и контролируется им на пользу буржуазии и против пролетариата. В пролетарском государстве то же самое делается на пользу рабочего класса, с целью устоять против все еще сильной буржуазии и бороться против нее. Само собой понятно, что мы должны предоставить чужеземной буржуазии, иностранному капиталу, концессии. Без малейшей денационализации мы передаем рудники, леса, нефтяные источники иностранным капиталистам, чтобы получить от них продукты промышленности, машины и т. д. и, таким образом, восстановить нашу собственную промышленность.

В вопросе о государственном капитализме мы, разумеется, не все сразу были согласны. Но по этому поводу мы могли с большой радостью констатировать, что наше крестьянство развивается, что оно вполне поняло историческое значение борьбы, которую мы в настоящее время ведем. Совсем простые крестьяне из отдаленнейших мест приходили к нам и говорили: «Как? Наших капиталистов, которые говорят по-русски, прогнали, а теперь придут к нам иностранные капиталисты?». Разве это не указывает на развитие наших крестьян? Экономически образованному рабочему не надо объяснять, почему это необходимо. Семилетней войной мы так разорены, что восстановление нашей промышленности требует многих лет. Мы должны заплатить за нашу отсталость, за нашу слабость, за то, чему мы сейчас учимся, чему должны учиться. Кто хочет учиться, должен платить за учебу. Мы должны всем и каждому разъяснить это, и если мы практически докажем

это, то огромные массы крестьян и рабочих будут с нами согласны, так как таким путем немедленно улучшится их положение, так как это обеспечит возможность восстановления нашей промышленности. Что вынуждает нас к этому? Мы не одни на свете. Мы существуем в системе капиталистических государств... На одной стороне — колониальные страны, но они еще не могут нам помочь, а на другой — капиталистические страны, но они наши враги. Получается известное равновесие, правда, очень плохое. Но мы все же должны считаться с этим фактом. Мы не должны закрывать глаза на этот факт, если хотим существовать. Либо немедленная победа над всей буржуазией, либо выплата дани.

Мы совершенно открыто признаем, мы не скрываем, что концессии в системе государственного капитализма означают дань капитализму. Но мы выигрываем время, а выиграть время значит выиграть все, особенно в эпоху равновесия, когда наши иностранные товарищи основательно готовят их революцию. А чем основательнее она будет подготовлена, тем вернее будет победа. Ну, а до тех пор мы будем вынуждены платить дань.

Несколько слов о нашей продовольственной политике. Она была, несомненно, и примитивной и плохой. Но мы можем указать и на успехи. В связи с этим, я еще раз должен подчеркнуть, что единственной возможной экономической основой социализма является крупная машинная индустрия. Тот, кто забывает это, тот не коммунист. Мы должны конкретно разработать этот вопрос. Мы не можем ставить вопросы так, как это делают теоретики старого социализма. Мы должны ставить их практически. Что значит современная крупная промышленность? Это значит электрификация всей России. Швеция, Германия и Америка уже близки к ее осуществлению, хотя это страны еще буржуазные. Один товарищ из Швеции рассказывал мне, что значительная часть промышленности там электрифицирована, а также 30% сельского хозяйства. В Германии и в Америке, как в странах еще более развитых капиталистически, мы встречаемся с этим в еще большем масштабе. Крупная машинная индустрия означает не что иное, как электрификацию всей страны. Мы уже назначили специальную комиссию из лучших экономистов и технических сил. Почти все они, правда, настроены против

Советской власти. Все эти специалисты придут к коммунизму, но не так, как мы, не через двадцатилетнюю подпольную работу, во время которой мы непрерывно изучали, повторяли и пережевывали азбуку коммунизма.

Почти все органы Советской власти были за то, чтобы мы пошли к специалистам. Специалисты-инженеры придут к нам, когда мы им практически докажем, что таким путем повышаются производительные силы страны. Недостаточно доказывать им это теоретически. Мы должны им доказать это практически. И мы привлечем этих людей на нашу сторону, если мы поставим вопрос иначе, не на почву теоретической пропаганды коммунизма. Мы говорим: крупная промышленность — единственное средство спасти крестьянство от нужды и голода. С этим все согласны. Но как сделать это? Восстановление промышленности на старой основе требует слишком много труда и времени. Мы должны придать промышленности более современные формы, а именно — перейти к электрификации. Она требует значительно меньшего времени. Планы электрификации нами уже выработаны. Более 200 специалистов — почти все, без исключения, противники Советской власти — с интересом работали над этим, хотя они и не коммунисты. Но, с точки зрения технической науки, они должны были признать, что это единственно правильный путь. Конечно, от плана до его осуществления еще очень далеко. Осторожные специалисты говорят, что первый ряд работ требует не менее 10 лет. Профессор Баллод высчитал, что для электрификации Германии достаточно трех-четырёх лет. Для нас же и десяти лет слишком мало. В моих тезисах я привожу фактические цифровые данные, чтобы вы видели, как мало мы до сих пор могли сделать в этой области. Приводимые мною цифры до такой степени скромны, что сразу уясняется их более пропагандистское, чем научное значение. Однако, мы должны начать с пропаганды. Русский крестьянин, принимавший участие в мировой войне и проживший несколько лет в Германии, видел там, как нужно вести хозяйство по-современному, чтобы победить голод. Мы должны вести широкую пропаганду в этом направлении. Эти планы, сами по себе, имеют до сих пор небольшое практическое значение, но зато их агитационное значение очень велико.

Крестьянин видит, что должно быть создано нечто новое. Крестьянин понимает, что над этим должен работать не каждый сам за себя, но все государство в целом. В германском плену крестьянин увидел и узнал, в чем реальная основа жизни, культурной жизни. 12 тысяч киловатт — очень скромное начало. Быть может, иностранец, знакомый с американской, германской или шведской электрификацией, над этим посмеется. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним. Да, пусть это скромное начало. Но крестьянство начинает понимать, что надо произвести в огромном масштабе новые работы, и они уже начинаются. Предстоит преодолеть громадные трудности. Мы попытаемся войти в сношения с капиталистическими странами. Не следует жалеть о том, что мы предоставим капиталистам несколько сот миллионов килограммов нефти, под условием, чтобы они помогли нам электрифицировать нашу страну.

А теперь, под конец, несколько слов о «чистой демократии». Я цитирую то, что Энгельс писал 11 декабря 1884 года в письме к Бебелю:

«Чистая демократия в момент революции приобретает на короткий срок временное значение в качестве самой крайней буржуазной партии, какой она выступала уже во Франкфурте, в роли последнего якоря спасения всего буржуазного и даже феодального хозяйства... Точно также в 1848 году вся феодально-бюрократическая масса с марта по сентябрь поддерживала либералов для того, чтобы удержать в повиновении революционные массы... Во всяком случае, во время кризиса и на другой день после него нашим единственным противником явится вся реакционная масса, объединяющаяся вокруг чистой демократии, и этого, как я полагаю, ни в каком случае упускать из виду нельзя».

Мы не можем ставить наши вопросы так, как это делают теоретики. Вся реакция целиком, не только буржуазная, но и феодальная, группируется вокруг «чистой демократии». Германские товарищи знают лучше других, что обозначает «чистая демократия», так как Каутский и прочие вожди 2-го и 2¹/₂-го Интернационалов защищают эту «чистую демократию» против злых большевиков. Если мы будем судить о русских социалистах-революционерах и меньшевиках не по их словам, а на основании их дел,

то они окажутся не чем иным, как представителями мелкобуржуазной «чистой демократии». В нашей революции они показали с классической чистотой, и во время последнего кризиса, в дни кронштадтского восстания, что означает чистая демократия. Брожение в крестьянстве шло очень сильное, среди рабочих также господствовало недовольство. Они были утомлены и изнурены. Ведь существуют же границы для человеческих сил. Три года они голодали, но нельзя голодать четыре или пять лет. Голод, естественно, оказывает огромное влияние на политическую активность. Как поступили социалисты-революционеры и меньшевики? Все время они колебались и этим усиливали буржуазию. Организация всех русских партий за границей показала, как обстоит сейчас дело. Умнейшие вожди русской крупной буржуазии сказали себе: «Мы не можем победить в России немедленно. Поэтому, нашим лозунгом должно стать: «Советы без большевиков»». Лидер кадетов, Милюков, защищал Советскую власть против социалистов-революционеров. Это звучит очень странно. Но такова практическая диалектика, которую в нашей революции мы изучаем своеобразным путем: на практике нашей борьбы и борьбы наших противников. Кадеты защищают «Советы без большевиков», так как они хорошо понимают положение и так как они надеются поймать на эту удочку часть населения. Так говорят умные кадеты. Не все кадеты, конечно, умны, но часть их умна и почерпнула некоторый опыт из французской революции. Лозунг сейчас таков: борьба против большевиков какой угодно ценой, во что бы то ни стало. Вся буржуазия помогает теперь меньшевикам и социалистам-революционерам. Эсеры и меньшевики являются сейчас авангардом всей реакции. Ныпсшней весной мы имели случай ознакомиться с плодами этого контрреволюционного содружества.

Поэтому, мы должны продолжать беспощадную борьбу против этих элементов. Диктатура есть состояние обостренной войны. Мы находимся именно в таком состоянии. Военного нашествия в настоящий момент нет. Однако, мы изолированы. Но, с другой стороны, мы и не вполне изолированы, поскольку вся международная буржуазия мира не в состоянии сейчас открыто вести против нас войну, ибо весь рабочий класс, — хотя большинство его еще не коммунистично, — все же настолько сознателен,

что не допускает интервенции. Буржуазии приходится считаться с этим настроением масс, хотя они еще и не вполне доросли до коммунизма. Поэтому буржуазия не может сейчас перейти в наступление против нас, хотя это и не исключено. Пока нет общего окончательного результата, будет продолжаться состояние ужасной войны. И мы говорим: «На войне мы поступаем по-военному: мы не обещаем никакой свободы и никакой демократии». Мы объявляем крестьянам совершенно открыто, что они должны выбрать: или власть большевиков, — и мы сделаем тогда всевозможные уступки до тех пределов, в которых возможно удержание власти, а затем поведем их к социализму, — или же буржуазную власть. Все остальное — обман, чистейшая демагогия. Самая ожесточенная борьба должна быть объявлена этому обману, этой демагогии. Наша точка зрения такова: пока — большие уступки и величайшая осторожность, и именно потому, что налицо некоторое равновесие, именно потому, что мы слабее наших объединенных противников, потому что наша экономическая база слишком слаба, и мы нуждаемся в более сильной хозяйственной основе.

Вот то, что я хотел сказать товарищам о нашей тактике, о тактике Российской коммунистической партии. (Продолжительные аплодисменты.)

МЫСЛИ НАСЧЕТ «ПЛАНА» ГОСУДАРСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА

Главная ошибка всех нас была до сих пор, что мы рассчитывали на лучшее; и от этого впадали в бюрократические утопии. Реализовалась из наших планов ничтожная доля. Над планами смеялась жизнь, смеялись все.

Надо это в корне переделать.

Рассчитать на худшее. Опыт уже есть хоть малый, но практический.

Продовольствие? Фрумкин говорит: идеал — 150 миллионов пудов налог + 50 миллионов пудов обменом + 40 миллионов пудов с Украины = 240 миллионов пудов.

Надо взять расчет на 200 миллионов пудов всего в год.

Как быть с этой ничтожной, голодной цифрой? $200 : 12 = 16\frac{2}{3}$.

(а) Взять минимум для армии, т. е. на минимум армии рассчитать пайки.

(б) В план внести хозяйственную работу армии скромно, архискромно.

1 субботник 60% армии (участники).

1 — из 3-х суббот 50% участников (50% армии) и т. п.

(γ) Для служащих — сокращение свирепое.

(δ) Рабочие.

Тотчас список лучших *предприятий* (непреренно *предприятий*) по отраслям промышленности.

Закреть от $\frac{1}{2}$ до $\frac{4}{5}$ теперешних.

Остальные пустить в 2 смены. Только те, коим хватит *топлива* и *хлеба*, даже при минимуме добычи хлеба (200 миллионов пудов) и топлива (?) *на весь год*.

Сделать это *вчера*, в порядке первого приближения, немедленно, не больше, как через месяц.

Топливо есть.

НКПС есть.

Продовольствие не углублять, не уточнять; *принять 200 миллионов пудов.*

Промышленность *по отраслям и по губерниям* (отнюдь не откладывая до «целого») провести архибыстро,

и, главное,

засадить 70% членов Госплана за работу по 14 часов в сутки (пусть наука потерпит: пайки дали хорошие, надо заставить работать).

На выполнение каждым индивидуальных заданий по «общему наблюдению» (так, кажись, называется это в положении о Госплане?) — за отдельными предприятиями.

Допустим, 700 крупных заведений, предприятий, депо (желдор), совхозов и т. п. и т. д. нам надо (и можно на худой из худых концов: 200 миллионов пудов хлеба в год) поставить и провести без перерыва с 1. X. 1921 по 1. X. 1922.

700 : 35 членов Госплана = 20.

Пусть будет 30 (не все члены Госплана текущую работу поведут бесперывно).

Потрудитесь за 30-ью следить неослабно. Вы отвечаете за это.

А сверх того за 30—70 неважными дополнительно, мимоходом, слегка, не следить, а иногда, изредка *осведомляться.*

Следить неослабно, это значит *отвечать* головой за рациональное употребление топлива и хлеба, за максимум заготовки того и другого, максимум подвоза, экономию топлива (и в промышленности и ж. д. и т. д.), экономию продовольствия (кормить *только* хороших работников), повышение производительности труда и т. п.

Все остальное — в аренду или кому угодно отдать, или закрыть или «бросить», забыть *до прочного улучшения*, позволяющего абсолютно рассчитывать не на 200 миллионов пудов хлеба + X миллионов пудов топлива, а на 300 миллионов пудов хлеба + 150% X топлива.

Вот мои мысли о Госплане.

Подумайте. Поговорим.

4/VII

Ленин

ПРИВЕТСТВИЕ СЪЕЗДУ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ЦЕНТРОСОЮЗА

Приветствую собрание уполномоченных Центросоюза от имени Совета Народных Комиссаров и ЦК РКП, крайне сожалею, что не могу лично присутствовать на собрании и высказаться по поводу сложнейших задач, ставших перед кооперацией.

Не сомневаюсь, что обмен опытом уже проделанной работы поможет их разрешению в духе согласования с планом общего хозяйственного строительства страны. Успех предстоящей практической работы будет в большой степени зависеть от правильного определения в товарообороте соотношения между городской промышленностью и сельским хозяйством, от умения кооперации путем последовательной и неуклонной борьбы устранить все препятствия для развития товарообмена и занять первенствующее место в этой области, от умения собрать распыленные товарные ценности и вызывать к жизни новые. Практическое разрешение этих вопросов — лучшее средство для достижения в конечном счете наших целей — восстановления сельского хозяйства и укрепления и развития на его основе крупной промышленности.

Задачи эти чрезвычайно осложнены неурожаем, определившимся в ряде губерний. Собранию придется в своей работе уделить специальное внимание новому надвинувшемуся бедствию и иметь в виду его последствия при разрешении всех текущих вопросов.

Я уверен, что, как ни короток опыт работы в новых условиях, советская кооперация сумеет тесно связаться с общей работой по преодолению разрухи и развить в борьбе с ней максимальную энергию.

Написано 16 июля 1921 г.

*Напечатано 19 июля 1921 г.
в газете «Правда» № 156*

Печатается по тексту «Правды»

ПРИВЕТСТВИЕ I МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СОЮЗОВ¹⁰⁴

18/VII

Очень прошу вас передать делегатам Международного конгресса профсоюзов следующее:

Я от всей души благодарю их за переданное мне через вас предложение прибыть на съезд. Глубоко сожалею, что не могу по болезни исполнить этого, так как должен был по предписанию врача уехать из Москвы на месячный отпуск.

Прошу вас передать делегатам мое приветствие и горячее пожелание успеха съезду. Трудно найти слова, чтобы выразить всю важность Международного съезда профсоюзов. Завоевание членов профсоюзов идеями коммунизма идет всюду неудержимо вперед, во всех странах, во всем мире. Идет неправильно, нерегулярно, неравномерно, преодолевая тысячи препятствий, но неудержимо идет вперед. Международный съезд профсоюзов ускорит это движение. Коммунизм победит среди профсоюзов. Никакие силы в мире не удержат краха капитализма и победы рабочего класса над буржуазией.

С горячим приветом и с уверенностью в неизбежной победе коммунизма.

Н. Ленин

ОБРАЩЕНИЕ К МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ

В России в нескольких губерниях голод, который, повидимому, лишь немногим меньше, чем бедствие 1891 года.

Это — тяжелое последствие отсталости России и семилетней войны, сначала империалистской, потом гражданской, которую навязали рабочим и крестьянам помещики и капиталисты всех стран.

Требуется помощь. Советская республика рабочих и крестьян ждет этой помощи от трудящихся, от промышленных рабочих и мелких земледельцев.

Массы тех и других сами угнетены капитализмом и империализмом повсюду, но мы уверены, что, несмотря на их собственное тяжелое положение, вызванное безработицей и ростом дороговизны, они откликнутся на наш призыв.

Те, кто испытал на себе всю жизнь гнет капитала, поймут положение рабочих и крестьян России, — поймут или почувствуют инстинктом человека трудящегося и эксплуатируемого необходимость помочь Советской республике, которой пришлось первой взять на себя благодарную, но тяжелую задачу свержения капитализма. За это мстят Советской республике капиталисты всех стран. За это готовят они на нее новые планы похода, интервенции, контрреволюционных заговоров.

С тем большей энергией, мы уверены, с тем большим самопожертвованием придут нам на помощь рабочие и мелкие, живущие своим трудом, земледельцы всех стран.

Н. Ленин

2. VIII. 1921 г.

ОБРАЩЕНИЕ К КРЕСТЬЯНАМ УКРАИНЫ

Правобережная Украина в этом году собрала превосходный урожай. Рабочие и крестьяне голодного Поволжья, которые переживают теперь бедствие, немногим более слабое, чем ужасное бедствие 1891 г., ждут помощи от украинских земледельцев. Помощь нужна быстрая. Помощь нужна обильная. Пусть не останется ни одного земледельца, который бы не поделился своим избытком с поволжскими голодающими крестьянами, которым нечем засеять полей.

Пусть из каждого уезда, обеспеченного хлебом, пошлют хотя бы двух-трех выборных от крестьян в Поволжье, чтобы отвезти туда хлеб, чтобы своими глазами увидеть размеры бедствия, нужды, голода, чтобы рассказать, по возвращении, своим землякам о необходимости спешной помощи.

Председатель Совета Народных
Комиссаров *В. Ульянов (Ленин)*

2. VIII. 1921 г.

«Правда» № 172, 6 августа 1921 г.

*Печатается по тексту
газеты «Правда»,
сверенному с рукописью*

ПИСЬМО Г. МЯСНИКОВУ

5/VIII 1921.

г. Мясников!

Прочитал только сегодня *обе* ваши статьи. Каковы были ваши выступления в Пермской (кажись, в Пермской) организации и в чем конфликт с ней, я не знаю. Об этом не могу говорить. Это дело разберет Оргбюро, которое, как я слышал, выбрало специальную комиссию.

Моя задача иная: оценить ваши письма, как литературные и политические документы.

Интересные документы!

Статья «Больные вопросы» особенно наглядно показывает, по-моему, вашу основную ошибку. И я считаю долгом все сделать, чтобы постараться вас убедить.

В начале статьи вы правильно применяете диалектику. Да, кто не понимает смены лозунга «гражданская война» лозунгом «гражданский мир», тот смешон, если не хуже. Да, в этом вы правы.

Но именно потому, что вы в этом правы, меня удивляет, как вы забыли вами самим правильно примененную диалектику при своих выводах.

...«Свободу печати от монархистов до анархистов включить»... Очень хорошо! Но, извините, все марксисты и все думавшие над четырехлетним опытом нашей революции рабочие скажут: разберемся в том, *какую* свободу печати? для *чего?* для *какого* класса?

Мы в «абсолюты» не верим. Мы над «чистой демократией» смеемся.

Лозунг «свободы печати» стал всемирно великим в конце средних веков и вплоть до XIX века. Почему? Потому что он выражал прогрессивную буржуазию, т. е. ее борьбу против попов и королей, феодалов, помещиков.

Нет ни одной страны в мире, которая бы так много делала и делает для освобождения масс от влияния *попов* и *помещиков*, как РСФСР. Эту задачу «свободы печати» мы выполняли и выполняем *лучше всех* в мире.

Свобода печати во всем мире, где есть капиталисты, есть свобода *покупать* газеты, *покупать* писателей, *подкупать* и покупать и фабриковать «общественное мнение» *в пользу буржуазии*.

Это факт.

Никто никогда не сможет его опровергнуть.

А у нас? Может ли кто отрицать, что буржуазия разбита, *но не уничтожена?* что она *притаилась?* Нельзя этого отрицать.

Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода *политической организации* буржуазии и ее вернейших слуг, меньшевиков и эсеров.

Это факт неопровержимый.

Буржуазия (во всем мире) еще сильнее нас и во много раз. Дать ей *еще* такое оружие, как свобода политической организации (= свободу печати, ибо печать есть центр и основа политической организации), значит облегчать дело врагу, помогать классовому врагу.

Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем.

Мы ясно видим *факт*: «свобода печати» означает *на деле* немедленную покупку международной буржуазией сотни и тысячи кадетских, эсеровских и меньшевистских писателей и организацию их пропаганды, их борьбы против нас.

Это факт. «Они» богаче нас и купят «силу» вдесятеро большую против нашей наличной силы.

Нет. Мы этого не сделаем, мы всемирной буржуазии помогать не будем.

Как вы могли с общеклассовой оценки, т. е. с точки зрения оценки отношений между *всеми* классами *ска- т и т ь с я* до оценки сентиментально обывательской? Это для меня загадка.

В вопросе: «гражданский мир или гражданская война», в вопросе о том, как *мы* завоевывали и *продолжим* «завоевание» крестьянства (на сторону пролетариата), в этих двух важнейших, коренных, мировых (= касающихся *сути* мировой политики) вопросах (кои посвящены *обе* ваши

статьи) вы сумели встать на точку зрения не мещанскую, не сентиментальную, а на марксистскую. Вы сумели там *по-деловому*, трезво *учесть* взаимоотношения *всех* классов.

А тут вдруг скатились в пропасть сентиментализма.

...«У нас куча безобразий и злоупотреблений: свобода печати их разоблачит»...

Вот на чем, насколько я могу судить по двум статьям, вы сбились. Вы дали себя *подавить* известному числу печальных и горьких *фактов* и потеряли способность *трезво* учесть силы.

Свобода печати поможет *силе* мировой буржуазии. Это факт. *Не очистке коммунистической партии* в России от ряда ее слабостей, ошибок, бед, болезней (куча болезней есть, это бесспорно) послужит «свобода печати», ибо этого *не* хочет мировая буржуазия, — а свобода печати станет оружием в руках *этой мировой буржуазии*. Она не умерла. Она жива. Она стоит рядом и караулит. Она уже *наняла* Милокова, коему Чернов и Мартов (частью по глупости, частью по фракционной злобе на нас, а главным образом по объективной логике их мелкобуржуазно-демократической позиции) служат «верой и правдой».

Вы «шли в комнату, попали в другую».

Вы хотели *лечить* коммунистическую партию и стали хвататься за *лекарство*, несущее верную смерть — не от вас, конечно, а от мировой буржуазии (+ Милоков + + Чернов + Мартов).

Вы забыли мелочь, совсем малюсенькую мелочь, именно: мировую буржуазию и ее «свободу» покупать себе газеты, покупать себе *центры политической организации*.

Нет. По этой дороге мы не пойдем. Из *тысячи* сознательных рабочих *девятьсот* по этой дороге не пойдут.

Болезней у нас много. Такие ошибки (наши *общие* ошибки, все ошиблись, и *СТО*, и *СНК*, и *ЦК*), как с распределением топлива и *продовольствия* осенью и зимой 1920-го года (громадные ошибки!!), еще во много раз обострили болезни нашего положения.

Нужда и бедствия велики.

Голод 1921-го года их *усилил* дьявольски.

Вылезем с трудом чертовским, но вылезем. И начали уже вылезать.

Вылезем, ибо политика у нас в основе правильная, учитывающая *все* классовые силы в *международном* масштабе.

Вылезем, ибо не прикрашиваем своего положения. Знаем все трудности. Видим *все* болезни. Лечим их систематически, упорно, не впадая в панику.

Вы позволили себя увлечь панике и по этой наклонной плоскости докатились до того, что выходит похожее нечто на основание вамп новой партии, или на ваше самоубийство.

Нельзя впасть в панику.

Оторванность комячек от партии? Есть. Зло, бедствие, болезнь.

Есть. Тяжелая болезнь.

Мы ее видим.

Лечить ее надо не «свободой» (*для буржуазии*), а мерами пролетарскими и партийными.

То, что вы говорите о поднятии хозяйства, об «автоплуге» и проч., о борьбе за «влияние» на крестьянство и т. д., содержит в себе *много* верного, много полезного.

Отчего бы вам не выделить этого? Мы сойдемся и будем работать дружно в одной партии. Польза будет громадная, *но не сразу*, а *очень* медленно.

Оживлять Советы, привлекать беспартийных, проверять *беспартийными* работу партийных — вот это абсолютно верно. Вот где работы *тьма*. Непечатый угол работы.

Почему бы вам *этого* не развить *деловым* образом? в брошюре для съезда?

Почему бы за это не взяться?

Почему бы испугаться *черной* работы (злоупотребления *травить* через ЦКК, через парт. прессу, через «Правду»?). От неперия в черную работу, медленную, трудную, тяжелую, люди впадают в панику и ищут «легкого» выхода: «свобода печати» (*для буржуазии*).

Почему вам настаивать на своей ошибке, явной ошибке, на непартийном, *антипролетарском* лозунге «свобода печати»? Почему вам не взяться за менее «блестящую» (буржуазным блеском блестящую) работу черную, деловой чистки злоупотреблений, деловой борьбы с ними, деловой *помощи* беспартийным?

Где вы указали ЦК-ту *такое-то* злоупотребление? и *такое-то средство* его исправить, искоренить?

Ни разу.

Ни единого разу.

Вы увидели кучу бедствий и болезней, впали в отчаяние и бросились в чужие объятия, в объятия буржуазии («свобода печати» для буржуазии). А мой совет в отчаяние и в панику не впадать.

У нас и у сочувствующих нам, у рабочих и крестьян, сил еще бездна. Здоровья еще много.

Мы плохо лечим болезни.

Мы плохо проводим лозунг: выдвигайте беспартийных, проверяйте беспартийными работу партийных.

Но мы можем сделать и сделаем в этой области во сто раз больше теперешнего.

И я надеюсь, что, подумав трезво, вы не станете из ложного самолюбия настаивать на явной политической ошибке («свобода печати»), а, выправив нервы, поборов в себе панику, вы возьметесь за деловую работу: помочь связи с беспартийными, помочь проверке беспартийными работы партийных.

На этой работе дела тьма. И на этой работе болезнь можно (и должно) лечить, медленно, но действительно лечить, а не туманить себе голову «свободой печати», этим «блестящим» болотным огоньком.

С коммунистическим приветом Ленин

ТОВАРИЩУ ТОМАСУ БЕЛЛУ

Дорогой товарищ!

Большое спасибо за Ваше письмо от 7 августа. Вследствие болезни и перегруженности работой я в последние месяцы ничего не читал об английском движении.

Ваше сообщение чрезвычайно интересно. Может быть, это начало настоящего массового пролетарского движения в Великобритании в коммунистическом смысле. Боюсь, что до сих пор в Англии имелись лишь несколько слабых обществ пропаганды коммунизма (считая в том числе и Английскую компартию), но нет действительно массового коммунистического движения.

Если федерация горняков Южного Уэльса решила 24 июля большинством 120 голосов против 63 примкнуть к III Интернационалу, то возможно, что это — начало новой эры. (Сколько горняков в Англии? Больше 500 000? Сколько в Южном Уэльсе? 25 000? Сколько горняков было действительно представлено в Кардиффе 24 июля 1921 г.?)

Если эти горняки представляют не слишком уже незначительное меньшинство, если они братаются с солдатами и начинают действительную «классовую войну», — мы должны сделать все возможное для развития и укрепления этого движения.

Экономические мероприятия (вроде общественных кухонь) хороши, но они не особенно важны теперь, до победы пролетарской революции в Англии. Теперь важнее всего политическая борьба.

Английские капиталисты хитры, умны, коварны. Они *поддержат* (прямо или косвенно) общественные кухни для того, чтобы отвлечь внимание от политических целей.

Важно (если я не ошибаюсь) следующее:

1) Создать в этой части Англии очень хорошую, настоящую пролетарскую, настоящую массовую *компартию*, т. е. такую партию, которая в действительности была бы руководящей силой во всем рабочем движении этой части Англии (применить в этой части вашей страны принятую III конгрессом резолюцию об организации и работе партии).

2) Начать издавать ежедневную рабочую газету для рабочего класса этой части Англии.

Начать это дело не как коммерческое предприятие (как обыкновенно бывает в газетном деле в капиталистических странах), не с большим капиталом, не обычным общепринятым манером, а как *экономическое и политическое орудие масс* в их борьбе.

Или горняки этого района способны платить *полпенса* в день (вначале, если хотите, *раз в неделю*) за свою *собственную* ежедневную (или еженедельную) газету, — пусть она даже будет очень и очень мала — это не существенно, — или же *подлинное массовое коммунистическое движение не началось в этой части Англии*.

Если компартия в этом районе не в состоянии собрать несколько фунтов для издания ежедневно *маленьких листов*, из которых могла бы развиться настоящая *пролетарская* коммунистическая газета, — если дело обстоит так и не *каждый* горняк заплатит за этот листок свой пенс, то значит там нет *серьезного*, подлинного присоединения к III Интернационалу.

Английское правительство пустит в ход самые хитроумные средства, чтобы задушить всякое начинание этого рода. Поэтому мы должны быть (вначале) очень осторожны. Газета не должна быть вначале *слишком революционной*. Если вы хотите иметь трех редакторов, то по меньшей мере один из них должен быть *не коммунистом*. По меньшей мере двое должны быть настоящими рабочими. Если $\frac{9}{10}$ рабочих не будут покупать газеты и $\frac{2}{3}$ $\left(\frac{120}{120+63}\right)$ не будут вносить специальных взносов (напр., один пенс в

неделю) для своей газеты, то эта газета не будет рабочей газетой.

Я был бы очень рад, если бы вы мне черкнули по этому вопросу пару строк, и прошу извинения за мой плохой английский язык.

С коммунистическим приветом *Ленин*

Написано 13 августа 1921 г.

*Впервые напечатано 21 января 1927 г.
в «Workers' Weekly» № 205
и на русском языке 27 января 1927 г.
в газете «Правда» № 21*

Перевод с английского

ПИСЬМО К НЕМЕЦКИМ КОММУНИСТАМ

Уважаемые товарищи!

Я намеревался в обстоятельной статье изложить свой взгляд на уроки III конгресса Коммунистического Интернационала. К сожалению, мне не удалось по болезни взяться за эту работу до сих пор. Назначение съезда вашей партии, «Объединенной коммунистической партии Германии» (V. K. P. D.)¹⁰⁵, на 22-ое августа заставляет меня поспешить с этим письмом, которое я должен закончить в несколько часов, чтобы не опоздать отправить его в Германию.

Насколько я могу судить, положение коммунистической партии в Германии особенно тяжело. Это понятно.

Во-первых и главным образом, международное положение Германии чрезвычайно быстро и резко обострило, начиная с конца 1918-го года, ее внутренний революционный кризис, толкая авангард пролетариата на немедленное завоевание власти. В то же время и немецкая и вся международная буржуазия, великолепно вооруженные и организованные, обученные «русским опытом», обрушились на революционный пролетариат Германии с бешеной ненавистью. Десятки тысяч лучших людей Германии, ее революционных рабочих, перебиты и замучены буржуазией, ее героями, Носке и К^о, ее прямыми слугами, Шейдеманами и т. д., ее косвенными и «тонкими» (и потому особенно для нее ценными) пособниками, рыцарями «2^{1/2} Интернационала», с их подлой бесхарактерностью, колебаниями, педантизмом, мещанством. Вооруженная буржуазия ставила ловушки безоружным рабочим, убивала их массами, убивала их вождей, систематически

подкарауливая одного за другим, великолепно используя при этом контрреволюционный вой из среды социал-демократов обоих оттенков, и шейдемановского и каутскианского. А действительно революционной партии у немецких рабочих ко времени кризиса не оказалось, вследствие опоздания с расколом, вследствие гнета проклятой традиции «единства» с продажной (Шейдсманы, Легины, Давиды и К^о) и бесхарактерной (Каутские, Гильфердинги и К^о) бандой лаксеев капитала. В каждом честном, сознательном рабочем, который принимал Базельский манифест 1912-го года за чистую монету, а не за «отписку» негодяев «2-го» и «2¹/₂-го» разряда, с невероятной остротой просыпалась ненависть к оппортунизму старой германской социал-демократии, и эта ненависть — самое благородное, самое великое чувство лучших людей из угнетенной и эксплуатируемой массы — ослепляла людей, не позволяла им рассуждать хладнокровно, вырабатывать свою правильную стратегию в ответ на превосходную стратегию вооруженных, организованных, обученных «русским опытом», поддержанных Францией, Англией, Америкой капиталистов Антанты, эта ненависть толкала на преждевременные восстания.

Вот почему развитие революционного рабочего движения в Германии шло, начиная с конца 1918-го года, особенно тяжелым и мучительным путем. Но оно шло и неуклонно идет вперед. Постепенная передвижка налево рабочей массы, настоящего большинства трудящихся и эксплуатируемых в Германии, как организованных в старые, меньшевистские (т. е. служащие буржуазии) профсоюзы, так и неорганизованных совсем или почти совсем, — это факт неоспоримый. Не терять хладнокровия и выдержки; — систематически исправлять ошибки прошлого; — неуклонно завоевывать большинство среди рабочих масс и в профсоюзах и вне их; — терпеливо строить крепкую и умную коммунистическую партию, способную действительно руководить массами при всех и всяких поворотах событий; — вырабатывать себе стратегию, стоящую на уровне наилучшей международной стратегии самой «просвещенной» (вековым опытом вообще, «русским опытом» в особенности) передовой буржуазии, — вот что надо делать и вот что будет делать немецкий пролетариат, вот что гарантирует ему победу.

С другой стороны, в данную минуту тяжелое положение Коммунистической партии Германии еще более затруднено отколом плохеньких коммунистов слева («Коммунистическая рабочая партия Германии», К. А. Р. Д.) и справа (Пауль Леви со своим журнальчиком: «Наш Путь» или «Совет»).

«Левые», или «ка-а-писты», получили от нас достаточно предупреждений на международной арене, начиная с II конгресса Коммунистического Интернационала. Пока еще не выработались, по крайней мере в главнейших странах, достаточно крепкие, опытные, влиятельные коммунистические партии, участие полуанархистских элементов на наших международных съездах приходится терпеть, и оно даже до известной степени полезно. Полезно постольку, поскольку эти элементы служат наглядным «ужасным примером» для неопытных коммунистов, а также постольку, поскольку сами они еще способны учиться. Во всем мире анархизм распадается — и не со вчерашнего дня, а с начала империалистской войны 1914—1918 годов — на два течения: за — советское и противосоветское, за диктатуру пролетариата и против нее. Надо дать этому процессу распада анархизма назреть и дозреть. В Западной Европе почти нет людей, переживших сколько-нибудь крупные революции; опыт великих революций там почти совершенно забыт; а переход от желания быть революционным и от разговоров (и резолюций) о революции к действительной революционной работе есть очень трудный, медленный, мучительный переход.

Разумеется, однако, что лишь в меру можно и должно терпеть полуанархистские элементы. В Германии мы их терпели очень долго. III конгресс Коммунистического Интернационала поставил им ультиматум с точным сроком. Если они теперь сами ушли из Коммунистического Интернационала, тем лучше. Во-первых, они избавили нас от труда исключать их. Во-вторых, перед всеми колеблющимися рабочими, перед всеми, кто имел тяготение к анархизму из ненависти к оппортунизму старой социал-демократии, теперь продемонстрировано с особой обстоятельностью и особой наглядностью, доказано точными фактами, что Коммунистический Интернационал был терпелив, что он вовсе не изгонял анархистов немедленно и безусловно, что он внимательно их выслушивал и помогал им учиться.

Теперь надо поменьше обращать внимания на ка-а-пистов. Мы делаем только им рекламу своей полемикой с ними. Они слишком неумны; брать их всерьез неправильно; сердиться на них не стоит. Влияния в массах они не имеют и не получают, если мы сами не будем делать ошибок. Предоставим этому теченьицу вымереть естественной смертью; рабочие сами разберутся в его несостоятельности. Будем пообстоятельнее пропагандировать и применять на деле организационные и тактические решения III конгресса Коммунистического Интернационала и поменьше делать рекламу ка-а-пистам полемикой с ними. Детская болезнь левизны проходит и пройдет с ростом движения.

Точно так же и Паулю Леви мы напрасно помогаем теперь, напрасно делаем ему рекламу полемикой с ним. Ему только того и хочется, чтобы мы с ним спорили. Надо забыть о нем после решения III конгресса Коммунистического Интернационала и все внимание, все силы направить на мирную (без склоки, без полемики, без вспоминания вчерашних драк), деловую, положительную работу в духе решений нашего III конгресса. Против этого общего и единогласного решения III конгресса немало грешит, по моему убеждению, статья тов. К. Радека: «III Всемирный конгресс о мартовском выступлении и дальнейшая тактика» (в Центральном органе Германской объединенной коммунистической партии «Красное Знамя», №№ от 14 и 15 июля 1921 г.). Статья эта, присланная мне одним товарищем из кругов польских коммунистов, без всякой надобности — и с прямым вредом для дела — заострена не только против Пауля Леви (это было бы совсем еще неважно), но и против Клары Цеткин. А Клара Цеткин сама заключила в Москве, во время III конгресса, «мирный договор» с Цека («Централе») Объединенной коммунистической партии Германии о дружной, нефракционной работе! И этот договор был одобрен всеми нами. Т. К. Радек в своем неуместном полемическом усердии договорился до такой прямой неправды, что приписал Цеткин мысль, будто она «откладывает» (*verlegt*) «всякое выступление партии» (*jede allgemeine Aktion der Partei*) «до того дня, когда поднимутся великие массы» (*auf den Tag, wo die grossen Massen aufstehen werden*). Разумеется, что такими приемами тов. К. Радек оказывает такую

услугу Паулю Леви, лучше которой ему нельзя бы и желать. Паулю Леви только того и хочется, чтобы споры бесконечно затягивались, чтобы в споры втягивалось побольше народу, чтобы Цеткин старались оттолкнуть от партии полемическими нарушениями того «мирного договора», который она же заключила и который всем Коммунистическим Интернационалом был одобрен. Т. К. Радек дал своей статьей прекрасный образчик того, как «слева» помогают Паулю Леви.

Здесь я должен объяснить немецким товарищам, почему я так долго защищал Пауля Леви на III конгрессе. Во-первых, потому, что я познакомился с Леви через Радека в Швейцарии в 1915 или 1916 году. Леви уже тогда был большевиком. А я не могу не питать известного недоверия к тем, кто пришел к большевизму *лишь после* его победы в России и ряда побед на международной арене. Но, разумеется, эта причина сравнительно неважная, ибо я все же знаю Пауля Леви лично весьма мало. Несравненно важнее была вторая причина, именно та, что Леви *прав по существу* во многом в своей критике мартовского выступления 1921 года в Германии (конечно, не в том, будто это выступление было «шутчем»: это утверждение Пауля Леви есть вздор).

Правда, Леви сделал все возможное и много невозможного для того, чтобы ослабить и испортить свою критику, чтобы затруднить себе и другим понимание *существа* дела массой мелочей, в которых он явно неправ. Леви облек свою критику в недопустимую и вредную форму. Леви, проповедующий другим осторожную и обдуманную стратегию, сам наглушил хуже всякого мальчишки, пустившись в бой так преждевременно, так неподготовленно, так нелепо, так дико, что он наверняка проигрывал «бой» (и на долгие годы портил или затруднял себе работу), хотя этот «бой» можно и должно было выиграть. Леви поступил как «интеллигентский анархист» (если я не ошибаюсь, это называется по-немецки *Edelanarchist*), вместо того, чтобы поступить как организованный член пролетарского Коммунистического Интернационала. Леви нарушил дисциплину.

Этим рядом невероятно глупых ошибок Леви затруднил сосредоточение внимания на существе дела. А существо дела, т. е. оценка и исправление многочисленных ошибок,

допущенных Объединенной коммунистической партией Германии при мартовском выступлении 1921 года, имело и имеет громадную важность. Для разъяснения и исправления этих ошибок (которые кое-кем возводились в перл марксистской тактики), *надо было* стоять на *правом* крыле во время III конгресса Коммунистического Интернационала. Иначе *линия* Коммунистического Интернационала была бы *исвержна*.

Я защищал и должен был защищать Леви, поскольку я видел перед собой таких противников его, которые попросту кричали о «меньшевизме» и «центризме», не желая видеть ошибок мартовского выступления и необходимости их разъяснить и исправить. Такие люди превращали революционный марксизм в карикатуру, борьбу с «центризмом» в смешной спорт. Такие люди грозили принести величайший вред всему делу, ибо «никто в мире не в состоянии скомпрометировать революционных марксистов, — если они сами себя не скомпрометируют».

Я говорил таким людям: допустим, что Леви стал меньшевиком. Мало зная его лично, я не стану упираться, если мне докажут это. Но пока это еще не доказано. Пока доказано только то, что он *потерял голову*. За это одно объявлять человека меньшевиком есть ребяческая глупость. Выработка опытных и влиятельнейших вождей партии — долгое, трудное дело. А без этого диктатура пролетариата, «единство воли» его останутся фразой. У нас в России выработка группы руководителей шла 15 лет (1903—1917), 15 лет борьбы с меньшевизмом, 15 лет преследований царизма, 15 лет, среди коих были годы первой революции (1905), великой и могучей революции. И все же у нас бывали печальные случаи «потери головы» даже превосходнейшими товарищами. Если западноевропейские товарищи воображают, что они застрахованы от подобных «печальных случаев», то это такое ребячество, с которым нельзя не бороться.

Леви должен был быть исключен за нарушение дисциплины. Тактика должна была быть определена *на основе* подробнейшего разъяснения и исправления ошибок мартовского выступления 1921 года. Если *после* этого Леви захочет вести себя по-старому, тогда он подтвердит правильность его исключения, тогда тем с большей силой, тем с большей убедительностью для колеблющихся или

неуверенных рабочих будет доказана полнейшая правильность решений III конгресса о Пауле Леви.

И чем осторожнее подходил я на конгрессе к оценке ошибок Леви, тем с большей уверенностью могу я сказать теперь, что Леви поторопился подтвердить худшие предположения. Передо мной лежит № 6 его журнальчика «Наш Путь» (от 15. VII. 1921). Из редакционного заявления, которое напечатано во главе журнала, видно, что решения III конгресса Паулю Леви известны. Его ответ на них? Меншевистские словечки о «великом отлучении» (grosser Bann), о «церковном праве» (kanonisches Recht), о том, что он будет «обсуждать» эти решения «с полной свободой» (in vollständiger Freiheit). Какая уже тут свобода может быть полнее, если человек освобожден от звания члена партии и члена Коминтерна! А писать у него, Леви, будут, видите ли, члены партии анонимно!

Сначала — подвох против партии, драка из-за угла, порча работы партии.

Потом — обсуждение решений конгресса по существу. Это великолепно.

Но этим Леви и убивает себя окончательно.

Паулю Леви хочется продлить драку.

Величайшей стратегической ошибкой будет удовлетворение этого желания. Я бы посоветовал немецким товарищам: запретить полемику с Леви и с его журнальчиком на страницах ежедневной прессы партии. Не надо делать ему рекламы. Не надо позволять ему отвлекать внимание борющейся партии от важного на неважное. В случаях крайней необходимости полемизировать в еженедельных, ежемесячных журналах или брошюрах и, по возможности, не доставлять ка-а-пистам и Паулю Леви удовольствия, которое они испытывают, когда называют их по имени, а говорить просто о «некоторых не очень умных критиках, желающих непременно считать себя за коммунистов».

Мне сообщают, что на последнем заседании расширенного Центрального комитета (Ausschuss) даже левый Фрисланд вынужден был резко выступить против играющего в левизну и желающего упражняться в спорте «травли центристов» Маслова. Неразумность (говоря мягко) поведения этого Маслова сказалась и здесь в Москве. Право,

следовало бы немецкой партии отномандировать годика на два в Советскую Россию этого Маслова и двух-трех его единомышленников и соратников, явно не желающих соблюдать «мирного договора» и усердствующих не по разуму. Мы бы им нашли полезное дело. Мы бы их переварили. А польза для международного и для немецкого движения была бы явная.

Во что бы то ни стало немецкие коммунисты должны кончить внутреннюю драку, отсеять драчливые элементы с обеих сторон, забыть о Пауле Леви и о ка-а-пистах, заняться настоящим делом.

Дела много.

Тактическая и организационная резолюции III конгресса Коммунистического Интернационала знаменуют, по-моему, большой шаг движения вперед. Все силы надо напрячь, чтобы на деле провести обе эти резолюции в жизнь. Это трудно. Но это можно и должно сделать.

Сначала коммунисты должны были на весь мир провозгласить свои принципы. Это сделано на I конгрессе. Это первый шаг.

Вторым шагом было организационное оформление Коммунистического Интернационала и выработка условий приема в него, — условий отделения на деле от центристов, от прямых и косвенных агентов буржуазии внутри рабочего движения. Это сделано на II конгрессе.

На III конгрессе надо было начать деловую, положительную работу, определить конкретно, учитывая практический опыт начатой уже коммунистической борьбы, определить, как именно работать дальше, в отношении тактическом и в отношении организационном. Этот третий шаг мы и сделали. Мы имеем армию коммунистов во всем мире. Она еще плохо обучена, плохо организована. Величайшим вредом для дела было бы забвение этой истины или боязнь признать ее. Эту армию надо деловым образом, с величайшей осторожностью и строгостью проверяя себя, изучая опыт своего собственного движения, как следует обучить, как следует организовать, испытать на всяческих маневрах, на разнообразных сражениях, на операциях насту-

пления и отступления. Без этой долгой и тяжелой школы победить нельзя.

«Гвоздем» положения в международном коммунистическом движении летом 1921 года было то, что некоторые из лучших и влиятельнейших частей Коммунистического Интернационала не совсем правильно поняли эту задачу, *чутьочку преувеличили «борьбу с центризмом», чутьочку перешли* ту грань, за которой эта борьба превращается в спорт, за которой начинается компрометация революционного марксизма.

В этом был «гвоздь» III конгресса.

Преувеличение было небольшое. Но опасность его была громадная. Бороться с ним было трудно, ибо преувеличение совершали действительно лучшие, преданнейшие элементы, без которых, пожалуй, и вовсе не было бы Коммунистического Интернационала. В тактических поправках, напечатанных в газете «Москва»¹⁰⁶ на немецком, французском и английском языках за подписью делегаций немецкой, австрийской и итальянской, это преувеличение сказалось вполне определенно, — тем более определенно, что поправки внесены были к законченному уже (после долгой и всесторонней подготовительной работы) проекту резолюции. Отклонение этих поправок было *выпрямлением* линии Коммунистического Интернационала, было победой над опасностью преувеличения.

А преувеличение, если бы его не исправить, погубило бы Коммунистический Интернационал наверняка. Ибо «никто в мире не сможет скомпрометировать революционных марксистов, если они сами себя не скомпрометируют». Никто в мире не сможет помешать победе коммунистов над 2-ым и 2½-ым Интернационалами (а это значит, в условиях Западной Европы и Америки XX века, после первой империалистской войны, — победе над буржуазией), *если* сами коммунисты не помешают ей.

А преувеличить, хотя бы чутьочку, это и значит помешать победе.

Преувеличить борьбу с центризмом значит *спасти* центризм, *укрепить* его положение, его влияние на рабочих.

Вести победоносную борьбу с центризмом мы, в интернациональном масштабе, научились за период с II до III конгресса. Это доказано делом. Эту борьбу мы

продолжим (исключение Леви и партии Серрати) до конца.

Но вести борьбу против неправильных преувеличений в борьбе с центризмом мы *еще не* научились в интернациональном масштабе. Но мы этот свой недостаток поняли, как доказал ход и исход III конгресса. И именно потому, что мы свой недостаток сознали, *мы от него избавимся*.

А тогда мы будем непобедимы, ибо без опоры внутри пролетариата (через буржуазных агентов 2-го и 2¹/₂-ного Интернационала) буржуазия в Западной Европе и Америке удержать власть *не в состоянии*.

Более тщательная, более солидная подготовка к новым, все более решающим битвам как оборонительным, так и наступательным, — вот в чем основное и главное в решениях III конгресса.

...«Коммунизм станет в Италии массовой силой, если Коммунистическая партия Италии, борясь непрерывно, непреклонно против оппортунистической политики серратизма, в то же время окажется в состоянии связаться с массами пролетариата в профсоюзах, в стачках, в сражениях против контрреволюционных организаций фашистов, слить вместе движения всех организаций рабочего класса, превратить его самопроизвольные выступления в тщательно подготовленные сражения»...

...«Объединенная коммунистическая партия Германии тем успешнее будет в состоянии проводить массовые выступления, чем лучше в будущем станет она приспособлять свои боевые лозунги к действительной ситуации, тщательнейшим образом изучать эти ситуации, осуществлять выступления наиболее объединенно, дисциплинированно»...

Таковы существеннейшие места тактической резолюции III конгресса.

Завоевание на нашу сторону большинства пролетариата — вот «главнейшая задача» (заглавие § 3 в тактической резолюции).

Это завоевание большинства мы, конечно, не понимаем формально, как понимают рыцари мещанской «демократии» из 2¹/₂ Интернационала. Когда в Риме в июле 1921 года весь пролетариат пошел за коммунистами против фашистов, и реформистский пролетариат из профсоюзов, и центристский из партии Серрати, это было *завоевание большинства* рабочего класса на нашу сторону.

Это было еще далеко, далеко не решающее, только частичное, только мимолетное, только локальное завоевание. Но это было завоевание большинства. Такое завоевание возможно — даже тогда, когда большинство пролетариата формально идет за вождями из буржуазии или за вождями, проводящими буржуазную политику (каковы все вожди 2-го и 2¹/₂-ного Интернационалов), или когда большинство пролетариата колеблется. Такое завоевание неуклонно во всем мире подвигается всюду и всячески вперед. Будем солиднее и тщательнее готовить его, не упустим ни одного серьезного случая, когда буржуазия заставляет пролетариат подниматься на борьбу, научимся правильно определять моменты, когда *массы* пролетариата *не могут не подняться* вместе с нами.

Тогда победа обеспечена, как бы ни были еще тяжелы отдельные поражения и отдельные переходы в нашем великом походе.

Наши тактические и стратегические приемы отстали еще (если судить в интернациональном масштабе) от превосходной стратегии буржуазии, которая научилась на примере России и не даст себя «взять врасплох». Но сил больше, неизмеримо больше за нами, тактике и стратегии мы учимся, мы подвинули вперед эту «науку» на опыте ошибок мартовского выступления 1921-го года. Мы одолеем эту «науку» целиком.

Наши партии еще в громадном большинстве стран далеко, далеко не таковы, каковыми должны быть настоящие коммунистические партии, настоящие авангарды действительно революционного и единственно революционного класса, с поголовным участием всех членов партии в борьбе, в движении, в повседневной жизни масс. Но мы знаем этот наш недостаток, мы его вскрыли с наибольшей наглядностью в резолюции III конгресса о работе партии. И мы этот недостаток преодолеем.

Товарищи немецкие коммунисты! Позвольте мне закончить пожеланием, чтобы ваш партийный съезд 22 августа покончил твердой рукой и навсегда с мелкой борьбой с отколовшимися влево и вправо. Довольно внутривнутрипартийной борьбы! Долой всякого, кто пожелает еще прямо или косвенно затягивать ее. Мы знаем теперь свои задачи много яснее, конкретнее, нагляднее, чем вчера; мы не боимся указывать открыто на свои ошибки, чтобы

исправлять их. Мы отдадим теперь все силы партии на ее лучшую организацию, на повышение качества и содержания ее работы, на создание более тесной связи с массами, на выработку все более и более правильной и точной тактики и стратегии рабочего класса.

С коммунистическим приветом *Н. Ленин*

14 августа 1921.

Напечатано в 1921 г.

Печатается по рукописи

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Речь В. И. Ленина «*О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого*» явилась первым выступлением Ленина перед партийным активом в связи с начавшейся дискуссией по вопросу о роли и задачах профессиональных союзов. Застрельщиком дискуссии и борьбы против Ленина и партии был Троцкий. Вслед за Троцким выступили и другие антипартийные группы.

Ленин и ленинцы, развернув решительную борьбу против оппозиции, направили главный удар против троцкистов, как основной силы антипартийных группировок. Верной опорой В. И. Ленина в борьбе против оппозиционеров был И. В. Сталин.

В профсоюзной дискуссии троцкисты и все другие оппозиционеры потерпели поражение. Партийные организации сплотились вокруг Ленина и присоединились к ленинской платформе.

О дискуссии в партии о профсоюзах см. настоящий том, стр. 49—86; статью И. В. Сталина «*Наши разногласия*» (И. В. Сталин. Сочинения, том 5, 1947, стр. 4—14); «*История ВКП(б). Краткий курс*», стр. 240—242 и решения X съезда РКП(б) («*ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*», ч. I, 1940, стр. 369—379). — 1.

- ² Ленин имеет в виду резолюции IX съезда РКП(б) «*Об очередных задачах хозяйственного строительства*» и «*По вопросу о профессиональных союзах и их организации*» (см. «*ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*», ч. I, 1940, стр. 329—337, 337—340). — 4.

- ³ См. настоящий том, стр. 22. — 4.

- ⁴ Речь идет о *VIII Всероссийском съезде Советов*, происходившем в Москве с 22 по 29 декабря 1920 года. — 6.

- ⁵ Ленин имеет в виду резолюцию IX Всероссийской конференции РКП(б) «*Об очередных задачах партийного строительства*», принятую в сентябре 1920 года (см. «*ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*», ч. I, 1940, стр. 349—353). — 9.

- 6 *«Известия ЦК РКП(б)»* («Известия Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии (большевиков)») — информационный бюллетень ЦК; был основан по решению VIII съезда РКП(б); начал выходить в мае 1919 года в Москве. В октябре 1929 года «Известия ЦК» были реорганизованы в журнал «Партийное Строительство», выходящий по июнь 1946 года. — 9.
- 7 *«Буферная группа»* — антипартийная группа (Бухарин, Преображенский, Серебряков и др.), возникшая во время дискуссии о профсоюзах. «Буферная группа» защищала и прикрывала влиятельных фракционеров-троцкистов, помогая им в борьбе против партии. Вскоре бухаринцы открыто объединились с троцкистами против Ленина.
Характеристику «буферной группы» и оценку ее антипартийных взглядов и поведения Ленин дал в статье «Кризис партии», в брошюре «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина» (см. настоящий том, стр. 23—32, 49—86) и в других произведениях. — 9.
- 8 *Совет Обороны* (Совет Рабочей и Крестьянской Обороны) был создан Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом 30 ноября 1918 года для руководства всей работой по обороне на фронте и в тылу: организацией и пополнениями армий, снабжением фронта продовольствием, обмундированием и вооружением и мобилизацией для этой цели всех ресурсов страны. Председателем Совета Обороны был назначен В. И. Ленин; его фактическим заместителем был И. В. Сталин, выделенный ВЦИК-ом в качестве своего представителя в Совете Обороны.
Согласно постановлению Совета Обороны, решения создаваемых им комиссий, подписанные В. И. Лениным и И. В. Сталиным, имели силу решений Совета Обороны.
После ликвидации основных фронтов Совет Обороны был преобразован в апреле 1920 года в Совет Труда и Обороны (СТО). После окончания гражданской войны, по постановлению VIII Всероссийского съезда Советов 29 декабря 1920 года, Совет Труда и Обороны стал действовать на правах комиссии Совнаркома; существовал до конца 1936 года. — 10.
- 9 Имеется в виду Всероссийское бюро производственной пропаганды при Всероссийском центральном совете профессиональных союзов (ВЦСПС), созданное по инициативе Ленина. — 12.
- 10 *Главполитпуть* (Главный политический отдел Народного комиссариата путей сообщения — НКПС) — создан постановлением ВЦИК в феврале 1919 года; реорганизован в январе 1920 года в Главное политическое управление НКПС как временный орган для руководства партийной, политической работой среди рабочих и служащих на транспорте. По решению ЦК РКП(б) в декабре 1920 года Главполитпуть был упразднен. — 16.

- 11 *Центран* — Центральный комитет объединенного профессионального союза работников железнодорожного и водного транспорта. Создан в сентябре 1920 года. Троцкисты, пробравшиеся в конце 1920 — начале 1921 года к руководству Центраном, действовали в профсоюзах методами голого принуждения и командования, восстанавливали беспартийных рабочих против партии, раскалывали рабочий класс. Действия троцкистов были разоблачены и осуждены Центральным Комитетом партии. Первый Всероссийский съезд транспортных рабочих, происходивший в марте 1921 года, изгнал троцкистов из руководства Центраном. — 16.
- 12 См. «ВКП(б) в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 335. — 16.
- 13 *Политвод* (Главполитвод — Главное политическое управление водного транспорта Народного комиссариата путей сообщения) — образован в апреле 1920 года как отделение Главполитпути; упразднен в декабре 1920 года. — 16.
- 14 Ленин приводит положение из пятого пункта резолюции ноябрьского пленума (1920 г.) Центрального Комитета партии по вопросу о профсоюзах. — 16.
- 15 *У Всероссийская конференция профсоюзов* происходила 2—6 ноября 1920 года в Москве.
- На заседании коммунистов — делегатов конференции Троцкий выступил с сомнительным лозунгом «завинчивания гаек» и «перетряхивания профсоюзов». Он выдвинул требование немедленного «огосударствления профсоюзов» и перенесения в них военного метода работы. Троцкисты пытались восстановить беспартийных рабочих против партии, расколоть рабочий класс.
- Выступление Троцкого получило отпор со стороны коммунистов — делегатов конференции. В основу резолюции, принятой на заседании коммунистической фракции, был положен написанный Лениным «Проект резолюции «Задачи профессиональных союзов и методы их осуществления»» (см. Сочинения, 4 изд., том 31, стр. 349—350).
- В развернувшейся позже дискуссии в партии о профсоюзах и на X съезде РКП(б) враждебная партии и рабочему классу троцкистская политика была разоблачена, а троцкисты, как основная сила антипартийных группировок, были разгромлены. — 18.
- 16 «*Рабочая оппозиция*» — антипартийная, анархо-синдикалистская группа; возглавлялась Шляпниковым, Медведевым и др. Группа оформилась во второй половине 1920 года и вела борьбу против ленинской линии партии. X съезд РКП(б) осудил «рабочую оппозицию» и признал пропаганду идей анархо-синдикалистского уклона *несовместимой* с принадлежностью к коммунистической партии. Впоследствии остатки разбитой «рабочей оппозиции» сомкнулись с контрреволюционным троцкизмом. — 26.

- 17 В «Проекте постановления X съезда РКП по вопросу о роли и задачах профсоюзов» была изложена ленинская позиция (платформа) в противовес платформам антипартийных групп. В этом документе определялась роль профсоюзов как школы управления, школы хозяйничания, школы коммунизма; указывалось, что главным методом работы профсоюзов является метод убеждения как метод пролетарской демократии внутри союзов; выдвигалась задача сплочения всего рабочего класса для дела социалистического строительства. — 28.
- 18 Имеется в виду антипартийная группа «демократического централизма» (децисты), возглавлявшаяся Сапроновым, Осинским и др. Группа возникла в период военного коммунизма. Децисты отрицали руководящую роль партии в Советах и профсоюзах; выступали против единоначалия и личной ответственности директоров в промышленности, против ленинской линии в организационных вопросах; требовали свободы фракций и группировок в партии. IX и X съезды партии осудили децистов, как антипартийную группу. В 1927 году группа «демократического централизма», сомкнувшаяся с контрреволюционным троцкизмом, была исключена из партии XV съездом ВКП(б).
- Упоминаемые Лениным ниже «игнатовцы» также являлись представителями одной из антипартийных группировок анархо-синдикалистского направления. — 28.
- 19 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, 1940, стр. 290 (пункт 5). — 30.
- 20 В. И. Ленин имеет в виду дискуссию, развернувшуюся на расширенном заседании Московского комитета РКП(б) с представителями партийных организаций районов г. Москвы и уездных организаций 17 января 1921 года по вопросу о роли и задачах профсоюзов. На этом заседании выступил И. В. Сталин с речью против антипартийной позиции Троцкого и Бухарина, в защиту ленинской линии партии по вопросу о профсоюзах. Подавляющим большинством голосов были приняты тезисы, подписанные В. И. Лениным.
- На следующий день (18 января) Московский комитет партии принял обращение «Ко всем партийным организациям», призывая в нем всех членов партии к единодушной поддержке ленинской платформы. — 30.
- 21 II Всероссийский съезд горнорабочих происходил с 25 января по 1 февраля 1921 года. До открытия съезда (22—24 января) состоялось четыре заседания коммунистической фракции. — 33.
- 22 См. настоящий том, стр. 12. — 38.
- 23 Рабоче-крестьянская инспекция (Рабкрин) — Народный комиссариат по руководству системой контроля и улучшению постановки дела в советских и хозяйственных учреждениях и предприятиях.

В январе 1918 года был создан Народный комиссариат государственного контроля (Госконтроль). В марте 1919 года по предложению В. И. Ленина Совнаркомом была проведена реорганизация Госконтроля и наркомом Госконтроля был назначен И. В. Сталин. Проект декрета о реорганизации Государственного контроля был подготовлен комиссией в составе И. В. Сталина, Я. М. Свердлов и др. 9 апреля 1919 года В. И. Ленин, И. В. Сталин и М. И. Калинин подписали утвержденный ВЦИК декрет о Государственном контроле.

В феврале 1920 года органы рабочего контроля были объединены с органами Государственного контроля в единый орган — Рабоче-крестьянскую инспекцию (РКИ) и принято специальное положение об РКИ. Наркомом РКИ до апреля 1922 года был И. В. Сталин.

В 1923 году XII съезд РКП(б) по указанию В. И. Ленина создал объединенный орган ЦКК — РКИ. В 1934 году, после XVII съезда ВКП(б), принявшего предложение И. В. Сталина о реорганизации РКИ, была создана Комиссия советского контроля при Совнаркоме СССР. В 1940 году указом Президиума Верховного Совета СССР был образован Народный комиссариат государственного контроля СССР, преобразованный в марте 1946 года в Министерство государственного контроля. — 47.

- 24 Брошюра была написана Лениным в связи с дискуссией в партии о профсоюзах. Работа над брошюрой закончена 25 января 1921 года и в тот же день она была сдана в набор. 26 января, поздно вечером, часть тиража брошюры была роздана членам Центрального Комитета партии, отъезжавшим на места для участия в дискуссии о роли и задачах профсоюзов. — 49.
- 25 *«Петроградская Правда»* — ежедневная газета; начала выходить с 2 апреля 1918 года. Первоначально была органом Центрального и Петроградского комитетов РКП(б). С июня того же года газета стала органом Центрального, Северного областного и городского комитетов РКП(б), а затем губернского и городского комитетов партии. В январе 1924 года переименована в *«Ленинградскую Правду»*. — 49.
- 26 *Московская широкая конференция металлистов* происходила 2—4 февраля 1921 года. На конференции присутствовало до 1 000 представителей от рабочих металлистов Москвы и Московской губернии. Конференция обсудила вопросы о продовольствии и снабжении, о роли профессиональных союзов в производстве, об отношении рабочего класса к крестьянству и другие. Ленин выступил с речью на последнем заседании конференции. — 87.
- 27 Колонизаторскую политику американских капиталистов, проводившуюся под флагом бесплатной раздачи земли, Ленин разбирает в своей работе *«Новые данные о законах развития капитализма в земледелии»* (см. Сочинения, 4 изд., том 22, стр. 1—89). — 88.

- 28 *IV Всероссийский съезд рабочих швейной промышленности* происходил в Москве 1—6 февраля 1921 года. На съезде присутствовало 287 делегатов. Съезд обсудил вопросы: о деятельности ЦК союза, об экономических задачах, о нормировании труда, о международном объединении профсоюзов и другие. Ленин произнес речь на 9 пленарном заседании, утром 6 февраля. — 91.
- 29 *ЦУРК* (Центральная учетно-распределительная комиссия) при Государственном издательстве; организована в декабре 1919 года в целях выработки единого плана учета и распределения литературы. — 106.
- 30 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 291 (пункт 8). — 107.
- 31 *«Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян»* — документ, составленный Лениным по вопросу о замене разверстки натуральным налогом.
В конце января — начале февраля 1921 года Ленин принимает делегатов от крестьян и беседует с ними о положении в деревне. 8 февраля 1921 года на заседании Политбюро Центрального Комитета партии, происходившем под руководством Ленина, рассматривался вопрос о весенней посевной кампании и положении крестьянства. На этом заседании Лениным был написан публикуемый документ, который был положен в основу проекта решения о замене разверстки натуральным налогом, принятого X съездом партии. — 111.
- 32 *НКЗ* — Народный комиссариат земледелия. — 115.
- 33 Ленин приводит выдержки из резолюции об электрификации, принятой VIII Всероссийским съездом Советов 29 декабря 1920 года. Проект этой резолюции был написан Лениным (см. Сочинения, 4 изд., том 31, стр. 434). — 118.
- 34 Здесь и ниже Ленин цитирует партийную программу, принятую в марте 1919 года VIII съездом РКП(б) (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 291). — 120.
- 35 *V Всеукраинский съезд Советов* происходил в Харькове 25 февраля — 3 марта 1921 года. На съезде присутствовало более тысячи делегатов.
Ленин был избран съездом в состав Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета. Приветствие Ленина V Всеукраинскому съезду Советов было оглашено 26 февраля, на втором заседании съезда. — 123.
- 36 *Заседание пленума Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов 28 февраля 1921 года* совместно с пленумами районных Советов и представителями фабрично-заводских комитетов было посвящено вопросам международного и внутреннего положения Советской республики.

Заседанию пленума предшествовало собрание партийного актива Москвы 24 февраля, на котором с речью выступил Ленин; по решению собрания партийного актива и был созван пленум Московского Совета. На пленуме Ленин выступил с речью о международном и внутреннем положении Советской республики. Пленум Московского Совета единодушно принял обращение к рабочим, крестьянам и красноармейцам г. Москвы и Московской губернии с призывом повести борьбу против врагов Советской власти, пытавшихся использовать временные производственные затруднения республики в контрреволюционных целях. — 124.

- 37 Письмо В. И. Ленина грузинским коммунистам было передано И. В. Сталиным 2 марта 1921 года по прямому проводу Г. К. Орджоникидзе. В тот же день В. И. Ленину был послан по телеграфу ответ Г. К. Орджоникидзе. В ответе сообщалось о полном единодушии коммунистов Грузии с директивой В. И. Ленина.

В заголовке слово «Баку» написано И. В. Сталиным. — 137.

- 38 X съезд РКП(б) состоялся в Москве 8—16 марта 1921 года. На съезде присутствовало 694 делегата с решающим голосом, представлявших 732 521 члена партии, и 296 — с совещательным голосом.

Съезд заслушал и обсудил отчет о политической деятельности ЦК, отчет Контрольной комиссии, доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе, о замене разверстки натуральным налогом, о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне и другие.

На съезде работало несколько комиссий по подготовке решений; комиссию по национальному вопросу возглавлял И. В. Сталин.

Ленин выступил с речью при открытии съезда и руководил всей его работой. Он делал доклады по всем основным вопросам повестки дня: о политической деятельности ЦК РКП(б), о замене разверстки натуральным налогом, об единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне; выступал с заключительным словом по каждому из этих вопросов. Ленин также выступал на съезде с речами: о профессиональных союзах, по топливному вопросу, при закрытии съезда. Лениным были подготовлены первоначальные проекты революций: о кооперации, об улучшении положения рабочих и нуждающихся крестьян, о единстве партии, о синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии.

В борьбе за единство партии, за принятие на съезде правильных решений главной опорой В. И. Ленина был И. В. Сталин. На съезде был заслушан доклад И. В. Сталина об очередных задачах партии в национальном вопросе и заключительное слово по докладу (см. И. В. Сталин. Сочинения, том 5, 1947, стр. 33—49).

Съезд подвел итоги дискуссии о профсоюзах и одобрил подавляющим большинством голосов ленинскую платформу. Съезд принял предложенные Лениным резолюции «О единстве партии»

и «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» (см. настоящий том, стр. 215—220, 221—224). Съезд признал пропаганду идей анархо-синдикалистского уклона несовместимой с принадлежностью к коммунистической партии.

Съездом было принято решение о замене разверстки натуральным налогом, о переходе к новой экономической политике.

Съезд единогласно принял резолюцию об очередных задачах партии по национальному вопросу, предложенную от имени комиссии И. В. Сталиным. X съезд партии избрал новый Центральный Комитет с обеспеченным большинством ленинцев. В состав ЦК были избраны: Ленин, Сталин, Молотов, Ворошилов, Калинин, Дзержинский, Орджоникидзе, Фрунзе и др.; кандидатами в члены ЦК были избраны: Киров, Куйбышев и др. — 141.

39 См. настоящий том, стр. 14. — 148.

40 21 условие приема в III Интернационал было разработано Лениным и принято II конгрессом Коминтерна в августе 1920 года. — 156.

41 Торговое соглашение с Англией было подписано 16 марта 1921 года. — 157.

42 Ленин имеет в виду контрреволюционный кронштадтский мятеж, начавшийся 28 февраля 1921 года. X съезд партии направил на ликвидацию мятежа 300 делегатов во главе с К. Е. Ворошиловым. 18 марта мятеж был полностью ликвидирован. — 159.

43 *Демократический комитет в Самаре* — так называемый Комитет членов Учредительного собрания (КОМУЧ) — белогвардейско-эсеровское правительство, образовавшееся в июне и ликвидированное осенью 1918 года. — 161.

44 См. настоящий том, стр. 49—86. — 174.

45 Ленин имеет в виду состоявшуюся в Харькове 5—6 марта 1921 года беспартийную конференцию по продовольственному вопросу. — 180.

46 Настоящий проект резолюции, разработанный Лениным, был утвержден X съездом партии. — 185.

47 *Комгосоор* — Комитет государственных сооружений Высшего Совета Народного Хозяйства, создан декретом Совета Народных Комиссаров 9 мая 1918 года в целях объединения всей деятельности государства в области промышленного строительства. — 185.

48 *Речь о профессиональных союзах* была произнесена Лениным на двенадцатом заседании X съезда РКП(б) 14 марта 1921 года. После выступления Ленина съезд подавляющим большинством голосов принял ленинскую платформу (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 369—379). — 187.

- 49 Имеется в виду резолюция, принятая 29 декабря 1920 года VIII Всероссийским съездом Советов по вопросу о положении железнодорожного и водного транспорта и о дальнейших перспективах его укрепления и развития. — 188.
- 50 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1948, стр. 305. — 189
- 51 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 290 (пункт 5). — 190.
- 52 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 389. — 198.
- 53 По решению X съезда РКП(б) седьмой пункт резолюции о единстве партии не был тогда опубликован. И. В. Сталин в «Докладе об очередных задачах партийного строительства» на XIII конференции РКП(б) 17 января 1924 года огласил этот пункт (см. И. В. Сталин. Сочинения, том 6, 1947, стр. 24). По предложению И. В. Сталина конференция приняла решение об опубликовании этого пункта (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 545, пункт 14). — 217.
- 54 «Дискуссионный Листок» — неперiodическое издание ЦК РКП(б); начал издаваться по постановлению IX Всероссийской конференции РКП(б), состоявшейся в сентябре 1920 года. Вышло два номера: первый — в январе, второй — в феврале 1921 года перед X съездом РКП(б). — 219.
- 55 С докладом о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне в партии Ленин выступил на последнем, шестнадцатом, заседании съезда. После заключительного слова по докладу подавляющим большинством голосов были приняты составленные и предложенные Лениным резолюции «О единстве партии» и «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии». — 225.
- 56 См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1950, стр. 101; К. Маркс. «Критика Готской программы»; письмо К. Маркса И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1948, стр. 20, 433) и др. — 226.
- 57 Ленин имеет в виду борьбу на II конгрессе Коммунистического Интернационала против анархистской группы, так называемой Коммунистической рабочей партии Германии; группа образовалась из мелкобуржуазных, анархо-синдикалистских, «левых» элементов, отколовшихся от Коммунистической партии Германии. Впоследствии эта группа превратилась в сектантскую группку, враждебную Коммунистической партии и рабочему классу Германии и выступавшую с клеветническими выпадами против Советского Союза. — 228.

- 58 Поправка Рязанова по предложению Ленина была отклонена съездом. — 237.
- 59 Проект директивы, на который ссылается В. И. Ленин, в материалах X съезда РКП(б) не сохранился. — 243.
- 60 «*Reuters*» («Рейтер») — английское информационное телеграфное агентство. — 244.
- 61 «*Le Matin*» («Утро») — французская ежедневная буржуазная газета; основана в 1884 году. — 245.
- 62 «*The Times*» («Времена») — одна из крупных газет консервативных кругов английской буржуазии; основана в Лондоне в 1785 году. — 245.
- 63 «*The Daily Chronicle*» («Ежедневная Хроника») — газета английской империалистической буржуазии; выходила в Лондоне с 1855 до 1930 года. — 245.
- 64 *Первый Всероссийский съезд транспортных рабочих* происходил в Москве с 22 по 31 марта 1921 года. На съезде присутствовало 1 079 делегатов.
Речь была произнесена Лениным на пятом пленарном заседании съезда. — 248.
- 65 Поздравление Ленина явилось ответом на письмо, в котором рабочие 1-го Государственного автомобильного завода сообщали Ленину о выпуске автомобильных двигателей и приглашали его принять участие в заводском празднестве, назначенном на 7 апреля 1921 года. — 261.
- 66 *Собрание секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии*, созванное Московским комитетом партии, происходило в Колонном зале Дома союзов. На собрании присутствовали также члены московской партийной организации, участвовавшие в ликвидации контрреволюционного мятежа в Кронштадте, и представители от волостных организаторов по работе среди крестьянок Московской губернии. На повестке дня стоял вопрос о продольственном налоге. Докладчиком по этому вопросу был Ленин. — 262.
- 67 *Комитеты бедноты* (комбеды) были учреждены декретом ВЦИК от 11 июня 1918 года («Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями»). По решению VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов (ноябрь 1918 года) комитеты бедноты, выполнившие свои задачи, слились с Советами в деревне.
«*Комнезамосжи*» (комитеты незаможных селян) объединяли малоземельных и безземельных крестьян Украины; организовывали

вались с целью защиты интересов бедноты и середняков; существовали с 1920 года и были ликвидированы в 1933 году. — 271.

- 68 См. Сочинения, 4 изд., том 27, стр. 291—319. — 272.
- 69 Первое *Совещание представительниц женотделов народов Востока советских областей и республик* происходило в Москве 5—7 апреля 1921 года. На нем присутствовало 45 делегаток-коммукисток, организаторов женщин Востока: Туркестана, Азербайджана, Башкирии, Крыма, Кавказа, Татарии, Сибири и ряда губерний с тюркским и горским населением. Делегатки совещания обратились к Ленину с письмом, приглашая приехать на совещание. В ответ на приглашение Лениным и была послана публикуемая в томе телефонограмма. — 277.
- 70 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 390—391. — 278.
- 71 Ленин имеет в виду революционное выступление немецкого пролетариата в марте 1921 года (известное как мартовские события), которое было подавлено, главным образом, вследствие предательства социал-демократических лидеров, выступивших вместе с буржуазией в роли душителей массового рабочего движения. Ленинскую оценку мартовских событий см. в настоящем томе, стр. 444—453, 487—498.
- Упомянутая Лениным стачка английских горняков происходила в апреле—июне 1921 года. Стачка явилась ответом на требование владельцев копей снизить рабочим зарплату на 20%; в ней участвовало свыше миллиона человек; стачка переросла во всеобщую по союзу горнорабочих. Героическая борьба горняков была подавлена буржуазией при помощи реформистских профсоюзных вождей. — 286.
- 72 *Общегородское совещание петроградских беспартийных рабочих* происходило 10—20 апреля 1921 года. Делегаты совещания обратились к Ленину с приветствием и приглашением принять участие в работе совещания. Публикуемый в настоящем томе документ является ответом на это приглашение. Ответ был послан 14 апреля; прочитан на последнем заседании совещания 20 апреля 1921 года. — 298.
- 73 Ленин имеет в виду пункт 2 экономической части программы Российской коммунистической партии (большевиков) (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 289). — 302.
- 74 В приведенных данных Ленин показывает соотношение и численный состав населения империалистических стран и колоний. Из 1 750 000 000 всего населения земного шара (по статистическим данным на 1920 год) $\frac{1}{7}$, или 250 000 000, составляла население империалистических стран и $\frac{4}{7}$, или 1 000 000 000, — население колоний. — 302.

- 75 Указывая даты «5. V. 1918» и «10. XI. 1918», Ленин имеет в виду свои работы «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» и «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Первая была закончена 5 мая 1918 года, вторая — 10 ноября того же года (см. Сочинения, 4 изд., том 27, стр. 291—319; том 28, стр. 207—302). — 306.
- 76 См. Сочинения, 4 изд., том 27, стр. 291—319. — 308.
- 77 «Новая Жизнь» и «Вперед» — ежедневные меньшевистские газеты, выходившие в 1917—1918 годах; закрыты Советской властью за контрреволюционную деятельность. — 314.
- 78 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1948, стр. 15. — 314.
- 79 См. Сочинения, 4 изд., том 25, стр. 332, 333. — 315.
- 80 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1948, стр. 419. — 316.
- 81 См. Сочинения, 4 изд., том 27, стр. 302—313. — 319.
- 82 III¹/₂ Интернационал — основан в Вене в феврале 1921 года на конференции центристских партий и групп, временно вышедших из II Интернационала под давлением революционно настроенных рабочих масс. В 1923 году III¹/₂ Интернационал вновь соединился со II Интернационалом. — 335.
- 83 См. Сочинения, 4 изд., том 27, стр. 304—305. — 339.
- 84 Запись речей Ленина на грамофонных пластинках была организована Центропечатью (Центральное агентство ВЦИК по снабжению и распространению произведений печати). Опубликованные в настоящем томе речи были записаны 25 апреля 1921 года. — 344.
- 85 «Наказ от СТО (Совета Труда и Оборона) местным советским учреждениям. Проект» был внесен Лениным на обсуждение III сессии ВЦИК 30 мая 1921 года. При обсуждении проекта «Наказа» Ленин выступил с речью. Сессия ВЦИК, приняв «Наказ», передала его на утверждение Президиума ВЦИК. 30 июня 1921 года «Наказ» был утвержден. — 353.
- 86 Ленин имеет в виду постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 21 марта 1921 года о замене продовольственной разверстки натуральным налогом, принятое в соответствии с решением X съезда РКП(б). — 353.
- 87 X Всероссийская конференция РКП(б) состоялась в Москве 26—28 мая 1921 года. Конференция являлась внеочередной. Основное внимание конференции было уделено вопросу о проведении в жизнь новой экономической политики. Ленин

подготовил к конференции письменный план доклада и план заключительного слова по вопросу о продовольственном налоге, дал свои замечания на план работы ЦК РКП(б). Ленин произнес речь при открытии конференции; выступил с докладом о продовольственном налоге и с заключительным словом по докладу; подготовил проект резолюции по этому вопросу; выступил с докладом о работе коммунистической фракции IV съезда профсоюзов; произнес речь при закрытии конференции. За три дня работы конференции Ленин выступал двенадцать раз.

Проект резолюции о новой экономической политике, разработанный Лениным, был принят конференцией. — 377.

88 Имеется в виду брошюра «О продовольственном налоге. (Значение новой политики и ее условия)». См. настоящий том, стр. 308—343. — 380.

89 Ленин имеет в виду *IV Всероссийский съезд профсоюзов*, состоявшийся 17—25 мая 1921 года, и *IV Всероссийский съезд советов народного хозяйства*, происходивший 18—24 мая 1921 года.

Отдельные вопросы IV Всероссийского съезда советов народного хозяйства и IV Всероссийского съезда профессиональных союзов обсуждались на объединенных заседаниях делегатов обоих съездов. — 393.

90 *III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета* происходила 30—31 мая 1921 года. Сессия обсудила доклад о деятельности Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и одобрила его работу. На сессии были заслушаны и обсуждены доклады: о посевной кампании; об органах, объединяющих деятельность хозяйственных наркоматов, и экономических органах на местах; о замене разверстки налогом; о петроградской промышленности; о реорганизации трибуналов; доклады Тверского губисполкома и Сибирского революционного комитета.

Речь об экономических органах на местах Ленин произнес на втором (вечернем) заседании сессии ВЦИК. — 414.

91 Имеется в виду брошюра «Наказ от СТО (Совета Труда и Оборона) местным советским учреждениям. Проект». См. настоящий том, стр. 353—376. — 414.

92 *III Всероссийское продовольственное совещание* происходило в Москве 16—24 июня 1921 года. Ленин был избран почетным членом президиума совещания. Совещание обсудило вопрос о новой продовольственной политике и другие. Напечатанная в настоящем томе речь была произнесена Лениным на первом заседании совещания. — 417.

- 93 Ленин имеет в виду постановление X Всероссийской конференции РКП(б) «Об экономической политике» (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 396—398). — 420.
- 94 III конгресс Коммунистического Интернационала происходил в Москве с 22 июня по 12 июля 1921 года. В работе конгресса принимали участие представители коммунистических, лево-социалистических и социалистических партий 48 стран и делегаты международных союзов молодежи и женщин. На конгресс были приглашены также представители групп, близко стоящих к Коминтерну.
- Российская коммунистическая партия (большевиков) была представлена на конгрессе 72 делегатами. Возглавлял делегацию Ленин.
- Ленин был избран почетным председателем конгресса. Он руководил всей работой конгресса. Лениным были разработаны «Тезисы доклада о тактике РКП на III конгрессе Коммунистического Интернационала». Ленин выступал на конгрессе с речью по итальянскому вопросу; с речью в защиту тактики Коммунистического Интернационала; с докладом о тактике РКП(б). 11 июля Ленин произнес речь на совещании с представителями некоторых делегаций конгресса.
- III конгресс Коминтерна, заслушав доклад Ленина о тактике РКП(б), единогласно одобрил ее; одобрил экономическую политику РКП(б), направленную на укрепление диктатуры пролетариата, призвал пролетариат всего мира стать на сторону рабочих и крестьян Советской республики и пойти по их пути. — 427.
- 95 Имеется в виду расстрел английскими войсками безоружной массы индусов в городе Амритсаре 13 апреля 1919 года. В результате этой бойни оказалось убитых 400 человек, раненых 1200. Такие же расстрелы произошли и в других городах Индии. — 431.
- 96 «Последние Новости» — ежедневная белоэмигрантская газета, орган контрреволюционной буржуазной партии кадетов; издавалась в Париже с апреля 1920 года по июль 1940 года; редактором газеты был лидер кадетов П. Н. Милюков. — 436.
- 97 «Коммунистический Труд» — ежедневная газета; орган Московского комитета РКП(б) и Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов. Начала выходить с 18 марта 1920 года. С 7 февраля 1922 года стала выходить под названием «Рабочая Москва»; с 1 марта 1939 года — под названием «Московский Большевик»; с 19 февраля 1950 года выходит под названием «Московская Правда». — 437.
- 98 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 385—386. — 437.

- 89 Речь идет о конференции итальянских реформистов, происходившей 10—11 октября 1920 года в Реджио-Эмилия. Конференция приняла резолюцию, направленную против диктатуры пролетариата и Советской власти. — 438.
- 100 *«Avanti!»* («Вперед!») — ежедневная газета, центральный орган Итальянской социалистической партии; основана в декабре 1896 года. — 438.
- 101 *Ливорнский съезд Итальянской социалистической партии* происходил в январе 1921 года. На съезде шла ожесточенная борьба по вопросу об условиях приема в Коммунистический Интернационал.
- Часть делегатов, сторонников Коминтерна, отстаивавшая безоговорочное принятие условий вхождения партий в Коминтерн, требовавшая разрыва с реформистами и присоединения к Коммунистическому Интернационалу, покинула съезд и основала Коммунистическую партию Италии. — 440.
- 102 Имеется в виду съезд чешских левых социал-демократов, состоявшийся в Праге в мае 1921 года. На съезде подавляющим большинством голосов (562 против 7) было принято решение о присоединении к III, Коммунистическому Интернационалу. — 464.
- 103 *«Vorwärts»* («Вперед») — газета; начала издаваться под этим названием в мае 1911 года в Рейхенберге как орган левого направления австрийских социал-демократов. В начале мировой империалистической войны 1914—1918 годов газета «Vorwärts» была запрещена за выступление против войны; выход газеты снова был возобновлен группой левых социал-демократов в 1918 году после распада Австро-Венгрии и образования Чехословацкой республики.
- С 1921 года газета «Vorwärts» стала органом Коммунистической партии Чехословакии (немецкое отделение); во второй половине августа 1934 года вместо нее начала выходить газета «Die Rote Fahne» («Красное Знамя»). — 464.
- 104 *I Международный конгресс революционных профессиональных и производственных союзов* происходил в Москве 3—19 июля 1921 года. На конгрессе присутствовало 380 делегатов от 42 государств Европы и Америки, а также от ряда колониальных и полуколониальных стран (Корея, Южная Африка, Австралия и другие).
- Приветствие Ленина явилось ответом на обращение к нему делегатов конгресса с просьбой принять участие в работе конгресса. Приветствие Ленина было оглашено на семнадцатом заседании 19 июля 1921 года. — 476.
- 105 *Объединенная коммунистическая партия Германии (V. K. P. D.)* была образована в декабре 1920 года на объединительном съезде

Коммунистической партии Германии и значительного большинства членов Независимой социал-демократической партии.

Объединение произошло после раскола Независимой социал-демократической партии на съезде в Галле (октябрь 1920 года), где большинство независимцев порвало с этой центристской (каутскианской) партией и перешло на сторону III, Коммунистического Интернационала.

На следующем съезде (в г. Иене, август 1921 года) партия снова приняла свое прежнее название: Коммунистическая партия Германии. — 487.

- ¹⁰⁶ Газета «Москва» — орган III конгресса Коммунистического Интернационала, выходила в Москве на трех языках: немецком — «Moskau» (№№ 1—50), французском — «Moscou» (№№ 1—44) и английском — «Moscow» (№№ 1—41).

Поправки, о которых упоминает Ленин, напечатаны полностью на немецком языке в № 30 газеты «Moskau» 1 июля 1921 года. — 495.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. И. ЛЕНИНА

(Декабрь 1920 года — август 1921 года)

1920

- Декабрь, 30.* Ленин выступает на соединенном заседании делегатов VIII съезда Советов, членов ВЦСПС и МГСПС — членов РКП(б) с речью о профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого.
- Декабрь, 31.* Ленин единогласно утверждается председателем Совета Народных Комиссаров (Совнаркома) на первом заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, избранного VIII съездом Советов.

1921

- Январь, до 22.* Ленин находится в отпуску и живет в Горках, приезжая в Москву на заседания ЦК РКП(б) и Совета Труда и Оборона (СТО).
- Январь, 4.* Ленин руководит работой пленума ЦК РКП(б).
- Январь, 6.* Ленин беседует с ходяком от крестьян деревни Моденово, Богородской волости, Московской губернии, о сокращении продовольственной разверстки.
- Январь, 9.* Ленин выступает на собрании крестьян деревни Горки, Московской губернии, с докладом о международном и внутреннем положении Советской республики.
- Январь, 11.* Ленин в телеграмме губисполкомам, губпродкомам и губземотделам дает указания об организации на местах посевкомов и проведении посевной кампании.
- Январь, 12.* Ленин руководит работой пленума ЦК РКП(б).

- Январь, 14.* В. И. Ленин и И. В. Сталин принимают участие в составлении проекта постановления X съезда РКП(б) по вопросу о роли и задачах профсоюзов.
- Январь, 19.* Ленин пишет статью «Кризис партии».
- Январь, 20.* Ленин обращается с письмом к рабочим и служащим ст. Пролетарская, Владикавказской ж. д., приславшим делегацию с подарком для трудящихся Москвы (пшеницей, ячменем и мукой), дает советы о постановке работы в их сельскохозяйственной коммуне и установлении правильных взаимоотношений с окрестными крестьянами.
- Январь, 23.* Ленин выступает на заседании фракции РКП(б) II Всероссийского съезда горнорабочих с докладом о роли и задачах профессиональных союзов.
- Январь, 24.* Ленин выступает на заседании фракции РКП(б) II Всероссийского съезда горнорабочих с заключительным словом по докладу о роли и задачах профессиональных союзов.
- В. И. Ленин принимает А. М. Горького, беседует с ним об улучшении условий жизни академика И. П. Павлова.
- В. И. Ленин подписывает постановление Совета Народных Комиссаров об условиях, обеспечивающих научную работу академика И. П. Павлова и его сотрудников.
- Январь, 25.* Ленин заканчивает написание брошюры «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина».
- Январь, 26.* Ленин руководит работой пленума ЦК РКП(б), на котором утверждается комиссия под руководством Ленина для разработки проекта реорганизации Наркомпроса.
- Январь, 27.* В. И. Ленин принимает А. М. Горького и делегацию Объединенного совета научных учреждений и высших учебных заведений Петрограда по вопросу о создании условий для научно-исследовательской работы в Советской республике.
- Январь, 29 —
Февраль, 2.* Ленин руководит работой комиссии по реорганизации Наркомпроса; пишет проект положения о Наркомпросе и директивы ЦК РКП(б) коммунистам — работникам Наркомпроса.

- Январь, 31.* Ленин дает директиву руководящим работникам Баку об организации рыбной промышленности на Каспии.
Ленин избирается председателем хлебной комиссии при Совете Труда и Оборона.
- Февраль, 2.* Ленин руководит заседанием Политбюро ЦК РКП(б), на котором рассматриваются вопросы: тезисы к X съезду партии о Главполитпросвете и агитпропработе; о помощи пострадавшему от неурожая крестьянству; о промысловой кооперации и др.
Ленин пишет письмо в Институт Маркса — Энгельса с запросом, что сделано по сбору писем и всех опубликованных произведений Маркса и Энгельса.
- Февраль, 4.* Ленин выступает с речью на Московской шпироной конференции металлистов.
Ленин руководит заседанием Совета Труда и Оборона, на котором обсуждаются вопросы: о ходе демобилизации армии; о мерах к ускорению производства электропачотных орудий и двигателей и др.
- Февраль, 5.* В «Правде» публикуются написанные Лениным директивы ЦК РКП(б) коммунистам — работникам Наркомпроса в связи с реорганизацией комиссарата.
В. И. Ленин руководит заседанием Политбюро ЦК РКП(б), на котором рассматриваются тезисы И. В. Сталина «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» к X съезду партии; вопросы о посевной кампании, о Наркомнаце и др.
В. И. Ленин и И. В. Сталин возглавляют комиссию, созданную для окончательного редантирования тезисов.
- Февраль, 6.* Ленин выступает на IV Всероссийском съезде рабочих швейной промышленности с речью о международном положении и о задачах профессионального движения.
- Февраль, 7.* Ленин пишет статью «О работе Наркомпроса».
В. И. Ленин и И. В. Сталин вместе с другими членами комиссии редактируют тезисы по национальному вопросу к X съезду РКП(б).

- Февраль, 8.* Ленин пишет «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян». Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается вопрос об убытках, причиненных иностранной военной интервенцией и блокадой.
- Февраль, 12.* В. И. Ленин направляет И. В. Сталину и другим членам Политбюро записку и материалы о нефтяных концессиях и о положении нефтепромышленности. Ленин принимает дагестанскую делегацию и беседует с ней о положении в Дагестанской республике.
- Февраль, 14.* Ленин принимает делегацию крестьян из Тамбовской губернии и беседует о положении в деревне.
- Февраль, 16.* Ленин принимает участие в заседании Московского комитета с партийным активом, выступает с докладом по внутрипартийным вопросам.
- Февраль, 17.* Ленин составляет проект постановления Совета Труда и Оборона о создании Государственной общеплановой комиссии и намечает предварительный список членов этой комиссии.
- Февраль, 19.* Ленин на заседании Политбюро ЦК РКП(б) руководит обсуждением вопросов к предстоящему пленуму ЦК РКП(б).
- Февраль, 21.* Ленин пишет статью «Об едином хозяйственном плане».
- Февраль, 24—25.* Ленин руководит работой пленума ЦК РКП(б), на котором обсуждаются вопросы: о положении в Москве; о замене проразверстки натуральным налогом; о нефтяных концессиях; о топливе; о работе водного транспорта; о демобилизации армии и др.
- Февраль, 25.* Ленин посещает общежитие Всероссийских художественных мастерских и беседует со студентами об искусстве и литературе.
- Февраль, 26.* Ленин выступает с речью на Московской губернской конференции работниц и крестьянок. Ленин принимает турецкую делегацию и беседует с ней по вопросу о заключении договора с Турцией.

- Февраль, 27.* Приветствие Ленина V Всеукраинскому съезду Советов опубликовано в газете «Коммунист» (Харьков).
- Февраль, 28.* Ленин руководит заседанием Политбюро ЦК РКП(б), на котором рассматриваются вопросы: о топливе, о положении в Москве и Петрограде и др.
- Ленин выступает на заседании пленума Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов с речью о международном и внутреннем положении Советской республики.
- Ленин беседует с крестьянами Владимирской губернии о положении в деревне и о замене продразверстки натуральным налогом.
- Март, 1.* Ленин пишет письмо в Наркомзем о привлечении беспартийных крестьян, имеющих опыт практической работы, для налаживания сельского хозяйства.
- Март, 2.* В. И. Ленин направляет И. В. Сталину для ознакомления письмо грузинским коммунистам.
- Март, 3.* В. И. Ленин и И. В. Сталин вызывают по прямому проводу членов грузинского Ревкома. И. В. Сталин передает приветствие и директивы В. И. Ленина коммунистам Грузии.
- Март, 4.* Ленин пишет статью «Международный день работниц».
- Март, 7.* Ленин руководит работой пленума ЦК РКП(б), на котором рассматривается проект постановления ЦК РКП(б) о замене продразверстки натуральным налогом.
- Ленин назначается пленумом ЦК РКП(б) председателем комиссии для разработки проекта постановления к X съезду партии о замене продразверстки натуральным налогом.
- Март, 8—16.* Ленин руководит работой X съезда Российской коммунистической партии (большевиков).
- Март, 8.* Ленин произносит вступительную речь при открытии X съезда партии.
- Ленин избирается в состав президиума съезда.
- Ленин выступает на заседании съезда с отчетным докладом о политической деятельности ЦК РКП(б).

- Март, 9.* Ленин на заседании съезда выступает с заключительным словом по докладу о политической деятельности ЦК РКП(б).
- Март, 12 и 13.* Ленин участвует в закрытых заседаниях съезда, посвященных обсуждению военного вопроса.
- Март, 13.* В. И. Ленин пишет записку И. В. Сталину о посылке делегатов съезда на ликвидацию кронштадтского мятежа.
- Март, 13 или 14.* Ленин пишет первоначальный проект резолюции X съезда партии об улучшении положения рабочих и нуждающихся крестьян.
- Март, 14.* Ленин на заседании съезда выступает с речью о профессиональных союзах.
Ленин на закрытом заседании съезда избирается членом ЦК РКП(б).
- Март, 14 или 15.* Ленин составляет первоначальные проекты резолюций съезда о единстве партии, о синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии.
- Март, не позднее 15.* Ленин составляет проект резолюции съезда о кооперации.
- Март, 15.* Ленин на заседании съезда выступает с докладом и заключительным словом по вопросу о замене разверстки натуральным налогом.
- Март, 16.* Ленин на заседании съезда выступает с докладом и заключительным словом по вопросу об единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне и вносит проекты резолюций по этим вопросам.
Ленин выступает с речью и вносит предложение по топливному вопросу.
Ленин произносит заключительную речь, в которой подводит итоги работы X съезда партии.
- Март, 17.* Опубликована директива Ленина Реввоенсовету XI армии об установлении контакта с Ревкомом Грузии.

- Март, до 21.* Ленин дает указание Петроградскому Совету о снятии осадного положения в Петрограде и замене его военным.
- Март, 22.* Ленин беседует с крестьянами Уфимского уезда и поручает выдать каждому из них удостоверение в том, что они были вызваны им в Москву «для беседы и совета по важному делу, касающемуся крестьянского хозяйства».
- Март, 24.* Ленин в телеграмме всем командующим фронтами и командующим войсками округов дает указание о принятии срочных мер по оказанию помощи земельным органам в проведении посевной кампании.
- Март, 27.* Ленин выступает на Всероссийском съезде транспортных рабочих с речью о внутреннем и внешнем положении Советской республики.
- Конец марта — начало апреля.* Ленин работает над планом брошюры «О продовольственном налоге».
- Апрель, 7.* Ленин посылает приветственную телефонограмму завкому и всем рабочим 1-го Государственного автомобильного завода по поводу выпуска двигателей.
- Апрель, 9.* В. И. Ленин в телеграмме Г. К. Орджоникидзе сообщает о принятых мерах помощи Армении, дает указания о проведении ряда мер для поднятия хозяйственной жизни Закавказья.
Ленин беседует с представителем иваново-вознесенских рабочих о положении текстильных фабрик в губернии.
Ленин выступает с докладом о продовольственном налоге на собраниях секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии.
- Апрель, 10.* Публикуется приветствие Ленина совещанию представительниц женотделов народов Востока советских областей и республик.
- Апрель, 11.* Ленин выступает с докладом о концессиях на заседании коммунистической фракции ВЦСПС.
- Апрель, 14.* Ленин в письме коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики дает указания об укреплении и развитии Советской власти на Кавказе.
Ленин пишет приветствие общегородскому совещанию петроградских беспартийных рабочих.

- Апрель, 18.* В. И. Ленин и И. В. Сталин дают указания Г. К. Орджоникидзе о сохранении Грузинского государственного банка, о необходимости развертывания самой решительной борьбы против контрреволюционной деятельности грузинских меньшевиков.
- Апрель, 21.* Ленин заканчивает написание брошюры «О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия)».
- Апрель, 25.* Ленин пишет три речи для записи на грамофонных пластинках: о продовольственном налоге или продналоге, о концессиях и о развитии капитализма, о потребительской и промысловой кооперации.
- Апрель, 26.* В. И. Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о взаимоотношениях между узбеками и туркменами (внесено И. В. Сталиным); о Карельской трудовой коммуне и др.
- Конец апреля — начало мая.* Ленин пишет проект циркулярного письма губкомам партии об отношении к беспартийным рабочим.
- Май, 10.* Ленин руководит заседанием Политбюро ЦК РКП(б), на котором обсуждается вопрос о коллективном снабжении.
В. И. Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются внесенные И. В. Сталиным вопросы: о положении рабочей инспекции на местах; о назначении представителя Народного комиссариата национальностей в члены Малого Совнаркома.
Ленин пишет замечания на тезисы к III конгрессу Коммунистического Интернационала, разработанные комиссией.
- Май, 14.* Ленин в письме «Тов. Кржижановскому. В Президиум Госплана» намечает основные вопросы для составления общегосударственного хозяйственного плана на ближайшие годы.
- Май, 18.* Ленин выступает по поручению ЦК РКП(б) на заседании коммунистической фракции IV Всероссийского съезда профсоюзов против проекта революции анархо-синдикалистской группы по отчету президиума ВЦСПС на съезде.

- Май, 21.* Ленин заканчивает составление проекта «Наказа от ЦТО (Совета Труда и Оборона) местным советским учреждениям».
- Май, 22.* Ленин пишет проект постановления для Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о решениях фракции РКП(б) IV съезда профессиональных союзов.
- Май, 26—28.* Ленин руководит работой X Всероссийской конференции РКП(б).
- Май, 26.* Ленин произносит вступительную речь при открытии конференции.
Ленин избирается в состав президиума конференции.
Ленин выступает на заседании конференции с докладом о продовольственном налоге.
- Май, 27.* Ленин выступает на заседании конференции с заключительным словом по докладу о продовольственном налоге.
Ленин выступает на заседании конференции с докладом о фракции РКП(б) IV съезда профессиональных союзов.
- Май, не позднее 28.* Ленин составляет проект резолюции по вопросам новой экономической политики.
- Май, 28.* Ленин выступает на заседании конференции в защиту проекта резолюции по вопросам новой экономической политики.
Ленин произносит заключительную речь, в которой подводит итоги работы конференции.
- Май, 30.* Ленин выступает с речью о задачах экономических органов на местах на заседании III сессии ВЦИК 8-го созыва.
- Май.* Ленин в нескольких письмах заместителю наркома просвещения предлагает проверить работу по составлению словаря русского языка (от Пушкина до Горького).
- Июнь, 4.* В. И. Ленин, М. И. Калинин и В. М. Молотов в телеграмме председателям губисполкомов дают указания о недопустимости издания на местах постановлений, противоречащих распоряжениям центра.

- Июнь, 5.* Ленин дает указание председателю Государственной комиссии по электрификации РСФСР подготовить материалы для ознакомления членов III конгресса Коммунистического Интернационала с планом электрификации.
- Июнь, 13.* Ленин пишет тезисы доклада о тактике РКП(б) к III конгрессу Коммунистического Интернационала.
- Июнь, 16.* Ленин выступает с речью о новой экономической политике на III Всероссийском продовольственном совещании.
- Июнь, 17.* Ленин выступает с речью на расширенном заседании Исполкома Коммунистического Интернационала по вопросу о положении во Французской компартии.
- Июнь, 22 — июль, 12.* Ленин руководит работой III конгресса Коммунистического Интернационала.
- Июнь, 22.* Ленин избирается почетным председателем III конгресса Коммунистического Интернационала.
- Июнь, 28.* Ленин на заседании III конгресса Коммунистического Интернационала выступает с речью по итальянскому вопросу.
- Июнь — июль.* Ленин дает указания об обеспечении строительства Каширской электростанции рабочей силой и всеми необходимыми материалами.
- Июль, 1.* Ленин на заседании III конгресса Коммунистического Интернационала выступает с речью в защиту тактики Коммунистического Интернационала.
- Июль, 4.* В. И. Ленин запрашивает телеграммой Г. К. Орджоникидзе, почему И. В. Сталина отрывали от отдыха, и просит прислать заключение врачей о здоровье И. В. Сталина.
- Ленин в письме «Мысли насчет «плана» государственного хозяйства» дает указания Государственной плановой комиссии при СТО в связи с составлением государственного плана.
- Июль, 5.* Ленин выступает на заседании III конгресса Коммунистического Интернационала с докладом о тактике РКП(б).

- Июль, 6.* Ленин в телеграмме Наркомпроду Украины дает указания о принятии решительных мер для удовлетворения нужд Донбасса.
- Июль, 11.* Ленин выступает на совещании делегатов III конгресса Коммунистического Интернационала с речью по вопросу о революционной тактике.
- Июль, 13.* Ленин получает месячный отпуск по состоянию здоровья и уезжает в Горки.
- Июль, 16.* Ленин пишет приветствие съезду уполномоченных Центросоюза.
- Июль, 17.* В. И. Ленин запрашивает Г. К. Орджоникидзе о состоянии здоровья И. В. Сталина и просит сообщить заключение лечащих его врачей.
- Июль, 18.* Ленин пишет приветствие I Международному конгрессу революционных профессиональных и производственных союзов.
- Июль, 19.* В. И. Ленин дает указания М. И. Калинину о мерах помощи голодающим в Поволжье.
Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о помощи губерниям, пострадавшим от неурожая, и др.
- Июль, 20.* Ленин пишет приветственное письмо крестьянам села Горки по поводу открытия электрического освещения в их селе.
- Июль, 25.* В. И. Ленин запрашивает Г. К. Орджоникидзе, на сколько дней оторвали И. В. Сталина от отдыха, и просит сообщить фамилию и адрес доктора, лечащего И. В. Сталина.
- Август, 2.* В. И. Ленин пишет письмо В. В. Адоратскому по поводу предисловия к сборнику писем К. Маркса и Ф. Энгельса, а также книги по основным вопросам марксизма.
Ленин пишет обращение к международному пролетариату о помощи населению районов Советской России, пострадавшим от неурожая.
Ленин пишет обращение к крестьянам Украины о помощи рабочим и крестьянам Поволжья, пострадавшим от неурожая.
- Август, 5.* В письме Г. Мясникову Ленин разоблачает антипартийные и враждебные рабочему классу взгляды Мясникова.

Август, 13.

Ленин пишет письмо представителю Английской коммунистической партии при Исполкоме Коммунистического Интернационала о задачах Английской коммунистической партии.

Август, 14.

Ленин пишет письмо к немецким коммунистам в связи с предстоящим съездом Объединенной коммунистической партии Германии, в котором рекомендует руководствоваться резолюциями III конгресса Коммунистического Интернационала.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	VII
1920 г.	
О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗАХ, О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ И ОБ ОШИБКАХ ТРОЦКОГО. Речь на соединенном заседании делегатов VIII съезда Советов, членов ВЦСПС и МГСПС — членов РКП(б) 30 декабря 1920 г.	1—22
1921 г.	
КРИЗИС ПАРТИИ.....	23—32
II ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД ГОРНОРАБОЧИХ.....	33—47
1. ДОКЛАД О РОЛИ И ЗАДАЧАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ НА ЗАСЕДАНИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ СЪЕЗДА 23 ЯНВАРЯ.....	33
2. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ О РОЛИ И ЗАДАЧАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ НА ЗАСЕДАНИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ СЪЕЗДА 24 ЯНВАРЯ.....	43
ОБ УСЛОВИЯХ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ НАУЧНУЮ РАБОТУ АКАДЕМИКА И. П. ПАВЛОВА И ЕГО СОТРУДНИКОВ. Постановление Совета Народных Комиссаров.....	48
ЕЩЕ РАЗ О ПРОФСОЮЗАХ, О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ И ОБ ОШИБКАХ ТРОЦКОГО И ВУХАРИНА.....	49—86
Партийная опасность фракционных выступлений.....	50
Формальный демократизм и революционная целесообразность.....	52

Политическая опасность расколов в профдвижении	53
О принципиальных разногласиях	59
Политика и экономика. Диалектика и эклектицизм	62
Диалектика и эклектицизм. «Школа» и «аппарат»	69
Заключение	78
РЕЧЬ НА МОСКОВСКОЙ ШИРОКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МЕТАЛЛИСТОВ 4 ФЕВРАЛЯ 1921 г.	87—90
РЕЧЬ НА IV ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РАБОЧИХ ШВЕЙНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ 6 ФЕВРАЛЯ 1921 г.	91—98
ДИРЕКТИВЫ ЦК КОММУНИСТАМ — РАБОТНИКАМ НАРКОМПРОСА	99—100
О РАБОТЕ НАРКОМПРОСА	101—110
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ, ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОК ТЕЗИСОВ НАСЧЕТ КРЕСТЬЯН	111
ЗАПИСКА И. В. СТАЛИНУ И ДРУГИМ ЧЛЕНАМ ПОЛИБЮРО.	112—113
ОБ ЕДИНОМ ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПЛАНЕ.	114—122
ПРИВЕТСТВИЕ V ВСЕУКРАИНСКОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТОВ	123
РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПЛЕНУМА МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ 28 ФЕВРАЛЯ 1921 г.	124—136
ПИСЬМО Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ	137
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ РАБОТНИЦ	138—140
X СЪЕЗД РКП(б) 8—16 марта 1921 г.	141—247
1. РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ СЪЕЗДА 8 МАРТА	143
2. ОТЧЕТ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦК РКП(б) 8 МАРТА	146
3. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ОТЧЕТУ ЦК РКП(б) 9 МАРТА	169
4. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ОБ УЛУЧШЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧИХ И НУЖДАЮЩИХСЯ КРЕСТЬЯН	185

5. РЕЧЬ О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗАХ 14 МАРТА	187
6. ДОКЛАД О ЗАМЕНЕ РАЗВЕРСТКИ НАТУРАЛЬНЫМ НАЛОГОМ 15 МАРТА	191
7. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ О ЗАМЕНЕ РАЗВЕРСТКИ НАТУРАЛЬНЫМ НАЛОГОМ 15 МАРТА	206
8. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ X СЪЕЗДА РКП О ЕДИНСТВЕ ПАРТИИ.....	217
9. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ X СЪЕЗДА РКП О СИНДИКАЛИСТСКОМ И АНАРХИСТСКОМ УКЛОНЕ В НАШЕЙ ПАРТИИ	221
10. ДОКЛАД ОБ ЕДИНСТВЕ ПАРТИИ И АНАРХО-СИДИ- КАЛИСТСКОМ УКЛОНЕ 16 МАРТА.....	225
11. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ ОБ ЕДИНСТВЕ ПАРТИИ И АНАРХО-СИДИКАЛИСТСКОМ УКЛОНЕ 16 МАРТА.....	233
12. ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ПОПРАВКИ РЯЗАНОВА К РЕЗОЛЮЦИИ ОБ ЕДИНСТВЕ ПАРТИИ 16 МАРТА	237
13. РЕЧЬ ПО ТОПЛИВНОМУ ВОПРОСУ 16 МАРТА	238
14. ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО ТОПЛИВНОМУ ВОПРОСУ 16 МАРТА	239
15. РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ СЪЕЗДА 16 МАРТА.....	240
РЕЧЬ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ТРАНСПОРТНЫХ РА- БОЧИХ 27 МАРТА 1921 г.	248—260
ЗАВКОМУ И ВСЕМ РАБОЧИМ 1-го ГОСУДАРСТВЕННОГО АВТОМОБИЛЬНОГО ЗАВОДА	261
ДОКЛАД О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ НАЛОГЕ НА СОБРАНИИ СЕКРЕТАРЕЙ И ОТВЕТСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЯЧЕЕК РКП(б) г. МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 9 АПРЕЛЯ 1921 г.	262—276
ПРИВЕТСТВИЕ СОВЕЩАНИЮ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ ЖЕН- ОТДЕЛОВ НАРОДОВ ВОСТОКА СОВЕТСКИХ ОБЛАСТЕЙ И РЕСПУБЛИК	277
ДОКЛАД О КОНЦЕССИЯХ НА ЗАСЕДАНИИ КОММУНИСТИ- ЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ ВЦСПС 11 АПРЕЛЯ 1921 г.....	278—294

ТОВАРИЩАМ-КОММУНИСТАМ АЗЕРБАЙДЖАНА, ГРУЗИИ, АРМЕНИИ, ДАГЕСТАНА, ГОРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	295—297
ОБЩЕГОРОДСКОМУ СОВЕЩАНИЮ ПЕТРОГРАДСКИХ БЕС- ПАРТИЙНЫХ РАБОЧИХ	298
ПЛАН БРОШЮРЫ «О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ НАЛОГЕ».....	299—307
I.	299
II.	300
III.	305
IV.	306
О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ НАЛОГЕ (<i>Значение новой поли- тики и ее условия</i>)	308—343
Вместо введения	308
О современной экономике России (<i>Из брошюры 1918 года</i>)	308
О продналоге, о свободе торговли, о концессиях	319
Политические итоги и выводы	337
Заключение	342
РЕЧИ, ЗАПИСАННЫЕ НА ГРАММОФОННЫХ ПЛАСТИНКАХ	344—348
1. О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ НАЛОГЕ ИЛИ ПРОДНА- ЛОГЕ	344
2. О КОНЦЕССИЯХ И О РАЗВИТИИ КАПИТАЛИЗМА.....	346
3. О ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ И ПРОМЫСЛОВОЙ КООПЕ- РАЦИИ	348
ТОВ. КРЖИЖАНОВСКОМУ. В ПРЕЗИДИУМ ГОСПЛАНА.....	349—352
НАКАЗ ОТ СТО (СОВЕТА ТРУДА И ОБОРОНЫ) МЕСТНЫМ СОВЕТСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ. <i>Проект</i>	353—376
Первая группа вопросов	362
1. Товарообмен с крестьянством	362
2. Отношение государства к капиталистам.....	363
3. Поощрение самостоятельного почина в деле товарообмена и хозяйственного строительства вообще	363
4. Согласование хозяйственной работы равных ве- домств внутри местных административных еди- ниц: волостей, уездов, губерний	364

5. Улучшение положения рабочих и б. — крестьян	365
7. Расширение круга государственных работников по хозяйственному строительству	365
8. Приемы и результаты борьбы с бюрократизмом и волокитой	367
Вторая группа вопросов	368
9. Подъем сельского хозяйства: а) крестьянское хозяйство; б) совхозы; в) коммуны; г) артели; д) товарищества; е) другие виды общественного хозяйства	368
10. Подъем промышленности: а) крупной, находящейся в исключительном ведении центра; б) крупной, находящейся частично или всецело в ведении местных органов; в) мелкой, кустарной, домашней и т. п.	368
11. Топливо: а) дрова; б) уголь; в) нефть; г) сланец; д) другие виды топлива (палое топливо и т. д.)	369
12. Продовольствие	369
13. Строительная промышленность	369
14. Образцовые и бевнадежные предприятия и заведения	370
15. Улучшения в хозяйственной работе	370
16. Натурпремирование	370
17. Профсоюзы, их участие в производстве	371
18. Хищения	371
19. Мешочничество	372
20. Использование воинских частей для трудцелей	372
21. Трудповинность и трудмобилизации	373
Третья группа вопросов	373
22. Областные и местные эконсоветы	373
23. Госплан (Государственная общеплановая комиссия при СТО) и ее соотношение с местными экономическими органами	373
24. Электрификация	373
25. Товарообмен с заграницей	374
26. Железнодорожный, водный, местный транспорт	374
27. Обслуживание эконопической работы прессой	375
Четвертая группа вопросов	375

X ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РКП(б) 26—28 мая 1921 г.	377—413
1. РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ 26 МАЯ.....	379
2. ДОКЛАД О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ НАЛОГЕ 26 МАЯ....	380
3. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ НАЛОГЕ 27 МАЯ.....	395
4. ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ВОПРОСАМ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ.....	409
5. РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ 28 МАЯ.....	412
РЕЧЬ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОРГАНАХ НА МЕСТАХ НА ЗАСЕДАНИИ ВЦИК 30 МАЯ 1921 г.	414—416
РЕЧЬ НА III ВСЕРОССИЙСКОМ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ СОВЕЩАНИИ 16 ИЮНЯ 1921 г.	417—426
III КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА 22 июня — 12 июля 1921 г.	427—472
1. ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА О ТАКТИКЕ РКП НА III КОНГРЕССЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА (<i>Первоначальный проект</i>).....	429
1. Международное положение РСФСР.....	429
2. Соотношение классовых сил в международном масштабе.....	430
3. Соотношение классовых сил в России.....	431
4. Пролетариат и крестьянство в России.....	431
5. Военный союз пролетариата и крестьянства в РСФСР.....	432
6. Переход к правильным хозяйственным взаимоотношениям пролетариата и крестьянства.....	432
7. Значение и условия допустимости капитализма и концессий Советской властью.....	433
8. Успехи нашей продовольственной политики.....	434
9. Материальная основа социализма и план электрификации России.....	434
10. Роль «чистой демократии», 2 и 2 ¹ / ₂ Интернационала, эсеров и меньшевиков, как союзников капитала.....	435
2. РЕЧЬ ПО ИТАЛЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ 28 ИЮНЯ.....	438
3. РЕЧЬ В ЗАЩИТУ ТАКТИКИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА 1 ИЮЛЯ.....	444
4. ДОКЛАД О ТАКТИКЕ РКП 5 ИЮЛЯ.....	454

МЫСЛИ НАСЧЕТ «ПЛАНА» ГОСУДАРСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА	473—474
ПРИВЕТСТВИЕ СЪЕЗДУ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ЦЕНТРОСОЮЗА	475
ПРИВЕТСТВИЕ I МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СОЮЗОВ	476
ОБРАЩЕНИЕ К МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ	477
ОБРАЩЕНИЕ К КРЕСТЬЯНАМ УКРАИНЫ	478
ПИСЬМО Г. МЯСНИКОВУ	479—483
ТОВАРИЦУ ТОМАСУ БЕЛЛУ	484—486
ПИСЬМО К НЕМЕЦКИМ КОММУНИСТАМ	487—498
<i>Примечания</i>	499—516
<i>Даты жизни и деятельности В. И. Ленина</i>	517—530

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В. И. Ленин. — Май 1921	X—1
Первая страница письма В. И. Ленина Г. К. Орджоникидзе. — 2 марта 1921 г.	136—137
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Первоначальный проект резолюции X съезда РКП о единстве партии». — Март 1921 г.	215
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Наказ от ЦО (Совета Труда и Оборона) местным советским учреждениям. Проект». — Май 1921 г.	355

Тираж 515 тыс. экз. (1—250 тыс.).
Подписано к печати 10/X 1950 г.
Объем 34¹/₂ п. л. 27,15 уч.-изд. л.
Цена 6 р. 50 коп.

★

2-я типография «Печатный Двор»
им. А. М. Горького Главполиграфиз-
дата при Совете Министров СССР,
Ленинград, Гатчинская, 26.